Проверено 1950

зала III 37.
шкафъ 8.
полка 3.
№ 1/13.

37. 8. 3. 1.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

Ѳ. М. ДОСТОЕВСКАГО.

ИЗДАНІЕ ШЕСТОЕ.

ТОМЪ ТРИНАДЦАТЫЙ.

БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ.

РОМАНЪ

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЧАСТЯХЪ СЪ ЭПИЛОГОМЪ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Л. Ѳ. Пантелѣева, Верейская, 16.
1904.

ТОМЪ ТРИНАДЦАТЫЙ.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

Ѳ. М. ДОСТОЕВСКАГО.

ИЗДАНІЕ ШЕСТОЕ.

ТОМЪ ТРИНАДЦАТЫЙ.

БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ.

РОМАНЪ

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЧАСТЯХЪ СЪ ЭПИЛОГОМЪ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія П. Ѳ. Пантелѣева. Верейская, 16.
1904.

БРАТЬЯ
КАРАМАЗОВЫ

РОМАНЪ

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЧАСТЯХЪ СЪ ЭПИЛОГОМЪ

Въ первый разъ напечатанъ въ журналѣ «Русскій Вѣстникъ» 1879 и 1880 г.г.

Посвящается

Аннѣ Григорьевнѣ

Достоевской.

Истинно, истинно говорю вамъ: если пшеничное зерно, падши въ землю, не умретъ, то останется одно; а если умретъ, то принесетъ много плода.

(*Евангеліе отъ Іоанна. Глава XII, 24*).

Отъ Автора.

Начиная жизнеописаніе героя моего, Алексѣя Ѳедоровича Карамазова, нахожусь въ нѣкоторомъ недоумѣніи. А именно: хотя я и называю Алексѣя Ѳедоровича моимъ героемъ, но однако самъ знаю, что человѣкъ онъ отнюдь не великій, а посему и предвижу неизбѣжные вопросы въ родѣ таковыхъ: чѣмъ-же замѣчателенъ нашъ Алексѣй Ѳедоровичъ, что вы выбрали его своимъ героемъ? Что сдѣлалъ онъ такого? Кому и чѣмъ извѣстенъ? Почему я, читатель, долженъ тратить время на изученіе фактовъ его жизни?

Послѣдній вопросъ самый роковой, ибо на него могу лишь отвѣтить: Можетъ быть, увидите сами изъ романа . Ну, а коль прочтутъ романъ и не увидятъ, не согласятся съ примѣчательностью моего Алексѣя Ѳедоровича? Говорю такъ, потому что съ прискорбіемъ это предвижу. Для меня онъ примѣчателенъ, но рѣшительно сомнѣваюсь, успѣю-ли это доказать читателю. Дѣло въ томъ, что это, пожалуй, и дѣятель, но дѣятель неопредѣленный, невыяснившійся. Впрочемъ, странно-бы требовать въ такое время какъ наше отъ людей ясности. Одно, пожалуй, довольно несомнѣнно: это человѣкъ странный, даже чудакъ. Но странность и чудачество скорѣе вредятъ, чѣмъ даютъ право на вниманіе, особенно когда всѣ стремятся къ тому, чтобъ объединить частности и найдти хоть какой-нибудь общій толкъ во всеобщей безтолочи. Чудакъ-же въ большинствѣ случаевъ частность и обособленіе. Не такъ-ли?

Вотъ если вы не согласитесь съ этимъ послѣднимъ тезисомъ и отвѣтите: Не такъ или не всегда такъ , то я, пожалуй, и ободрюсь духомъ на счетъ значенія героя моего Алексѣя Ѳедоровича. Ибо не только чудакъ -не всегда- частность и обособленіе, а, напротивъ, бываетъ такъ, что онъ-то, пожалуй, и носитъ въ себѣ иной разъ сердцевину цѣлаго, а остальные люди его эпохи—всѣ,

какимъ нибудь напыщеннымъ вѣтромъ, на время почему-то отъ него оторвались...

Я-бы, впрочемъ, не пускался въ эти весьма нелюбопытныя и смутныя объясненія и началъ-бы просто за просто безъ предисловія: понравится — такъ и такъ прочтутъ; но бѣда въ томъ, что жизнеописаніе-то у меня одно, а романовъ два. Главный романъ второй, это дѣятельность моего героя уже въ наше время, именно въ нашъ теперешній текущій моментъ. Первый-же романъ произошелъ еще тринадцать лѣтъ назадъ, и есть почти даже и не романъ, а лишь одинъ моментъ изъ первой юности моего героя. Обойтись мнѣ безъ этого перваго романа невозможно, потому что многое во второмъ романѣ стало-бы непонятнымъ. Но такимъ образомъ еще усложняется первоначальное мое затрудненіе: если уже я, то есть самъ біографъ, нахожу, что и одного-то романа, можетъ быть, было-бы для такого скромнаго и неопредѣленнаго героя излишне, то каково-же являться съ двумя и чѣмъ объяснить такую съ моей стороны заносчивость?

Теряясь въ разрѣшеніи сихъ вопросовъ, рѣшаюсь ихъ обойдти безо всякаго разрѣшенія. Разумѣется, прозорливый читатель уже давно угадалъ, что я съ самаго начала къ тому клонилъ, и только досадовалъ на меня—зачѣмъ я даромъ трачу безплодныя слова и драгоцѣнное время. На это отвѣчу уже въ точности: тратилъ я безплодныя слова и драгоцѣнное время, во первыхъ, изъ вѣжливости, а во вторыхъ, изъ хитрости: «все-таки, дескать, заранѣ въ чемъ-то предупредилъ». Впрочемъ, я даже радъ тому, что романъ мой разбился самъ собою на два разсказа «при существенномъ единствѣ цѣлаго»: познакомившись съ первымъ разсказомъ, читатель уже самъ опредѣлитъ: стоитъ-ли ему приниматься за второй? Конечно, никто ничѣмъ не связанъ, можно бросить книгу и съ двухъ страницъ перваго разсказа, съ тѣмъ чтобъ и не раскрывать болѣе. Но вѣдь есть такіе деликатные читатели, которые непремѣнно захотятъ дочитать до конца, чтобы не ошибиться въ безпристрастномъ сужденіи, таковы, напримѣръ, всѣ русскіе критики. Такъ вотъ передъ такими-то все-таки сердцу легче: не смотря на всю ихъ аккуратность и добросовѣстность, все-таки даю имъ самый законный предлогъ бросить разсказъ на первомъ эпизодѣ романа. Ну, вотъ и все предисловіе. Я совершенно согласенъ, что оно лишнее, но такъ какъ оно уже написано, то пусть и останется.

А теперь къ дѣлу.

Часть первая.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Исторія одной семейки.

I.

Ѳедоръ Павловичъ Карамазовъ.

Алексѣй Ѳедоровичъ Карамазовъ былъ третьимъ сыномъ помѣщика нашего уѣзда Ѳедора Павловича Карамазова, столь извѣстнаго въ свое время (да и теперь еще у насъ припоминаемаго) по трагической и темной кончинѣ своей, приключившейся ровно тринадцать лѣтъ назадъ и о которой сообщу въ своемъ мѣстѣ. Теперь-же скажу объ этомъ помѣщикѣ (какъ его у насъ называли, хотя онъ всю жизнь совсѣмъ почти не жилъ въ своемъ помѣстьи) лишь то, что это былъ странный типъ, довольно часто однако встрѣчающійся, именно типъ человѣка не только дряннаго и развратнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ и безтолковаго, — но изъ такихъ однако безтолковыхъ, которые умѣютъ отлично обдѣлывать свои имущественныя дѣлишки, и только, кажется, одни эти. Ѳедоръ Павловичъ, напримѣръ, началъ почти что ни съ чѣмъ, помѣщикъ онъ былъ самый маленькій, обѣдать обѣдалъ по чужимъ столамъ, наровилъ въ приживальщики, а между тѣмъ въ моментъ кончины его у него оказалось до ста тысячъ рублей чистыми деньгами. И въ тоже время онъ всетаки всю жизнь свою продолжалъ быть однимъ изъ безтолковѣйшихъ сумасбродовъ по всему нашему уѣзду. Повторю еще: тутъ не глупость: большинство этихъ сумасбродовъ

довольно умно и хитро,—а именно безтолковость, да еще какая-то особенная, національная.

Онъ былъ женатъ два раза и у него было три сына,—старшій, Дмитрій Ѳедоровичъ, отъ первой супруги, а остальные два, Иванъ и Алексѣй, отъ второй. Первая супруга Ѳедора Павловича была изъ довольно богатаго и знатнаго рода дворянъ Міусовыхъ, тоже помѣщиковъ нашего уѣзда. Какъ именно случилось, что дѣвушка съ приданымъ, да еще красивая, и сверхъ того изъ бойкихъ умницъ, столь не рѣдкихъ у насъ въ теперешнее поколѣніе, но появлявшихся уже и въ прошломъ, могла выйдти замужъ за такого ничтожнаго «мозгляка», какъ всѣ его тогда называли, объяснять слишкомъ не стану. Вѣдь знать-же я одну дѣвицу, еще въ запрошломъ романтическомъ поколѣніи, которая носъ нѣсколькихъ лѣтъ загадочной любви къ одному господину, за котораго, впрочемъ, всегда могла выйдти замужъ самымъ спокойнымъ образомъ, кончила однако тѣмъ, что сама навыдумала себѣ непреодолимыя препятствія и въ бурную ночь бросилась съ высокаго берега, похожаго на утесъ, въ довольно глубокую и быструю рѣку и погибла въ ней рѣшительно отъ собственныхъ капризовъ, единственно изъ-за того, чтобы походить на Шекспировскую Офелію, и даже такъ, что будь этотъ утесъ, столь давно ею намѣченный и излюбленный, не столь живописенъ, а будь на его мѣстѣ лишь прозаическій плоскій берегъ, то самоубійства, можетъ быть, не произошло-бы вовсе. Фактъ этотъ истинный, и надо думать, что въ нашей русской жизни, въ два или три послѣднія поколѣнія, такихъ или однородныхъ съ нимъ фактовъ происходило не мало. Подобно тому и поступокъ Аделаиды Ивановны Міусовой былъ безъ сомнѣнія отголоскомъ чужихъ вѣяній и тоже плѣнной мысли раздраженіемъ. Ей, можетъ быть, захотѣлось заявить женскую самостоятельность, пойдти противъ общественныхъ условій, противъ деспотизма своего родства и семейства, а услужливая фантазія убѣдила ее, положимъ, на одинъ только мигъ, что Ѳедоръ Павловичъ, не смотря на свой чинъ приживальщика, все-таки одинъ изъ смѣлѣйшихъ и насмѣшливѣйшихъ людей той, переходной ко всему лучшему, эпохи, тогда какъ онъ былъ только злой шутъ и больше ничего. Пикантное состояло еще и въ томъ, что дѣло обошлось увозомъ, а это очень прельстило Аделаиду Ивановну. Ѳедоръ-же Павловичъ на всѣ подобные пассажи былъ даже и по соціальному своему положенію весьма тогда подготовленъ, ибо страстно желалъ устроить свою карьеру, хотя чѣмъ-бы то ни было; примазаться-же къ хорошей родни и взять приданое было очень заманчиво. Что-же до обоюдной любви, то ея вовсе, кажется, не было—ни со стороны невѣсты, ни съ его стороны, не смотря

даже на красивость Аделаиды Ивановны. Такъ что случай этотъ былъ, можетъ быть, единственнымъ въ своемъ родѣ въ жизни Ѳедора Павловича, сладострастнѣйшаго человѣка во всю свою жизнь, въ одинъ мигъ готоваго прильнуть къ какой угодно юбкѣ, только-бы та его поманила. А между тѣмъ одна только эта женщина не произвела въ немъ со страстной стороны никакого особеннаго впечатлѣнія.

Аделаида Ивановна, тотчасъ-же послѣ увоза, мигомъ разглядѣла, что мужа своего она только презираетъ и больше ничего. Такимъ образомъ слѣдствія брака обозначились съ чрезвычайною быстротой. Не смотря на то, что семейство даже довольно скоро примирилось съ событіемъ и выдѣлило бѣглянкѣ приданое, между супругами началась самая безпорядочная жизнь и вѣчныя сцены. Разсказывали, что молодая супруга выказала притомъ несравненно болѣе благородства и возвышенности нежели Ѳедоръ Павловичъ, который, какъ извѣстно теперь, подтибрилъ у нея тогда-же, разомъ, всѣ ея денежки, до двадцати пяти тысячъ, только что она ихъ получила, такъ что тысячки эти съ тѣхъ поръ рѣшительно какъ-бы канули для нея въ воду. Деревеньку-же и довольно хорошій городской домъ, которые тоже попали ей въ приданое, онъ долгое время и изо всѣхъ силъ старался перевести на свое имя чрезъ совершеніе какого нибудь подходящаго акта, и навѣрно-бы добился того изъ одного, такъ сказать, презрѣнія и отвращенія къ себѣ, которое онъ возбуждалъ въ своей супругѣ ежеминутно своими безстыдными вымогательствами и вымаливаніями, изъ одной ея душевной усталости, только чтобъ отвязался. Но къ счастію вступилось семейство Аделаиды Ивановны и ограничило хапугу. Положительно извѣстно, что между супругами происходили нерѣдкія драки, но, по преданію, билъ не Ѳедоръ Павловичъ, а била Аделаида Ивановна, дама горячая, смѣлая, смуглая, нетерпѣливая, одаренная замѣчательною физическою силой. Наконецъ, она бросила домъ и сбѣжала отъ Ѳедора Павловича съ однимъ погибавшимъ отъ нищеты семинаристомъ-учителемъ, оставивъ Ѳедору Павловичу на рукахъ трехлѣтняго Митю. Ѳедоръ Павловичъ мигомъ завелъ въ домѣ цѣлый гаремъ и самое забубенное пьянство, а въ антрактахъ ѣздилъ чуть не по всей губерніи и слезно жаловался всѣмъ и каждому на покинувшую его Аделаиду Ивановну, причемъ сообщалъ такія подробности, которыя слишкомъ-бы стыдно было сообщать супругу о своей брачной жизни. Главное, ему какъ будто пріятно было и даже льстило разыгрывать предъ всѣми свою смѣшную роль обиженнаго супруга и съ прикрасами даже расписывать подробности о своей обидѣ. Подумаешь, что вы, Ѳедоръ Павловичъ, чинъ получили, такъ вы довольны, не смотря на всю

ваню горесть» говорили ему насмѣшники. Многіе даже прибавляли, что онъ радъ явиться въ подновленномъ видѣ шута и что нарочно, для усиленія смѣха, дѣлаетъ видъ, что не замѣчаетъ своего комическаго положенія. Кто знаетъ, впрочемъ, можетъ быть, было это въ немъ и наивно. Наконецъ, ему удалось открыть слѣды своей бѣглянки. Бѣдняжка оказалась въ Петербургѣ, куда перебралась съ своимъ семинаристомъ и гдѣ беззавѣтно пустилась въ самую полную эмансипацію. Ѳедоръ Павловичъ немедленно захлопоталъ и сталъ собираться въ Петербургъ,—для чего?—онъ, конечно, и самъ не зналъ. Право, можетъ быть, онъ-бы тогда и поѣхалъ; но, предпринявъ такое рѣшеніе, тотчасъ-же почелъ себя въ особенномъ правѣ, для бодрости, предъ дорогой, пуститься вновь въ самое безбрежное пьянство. И вотъ въ это-то время, семействомъ его супруги получилось извѣстіе о смерти ея въ Петербургѣ. Она какъ-то вдругъ умерла, гдѣ-то на чердакѣ, по одними сказаніямъ—отъ тифа, а по другимъ—будто-бы съ голоду. Ѳедоръ Павловичъ узналъ о смерти своей супруги пьяный, говорятъ, побѣжалъ по улицѣ и началъ кричать, въ радости воздѣвая руки къ небу: пьянъ отпущенно, а по другимъ—плакалъ навзрыдъ какъ маленькій ребенокъ и до того, что, говорятъ, жалко даже было смотрѣть на него, не смотря на все къ нему отвращеніе. Очень можетъ быть, что было и то, и другое, то есть: что и радовался онъ своему освобожденію, и плакалъ по освободительницѣ все вмѣстѣ. Въ большинствѣ случаевъ людей, даже злодѣевъ, гораздо наивнѣе и простодушнѣе, чѣмъ мы вообще о нихъ заключаемъ. Да и мы сами тоже.

II.

Перваго сына спровадилъ.

Конечно, можно представить себѣ, какимъ воспитателемъ и отцомъ могъ быть такой человѣкъ. Съ нимъ, какъ съ отцомъ, именно случилось то, что должно было случиться, то есть онъ вовсе и совершенно бросилъ своего ребенка, прижитаго съ Аделаидой Ивановной, не по злобѣ къ нему, или не изъ какихъ нибудь оскорбленно-супружескихъ чувствъ, а просто потому, что забылъ о немъ совершенно. Пока онъ докучалъ всѣмъ своими слезами и жалобами, а домъ свой обратилъ въ развратный вертепъ, трехлѣтняго мальчика Митю взялъ на свое попеченіе вѣрный слуга этого дома, Григорій, и не позаботься онъ тогда о немъ, то, можетъ быть, на ребенкѣ не кому было-бы перемѣнить рубашонку. Къ тому-же такъ случилось, что родня ребенка по матери тоже какъ-бы забыла о

немъ въ первое время. Дѣда его, то есть самого господина Міусова, отца Аделаиды Ивановны, тогда уже не было въ живыхъ; овдовѣвшая супруга его, бабушка Мити, переѣхавшая въ Москву, слишкомъ расхворалась, сестры-же повышли замужъ, такъ что почти цѣлый годъ пришлось Митѣ пробыть у слуги Григорія и проживать у него въ дворовой избѣ. Впрочемъ, если-бы папаша о немъ и вспомнилъ (не могъ-же онъ, въ самомъ дѣлѣ, не знать о его существованіи), то и самъ сослалъ-бы его опять въ избу, такъ какъ ребенокъ все-же мѣшалъ-бы ему въ его дебоширствѣ. Но случилось такъ, что изъ Парижа вернулся двоюродный братъ покойной Аделаиды Ивановны, Петръ Александровичъ Міусовъ, многіе годы сряду выжившій потомъ за границей, тогда-же еще очень молодой человѣкъ, но человѣкъ особенный между Міусовыми, просвѣщенный, столичный, заграничный, и притомъ всю жизнь свою европеецъ, а подъ конецъ жизни либералъ сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ. Въ продолженіе своей карьеры онъ перебывалъ въ связяхъ со многими либеральнѣйшими людьми своей эпохи, и въ Россіи, и за границей, зналъ лично и Прудона, и Бакунина и особенно любилъ вспоминать и разсказывать, уже подъ концомъ своихъ странствій, о трехъ дняхъ февральской парижской революціи сорокъ восьмаго года, намекая, что чуть-ли и самъ онъ не былъ въ ней участникомъ на баррикадахъ. Это было одно изъ самыхъ отрадныхъ воспоминаній его молодости. Имѣлъ онъ состояніе независимое, по прежней пропорціи около тысячи душъ. Превосходное имѣніе его находилось сейчасъ-же на выѣздѣ изъ нашего городка и граничило съ землей нашего знаменитаго монастыря, съ которымъ Петръ Александровичъ, еще въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ, какъ только получилъ наслѣдство, многомъ началъ нескончаемый процессъ за право какихъ-то ловель въ рѣкѣ, или порубокъ въ лѣсу, подлинно не знаю, но начать процессъ съ клерикалами почелъ даже своею гражданскою и просвѣщенною обязанностью. Услышавъ все про Аделаиду Ивановну, которую, разумѣется, помнилъ и когда-то даже замѣтилъ, и узнавъ, что остался Митя, онъ, не смотря на все молодое негодованіе свое и презрѣніе къ Ѳедору Павловичу, въ это дѣло ввязался. Тутъ-то онъ съ Ѳедоромъ Павловичемъ въ первый разъ и познакомился. Онъ прямо ему объявилъ, что желалъ-бы взять воспитаніе ребенка на себя. Онъ долго потомъ разсказывалъ, въ видѣ характерной черты, что когда онъ заговорилъ съ Ѳедоромъ Павловичемъ о Митѣ, то тотъ нѣкоторое время имѣлъ видъ совершенно непонимающаго о какомъ такомъ ребенкѣ идетъ дѣло, и даже какъ-бы удивился, что у него есть, гдѣ-то въ домѣ, маленькій сынъ. Если въ разсказѣ Петра Александровича могло быть преуве-

личеніе, то все-же должно было быть и нѣчто похожее на правду. Но дѣйствительно Ѳедоръ Павловичъ всю жизнь свою любилъ представляться, вдругъ проиграть предъ вами какую нибудь неожиданную роль и, главное, безо всякой иногда надобности, даже въ прямой ущербъ себѣ, какъ въ настоящемъ, напримѣръ, случаѣ. Черта эта, впрочемъ, свойственна чрезвычайно многимъ людямъ и даже весьма умнымъ, не то что Ѳедору Павловичу. Петръ Александровичъ повелъ дѣло горячо и даже назначенъ былъ (кунно съ Ѳедоромъ Павловичемъ) въ опекуны ребенку, потому что все-же послѣ матери оставалось имѣньице, домъ и помѣстье. Митя дѣйствительно переѣхалъ къ этому двоюродному дядѣ, но собственнаго семейства у того не было, а такъ какъ самъ онъ, едва лишь уладивъ и обезпечивъ свои денежныя полученія съ своихъ имѣній, немедленно поспѣшилъ опять надолго въ Парижъ, то ребенка и поручилъ одной изъ своихъ двоюродныхъ тетокъ, одной московской барынѣ. Случилось такъ, что, обжившись въ Парижѣ, и онъ забылъ о ребенкѣ, особенно когда настала та самая февральская революція, столь поразившая его воображеніе и о которой онъ уже не могъ забыть всю свою жизнь. Московская-же барыня умерла и Митя перешелъ къ одной изъ замужнихъ ея дочерей. Кажется, онъ и еще потомъ перемѣнилъ въ четвертый разъ гнѣздо. Объ этомъ я теперь распространяться не стану, тѣмъ болѣе, что много еще придется разсказывать объ этомъ первенцѣ Ѳедора Павловича, а теперь лишь ограничиваюсь самыми необходимыми о немъ свѣдѣніями, безъ которыхъ мнѣ и романа начать невозможно.

Во первыхъ, этотъ Дмитрій Ѳедоровичъ былъ одинъ только изъ трехъ сыновей Ѳедора Павловича, который росъ въ убѣжденіи, что онъ все-же имѣетъ нѣкоторое состояніе и когда достигнетъ совершенныхъ лѣтъ, то будетъ независимъ. Юность и молодость его протекли безпорядочно: въ гимназіи онъ не доучился, попалъ потомъ въ одну военную школу, потомъ очутился на Кавказѣ, выслужился, дрался на дуэли, былъ разжалованъ, опять выслужился, много кутилъ и, сравнительно, прожилъ довольно денегъ. Сталъ-же получать ихъ отъ Ѳедора Павловича не раньше совершеннолѣтія, а до тѣхъ поръ надѣлалъ долговъ. Ѳедора Павловича, отца своего, узналъ и увидалъ въ первый разъ уже послѣ совершеннолѣтія, когда нарочно прибылъ въ наши мѣста объясниться съ нимъ на счетъ своего имущества. Кажется, родитель ему и тогда не понравился; пробылъ онъ у него не долго и уѣхалъ поскорѣй, успѣвъ лишь получить отъ него нѣкоторую сумму, и войдя съ нимъ въ нѣкоторую сдѣлку на счетъ дальнѣйшаго полученія доходовъ съ имѣнія, котораго (фактъ достопримѣчательный) ни доходности, ни стоимости онъ въ тотъ разъ

отъ Ѳедора Павловича такъ и не добился. Ѳедоръ Павловичъ замѣтилъ тогда, съ перваго разу (и это надо запомнить), что Митя имѣетъ о своемъ состояніи понятіе преувеличенное и невѣрное. Ѳедоръ Павловичъ былъ очень этимъ доволенъ, имѣя въ виду свои особые разсчеты. Онъ вывелъ линію, что молодой человѣкъ легкомысленъ, буенъ, со страстями, нетерпѣливъ, кутила и которому только чтобы что нибудь временно перехватить, и онъ, хоть на малое время, разумѣется, но тотчасъ успокоится. Вотъ это и началъ эксплоатировать Ѳедоръ Павловичъ, то есть отдѣлываться малыми подачками, временными высылками и въ концѣ концовъ такъ случилось, что когда, уже года четыре спустя, Митя, потерявъ терпѣніе, явился въ нашъ городокъ въ другой разъ чтобы совсѣмъ ужь покончить дѣла съ родителемъ, то вдругъ оказалось, къ его величайшему изумленію, что у него уже ровно нѣтъ ничего, что и сосчитать даже трудно, что онъ перебралъ уже деньгами всю стоимость своего имущества у Ѳедора Павловича, можетъ быть, еще даже самъ долженъ ему; что по такимъ-то и такимъ-то сдѣлкамъ, въ которыя самъ тогда-то и тогда пожелалъ вступить, онъ и права не имѣетъ требовать ничего болѣе и проч.. и проч. Молодой человѣкъ былъ пораженъ, заподозрилъ неправду, обманъ, почти вышелъ изъ себя и какъ-бы потерялъ умъ. Вотъ это-то обстоятельство и привело къ катастрофѣ, изложеніе которой и составитъ предметъ моего перваго вступительнаго романа или, лучше сказать, его внѣшнюю сторону. Но пока перейду къ этому роману, нужно еще разсказать и объ остальныхъ двухъ сыновьяхъ Ѳедора Павловича, братьяхъ Мити, и объяснить откуда тѣ-то взялись.

III.

Второй бракъ и вторыя дѣти.

Ѳедоръ Павловичъ, спровадивъ съ рукъ четырехлѣтняго Митю, очень скоро послѣ того женился во второй разъ. Второй бракъ этотъ продолжался лѣтъ восемь. Взялъ онъ эту вторую супругу свою, тоже очень молоденькую особу, Софью Ивановну, изъ другой губерніи, въ которую заѣхалъ по одному мелкопорядному дѣлу, съ какимъ-то жидкомъ въ компаніи. Ѳедоръ Павловичъ хотя и кутилъ, и пилъ, и дебоширилъ, но никогда не переставалъ заниматься помѣщеніемъ своего капитала, и устраивалъ дѣлишки свои всегда удачно, хотя, конечно, почти всегда подловато. Софья Ивановна была изъ «сиротокъ», безродная съ дѣтства, дочь какого-то темнаго дьякона, взросшая въ богатомъ домѣ своей благодѣтельницы,

воспитательницы и мучительницы, знатной генеральши старухи, вдовы генерала Ворохова. Подробностей не знаю, но слышалъ лишь то, что будто воспитанницу, кроткую, незлобивую и безотвѣтную, разъ сняли съ петли, которую она привѣсила на гвоздь въ чуланѣ,— до того тяжело было ей переносить своенравіе и вѣчные попреки этой, повидимому, не злой старухи, но бывшей лишь нестерпимѣйшею самодуркой отъ праздности. Ѳедоръ Павловичъ предложилъ свою руку, о немъ справились и его прогнали, и вотъ тутъ-то онъ опять, какъ и въ первомъ бракѣ, предложилъ сиротѣ увозъ. Очень, очень, можетъ быть, что и она даже не пошла бы за него ни за что, если-бъ узнала о немъ своевременно побольше подробностей. Но дѣло было въ другой губерніи: да и что могла понимать шестнадцатилѣтняя дѣвочка кромѣ того, что лучше въ рѣку чѣмъ оставаться у благодѣтельницы. Такъ и промѣняла бѣдняжка благодѣтельницу на благодѣтеля. Ѳедоръ Павловичъ не взялъ въ этотъ разъ ни гроша, потому что генеральша разсердилась, ничего не дала и сверхъ того проклята ихъ обоихъ; но онъ и не разсчитывалъ на этотъ разъ взять, а прельстился лишь замѣчательною красотой невинной дѣвочки и, главное, ея невиннымъ видомъ, поразившимъ его, сладострастника и доселѣ порочнаго любителя лишь грубой женской красоты. «Меня эти невинные глазки какъ бритвой тогда по душѣ полоснули», говаривалъ онъ потомъ, гадко по своему хихикая. Впрочемъ, у развратнаго человѣка и это могло быть лишь сладострастнымъ влеченіемъ. Не взявъ-же никакого вознагражденія, Ѳедоръ Павловичъ съ супругой не церемонился, и пользуясь тѣмъ, что она, такъ сказать, предъ нимъ «виновата», и что онъ ее почти «съ петли снялъ», пользуясь кромѣ того ея феноменальнымъ смиреніемъ и безотвѣтностью, даже попралъ ногами самыя обыкновенныя брачныя приличія. Въ домъ, тутъ-же при женѣ, съѣзжались дурныя женщины и устраивались оргіи. Какъ характерную черту сообщу, что слуга Григорій, мрачный, глупый и упрямый резонеръ, ненавидѣвшій прежнюю барыню Аделаиду Ивановну, на этотъ разъ взялъ сторону новой барыни, защищалъ и бранился за нее съ Ѳедоромъ Павловичемъ почти непозволительнымъ для слуги образомъ, а однажды такъ даже разогналъ оргію и всѣхъ нахлынувшихъ безобразницъ силой. Впослѣдствіи съ несчастною, съ самаго дѣтства запуганною молодою женщиной произошло въ родѣ какой-то нервной женской болѣзни, встрѣчаемой чаще всего въ простонародьи у деревенскихъ бабъ, именуемыхъ за эту болѣзнь кликушами. Отъ этой болѣзни, со страшными истерическими припадками, больная временами даже теряла разсудокъ. Родила она однако-же Ѳедору Павловичу двухъ сыновей, Ивана и Алексѣя, перваго въ первый годъ брака, а второго три

года спустя. Когда она померла, мальчикъ Алексѣй былъ по четвертому году, и хоть и странно это, но я знаю, что онъ мать запомнилъ потомъ на всю жизнь, какъ сквозь сонъ, разумѣется. По смерти ея съ обоими мальчиками случилось почти точь въ точь тоже самое что и съ первымъ. Митей они были совершенно забыты и заброшены отцомъ и попали все къ тому-же Григорію и также къ нему въ избу. Въ избѣ ихъ и нашла старуха самодурка генеральша, благодѣтельница и воспитательница ихъ матери. Она еще была въ живыхъ, и все время, всѣ восемь лѣтъ, не могла забыть обиды ей нанесенной. О житьѣ-бытьѣ ея Софьи всѣ восемь лѣтъ она имѣла изъ-подъ руки самыя точныя свѣдѣнія, и слыша какъ она больна и какія безобразія ее окружаютъ, раза два или три произнесла вслухъ своимъ приживалкамъ: Такъ ей и надо, это ей Богъ за неблагодарность послалъ».

Ровно три мѣсяца по смерти Софьи Ивановны, генеральша вдругъ явилась въ нашъ городъ лично и прямо на квартиру Ѳедора Павловича, и всего-то пробыла въ городкѣ съ полчаса, но много сдѣлала. Былъ тогда часъ вечерній. Ѳедоръ Павловичъ, котораго она всѣ восемь лѣтъ не видала, вышелъ къ ней пьяненькій. Повѣствуютъ, что она мигомъ, безо всякихъ объясненій, только что увидала его, задала ему двѣ зватныя и звонкія пощечины и три раза рванула его за вихоръ сверху внизъ, затѣмъ, не прибавивъ ни слова, направилась прямо въ избу къ двумъ мальчикамъ. Съ перваго взгляда замѣтивъ, что они не вымыты и въ грязномъ бѣльѣ, она тотчасъ-же дала еще пощечину самому Григорію, и объявила ему, что увозитъ обоихъ дѣтей къ себѣ, затѣмъ вывела ихъ въ чемъ были, завернула въ пледъ, посадила въ карету и увезла въ свой городъ. Григорій снесъ эту пощечину, какъ преданный рабъ, не струсилъ ни слова, и когда провожалъ старую барыню до кареты, то, поклонившись ей въ поясъ, внушительно произнесъ, что ей за сиротъ Богъ заплатитъ. «А все-таки ты балбесъ!» крикнула ему генеральша, отъѣзжая. Ѳедоръ Павловичъ, сообразивъ все дѣло, нашелъ, что оно дѣло хорошее и въ формальномъ согласіи своемъ на счетъ воспитанія дѣтей у генеральши не отказалъ потомъ ни въ одномъ пунктѣ. О полученныхъ-же пощечинахъ самъ бездилъ разсказывать по всему городу.

Случилось такъ, что и генеральша скоро послѣ того умерла, но выговоривъ однако въ завѣщаніи обоимъ малюткамъ по тысячѣ рублей каждому, «на ихъ обученіе, и чтобы всѣ эти деньги были на нихъ истрачены непремѣнно, но съ тѣмъ, чтобы хватило вплоть до совершеннолѣтія, потому что слишкомъ довольно и такой подачки для этакихъ дѣтей, а если кому угодно, то пусть самъ расконели-

вается и проч., и проч.». Я завѣщанія самъ не читалъ, но слышалъ, что именно было что-то странное въ этомъ родѣ и слишкомъ своеобразно выраженное. Главнымъ наслѣдникомъ старухи оказался, однако же, честный человѣкъ, губернскій предводитель дворянства той губерніи, Ефимъ Петровичъ Поленовъ. Списавшись съ Ѳедоромъ Павловичемъ и мигомъ угадавъ, что отъ него денегъ на воспитаніе его-же дѣтей не выпанцинь (хотя тотъ прямо никогда не отказывалъ, а только всегда въ этакихъ случаяхъ тянулъ, иногда даже извиваясь въ чувствительностяхъ), онъ принялъ въ сиротахъ участіе лично и особенно полюбилъ младшаго изъ нихъ, Алешу, такъ что тотъ долгое время даже и росъ въ его семействѣ. Это я прошу читателя замѣтить съ самаго начала. И если кому обязаны были молодые люди своимъ воспитаніемъ и образованіемъ на всю свою жизнь, то именно этому Ефиму Петровичу, благороднѣйшему и гуманнѣйшему человѣку, изъ такихъ, какіе рѣдко встрѣчаются. Онъ сохранилъ малюткамъ по ихъ тысячѣ оставленной генеральшей неприкосновенно, такъ что онѣ къ совершеннолѣтію ихъ возросли процентами, каждая до двухъ. Воспитать-же ихъ на свои деньги, и ужь, конечно, гораздо болѣе, чѣмъ по тысячѣ издержать на каждаго. Въ подробный разсказъ ихъ дѣтства и юности я опять пока не вступаю, а обозначу лишь самыя главныя обстоятельства. Впрочемъ, о старшемъ, Иванѣ, сообщу лишь то, что онъ росъ какимъ-то угрюмымъ и закрывшимся самъ въ себѣ отрокомъ, далеко не робкимъ, но какъ-бы еще съ десяти лѣтъ проникнувшимъ въ то, что растутъ они всѣ какъ въ чужой семьѣ и на чужихъ милостяхъ, и что отецъ у нихъ какой-то такой, о которомъ даже и говорить стыдно, и проч., и проч. Этотъ мальчикъ очень скоро, чуть не въ младенчествѣ (какъ передавали, по крайней мѣрѣ), сталъ обнаруживать какія-то необыкновенныя и блестящія способности къ ученію. Въ точности не знаю, но какъ-то такъ случилось, что съ семьей Ефима Петровича онъ разсталася чуть ли не тринадцати лѣтъ, перейдя въ одну изъ московскихъ гимназій и на пансіонъ къ какому-то опытному и знаменитому тогда педагогу, другу съ дѣтства Ефима Петровича. Самъ Иванъ разсказывалъ потомъ, что все произошло, такъ сказать, отъ тишины къ добрымъ дѣламъ Ефима Петровича, увлекшагося идеей, что геніальныхъ способностей мальчикъ долженъ и воспитываться у геніальнаго воспитателя. Впрочемъ, ни Ефима Петровича, ни геніальнаго воспитателя уже не было въ живыхъ, когда молодой человѣкъ, кончивъ гимназію, поступилъ въ университетъ. Такъ какъ Ефимъ Петровичъ плохо распорядился и полученіе завѣщанныхъ самодуркой генеральшей собственныхъ дѣтскихъ денегъ, возросшихъ съ тысячи уже на двѣ

процентами. замедлилось по разным совершенно неизбѣжным у насъ формальностямъ и проволочкамъ. то молодому человѣку въ первые его два года въ университетъ пришлось очень солоно. такъ какъ онъ принужденъ былъ все это время кормить и содержать себя самъ и въ тоже время учиться. Замѣтить надо. что онъ даже и попытки не захотѣлъ тогда сдѣлать списаться съ отцомъ. Можетъ быть. изъ гордости. изъ презрѣнія къ нему. а. можетъ быть. вслѣдствіе холоднаго здраваго разсужденія. подсказавшаго ему. что отъ нашихъ никакой чуть-чуть серіозной поддержки не получитъ. Какъ-бы тамъ ни было. молодой человѣкъ не потерялся нисколько и добился-таки работы. сперва уроками въ двугривенный. а потомъ бѣгая по редакціямъ газетъ и доставляя статейки въ десять строчекъ объ уличныхъ происшествіяхъ. за подписью «Очевидецъ». Статейки эти. говорятъ. были такъ всегда любопытно и пикантно составлены. что быстро пошли въ ходъ. и ужъ въ этомъ одномъ молодой человѣкъ оказалъ все свое практическое и умственное превосходство надъ тою многочисленною. вѣчно нуждающеюся и несчастною частью нашей учащейся молодежи обоего пола. которая. въ столицахъ. по обыкновенію. съ утра до ночи обиваетъ пороги разныхъ газетъ и журналовъ. не умѣя ничего лучше выдумать. кромѣ вѣчнаго повторенія одной и той-же просьбы о переводахъ съ французскаго или о переписки. Познакомившись съ редакціями. Иванъ Ѳедоровичъ все время потомъ не разрывалъ связей съ ними и въ послѣдніе свои годы въ университетѣ сталъ печатать весьма талантливые разборы книгъ на разныя спеціальныя темы. такъ что даже сталъ въ литературныхъ кружкахъ извѣстенъ. Впрочемъ. лишь въ самое только послѣднее время ему удалось случайно обратить на себя вдругъ особенное вниманіе въ гораздо большемъ кругѣ читателей, такъ что его весьма многіе разомъ тогда отмѣтили и запомнили. Это былъ довольно любопытный случай. Уже выйдя изъ университета и приготовляясь на свои двѣ тысячи съѣздить за границу. Иванъ Ѳедоровичъ вдругъ напечаталъ въ одной изъ большихъ газетъ одну странную статью. обратившую на себя вниманіе даже и не спеціалистовъ. и, главное. по предмету. повидимому. вовсе ему незнакомому. потому что кончилъ онъ курсъ естественникомъ. Статья была написана на поднявшійся повсемѣстно тогда вопросъ о церковномъ судѣ. Разбирая нѣкоторыя уже поданныя мнѣнія объ этомъ вопросѣ. онъ высказалъ и свое личный взглядъ. Главное было въ тонѣ и въ замѣчательной неожиданности заключенія. А между тѣмъ многіе изъ церковниковъ рѣшительно сочли автора за своего. И вдругъ рядомъ съ ними не только гражданственники. но даже сами атеисты принялись и съ своей стороны аплодировать.

Въ концѣ концовъ нѣкоторые догадливые люди рѣшили, что вся статья есть лишь дерзкій фарсъ и насмѣшка. Упоминаю о семъ случаѣ особенно потому, что статья эта своевременно проникла и въ подгородный знаменитый нашъ монастырь, гдѣ возникшимъ вопросомъ о церковномъ судѣ вообще интересовались, проникла и произвела совершенное недоумѣніе. Узнавъ-же имя автора, заинтересовались и тѣмъ, что онъ уроженецъ нашего города и сынъ вотъ этого самаго Ѳедора Павловича . А тутъ вдругъ къ самому этому времени явился къ намъ и самъ авторъ.

Зачѣмъ пріѣхалъ тогда къ намъ Иванъ Ѳедоровичъ. Я, помню, даже и тогда еще задавалъ себѣ этотъ вопросъ съ какимъ-то почти безпокойствомъ. Столь роковой пріѣздъ этотъ, послужившій началомъ ко столькимъ послѣдствіямъ для меня долго потомъ, почти всегда оставался дѣломъ неяснымъ. Вообще судя, странно было, что молодой человѣкъ, столь ученый, столь гордый и осторожный на видъ, вдругъ явился въ такой безобразный домъ, къ такому отцу, который всю жизнь его игнорировалъ, не зналъ его и не помнилъ, и хотъ не далъ-бы, конечно, денегъ ни за что и ни въ какомъ случаѣ, если-бы сынъ у него попросилъ, но все-же всю жизнь боялся, что и сыновья, Иванъ и Алексѣй, тоже когда нибудь придутъ да и попросятъ денегъ. И вотъ молодой человѣкъ поселяется въ домѣ такого отца, живетъ съ нимъ мѣсяцъ и другой, и оба уживаются какъ не надо лучше. Послѣднее даже особенно удивило не только меня, но и многихъ другихъ. Петръ Александровичъ Міусовъ, о которомъ я говорилъ уже выше, дальній родственникъ Ѳедора Павловича по его первой женѣ, случился тогда опять у насъ, въ своемъ подгородномъ имѣніи, пожаловавъ изъ Парижа, въ которомъ уже совсѣмъ поселился. Помню, онъ-то именно и дивился всѣхъ болѣе, познакомившись съ заинтересовавшимъ его чрезвычайно молодымъ человѣкомъ, съ которымъ онъ не безъ внутренней боли инкогда познаніями. «Онъ гордъ , говорилъ онъ намъ тогда про него, «всегда добудетъ себѣ копѣйку, у него и теперь есть деньги на заграницу — чего-жъ ему здѣсь надо? Вѣдь ясно, что онъ пріѣхалъ къ отцу не за деньгами, потому что во всякомъ случаѣ отецъ ихъ не дастъ. Пить вино и развратничать онъ не любитъ, а между тѣмъ старикъ и обойдется безъ него не можетъ, до того ужились! . Это была правда; молодой человѣкъ имѣлъ даже видимое вліяніе на старика: тотъ почти началъ его иногда какъ будто слушаться, хотя былъ чрезвычайно и даже злобно подъ часъ своенравенъ: даже вести себя началъ иногда прилично́е...

Только впослѣдствіи объяснилось, что Иванъ Ѳедоровичъ пріѣзжалъ отчасти по просьбѣ и по дѣламъ своего старшаго брата,

Дмитрія Ѳедоровича, котораго въ первый разъ отъ роду узналъ и увидалъ тоже почти въ это-же самое время, въ этотъ самый пріѣздъ, но съ которымъ однако-же по одному важному случаю, касавшемуся болѣе Дмитрія Ѳедоровича, вступилъ еще до пріѣзда своего изъ Москвы въ переписку. Какое это было дѣло, читатель вполнѣ узнаетъ въ свое время въ подробности. Тѣмъ не менѣе даже тогда, когда я уже зналъ и про это особенное обстоятельство, мнѣ Иванъ Ѳедоровичъ все казался загадочнымъ, а пріѣздъ его къ намъ все-таки необъяснимымъ.

Прибавлю еще, что Иванъ Ѳедоровичъ имѣлъ тогда видъ посредника и примирителя между отцомъ и затѣявшимъ тогда большую ссору и даже формальный искъ на отца старшимъ братомъ своимъ, Дмитріемъ Ѳедоровичемъ.

Семейка эта, повторяю, сошлась тогда вся вмѣстѣ въ первый разъ въ жизни и нѣкоторые члены ея въ первый разъ въ жизни увидали другъ друга. Алеша одинъ только младшій сынъ, Алексѣй Ѳедоровичъ, уже съ годъ предъ тѣмъ какъ проживалъ у насъ и пошелъ къ намъ такимъ образомъ ранѣе всѣхъ братьевъ. Вотъ про этого-то Алексѣя мнѣ всего труднѣе говорить теперешнимъ моимъ предисловнымъ разсказомъ прежде чѣмъ вывести его на сцену въ романѣ. Но придется и про него выписать предисловіе, по крайней мѣрѣ, чтобы разъяснить предварительно одинъ очень странный пунктъ, именно: будущаго героя моего я принужденъ представить читателямъ съ первой сцены его романа въ рясѣ послушника. Да, уже съ годъ какъ проживалъ онъ тогда въ нашемъ монастырѣ и, казалось, на всю жизнь готовился въ немъ затвориться.

IV.

Третій сынъ Алеша.

Было ему тогда всего двадцать лѣтъ (брату его, Ивану, шелъ тогда двадцать четвертый годъ, а старшему ихъ брату, Дмитрію, двадцать восьмой). Прежде всего объявляю, что этотъ юноша, Алеша, былъ вовсе не фанатикъ, и, по моему, по крайней мѣрѣ, даже и не мистикъ вовсе. Заранѣе скажу мое полное мнѣніе: былъ онъ просто ранній человѣколюбецъ, и если ударился на монастырскую дорогу, то потому только, что въ то время она одна поразила его и представилась ему, такъ сказать, идеалъ исхода рвавшейся изъ мрака мірской злобы къ свѣту любви души его. И поразила-то его эта дорога лишь потому, что на ней онъ встрѣтилъ тогда необыкновенное по его мнѣнію существо,—нашего знаменитаго монастырскаго старца

Зосиму, къ которому привязался всею горячею первою любовью своего неутолимаго сердца. Впрочемъ, я не спорю, что былъ онъ и тогда уже очень страненъ, начавъ даже съ колыбели. Кстати, я уже упоминалъ про него, что, оставшись послѣ матери всего лишь по четвертому году, онъ запомнилъ ее потомъ на всю жизнь, ея лицо, ея ласки, - точно какъ будто она стоитъ предо мной живая. Такія воспоминанія могутъ запоминаться (и это всѣмъ извѣстно) даже и изъ болѣе ранняго возраста, даже съ двухлѣтняго, но лишь выступая всю жизнь какъ бы свѣтлыми точками изъ мрака, какъ бы вырванными уголкомъ изъ огромной картины, которая вся погасла и исчезла. Кромѣ этого только уголочка. Такъ точно было и съ нимъ: онъ запомнилъ одинъ вечеръ, лѣтній, тихій, отворенное окно. Косые лучи заходящаго солнца (косые-то лучи и запомнились всего болѣе), въ комнатѣ, въ углу, образъ, предъ нимъ зажженную лампадку, а предъ образомъ на колѣняхъ, рыдающую какъ въ истерикѣ, со взвизгиваніями и вскрикиваніями, мать свою, схватившую его въ обѣ руки, обнявшую его крѣпко, до боли, и молящую за него Богородицу, протягивающую его изъ объятій своихъ обѣими руками къ образу какъ-бы подъ покровъ Богородицѣ... и вдругъ вбѣгаетъ няньки и вырываетъ его у нея въ испугѣ. Вотъ картина! Алеша запомнилъ въ тотъ мигъ и лицо своей матери: онъ говорилъ, что оно было изступленное, но прекрасное, судя по тому сколько могъ онъ припомнить. Но онъ рѣдко кому любилъ повѣрять это воспоминаніе. Въ дѣтствѣ и юности онъ былъ мало экспансивенъ и также мало разговорчивъ, но не отъ недовѣрія, не отъ робости или угрюмой нелюдимости. Вовсе даже напротивъ, а отъ чего-то другаго, отъ какой-то какъ-бы внутренней заботы, собственно личной, до другихъ не касавшейся, но столь для него важной, что онъ изъ-за нея какъ-бы забывалъ другихъ. Но людей онъ любилъ: онъ, казалось, всю жизнь жилъ совершенно вѣря въ людей, а между тѣмъ никто и никогда не считалъ его ни простячкомъ, ни наивнымъ человѣкомъ. Что-то было въ немъ что говорило и внушало (да и всю жизнь потомъ), что онъ не хочетъ быть судьей людей, что онъ не захочетъ взять на себя осужденія и ни за что не осудитъ. Казалось даже, что онъ все допускалъ, ни мало не осуждая, хотя часто очень горько грустя. Мало того, въ этомъ смыслѣ онъ до того дошелъ, что его никто не могъ ни удивить, ни испугать и это даже въ самой ранней своей молодости. Явясь по двадцатому году къ отцу, положительно въ вертепъ грязнаго разврата, онъ, нѣкоторымъ образомъ, чистый и чистый, лишь молча удалялся, когда глядѣть было нестерпимо, но безъ малѣйшаго вида презрѣнія или осужденія кому-бы то ни было. Отецъ-же, бывшій когда-то прижитальщикъ, а потому чело-

вѣкъ чуткій и тонкій на обиду, сначала недовѣрчиво и угрюмо его встрѣтившій (много, дескать, молчитъ и много про себя разсуждаетъ), скоро кончилъ однако-же тѣмъ, что сталъ его ужасно часто обнимать и цѣловать, не далѣе какъ черезъ двѣ какія нибудь недѣли, правда, съ пьяными слезами, въ хмѣльной чувствительности, но видно, что полюбивъ его искренно и глубоко, и такъ какъ никогда, конечно, не удавалось такому какъ онъ никого любить...

Да и всѣ этого юношу любили, гдѣ-бы онъ ни появился, и это съ самыхъ дѣтскихъ даже лѣтъ его. Очутившись въ домѣ своего благодѣтеля и воспитателя, Ефима Петровича Полѣнова, онъ до того привязалъ къ себѣ всѣхъ въ этомъ семействѣ, что его рѣшительно считали тамъ какъ-бы за родное дитя. А между тѣмъ онъ вступилъ въ этотъ домъ еще въ такихъ младенческихъ лѣтахъ, въ какихъ никакъ нельзя ожидать въ ребенкѣ разсчетливой хитрости, пронырства или искусства заискать и поправиться, умѣнья заставить себя полюбить. Такъ что даръ возбуждать къ себѣ особенную любовь онъ заключалъ въ себѣ, такъ сказать, въ самой природѣ, безъискусственно и непосредственно. Тоже самое было съ нимъ и въ школѣ, и однако-же, казалось-бы, онъ именно былъ изъ такихъ дѣтей, которыя возбуждаютъ къ себѣ недовѣріе товарищей, иногда насмѣшки, а, пожалуй, и ненависть. Онъ, напримѣръ, задумывался и какъ-бы отъединялся. Онъ съ самаго дѣтства любилъ уходить въ уголъ и книжки читать, и однако-же и товарищи его до того полюбили, что рѣшительно можно было назвать его всеобщимъ любимцемъ во все время пребыванія его въ школѣ. Онъ рѣдко бывалъ рѣзвъ, даже рѣдко веселъ, но всѣ, взглянувъ на него, тотчасъ видѣли, что это вовсе не отъ какой нибудь въ немъ угрюмости, что, напротивъ, онъ ровенъ и ясенъ. Между сверстниками онъ никогда не хотѣлъ выставляться. Можетъ, поэтому самому онъ никогда и никого не боялся, а между тѣмъ мальчики тотчасъ поняли, что онъ вовсе не гордится своимъ безстрашіемъ, а смотритъ какъ будто и не понимаетъ, что онъ смѣлъ и безстрашенъ. Обиды никогда не помнилъ. Случалось, что черезъ часъ послѣ обиды онъ отвѣчалъ обидчику, или самъ съ нимъ заговаривалъ, съ такимъ довѣрчивымъ и яснымъ видомъ какъ будто ничего и не было между ними вовсе. И не то чтобъ онъ при этомъ имѣлъ видъ, что случайно забылъ или намѣренно простилъ обиду, а просто не считалъ ее за обиду, и это рѣшительно плѣняло и покоряло дѣтей. Была въ немъ одна лишь черта, которая во всѣхъ классахъ гимназіи, начиная съ низшаго и даже до высшихъ, возбуждала въ его товарищахъ постоянное желаніе подтрунить надъ нимъ, но не изъ злобной насмѣшки, а потому, что это было имъ весело. Черта эта въ немъ была дикая, изступленная

стыдливость и цѣломудренность. Онъ не могъ слышать извѣстныхъ словъ и извѣстныхъ разговоровъ про женщинъ. Эти извѣстныя слова и разговоры, къ несчастію, неискоренимы въ школахъ. Чистые въ душѣ и сердцѣ мальчики, почти еще дѣти, очень часто любятъ говорить въ классахъ между собою и даже вслухъ про такія вещи, картины и образы, о которыхъ не всегда заговорятъ даже и солдаты. Мало того, солдаты-то многаго не знаютъ и не понимаютъ изъ того, что уже знакомо въ этомъ родѣ столь юнымъ еще дѣтямъ нашего интеллигентнаго и высшаго общества. Нравственнаго развратa тутъ, пожалуй, еще нѣтъ, цинизма тоже нѣтъ настоящаго, развратнаго, внутренняго, но есть наружный, и онъ-то считается у нихъ нерѣдко чѣмъ-то даже деликатнымъ, тонкимъ, молодецкимъ и достойнымъ подражанія. Видя, что «Алешка Карамазовъ» когда заговоритъ про это, быстро затыкаетъ уши пальцами, они становились иногда подлѣ него нарочно толпой и насильно отнимая руки отъ ушей его, кричали ему въ оба уха скверности, а тотъ рвался, спускался на полъ, ложился, закрывался и все это не говоря имъ ни слова, не бранясь, молча перенося обиду. Подъ конецъ однако оставили его въ покоѣ и уже не дразнили дѣвчонкой, мало того, глядѣли на него въ этомъ смыслѣ съ сожалѣніемъ. Кстати, въ классахъ онъ всегда стоялъ по ученію изъ лучшихъ, но никогда не былъ отмѣченъ первымъ.

Когда умеръ Ефимъ Петровичъ, Алеша два года еще пробылъ въ губернской гимназіи. Неутѣшная супруга Ефима Петровича, почти тотчасъ-же по смерти его, отправилась на долгій срокъ въ Италію со всѣмъ семействомъ, состоявшимъ все изъ особъ женскаго пола, а Алеша попалъ въ домъ къ какимъ-то двумъ дамамъ, которыхъ онъ прежде никогда и не видывалъ, какимъ-то дальнимъ родственницамъ Ефима Петровича, но на какихъ условіяхъ, онъ самъ того не зналъ. Характерная тоже, и даже очень, черта его была въ томъ, что онъ никогда не заботился на чьи средства живетъ. Въ этомъ онъ былъ совершенная противоположность своему старшему брату, Ивану Ѳедоровичу, пробѣдствовавшему два первые года въ университетѣ, кормя себя своимъ трудомъ, и съ самаго дѣтства горько почувствовавшему, что живетъ онъ на чужихъ хлѣбахъ у благодѣтеля. Но эту страшную черту въ характерѣ Алеши, кажется, нельзя было осудить очень строго, потому что всякій чуть-чуть лишь узнавшій его, тотчасъ, при возникшемъ на этотъ счетъ вопросѣ, становился увѣренъ, что Алеши непремѣнно изъ такихъ юношей въ родѣ какъ бы юродивыхъ, которому, попади вдругъ хотя-бы даже нѣлый капиталъ, то онъ не затруднится отдать его по первому даже спросу или на доброе дѣло, или, можетъ быть,

даже просто ловкому пройдохѣ, если-бы тотъ у него попросилъ. Да и вообще говоря, онъ какъ-бы вовсе не зналъ цѣны деньгамъ, разумѣется, не въ буквальномъ смыслѣ говоря. Когда ему выдавали карманныя деньги, которыхъ онъ самъ никогда не просилъ, то онъ или по цѣлымъ недѣлямъ не зналъ что съ ними дѣлать, или ужасно ихъ не берегъ, мигомъ они у него исчезали. Петръ Александровичъ Міусовъ, человѣкъ на счетъ денегъ и буржуазной честности весьма щекотливый, разъ, впослѣдствіи, приглядѣвшись къ Алешѣ, произнесъ о немъ слѣдующій афоризмъ: Вотъ, можетъ быть, единственный человѣкъ въ мірѣ, котораго оставьте вы вдругъ одного и безъ денегъ на площади незнакомаго въ милліонѣ жителей города, и онъ ни за что не погибнетъ и не умретъ съ голоду и холоду, потому что его мигомъ накормятъ, мигомъ пристроятъ, а если не пристроятъ, то онъ самъ мигомъ пристроится и это не будетъ стоить ему никакихъ усилій и никакого униженія, а пристроившему никакой тягости, а, можетъ быть, напротивъ, почтутъ за удовольствіе».

Въ гимназіи своей онъ курса не кончилъ: ему оставался еще цѣлый годъ, какъ онъ вдругъ объявилъ своимъ дамамъ, что ѣдетъ къ отцу по одному дѣлу, которое взбрело ему въ голову. Ѣхать очень жалѣли его и не хотѣли было пускать. Проѣздъ стоилъ очень не дорого и дамы не позволили ему заложить свои часы,— подарокъ семейства благодѣтеля предъ отъѣздомъ за границу, а роскошно снабдили его средствами, даже новымъ платьемъ и бѣльемъ. Онъ однако отдалъ имъ половину денегъ назадъ, объявивъ, что непремѣнно хочетъ сидѣть въ третьемъ классѣ. Пріѣхавъ въ нашъ городокъ, онъ на первые разспросы родителя: Зачѣмъ именно пожаловалъ, не докончивъ курса? прямо ничего не отвѣтилъ, а былъ, какъ говорятъ, не по обыкновенному задумчивъ. Вскорѣ обнаружилось, что онъ розыскиваетъ могилу своей матери. Онъ даже самъ признался было тогда, что затѣмъ только и пріѣхалъ. Но вряд-ли этимъ исчерпывалась вся причина его пріѣзда. Всего вѣроятнѣе, что онъ тогда и самъ не зналъ и не смогъ-бы ни за что объяснить: что именно такое какъ-бы поднялось вдругъ изъ его души и неотразимо повлекло его на какую-то новую, невѣдомую, но неизбѣжную уже дорогу. Ѳедоръ Павловичъ не могъ указать ему гдѣ похоронилъ свою вторую супругу, потому что никогда не бывалъ на ея могилѣ. Послѣ того какъ засыпали гробъ, а за давностью лѣтъ и совсѣмъ запамятовалъ гдѣ ее тогда хоронили...

Къ слову о Ѳедорѣ Павловичѣ. Онъ долгое время предъ тѣмъ прожилъ не въ нашемъ городѣ. Года три четыре по смерти второй жены онъ отправился на югъ Россіи и подъ конецъ очутился въ Одессѣ, гдѣ и прожилъ сряду нѣсколько лѣтъ. Познакомился онъ

сначала, по его собственным словам, со многими жидами, жидками, жидищами и жидовятами, а кончить тем, что под конец даже не только у жидов, но и у евреев был принят. Надо думать, что в этот-то период своей жизни он и развил в себе особенное умение сколачивать и выколачивать деньгу. Воротился он снова в наш городок окончательно всего только года за три до приезда Алеши. Прежние знакомые его нашли его страшно состарившимся, хотя был он вовсе еще не такой старик. Держал-же он себя не то что благородне, а как-то нахальне. Явилась, например, наглая потребность в прежнем шуте других в шуты рядить. Безобразничать с женским полом любил не то что по прежнему, а даже как-бы и отвратительне. В скорости он стал основательному по уезду многих новых кабаков. Видно было, что у него есть, может быть, тысяч до ста или разве немногим только менее. Многие из городских и из уездных обитателей тотчас-же ему задолжали, под вернейшие залоги, разумеется. В самое-же последнее время он как-то обрюзг, как-то стал терять ровность, самоотчетность, стал даже в какое-то легкомыслие, начинать одно и кончать другим, как-то раскидываться и все чаще и чаще напиваться пьян, и если-бы не все тот-же лакей Григорий, тоже порядочно к тому времени состарившийся и смотревший за ним иногда в роде почти гувернера, то, может быть, Федор Павлович и не прожил-бы без особых хлопот. Приезд Алеши как-бы подействовал на него даже с нравственной стороны, как-бы что-то проснулось в этом безвременном старике из того, что давно уже заглохло в душе его. Знаешь-ли ты, стал он часто говорить Алеше, приглядываясь к нему, что ты на нее похож, на кликушу-то? Так называл он свою покойную жену, мать Алеши. Могилку кликуши указать, наконец, Алеше лакей Григорий. Он свез его на наше городское кладбище и там, в дальнем уголке, указал ему чугунную, недорогую, но опрятную плиту, на которой была даже надпись с именем, званием, летами и годом смерти покойницы, а внизу было даже начертано нечто в роде четырехстишия из старинных, общеупотребительных на могилах среднего люда, кладбищенских стихов. К удивлению, эта плита оказалась делом Григория. Это он сам воздвиг ее над могилкой бедной кликуши и на собственное иждивение, после того, когда Федор Павлович, которому он множество раз уже досаждал напоминаниями об этой могилке, уехал, наконец, в Одессу, махнув рукой не только на могилы, но и на всех своих воспоминания. Алеша не высказал на могилке матери никакой особенной чувствительности: он только выслушал важный и резонный

разсказъ Григорія о сооруженіи плиты, постоялъ понурившись и ушелъ не вымолвивъ ни слова. Съ тѣхъ поръ, можетъ быть, даже во весь годъ и не бывалъ на кладбищѣ. Но на Ѳедора Павловича этотъ маленькій эпизодъ тоже произвелъ свое дѣйствіе и очень оригинальное. Онъ вдругъ взялъ тысячу рублей и свезъ ее въ нашъ монастырь на поминъ души своей супруги, но не второй, не матери Алеши, не «кликуши», а первой, Аделаиды Ивановны, которая колотила его. Въ вечеру того дня онъ напился пьянъ и ругалъ Алешѣ монаховъ. Самъ онъ былъ далеко не изъ религіозныхъ людей: человѣкъ никогда, можетъ быть, пятикопѣечной свѣчки не поставилъ предъ образомъ. Странные порывы внезапныхъ чувствъ и внезапныхъ мыслей бываютъ у этакихъ субъектовъ.

Я уже говорилъ, что онъ очень обрюзгъ. Физіономія его представляла къ тому времени что-то рѣзко свидѣтельствовавшее о характеристикѣ и сущности всей прожитой имъ жизни. Кромѣ длинныхъ и мясистыхъ мѣшечковъ подъ маленькими его глазами, вѣчно пьяными, подозрительными и насмѣшливыми, кромѣ множества глубокихъ морщинокъ на его маленькомъ, но жирненькомъ личикѣ, къ острому подбородку его подвѣшивался еще большой кадыкъ, мясистый и продолговатый какъ конецъ, что придавало ему какой-то отвратительно-сладострастный видъ. Прибавьте къ тому плотоядный, длинный ротъ съ пухлыми губами, изъ подъ которыхъ виднѣлись маленькіе обломки черныхъ, почти истлѣвшихъ зубовъ. Онъ брызгался слюной каждый разъ когда начиналъ говорить. Впрочемъ, и самъ онъ любилъ шутить надъ своимъ лицомъ, хотя, кажется, оставался имъ доволенъ. Особенно указывалъ онъ на свой носъ, не очень большой, но очень тонкій, съ сильно выдающеюся горбинкой: настоящій римскій, говорилъ онъ, вмѣстѣ съ кадыкомъ настоящая физіономія древняго римскаго патриція времень упадка. Этимъ онъ, кажется, гордился.

И вотъ довольно скоро послѣ обрѣтенія могилы матери, Алеша вдругъ объявилъ ему, что хочетъ поступить въ монастырь и что монахи готовы допустить его послушникомъ. Онъ объяснилъ при этомъ, что это чрезвычайное желаніе его, и что испрашиваетъ онъ у него торжественное позволеніе, какъ у отца. Старецъ уже зналъ, что старецъ Зосима, спасавшійся въ монастырскомъ скитѣ, произвелъ на его «тихаго мальчика» особенное впечатлѣніе.

— Этотъ старецъ, конечно, у нихъ самый честный монахъ, промолвилъ онъ, молчаливо и вдумчиво выслушавъ Алешу, почти совсѣмъ однако не удивившись его просьбѣ. Гм... такъ ты вотъ куда хочешь, мой тихій мальчикъ! Онъ былъ вполпьяна и вдругъ улыбнулся своею длинною, подушьяною, но не лишенною хитрости

и пьянаго лукавства улыбкою: — Гм... а вѣдь я такъ и предчувствовалъ, что ты чѣмъ нибудь вотъ этакимъ кончишь, можешь это себѣ представить? Ты именно туда наровилъ. Ну что-жъ, пожалуй, у тебя-же есть свои двѣ тысченочки, вотъ тебѣ и приданое, а я тебя, мой ангелъ, никогда не оставлю, да и теперь внесу за тебя что тамъ слѣдуетъ, если спросятъ. Ну, а если не спросятъ, къ чему намъ навязываться, не такъ-ли? Вѣдь ты денегъ что канарейка тратишь, по два зернышка въ недѣльку... Гм... Знаешь, въ одномъ монастырѣ есть одна подгородная слободка и ужъ вѣмъ тамъ извѣстно, что въ ней одинъ только монастырскія жены живутъ, такъ ихъ тамъ называютъ, штукъ тридцать женъ, я думаю... Я тамъ былъ, и, знаешь, интересно, въ своемъ родѣ, разумѣется, въ смыслѣ разнообразія. Скверно тѣмъ только, что русизмъ ужасный, французенокъ совсѣмъ еще нѣтъ, а могли-бы быть, средства знатныя. Провѣдаютъ — пріѣдутъ. Ну, а здѣсь ничего, здѣсь нѣтъ монастырскихъ женъ, а монаховъ штукъ двѣсти. Честно. Постники. Сознаюсь... Гм... Такъ ты къ монахамъ хочешь? А вѣдь мнѣ тебя жаль, Алена, во истину, вѣришь-ли, я тебя полюбилъ... Впрочемъ, вотъ и удобный случай: помолишься за насъ грѣшныхъ, слишкомъ мы ужъ, сидя здѣсь, нагрѣшили. Я все помышлялъ о томъ: кто это за меня когда нибудь помолится? Есть-ли въ свѣтѣ такой человѣкъ? Милый ты мальчикъ, я вѣдь на этотъ счетъ ужасно какъ глупъ, ты, можетъ быть, не вѣришь? Ужасно. Видишь-ли: я объ этомъ какъ ни глупъ, а все думаю, все думаю, изрѣдка, разумѣется, не все-же вѣдь. Вѣдь невозможно-же, думаю, чтобы черти меня крючьями позабыли стащить къ себѣ, когда я помру. Ну, вотъ и думаю: крючья? А откуда они у нихъ? Изъ чего? Желѣзные? Гдѣ-же ихъ куютъ? Фабрика, что-ли, у нихъ какая тамъ есть? Вѣдь тамъ въ монастырѣ иноки навѣрно полагаютъ, что въ адѣ, напримѣръ, есть потолокъ. А я вотъ готовъ поспорить въ адъ, только чтобы безъ потолка: выходитъ оно какъ будто деликатнѣе, просвѣщеннѣе, по европейски то есть. А въ сущности вѣдь не все-ли равно: съ потолкомъ или безъ потолка? Вѣдь вотъ вопросъ-то проклятый въ чемъ заключается! Ну, а коли нѣтъ потолка, стало быть, нѣтъ и крючьевъ. А коли нѣтъ крючьевъ, стало быть, и все по боку, значитъ, опять невѣроятно: кто-же меня тогда крючьями-то потащитъ, потому что если ужъ меня не потащатъ, то что-жъ тогда будетъ, гдѣ-же правда на свѣтѣ? Il faudrait les inventer, эти крючья, для меня нарочно, для меня одного, потому что если-бы ты зналъ, Алена, какой я срамникъ!..

— Да тамъ нѣтъ крючьевъ, тихо и серіозно приглядываясь къ отцу, выговорилъ Алеша.

Такъ, такъ, одни только тѣни крючьевъ. Знаю, знаю. Это какъ одинъ французъ описывалъ адъ: J'ai vu l'ombre d'un cocher, qui avec l'ombre d'une brosse frottait l'ombre d'une carosse. Ты, голубчикъ, почему знаешь, что нѣтъ крючьевъ? Побудешь у монаховъ, не то запоешь. А, впрочемъ, ступай, доберись тамъ до правды, да и приди разсказать: все-же идти на тотъ свѣтъ будетъ легче, коли навѣрно знаешь, что̀ тамъ такое. Да и приличнѣе тебѣ будетъ у монаховъ, чѣмъ у меня, съ пьянымъ старикашкой, да съ дѣвчонками... хоть до тебя, какъ до ангела, ничего не коснется. Ну, авось, и тамъ до тебя ничего не коснется, вотъ вѣдь я почему и дозволяю тебѣ, что на послѣднее надѣюсь. Умъ-то у тебя не чортъ съѣлъ. Погоришь и погаснешь, вылѣчишься и назадъ придешь. А я тебя буду ждать: вѣдь я чувствую-же, что ты единственный человѣкъ на землѣ, который меня не осудилъ, мальчикъ ты мой милый, я вѣдь чувствую-же это, не могу-же я это не чувствовать!..

И онъ даже расхныкался. Онъ былъ сентименталенъ. Онъ былъ золъ и сентименталенъ.

V.

Старцы.

Можетъ быть, кто изъ читателей подумаетъ, что мой молодой человѣкъ былъ болѣзненная, экстазная, бѣдно развитая натура, блѣдный мечтатель, чахлый и испитой человѣчекъ. Напротивъ, Алеша былъ въ то время статный, краснощекій, со свѣтлымъ взоромъ, пышащій здоровьемъ девятнадцатилѣтній подростокъ. Онъ былъ въ то время даже очень красивъ собой, строенъ, средне-высокаго роста, темнорусъ, съ правильнымъ хотя нѣсколько удлиненнымъ оваломъ лица, съ блестящими темносѣрыми, широко разставленными глазами, весьма задумчивый и, повидимому, весьма спокойный. Скажутъ, можетъ быть, что красныя щеки не мѣшаютъ ни фанатизму, ни мистицизму; а мнѣ такъ кажется, что Алеша былъ даже больше чѣмъ кто нибудь реалистомъ. О, конечно, въ монастырѣ онъ совершенно вѣровалъ въ чудеса, но, по моему, чудеса реалиста никогда не смутятъ. Не чудеса склоняютъ реалиста къ вѣрѣ. Истинный реалистъ, если онъ не вѣрующій, всегда найдетъ въ себѣ силу и способность не повѣрить и чуду, а если чудо станетъ предъ нимъ неотразимымъ фактомъ, то онъ скорѣе не повѣритъ своимъ чувствамъ, чѣмъ допуститъ фактъ. Если-же и допуститъ его, то допуститъ какъ фактъ естественный, но доселѣ лишь быв-

ній ему неизвѣстнымъ. Въ реалистѣ вѣра не отъ чуда рождается, а чудо отъ вѣры. Если реалистъ разъ повѣритъ, то онъ именно по реализму своему долженъ непремѣнно допустить и чудо. Апостолъ Ѳома объявилъ, что не повѣритъ прежде чѣмъ не увидитъ, а когда увидѣлъ, сказалъ: Господь мой и Богъ мой! Чудо-ли заставило его увѣровать? Вѣроятнѣе всего, что нѣтъ, а увѣровалъ онъ лишь единственно потому, что желалъ увѣровать, и, можетъ быть, уже вѣровалъ вполнѣ, въ тайникѣ существа своего, даже еще тогда, когда произносилъ: «Не повѣрю пока не увижу».

Скажутъ, можетъ быть, что Алеша былъ тупъ, не развитъ, не кончилъ курса и проч. Что онъ не кончилъ курса, это была правда, но сказать, что онъ былъ тупъ или глупъ было-бы большою несправедливостью. Просто повторю что сказалъ уже выше: вступилъ онъ на эту дорогу потому только, что въ то время она одна поразила его и представила ему разомъ весь идеалъ исходящаго изъ мрака къ свѣту души его. Прибавьте, что онъ былъ юноша отчасти уже нашего послѣдняго времени, то есть честный по природѣ своей, требующій правды, ищущій ее и вѣрующій въ нее, а увѣровавъ, требующій немедленнаго участія въ ней всею силой души своей, требующій скораго подвига, съ непремѣннымъ желаніемъ хотя-бы всѣмъ пожертвовать для этого подвига, даже жизнью. Хотя, къ несчастію, не понимаютъ эти юноши, что жертва жизнію есть, можетъ быть, самая легчайшая изо всѣхъ жертвъ во множествѣ такихъ случаевъ, и что пожертвовать, напримѣръ, изъ своей кипучей юностью жизни пять — шесть лѣтъ на трудное, тяжелое ученіе, на науку, хотя-бы для того только, чтобы укрѣпить въ себѣ силы для служенія той-же правдѣ и тому-же подвигу, который излюбилъ и который предложилъ себѣ совершить. Такая жертва сплошь да рядомъ для многихъ изъ нихъ почти совсѣмъ не по силамъ. Алеша избралъ лишь противоположную всѣмъ дорогу, но съ тою-же жаждой скораго подвига. Едва только онъ, задумавшись серіозно, поразился убѣжденіемъ, что безсмертіе и Богъ существуютъ, то сейчасъ-же естественно сказалъ себѣ: «Хочу жить для безсмертія, а половиннаго компромисса не принимаю». Точно также, если-бы онъ порѣшилъ, что безсмертія и Бога нѣтъ, то сейчасъ-бы пошелъ въ атеисты и въ соціалисты (ибо соціализмъ есть не только рабочій вопросъ, или такъ называемаго четвертаго сословія, но по преимуществу есть атеистическій вопросъ, вопросъ современнаго воплощенія атеизма, вопросъ Вавилонской башни, строющейся именно безъ Бога, не для достиженія небесъ съ земли, а для сведенія небесъ на землю). Алешѣ казалось даже страшнымъ и невозможнымъ жить по прежнему. Сказано: «Раздай все и иди за мной, если хочешь быть совершенъ».

Алеша и сказать себѣ: «Не могу я отдать вмѣсто всего два рубля, а вмѣсто иди за мной ходить лишь къ обѣднѣ». Изъ воспоминаній его младенчества, можетъ быть, сохранилось нѣчто о нашемъ подгородномъ монастырѣ, куда могла возить его мать къ обѣднѣ. Можетъ быть, подѣйствовали и косые лучи заходящаго солнца предъ образомъ, къ которому его протягивала его кликуша мать. Задумчивый онъ пріѣхалъ къ намъ тогда, можетъ быть, только лишь посмотрѣть: все-ли тутъ или и тутъ только два рубля и въ монастырѣ встрѣтилъ этого старца...

Старецъ этотъ, какъ я уже объяснилъ выше, былъ старецъ Зосима; но надо-бы здѣсь сказать нѣсколько словъ и о томъ: что такое вообще старцы въ нашихъ монастыряхъ. И вотъ жаль, что чувствую себя на этой дорогѣ не довольно компетентнымъ и твердымъ. Попробую, однако, сообщить малыми словами и въ поверхностномъ изложеніи. И во первыхъ, люди спеціальные и компетентные утверждаютъ, что старцы и старчество появились у насъ, по нашимъ русскимъ монастырямъ, весьма лишь недавно, даже нѣтъ и ста лѣтъ, тогда какъ на всемъ православномъ Востокѣ, особенно на Синаѣ и на Аѳонѣ, существуютъ далеко уже за тысячу лѣтъ. Утверждаютъ, что существовало старчество и у насъ на Руси во времена древнѣйшія, или непремѣнно должно было существовать, но вслѣдствіе бѣдствій Россіи, Татарщины, смутъ, перерыва прежнихъ сношеній съ Востокомъ послѣ покоренія Константинополя, установленіе это забылось у насъ и старцы прекѣкнись. Возрожденно-же оно у насъ опять съ конца прошлаго столѣтія однимъ изъ великихъ подвижниковъ (какъ называютъ его) Паисіемъ Величковскимъ и учениками его, но и досель, даже черезъ сто почти лѣтъ, существуетъ весьма еще не во многихъ монастыряхъ, и даже подвергалось иногда почти что гоненіямъ, какъ неслыханное по Россіи новшество. Въ особенности процвѣло оно у насъ на Руси въ одной знаменитой пустынѣ Козельской Оптиной. Когда и кѣмъ насадилось оно и въ нашемъ подгородномъ монастырѣ — не могу сказать, но въ немъ уже считалось третье преемничество старцевъ, и старецъ Зосима былъ изъ нихъ послѣднимъ, но и онъ уже почти помиралъ отъ слабости и болѣзней, а замѣнить его даже и не знали кѣмъ. Вопросъ для нашего монастыря былъ важный, такъ какъ монастырь нашъ ничѣмъ особенно не былъ до тѣхъ поръ знаменитъ: въ немъ не было ни мощей святыхъ угодниковъ, ни явленныхъ чудотворныхъ иконъ, не было даже славныхъ преданій, связанныхъ съ нашею исторіей, не числилось за нимъ историческихъ подвиговъ и заслугъ отечеству. Процвѣлъ онъ и прославился на всю Россію именно изъ-за старцевъ, чтобы видѣть и послушать которыхъ стекались къ намъ богомольцы толпами со всей

Россіи изъ-за тысячъ верстъ. Итакъ что-же такое старецъ? Старецъ это берущій вашу душу, вашу волю въ свою душу и свою волю. Избравъ старца, вы отъ своей воли отрѣшаетесь и отдаете ее ему въ полное послушаніе, съ полнымъ самоотверженіемъ. Этотъ искусъ, эту страшную школу жизни обрекающій себя принимаетъ добровольно, въ надеждѣ послѣ долгаго искуса побѣдить себя, овладѣть собою до того, что-бы могъ, наконецъ, достичь, чрезъ послушаніе всей жизни, уже совершенной свободы, то есть свободы отъ самого себя, избѣгнуть участи тѣхъ, которые всю жизнь прожили, а себя въ себѣ не нашли. Изобрѣтеніе это, то есть старчество, не теоретическое, а выведено на Востокѣ изъ практики, въ наше время уже тысячелѣтней. Обязанности къ старцу не то что обыкновенное послушаніе, всегда бывшее и въ нашихъ русскихъ монастыряхъ. Тутъ признается вѣчная исповѣдь всѣхъ подвизающихся старцу и неразрушимая связь между связавшимъ и связаннымъ. Разсказываютъ, напримѣръ, что однажды, въ древнѣйшія времена христіанства, одинъ таковой послушникъ, не исполнивъ нѣкоего послушанія, возложеннаго на него его старцемъ, ушелъ отъ него изъ монастыря и пришелъ въ другую страну, изъ Сиріи въ Египетъ. Тамъ, послѣ долгихъ и великихъ подвиговъ сподобился, наконецъ, претерпѣть истязанія и мученическую смерть за вѣру. Когда-же церковь хоронила тѣло его, уже чтя его какъ святаго, то вдругъ при возгласѣ діакона: Оглашенные изыдите! гробъ съ лежащимъ въ немъ тѣломъ мученика сорвался съ мѣста и былъ извергнутъ изъ храма, и такъ до трехъ разъ. И наконецъ лишь узнали, что этотъ святой страстотерпецъ нарушилъ послушаніе и ушелъ отъ своего старца, а потому безъ разрѣшенія старца не могъ быть и прощенъ, даже не смотря на свои великіе подвиги. Но когда призванный старецъ разрѣшилъ его отъ послушанія, тогда лишь могло совершиться и погребеніе его. Конечно, все это лишь древнія легенды, но вотъ и недавняя быль: одинъ изъ нашихъ современныхъ иноковъ спасался на Аѳонѣ и вдругъ старецъ его повелѣлъ ему оставить Аѳонъ, который онъ возлюбилъ какъ святыню, какъ тихое пристанище, до глубины души своей, и идти сначала въ Іерусалимъ на поклоненіе Святымъ Мѣстамъ, а потомъ обратно въ Россію, на Сѣверъ, въ Сибирь: Тамъ тебѣ мѣсто, а не здѣсь. Пораженный и убитый горемъ монахъ явился въ Константинополь ко вселенскому патріарху и молить разрѣшить его послушаніе, и вотъ вселенскій владыко отвѣтилъ ему, что не только онъ, патріархъ вселенскій, не можетъ разрѣшить его, но и на всей землѣ нѣтъ, да и не можетъ быть такой власти, которая-бы могла разрѣшить его отъ послушанія, разъ уже наложеннаго старцемъ, кромѣ лишь власти самого того старца, который наложилъ его. Такимъ образомъ стар-

чество одарено властью въ извѣстныхъ случаяхъ безпредѣльною и непостижимою. Вотъ почему во многихъ монастыряхъ старчество у насъ сначала встрѣчено было почти гоненіемъ. Между тѣмъ старцевъ тотчасъ-же стали высоко уважать въ народѣ. Къ старцамъ нашего монастыря стекались, напримѣръ, и простолюдины, и самые знатные люди съ тѣмъ, чтобы, повергаясь предъ ними, исповѣдывать имъ свои сомнѣнія, свои грѣхи, свои страданія, и испросить совѣта и наставленія. Видя это, противники старцевъ кричали, вмѣстѣ съ прочими обвиненіями, что здѣсь самовластно и легкомысленно унижается таинство исповѣди. Хотя безпрерывное исповѣдываніе своей души старцу послушникомъ его или свѣтскимъ производится совсѣмъ не какъ таинство. Коснувшись однако тѣмъ, что старчество удержалось и мало по малу по русскимъ монастырямъ водворяется. Правда, пожалуй, и то, что это испытанное и уже тысячелѣтнее орудіе для нравственнаго перерожденія человѣка отъ рабства къ свободѣ и къ нравственному совершенствованію можетъ обратиться въ обоюдоострое орудіе, такъ что иного, пожалуй, приведетъ, вмѣсто смиренія и окончательнаго самообладанія, напротивъ, къ самой сатанинской гордости, то есть къ цѣпямъ, а не къ свободѣ.

Старецъ Зосима былъ лѣтъ шестидесяти пяти, происходилъ изъ помѣщиковъ, когда-то въ самой ранней юности былъ военнымъ и служилъ на Кавказѣ оберъ-офицеромъ. Безъ сомнѣнія, онъ поразилъ Алешу какимъ нибудь особеннымъ свойствомъ души своей. Алеша жилъ въ самой кельѣ старца, который очень полюбилъ его и допустилъ къ себѣ. Надо замѣтить, что Алеша, живя тогда въ монастырѣ, былъ еще ничѣмъ не связанъ, могъ выходить куда угодно хоть на цѣлые дни, и если носилъ свой подрясникъ, то добровольно, чтобы ни отъ кого въ монастырѣ не отличаться. Но ужь, конечно, это ему и самому нравилось. Можетъ быть, на юношеское воображеніе Алеши сильно подѣйствовала эта сила и слава, которая окружала безпрерывно его старца. Про старца Зосиму говорили многіе, что онъ, допуская къ себѣ столь многіе годы всѣхъ приходившихъ къ нему исповѣдывать сердце свое и жаждавшихъ отъ него совѣта и врачебнаго слова, до того много принялъ въ душу свою откровеній, сокрушеній, сознаній, что подъ конецъ пріобрѣлъ прозорливость уже столь тонкую, что съ перваго взгляда на лицо незнакомаго, приходившаго къ нему, могъ угадывать: съ чѣмъ тотъ пришелъ, чего тому нужно, и даже какого рода мученіе терзаетъ его совѣсть, и удивлять, смущалъ и почти пугалъ иногда пришедшаго такимъ знаніемъ тайны его, прежде чѣмъ тотъ молвилъ слово. Но при этомъ Алеша почти всегда замѣчалъ, что многіе, почти всѣ, входившіе въ первый разъ къ старцу на уеди-

нешнюю бесѣду, входили въ страхъ и безпокойствъ, а выходили отъ него почти всегда свѣтлыми и радостными, и самое мрачное лицо обращалось въ счастливое. Алешу необыкновенно поражало и то, что старецъ былъ вовсе не строгъ: напротивъ, былъ всегда почти веселъ въ обхожденіи. Монахи про него говорили, что онъ именно привязывается душой къ тому кто грѣшнѣе, и кто всѣхъ болѣе грѣшенъ, того онъ всѣхъ болѣе и возлюбитъ. Изъ монаховъ находились, даже и подъ самый конецъ жизни старца, ненавистники и завистники его, но ихъ становилось уже мало, и они молчали, хотя было въ ихъ числѣ нѣсколько весьма знаменитыхъ и важныхъ въ монастырѣ лицъ, какъ, напримѣръ, одинъ изъ древнѣйшихъ иноковъ, великій молчальникъ и необычайный постникъ. Но все таки огромное большинство дерзало уже несомнѣнно сторону старца Зосимы, а изъ нихъ очень многіе даже любили его всѣмъ сердцемъ, горячо и искренно; нѣкоторые-же были привязаны къ нему почти фанатически. Такіе прямо говорили, не совѣстъ, впрочемъ, ведутъ, что онъ святой, что въ этомъ нѣтъ уже и сомнѣнія и, предвидя близкую кончину его, ожидали немедленныхъ даже чудесъ и великой славы въ самомъ ближайшемъ будущемъ отъ почившаго монастырю. Въ чудесную силу старца вѣрили безпрекословно и Алеша, точно также какъ безпрекословно вѣрилъ и разсказу о выставленіи изъ церкви гробъ. Онъ видѣлъ, какъ многіе изъ приходившихъ съ больными дѣтьми или взрослыми родственниками и молившихъ что бы старецъ возложилъ на нихъ руки и прочиталъ надъ ними молитву, возвращались въ скорости, а иные такъ и на другой-же день, обратно, и, падая со слезами предъ старцемъ, благодарили его за исцѣленіе ихъ больныхъ. Исцѣленіе-ли было въ самомъ дѣлѣ, или только естественное улучшеніе въ ходѣ болѣзни для Алеши въ этомъ вопроса не существовало, ибо онъ вполнѣ уже вѣрилъ въ духовную силу своего учителя и слава его была какъ-бы собственнымъ его торжествомъ. Особенно-же дрожало у него сердце и весь какъ-бы сіялъ онъ, когда старецъ выходилъ къ толпѣ ожидавшихъ его выхода у вратъ скита богомольцевъ изъ простаго народа, нарочно что бы видѣть старца и благословиться у него стекавшагося со всей Россіи. Они повергались предъ нимъ, плакали, цѣловали ноги его, цѣловали землю, на которой онъ стоитъ, вопили, бабы протягивали къ нему дѣтей своихъ, подводили больныхъ кликушъ. Старецъ говорилъ съ ними, читалъ надъ ними краткую молитву, благословлялъ и отпускалъ ихъ. Въ послѣднее время отъ припадковъ болѣзни онъ становился иногда такъ слабъ, что едва бывалъ въ силахъ выйдти изъ кельи и богомольцы ждали иногда въ монастырѣ его выхода по нѣскольку дней. Для Алеши не составляло никакого вопроса, за что

они его такъ любятъ, за что они повергаются предъ нимъ и плачутъ отъ умиленія, завидѣвъ лишь лицо его. О, онъ отлично понималъ, что для смиренной души русскаго простолюдина, измученной трудомъ и горемъ, а, главное, вѣковѣчною несправедливостью и вѣковѣчнымъ грѣхомъ, какъ своимъ, такъ и міровымъ, нѣтъ сильнѣе потребности и утѣшенія какъ обрѣсти святыню или святаго, пасть предъ нимъ и поклониться ему: Если у насъ грѣхъ, неправда и искушеніе, то все равно, есть на землѣ тамъ-то, гдѣ-то, святой и высшій: у того зато правда, тотъ зато знаетъ правду: значитъ, не умираетъ она на землѣ, а, стало быть, когда нибудь и къ намъ перейдетъ и воцарится по всей землѣ какъ обѣщано . Зналъ Алеша, что такъ именно и чувствуетъ и даже разсуждаетъ народъ, онъ понималъ это, но то, что старецъ именно и есть этотъ самый святой, этотъ хранитель Божьей правды въ глазахъ народа — въ этомъ онъ не сомнѣвался нисколько, и самъ, вмѣстѣ съ этими плачущими мужиками и больными ихъ бабами, протягивающими старцу дѣтей своихъ. Убѣжденіе-же въ томъ, что старецъ почившій доставитъ необычайную славу монастырю царило въ душѣ Алеши, можетъ быть, даже сильнѣе чѣмъ у кого-бы то ни было въ монастырѣ. И вообще все это послѣднее время какой-то глубокій, пламенный внутренній восторгъ все сильнѣе и сильнѣе разгорался въ его сердцѣ. Не смущало его нисколько, что этотъ старецъ все таки стоитъ предъ нимъ единицей: Все равно, онъ святъ, въ его сердцѣ тайна обновленія для всѣхъ, та мощь, которая установитъ, наконецъ, правду на землѣ и будутъ всѣ святы, и будутъ любить другъ друга и не будетъ ни богатыхъ, ни бѣдныхъ, ни возвышающихся, ни униженныхъ, а будутъ всѣ какъ дѣти Божіи и наступитъ настоящее Царство Христово . Вотъ о чемъ грезилось сердцу Алеши.

Кажется, что на Алешу произвелъ сильнѣйшее впечатлѣніе пріѣздъ его обоихъ братьевъ, которыхъ онъ до того совершенно не зналъ. Съ братомъ Дмитріемъ Ѳедоровичемъ онъ сошелся скорѣе и ближе, хотя тотъ пріѣхалъ позже, чѣмъ съ другимъ (единоутробнымъ) братомъ своимъ, Иваномъ Ѳедоровичемъ. Онъ ужасно интересовался узнать брата Ивана, но вотъ тотъ уже жилъ два мѣсяца, а они хоть и видѣлись довольно часто, но все еще никакъ не сходились: Алеша былъ и самъ молчаливъ и какъ-бы ждалъ чего-то, какъ-бы стыдился чего-то, а братъ Иванъ, хотя Алеша и подмѣтилъ въ началѣ на себѣ его длинные и любопытные взгляды, кажется, вскорѣ перестали даже и думать о немъ. Алеша замѣтилъ это съ нѣкоторымъ смущеніемъ. Онъ приписалъ равнодушіе брата разницѣ въ ихъ лѣтахъ и въ особенности въ образованіи. Но думалъ Алеша и другое: столь малое любопытство и участіе къ нему, можетъ быть, происходило у

Ивана и отъ чего нибудь совершенно Аленѣ неизвѣстнаго. Ему все казалось почему-то, что Иванъ чѣмъ-то занятъ, чѣмъ-то внутреннимъ и важнымъ, что онъ стремится къ какой-то цѣли, можетъ быть, очень трудной, такъ что ему не до него, и что вотъ это и есть та единственная причина почему онъ смотритъ на Алешу разсѣянно. Задумывался Алеша и о томъ: не было-ли тутъ какого нибудь презрѣнія къ нему, къ глупенькому послушнику, отъ ученаго атеиста. Онъ совершенно зналъ, что братъ его атеистъ. Презрѣніемъ этимъ, если оно и было, онъ обидѣться не могъ, но все таки съ какимъ-то непонятнымъ себѣ самому и тревожнымъ смущеніемъ ждалъ когда братъ захочетъ подойдти къ нему ближе. Братъ Дмитрій Ѳедоровичъ отзывался о братѣ Иванѣ съ глубочайшимъ уваженіемъ, съ какимъ-то особымъ проникновеніемъ говорилъ о немъ. Отъ него-же узналъ Алеша всѣ подробности того важнаго дѣла, которое связало, въ послѣднее время, обоихъ старшихъ братьевъ замѣчательною и тѣсною связью. Восторженные отзывы Дмитрія о братѣ Иванѣ были тѣмъ характернѣе въ глазахъ Алеши, что братъ Дмитрій былъ человѣкъ, въ сравненіи съ Иваномъ, почти вовсе необразованный, и оба, поставленные вмѣстѣ одинъ съ другимъ, составляли, казалось, такую яркую противоположность, какъ личности и характеры, что, можетъ быть, нельзя-бы было и придумать двухъ человѣкъ несходнѣе между собою.

Вотъ въ это-то время и состоялось свиданіе или, лучше сказать, семейная сходка всѣхъ членовъ этого нестроннаго семейства въ кельи старца, имѣвшая чрезвычайное вліяніе на Алешу. Предлогъ къ этой сходкѣ, по настоящему, былъ фальшивый. Тогда именно несогласія по наслѣдству и по имущественнымъ разсчетамъ Дмитрія Ѳедоровича съ отцомъ его, Ѳедоромъ Павловичемъ, дошли, повидимому, до невозможной точки. Отношенія обострились и стали невыносимы. Ѳедоръ Павловичъ, кажется, первый и, кажется, шутя подалъ мысль о томъ, чтобы сойтись всѣмъ въ кельи старца Зосимы и, хотя и не прибѣгая къ прямому его посредничеству, все-таки какъ нибудь сговориться приличнѣе, причемъ самъ и лицо старца могли-бы имѣть нѣчто внушающее и примирительное. Дмитрій Ѳедоровичъ, никогда у старца не бывавшій и даже не видавшій его, конечно, подумалъ, что старцемъ его хотятъ какъ-бы испугать: но такъ какъ онъ и самъ укорялъ себя втайнѣ за многія особенно рѣзкія выходки въ спорѣ съ отцомъ за послѣднее время, то и принялъ вызовъ. Кстати замѣтить, что жилъ онъ не въ домѣ отца, какъ Иванъ Ѳедоровичъ, а отдѣльно, въ другомъ концѣ города. Тутъ случилось, что проживавшій въ это время у насъ Петръ Александровичъ Міусовъ особенно ухватился за эту идею Ѳедора Павловича. Либералъ сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ, вольнодумецъ и ате-

ность, онъ, отъ скуки, можетъ быть, а, можетъ быть, для легкомысленной потѣхи, принялъ въ этомъ дѣлѣ чрезвычайное участіе. Ему вдругъ захотѣлось посмотрѣть на монастырь и на «святаго». Такъ какъ все еще продолжались его давніе споры съ монастыремъ и все еще тянулась тяжба о поземельной границѣ ихъ владѣній, о какихъ-то правахъ рубки въ лѣсу и рыбной ловлѣ въ рѣчкѣ и проч., то онъ и воспользовался этимъ предлогомъ того, что самъ желалъ-бы сговориться съ отцомъ игуменомъ: нельзя-ли какъ нибудь покончить ихъ споры полюбовно? Посѣтителя съ такими благими намѣреніями, конечно, могли принять въ монастырѣ внимательнѣе и предупредительнѣе, чѣмъ просто любопытствующаго. Вслѣдствіе всѣхъ сихъ соображеній и могло устроиться нѣкоторое внутреннее вліяніе въ монастырѣ на больнаго старца, въ послѣднее время почти совсѣмъ уже не покидавшаго келью и отказывавшаго, по болѣзни, даже обыкновеннымъ посѣтителямъ. Кончилось тѣмъ, что старецъ далъ согласіе и день былъ назначенъ. «Кто меня поставилъ дѣлить между ними?» заявилъ онъ только съ улыбкой Алешѣ.

Узнавъ о свиданіи, Алеша очень смутился. Если кто изъ этихъ тяжущихся и пререкающихся могъ смотрѣть серіозно на этотъ съѣздъ, то, безъ сомнѣнія, одинъ только братъ Дмитрій; остальные-же всѣ придутъ изъ цѣли легкомысленныхъ и для старца, можетъ быть, оскорбительныхъ,—вотъ что понималъ Алеша. Братъ Иванъ и Міусовъ пріѣдутъ изъ любопытства, можетъ быть, самаго грубаго а отецъ его, можетъ быть, для какой нибудь шутовской и актерской сцены. О, Алеша хотъ и молчалъ, но довольно и глубоко зналъ уже своего отца. Повторяю, этотъ мальчикъ былъ вовсе не столь простодушнымъ, какимъ всѣ считали его. Съ тяжелымъ чувствомъ дожидался онъ назначеннаго дня. Безъ сомнѣнія, онъ очень заботился про себя, въ сердцѣ своемъ, о томъ, чтобы какъ нибудь всѣ эти семейныя несогласія кончились. Тѣмъ не менѣе самая главная забота его была о старцѣ: онъ трепеталъ за него, за славу его, боялся оскорбленій ему, особенно тонкихъ, вѣжливыхъ насмѣшекъ Міусова и недомолвокъ свысока ученаго Ивана, такъ это все представлялось ему. Онъ даже хотѣлъ рискнуть предупредить старца, сказать ему что нибудь объ этихъ могущихъ прибыть лицахъ, но подумалъ и промолчалъ. Передалъ только наканунѣ назначеннаго дня чрезъ одного знакомаго брату Дмитрію, что очень любитъ его и ждетъ отъ него исполненія обѣщаннаго. Дмитрій задумался, потому что ничего не могъ припомнить, что-бы такое ему обѣщалъ, отвѣтилъ только письмомъ, что изо всѣхъ силъ себя сдержитъ «предъ низостью». И хотя глубоко уважаетъ старца и брата Ивана, но убѣжденъ, что тутъ или какая нибудь ему ловушка, или недостойная комедія. «Тѣмъ не

менѣе скорѣе проглочу свой языкъ, чѣмъ мажирую уваженіемъ къ святому мужу, тобою столь уважаемому», закончилъ Дмитрій свое письмецо. Алешу оно не весьма ободрило.

КНИГА ВТОРАЯ.

Неумѣстное собраніе.

I.

Пріѣхали въ монастырь.

Выдался прекрасный, теплый и ясный день. Былъ конецъ августа. Свиданіе со старцемъ условлено было сейчасъ послѣ поздней обѣдни, примѣрно къ половинѣ двѣнадцатаго. Наши посѣтители монастыря къ обѣднѣ однако не пожаловали, а пріѣхали ровно къ назначенному разбору. Пріѣхали они въ двухъ экипажахъ: въ первомъ экипажѣ, въ щегольской коляскѣ, запряженной парой дорогихъ лошадей, прибылъ Петръ Александровичъ Міусовъ, со своимъ дальнимъ родственникомъ, очень молодымъ человѣкомъ, лѣтъ двадцати, Петромъ Фомичемъ Калгановымъ. Этотъ молодой человѣкъ готовился поступить въ университетъ; Міусовъ-же, у котораго онъ почему-то пока жилъ, собирался его съ собою за границу, въ Цюрихъ или въ Іену, чтобы тамъ поступить въ университетъ и окончить курсъ. Молодой человѣкъ еще не рѣшился. Онъ былъ задумчивъ и какъ-бы разсѣянъ. Лицо его было пріятное, сложеніе крѣпкое, ростъ довольно высокій. Во взглядѣ его случалась странная неподвижность: подобно всѣмъ очень разсѣяннымъ людямъ, онъ глядѣлъ на васъ иногда въ упоръ и подолгу, а между тѣмъ совсѣмъ васъ не видѣлъ. Былъ онъ молчаливъ и нѣсколько неловокъ, но бывало, впрочемъ, не иначе, какъ съ кѣмъ нибудь одинъ на одинъ, что онъ вдругъ станетъ ужасно разговорчивъ, порывистъ, смѣшливъ, смѣясь Богъ знаетъ иногда чему. Но одушевленіе его столь-же быстро и вдругъ погасало, какъ быстро и вдругъ нарождалось. Былъ онъ одѣтъ всегда хорошо и даже изысканно: онъ уже имѣлъ нѣкоторое независимое состояніе и ожидалъ еще гораздо бо́льшаго. Съ Алешей былъ пріятелемъ.

Въ весьма ветхой, дребезжащей, но помѣстительной извозчичьей

коляскѣ, на парѣ старыхъ сивороговыхъ лошадей, сильно отстававшихъ отъ коляски Міусова, подъѣхали и Ѳедоръ Павловичъ съ сыномъ своимъ, Иваномъ Ѳедоровичемъ. Дмитрію Ѳедоровичу еще наканунѣ сообщенъ былъ и часъ и срокъ, но онъ запоздалъ. Посѣтители оставили экипажи у ограды, въ гостинницѣ, и вошли въ монастырскія ворота пѣшкомъ. Кромѣ Ѳедора Павловича, остальные трое, кажется, никогда не видали никакого монастыря, а Міусовъ такъ лѣтъ тридцать, можетъ быть, и въ церкви не былъ. Онъ озирался съ нѣкоторымъ любопытствомъ, не лишеннымъ нѣкоторой напущенной на себя развязности. Но для наблюдательнаго его ума кромѣ церковныхъ и хозяйственныхъ построекъ, весьма, впрочемъ, обыкновенныхъ, во внутренности монастыря ничего не представлялось. Проходилъ послѣдній народъ изъ церкви, снимая шапки и крестясь. Между простонародьемъ встрѣчались и пріѣзжіе болѣе высшаго общества, двѣ—три дамы, одинъ очень старый генералъ; всѣ они стояли въ гостинницѣ. Нищіе обступили нашихъ посѣтителей тотчасъ-же, но имъ никто ничего не далъ. Только Нетрунна Калгановъ вынулъ изъ портмоне гривенникъ и, заторопившись и сконфузившись Богъ знаетъ отчего, поскорѣе сунулъ одной бабѣ, быстро проговоривъ: раздѣлить по ровну . Никто ему на это ничего изъ его спутниковъ не замѣтилъ, такъ что нечего было ему конфузиться; но, замѣтивъ это, онъ еще больше скопфузился.

Было однако странно; ихъ, по настоящему, должны-бы были ждать и, можетъ быть, съ нѣкоторымъ даже почетомъ: одинъ недавно еще тысячу рублей пожертвовалъ, а другой былъ богатѣйшимъ помѣщикомъ и образованнѣйшимъ, такъ сказать, человѣкомъ, отъ котораго всѣ они тутъ отчасти зависѣли по поводу ловель рыбы въ рѣкѣ, вслѣдствіе оборота, какой могъ принять процессъ. И вотъ однако-жъ никто изъ официальныхъ лицъ ихъ не встрѣчаетъ. Міусовъ разсѣянно смотрѣлъ на могильные камни около церкви и хотѣлъ было замѣтить, что могилки эти, должно быть, обошлись дорогонько хоронившимъ. за право хоронить въ такомъ святомъ мѣстѣ. но промолчалъ: простая либеральная иронія переродилась въ немъ почти что ужъ въ гнѣвъ.

— Чортъ, у кого здѣсь однако спросить. въ этой безтолковщинѣ... Это нужно-бы рѣшить, потому что время уходитъ. промолвилъ онъ вдругъ какъ-бы говоря про себя.

Вдругъ подошелъ къ нимъ одинъ пожилой, лысоватый господинъ, въ широкомъ лѣтнемъ пальто и съ сладкими глазками. Приподнявъ шляпу, медово присюсюкивая, отрекомендовался онъ всѣмъ вообще тульскимъ помѣщикомъ Максимовымъ. Онъ мигомъ вошелъ въ заботу нашихъ путниковъ.

— Старецъ Зосима живетъ въ скиту, въ скиту напухо, шаговъ четыреста отъ монастыря, черезъ лѣсокъ, черезъ лѣсокъ...

— Это и я знаю-съ, что черезъ лѣсокъ, отвѣтилъ ему Ѳедоръ Павловичъ, да дорогу-то мы не совсѣмъ помнимъ, давно не бывали.

— А вотъ въ эти врата, и прямо лѣскомъ... лѣскомъ. Пойдемте. Не угодно-ли... мнѣ самому... я самъ... Вотъ сюда, сюда...

Они вышли изъ врать и направились лѣсомъ. Помѣщикъ Максимовъ, человѣкъ лѣтъ шестидесяти, не то что пилъ, а, лучше сказать, почти бѣжалъ сбоку, разсматривая ихъ всѣхъ съ суторожнымъ, невозможнымъ почти любопытствомъ. Въ глазахъ его было что-то лупоглазое.

— Видите-ли, мы къ этому старцу по своему дѣлу, замѣтилъ строго Міусовъ, — мы, такъ сказать, получили аудіенцію у сего лица , а потому хоть и благодарны вамъ за дорогу, но васъ ужь не попросимъ входить вмѣстѣ.

— Я былъ, былъ, я уже былъ... Un chevalier parfait! и помѣщикъ пустилъ на воздухъ щелчокъ пальцемъ.

— Кто это chevalier? спросилъ Міусовъ.

— Старецъ, великолѣпный старецъ, старецъ... Честь и слава монастырю. Зосима. Это такой старецъ...

Но безпорядочную рѣчь его перебилъ догнавшій путниковъ монашекъ, въ клобукѣ, невысокаго росту, очень благѣдный и испитой. Ѳедоръ Павловичъ и Міусовъ остановились. Монахъ съ чрезвычайно вѣжливымъ, почти поясньшъ поклономъ произнесъ:

— Отецъ игуменъ, послѣ посѣщенія вашего въ скитъ, покорнѣйше проситъ васъ всѣхъ, господа, у него откушать. У него въ часъ, не позже. И васъ также, обратился онъ къ Максимову.

— Это я непремѣнно исполню! вскричалъ Ѳедоръ Павловичъ, ужасно обрадовавшись приглашенію. — непремѣнно. И знаете, мы всѣ дали слово вести себя здѣсь порядочно... А вы, Петръ Александровичъ, пожалуете?

— Да еще-же-бы нѣтъ? Да я зачѣмъ-же сюда и пріѣхалъ, какъ не видѣть всѣ ихъ здѣшніе обычаи. Я одинъ только затрудняюсь, именно тѣмъ, что я теперь съ вами, Ѳедоръ Павловичъ...

— Да, Дмитрія Ѳедоровича еще не существуетъ.

— Да и отлично-бы было, если-бъ онъ маніировалъ, мнѣ пріятно, что-ли, вся эта ваша мазня, да еще съ вами на придачу? Такъ къ обѣду будемъ, поблагодарите отца игумена, обратился онъ къ монашку.

— Нѣтъ, ужь я васъ обязанъ руководить къ самому старцу, отвѣтилъ монахъ.

— А я, коль такъ, къ отцу игумену, я тѣмъ временемъ прямо къ отцу игумену, защебеталъ помѣщикъ Максимовъ.

— Отецъ игуменъ въ настоящій часъ занятъ, но какъ вамъ будетъ угодно... нерѣшительно произнесъ монахъ.

— Преназойливый старичишка, замѣтилъ вслухъ Міусовъ, когда помѣщикъ Максимовъ побѣжалъ обратно къ монастырю.

— На фонъ-Зона похожъ, проговорилъ вдругъ Ѳедоръ Павловичъ.

— Вы только это и знаете... Съ чего онъ похожъ на фонъ-Зона? Вы сами-то видѣли фонъ-Зона?

Его карточку видѣлъ. Хоть не чертами лица, такъ чѣмъ-то неизъяснимымъ. Честнѣйшій второй экземпляръ фонъ-Зона. Я это всегда по одной только физіономіи узнаю.

— А, пожалуй; вы въ этомъ знатокъ. Только вотъ что, Ѳедоръ Павловичъ, вы сами сейчасъ изволили упомянуть, что мы дали слово вести себя прилично, помните. Говорю вамъ, удержитесь. А начнете шута изъ себя строить, такъ я не намѣренъ, чтобы меня съ вами на одну доску здѣсь поставили... Видите, какой человѣкъ, обратился онъ къ монаху, — я вотъ съ нимъ боюсь входить къ порядочнымъ людямъ.

На блѣдныхъ, безкровныхъ губахъ монашка показалась тонкая, молчальная улыбочка, не безъ хитрости въ своемъ родѣ, но онъ ничего не отвѣтилъ и слишкомъ ясно было, что промолчалъ изъ чувства собственнаго достоинства. Міусовъ еще больше поморщился.

«О, чортъ ихъ всѣхъ дери, вѣками лишь выработанная наружность, а въ сущности шарлатанство и вздоръ!» пронеслось у него въ головѣ.

— Вотъ и скитъ, дошли! крикнулъ Ѳедоръ Павловичъ, ограда и врата заперты.

И онъ пустился класть большіе кресты предъ святыми, нанесенными надъ вратами и сбоку врать.

Въ чужой монастырь со своимъ уставомъ не ходятъ, замѣтилъ онъ.—Всѣхъ здѣсь въ скиту двадцать пять святыхъ спасаются, другъ на друга смотрятъ и капусту ѣдятъ. И ни одной-то женщины въ эти врата не войдетъ, вотъ что особенно замѣчательно. И это вѣдь дѣйствительно такъ. Только какъ-же я слышалъ, что старецъ дамъ принимаетъ? обратился онъ вдругъ къ монашку.

— Изъ простонародья женскій полъ и теперь тутъ, вонъ тамъ, лежатъ у галлереечки, ждутъ. А для высшихъ дамскихъ лицъ пристроены здѣсь-же на галлереѣ, по внѣ ограды, двѣ комнатки, вотъ эти самыя окна, и старецъ выходитъ къ нимъ внутреннимъ ходомъ когда здоровъ, то есть все-же за ограду. Вотъ и теперь одна

барыня, помѣщица харьковская, госпожа Хохлакова, должается со своею разслабленною дочерью. Вѣроятно, обѣщалъ къ нимъ выйдти, хотя въ послѣдніе времена столь разслабѣлъ, что и къ народу едва появляется.

— Значитъ, все-же лазеечка къ барынямъ-то изъ скита проведена. Не подумайте, отецъ святой, что я что нибудь, я только такъ. Знаете, на Хоонѣ, это вы слышали-съ, не только посѣщенія женщинъ не полагается, но и совсѣмъ не полагается женщинъ и никакихъ даже существъ женскаго рода, курочекъ, индюшечекъ, телушечекъ...

— Ѳедоръ Павловичъ, я ворочусь и васъ брошу здѣсь одного, и васъ безъ меня отсюда выведутъ за руки, это я вамъ предрекаю.

— А тѣмъ я вамъ мѣшаю, Петръ Александровичъ. Посмотрите-ка, вскричалъ онъ вдругъ, шагнувъ за ограду скита, посмотрите въ какой они долинѣ розъ произваютъ!

Дѣйствительно, хотъ розъ теперь и не было, но было множество рѣдкихъ и прекрасныхъ осеннихъ цвѣтовъ вездѣ, гдѣ только можно было ихъ насадить. Дѣлѣла ихъ видимо опытная рука. Цвѣтники устроены были въ оградахъ церквей и между могилъ. Домикъ, въ которомъ находилась келья старца, деревянный, одноэтажный, съ галлереей предъ входомъ, былъ тоже обсаженъ цвѣтами.

— А было-ль это при предъидущемъ старцѣ, Варсонофіи? Тотъ изящности-то, говорятъ, не любилъ, вскакивалъ и билъ палкой даже дамскій полъ, замѣтилъ Ѳедоръ Павловичъ, подымаясь на крыльцо.

— Старецъ Варсонофій дѣйствительно казался иногда какъ-бы юродивымъ, но много разсказываютъ и глупостей. Палкой-же никогда и никого не билъ, отвѣтилъ монашекъ. Теперь, господа, минутку повремените, я о васъ новѣщу.

— Ѳедоръ Павловичъ, въ послѣдній разъ условіе, слышите. Ведите себя хорошо, не то я вамъ отплачу, успѣлъ еще разъ пробормотать Міусовъ.

— Совсѣмъ неизвѣстно съ чего вы въ такомъ великомъ волненіи, насмѣшливо замѣтилъ Ѳедоръ Павловичъ, — али грѣшковъ боитесь? Вѣдь онъ, говорятъ, по глазамъ узнаетъ кто съ чѣмъ приходитъ. Да и какъ высоко цѣните вы ихъ мнѣніе, вы, такой парижанинъ и передовой господинъ, удивили вы меня даже, вотъ что!

Но Міусовъ не успѣлъ отвѣтить на этотъ сарказмъ, ихъ попросили войдти. Вошелъ онъ нѣсколько раздраженный...

«Ну, теперь заранѣе себя знаю, раздражень, заспорю... начну горячиться — и себя и дѣло унижу», мелькнуло у него въ головѣ.

II.

Старый шутъ.

ни вступили въ комнату почти одновременно со старцемъ, который при появленіи ихъ тотчасъ показался изъ своей спаленки. Въ кельѣ еще раньше ихъ дожидались выхода старца два скитскіе іеромонаха. одинъ отецъ-библіотекарь, а другой—отецъ Паисій, человѣкъ больной, хотя и не старый, но очень, какъ говорили про него, ученый. Кромѣ того ожидалъ стоя въ уголку (и все время потомъ оставался стоя),—молодой паренекъ, лѣтъ двадцати двухъ на видъ, въ статскомъ сюртукѣ, семинаристъ и будущій богословъ, покровительствуемый почему-то монастыремъ и братіею. Онъ былъ довольно высокаго роста, со свѣжимъ лицомъ, съ широкими скулами, съ умными и внимательными узенькими карими глазами. Въ лицѣ выражалась совершенная почтительность, но приличная, безъ видимаго заискиванія. Вошедшихъ гостей онъ даже и не привѣтствовалъ поклономъ, какъ лицо имъ не равное, а, напротивъ, подвѣдомственное и зависимое.

Старецъ Зосима вышелъ въ сопровожденіи послушника и Алеши. Іеромонахи поднялись и привѣтствовали его глубочайшимъ поклономъ, пальцами касаясь земли, затѣмъ, благословившись, поцѣловали руку его. Благословивъ ихъ, старецъ отвѣтилъ имъ каждому столь-же глубокимъ поклономъ, перстами касаясь земли, и у каждаго изъ нихъ попросилъ и для себя благословенія. Вся церемонія произошла весьма серіозно, вовсе не какъ ведневный обрядъ какой нибудь, а почти съ какимъ-то чувствомъ. Міусову однако показалось, что все дѣлается съ намѣреннымъ внушеніемъ. Онъ стоялъ впереди всѣхъ вошедшихъ съ нимъ товарищей. Слѣдовало-бы. и онъ даже обдумывалъ это еще вчера вечеромъ. не смотря ни на какія идеи. единственно изъ простой вѣжливости (такъ какъ ужъ здѣсь такіе обычаи), подойдти и благословиться у старца, по крайней мѣрѣ, хоть благословиться, если ужъ не цѣловать руку. Но увидя теперь всѣ эти поклоны и лобызанія іеромонаховъ. онъ въ одну секунду перемѣнилъ рѣшеніе: важно и серіозно отдалъ онъ довольно глубокій. по свѣтскому. поклонъ и отошелъ къ стулу. Точно такое поступилъ и Ѳедоръ Павловичъ, на этотъ разъ какъ обезьяна совершенно передразнивъ Міусова. Иванъ Ѳедоровичъ раскланялся очень важно и вѣжливо. но тоже держа руки по швамъ. а Калгановъ до того сконфузился. что и совсѣмъ не поклонился. Старецъ опустилъ поднявшуюся было для благословенія руку и. поклонившись имъ въ

другой разъ, попросилъ всѣхъ садиться. Кровь залила щеки Алеши; ему стало стыдно. Сбывались его дурныя предчувствія.

Старецъ усѣлся на кожаный краснаго дерева диванчикъ, очень старинной постройки, а гости, кромѣ обоихъ іеромонаховъ, помѣстились у противоположной стѣны, всѣхъ четверыхъ рядышкомъ, на четырехъ краснаго дерева, обитыхъ черною сильно протершеюся кожей стульяхъ. Іеромонахи усѣлись по сторонамъ, одинъ у дверей, другой у окна. Семинаристъ, Алеша и послушникъ оставались стоя. Вся келья была очень не обширна и какого-то былаго вида. Вещи и мебель были грубыя, бѣдныя и самыя лишь необходимыя. Два горшка цвѣтовъ на окнѣ, а въ углу много иконъ, одна изъ нихъ Богородицы, огромнаго размѣра и писанная, вѣроятно, еще задолго до раскола. Предъ нею теплилась лампадка. Около нея двѣ другія иконы въ сіяющихъ ризахъ, затѣмъ около нихъ дѣланные херувимчики, фарфоровыя яички, католическій крестъ изъ слоновой кости съ обнимающею его Mater dolorosa, и нѣсколько заграничныхъ гравюръ съ великихъ italіянскихъ художниковъ прошлыхъ столѣтій. Подлѣ этихъ изящныхъ и дорогихъ гравюрныхъ изображеній красовалось нѣсколько листовъ самыхъ простонародныхъ русскихъ литографій святыхъ, мучениковъ, святителей и проч., продающихся за копѣйки на всѣхъ ярмаркахъ. Было нѣсколько литографическихъ портретовъ русскихъ современныхъ и древнихъ архіереевъ, но уже по другимъ стѣнамъ. Міусовъ обвелъ окинулъ всю эту обстановку и пристальнымъ взглядомъ уперся въ старца. Онъ уважалъ свои взгляды, имѣлъ эту слабость, во всякомъ случаѣ въ немъ простительную, приняв въ соображеніе, что было ему уже пятьдесятъ лѣтъ, возрастъ, въ который умный свѣтскій и обезпеченный человѣкъ всегда становится къ себѣ почтительнѣе, иногда даже по неволѣ.

Съ перваго мгновенія старецъ ему не понравился. Въ самомъ дѣлѣ, было что-то въ лицѣ старца, что многимъ-бы и кромѣ Міусова не понравилось. Это былъ невысокій сгорбленный человѣчекъ съ очень слабыми ногами, всего только шестидесяти пяти лѣтъ, но казавшійся отъ болѣзни гораздо старше. По крайней мѣрѣ, лѣтъ на десять. Все лицо его, впрочемъ, очень сухенькое, было усѣяно мелкими морщинками, особенно было много ихъ около глазъ. Глаза-же были небольшіе, изъ свѣтлыхъ, быстрые и блестящіе, въ родѣ какъ-бы двѣ блестящія точки. Сѣденькіе волосики сохранились лишь на вискахъ, бородка была кроличья и рѣденькая, клиномъ, а губы, часто усмѣхавшіяся тоненькія, какъ двѣ бичевочки. Носъ не то чтобы длинный, а востренькій, точно у птички.

«По всѣмъ признакамъ злобная и мелконадменная душонка», пролетѣло въ головѣ Міусова. Вообще онъ былъ очень недоволенъ собой.

Пробившіе часы помогли начать разговоръ. Ударило скорымъ боемъ на дешевыхъ маленькихъ стѣнныхъ часахъ съ гирями ровно двѣнадцать.

Ровненько настоящій часъ, вскричалъ Ѳедоръ Павловичъ, — а сына моего Дмитрія Ѳедоровича все еще нѣтъ. Извиняюсь за него, священный старецъ! (Алеша весь такъ и вздрогнулъ отъ «священнаго старца»). Самъ-же я всегда аккуратенъ, минута въ минуту, помня, что точность есть вѣжливость королей...

— Но вѣдь вы, по крайней мѣрѣ, не король, пробормоталъ, сразу не удержавшись, Міусовъ.

— Да, это такъ, не король. И представьте, Петръ Александровичъ, вѣдь это я и самъ зналъ, ей Богу! И вотъ всегда-то я такъ не кстати скажу! Ваше преподобіе! воскликнулъ онъ съ какимъ-то мгновеннымъ напоромъ: Вы видите предъ собою шута во истину! Такъ и рекомендуюсь. Старая привычка, увы! А что не кстати иногда вру, такъ это даже съ намѣреніемъ, съ намѣреніемъ разземѣнить и пріятнымъ быть. Надобно-же быть пріятнымъ, не правда-ли? Пріѣзжаю лѣтъ семь назадъ въ одинъ городишко, были тамъ дѣлишки, а я кой съ какими купчишками завязалъ было компаньишку. Идемъ къ исправнику, потому что его надо было кой о чемъ попросить и откупать къ намъ позвать. Выходитъ исправникъ, высокій, толстый, бѣлокурый и угрюмый человѣкъ,—самые опасные въ такихъ случаяхъ субъекты: печенъ у нихъ, печенъ. Я къ нему прямо и, знаете, съ развязностію свѣтскаго человѣка: г. исправникъ, будьте, говорю, нашимъ, такъ сказать. Направникомъ? — Какимъ это, говоритъ, Направникомъ? Я ужь вижу съ первой полсекунды, что дѣло не выгорѣло, стоитъ серіозный, упершись: Я, говорю, пошутить желалъ, для общей веселости, такъ какъ г. Направникъ извѣстный нашъ русскій капельмейстеръ, а намъ именно нужно для гармоніи нашего предпріятія въ родѣ какъ-бы госке капельмейстера ... И резонно вѣдь разъяснить и сравнить, не правда-ли? Извините, говоритъ, я исправникъ и каламбуровъ изъ званія моего строить не позволю. Повернулся и уходитъ. Я за нимъ, кричу: да, да, вы исправникъ, а не Направникъ! - Нѣтъ, говоритъ, ужь коль сказано, такъ значитъ я Направникъ. И представьте, вѣдь дѣло-то наше разстроилось! И все-то я такъ, всегда-то я такъ. Непремѣнно-то я своею-же любезностью себѣ навреку! Разъ, много лѣтъ уже тому назадъ, говорю одному вліятельному даже лицу: Ваша супруга щекотливая женщина-съ, въ смыслѣ то есть чести, такъ сказать, нравственныхъ качествъ, а онъ мнѣ вдругъ на то: А вы ее щекотали? Не удержался, вдругъ, дан, думаю, полюбезничаю: да, говорю, щекоталъ-съ, ну, тутъ онъ меня и пощекоталъ... Только

давно ужь это произошло, такъ что ужь не стыдно и разсказать: вѣчно-то я такъ себѣ наврежу!

Вы это и теперь дѣлаете, съ отвращеніемъ пробормоталъ Міусовъ.

Старецъ молча разглядывалъ того и другаго.

Будто! Представьте, вѣдь я и это зналъ. Петръ Александровичъ, и даже знаете: предчувствовалъ что дѣлаю, только что сталъ говорить, и даже, знаете, предчувствовалъ, что вы мнѣ первый это и замѣтите. Въ эти секунды, когда вижу, что шутка у меня не выходитъ, у меня, ваше преподобіе, обѣ щеки къ нижнимъ деснамъ присыхать начинаютъ, почти какъ-бы судорога дѣлается; это у меня еще съ юности какъ я былъ у дворянъ приживальщикомъ и приживаніемъ хлѣбъ добывалъ. Я шутъ коренной, съ рожденія, все равно, ваше преподобіе, что юродивый: не спорю, что и духъ нечистый, можетъ, во мнѣ заключается, небольшаго впрочемъ калибра, поважнѣе-то другую-бы квартиру выбралъ, только не вашу. Петръ Александровичъ, и вы вѣдь квартира не важная. Но зато я вѣрую, въ Бога вѣрую. Я только въ послѣднее время усумнился, но зато теперь сижу и жду великихъ словесъ. Я, ваше преподобіе, какъ философъ Дидеротъ. Извѣстно-ли вамъ, святѣйшій отецъ, какъ Дидеротъ-философъ явился къ митрополиту Платону при императрицѣ Екатеринѣ. Входитъ и прямо сразу: Нѣтъ Бога. На что великій святитель подымаетъ перстъ и отвѣчаетъ: Рече безумецъ въ сердцѣ своемъ нѣсть Богъ! Тотъ какъ былъ такъ и въ ноги: - Вѣрую, кричитъ, и крещенье принимаю. Такъ его и окрестили тутъ-же. Княгиня Дашкова была воспріемницей, а Потемкинъ крестнымъ отцомъ...

Ѳедоръ Павловичъ, это несносно! Вѣдь вы сами знаете, что вы врете, и что этотъ глупый анекдотъ не правда, къ чему вы ломаетесь? дрожащимъ голосомъ проговорилъ совершенно уже не сдерживая себя Міусовъ.

Всю жизнь предчувствовалъ, что не правда! съ увлеченіемъ воскликнулъ Ѳедоръ Павловичъ. Я вамъ, господа, зато всю правду скажу: старецъ великій! Простите, я послѣднее, о крещеніи-то Дидерота, самъ сейчасъ присочинилъ, вотъ сію только минуточку, вотъ какъ разсказывалъ, а прежде никогда и въ голову не приходило. Для пикантности присочинилъ. Для того и ломаюсь. Петръ Александровичъ, чтобы мнѣ быть. А, впрочемъ, и самъ не знаю иногда для чего. А что до Дидерота, такъ я этого: рече безумца, разъ двадцать, отъ здѣшнихъ-же помѣщиковъ еще въ молодыхъ лѣтахъ моихъ слышалъ, какъ у нихъ проживалъ: отъ вашей тетеньки, Петръ Александровичъ, Мавры Ѳоминишны, тоже между прочимъ слышалъ.

Вѣ-то они до сихъ поръ увѣрены, что безбожникъ Дидеротъ къ митрополиту Платону спорить о Богѣ приходилъ...

Міусовъ всталъ, не только потерявъ терпѣніе, но даже какъ-бы забывшись. Онъ былъ въ бѣшенствѣ и сознавалъ, что отъ этого самъ смѣшонъ. Дѣйствительно въ кельѣ происходило нѣчто совсѣмъ невозможное. Въ этой самой кельѣ, можетъ быть, уже сорокъ или пятьдесятъ лѣтъ, еще при прежнихъ старцахъ, собирались посѣтители, но всегда съ глубочайшимъ благоговѣніемъ, не иначе. Вѣ почти допускаемые, входя въ келью, понимали, что имъ оказываютъ тѣмъ великую милость. Многіе повергались на колѣни и не вставали съ колѣнъ во все время посѣщенія. Многіе изъ высшихъ даже лицъ и даже изъ ученѣйшихъ, мало того, нѣкоторые изъ вольнодумныхъ даже лицъ, приходившіе или по любопытству, или по иному поводу, входя въ келью со всѣми или получая свиданіе наединѣ, ставили себѣ въ первѣйшую обязанность, всѣ до единаго, глубочайшую почтительность и деликатность во все время свиданія, тѣмъ болѣе, что здѣсь дѣлать не полагалось, а была лишь любовь и милость съ одной стороны, а съ другой — покаяніе и жажда разрѣшить какой нибудь трудный вопросъ души или трудный моментъ въ жизни собственнаго сердца. Такъ что вдругъ такое шутовство, которое обнаружилъ Ѳедоръ Павловичъ, непочтительное къ мѣсту, въ которомъ онъ находился, произвело въ свидѣтеляхъ, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, недоумѣніе и удивленіе. Іеромонахи, впрочемъ, нисколько не измѣнившіе своихъ физіономій, съ серіознымъ вниманіемъ слѣдили, что скажетъ старецъ, но, кажется, готовились уже встать какъ Міусовъ. Алеша готовъ былъ заплакать и стоялъ понуривъ голову. Всего страшнѣе казалось ему то, что братъ его, Иванъ Ѳедоровичъ, единственно на котораго онъ надѣялся и который одинъ имѣлъ такое вліяніе на отца, что могъ-бы его остановить, сидѣлъ теперь совсѣмъ неподвижно на своемъ стулѣ, опустивъ глаза и, повидимому, съ какимъ-то даже любознательнымъ любопытствомъ ожидалъ чѣмъ это все кончится, точно самъ онъ былъ совершенно тутъ посторонній человѣкъ. На Ракитина (семинариста), тоже Алешѣ очень знакомаго и почти близкаго, Алеша и взглянуть не могъ: онъ зналъ его мысли (хотя зналъ ихъ одинъ Алеша во всемъ монастырѣ).

— Простите меня... началъ Міусовъ, обращаясь къ старцу, что я, можетъ быть, тоже кажусь вамъ участникомъ въ этой недостойной шуткѣ. Ошибка моя въ томъ, что я повѣрилъ, что даже и такой какъ Ѳедоръ Павловичъ, при посѣщеніи столь почтеннаго лица, захочетъ понять свои обязанности... Я не сообразилъ, что придется просить извиненія именно зато, что съ нимъ входишь...

Петръ Александровичъ не договорилъ и, совсѣмъ сконфузившись хотѣлъ было уже выйдти изъ комнаты.

— Не безпокойтесь, прошу васъ, привсталъ вдругъ съ своего мѣста на свои хилыя ноги старецъ и, взявъ за обѣ руки Петра Александровича, усадилъ его опять въ кресла. — Будьте спокойны, прошу васъ. Я особенно прошу васъ быть моимъ гостемъ. — и съ поклономъ, повернувшись, сѣлъ опять на свой диванчикъ.

Великій старецъ, изреките, оскорбляю я васъ моею живостью или нѣтъ? вскричалъ вдругъ Ѳедоръ Павловичъ, схватившись обѣими руками за ручки кресель и какъ-бы готовясь изъ нихъ выпрыгнуть сообразно съ отвѣтомъ.

— Убѣдительно и васъ прошу не безпокоиться и не стѣсняться, внушительно проговорилъ ему старецъ... - Не стѣсняйтесь, будьте совершенно какъ дома. А главное, не стыдитесь столь самаго себя, ибо отъ сего лишь все и выходитъ.

— Совершенно какъ дома? То есть въ натуральномъ-то видѣ? О, этого много, слишкомъ много, но съ умиленіемъ принимаю! Знаете, благословенный отецъ, вы меня на натуральный-то видъ не вызывайте, не рискуйте... до натуральнаго вида я и самъ не дойду. Это я чтобы васъ охранить предупреждаю. Ну-съ, а прочее все еще подвержено мраку неизвѣстности, хотя-бы нѣкоторые и желали росписать меня. Это я по вашему адресу, Петръ Александровичъ, говорю, а вамъ, святѣйшее существо, вотъ что вамъ: восторгъ изливаю! Онъ привсталъ и, поднявъ вверхъ руки, произнесъ: Блаженно чрево носившее тебя и сосцы тебя питавшіе, сосцы особенно! Вы меня сейчасъ замѣчаніемъ вашимъ: Не стыдитеся столь самого себя, потому что отъ сего лишь все и выходитъ .— вы меня замѣчаніемъ этимъ какъ-бы насквозь прочкнули и внутри прочли. Именно мнѣ все такъ и кажется, когда я къ людямъ вхожу, что я подлѣе всѣхъ и что меня всѣ за шута принимаютъ, такъ вотъ давай-же я и въ самомъ дѣлѣ сыграю шута, не боюсь вашихъ мнѣній, потому что всѣ вы до единаго подлѣе меня! Вотъ потому я и шутъ, отъ стыда шутъ, старецъ великій, отъ стыда. Отъ мнительности одной и буянно. Вѣдь если-бъ я только былъ увѣренъ когда вхожу, что всѣ меня за милѣйшаго и умнѣйшаго человѣка сейчасъ-же примутъ, Господи, какой-бы я тогда былъ добрый человѣкъ! Учитель! повергся онъ вдругъ на колѣни, что мнѣ дѣлать чтобы наслѣдовать жизнь вѣчную? Трудно было и теперь рѣшить: шутитъ онъ, или въ самомъ дѣлѣ въ такомъ умиленіи?

Старецъ поднялъ на него глаза и съ улыбкой произнесъ:

— Сами давно знаете что̀ надо дѣлать, ума въ васъ довольно: не предавайтесь пьянству и словесному невоздержанію, не преда-

вайтесь сладострастію, а особенно обожанію денегъ, да закройте ваши нитейные дома, если не можете всѣхъ, то хоть два или три. А главное, самое главное—не лгите.

— То есть это про Дидерота, что-ли?

— Нѣтъ, не то что про Дидерота. Главное, самому себѣ не лгите. Лгущій самому себѣ и собственную ложь свою слушающій до того доходитъ, что ужъ никакой правды ни въ себѣ, ни кругомъ не различаетъ, а, стало быть, входитъ въ неуваженіе и къ себѣ, и къ другимъ. Не уважая-же никого, перестаетъ любить, а чтобы, не имѣя любви, занять себя и развлечь, предается страстямъ и грубымъ сладостямъ, и доходитъ совсѣмъ до скотства въ порокахъ своихъ, а все отъ безпрерывной лжи и людямъ, и себѣ самому. Лгущій себѣ самому прежде всѣхъ и обидѣться можетъ. Вѣдь обидѣться иногда очень пріятно, не такъ-ли? И вѣдь знаетъ человѣкъ, что никто не обидѣлъ его, а что онъ самъ себѣ обиду навыдумалъ и налгалъ для красы, самъ преувеличилъ, чтобы картину создать, къ слову привязался и изъ горошинки сдѣлалъ гору, — знаетъ самъ это, а все-таки самый первый обижается, обижается до пріятности, до ощущенія большаго удовольствія, а тѣмъ самымъ доходитъ и до вражды истинной... Да встаньте-же, сядьте, прошу васъ очень, вѣдь все это тоже ложные жесты...

Блаженный человѣкъ! Дайте ручку поцѣловать, подскочилъ Ѳедоръ Павловичъ и быстро чмокнулъ старца въ худенькую его руку. Именно, именно пріятно обидѣться. Это вы такъ хорошо сказали, что я и не слыхалъ еще. Именно, именно я-то всю жизнь и обижался до пріятности, для эстетики обижался, ибо не только пріятно, но и красиво иной разъ обиженнымъ быть; — вотъ что вы забыли, великій старецъ: красиво! Это я въ книжку запишу! А лгалъ я, лгалъ, рѣшительно всю жизнь мою, на всякъ день и часъ. Во истину ложь есмь и отецъ лжи! Впрочемъ, кажется, не отецъ лжи, это я все въ тексахъ сбиваюсь, ну хоть сынъ лжи и того будетъ довольно. Только... ангелъ вы мой... про Дидерота иногда можно! Дидеротъ не повредитъ, а вотъ иное словцо повредитъ. Старецъ великій, кстати, вотъ было забылъ, а вѣдь такъ и положилъ, еще съ третьяго года, здѣсь справиться, именно заѣхать сюда и настоятельно разузнать и спросить: не прикажите только Петру Александровичу прерывать. Вотъ что спрошу: справедливо-ли, отецъ великій, то что въ *Четьи-Минеи* повѣствуется гдѣ-то — о какомъ-то святомъ чудотворцѣ, котораго мучили за вѣру и когда отрубили ему подъ конецъ голову, то онъ всталъ, поднялъ свою голову, и «любезно ее лобызаше», и долго шелъ неся ее въ рукахъ и «любезно ее лобызаше». Справедливо это или нѣтъ отцы честные?

— Нѣтъ, несправедливо, сказалъ старецъ.

— Ничего подобнаго во всѣхъ *Четьихъ-Минеяхъ* не существуетъ. Про какого это святаго, вы говорите, такъ написано? спросилъ іеромонахъ, отецъ библіотекарь.

— Самъ не знаю про какого. Не знаю и не вѣдаю. Введенъ въ обманъ, говорили. Слышалъ и знаете кто разсказалъ? А вотъ Петръ Александровичъ Міусовъ, вотъ что за Дидерота сейчасъ разсердился, вотъ онъ-то и разсказалъ.

— Никогда я вамъ этого не разсказывалъ, я съ вами и не говорю никогда вовсе.

Правда, вы не мнѣ разсказывали; но вы разсказывали въ компаніи, гдѣ и я находился, четвертаго года это дѣло было. Я потому и упомянулъ, что разсказомъ семъ смѣшливымъ вы потрясли мою вѣру. Петръ Александровичъ, Вы не знали о семъ, не вѣдали, а я воротился домой съ потрясенною вѣрой и съ тѣхъ поръ все болѣе и болѣе сотрясаюсь. Да, Петръ Александровичъ, вы великаго паденія были причиной! Это ужъ не Дидеротъ-съ!

Ѳедоръ Павловичъ патетически разгорячился, хотя и совершенно ясно было уже всѣмъ, что онъ опять представляется. Но Міусовъ всетаки былъ больно уязвленъ.

— Какой вздоръ, и все это вздоръ, бормоталъ онъ. Я дѣйствительно, можетъ быть, говорилъ когда-то... только не вамъ. Мнѣ самому говорили. Я это въ Парижѣ слышалъ, отъ одного француза, что будто-бы у насъ въ *Четьи-Минеи* это за обѣдней читаютъ... Это очень ученый человѣкъ, который спеціально изучалъ статистику Россіи... долго жилъ въ Россіи... Я самъ *Четьи-Миней* не читалъ... да и не стану читать... Мало-ли что болтается за обѣдомъ?.. Мы тогда обѣдали...

— Да, вотъ вы тогда обѣдали, а я вотъ вѣру-то и потерялъ! подразнивалъ Ѳедоръ Павловичъ.

— Какое мнѣ дѣло до вашей вѣры! крикнулъ было Міусовъ, но вдругъ сдержалъ себя, съ презрѣніемъ проговоривъ: — вы буквально мараете все къ чему ни прикоснетесь.

Старецъ вдругъ поднялся съ мѣста:

— Простите, господа, что оставляю васъ пока на нѣсколько лишь минутъ, проговорилъ онъ, обращаясь ко всѣмъ посѣтителямъ, — но меня ждутъ еще раньше вашего прибывшіе. А вы всетаки не лгите, прибавилъ онъ, обратившись къ Ѳедору Павловичу съ веселымъ лицомъ.

Онъ поднялъ изъ кельи, Алеша и послушникъ бросились чтобы свести его съ лѣстницы. Алеша задыхался, онъ радъ былъ уйдти, но радъ былъ и тому, что старецъ не обиженъ и веселъ. Старецъ

направился къ галлереѣ, чтобы благословить ожидавшихъ его. Но Ѳедоръ Павловичъ все-таки остановилъ его въ дверяхъ кельи.

— Блаженнѣйшій человѣкъ! — вскричалъ онъ съ чувствомъ.— позвольте мнѣ еще разъ вашу ручку облобызать! Нѣтъ, съ вами еще можно говорить, можно жить! Вы думаете, что я всегда такъ лгу и шутовъ изображаю? Знайте-же, что это я все время нарочно чтобы васъ испробовать такъ представляюсь. Это я все время васъ ощупывалъ, можно-ли съ вами жить? Моему-то смиренію есть-ли при вашей гордости мѣсто? Льстъ вамъ похвальный выдаю: можно съ вами жить! А теперь молчу, на все время умолкаю. Сяду въ кресло и замолчу. Теперь вамъ, Петръ Александровичъ, говорить. Вы теперь самый главный человѣкъ остались... на десять минутъ.

III.

Вѣрующія бабы.

Внизу у деревянной галлереѣки, придѣланной къ наружной стѣнѣ ограды, толпились на этотъ разъ все женщины, бабъ около двадцати. Ихъ увѣдомили, что старецъ, наконецъ, выйдетъ и онѣ собрались въ ожиданіи. Вышли на галлереѣку и помѣщицы Хохлаковы, тоже ожидавшія старца, но въ отведенномъ для благородныхъ посѣтительницъ помѣщеніи. Ихъ было двѣ: мать и дочь. Госпожа Хохлакова-мать, дама богатая и всегда со вкусомъ одѣтая, была еще довольно молодая и очень миловидная собою особа, немного болѣзная, съ очень оживленными и почти совсѣмъ черными глазами. Ей было не болѣе тридцати трехъ лѣтъ и она уже лѣтъ пять какъ была вдовой. Четырнадцатилѣтняя дочь ея страдала параличемъ ногъ. Бѣдная дѣвочка не могла ходить уже съ полгода и ее возили въ длинномъ покойномъ креслѣ на колесахъ. Это было прелестное личико, немного худенькое отъ болѣзни, но веселое. Что-то шаловливое свѣтилось въ ея темныхъ большихъ глазахъ съ длинными рѣсницами. Мать еще съ весны собиралась ее везти за границу, но лѣтомъ опоздали за устройствомъ по имѣнію. Онѣ уже съ недѣлю какъ жили въ нашемъ городѣ, больше по дѣламъ, чѣмъ для богомолья, но уже разъ, три дня тому назадъ, посѣщали старца. Теперь онѣ пріѣхали вдругъ опять, хотя и знали, что старецъ почти уже не можетъ вовсе никого принимать и, настоятельно умоляя, просили еще разъ счастья узрѣть великаго исцѣлителя. Въ ожиданіи выхода старца, маменька сидѣла на стулѣ, подлѣ кресла дочери, а въ двухъ шагахъ отъ нея стоялъ старикъ монахъ, не изъ здѣшняго монастыря.

а захожій изъ одной дальней сѣверной малоизвѣстной обители. Онъ тоже желалъ благословиться у старца. Но показавшійся на галлереѣ старецъ прошелъ сначала прямо къ народу. Толпа затѣснилась къ крылечку о трехъ ступенькахъ соединявшему низенькую галлерейку съ полемъ. Старецъ сталъ на верхней ступенькѣ, надѣлъ эпитрахиль и началъ благословлять тѣснившихся къ нему женщинъ. Притянули къ нему одну кликушу за обѣ руки. Та, едва лишь завидѣла старца, вдругъ начала какъ-то нелѣпо взвизгивая икать и вся затряслась какъ въ родимцѣ. Наложивъ ей на голову эпитрахиль, старецъ прочелъ надъ нею краткую молитву и она тотчасъ затихла и успокоилась. Не знаю какъ теперь, но въ дѣтствѣ моемъ мнѣ часто случалось въ деревняхъ и по монастырямъ видѣть и слышать этихъ кликушъ. Ихъ приводили къ обѣднѣ, онѣ визжали или лаяли по собачьи на всю церковь, но когда выносили дары и ихъ подводили къ дарямъ, тотчасъ «обѣщаніе» прекращалось и больныя на нѣсколько времени всегда успокоивались. Меня ребенка очень это поражало и удивляло. Но тогда-же я услышалъ отъ иныхъ помѣщиковъ и особенно отъ городскихъ учителей моихъ, на мои разспросы, что это все притворство чтобы не работать и что это всегда можно искоренить надлежащею строгостью, причемъ приводились для подтвержденія разные анекдоты. Но впослѣдствіи я съ удивленіемъ узналъ отъ спеціалистовъ-медиковъ, что тутъ никакого нѣтъ притворства, что это страшная женская болѣзнь, и, кажется, по преимуществу у насъ на Руси, свидѣтельствующая о тяжелой судьбѣ нашей сельской женщины, болѣзнь, происходящая отъ изнурительныхъ работъ слишкомъ вскорѣ послѣ тяжелыхъ, неправильныхъ, безо всякой медицинской помощи родовъ; кромѣ того отъ безвыходнаго горя, отъ побоевъ и проч., чего иныя женскія натуры выносить по общему примѣру все-таки не могутъ. Странное-же и мгновенное исцѣленіе бѣснующейся и бьющейся женщины, только лишь бывало ее подведутъ къ Дарамъ, которое объясняли мнѣ притворствомъ и сверхъ того фокусомъ, устраиваемымъ чуть-ли не самими «клерикалами», происходило, вѣроятно, тоже самымъ натуральнымъ образомъ, и подводившія ее къ Дарамъ бабы, а, главное, и сама больная, вполнѣ вѣровали, какъ установившейся истинѣ, что нечистый духъ, овладѣвшій больною, никогда не можетъ вынести, если ее, больную, подведя къ Дарамъ, наклонятъ предъ ними. А потому и всегда происходило (и должно было происходить) въ нервной и, конечно, тоже психически больной женщинѣ непремѣнное какъ-бы сотрясеніе всего организма ея въ моментъ преклоненія предъ Дарами, сотрясеніе, вызванное ожиданіемъ непремѣннаго чуда исцѣленія и самою полною вѣрой въ то, что оно совершится. И оно совершалось хотя-бы только на одну

минуту. Точно также оно и теперь совершилось едва лишь старецъ накрылъ больную эпитрахилью.

Многія изъ тѣснившихся къ нему женщинъ заливались слезами умиленія и восторга, вызваннаго эффектомъ минуты; другія рвались облобызать хоть край одежды его, иныя что-то причитали. Онъ благословлялъ всѣхъ, а съ иными разговаривалъ. Кликушу онъ уже зналъ, ее привели не издалека, изъ деревни всего верстъ за шесть отъ монастыря, да и прежде ее водили къ нему.

— А вотъ далекая! указалъ онъ на одну еще вовсе не старую женщину, но очень худую и испитую, не то что загорѣвшую, а какъ-бы всю почернѣвшую лицомъ. Она стояла на колѣняхъ и неподвижнымъ взглядомъ смотрѣла на старца. Во взглядѣ ея было что-то какъ-бы изступленное.

— Издалека, батюшка, издалека, отселева триста верстъ. Издалека, отецъ, издалека, проговорила женщина нараспѣвъ какъ-то покачивая плавно изъ стороны въ сторону головой и подпирая щеку ладонью. Говорила она какъ-бы причитывая. Есть въ народѣ горе молчаливое и многотерпѣливое: оно уходитъ въ себя и молчитъ. Но есть горе и надорванное: оно пробьется разъ слезами и съ той минуты уходитъ въ причитыванія. Это особенно у женщинъ. Но не легче оно молчаливаго горя. Причитанія утоляютъ тутъ лишь тѣмъ, что еще болѣе растравляютъ и надрываютъ сердце. Такое горе и утѣшенія не желаетъ, чувствомъ своей неутолимости питается. Причитанія лишь потребность раздражать безпрерывно рану.

— Но мѣщанству надоть быть? продолжалъ, любопытно въ нее вглядываясь, старецъ.

— Городскіе мы, отецъ, городскіе, по крестьянству мы, а городскіе, въ городу проживаемъ. Тебя повидать, отецъ, прибыла. Слышали о тебѣ, батюшка, слышали. Сыночка младенчика схоронила, пошла молить Бога. Въ трехъ монастыряхъ побывала, да указали мнѣ: «Зайди, Настасьюшка, и сюда, къ вамъ то есть, голубчикъ, къ вамъ». Пришла, вчера у стоянія была, а сегодня и къ вамъ.

— О чемъ плачешь-то?

— Сыночка жаль, батюшка, трехлѣточекъ былъ, безъ трехъ только мѣсяцевъ и три-бы годика ему. По сыночку мучусь, отецъ, по сыночку. Послѣдній сыночекъ оставался, четверо было у насъ съ Никитушкой, да не стоятъ у насъ дѣтушки, не стоятъ, желанные, не стоятъ. Трехъ первыхъ схоронила я, не жалѣла я ихъ очень-то, а этого послѣдняго схоронила и забыть его не могу. Вотъ точно онъ тутъ предо мной стоитъ, не отходитъ. Душу мнѣ изсушилъ. Посмотрю на его бѣлье, на рубашечку аль на сапожки и взвою. Разложу что послѣ него осталось, всякую вещь его, смотрю

и вою. Говорю Никитушкѣ, мужу-то моему: отпусти ты меня, хозяинъ, на богомолье сходить. Извощикъ онъ, не бѣдные мы, отецъ, не бѣдные, сами отъ себя извозъ ведемъ, все свое содержимъ, и лошадокъ, и экипажъ. Да на что теперь намъ добро? Запьетъ онъ сталъ безъ меня Никитушка-то мой, это навѣрно что такъ. Да и прежде того: чуть я отвернусь, а узъ онъ и ослабѣетъ. А теперь и о немъ не думаю. Вотъ ужъ третій мѣсяцъ изъ дому. Забыла я, обо всемъ забыла и помнить не хочу: а и что я съ нимъ теперь буду? Кончила я съ нимъ, кончила, со всѣми покончила. И не глядѣла-бы я теперь на свой домъ и на свое добро и не видала-бъ я ничего вовсе!

Вотъ что, мать, проговорилъ старецъ, однажды древній великій святой увидѣлъ во храмѣ такую-же какъ ты плачущую мать и тоже по младенцѣ своемъ, по единственномъ, котораго тоже призвалъ Господь. Или не знаешь ты, сказалъ онъ святой, сколь сіи младенцы предъ престоломъ Божіимъ дерзновенны? Даже и нѣтъ никого дерзновеннѣе ихъ въ Царствіи Небесномъ: Ты, Господи, даровалъ намъ жизнь, говорятъ они Богу, и только лишь мы узрѣли ее, какъ Ты ее у насъ и взялъ назадъ. И столь дерзновенно просятъ и спрашиваютъ, что Господь даетъ имъ немедленно ангельскій чинъ. А посему, молвилъ святой, и ты радуйся, жено, а не плачь, и твой младенецъ теперь у Господа въ сонмѣ ангеловъ его пребываетъ. Вотъ что сказалъ святой плачущей женѣ въ древнія времена. Былъ-же онъ великій святой и неправды онъ повѣдать не могъ. Посему знай и ты, мать, что и твой младенецъ навѣрно теперь предстоитъ предъ Престоломъ Господнимъ, и радуется и веселится, и о тебѣ Бога молитъ. А потому и ты плачь, но радуйся.

Женщина слушала его, подпирая рукой щеку и потупившись. Она глубоко вздохнула.

— Тѣмъ самымъ и Никитушка меня утѣшалъ, въ одно слово какъ ты говорилъ: Неразумная ты, говоритъ, чего плачешь, сыночекъ нашъ навѣрно теперь у Господа Бога вмѣстѣ съ ангелами воспѣваетъ». Говоритъ онъ это мнѣ, а и самъ плачетъ, вижу я, какъ и я-же, плачетъ. Знаю я, говорю, Никитушка, гдѣ-жъ ему и быть коль не у Господа Бога, только здѣсь-то, съ нами-то его теперь. Никитушка, нѣтъ, подлѣ-то, вотъ какъ прежде сидѣлъ! И хотя-бы я только взглянула на него лишь разочекъ, только одинъ разочекъ на него мнѣ-бы опять поглядѣть, и не подошла-бы къ нему, не промолвила, въ углу-бы притаилась, только-бы минуточку одну повидать, послышать его, какъ онъ играетъ на дворѣ, придетъ, бывало, крикнетъ своимъ голосочкомъ: Мамка, гдѣ ты? Только-бъ услыхать-то мнѣ какъ онъ по комнатѣ своими ножками пройдетъ разокъ, всего-бы

только разикъ, ножками-то своими тукъ-тукъ, да такъ часто, часто, помню какъ, бывало, бѣжитъ ко мнѣ, кричитъ да смѣется, только-бъ я его ножки-то услышала, услышала-бы, признала! Да нѣтъ его, батюшка, нѣтъ, и не услышу его никогда! Вотъ его поясочекъ, а его-то и нѣтъ и никогда-то мнѣ теперь не видать не слыхать его!..

Она вынула изъ-за пазухи маленькій позументный поясочекъ своего мальчика и только лишь взглянула на него, такъ и затряслась отъ рыданій, закрывъ пальцами глаза свои, сквозь которые потекли вдругъ брызнувшія ручьемъ слезы.

— А это, проговорилъ старецъ, — это древняя Рахиль плачетъ о дѣтяхъ своихъ и не можетъ утѣшиться потому что ихъ нѣтъ, и таковой вамъ, матерямъ, предѣлъ на земли положенъ. И не утѣшайся, и не надо тебѣ утѣшаться, не утѣшайся и плачь, только каждый разъ когда плачешь вспоминай неуклонно, что сыночекъ твой — есть единый отъ ангеловъ Божіихъ, оттуда на тебя смотритъ и видитъ тебя и на твои слезы радуется и на нихъ Господу Богу указываетъ. И надолго еще тебѣ сего великаго материнскаго плача будетъ, но обратится онъ подъ конецъ тебѣ въ тихую радость и будутъ горькія слезы твои лишь слезами тихаго умиленія и сердечнаго очищенія отъ грѣховъ спасающаго. А младенчика твоего помяну за упокой, какъ звали-то?

— Алексѣемъ, батюшка.

— Имя-то милое. На Алексѣя Человѣка Божія?

— Божія, батюшка, Божія. Алексѣя Человѣка Божія!

— Святой-то какой! Помяну, мать, помяну и печаль твою на молитвѣ вспомяну и супруга твоего за здравіе помяну. Только его тебѣ грѣхъ оставлять. Ступай къ мужу и береги его. Увидитъ оттуда твой мальчикъ, что бросила ты его отца и заплачетъ по васъ: зачѣмъ-же ты блаженство-то его нарушаешь? Вѣдь живъ онъ, живъ, ибо жива душа во вѣки, и нѣтъ его въ домѣ, а онъ невидимо подлѣ васъ. Какъ-же онъ въ домъ придетъ коль ты говоришь, что возненавидѣла домъ свой? Къ кому-жъ онъ придетъ коль васъ вмѣстѣ, отца съ матерью, не найдетъ? Вотъ онъ снится теперь тебѣ и ты мучаешься, а тогда онъ тебѣ кроткіе сны пошлетъ. Ступай къ мужу, мать, сего-же дня ступай.

— Пойду, родной, по твоему слову пойду. Сердце ты мое разобрать. Никитушка ты мой. Никитушка, жденъ ты меня, голубчикъ, жденъ! начала было причитывать баба, но старецъ уже обратился къ одной старенькой старушонкѣ, одѣтой не по странически, а по городски. По глазамъ ея видно было, что у нея какое-то дѣло и что пришла она нѣчто сообщить. Называлась она унтеръ-офицерскою вдовой, не изъ далека, всего изъ нашего-же го-

рода. Сыночекъ у ней Васинька, гдѣ-то въ коммиссаріатѣ служитъ, да въ Сибирь поѣхалъ, въ Иркутскъ. Два раза оттуда писалъ, а тутъ вотъ уже годъ писать пересталъ. Справлялась она о немъ, да по правдѣ не знаетъ гдѣ и справиться-то.

— Только и говоритъ мнѣ намедни Степанида Ильинишна Бедрягина, купчиха она, богатая: возьми ты, говоритъ, Прохоровна, и запиши ты, говоритъ, сыночка своего въ поминанье, снеси въ церковь, да и помяни за упокой. Душа-то его, говоритъ, затоскуетъ, онъ и напишетъ письмо. И это говоритъ Степанида Ильинишна какъ есть вѣрно, многократно испытано. Да только я сумлѣваюсь... Свѣтъ ты нашъ, правда оно аль неправда и хорошо-ли такъ будетъ?

— И не думай о семъ. Стыдно это и спрашивать. Да и какъ это возможно, чтобы живую душу, да еще родная мать за упокой поминала! Это великій грѣхъ, колдовству подобно, только по незнанію твоему лишь прощается. А ты лучше помоли Царицу Небесную, скорую заступницу и помощницу о здоровьи его, да чтобъ и тебя простила за неправильное размышленіе твое. И вотъ что я тебѣ еще скажу, Прохоровна: или самъ онъ къ тебѣ вскорѣ обратно прибудетъ, сынокъ твой, или навѣрно письмо пришлетъ. Такъ ты и знай. Ступай и отселѣ покоенъ будь. Живъ твой сынокъ, говорю тебѣ.

— Милый ты нашъ, награди тебя Богъ, благодѣтель ты нашъ, молебщикъ ты за всѣхъ насъ и за грѣхи наши...

А старецъ уже замѣтилъ въ толпѣ двѣ горящіе, стремящіеся къ нему взгляда изнуренной, на видъ чахоточной, хотя и молодой еще крестьянки. Она глядѣла молча, глаза просили о чемъ-то, но она какъ-бы боялась приблизиться.

— Ты съ чѣмъ, роденькая?

— Разрѣши мою душу, родимый, тихо и не сѣвши промолвила она, стала на колѣни и поклонилась ему въ ноги.

— Согрѣшила, отецъ родной, грѣха моего боюсь.

Старецъ сѣлъ на нижнюю ступеньку, женщина приблизилась къ нему, не вставая съ колѣнъ.

— Вдовѣю я, третій годъ, начала она полушепотомъ сама какъ-бы вздрагивая. Тяжело было замужемъ-то, старый былъ онъ, больно избить меня. Лежалъ онъ больной; думаю я, глядя на него: а коль выздоровѣетъ, опять встанетъ, что тогда? И вошла ко мнѣ тогда эта самая мысль...

— Постой, сказалъ старецъ и приблизилъ ухо свое прямо къ ея губамъ. Женщина стала продолжать тихимъ шепотомъ, такъ что ничего почти нельзя было уловить. Она кончила скоро.

— Третій годъ? спросилъ старецъ.

— Третій годъ. Сперва не думала, а теперь хворать начала, тоска пристала.

— Издалека?

— За пятьсотъ верстъ отселева.

— На исповѣди говорила?

— Говорила, по два раза говорила.

— Допустили къ причастію-то?

— Допустили. Боюсь; помирать боюсь.

— Ничего не бойся, и никогда не бойся, и не тоскуй. Только-бы покаяніе не оскудѣвало въ тебѣ — и все Богъ проститъ. Да и грѣха такого нѣтъ и не можетъ быть на всей землѣ, какого-бы не Простилъ Господь во истину кающемуся. Да и совершить не можетъ, совсѣмъ, такого грѣха великаго человѣкъ, который-бы истощилъ безконечную Божью любовь. Аль можетъ быть такой грѣхъ чтобы превысилъ Божью любовь? О покаяніи лишь заботься, непрестанномъ, а боязнь отгони вовсе. Вѣруй, что Богъ тебя любитъ такъ, какъ ты и не помышляешь о томъ, хотя-бы со грѣхомъ твоимъ и во грѣхѣ твоемъ любитъ. А объ одномъ кающемся больше радости въ небѣ чѣмъ о десяти праведныхъ, сказано давно. Иди-же и не бойся. На людей не огорчайся, за обиды не сердись. Покойнику въ сердцѣ все прости чѣмъ тебя оскорбилъ, примирись съ нимъ во истину. Коли каешься, такъ и любишь. А будешь любить, то ты уже Божья... Любовью все покупается, все спасается. Ужь коли я, такой-же какъ и ты человѣкъ грѣшный, надъ тобой умилился и пожалѣлъ тебя, кольми паче Богъ. Любовь такое безцѣнное сокровище, что на нее весь міръ купить можешь, и не только свои, но и чужіе грѣхи еще выкупишь. Ступай и не бойся.

Онъ перекрестилъ ее три раза, снялъ съ своей шеи и надѣлъ на нее образокъ. Она молча поклонилась ему до земли. Онъ всталъ и весело поглядѣлъ на одну здоровую бабу съ грудянымъ ребеночкомъ на рукахъ.

— Изъ Вышегорья, милый.

— Шесть верстъ однако отсюда, съ ребеночкомъ томилась. Чего тебѣ?

— На тебя глянуть пришла. Я вѣдь у тебя бывала, аль забылъ? Не велика-же въ тебѣ память коли ужь меня забылъ. Сказали у насъ, что ты хворый, думаю, что-жь я пойду его сама повидаю: вотъ и вижу тебя. Да какой-же ты хворый? Еще двадцать лѣтъ проживешь, право. Богъ съ тобою! Да и мало-ли за тебя молебщиковъ, тебѣ-ль хворать?

— Спасибо тебѣ за все, милая.

— Кстати будетъ просьбица моя не великая: вотъ тутъ шесть-

десять копѣекъ, отдай ты ихъ, милый, такой какая меня бѣдней. Пошла я сюда, да и думаю: лучше ужь чрезъ него подамъ, ужь онъ знаетъ которой отдать.

— Спасибо, милая, спасибо, добрая. Люблю тебя. Непремѣнно исполню. Дѣвочка на рукахъ-то?

— Дѣвочка, свѣтъ, Лизавета.

— Благослови Господь васъ обѣихъ, и тебя, и младенца Лизавету. Развеселила ты мое сердце, мать. Прощайте, милыя, прощайте, дорогія, любезныя.

Онъ всѣхъ благословилъ и глубоко всѣмъ поклонился.

IV.

Маловѣрная дама.

Чрезвычайная дама помѣщица, взирая на всю сцену разговора съ простонародьемъ и благословенія его, проливала тихія слезы и утирала ихъ платочкомъ. Это была чувствительная свѣтская дама и съ наклонностями во многомъ искренно добрыми. Когда старецъ подошелъ, наконецъ, и къ ней, она встрѣтила его восторженно:

— Я столько, столько вынесла, смотря на всю эту умилительную сцену... не договорила она отъ волненія.— О, я понимаю, что васъ любитъ народъ, я сама люблю народъ, я желаю его любить, да и какъ не любить народъ, нашъ прекрасный, простодушный въ своемъ величіи русскій народъ!

— Какъ здоровье вашей дочери? Вы опять пожелали со мною бесѣдовать?

— О, я настоятельно просила, я умоляла, я готова была на колѣни стать и стоять на колѣняхъ хоть три дня предъ вашими окнами, пока-бы вы меня впустили. Мы пріѣхали къ вамъ, великій исцѣлитель, чтобы высказать всю нашу восторженную благодарность. Вѣдь вы Лизу мою исцѣлили, исцѣлили совершенно, а чѣмъ — тѣмъ что въ четвергъ помолились надъ нею, возложили на нее ваши руки. Мы облобызать эти руки сгѣлили, излить наши чувства и наше благоговѣніе!

— Какъ такъ исцѣлилъ? Вѣдь она все еще въ креслѣ лежитъ?

— Но почныя лихорадки совершенно исчезли, вотъ уже двое сутокъ, съ самаго четверга, нервно засмѣялась дама.— Мало того: у ней ноги окрѣпли. Сегодня утромъ она встала здоровая, она спала всю ночь, посмотрите на ея румянецъ, на ея свѣтящіеся глазки. То все плакала, а теперь смѣется, весела, радостна. Сегодня непремѣнно требовала, чтобъ ее поставили на ноги постоять и она цѣлую

минуту простояла сама, безо всякой поддержки. Она бьется со мной объ закладъ, что черезъ двѣ недѣли будетъ кадриль танцовать. Я призывала здѣшняго доктора Герценштубе; онъ пожимаетъ плечами и говоритъ: дивлюсь, недоумѣваю. И вы хотите, чтобы мы не безпокоили васъ, могли не летѣть сюда, не благодарить? Lise, благодари-же, благодари!

Миленькое, смѣющееся личико Lise сдѣлалось было вдругъ серіознымъ, она приподнялась въ креслахъ сколько могла и, смотря на старца, сложила предъ нимъ свои ручки, но не вытерпѣла и вдругъ разсмѣялась...

— Это я на него, на него! указала она на Алешу, съ дѣтской досадой на себя за то, что не вытерпѣла и разсмѣялась. Кто-бы посмотрѣлъ на Алешу, стоявшаго на шагъ позади старца, тотъ замѣтилъ-бы въ его лицѣ быструю краску, въ одинъ мигъ залившую его щеки. Глаза его сверкнули и потупились.

— У нея къ вамъ, Алексѣй Ѳедоровичъ, порученіе... Какъ ваше здоровье, продолжала маменька, обращаясь вдругъ къ Алешѣ и протягивая къ нему свою прелестно гантированную ручку. Старецъ оглянулся и вдругъ внимательно посмотрѣлъ на Алешу. Тотъ приблизился къ Лизѣ и какъ-то странно и неловко усмѣхаясь протянулъ и ей руку. Lise сдѣлала важную физіономію.

— Катерина Ивановна присылаетъ вамъ чрезъ меня вотъ это, подала она ему маленькое письмецо.—Она особенно проситъ, чтобы вы зашли къ ней, да поскорѣй, поскорѣй, и чтобы не обманывать, а непремѣнно придти.

— Она меня проситъ зайдти? Къ ней, меня... Зачѣмъ-же? съ глубокимъ удивленіемъ пробормоталъ Алеша. Лицо его вдругъ стало совсѣмъ озабоченное.

— О, это все по поводу Дмитрія Ѳедоровича и... всѣхъ этихъ послѣднихъ происшествій, объяснила мамаша.—Катерина Ивановна остановилась теперь на одномъ рѣшеніи... но для этого ей непремѣнно надо васъ видѣть... зачѣмъ? Конечно, не знаю, но она просила какъ можно скорѣй. И вы это сдѣлаете, навѣрно сдѣлаете, тутъ даже христіанское чувство велитъ.

— Я видѣлъ ее всего только одинъ разъ, продолжалъ все въ томъ-же недоумѣніи Алеша.

— О, это такое высокое, такое недостижимое существо!.. Ужь по одними страданіямъ своимъ... Сообразите, что она вынесла, что она теперь выноситъ, сообразите, что ее ожидаетъ... все это ужасно, ужасно!

— Хорошо, я приду, рѣшилъ Алеша, пробѣжавъ коротенькую и загадочную записочку, въ которой кромѣ убѣдительной просьбы придти, не было никакихъ поясненій.

— Ахъ, какъ это съ вашей стороны мило и великодѣшно будетъ, вдругъ вся одушевясь вскричала Lise. —А я вѣдь мамѣ говорю: ни за что онъ не пойдетъ, онъ спасается. Экой, экой вы прекрасный! Вѣдь я всегда думала, что вы прекрасный, вотъ что мнѣ пріятно вамъ теперь сказать!

— Lise! внушительно проговорила маманна, впрочемъ, тотчасъ-же улыбнулась.

— Вы и насъ забыли, Алексѣй Ѳедоровичъ, вы совсѣмъ не хотите бывать у насъ: а между тѣмъ Lise мнѣ два раза говорила, что только съ вами ей хорошо. Алеша поднялъ потупленные глаза, опять вдругъ покраснѣлъ и опять вдругъ, самъ не зная чему, усмѣхнулся. Впрочемъ, старецъ уже не наблюдалъ его. Онъ вступилъ въ разговоръ съ захожимъ монахомъ, ожидавшимъ, какъ мы уже говорили, подлѣ кресель Lise его выхода. Это былъ, повидимому, изъ самыхъ простыхъ монаховъ, то есть изъ простаго званія, съ коротенькимъ, нерушимымъ міровоззрѣніемъ, но вѣрующій и въ своемъ родѣ упорный. Онъ объявилъ себя откуда-то съ дальняго сѣвера, изъ Обдорска, отъ святаго Сильвестра, изъ одного бѣднаго монастыря всего въ девять монаховъ. Старецъ благословилъ его и пригласилъ зайдти къ нему въ келью, когда ему будетъ угодно.

Какъ-же вы дерзаете дѣлать такія дѣла? спросилъ вдругъ монахъ, внушительно и торжественно указывая на Lise. Онъ намекалъ на ея «исцѣленіе».

— Объ этомъ, конечно, говорить еще рано. Облегченіе не есть еще полное исцѣленіе и могло произойдти и отъ другихъ причинъ. Но если что и было, то ничьею силой, кромѣ какъ Божіимъ изволеніемъ. Все отъ Бога. Посѣтите меня, отецъ, прибавилъ онъ монаху, — а то не во всякое время могу; хвораю и знаю, что дни мои сочтены.

— О, нѣтъ, нѣтъ, Богъ васъ у насъ не отниметъ, вы проживете еще долго, долго, вскричала маманна. Да и чѣмъ вы больны? Вы смотрите такимъ веселымъ, здоровымъ, счастливымъ.

— Мнѣ сегодня необыкновенно легче, но я уже знаю, что это всего лишь минута. Я мою болѣзнь теперь безошибочно понимаю. Если-же я вамъ кажусь столь веселымъ, то ничѣмъ и никогда не могли вы меня столь обрадовать, какъ сдѣлавъ такое замѣчаніе. Ибо для счастія созданы люди, и кто вполнѣ счастливъ, тотъ прямо удостоенъ сказать себѣ: «Я выполнилъ завѣтъ Божій на сей землѣ». Всѣ праведные, всѣ святые, всѣ святые мученики были всѣ счастливы.

— О, какъ вы говорите, какія смѣлыя и высшія слова, вскричала маманна.—Вы скажете и какъ будто пронзите. А между тѣмъ счастіе, счастіе—гдѣ оно? Кто можетъ сказать про себя, что онъ

счастливъ? О, если ужь вы были такъ добры, что допустили насъ сегодня еще разъ васъ видѣть, то выслушайте все, что я вамъ прошлый разъ не договорила, не посмѣла сказать, все чѣмъ я такъ страдаю, и такъ давно, давно! Я страдаю, простите меня, я страдаю... И она въ какомъ-то горячемъ порывистомъ чувствѣ сложила предъ нимъ руки.

— Чѣмъ-же особенно?

— Я страдаю... невѣріемъ...

— Въ Бога невѣріемъ?

— О, нѣтъ, нѣтъ, я не смѣю и подумать объ этомъ, но будущая жизнь это такая загадка! И никто-то, вѣдь никто на нее не отвѣчаетъ! Послушайте, вы цѣлитель, вы знатокъ души человѣческой; я, конечно, не смѣю претендовать на то, чтобы вы мнѣ совершенно вѣрили, но увѣряю васъ самымъ великимъ словомъ, что я не изъ легкомыслія теперь говорю, что мысль эта о будущей загробной жизни до страданія волнуетъ меня, до ужаса и испуга... И я не знаю къ кому обратиться, я не смѣла всю жизнь... И вотъ, я теперь осмѣливаюсь обратиться къ вамъ... О, Боже, за какую вы меня теперь сочтете! Она всплеснула руками.

— Не безпокойтесь о моемъ мнѣніи, отвѣтилъ старецъ. — Я вполнѣ вѣрую въ искренность вашей тоски.

— О, какъ я вамъ благодарна! Видите: я закрываю глаза и думаю: Если всѣ вѣруютъ, то откуда взялось это? А тутъ увѣряютъ, что все это взялось сначала отъ страха предъ грозными явленіями природы, и что всего этого нѣтъ. Ну что, думаю, я всю жизнь вѣрила — умру и вдругъ ничего нѣтъ, и только вырастетъ лопухъ на могилѣ, какъ прочитала я у одного писателя. Это ужасно! Чѣмъ, чѣмъ возвратить вѣру? Впрочемъ, я вѣрила лишь, когда была маленькимъ ребенкомъ, механически, ни о чемъ не думая... Чѣмъ-же, чѣмъ это доказать, я теперь пришла повергнуться предъ вами и просить васъ объ этомъ. Вѣдь если я умру и теперешній случай — то мнѣ во всю жизнь никто ужь не отвѣтитъ. Чѣмъ-же доказать, чѣмъ убѣдиться? О, мнѣ несчастіе! Я стою и кругомъ вижу, что всѣмъ все равно, почти всѣмъ, никто объ этомъ теперь не заботится, а я одна только переносить этого не могу. Это убійственно, убійственно!

— Безъ сомнѣнія, убійственно. Но доказать тутъ нельзя ничего, убѣдиться-же возможно.

— Какъ? Чѣмъ?

— Опытомъ дѣятельной любви. Постарайтесь любить вашихъ ближнихъ дѣятельно и неустанно. По мѣрѣ того, какъ будете преуспѣвать въ любви, будете убѣждаться и въ бытіи Бога, и въ

безсмертіи души вашей. Если-же дойдете до полнаго самоотверженія въ любви къ ближнему, тогда ужь несомнѣнно увѣруете, и никакое сомнѣніе даже и не возможетъ запасти въ вашу душу. Это испытано, это точно.

Дѣятельной любви? Вотъ и опять вопросъ и такой вопросъ, такой вопросъ! Видите: я такъ люблю человѣчество, что, вѣрите-ли, мечтаю иногда бросить все, все что имѣю, оставить Lise и идти въ сестры милосердія. Я закрываю глаза, думаю и мечтаю, и въ эти минуты я чувствую въ себѣ непреодолимую силу. Никакія раны, никакія гнойныя язвы не могли-бы меня испугать. Я-бы перевязывала и обмывала собственными руками, я была-бы сидѣлкой у этихъ страдальцевъ, я готова цѣловать эти язвы...

— И то ужь много и хорошо, что умъ вашъ мечтаетъ объ этомъ, а не о чемъ иномъ. Нѣтъ, нѣтъ, да невзначай и въ самомъ дѣлѣ сдѣлаете какое нибудь доброе дѣло.

— Да, но долго-ли-бы я могла выжить въ такой жизни? горячо и почти какъ-бы изступленно продолжала дама. Вотъ главнѣйшій вопросъ! Это самый мой мучительный изъ вопросовъ. Я закрываю глаза и спрашиваю сама себя: долго-ли-бы ты выдержала на этомъ пути? И если больной, язвы котораго ты обмываешь, не отвѣтитъ тебѣ тотчасъ-же благодарностью, а, напротивъ, станетъ тебя-же мучить капризами, не цѣня и не замѣчая твоего человѣколюбиваго служенія, станетъ кричать на тебя, грубо требовать, даже жаловаться какому нибудь начальству (какъ и часто случается съ очень страдающими) что тогда? Продолжится твоя любовь или нѣтъ? И вотъ представьте, я съ содроганіемъ это уже рѣшила: если есть что нибудь, что могло-бы расхолодить мою дѣятельную любовь къ человѣчеству тотчасъ-же, то это единственно неблагодарность. Однимъ словомъ, я работница за плату, я требую тотчасъ-же платы, то есть похвалы себѣ и платы за любовь любовью. Иначе я никого не способна любить!

Она была въ припадкѣ самаго искренняго самобичеванія и, кончивъ, съ вызывающею рѣшимостью поглядѣла на старца.

Это точь въ точь какъ разсказывалъ мнѣ, давно уже, впрочемъ, одинъ докторъ, замѣтилъ старецъ. Человѣкъ былъ уже пожилой и безспорно умный. Онъ говорилъ также откровенно, какъ вы, хотя и шутя, но скорбно шутя: я, говоритъ, люблю человѣчество, но дивлюсь на себя самого: чѣмъ больше я люблю человѣчество вообще, тѣмъ меньше я люблю людей въ частности, то есть порознь, какъ отдѣльныхъ лицъ. Въ мечтахъ я нерѣдко, говоритъ, доходилъ до страстныхъ помысловъ о служеніи человѣчеству и, можетъ быть, дѣйствительно пошелъ-бы на крестъ за людей, если-бъ это вдругъ какъ нибудь потребовалось, а между тѣмъ я двухъ дней не въ со-

стоянии прожить ни съ кѣмъ въ одной комнатѣ, о чемъ знаю изъ опыта. Чуть онъ близко отъ меня, и вотъ ужъ его личность давитъ мое самолюбіе и стѣсняетъ мою свободу. Въ одинъ сутки я могу даже лучшаго человѣка возненавидѣть: одного за то, что онъ долго ѣстъ за обѣдомъ, другаго за то, что у него насморкъ и онъ безпрерывно сморкается. Я, говоритъ, становлюсь врагомъ людей чуть-чуть лишь тѣ ко мнѣ прикоснутся. Зато всегда такъ происходило, что тѣмъ болѣе я ненавидѣлъ людей въ частности, тѣмъ пламеннѣе становилась любовь моя къ человѣчеству вообще.

— Но что-же дѣлать? Что-же въ такомъ случаѣ дѣлать? Тутъ надо въ отчаяніе придти?

— Нѣтъ, ибо и того довольно, что вы о семъ сокрушаетесь. Сдѣлайте что можете и сочтется вамъ. У васъ-же много уже сдѣлано, ибо вы могли столь глубоко и искренно сознать себя сами! Если-же вы и со мной теперь говорили столь искренно для того, чтобы какъ теперь отъ меня лишь похвалу получить за вашу правдивость, то, конечно, ни до чего не дойдете въ подвигахъ дѣятельной любви: такъ все и останется лишь въ мечтахъ вашихъ, и вся жизнь мелькнетъ какъ призракъ. Тутъ, понятно, и о будущей жизни забудете, и сами собой подъ конецъ какъ нибудь успокоитесь.

Вы меня раздавили! Я теперь только, вотъ въ это мгновеніе, какъ вы говорили, поняла, что я дѣйствительно ждала только вашей похвалы моей искренности, когда вамъ разсказывала о томъ, что не выдержу неблагодарности. Вы мнѣ подсказали меня, вы уловили меня и мнѣ-же объяснили меня!

Взаправду вы говорите? Ну теперь, послѣ такого вашего признанія я вѣрую что вы искренни и сердцемъ добры. Если не дойдете до счастія, то всегда помните, что вы на хорошей дорогѣ и постарайтесь съ нея не сходить. Главное, убѣгайте лжи, всякой лжи, лжи себѣ самой въ особенности. Наблюдайте свою ложь и вглядывайтесь въ нее каждый часъ, каждую минуту. Брезгливости убѣгайте тоже и къ другимъ, и къ себѣ: то, что вамъ кажется внутри себя сквернымъ, уже однимъ тѣмъ, что вы это замѣтили въ себѣ, очищается. Страха тоже убѣгайте, хотя страхъ есть лишь послѣдствіе всякой лжи. Не пугайтесь никогда собственаго вашего малодушія въ достиженіи любви, даже дурныхъ при этомъ поступковъ вашихъ не пугайтесь очень. Жалѣю, что не могу сказать вамъ ничего отраднѣе, ибо любовь дѣятельная сравнительно съ мечтательною есть дѣло жестокое и устрашающее. Любовь мечтательная жаждетъ подвига скораго, быстро удовлетворимаго и чтобы всѣ на него глядѣли. Тутъ дѣйствительно доходятъ до того, что даже и жизнь отдаютъ, только-бы не продлилось долго, а поскорѣй совер-

шилось, какъ-бы на сценѣ, и что-бы всѣ глядѣли и хвалили. Любовь-же дѣятельная—это работа и выдержка, а для иныхъ такъ, пожалуй, цѣлая наука. Но предрекаю, что въ ту даже самую минуту, когда вы будете съ ужасомъ смотрѣть на то, что не смотря на всѣ ваши усилія вы не только не подвинулись къ цѣли, но даже какъ-бы отъ нея удалились,—въ ту самую минуту, предрекаю вамъ это, вы вдругъ и достигнете цѣли и узрите ясно надъ собою чудодѣйственную силу Господа, васъ все время любившаго и все время таинственно руководившаго. Простите, что пробыть не могу съ вами долѣе, ждутъ меня. До свиданія.

Дама плакала.

— Lise, Lise, благословите-же ее, благословите! вдругъ вспорхнулась она вся.

— А ее и любить не стоитъ. Я видѣлъ какъ она все время шалила, шутливо произнесъ старецъ.—Вы зачѣмъ все время смѣялись надъ Алексѣемъ?

А Lise и вправду все время занималась этою продѣлкой. Она давно уже, еще съ прошлаго раза, замѣтила, что Алеша ея конфузится и старается не смотрѣть на нее, и вотъ это ее ужасно стало забавлять. Она пристально ждала и ловила его взглядъ: не выдерживая упорно направленнаго на него взгляда, Алеша нѣтъ-нѣтъ и вдругъ невольно, непреодолимою силой, взглядывалъ на нее самъ, и тотчасъ-же она усмѣхалась торжествующею улыбкой прямо ему въ глаза. Алеша конфузился и досадовалъ еще болѣе. Наконецъ, совсѣмъ отъ нея отвернулся и спрятался за спину старца. Послѣ нѣсколькихъ минутъ онъ опять, влекомый тою-же непреодолимою силой, повернулся посмотрѣть, глядятъ-ли на него или нѣтъ, и увидѣлъ, что Lise, совсѣмъ почти свѣсившись изъ кресель, выглядывала на него сбоку и ждала изо всѣхъ силъ когда онъ поглядитъ; поймавъ-же его взглядъ, расхохоталась такъ, что даже и старецъ не выдержалъ:

— Вы зачѣмъ его, шалунья, такъ стыдите?

Lise вдругъ, совсѣмъ неожиданно, покраснѣла, сверкнула глазками, лицо ея стало ужасно серіознымъ и она съ горячею, негодующею жалобой вдругъ заговорила скоро, нервно:

— А онъ зачѣмъ все забылъ? Онъ меня маленькую на рукахъ носилъ, мы играли съ нимъ. Вѣдь онъ меня читать ходилъ учить, вы это знаете? Онъ, два года назадъ, прощаясь, говорилъ, что никогда не забудетъ, что мы вѣчные друзья, вѣчные, вѣчные! И вотъ онъ вдругъ меня теперь боится, я его съѣмъ, что-ли? Чего онъ не хочетъ подойдти, чего онъ не разговариваетъ? Зачѣмъ онъ къ намъ не хочетъ придти? Развѣ вы его не пускаете: вѣдь мы-же

знаемъ, что онъ вездѣ ходитъ. Мнѣ неприлично его звать, онъ первый долженъ-бы былъ припомнить, коли не забылъ. Нѣтъ-съ, онъ теперь спасается! Вы что̀ на него эту долгополую-то рясу надѣли... Побѣжитъ, упадетъ...

И она вдругъ, не выдержавъ, закрыла лицо рукой и разсмѣялась ужасно, неудержимо, своимъ длиннымъ, нервнымъ, сотрясающимся и неслышнымъ смѣхомъ. Старецъ выслушалъ ее улыбаясь и съ нѣжностью благословилъ: когда-же она стала цѣловать его руку, то вдругъ прижала ее къ глазамъ своимъ и заплакала:

— Вы на меня не сердитесь, я дура, ничего не стою... и Алеша, можетъ быть, правъ, очень правъ, что не хочетъ къ такой смѣшной ходить.

— Непремѣнно пришлю его, рѣшилъ старецъ.

V.

Бу̀ди, бу̀ди!

тутствіе старца изъ кельи продолжалось минутъ около двадцати пяти. Было уже за половину перваго, а Дмитрія Ѳедоровича, ради котораго всѣ собрались, все еще не бывало. Но о немъ почти какъ-бы и забыли и когда старецъ вступилъ опять въ келью, то засталъ самый оживленный общій разговоръ между своими гостями. Въ разговорѣ участвовали прежде всего Иванъ Ѳедоровичъ и оба іеромонаха. Ввязывался и, повидимому, очень горячо въ разговоръ и Міусовъ, но ему опять не везло; онъ былъ видимо на второмъ планѣ и ему даже мало отвѣчали, такъ что это новое обстоятельство лишь усилило все накоплявшуюся его раздражительность. Дѣло въ томъ, что онъ и прежде съ Иваномъ Ѳедоровичемъ нѣсколько никировался въ познаніяхъ, и нѣкоторую небрежность его къ себѣ хладнокровно не выносилъ: До сихъ поръ, по крайней мѣрѣ, стоялъ на высотѣ всего, что есть передоваго въ Европѣ, а это новое поколѣніе рѣшительно насъ игнорируетъ, думалъ онъ про себя. Ѳедоръ Павловичъ, который самъ далъ слово усѣсться на стулъ и замолчать, дѣйствительно нѣкоторое время молчалъ, но съ насмѣшливою улыбочкой слѣдилъ за своимъ сосѣдомъ Петромъ Александровичемъ и видимо радовался его раздражительности. Онъ давно уже собирался отплатить ему кое за что и теперь не хотѣлъ упустить случая. Наконецъ, не вытерпѣлъ, нагнулся къ плечу сосѣда и въ полголоса поддразнилъ его еще разъ:

— Вѣдь вы давеча почему не ушли послѣ любезно-то любезно и согласились въ такой неприличной компаніи оставаться? А

потому, что чувствовали себя униженными и оскорбленными и остались чтобы для реванша выставить умъ. Теперь ужъ вы не уйдете пока имъ ума своего не выставите.

— Вы опять? Сейчасъ уйду, напротивъ.

— Позже, позже всѣхъ отправитесь! колнулъ еще разъ Ѳедоръ Павловичъ. Это было почти въ самый моментъ возвращенія старца.

Споръ на одну минутку затихъ, но старецъ, усѣвшись на прежнее мѣсто, оглядѣлъ всѣхъ какъ-бы привѣтливо вызывая продолжать. Алеша, изучивший почти всякое выраженіе его лица, видѣлъ ясно, что онъ ужасно утомленъ и себя пересиливаетъ. Въ послѣднее время болѣзни съ нимъ случались отъ истощенія силъ обмороки. Почти такая-же блѣдность какъ предъ обморокомъ распространялась и теперь по его лицу, губы его побѣлѣли. Но онъ, очевидно, не хотѣлъ распустить собраніе; казалось, онъ имѣлъ при томъ какую-то свою цѣль, — какую-же? Алеша пристально слѣдилъ за нимъ.

О любопытнѣйшей ихъ статьѣ толкуемъ, произнесъ іеромонахъ Іосифъ, библіотекарь, обращаясь къ старцу и указывая на Ивана Ѳедоровича.— Новаго много выводятъ, да кажется идея-то о двухъ концахъ. По поводу вопроса о церковно-общественномъ судѣ и обширности его права отвѣтили журнальною статьею одному духовному лицу, написавшему о вопросѣ семъ цѣлую книгу...

— Къ сожалѣнію, вашей статьи не читалъ, но о ней слышалъ, отвѣтилъ старецъ, пристально и зорко вглядываясь въ Ивана Ѳедоровича.

— Они стоятъ на любопытнѣйшей точкѣ, продолжалъ отецъ-библіотекарь, — повидимому, совершенно отвергаютъ въ вопросѣ о церковно-общественномъ судѣ раздѣленіе церкви отъ государства.

— Это любопытно, но въ какомъ-же смыслѣ? спросилъ старецъ Ивана Ѳедоровича.

Тотъ, наконецъ, ему отвѣтилъ, но не свысока-учтиво, какъ боялся еще наканунѣ Алеша, а скромно и сдержанно, съ видимою предупредительностью и, повидимому, безъ малѣйшей задней мысли.

— Я иду изъ положенія, что это смѣшеніе элементовъ, то есть сущностей церкви и государства отдѣльно взятыхъ, будетъ, конечно, вѣчнымъ, не смотря на то, что оно невозможно и что его никогда нельзя будетъ привести не только въ нормальное, но и въ сколько нибудь согласимое состояніе, потому что ложь лежитъ въ самомъ основаніи дѣла. Компромиссъ между государствомъ и церковью въ такихъ вопросахъ какъ, напримѣръ, о судѣ, по моему, въ совершенной и чистой сущности своей невозможенъ. Духовное лицо, которому я возражалъ, утверждаетъ, что церковь занимаетъ точное и опредѣленное мѣсто въ государствѣ. Я-же возразилъ ему, что, напро-

тивъ. церковь должна заключать сама въ себѣ все государство, а не занимать въ немъ лишь нѣкоторый уголъ. И что если теперь это почему нибудь невозможно, то, въ сущности вещи, несомнѣнно должно быть поставлено прямою и главнѣйшею цѣлью всего дальнѣйшаго развитія христіанскаго общества.

— Совершенно справедливо, твердо и первно проговорилъ отецъ Паисій, молчаливый и ученый іеромонахъ.

— Чистѣйшее ультрамонтанство! вскричалъ Міусовъ, въ нетерпѣніи переложивъ ногу на ногу.

Э, да у васъ и горъ-то нѣту! воскликнулъ отецъ Іосифъ и, обращаясь къ старцу, продолжалъ: «они отвѣчаютъ, между прочимъ, на слѣдующія основныя и существенныя положенія своего противника, духовнаго лица, замѣтьте себѣ. Первое: что ни одинъ общественный союзъ не можетъ и не долженъ присвоивать себѣ власть— распоряжаться гражданскими и политическими правами своихъ членовъ. Второе: что уголовная и судно-гражданская власть не должна принадлежать церкви и не совмѣстима съ природой ея и какъ божественнаго установленія, и какъ союза людей для религіозныхъ цѣлей. И, наконецъ, въ третьихъ: что церковь есть царство не отъ міра сего»...

— Недостойнѣйшая игра словъ для духовнаго лица! не вытерпѣлъ и прервалъ опять отецъ Паисій.—Я читалъ эту книгу, на которую вы возражали, обратился онъ къ Ивану Ѳедоровичу,— и удивленъ былъ словами духовнаго лица, что церковь есть царство не отъ міра сего. Если не отъ міра сего, то, стало быть, и не можетъ быть на землѣ ея вовсе. Въ святомъ Евангеліи слова: не отъ міра сего не въ томъ смыслѣ употреблены. Играть такими словами невозможно. Господь нашъ Іисусъ Христосъ именно приходилъ установить церковь на землѣ. Царство небесное, разумѣется, не отъ міра сего, а въ небѣ, но въ него входятъ не иначе какъ чрезъ церковь, которая основана и установлена на землѣ. А потому свѣтскіе каламбуры въ этомъ смыслѣ невозможны и недостойны. Церковь-же есть во истину царство, и опредѣлена царствовать, и въ концѣ своемъ должна явиться какъ царство на всей землѣ несомнѣнно,—на что имѣемъ обѣтованіе...

Онъ вдругъ умолкъ, какъ-бы сдержавъ себя. Иванъ Ѳедоровичъ почтительно и внимательно его выслушавъ, съ чрезвычайнымъ спокойствіемъ, но по прежнему охотно и простодушно продолжалъ, обращаясь къ старцу:

— Вся мысль моей статьи въ томъ, что въ древнія времена первыхъ трехъ вѣковъ христіанства, христіанство на землѣ являлось лишь церковью и было лишь церковь. Когда-же римское языческое

государство возжелало стать христіанскимъ. То непремѣнно случилось такъ, что, ставъ христіанскимъ, оно лишь включило въ себя церковь, но само продолжало оставаться государствомъ языческимъ по прежнему, въ чрезвычайно многихъ своихъ отправленіяхъ. Въ сущности такъ несомнѣнно и должно было произойдти. Но въ Римѣ, какъ въ государствѣ, слишкомъ многое осталось отъ цивилизаціи и мудрости языческой, какъ, напримѣръ, самыя даже цѣли и основы государства. Христова-же церковь, вступивъ въ государство, безъ сомнѣнія, не могла уступить ничего изъ своихъ основъ, отъ того камня, на которомъ стояла она, и могла лишь преслѣдовать не иначе какъ свои цѣли, разъ твердо поставленныя и указанныя ей самимъ Господомъ, между прочимъ: обратить весь міръ, а, стало быть, и все древнее языческое государство въ церковь. Такимъ образомъ (то есть въ цѣляхъ будущаго) не церковь должна искать себѣ опредѣленнаго мѣста въ государствѣ, какъ всякій общественный союзъ или какъ союзъ людей для религіозныхъ цѣлей (какъ выражается о церкви авторъ, которому возражаю), а, напротивъ, всякое земное государство должно-бы впослѣдствіи обратиться въ церковь вполнѣ, и стать ничѣмъ инымъ какъ лишь церковью и уже отклонивъ всякія несходныя съ церковными свои цѣли. Все-же это ничѣмъ не унизитъ его, не отниметъ ни чести, ни славы его, какъ великаго государства, ни славы властителей его, а лишь поставитъ его съ ложной, еще языческой и ошибочной дороги на правильную и истинную дорогу, единственно ведущую къ вѣчнымъ цѣлямъ. Вотъ почему авторъ книги объ *Основахъ Церковно-Общественнаго Суда* судилъ-бы правильно, если-бы, изыскивая и предлагая эти основы, смотрѣлъ-бы на нихъ какъ на временный, необходимый еще въ наше грѣшное и незавершившееся время компромиссъ, но не болѣе. Но чуть лишь сочинитель этихъ основъ осмѣливается объявлять, что основы, которыя предлагаетъ онъ теперь и часть которыхъ перечислилъ сейчасъ отецъ Іосифъ, — суть основы незыблемыя, стихійныя и вѣковѣчныя, то уже прямо идетъ противъ церкви и святаго вѣковѣчнаго и незыблемаго предназначенія ея. Вотъ вся моя статья, полный ея конспектъ.

— То есть въ двухъ словахъ, упирая на каждое слово, проговорилъ опять отецъ Паисій: — по инымъ теоріямъ, слишкомъ выяснившимся въ нашъ девятнадцатый вѣкъ, церковь должна переродиться въ государство, такъ какъ-бы изъ низшаго въ высшій видъ, чтобы затѣмъ въ немъ исчезнуть, уступивъ наукѣ, духу времени и цивилизаціи. Если-же не хочетъ того и сопротивляется, то отводится ей въ государствѣ за то какъ-бы нѣкоторый лишь уголъ, да и то подъ надзоромъ. — И это повсемѣстно въ наше

время въ современныхъ европейскихъ земляхъ. По русскому-же пониманію и упованію надо, чтобы не церковь переродилась въ государство, какъ изъ низшаго въ высшій типъ, а, напротивъ, государство должно кончить тѣмъ, чтобы сподобиться стать единственно лишь церковью и ничѣмъ инымъ болѣе. Сіе и будетъ, будетъ!

— Ну-съ, признаюсь, вы меня теперь нѣсколько ободрили, усмѣхнулся Міусовъ, переложивъ опять ногу на ногу. — Сколько я понимаю, это, стало быть, осуществленіе какого-то идеала, безконечно далекаго, во второмъ пришествіи. Это какъ угодно. Прекрасная утопическая мечта объ исчезновеніи войнъ, дипломатовъ, банковъ и проч. Что-то даже похожее на соціализмъ. А то я думалъ, что все это серіозно, и что церковь *теперь*, напримѣръ, будетъ судить уголовщину и приговаривать розги и каторгу, а, пожалуй, такъ и смертную казнь.

— Да если-бъ и теперь былъ одинъ лишь церковно-общественный судъ, то и теперь-бы церковь не посылала на каторгу или на смертную казнь. Преступленіе и взглядъ на него должны-бы были несомнѣнно тогда измѣниться, конечно, мало по малу, не вдругъ и не сейчасъ, но однако довольно скоро... спокойно и не смигнувъ глазомъ произнесъ Иванъ Ѳедоровичъ.

— Вы серіозно, пристально глянулъ на него Міусовъ.

— Если-бы все стало церковью, то церковь отлучала-бы отъ себя преступнаго и непослушнаго, а не рубила-бы тогда голову, продолжалъ Иванъ Ѳедоровичъ. — Я васъ спрашиваю, куда-бы понесъ отлученный? Вѣдь тогда онъ долженъ былъ-бы не только отъ людей, какъ теперь, но и отъ Христа уйдти. Вѣдь онъ своимъ преступленіемъ возсталъ-бы не только на людей, но и на церковь Христову. Это и теперь, конечно, такъ въ строгомъ смыслѣ, но вѣдь не объявлено, и совѣсть нынѣшняго преступника весьма и весьма часто вступаетъ съ собою въ сдѣлки: Укралъ, дескать, но не на церковь иду. Христу не врагъ . вѣдь что говоритъ себѣ нынѣшній преступникъ сильно да рядомъ. Ну а тогда, когда церковь станетъ на мѣсто государства, тогда трудно было-бы ему это сказать, развѣ съ отрицаніемъ всей церкви на всей землѣ: Вѣдь, дескать, ошибаются, вѣдь уклонились, вѣдь ложная церковь, я одинъ убійца и воръ — справедливая христіанская церковь . Это вѣдь очень трудно себѣ сказать, требуетъ условій огромныхъ, обстоятельствъ не часто бывающихъ. Теперь, съ другой стороны, возьмите взглядъ самой церкви на преступленіе: развѣ не долженъ онъ измѣниться противъ теперешняго, почти языческаго, и изъ механическаго отсѣченія зараженнаго члена, какъ дѣлается нынѣ для охраненія общества,

преобразиться, и уже вполнѣ и не ложно, въ идею о возрожденіи вновь человѣка, о воскресеніи его и спасеніи его...

— То есть что-же это такое? Я опять перестаю понимать, перебилъ Міусовъ, — опять какая-то мечта. Что-то безформенное, да и понять нельзя. Какъ это отлученіе, что за отлученіе? Я подозрѣваю, вы просто потѣшаетесь, Иванъ Ѳедоровичъ.

— Да вѣдь по настоящему тоже самое и теперь, заговорилъ вдругъ старецъ и всѣ разомъ къ нему обратились;—вѣдь если-бы теперь не было Христовой церкви, то не было-бы преступнику никакого и удержу въ злодѣйствѣ и даже кары за него потомъ, то есть кары настоящей, не механической, какъ они сказали сейчасъ, и которая лишь раздражаетъ въ большинствѣ случаевъ сердце, а настоящей кары, единственной дѣйствительной, единственной устрашающей и умиротворяющей, заключающейся въ сознаніи собственной совѣсти.

— Какъ-же такъ, позвольте узнать? съ живѣйшимъ любопытствомъ спросилъ Міусовъ.

— Это вотъ какъ, началъ старецъ.—Всѣ эти ссылки въ работы, а прежде съ битьемъ, никого не исправляютъ, а, главное, почти никакого преступника и не устрашаютъ, и число преступленій не только не уменьшается, а тѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе наростаетъ. Вѣдь вы съ этимъ должны-же согласиться. И выходитъ, что общество такимъ образомъ совсѣмъ не охранено, ибо хоть и отсѣкается вредный членъ механически, и ссылается далеко, съ глазъ долой, но на его мѣсто тотчасъ-же появляется другой преступникъ, а, можетъ, и два другіе. Если что и охраняетъ общество даже въ наше время, и даже самого преступника исправляетъ и въ другого человѣка перерождаетъ, то это опять таки единственно лишь законъ Христовъ, сказывающійся въ сознаніи собственной совѣсти. Только сознавъ свою вину какъ сынъ Христова общества, то есть церкви, онъ сознаетъ и вину свою предъ самимъ обществомъ, то есть предъ церковью. Такимъ образомъ, предъ одною только церковью современный преступникъ и способенъ сознать вину свою, а не то что предъ государствомъ. Вотъ если-бы судъ принадлежалъ обществу какъ церкви, тогда-бы оно знало кого воротить изъ отлученія и опять пріобщить къ себѣ. Теперь-же церковь, не имѣя никакого дѣятельнаго суда, а имѣя лишь возможность одного нравственнаго осужденія, отъ дѣятельной кары преступника и сама удаляется. Не отлучаетъ она его отъ себя, а лишь не оставляетъ его отеческимъ назиданіемъ. Мало того, даже старается сохранить съ преступникомъ все христіанское церковное общеніе: допускаетъ его къ церковнымъ службамъ, къ святымъ дарамъ, даетъ ему подаяніе и обращается

съ нимъ болѣе какъ съ плѣшивымъ, чѣмъ какъ съ виновнымъ. И что было-бы съ преступникомъ, о, Господи! если-бъ и христіанское общество, то есть церковь, отвергло его подобно тому, какъ отвергаетъ и отсѣкаетъ его гражданскій законъ? Что было-бы если-бъ и церковь карала его своимъ отлученіемъ тотчасъ-же и каждый разъ во слѣдъ кары государственнаго закона? Да выше не могло-бы и быть отчаянія, по крайней мѣрѣ, для преступника русскаго, ибо русскіе преступники еще вѣруютъ. А, впрочемъ, кто знаетъ: можетъ быть, случилось-бы тогда страшное дѣло. — произошла-бы, можетъ быть, потеря вѣры въ отчаянномъ сердцѣ преступника, и тогда что? Но церковь, какъ мать нѣжная и любящая, отъ дѣятельной кары сама устраняется, такъ какъ и безъ ея кары слишкомъ больно наказанъ виновный государственнымъ судомъ, и надо-же его хоть кому нибудь пожалѣть. Главное-же потому устраняется, что судъ церкви есть судъ единственно вмѣщающій въ себѣ истину и ни съ какимъ инымъ судомъ. вслѣдствіе сего, существенно и нравственно сочетаться даже и въ компромиссъ временный не можетъ. Тутъ нельзя уже въ сдѣлки вступать. Иностранный преступникъ, говорятъ, рѣдко раскаивается, ибо самыя даже современныя ученія утверждаютъ его въ мысли, что преступленіе его не есть преступленіе, а лишь возстаніе противъ несправедливо угнетающей силы. Общество отсѣкаетъ его отъ себя вполнѣ механически торжествующею надъ нимъ силой, и сопровождаетъ отлученіе это ненавистью (такъ, по крайней мѣрѣ, они сами о себѣ, въ Европѣ, повѣствуютъ), — ненавистью и полнѣйшимъ къ дальнѣйшей судьбѣ его, какъ брата своего, равнодушіемъ и забвеніемъ. Такимъ образомъ все происходитъ безъ малѣйшаго сожалѣнія церковнаго, ибо во многихъ случаяхъ тамъ церкви уже и нѣтъ вовсе, а остались лишь церковники и великолѣпныя зданія церквей, сами-же церкви давно уже стремятся тамъ къ переходу изъ низшаго вида, какъ церковь, въ высшій видъ, какъ государство, чтобы въ немъ совершенно исчезнуть. Такъ, кажется, во крайней мѣрѣ, въ лютеранскихъ земляхъ. Въ Римѣ-же такъ ужь тысячу лѣтъ вмѣсто церкви провозглашено государство. А потому самъ преступникъ членомъ церкви ужь и не сознаетъ себя и, отлученный, пребываетъ въ отчаяніи. Если-же возвращается въ общество, то нерѣдко съ такою ненавистью, что самое общество какъ-бы уже само отлучаетъ отъ себя. Чѣмъ это кончится, можете сами разсудить. Во многихъ случаяхъ, казалось-бы, и у насъ тоже: но въ томъ и дѣло, что кромѣ установленныхъ судовъ, есть у насъ сверхъ того еще и церковь, которая никогда не теряетъ общенія съ преступникомъ, какъ съ милымъ и все еще дорогимъ сыномъ своимъ, а сверхъ того есть и сохраняется, хотя-бы даже только мысленно,

и судъ церкви, теперь хотя и не дѣятельный, но все-же живущій для будущаго, хотя-бы въ мечтѣ, да и преступникомъ самимъ несомнѣнно, инстинктомъ души его, признаваемый. Справедливо и то, что было здѣсь сейчасъ сказано, что если-бы дѣйствительно наступилъ судъ церкви, и во всей своей силѣ, то есть если-бы все общество обратилось лишь въ церковь, то не только судъ церкви повліялъ-бы на исправленіе преступника такъ, какъ никогда не вліяетъ нынѣ. Но, можетъ быть, и вправду самыя преступленія уменьшились-бы въ невѣроятную долю. Да и церковь, сомнѣнія нѣтъ, понимала-бы будущаго преступника и будущее преступленіе во многихъ случаяхъ совсѣмъ иначе чѣмъ нынѣ, и съумѣла-бы возвратить отлученнаго, предупредить замышляющаго и возродить падшаго. Правда, усѣкнулся старецъ - теперь общество христіанское пока еще само не готово и стоитъ лишь на семи праведникахъ: но такъ какъ они не оскудѣваютъ, то и пребываетъ все-же незыблемо, въ ожиданіи своего полнаго преображенія изъ общества, какъ союза почти еще языческаго, во единую вселенскую и владычествующую церковь. Сіе и будетъ, будетъ, хотя-бы и въ концѣ вѣковъ, ибо лишь сему предназначено совершиться! И нечего смущать себя временами и сроками, ибо тайна временъ и сроковъ въ мудрости Божіей, въ предвидѣніи Его и въ любви Его. И что по разсчету человѣческому, можетъ быть, еще и весьма отдаленно, то по предопредѣленію Божьему, можетъ быть, уже стоитъ наканунѣ своего появленія, при дверяхъ. Сіе послѣднее будетъ, будетъ.

— Будетъ! будетъ! благоговѣйно и сурово подтвердилъ отецъ Паисій.

— Страшно, въ высшей степени страшно! произнесъ Міусовъ, не то что съ горячностью, а какъ-бы съ затаеннымъ какимъ-то негодованіемъ.

— Что-же кажется вамъ столь страшнымъ? осторожно освѣдомился отецъ Іосифъ.

— Да что-же это въ самомъ дѣлѣ такое? воскликнулъ Міусовъ, какъ-бы вдругъ прорвавшись: — устраняется на землѣ государство, а церковь возводится на степень государства! Это не то что ультрамонтанство, это архи-ультрамонтанство! Это папъ Григорію Седьмому не мерещилось!

— Совершенно обратно извольте понимать! строго проговорилъ отецъ Паисій. — не церковь обращается въ государство, помните это. То Римъ и его мечта. То третье діаволово искушеніе! А напротивъ, государство обращается въ церковь, восходитъ до церкви и становится церковью на всей землѣ, — что совершенно уже противоположно и ультрамонтанству, и Риму, и вашему толкованію, и есть

лишь великое предназначеніе православія на землѣ. Отъ Востока звѣзда сія возсіяетъ.

Міусовъ внушительно помолчалъ. Вся фигура его выразила собою необыкновенное собственное достоинство. Свысока-снисходительная улыбка показалась на его губахъ. Алеша слѣдилъ за всѣмъ съ сильно бьющимся сердцемъ. Весь этотъ разговоръ взволновалъ его до основанія. Онъ случайно взглянулъ на Ракитина: тотъ стоялъ неподвижно на своемъ прежнемъ мѣстѣ у двери, внимательно вслушиваясь и всматриваясь, хотя и опустивъ глаза. Но, по оживленному румянцу на его щекахъ, Алеша догадался, что и Ракитинъ взволнованъ, кажется, не менѣе его; Алеша зналъ чѣмъ онъ взволнованъ.

— Позвольте мнѣ сообщить вамъ одинъ маленькій анекдотъ, господа, внушительно и съ какимъ-то особенно осанистымъ видомъ проговорилъ вдругъ Міусовъ. Въ Парижѣ, уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ, вскорѣ послѣ декабрьскаго переворота, мнѣ пришлось однажды, дѣлая по знакомству визитъ одному очень-очень важному и управляющему тогда лицу, повстрѣчать у него одного прелюбопытнѣйшаго господина. Былъ этотъ индивидуумъ не то что сыщикомъ, а въ родѣ управляющаго цѣлою командой политическихъ сыщиковъ, — въ своемъ родѣ довольно вліятельная должность. Пригодившись къ случаю, я, изъ чрезвычайнаго любопытства, разговорился съ нимъ: а такъ какъ онъ принятъ былъ не по знакомству, а какъ подчиненный чиновникъ, пришедшій съ извѣстнаго рода рапортомъ, то, видя съ своей стороны какъ я принятъ у его начальника, онъ удостоилъ меня нѣкоторою откровенностію. Ну, разумѣется, въ извѣстной степени, то есть скорѣе быть вѣжливымъ, чѣмъ откровеннымъ, именно какъ французы умѣютъ быть вѣжливыми. Тѣмъ болѣе, что видѣлъ во мнѣ иностранца. Но я его очень понялъ. Тема шла о соціалистахъ-революціонерахъ, которыхъ тогда между прочимъ преслѣдовали. Опуская главную суть разговора, приведу лишь одно любопытнѣйшее замѣчаніе, которое у этого господчика вдругъ вырвалось: „мы, сказалъ онъ, — собственно этихъ всѣхъ соціалистовъ — анархистовъ, безбожниковъ и революціонеровъ, не очень-то опасаемся: мы за ними слѣдимъ и ходы ихъ намъ извѣстны. Но есть изъ нихъ, хотя и немного, нѣсколько особенныхъ людей: это въ Бога вѣрующіе и христіане, а въ тоже время и соціалисты. Вотъ этихъ-то мы больше всѣхъ опасаемся, это страшный народъ! Соціалистъ-христіанинъ страшнѣе соціалиста-безбожника". Слова эти тогда меня поразили. Но теперь у васъ, господа, они мнѣ какъ-то вдругъ припомнились...

То есть вы ихъ прикладываете къ намъ и въ насъ видите

соціалистовъ? прямо и безъ обиняковъ спросилъ отецъ Паисій. Но прежде чѣмъ Петръ Александровичъ сообразилъ дать отвѣтъ, отворилась дверь и вошелъ столь опоздавшій Дмитрій Ѳедоровичъ. Его и вправду какъ-бы перестали ждать, и внезапное появленіе его произвело, въ первый моментъ, даже нѣкоторое удивленіе.

VI.

Зачѣмъ живетъ такой человѣкъ!

Дмитрій Ѳедоровичъ, двадцати-восьми-лѣтній молодой человѣкъ, средняго роста и пріятнаго лица, казался однакоже гораздо старѣе своихъ лѣтъ. Былъ онъ мускулистъ и въ немъ можно было угадывать значительную физическую силу, тѣмъ не менѣе въ лицѣ его выражалось какъ-бы нѣчто болѣзненное. Лицо его было худощаво, щеки ввалились, цвѣтъ-же ихъ отливалъ какою-то нездоровою желтизной. Довольно большіе темные глаза на выкатъ смотрѣли, хотя, повидимому, и съ твердымъ упорствомъ, но какъ-то неопредѣленно. Даже когда онъ волновался и говорилъ съ раздраженіемъ, взглядъ его какъ бы не повиновался его внутреннему настроенію и выражалъ что-то другое, иногда совсѣмъ не соотвѣтствующее настоящей минутѣ. Трудно узнать о чемъ онъ думаетъ, отзывались иной разъ разговаривавшіе съ нимъ. Иные, видѣвшіе въ его глазахъ что-то задумчивое и угрюмое, случалось, вдругъ поражались внезапнымъ смѣхомъ его, свидѣтельствовавшимъ о веселыхъ и игривыхъ мысляхъ бывшихъ въ немъ именно въ то время, когда онъ смотрѣлъ съ такою угрюмостью. Впрочемъ, нѣкоторая болѣзненность его лица въ настоящую минуту могла быть понятна: всѣ знали или слышали о чрезвычайно тревожной и сутяжной жизни, которой онъ именно въ послѣднее время у насъ предавался, равно какъ всѣмъ извѣстно было и то необычайное раздраженіе, до котораго онъ достигъ въ ссорахъ со своимъ отцомъ изъ-за спорныхъ денегъ. По городу ходило уже объ этомъ нѣсколько анекдотовъ. Правда, что онъ и отъ природы былъ раздражителенъ, ума отрывистаго и неправильнаго, какъ характерно выразился о немъ у насъ нашъ мировой судья, Семенъ Ивановичъ Качальниковъ, въ одномъ собраніи. Вошелъ онъ безукоризненно и щегольски одѣтый, въ застегнутомъ сюртукѣ, въ черныхъ перчаткахъ и съ цилиндромъ въ рукахъ. Какъ военный недавно въ отставкѣ, онъ носилъ усы и брилъ пока бороду. Темно-русые волосы его были коротко обстрижены и зачесаны какъ-то височками впередъ. Шагалъ онъ рѣшительно, широко, по фрунтовому. На мгновеніе остановился онъ на порогѣ, и окинувъ всѣхъ

взглядомъ, прямо направился къ старцу, угадавъ въ немъ хозяина. Онъ глубоко поклонился ему и попросилъ благословенія. Старецъ привставъ благословилъ его: Дмитрій Ѳедоровичъ почтительно поцѣловалъ его руку и съ необыкновеннымъ волненіемъ, почти съ раздраженіемъ произнесъ:

— Простите великодушно за то, что заставилъ столько ждать. Но слуга Смердяковъ, посланный батюшкою, на настойчивый мой вопросъ о времени, отвѣтилъ мнѣ два раза самымъ рѣзкимъ тономъ, что назначено въ часъ. Теперь я вдругъ узнаю...

— Не безпокойтесь, перебилъ старецъ, — ничего, нѣсколько замѣшкались, не бѣда...

— Чрезвычайно вамъ благодаренъ и менѣе не могъ ожидать отъ вашей доброты. Отрѣзавъ это, Дмитрій Ѳедоровичъ еще разъ поклонился, затѣмъ вдругъ обернувшись въ сторону своего батюшки, сдѣлалъ и тому такой-же почтительный и глубокій поклонъ. Видно было, что онъ обдумалъ этотъ поклонъ заранѣе. и надумалъ его искренно, почтя своею обязанностью выразить тѣмъ свою почтительность и добрыя намѣренія. Ѳедоръ Павловичъ, хоть и застигнутый врасплохъ, тотчасъ по своему нашелся: въ отвѣтъ на поклонъ Дмитрія Ѳедоровича, онъ вскочилъ съ кресель и отвѣтилъ сыну точно такимъ-же глубокимъ поклономъ. Лицо его сдѣлалось вдругъ важно и внушительно, что придало ему однако рѣзко злой видъ. Затѣмъ молча общимъ поклономъ откланявшись всѣмъ бывшимъ въ комнатѣ, Дмитрій Ѳедоровичъ своими большими и рѣзкими шагами подошелъ къ окну, усѣлся на единственный оставшійся стулъ, неподалеку отъ отца Паисія, и, весь выдвинувшись впередъ на стулѣ, тотчасъ приготовился слушать продолженіе имъ прерваннаго разговора.

Появленіе Дмитрія Ѳедоровича заняло не болѣе какихъ нибудь двухъ минутъ и разговоръ не могъ не возобновиться. Но на этотъ разъ на настойчивый и почти раздражительный вопросъ отца Паисія, Петръ Александровичъ не почелъ нужнымъ отвѣтить.

— Позвольте мнѣ эту тему отклонить, произнесъ онъ съ нѣкоторою свѣтскою небрежностью. — Тема эта къ тому-же мудреная. Вотъ Иванъ Ѳедоровичъ на насъ усмѣхается: должно быть, у него есть что нибудь любопытное и на этотъ случай. Вотъ его спросите.

— Ничего особеннаго, кромѣ маленькаго замѣчанія, тотчасъ-же отвѣтилъ Иванъ Ѳедоровичъ, — о томъ, что вообще европейскій либерализмъ, и даже нашъ русскій либеральный дилетантизмъ, часто и давно уже смѣшиваетъ конечные результаты соціализма съ христіанскими. Этотъ дикій выводъ, конечно, характерная черта. Впрочемъ, соціализмъ съ христіанствомъ смѣшиваютъ, какъ оказывается, не одни либералы и дилетанты, а вмѣстѣ съ ними, во многихъ слу-

чаяхъ. и жандармы, то есть заграничные. разумѣется. Вашъ парижскій анекдотъ довольно характеренъ. Петръ Александровичъ.

— Вообще эту тему я опять прошу позволенія оставить, повторилъ Петръ Александровичъ. а вмѣсто того я вамъ разскажу, господа. другой анекдотъ о самомъ Иванѣ Ѳедоровичѣ. интереснѣйшій и характернѣйшій. Не далѣе какъ дней пять тому назадъ. въ одномъ здѣшнемъ. по преимуществу дамскомъ. обществѣ. онъ торжественно заявилъ въ спорѣ. что на всей землѣ нѣтъ рѣшительно ничего такого. что-бы заставляло людей любить себѣ подобныхъ. что такого закона природы: чтобы человѣкъ любилъ человѣчество не существуетъ вовсе. и что если есть и была до сихъ поръ любовь на землѣ, то не отъ закона естественнаго, а единственно потому, что люди вѣровали въ свое безсмертіе. Иванъ Ѳедоровичъ прибавилъ при этомъ въ скобкахъ, что въ этомъ-то и состоитъ весь законъ естественный, такъ что уничтожьте въ человѣчествѣ вѣру въ свое безсмертіе, въ немъ тотчасъ-же изсякнетъ не только любовь, но и всякая живая сила. чтобы продолжать міровую жизнь. Мало того: тогда ничего уже не будетъ безнравственнаго. все будетъ позволено. даже антропофагія. Но и этого мало, онъ заключилъ утвержденіемъ. что для каждаго частнаго лица, напримѣръ. какъ-бы мы теперь. не вѣрующаго ни въ Бога. ни въ безсмертіе свое. нравственный законъ природы долженъ немедленно измѣниться въ полную противоположность прежнему. религіозному. и что эгоизмъ даже до злодѣйства не только долженъ быть дозволенъ человѣку, но даже признанъ необходимымъ. самымъ разумнымъ и чуть-ли не благороднѣйшимъ исходомъ въ его положеніи. На такому парадоксу можете заключить, господа. и о всемъ остальномъ. что̀ изволитъ провозглашать и что̀ намѣренъ еще. можетъ быть. провозгласить нашъ милый эксцентрикъ и парадоксалистъ Иванъ Ѳедоровичъ.

— Позвольте. неожиданно крикнулъ вдругъ Дмитрій Ѳедоровичъ. — чтобы не ослышаться: злодѣйство не только должно быть дозволено, но даже признано самымъ необходимымъ и самымъ умнымъ выходомъ изъ положенія всякаго безбожника! Такъ ли не такъ?

— Точно такъ, сказалъ отецъ Паисій.

— Запомню.

Произнеся это, Дмитрій Ѳедоровичъ также внезапно умолкъ, какъ внезапно влетѣлъ въ разговоръ. Всѣ посмотрѣли на него съ любопытствомъ.

— Неужели вы дѣйствительно такого убѣжденія о послѣдствіяхъ изсякновенія у людей вѣры въ безсмертіе души ихъ? спросилъ вдругъ старецъ Ивана Ѳедоровича.

— Да. я это утверждалъ. Нѣтъ добродѣтели, если нѣтъ безсмертія.

— Блаженны вы коли такъ вѣруете, или уже очень несчастны!

— Почему несчастенъ? — улыбнулся Иванъ Ѳедоровичъ.

— Потому что по всей вѣроятности не вѣруете сами ни въ безсмертіе вашей души, ни даже въ то, что̀ написали о церкви и о церковномъ вопросѣ.

— Можетъ быть, вы правы!.. Но все-же я и не совсѣмъ шутилъ... вдругъ странно признался, впрочемъ, быстро покраснѣвъ Иванъ Ѳедоровичъ.

— Не совсѣмъ шутили, это истинно. Идея эта еще не рѣшена въ вашемъ сердцѣ и мучаетъ его. Но и мученикъ любитъ иногда забавляться своимъ отчаяніемъ, какъ-бы тоже отъ отчаянія. Пока съ отчаянія и вы забавляетесь — и журнальными статьями, и свѣтскими спорами, сами не вѣруя своей діалектикѣ и съ болью сердца усмѣхаясь ей про себя... Въ васъ этотъ вопросъ не рѣшенъ, и въ этомъ ваше великое горе, ибо настоятельно требуетъ разрѣшенія...

— А можетъ-ли быть онъ во мнѣ рѣшенъ? Рѣшенъ въ сторону положительную? продолжалъ странно спрашивать Иванъ Ѳедоровичъ, все съ какою-то необъяснимою улыбкой смотря на старца.

— Если не можетъ рѣшиться въ положительную, то никогда не рѣшится и въ отрицательную, сами знаете это свойство вашего сердца: и въ этомъ вся мука его. Но благодарите Творца, что далъ вамъ сердце высшее, способное такою мукой мучиться, горнія мудрствовати и горнихъ искати, наше бо жительство на небесѣхъ есть. Дай вамъ Богъ, чтобы рѣшеніе сердца вашего постигло васъ еще на землѣ, и да благословитъ Богъ пути ваши!

Старецъ поднялъ руку и хотѣлъ было съ мѣста перекрестить Ивана Ѳедоровича. Но тотъ вдругъ всталъ со стула, подошелъ къ нему, принялъ его благословеніе и, поцѣловавъ его руку, вернулся молча на свое мѣсто. Видъ его былъ твердъ и серіозенъ. Поступокъ этотъ, да и весь предъидущій, неожиданный отъ Ивана Ѳедоровича, разговоръ со старцемъ какъ-то всѣхъ поразили своею загадочностью и даже какою-то торжественностью, такъ что всѣ на минуту было примолкли, а въ лицѣ Алеши выразился почти испугъ. Но Міусовъ вдругъ вскинулъ плечами и въ ту-же минуту Ѳедоръ Павловичъ вскочилъ со стула.

— Божественный и святѣйшій старецъ! вскричалъ онъ, указывая на Ивана Ѳедоровича: — Это мой сынъ, плоть отъ плоти моея, любимѣйшая плоть моя! Это мой почтительнѣйшій, такъ сказать, Карлъ Моръ, а вотъ этотъ, сейчасъ вошедшій сынъ, Дмитрій Ѳедоровичъ, и противъ котораго у васъ управы ищу,—это уже непочтительнѣйшій Францъ Моръ, — оба изъ *Разбойниковъ* Шиллера, а я самъ въ такомъ случаѣ уже Regierender Graf von Moor!

Разсудите и спасите! Нуждаемся не только въ молитвахъ, но и въ пророчествахъ вашихъ.

— Говорите безъ юродства и не начинайте осворбленіемъ домашнихъ вашихъ, отвѣтилъ старецъ слабымъ изнемогшимъ голосомъ. Онъ видимо уставалъ, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе и примѣтно линялся силъ.

— Недостойная комедія, которую я предчувствовалъ еще изъ сюда! воскликнулъ Дмитрій Ѳедоровичъ въ негодованіи и тоже вскочивъ съ мѣста. — Простите, преподобный отецъ, обратился онъ къ старцу, — я человѣкъ необразованный и даже не знаю какъ васъ именовать, но васъ обманули, а вы слишкомъ были добры, позволивъ намъ у васъ съѣхаться. Батюшкѣ нуженъ лишь скандалъ, для чего — это ужъ его разсчетъ. У него всегда свой разсчетъ. Но, кажется, я теперь знаю для чего...

— Обвинятъ меня всѣ, всѣ они! кричалъ въ свою очередь Ѳедоръ Павловичъ. — вотъ и Петръ Александровичъ обвинятъ. Обвинялъ. Петръ Александровичъ, обвинялъ! обернулся онъ вдругъ къ Міусову, хотя тотъ и не думалъ перебивать его.—Обвинятъ въ томъ, что я дѣтскія деньги за саногъ спряталъ и взялъ башъ на башъ; но позвольте, развѣ не существуетъ суда? Тамъ вамъ сочтутъ, Дмитрій Ѳедоровичъ, по самымъ-же росписямъ вашимъ, письмамъ и договорамъ, сколько у васъ было, сколько вы истребили и сколько у васъ остается! Отчего Петръ Александровичъ уклоняется произнести сужденіе? Дмитрій Ѳедоровичъ ему не чужой. Оттого что всѣ на меня, а Дмитрій Ѳедоровичъ въ итогѣ еще мнѣ-же долженъ, да не сколько нибудь, а нѣсколько тысячъ-съ, на что имѣю всѣ документы! Вѣдь городъ трещитъ и гремитъ отъ его кутежей! А тамъ, гдѣ онъ прежде служилъ, тамъ по тысячѣ и по двѣ за обольщеніе честныхъ дѣвицъ платилъ: это, Дмитрій Ѳедоровичъ, намъ извѣстно-съ, въ самыхъ секретныхъ подробностяхъ, и я докажу-съ... Святѣйшій отецъ, вѣрите-ли: вообразилъ въ себѣ благороднѣйшую изъ дѣвицъ, хорошаго дома, съ состояніемъ, дочь прежняго начальника своего, храбраго полковника, заслуженнаго, имѣвшаго Анну съ мечами на шеѣ, компрометтировалъ дѣвушку предложеніемъ руки, теперь она здѣсь, теперь она сирота, его невѣста, а онъ, на глазахъ ея, къ одной здѣшней обольстительницѣ ходитъ. Но хоть обольстительница эта и жила, такъ сказать, въ гражданскомъ бракѣ съ однимъ почтеннымъ человѣкомъ, но характера независимаго, крѣпость непристуиная для всѣхъ, все равно что жена законная, ибо добродѣтельна, — да-съ! отцы святые, она добродѣтельна! А Дмитрій Ѳедоровичъ хочетъ эту крѣпость золотымъ ключемъ отпереть, для чего онъ теперь надо мной и куражится, хочетъ съ меня денегъ сорвать,

а пока ужь тысячи на эту обольстительницу просорить: на то и деньги занимать безпрерывно. и между прочимъ у кого, какъ вы думаете? Сказать аль нѣтъ, Митя?

— Молчать! закричалъ Дмитрій Ѳедоровичъ. — подождите пока я выйду, а при мнѣ не смѣйте марать благороднѣйшую дѣвицу... Ужь одно то, что вы о ней осмѣливаетесь заикнуться. позоръ для нея... Не позволю!

Онъ задыхался.

— Митя! Митя! слабонервно и выдавливая изъ себя слезы вскричалъ Ѳедоръ Павловичъ, а родительское-то благословеніе на что? А ну прокляну, что тогда будетъ?

— Безстыдникъ и притворщикъ! неистово рявкнулъ Дмитрій Ѳедоровичъ.

— Это онъ отца. отца! Что-же съ прочими? Господа, представьте себѣ: есть здѣсь бѣдный. но почтенный человѣкъ, отставной капитанъ. былъ въ несчастьи, отставленъ отъ службы. но не гласно. не по суду, сохранивъ всю свою честь. многочисленнымъ семействомъ обремененъ. А три недѣли тому назадъ нашъ Дмитрій Ѳедоровичъ въ трактирѣ схватилъ его за бороду. вытащилъ за эту самую бороду на улицу и на улицѣ всенародно избилъ. и все за то. что тотъ состоитъ негласнымъ повѣреннымъ по одному моему дѣлишку.

— Ложь все это! Снаружи правда. внутри ложь! весь въ гнѣвѣ дрожалъ Дмитрій Ѳедоровичъ. — Батюшка! Я свои поступки не оправдываю: да. всенародно признаюсь: я поступилъ какъ звѣрь съ этимъ капитаномъ и теперь сожалѣю и собой глушаюсь за звѣрскій гнѣвъ, но этотъ нашъ капитанъ. нашъ повѣренный. пошелъ вотъ къ этой самой госпожѣ, о которой вы выражаетесь, что она обольстительница. и сталъ ей предлагать отъ вашего имени, чтобъ она взяла имѣющіеся у васъ мои векселя и подала на меня, чтобы по этимъ векселямъ меня засадить. если я ужь слишкомъ буду приставать къ вамъ въ разсчетахъ по имуществу. Вы-же теперь меня упрекаете тѣмъ. что я имѣю слабость къ этой госпожѣ, тогда какъ сами-же учили ее заманить меня! Вѣдь она прямо въ глаза разсказываетъ; сама мнѣ разсказывала. надъ вами смѣясь! Засадить-же вы меня хотите только потому, что меня къ ней-же ревнуете. потому что сами вы приступать начали къ этой женщинѣ со своею любовью и мнѣ это опять таки все извѣстно. и опять таки она смѣялась. —слышите, смѣясь надъ вами пересказывала. Такъ вотъ вамъ, святые люди. этотъ человѣкъ. этотъ упрекающій развратнаго сына отецъ! Господа свидѣтели, простите гнѣвъ мой. Но я предчувствовалъ, что этотъ коварный старикъ созоветъ всѣхъ васъ сюда на скандалъ. Я пошелъ съ тѣмъ. чтобы простить, если-бъ

онъ протянулъ мнѣ руку, проститъ и прощенія проситъ! Но такъ какъ онъ оскорбилъ сію минуту не только меня, но и благородную дѣвицу, которой даже имени не смѣю произнести всуе изъ благоговѣнія къ ней, то и рѣшился обнаружить всю его игру публично, хотя-бы онъ и отецъ мой...

Онъ не могъ болѣе продолжать. Глаза его сверкали, онъ дышалъ трудно. Но и всѣ въ комнатѣ были взволнованы. Всѣ кромѣ старца съ безпокойствомъ встали со своихъ мѣстъ. Отцы іеромонахи смотрѣли сурово, но ждали однако воли старца. Тотъ-же сидѣлъ совсѣмъ уже блѣдный, но не отъ волненія, а отъ болѣзненнаго безсилія. Умоляющая улыбка свѣтилась на губахъ его; онъ изрѣдка поднималъ руку какъ-бы желая остановить бѣснующихся и ужь, конечно, одного жеста его было-бы достаточно, чтобы сцена была прекращена; но онъ самъ какъ будто чего-то еще выжидалъ и пристально прислушивался, какъ-бы желая что-то еще понять, какъ-бы не уяснивъ себѣ чего-то. Наконецъ, Петръ Александровичъ Міусовъ окончательно почувствовалъ себя униженнымъ и опозореннымъ.

— Въ происшедшемъ скандалѣ мы всѣ виноваты! горячо проговорилъ онъ, - но я все-же вѣдь не предчувствовалъ. Изъ сюда, хотя и зналъ съ кѣмъ имѣю дѣло... Это надо кончить сейчасъ-же! Ваше преподобіе, повѣрьте, что я всѣхъ обнаруженныхъ здѣсь подробностей въ точности не зналъ, не хотѣлъ имъ вѣрить и только теперь въ первый разъ узнаю... Отецъ ревнуетъ сына къ скверной поведенія женщинѣ и самъ съ этою-же тварью сговаривается засадить сына въ тюрьму... И вотъ въ такой-то компаніи меня принудили сюда явиться... Я обмануть, я заявляю всѣмъ, что обманутъ не менѣе другихъ...

— Дмитрій Ѳедоровичъ! завопилъ вдругъ какимъ-то не своимъ голосомъ Ѳедоръ Павловичъ, — если-бы только вы не мой сынъ, то я въ ту-же минуту вызвалъ-бы васъ на дуэль... на пистолетахъ, на разстояніи трехъ шаговъ... черезъ платокъ, черезъ платокъ! кончилъ онъ, топая обѣими ногами.

Есть у старыхъ лгуновъ, всю жизнь свою проактерствовавшихъ, минуты, когда они до того зарисуются, что уже во истину дрожатъ и плачутъ отъ волненія, не смотря на то, что даже въ это самое мгновеніе (или секунду только спустя) могли-бы сами шепнуть себѣ: «вѣдь ты лжешь, старый безстыдникъ, вѣдь ты актеръ и теперь, не смотря на весь твой святой гнѣвъ и святую минуту гнѣва.

Дмитрій Ѳедоровичъ страшно нахмурился и съ невыразимымъ презрѣніемъ поглядѣлъ на отца.

— Я думалъ... я думалъ, какъ-то тихо и сдержанно проговорилъ онъ, — что пріѣду на родину съ ангеломъ души моей, невѣ-

стою моей, чтобы лелѣять его старость, а вижу лишь развратнаго сладострастника и подлѣйшаго комедіанта!

— На дуэль! завопилъ опять старикашка, задыхаясь и брызгаясь съ каждымъ словомъ слюной. — А вы, Петръ Александровичъ Миусовъ, знайте, сударь, что, можетъ быть, во всемъ вашемъ родѣ нѣтъ и не было выше и честнѣе, — слышите, честнѣе — женщины, какъ эта, по вашему, тварь, какъ вы осмѣлились сейчасъ назвать ее! А вы, Дмитрій Ѳедоровичъ, на эту-же тварь вашу невѣсту промѣняли, стало быть, сами присудили, что и невѣста ваша подлянка ея не стоитъ, вотъ какова эта тварь!

— Стыдно! вырвалось вдругъ у отца Іосифа.

— Стыдно и позорно! своимъ отроческимъ голосомъ, дрожащимъ отъ волненія, и весь покраснѣвъ, крикнулъ вдругъ Калгановъ, все время молчавшій.

Зачѣмъ живетъ такой человѣкъ! глухо прорычалъ Дмитрій Ѳедоровичъ, почти уже въ изступленіи отъ гнѣва, какъ-то чрезвычайно приподнявъ плечи и почти отъ того сгорбившись. — нѣтъ, скажите мнѣ, можно-ли еще позволить ему безчестить собою землю, — оглядѣлъ онъ всѣхъ, указывая на старика рукой. Онъ говорилъ медленно и мѣрно.

— Слышите-ли, слышите-ли вы, монахи, отцеубійцу, набросился Ѳедоръ Павловичъ на отца Іосифа. Вотъ отвѣтъ на ваше стыдно! Что стыдно? Эта тварь, эта сквернаго поведенія женщина, можетъ быть, святѣе васъ самихъ, господа спасающіеся іеромонахи! Она, можетъ быть, въ юности пала, завѣденная средой, но она возлюбила много, а возлюбившую много и Христосъ простилъ...

— Христосъ не за такую любовь простилъ... вырвалось въ истерическій у кроткаго отца Іосифа.

— Нѣтъ, за такую, за эту самую, монахи, за эту! Вы здѣсь на капустѣ спасаетесь и думаете что праведники! Нискариковъ купаете, въ день по нискарику, и думаете нискариками Бога купить!

— Невозможно, невозможно! слышалось въ келью со всѣхъ сторонъ.

Но вся эта доведшая до безобразія сцена прекратилась самымъ неожиданнымъ образомъ. Вдругъ поднялся съ мѣста старецъ. Совсѣмъ почти потерявшійся отъ страха за него и за всѣхъ, Алеша успѣлъ однако поддержать его за руку. Старецъ шагнулъ по направленію къ Дмитрію Ѳедоровичу и, дойдя до него вплоть, опустился предъ нимъ на колѣни. Алеша подумалъ было что онъ упалъ отъ безсилія, но это было не то.Ставъ на колѣни, старецъ поклонился Дмитрію Ѳедоровичу въ ноги полнымъ, отчетливымъ, сознательнымъ поклономъ, и даже лбомъ своимъ коснулся земли. Алеша былъ такъ изумленъ, что даже не успѣлъ поддержать его, когда тотъ поднимался. Слабая улыбка чуть-чуть блеснула на его губахъ.

— Простите! Простите всѣ! проговорилъ онъ, откланиваясь на всѣ стороны своимъ гостямъ.

Дмитрій Ѳедоровичъ стоялъ нѣсколько мгновеній какъ пораженный: ему поклонъ въ ноги — что̀ такое? Наконецъ, вдругъ вскрикнулъ: «О, Боже!» и, закрывъ руками лицо, бросился вонъ изъ комнаты. За нимъ повалили гурьбой и всѣ гости, отъ смущенія даже не простясь и не откланявшись хозяину. Одни только іеромонахи опять подошли подъ благословеніе.

— Это что̀-же онъ въ ноги-то, что эмблема какая̀-нибудь? попробовалъ было разговоръ начать вдругъ почему-то присмирѣвшій Ѳедоръ Павловичъ, ни къ кому, впрочемъ, не осмѣливаясь обратиться лично. Они всѣ выходили въ эту минуту изъ ограды скита.

— Я за съумасшедшій домъ и за съумасшедшихъ не отвѣчаю, тотчасъ-же озлобленно отвѣтилъ Міусовъ, — но зато избавлю себя отъ вашего общества. Ѳедоръ Павловичъ, и повѣрьте, что навсегда. Гдѣ этотъ давешній монахъ?..

Но этотъ монахъ, то есть тотъ, который приглашалъ ихъ давеча на обѣдъ къ игумену, ждать себя не заставилъ. Онъ тутъ-же встрѣтилъ гостей, тотчасъ-же какъ они сошли съ крылечка изъ кельи старца, точно дожидалъ ихъ все время.

— Сдѣлайте одолженіе, почтенный отецъ, засвидѣтельствуйте все мое глубокое уваженіе отцу игумену и извините меня лично, Міусова, предъ его высокопреподобіемъ въ томъ, что по встрѣтившимся внезапно непредвидѣннымъ обстоятельствамъ ни за что не могу имѣть честь принять участіе въ его трапезѣ, не смотря на все искреннѣйшее желаніе мое, раздражительно проговорилъ монаху Петръ Александровичъ.

А вѣдь непредвидѣнное-то обстоятельство — это вѣдь я! сейчасъ-же подхватилъ Ѳедоръ Павловичъ. — Слышите, отецъ, это Петръ Александровичъ со мной не желаетъ вмѣстѣ оставаться, а то-бы онъ тотчасъ пошелъ. И пойдете, Петръ Александровичъ, извольте пожаловать къ отцу игумену, и — добраго вамъ аппетита! Знайте, что это я уклоняюсь, а не вы. Домой, домой, дома побѣмъ, а здѣсь чувствую себя неспособнымъ. Петръ Александровичъ, мой любезнѣйшій родственникъ.

— Не родственникъ я вамъ и никогда имъ не былъ, низкій вы человѣкъ!

— Я нарочно и сказалъ, чтобы васъ побѣсить, потому что вы отъ родства уклоняетесь, хотя все-таки вы родственникъ, какъ ни финтите, по святцамъ докажу: за тобой, Иванъ Ѳедоровичъ, я въ свое время лошадей пригналъ, оставайся, если хочешь, и ты. Вамъ-же, Петръ Александровичъ, даже приличіе велитъ теперь явиться къ

отцу игумену, надо извиниться въ томъ, что мы съ вами тамъ накутили...

— Да правда-ли, что вы уѣзжаете? Не лжете-ли вы?

— Петръ Александровичъ, какъ-же-бы я посмѣлъ послѣ того, что случилось! Увлекся, простите, господа, увлекся! И кромѣ того потрясенъ! Да и стыдно, господа, у иного сердце какъ у Александра Македонскаго, а у другаго какъ у собачки Фидельки. У меня какъ у собачки Фидельки. Оробѣлъ! Ну, какъ послѣ такого эскапада да еще на обѣдъ, соусы монастырскіе уплетать? Стыдно, не могу, извините!

Чортъ его знаетъ, а ну какъ обманываетъ! остановился въ раздумьи Міусовъ, слѣдя недоумѣвающимъ взглядомъ за удалявшимся шутомъ. Тотъ обернулся и, замѣтивъ, что Петръ Александровичъ за нимъ слѣдитъ, послалъ ему рукою поцѣлуй.

— Вы-то идете къ игумену? отрывисто спросилъ Міусовъ Ивана Ѳедоровича.

— Почему-же нѣтъ? Къ тому-же я особенно приглашенъ игуменомъ еще вчерашняго дня.

— Къ несчастію, я дѣйствительно чувствую себя почти въ необходимости явиться на этотъ проклятый обѣдъ. Все съ того-же горькою раздражительностью продолжалъ Міусовъ, даже и не обращая вниманія, что монашекъ слушаетъ.— Хоть тамъ-то извиниться надо за то, что мы здѣсь натворили и разъяснить, что это не мы... Какъ вы думаете?

— Да, надо разъяснить, что это не мы. Къ тому-же, батюшки не будетъ, замѣтилъ Иванъ Ѳедоровичъ.

— Да еще-же-бы съ вашимъ батюшкой! Проклятый этотъ обѣдъ!

И однако всѣ шли. Монашекъ молчалъ и слушалъ. Дорогой черезъ лѣсокъ онъ только разъ лишь замѣтилъ, что отецъ игуменъ давно уже ожидаютъ и что болѣе получаса опоздали. Ему не отвѣтили. Міусовъ съ ненавистью посмотрѣлъ на Ивана Ѳедоровича:

«А вѣдь идетъ на обѣдъ, какъ ни въ чемъ не бывало!» подумалъ онъ. «Мѣдный лобъ и Карамазовская совѣсть».

VII.

Семинаристъ-карьеристъ.

Алеша довелъ своего старца въ спаленку и усадилъ на кровать. Это была очень маленькая комнатка съ необходимою мебелью; кровать была узенькая, желѣзная, а на ней вмѣсто тюфяка одинъ только войлокъ. Въ уголку, у иконъ, стоялъ налой, а на немъ лежали крестъ и Евангеліе. Старецъ опустился на кровать въ безсиліи;

глаза его блестѣли и дышалъ онъ трудно. Усѣвшись, онъ пристально и какъ-бы обдумывая нѣчто посмотрѣлъ на Алешу.

— Ступай, милый, ступай, мнѣ и Порфирія довольно, а ты поспѣши. Ты тамъ нуженъ, ступай къ отцу игумену, за обѣдомъ и прислужи.

— Благословите здѣсь остаться, просящимъ голосомъ промолвилъ Алеша.

— Ты тамъ нужнѣе. Тамъ міру нѣтъ. Прислужишь и пригодишься. Подымутся бѣси, молитву читай. И знай, сынокъ (старецъ любилъ его такъ называть), что и впредь тебѣ не здѣсь мѣсто. Запомни сіе, юноша. Какъ только сподобитъ Богъ преставиться мнѣ—и уходи изъ монастыря. Совсѣмъ иди.

Алеша вздрогнулъ.

— Чего ты? Не здѣсь твое мѣсто пока. Благословляю тебя на великое послушаніе въ міру. Много тебѣ еще странствовать. И окенться должень будешь, должень. Все должень будешь перенести, пока вновь пробудишь. А дѣла много будетъ. Но въ тебѣ не сомнѣваюсь, потому и посылаю тебя. Съ тобой Христосъ. Сохрани Его и Онъ сохранитъ тебя. Горе узришь великое и въ горѣ семъ счастливъ будешь. Вотъ тебѣ завѣтъ: въ горѣ счастья ищи. Работай, неустанно работай. Запомни слово мое отнынѣ. ибо хотя и буду еще бесѣдовать съ тобой, но не только дни, а и часы мои сочтены.

Въ лицѣ Алеши опять изобразилось сильное движеніе. Углы губъ его тряслись.

— Чего-же ты снова? тихо улыбнулся старецъ. —Пусть мірскіе слезами провожаютъ своихъ покойниковъ, а мы здѣсь отходящему отцу радуемся. Радуемся и молимъ о немъ. Оставь-же меня. Молиться надо. Ступай и поспѣши. Около братьевъ будь. Да не около одного, а около обоихъ.

Старецъ поднялъ руку благословить. Возражать было невозможно, хотя Алешѣ чрезвычайно хотѣлось остаться. Хотѣлось ему еще спросить, и даже съ языка срывался вопросъ, что предозначалъ этотъ земной поклонъ брату Дмитрію? но онъ не посмѣлъ спросить. Онъ зналъ, что старецъ и самъ-бы, безъ вопроса ему разъяснилъ, если-бы можно было. Но значитъ не было на то его воли. А поклонъ этотъ странно поразилъ Алешу; онъ вѣровалъ слѣпо, что въ немъ былъ таинственный смыслъ. Таинственный, а, можетъ быть, и ужасный. Когда онъ вышелъ за ограду скита, чтобы поспѣть въ монастырь къ началу обѣда у игумена (конечно, чтобы только прислужить за столомъ) у него вдругъ больно сжалось сердце и онъ остановился на мѣстѣ: предъ нимъ какъ-бы снова прозвучали слова старца предрекавшаго столь близкую кончину свою. Что предрекалъ, да еще

съ такою точностію, старецъ, то должно было случиться несомнѣнно. Алеша вѣровалъ тому свято. Но какъ-же онъ останется безъ него, какъ-же будетъ онъ не видѣть его, не слышать его? И куда онъ пойдетъ? Велитъ не плакать и идти изъ монастыря, Господи! Давно уже Алеша не испытывалъ такой тоски. Онъ пошелъ поскорѣе лѣсомъ отдѣлявшимъ скитъ отъ монастыря, и, не въ силахъ даже выносить свои мысли, до того они давили его, сталъ смотрѣть на вѣковыя сосны по обѣимъ сторонамъ лѣсной дорожки. Переходъ былъ не длинен, шаговъ въ пятьсотъ не болѣе; въ этотъ часъ никто-бы не могъ и повстрѣчаться, но вдругъ на первомъ изгибѣ дорожки онъ замѣтилъ Ракитина. Тотъ поджидалъ кого-то.

— Не меня-ли ждешь? спросилъ поровнявшись съ нимъ Алеша.

— Именно тебя, усмѣхнулся Ракитинъ. — Поспѣшаешь къ отцу игумену. Знаю: у того столъ. Съ самаго того времени, какъ архіерея съ генераломъ Нахатовымъ принимать, помнишь, такого стола еще не было. Я тамъ не буду, а ты стунай, соусы подавай. Скажи ты мнѣ, Алексѣй, одно: что сей сонъ значитъ? Я вотъ что хотѣлъ спросить.

— Какой сонъ?

— А вотъ земной-то поклонъ твоему братцу Дмитрію Ѳедоровичу. Да еще какъ лбомъ-то стукнулся!

— Это ты про отца Зосиму?

— Да, про отца Зосиму.

— Лбомъ?

А, непочтительно выразился! Ну, пусть непочтительно. Итакъ, что-же сей сонъ означаетъ?

— Не знаю, Миша, что значитъ!

— Такъ я и зналъ, что онъ тебѣ это не объяснитъ. Мудренаго тутъ, конечно, нѣтъ ничего, одинъ-бы какихъ всегдашнихъ благоглупостей. Но фокусъ былъ продѣланъ нарочно. Вотъ теперь и заговорятъ всѣ святоши въ городѣ и по губерніи разнесутъ: что, дескать, сей сонъ означаетъ? По моему, старикъ дѣйствительно прозорливъ: уголовщину прошюхалъ. Смердитъ у васъ.

— Какую уголовщину?

Ракитину видимо хотѣлось что-то высказать.

— Въ вашей семьѣ она будетъ, эта уголовщина. Случится она между твоими братцами и твоимъ богатенькимъ батюшкой. Вотъ отецъ Зосима и стукнулся лбомъ на всякій будущій случай. Потомъ, что случится: ахъ, вѣдь это старецъ святой предрекъ, напророчествовалъ! — хотя какое-бы въ томъ пророчество, что онъ лбомъ стукнулся? Нѣтъ, это, дескать, эмблема была, аллегорія, и чортъ знаетъ что! Разславятъ, запомнятъ: преступленіе, дескать, предугадалъ, преступ-

ника отмѣтилъ. У юродивыхъ и все такъ: на кабакъ крестится, а въ храмъ камнями мечетъ. Такъ и твой старецъ: праведника палкой вонъ, а убійцѣ въ ноги поклонъ.

— Какое преступленіе? Какому убійцѣ! Что ты? Алеша сталъ какъ вкопаный, остановился и Ракитинъ.

— Какому? Будто не знаешь? Бьюсь объ закладъ, что ты самъ ужъ объ этомъ думалъ. Кстати, это любопытно: слушай, Алеша, ты всегда правду говоришь, хотя всегда между двухъ стульевъ садишься: думалъ ты объ этомъ или не думалъ, отвѣчай?

— Думалъ, тихо отвѣтилъ Алеша. Даже Ракитинъ смутился.

— Что ты? Да неужто и ты ужъ думалъ? вскричалъ онъ.

— Я... я не то чтобы думалъ, пробормоталъ Алеша.—а вотъ какъ ты сейчасъ сталъ про это такъ страшно говорить, то мнѣ и показалось, что я про это самъ думалъ.

— Видишь (и какъ ты это ясно выразилъ), видишь? Сегодня глядя на папашу и на брата Митеньку о преступленіи подумалъ? Стало быть, не ошибаюсь-же я?

— Да полноте, полноте, тревожно прервалъ Алеша. и изъ чего ты-то все это видишь?.. Почему это тебя такъ занимаетъ, вотъ первое дѣло.

— Два вопроса раздѣльные, но естественные. Отвѣчу на каждый порознь. Почему вижу? Ничего я-бы тутъ не видѣлъ, если-бы Дмитрія Ѳедоровича, брата твоего, вдругъ сегодня не понялъ всего, какъ есть, разомъ и вдругъ. Всего какъ онъ есть. Но какой-то одной чертъ такъ и захватилъ его разомъ всего. У этихъ честнѣйшихъ, но любострастныхъ людей есть черта, которую не переходи. Не то— не то онъ и папеньку поскомъ выроетъ. А папенька пьяный и невоздержный безпутникъ, никогда и ни въ чемъ мѣры не понимать— не удержатся оба и бухъ оба въ канаву...

— Нѣтъ. Миша, нѣтъ, если только это, такъ ты меня ободрилъ. До того не дойдетъ.

— А чего ты весь трясешься? Знаешь ты штуку? Пусть онъ и честный человѣкъ. Митенька-то (онъ глупъ, но честенъ); но онъ— сладострастникъ. Вотъ его опредѣленіе и вся внутренняя суть. Это отецъ ему передалъ свое подлое сладострастіе. Вѣдь я только на тебя, Алеша, дивлюсь: какъ это ты дѣвственникъ? Вѣдь и ты Карамазовъ! Вѣдь въ вашемъ семействѣ сладострастіе до воспаленія доведено. Но вотъ эти три сладострастника другъ за другомъ теперь и слѣдятъ... съ ножами за сапогомъ. Состукнулись трое лбами, а ты, пожалуй, четвертый.

— Ты про эту женщину ошибаешься. Дмитрій ее... презираетъ, какъ-то вздрогнувъ проговорилъ Алеша.

— Грушеньку-то? Нѣтъ, братъ, не презираетъ. Ужь когда невѣсту свою въ явь на нее промѣнялъ, то не презираетъ. Тутъ... тутъ, братъ, нѣчто, чего ты теперь не поймешь. Тутъ влюбится человѣкъ въ какую нибудь красоту, въ тѣло женское, или даже только въ часть одну тѣла женскаго (это сладострастникъ можетъ понять), то и отдастъ за нее собственныхъ дѣтей, продастъ отца и мать, Россію и отечество: будучи честенъ, пойдетъ и украдетъ; будучи кротокъ — зарѣжетъ, будучи вѣренъ — измѣнитъ. Нѣвець женскихъ ножекъ. Пушкинъ, ножки въ стихахъ воспѣвалъ; другіе не воспѣваютъ, а смотрѣть на ножки не могутъ безъ судорогъ. Но вѣдь не одни ножки... Тутъ, братъ, презрѣніе не помогаетъ, хотя-бы онъ и презиралъ Грушеньку. И презираетъ, да оторваться не можетъ.

— Я это понимаю, вдругъ брякнулъ Алеша.

— Быдто? И вѣримъ, стало быть, ты это понимаешь, коли такъ съ перваго слова брякнулъ, что понимаешь, съ злорадствомъ проговорилъ Ракитинъ. — Ты это нечаянно брякнулъ, это вырвалось. Тѣмъ драгоцѣннѣе признаніе: стало быть, тебѣ ужь знакомая тема, объ этомъ ужь думалъ, о сладострастьи-то! Ахъ ты дѣвственникъ! Ты Алешка тихоня, ты святой, я согласенъ, но ты тихоня и чортъ знаетъ о чемъ ты ужь не думалъ, чортъ знаетъ, что тебѣ ужь извѣстно! Дѣвственникъ, а ужь такую глубину прошелъ, я тебя давно наблюдаю. Ты самъ Карамазовъ, ты Карамазовъ вполнѣ — стало быть, значитъ-же что нибудь порода и подборъ. По отцу сладострастникъ, по матери юродивый. Чего дрожишь? Аль правду говорю? Знаешь что: Грушенька просила меня привести ее (тебя, то есть) и съ него ряску стащу. Да вѣдь какъ просила-то: приведи да приведи! Подумалъ только: чѣмъ ты это ей такъ любопытенъ? Знаешь, необычайная и она женщина тоже!

— Клянися, скажи что не придешь, криво усмѣхнулся Алеша.

Договаривай. Михаилъ, о чемъ зачалъ, я тебѣ потомъ мою мысль скажу.

— Чего тутъ договаривать, все ясно. Все это, братъ, старая музыка. Если ужь и ты сладострастника въ себѣ заключаешь, то что-же братъ твой Иванъ, единоутробный? Вѣдь и онъ Карамазовъ. Въ этомъ весь вашъ Карамазовскій вопросъ заключается: сладострастники, связатели и юродивые! Братъ твой Иванъ теперь богословскія статейки пока въ шутку по какому-то глубѣйшему неизвѣстному разсчету печатаетъ, будучи самъ атеистомъ, и въ подлости этой самъ сознается — братъ твой этотъ, Иванъ. Кромѣ того, отъ брата Мити невѣсту себѣ отбиваетъ, ну и этой ньи, кажется, что достигнетъ. Да еще какъ: съ согласія самого Митеньки, потому что Митенька самъ ему невѣсту свою уступаетъ чтобы только отвя-

заться отъ нея да уйдти поскорѣй къ Грушенькѣ. И все это при всемъ своемъ благородствѣ и безкорыстіи. замѣть себѣ это. Вотъ эти-то люди самые роковые и есть! Чортъ васъ разберетъ послѣ этого: самъ подлость свою сознаетъ и самъ въ подлость лѣзетъ! Слушай дальше: Митенькѣ теперь пересѣкаетъ дорогу старикашка отецъ. Вѣдь тотъ по Грушенькѣ съ ума вдругъ сошелъ. вѣдь у него слюна бѣжитъ когда на нее глядитъ только. Вѣдь это онъ только изъ-за нея одной въ кельѣ сейчасъ скандалъ такой сдѣлалъ, зато только. что Міусовъ ее безстыдною тварью назвать осмѣлился. Влюбился хуже кошки. Прежде она ему тутъ только по дынькамъ какимъ-то темнымъ да кабачнымъ на жалованьи прислуживала. а теперь вдругъ догадался и разглядѣлъ. остервенился. съ предложеніями лѣзетъ. не съ честными. конечно. Ну и столкнутся-же они, папенька съ сыночкомъ, на этой дорожкѣ. А Грушенька ни тому, ни другому. пока еще виляетъ да обоихъ дразнитъ. высматриваетъ который выгоднѣе. потому хоть у папаши можно много денегъ тянуть. да вѣдь зато онъ не женится. а. пожалуй. такъ подъ конецъ окнуровѣетъ и запретъ конецъ. Въ такомъ случаѣ и Митенька свою цѣну имѣетъ: денегъ у него нѣтъ. но зато способенъ жениться. Да-съ. способенъ жениться! Бросить невѣсту. несравненную красоту. Катерину Ивановну. богатую. дворянку и полковничью дочь. и жениться на Грушенькѣ. бывшей содержанкѣ стараго купчишки. развратнаго мужика и городскаго головы Самсонова. Изъ всего сего дѣйствительно можетъ столкновеніе произойдти уголовное. А этого братъ твой Иванъ и ждетъ. тутъ онъ и въ малинѣ: и Катерину Ивановну пріобрѣтетъ. по которой сохнетъ. да и шестьдесятъ ея тысячъ приданаго тянетъ. Маленькому-то человѣчку и голыну. какъ онъ. это и весьма прельстительно для начала. И вѣдь замѣть себѣ: не только Митю не обидитъ. но даже по гробъ одолжитъ. Вѣдь я навѣрно знаю. что Митенька самъ и вслухъ. на пропой недѣль еще. кричалъ въ трактирѣ пьяный. съ цыганками. что недостоинъ невѣсты своей. Катеньки. а братъ Иванъ такъ вотъ тотъ достоинъ. А сама Катерина Ивановна. ужь конечно. такого обворожителя какъ Иванъ Ѳедоровичъ подъ конецъ не отвергнетъ: вѣдь она ужь и теперь между двумя ими колеблется. И чѣмъ только этотъ Иванъ прельстилъ васъ всѣхъ. что вы всѣ предъ нимъ благоговѣете? А онъ надъ вами-же смѣется: въ малинѣ, дескать. сижу и на вашъ счетъ лакомствую.

Почему ты все это знаешь? Почему такъ утвердительно говоришь? рѣзко и нахмурившись спросилъ вдругъ Алеша.

А почему ты теперь спрашиваешь и моего отвѣта впередъ боишься? Значитъ. самъ соглашаешься что я правду сказалъ.

— Ты Ивана не любишь. Иван не польстится на деньги.

— Будто? А красота Катерины Ивановны? Не одинъ-же тутъ деньги, хотя и шестьдесятъ тысячъ вещь прельстительная.

— Иванъ выше смотритъ. Иванъ и на тысячи не польстится. Иванъ не денегъ, не спокойствія ищетъ. Онъ мученія, можетъ быть, ищетъ.

— Это еще что за сонъ? Ахъ вы... дворяне!

— Эхъ, Миша, душа его бурная. Умъ его въ плѣнъ. Въ немъ мысль великая и неразрѣшенная. Онъ изъ тѣхъ, которымъ не надобно милліоновъ, а надобно мысль разрѣшить.

— Литературное воровство, Алешка. Ты старца своего перефразировалъ. Экъ вѣдь Иванъ вамъ загадку задалъ! съ явною злобой крикнулъ Ракитинъ. Онъ даже въ лицѣ измѣнился и губы его перекосились. -Да и загадка-то глупая, отгадывать нечего. Пошевели мозгами — поймешь. Статья его смѣшна и нелѣпа. А слышалъ давеча его глупую теорію: нѣтъ безсмертія души, такъ нѣтъ и добродѣтели, значитъ, все позволено . (А братецъ-то Митенька, кстати, помнишь, какъ крикнулъ: Запомню!.). Соблазнительная теорія подлецамъ... я ругаюсь, это глупо... не подлецамъ, а школьнымъ фанфаронамъ съ неразрѣшимою глубиной мыслей . Хвастунишка, а суть-то вся: Съ одной стороны нельзя не признаться, а съ другой нельзя не сознаться! Вся его теорія подлость! Человѣчество само въ себѣ силу найдетъ чтобы жить для добродѣтели, даже и не вѣря въ безсмертіе души! Въ любви къ свободѣ, къ равенству, братству найдетъ...

Ракитинъ разгорячился, почти не могъ сдерживать себя. Но вдругъ какъ-бы вспомнивъ что-то, остановился.

Ну, довольно, еще кривѣе улыбнулся онъ чѣмъ прежде. Чего ты смѣешься? Думаешь, что я пошлякъ?

— Нѣтъ, я и не думалъ думать, что ты пошлякъ. Ты уменъ, но... оставь. это я сдуру усмѣхнулся. Я понимаю, что ты можешь разгорячиться, Миша. По твоему увлеченію я догадался, что ты самъ неравнодушенъ къ Катеринѣ Ивановнѣ, я, братъ, это давно подозрѣвалъ, а потому и не любишь брата Ивана. Ты къ нему ревнуешь?

— И къ ея деньгамъ тоже ревную? Прибавляй, что-ли?

— Нѣтъ, я ничего о деньгахъ не прибавлю, я не стану тебя обижать.

— Вѣрю, потому что ты сказалъ. но чортъ васъ возьми опять таки съ твоимъ братомъ Иваномъ! Не поймете вы никто, что его и безъ Катерины Ивановны можно весьма не любить. И за что я его стану любить, чортъ возьми! Вѣдь удостоиваетъ-же онъ меня самъ ругать. Почему-же я его не имѣю права ругать?

— Я никогда не слыхалъ, чтобъ онъ хоть что нибудь сказалъ о тебѣ, хорошаго или дурнаго: онъ совсѣмъ о тебѣ не говоритъ.

— А я такъ слышалъ, что третьяго дня у Катерины Ивановны онъ отдѣлывалъ меня на чемъ свѣтъ стоитъ,— вотъ до чего интересовался вашимъ покорнымъ слугой. И кто, братъ, кого послѣ этого ревнуетъ — не знаю! Изволилъ выразить мысль, что если я-де не соглашусь на карьеру архимандрита въ весьма недалекомъ будущемъ, и не рѣшусь постричься, то непремѣнно уѣду въ Петербургъ и примкну къ толстому журналу, непремѣнно къ отдѣленію критики, буду писать лѣтъ десятокъ и въ концѣ концовъ переведу журналъ на себя. Затѣмъ буду онять его издавать и непремѣнно въ либеральномъ и атеистическомъ направленіи, съ соціалистическимъ оттѣнкомъ, съ маленькимъ даже лоскомъ соціализма, но держа ухо востро, то есть въ сущности держа нашимъ и вашимъ и отводя глаза дуракамъ. Конецъ карьеры моей, по толкованію твоего братца, въ томъ, что оттѣнокъ соціализма не помѣшаетъ мнѣ откладывать на текущій счетъ подписныя денежки и пускать ихъ при случаѣ въ оборотъ, подъ руководствомъ какого нибудь жидишки, до тѣхъ поръ пока не выстрою капитальный домъ въ Петербургѣ, съ тѣмъ, чтобы перевесть въ него и редакцію, а въ остальные этажи напустить жильцовъ. Даже мѣсто дому назначилъ: у Новаго Каменнаго моста черезъ Неву, который проэктируется, говорятъ, въ Петербургѣ, съ Литейной на Выборгскую...

— Ахъ, Миша, вѣдь это, пожалуй, какъ есть все и сбудется, до послѣдняго даже слова! вскричалъ вдругъ Алеша, не удержавшись и весело усмѣхаясь.

— И вы въ сарказмы пускаетесь, Алексѣй Ѳедоровичъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, я шучу, извини. У меня совсѣмъ другое на умѣ. Позволь однако: кто-бы тебѣ могъ такія подробности сообщить, и отъ кого-бы ты могъ о нихъ слышать. Ты не могъ вѣдь быть у Катерины Ивановны лично когда онъ про тебя говорилъ?

— Меня не было, зато былъ Дмитрій Ѳедоровичъ, и я слышалъ это своими ушами отъ Дмитрія-же Ѳедоровича, то есть, если хочешь, онъ не мнѣ говорилъ, а я подслушалъ, разумѣется, но неволѣ, потому что у Грушеньки въ ея спальнѣ сидѣлъ и выйдти не могъ все время пока Дмитрій Ѳедоровичъ въ слѣдующей комнатѣ находился.

— Ахъ да, я и забылъ, вѣдь она тебѣ родственница...

— Родственница? Это Грушенька-то мнѣ родственница? вскричалъ вдругъ Ракитинъ весь покраснѣвъ.— Да ты съ ума спятилъ, что-ли? Мозги не въ порядкѣ.

— А что? Развѣ не родственница? Я такъ слышалъ...

— Гдѣ ты могъ это слышать? Нѣтъ, вы господа Карамазовы

какихъ-то великихъ и древнихъ дворянъ изъ себя корчите, тогда какъ отецъ твой бѣгалъ шутомъ по чужимъ столамъ, да при милости на кухнѣ числился. Положимъ, я только поповскій сынъ и тля предъ вами, дворянами, но не оскорбляйте-же меня такъ весело и безпутно. У меня тоже честь есть, Алексѣй Ѳедоровичъ. Я Грушенькѣ не могу быть родной, публичной дѣвкѣ, прошу понять-съ!

Ракитинъ былъ въ сильномъ раздраженіи.

— Извини меня, ради Бога, я никакъ не могъ предполагать, и притомъ какая она публичная? Развѣ она... такая? покраснѣлъ вдругъ Алеша. — Повторяю тебѣ, я такъ слышалъ, что родственница. Ты къ ней часто ходишь и самъ мнѣ говорилъ, что ты съ нею связей любви не имѣешь... Вотъ я никогда не думалъ, что ужъ ты-то ее такъ презираешь! Да неужели она достойна того?

— Если я ее посѣщаю, то на то могу имѣть свои причины, ну и довольно съ тебя. А на счетъ родства, такъ скорѣй твой братецъ, или даже самъ батюшка навяжетъ ее тебѣ, а не мнѣ, въ родню. Ну вотъ и домы. Ступай-ка на кухню лучше. Ай! что̀ тутъ такое, что̀ это? Аль опоздали? Да не могли-же они такъ скоро стобѣдать? Аль тутъ опять что̀ Карамазовы напрокудили? Навѣрно такъ. Вотъ и батюшка твой, и Иванъ Ѳедоровичъ за нимъ. Это они отъ игумена вырвались. Вонъ отецъ Исидоръ съ крыльца кричитъ имъ что-то вослѣдъ. Да и батюшка твой кричитъ и руками махаетъ, вѣрно бранится. Ба, да вонъ и Міусовъ въ колясочкѣ уѣхалъ, видишь. Ѣдетъ. Вотъ и Максимовъ помѣщикъ бѣжитъ — да тутъ скандалъ; значитъ, не было обѣда! Ужь не прибили-ли они игумена? Али ихъ, пожалуй, прибили? Вотъ-бы стòило!..

Ракитинъ восклицалъ не напрасно. Скандалъ дѣйствительно произошелъ, неслыханный и нескиданный. Все произошло по вдохновенію.

VIII.

Скандалъ.

Когда Міусовъ и Иванъ Ѳедоровичъ входили уже къ игумену, то въ Петрѣ Александровичѣ, какъ въ искренно порядочномъ и деликатномъ человѣкѣ, быстро произошелъ одинъ деликатный въ своемъ родѣ процессъ, ему стало стыдно сердиться. Онъ почувствовалъ про себя, что дрянного Ѳедора Павловича, въ сущности, должно-быть былъ онъ до того не уважать, что не слѣдовало-бы ему терять свое хладнокровіе въ конецъ старца и такъ самому потеряться, какъ оно вышло. По крайней мѣрѣ, монахи-то ужь тутъ не виноваты ни въ чемъ, рѣшилъ онъ вдругъ на крыльцѣ игумена, — а если и тутъ

порядочный народъ (этотъ отецъ Николай игуменъ тоже, кажется, изъ дворянъ), то почему-же не быть съ ними милымъ, любезнымъ и вѣжливымъ?.. Спорить не буду, буду даже подлаживать, завлеку любезностью и... и... наконецъ, докажу имъ, что я не компанія этому Эзопу, этому шуту, этому пьерò и попался въ просакъ точно также какъ и они всѣ»...

Спорныя-же порубки въ лѣсу и эту ловлю рыбы (гдѣ все это — онъ и самъ не зналъ) онъ рѣшилъ имъ уступить окончательно, разъ навсегда, сегодня-же, тѣмъ болѣе, что все это очень немногаго стоило, и всѣ свои иски противъ монастыря прекратить.

Всѣ эти благія намѣренія еще болѣе укрѣпились, когда они вступили въ столовую отца игумена. Столовой у того, впрочемъ, не было; потому что было у него всего по настоящему двѣ комнаты во всемъ помѣщеніи, правда, гораздо обширнѣйшія и удобнѣйшія чѣмъ у старца. Но убранство комнатъ также не отличалось особымъ комфортомъ: мебель была кожаная, краснаго дерева, старой моды двадцатыхъ годовъ, даже полы были некрашеные; зато все блистало чистотой, на окнахъ было много дорогихъ цвѣтовъ: но главную роскошь въ эту минуту естественно составляль роскошно сервированный столъ. Хотя, впрочемъ, и тутъ говоря относительно: скатерть была чистая, посуда блестящая: превосходно выпеченный хлѣбъ трехъ сортовъ, двѣ бутылки вина, двѣ бутылки великолѣпнаго монастырскаго меду, и большой стеклянный кувшинъ съ монастырскимъ квасомъ, славившимся въ околодкѣ. Водки не было вовсе. Ракитинъ новѣствовалъ потомъ, что обѣдъ приготовленъ былъ на этотъ разъ изъ пяти блюдъ: была уха со стерлядью и съ пирожками съ рыбой; затѣмъ разварная рыба какъ-то отмѣнно и особенно приготовленная; затѣмъ котлеты изъ красной рыбы, мороженое и компотъ и, наконецъ, киселекъ въ родѣ бланманже. Все это пронюхалъ Ракитинъ, не утерпѣвъ и нарочно заглянувъ на игуменскую кухню, съ которою тоже имѣлъ свои связи. Онъ вездѣ имѣлъ связи и вездѣ добывалъ языка. Сердце онъ имѣлъ весьма безпокойное и завистливое. Значительныя свои способности онъ совершенно въ себѣ сознавалъ, но первно преувеличивалъ ихъ въ своемъ самомнѣніи. Онъ зналъ навѣрно, что будетъ въ своемъ родѣ дѣятелемъ, но Алешу, который былъ къ нему очень привязанъ, мучило то, что его другъ Ракитинъ безчестенъ и рѣшительно не сознаетъ того самъ, напротивъ, зная про себя, что онъ не украдетъ денегъ со стола, окончательно считалъ себя человѣкомъ высшей честности. Тутъ ужъ не только Алеша, но и никто-бы не могъ ничего сдѣлать.

Ракитинъ, какъ лицо мелкое, приглашенъ быть къ обѣду не могъ, зато были приглашены отецъ Іосифъ и отецъ Паисій и съ

ними еще одинъ іеромонахъ. Они уже ожидали въ столовой игумена, когда вступили Петръ Александровичъ Калгановъ и Иванъ Ѳедоровичъ. Дожидался еще въ сторонкѣ и помѣщикъ Максимовъ. Отецъ игуменъ, чтобы встрѣтить гостей, выступилъ впередъ на средину комнаты. Это былъ высокій, худощавый, но все еще сильный старикъ, черноволосый, съ сильною просѣдью, съ длиннымъ постнымъ и важнымъ лицомъ. Онъ раскланялся съ гостями молча, но тѣ на этотъ разъ подошли подъ благословеніе. Міусовъ рискнулъ было даже поцѣловать ручку, но игуменъ вовремя какъ-то отдернулъ и поцѣлуй не состоялся. Зато Иванъ Ѳедоровичъ и Калгановъ благословились на этотъ разъ вполнѣ, то есть съ самымъ простодушнымъ и простонароднымъ чмокомъ въ руку.

— Мы должны сильно извиниться, ваше высокопреподобіе, началъ Павелъ Александровичъ, съ любезностью осклабляясь, но все-же важнымъ и почтительнымъ тономъ,— извиниться, что являемся одни, безъ приглашеннаго вами спутника нашего, Ѳедора Павловича: онъ принужденъ былъ отъ вашей трапезы уклониться и не безъ причины. Въ кельѣ у преподобнаго отца Зосимы, увлекшись своею несчастною родственною распрей съ сыномъ, онъ произнесъ нѣсколько словъ совершенно не кстати... словомъ сказать, совершенно непристойныхъ... о чемъ, какъ кажется (онъ взглянулъ на іеромонаховъ), вашему высокопреподобію уже и извѣстно. А потому самъ сознавая себя виновнымъ и искренно раскаиваясь, почувствовалъ стыдъ и, не могши преодолѣть его, просилъ насъ, меня и сына своего, Ивана Ѳедоровича, заявить предъ вами все свое искреннее сожалѣніе, сокрушеніе и покаяніе... Однимъ словомъ, онъ надѣется и хочетъ вознаградить все потомъ, а теперь, испрашивая вашего благословенія, проситъ васъ забыть о случившемся...

Міусовъ умолкъ. Произнеся послѣднія слова своей тирады, онъ остался собою совершенно доволенъ, до того, что и слѣдовъ недавняго раздраженія не осталось въ душѣ его. Онъ вполнѣ и искренно любилъ опять человѣчество. Игуменъ, съ важностью выслушавъ его, слегка наклонилъ голову и произнесъ въ отвѣтъ:

— Чувствительно сожалѣю объ отлучившемся. Можетъ быть, за трапезой нашею онъ полюбилъ-бы насъ, равно какъ и мы его. Милости просимъ, господа, откушать.

Онъ сталъ передъ образомъ и началъ вслухъ молитву. Всѣ почтительно преклонили головы, а помѣщикъ Максимовъ даже особенно выставился впередъ, сложивъ передъ собой ладонками руки отъ особаго благоговѣнія.

И вотъ тутъ-то Ѳедоръ Павловичъ и выкинулъ свое послѣднее колѣно. Надо замѣтить, что онъ чувствительно хотѣлъ было уѣхать и

дѣйствительно почувствовалъ невозможность, послѣ своего позорнаго поведенія въ кельѣ старца, идти какъ ни въ чемъ не бывало къ игумену на обѣдъ. Не то чтобъ онъ стыдился себя такъ ужь очень и обвинялъ: можетъ быть, даже совсѣмъ напротивъ; но все-же онъ чувствовалъ, что обѣдать-то ужь непрілично. Но только-что было подали къ крыльцу гостиницы его дребезжащую коляску, какъ онъ, уже взявшись въ нее, вдругъ пріостановился. Ему вспомнились его-же собственныя слова у старца: Мнѣ все такъ и кажется, когда я вхожу куда нибудь, что я подлѣе всѣхъ и что меня всѣ за шута принимаютъ.—Такъ вотъ давай-же я и въ самомъ дѣлѣ сыграю шута, потому что вы всѣ до единаго глупѣе и подлѣе меня . Ему захотѣлось всѣмъ отомстить за собственныя пакости. Вспомнилъ онъ вдругъ теперь кстати, какъ когда-то, еще прежде, спросили его разъ: За что вы такого-то такъ ненавидите ? И онъ отвѣтилъ тогда, въ припадкѣ своего шутовскаго безстыдства: - А вотъ за что: онъ, правда, мнѣ ничего не сдѣлалъ, но зато я сдѣлалъ ему одну безсовѣстнѣйшую пакость, и только что сдѣлалъ, тотчасъ-же зато и возненавидѣлъ его . Припомнивъ это теперь, онъ тихо и злобно усмѣхнулся въ минутномъ раздумьи. Глаза его сверкнули и даже губы затряслись. - А коль начать, такъ и кончить , рѣшилъ онъ вдругъ. Сокровеннѣйшее ощущеніе его въ этотъ мигъ можно было-бы выразить такими словами: Вѣдь ужь теперь себя не реабилитируешь, такъ давай-ка я имъ еще напьюсь до безстыдства: не стѣснусь, дескать, васъ, да и только! Кучеру онъ велѣлъ подождать, а самъ скорыми шагами воротился въ монастырь и прямо къ игумену. Онъ еще не зналъ хорошо, что сдѣлаетъ. Но зналъ что уже не владѣетъ собою и чуть только—мигомъ дойдетъ теперь до послѣдняго предѣла какой нибудь мерзости,—впрочемъ, только мерзости, а отнюдь не какого нибудь преступленія или такой выходки, за которую можетъ судъ наказать. Въ послѣднемъ случаѣ онъ всегда умѣлъ себя сдерживать и даже самъ себѣ дивился на счетъ этого въ иныхъ случаяхъ. Онъ появился въ столовой игумена ровно въ тотъ мигъ, когда кончилась молитва и всѣ двинулись къ столу. Остановившись на порогѣ, оглядѣлъ компанію и засмѣялся длиннымъ, наглымъ, злымъ смѣшкомъ, всѣмъ отважно глядя въ глаза.

— А они-то думали, я уѣхалъ, а я вотъ онъ! вскричалъ онъ на всю залу.

Одно мгновеніе всѣ смотрѣли на него въ упоръ и молчали, и вдругъ всѣ почувствовали, что выйдетъ сейчасъ что нибудь отвратительное, гнусное, съ несомнѣннымъ скандаломъ. Петръ Александровичъ изъ самаго благодушнаго настроенія перенесъ немедленно въ самое свирѣпое. Все что утаено было въ его сердцѣ и затихло, разомъ воскресло и поднялось:

— Нѣтъ, вынести этого я не могу! вскричалъ онъ,—совсѣмъ не могу и... никакъ не могу!

Кровь бросилась ему въ голову. Онъ даже спутался, но было уже не до слога и онъ схватилъ свою шляпу.

— Чего такого онъ не можетъ? вскричалъ Ѳедоръ Павловичъ.— никакъ не можетъ и ни за что не можетъ? Ваше преподобіе, входить мнѣ аль нѣтъ? Принимаете сотрапезника?

— Милости просимъ отъ всего сердца, отвѣтилъ игуменъ.—Господа! Позволю-ли себѣ прибавить онъ вдругъ, просить васъ отъ всей души, оставивъ случанныя распри ваши, соединясь въ любви и родственномъ согласіи, съ молитвой ко Господу, за смиренною трапезою нашей...

— Нѣтъ, нѣтъ, невозможно, крикнулъ какъ бы не въ себѣ Петръ Александровичъ.

А коли Петру Александровичу невозможно, такъ и мнѣ невозможно, и я не останусь. Я съ тѣмъ и шелъ. Я всюду теперь буду съ Петромъ Александровичемъ: уйдете, Петръ Александровичъ, и я пойду, останетесь—и я останусь. Родственнымъ-то согласіемъ вы его напрасно колыхнули, отецъ игуменъ: не признаетъ онъ себя мнѣ родственникомъ? Такъ-ли, фонъ-Зонъ? Вотъ и фонъ-Зонъ стоитъ. Здравствуй, фонъ-Зонъ.

— Вы... это мнѣ-съ? пробормоталъ изумленный помѣщикъ Максимовъ.

— Конечно, тебѣ, крикнулъ Ѳедоръ Павловичъ. А то кому-же? Не отцу-же игумену быть фонъ-Зономъ.

— Да вѣдь и я не фонъ-Зонъ, я Максимовъ.

Нѣтъ, ты фонъ-Зонъ. Ваше преподобіе, знаете вы что такое фонъ-Зонъ? Процессъ такой уголовный былъ: его убили въ бильярдѣ—такъ, кажется, у васъ сіи мѣста именуются—убили и ограбили, и не смотря на его почтенныя лѣта, вколотили въ ящикъ, закупорили и изъ Петербурга въ Москву отослали въ багажномъ вагонѣ, за нумеромъ. А когда закалачивали, то бильярдныя плясавицы нѣли пѣсни и играли на гусляхъ, то есть на фортопьясахъ. Такъ вотъ это тотъ самый фонъ-Зонъ и есть. Онъ изъ мертвыхъ воскресъ, такъ-ли, фонъ-Зонъ?

— Что-же это такое? Какъ-же это? послышались голоса въ группѣ іеромонаховъ.

Идемъ! крикнулъ Петръ Александровичъ, обращаясь къ Калганову.

Нѣтъ-съ, позвольте! визгливо перебилъ Ѳедоръ Павловичъ, шагнувъ еще шагъ въ комнату.—позвольте и мнѣ довершить. Тамъ въ кельѣ ославили меня, что я будто-бы непочтительно велъ себя.

а именно тѣмъ, что про пискарюковъ крикнулъ. Петръ Александровичъ Міусовъ, родственникъ мой, любитъ чтобы въ рѣчи было plus de noblesse que de sincérité, а я обратно люблю чтобы въ моей рѣчи было plus de sincérité que de noblesse, и — наплевать на noblesse! Такъ-ли, фонъ-Зонъ? Позвольте, отецъ игуменъ, я хоть и шутъ, и представляюсь шутомъ, но я рыцарь чести и хочу высказать. Да-съ, я рыцарь чести, а въ Петрѣ Александровичѣ — вприщемленное самолюбіе и ничего больше. Я и пріѣхалъ-то, можетъ быть, сюда давеча чтобы посмотрѣть да высказать. У меня здѣсь сынъ Алексѣй спасается; я отецъ, я объ его участи забочусь и долженъ заботиться. Я все слушалъ да представлялся, да и смотрѣлъ потихоньку, а теперь хочу вамъ и послѣдній актъ представленія продѣлать. У насъ въдь какъ? У насъ что надастъ, то ужъ и лежитъ. У насъ что разъ упало, то ужъ и на вѣки лежи. Какъ-бы не такъ-съ! Я встать желаю. Отцы святые, я вами возмущенъ. Исповѣдь есть великое таинство, передъ которымъ и я благоговѣю и готовъ повергнуться ницъ, а тутъ вдругъ тамъ въ кельѣ всѣ на колѣнкахъ и исповѣдуются вслухъ. Развѣ вслухъ позволено исповѣдываться? Святыми отцами установлено исповѣдываться на ухо, тогда только исповѣдь ваша будетъ таинствомъ, и это издревле. А то какъ я ему объясню при всѣхъ, что я, напримѣръ, то и то... ну, то есть то и то, понимаете? Иногда вѣдь и сказать неприлично. Такъ вѣдь это скандалъ! Нѣтъ, отцы, съ вами тутъ, пожалуй, въ хлыстовщину втянешься... Я при первомъ-же случаѣ нашину въ Синодъ, а сына своего Алексѣя домой возьму...

Здѣсь потабене. Ѳедоръ Павловичъ слышалъ гдѣ въ колокола звонятъ. Были когда-то злыя сплетни, достигшія даже до архіерея (не только по нашему, но и въ другихъ монастыряхъ, гдѣ установилось старчество), что будто слишкомъ уважаются старцы, въ ущербъ даже сану игуменскому, и что между прочимъ будто-бы старцы злоупотребляютъ таинствомъ исповѣди и проч., и проч. Обвиненія нелѣпыя, которыя и нали въ свое время сами собой и у насъ, и повсемѣстно. Но глупый дьяволъ, который подхватилъ и несъ Ѳедора Павловича на его собственныхъ нервахъ куда-то все дальше и дальше въ позорную глубину, подсказалъ ему это бывшее обвиненіе, въ которомъ Ѳедоръ Павловичъ самъ не понималъ перваго слова. Да и высказать-то его грамотно не съумѣлъ, тѣмъ болѣе, что на этотъ разъ никто въ кельѣ старика на колѣняхъ не стоялъ и вслухъ не исповѣдывался, такъ что Ѳедоръ Павловичъ ничего не могъ подобнаго самъ видѣть и говорилъ лишь по старымъ слухамъ и сплетнямъ, которые кое-какъ припомнилъ. Но высказавъ свою глупость, онъ почувствовалъ, что сморозилъ нелѣпый вздоръ и вдругъ захо-

тѣлось ему тотчасъ-же доказать слушателямъ, а пуще всего себѣ самому, что сказалъ онъ вовсе не вздоръ. И хотя онъ отлично зналъ, что съ каждымъ будущимъ словомъ все больше и больше будетъ прибавлять къ сказанному уже вздору еще такого-же, но ужь сдержать себя не могъ и полетѣлъ какъ съ горы.

— Какая подлость! крикнулъ Петръ Александровичъ.

— Простите, сказалъ вдругъ игуменъ. — Было сказано издревле: И начать глаголати на мя многая нѣкая, даже и до сквернѣйшихъ нѣкихъ вещей. Азъ же вся слышавъ, глаголахъ въ себѣ: се врачество Іисусово есть и послалъ исцѣлити тщеславную душу мою. А потому и мы благодаримъ васъ съ покорностью, гость драгоцѣнный!

И онъ поклонился Ѳедору Павловичу въ поясъ.

— Те-те-те! Хамство и старыя фразы! Старыя фразы и старые жесты! Старая ложь и казенщина земныхъ поклоновъ! Знаемъ мы эти поклоны! Понюхать въ губы и кинжалъ въ сердце какъ въ *Разбойникахъ* Шиллера. Не люблю, отцы, фальши, а хочу истины! Но не въ шпагахъ истина, и я это провозглашаю! Отцы монахи, зачѣмъ поститесь? Зачѣмъ вы ждете за это себѣ награды на небесѣ? Такъ вѣдь изъ за этакой награды и я пойду поститься! Нѣтъ, монахъ святой, ты будь-ка добродѣтеленъ въ жизни, принеси пользу обществу не заключаясь въ монастырѣ на готовые хлѣба и не ожидая награды тамъ на верху, — такъ это-то потруднѣе будетъ. Я тоже вѣдь, отецъ игуменъ, умѣю складно сказать. Что у нихъ тутъ наготовлено? — подошелъ онъ къ столу. — Портвейнъ старый Фаберъ, медокъ розлива братьевъ Елисѣевыхъ, ай да отцы! Не похоже вѣдь на шпанковъ. Нынѣ бутылочекъ-то отцы наставили, хе-хе-хе! А кто это все доставляетъ сюда? Это мужикъ русскій, труженикъ, своими мозольными руками заработанный грошъ сюда несетъ, отрывая его отъ семейства и отъ нуждъ государственныхъ! Вѣдь вы, отцы святые, народъ сосете!

Это уже совсѣмъ недостойно съ вашей стороны, проговорилъ отецъ Іосифъ. Отецъ Паисій упорно молчалъ. Міусовъ бросился бѣжать изъ комнаты, а за нимъ и Калгановъ.

Ну, отцы, и я за Петромъ Александровичемъ! Больше я къ вамъ не приду, просите будете на колѣняхъ, не приду. Тысячу рублишковъ я вамъ прислалъ, такъ вы опять глазки навострили, хе-хе-хе! Нѣтъ, еще не прибавлю. Мщу за мою пропащую молодость, за все униженіе мое! — застучалъ онъ кулакомъ по столу въ припадкѣ выдѣланнаго чувства. Много значилъ этотъ монастырекъ въ моей жизни! Много горькихъ слезъ я изъ-за него пролилъ! Вы жену мою, кликушу, возставили противъ меня. Вы меня на семи соборахъ проклинали, по околотку разнесли! Довольно, отцы.

нынче въкъ либеральный, въкъ пароходовъ и желѣзныхъ дорогъ. Ни тысячи, ни ста рублей, ни ста копѣекъ, ничего отъ меня не получите!

Опять нотабене. Никогда и ничего такого особеннаго не значилъ нашъ монастырь въ его жизни и никакихъ горькихъ слезъ не проливалъ онъ изъ-за него. Но онъ до того увлекся выдѣланными слезами своими, что на одно мгновеніе чуть было себѣ самъ не повѣрилъ: даже заплакалъ было отъ умиленія: но въ тотъ-же мигъ почувствовалъ, что пора поворачивать оглобли назадъ. Игуменъ на злобную лекь его наклонилъ голову и опять внушительно произнесъ:

Сказано слова: Претерпи смотрительныя находящее на тя невольно безчестіе съ радостію, и да не смутишася, ниже возненавидиши безчестящаго тя». Такъ и мы поступимъ. |

— Те-те-те, возвещеваху! и прочая галиматья! Ненцуйте, отцы, а я пойду. А сына моего Алексѣя беру отселѣ родительскою властію моею навсегда. Иванъ Ѳедоровичъ, почтительнѣйшій сынъ мой, позвольте вамъ приказать за мною слѣдовать! Фонъ-Зонъ, чего тебѣ тутъ оставаться! Приходи сейчасъ ко мнѣ въ городъ. У меня весело. Всего веретушка какая нибудь, вмѣсто постнаго-то масла подамъ поросенка съ кашей: пообѣдаемъ: коньячку поставлю, потомъ ликерцу; мамуровка есть... Эй, фонъ-Зонъ, не упускай своего счастія!

Онъ вышелъ крича и жестикулируя. Вотъ въ это-то мгновеніе Ракитинъ и увидѣлъ его выходящаго и указалъ Алешѣ.

— Алексѣй! крикнулъ ему издали отецъ, завидѣвъ его, сегодня-же переѣзжай ко мнѣ совсѣмъ, и подушку и тюфякъ тащи, и чтобы твоего духу здѣсь не пахло.

Алеша остановился, какъ вкопанный, молча и внимательно наблюдая сцену. Ѳедоръ Павловичъ между тѣмъ влѣзъ въ коляску, а за нимъ, даже и не оборотившись къ Алешѣ проститься, молча и угрюмо сталъ было влѣзать Иванъ Ѳедоровичъ. Но тутъ произошла еще одна паясническая и невѣроятная почти сцена, восполнившая эпизодъ. Вдругъ у подножки коляски появился помѣщикъ Максимовъ. Онъ прибѣжалъ запыхавшись, чтобы не опоздать. Ракитинъ и Алеша видѣли, какъ онъ бѣжалъ. Онъ такъ спѣшилъ, что въ петербургъ занесъ уже ногу на ступеньку, на которой еще стояла лѣвая нога Ивана Ѳедоровича, и, схватившись за кузовъ, сталъ было подпрыгивать въ коляску:

— И я, и я съ вами! выкрикивалъ онъ подпрыгивая, смѣясь мелкимъ веселымъ смѣшкомъ, съ блаженствомъ въ лицѣ и на все готовый,—возьмите и меня!

— Ну, не говорилъ-ли я,—восторженно крикнулъ Ѳедоръ Павло-

вичъ, что это фонъ-Зонъ! Что это настоящій воскресшій изъ мертвыхъ фонъ-Зонъ! Да и какъ ты вырвался оттуда? Что ты тамъ нафонзонилъ такого и какъ ты-то могъ отъ обѣда уйдти? Вѣдь надо-же мѣдный лобъ имѣть! У меня лобъ, а я, братъ, твоему удивляюсь! Прыгай, прыгай скорѣй! Пусти его, Ваня, весело будетъ. Онъ тутъ какъ нибудь въ ногахъ полежитъ. Полежишь, фонъ-Зонъ? Али на облучекъ его съ кучеромъ примостить?.. Прыгай на облучекъ, фонъ-Зонъ!

Но Иванъ Ѳедоровичъ, усѣвшійся уже на мѣсто, молча и изо всей силы вдругъ отпихнулъ въ грудь Максимова и тотъ отлетѣлъ на сажень. Если не упалъ, то только случайно.

— Поѣхалъ! злобно крикнулъ кучеру Иванъ Ѳедоровичъ.

Ну, чего-же ты? Чего-же ты? Зачѣмъ ты его такъ? вскинулся Ѳедоръ Павловичъ, но коляска уже поѣхала. Иванъ Ѳедоровичъ не отвѣтилъ.

— Ишь вѣдь ты! помолчавъ двѣ минуты, проговорилъ опять Ѳедоръ Павловичъ, косясь на сынка: — Самъ вѣдь ты весь этотъ монастырь затѣялъ, самъ подстрекалъ, самъ одобрялъ, чего-жъ теперь сердишься?

— Полно вамъ вздоръ молоть, отдохните хоть теперь немного, сурово отрѣзалъ Иванъ Ѳедоровичъ.

Ѳедоръ Павловичъ опять помолчалъ съ двѣ минуты.

— Коньячку-бы теперь хорошо, сентенціозно замѣтилъ онъ. Но Иванъ Ѳедоровичъ не отвѣтилъ.

— Доѣдемъ, и ты выпьешь.

Иванъ Ѳедоровичъ все молчалъ.

Ѳедоръ Павловичъ подождалъ еще минуты съ двѣ:

А Алешку-то я все-таки изъ монастыря возьму, не смотря на то, что вамъ это очень непріятно будетъ, почтительнѣйшій Карлъ фонъ-Моръ.

Иванъ Ѳедоровичъ презрительно вскинулъ плечами и, отворотясь, сталъ смотрѣть на дорогу. Затѣмъ уже до самаго дома не говорили.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

Сладострастники.

I.

Въ лакейской.

Домъ Ѳедора Павловича Карамазова стоялъ далеко не въ самомъ центрѣ города, но и не совсѣмъ на окраинѣ. Былъ онъ довольно ветхъ, но наружность имѣлъ пріятную: одноэтажный, съ мезониномъ, окрашенный сѣренькою краской и съ красною желѣзною крышкой. Впрочемъ, могъ еще простоять очень долго, былъ помѣстителенъ и уютенъ. Много было въ немъ разныхъ чуланчиковъ, разныхъ притонокъ, и неожиданныхъ лѣсенокъ. Водились въ немъ крысы, но Ѳедоръ Павловичъ на нихъ не вполнѣ сердился: все-же не такъ скучно по вечерамъ, когда останешься одинъ. А онъ дѣйствительно имѣлъ обыкновеніе отпускать слугъ на ночь во флигель и въ домѣ самъ запирался одинъ на всю ночь. Флигель этотъ стоялъ на дворѣ, былъ обширенъ и проченъ: въ немъ-же опредѣлилъ Ѳедоръ Павловичъ быть и кухнѣ, хотя кухня была и въ домѣ: не любилъ онъ кухоннаго запаха и кушанье приносили черезъ дворъ зимой и лѣтомъ. Вообще домъ былъ построенъ на большую семью, и господъ и слугъ можно было-бы помѣстить впятеро больше. Но въ моментъ нашего разсказа въ домѣ жилъ лишь Ѳедоръ Павловичъ съ Иваномъ Ѳедоровичемъ, а въ людскомъ флигелѣ всего только три человѣка прислуги: старикъ Григорій, старуха Марфа, его жена, и слуга Смердяковъ, еще молодой человѣкъ. Приходится сказать нѣсколько подробнѣе объ этихъ трехъ служебныхъ лицахъ. О старикѣ Григоріѣ Васильевичѣ Кутузовѣ мы, впрочемъ, уже говорили довольно. Это былъ человѣкъ твердый и непоколебимый, упорно и прямолинейно идущій къ своей точкѣ, если только эта точка по какимъ нибудь причинамъ (часто удивительно нелогическимъ) становилась предъ нимъ какъ непреложная истина. Вообще говоря, онъ былъ честенъ и неподкупенъ. Жена его, Марѳа Игнатьевна, не смотря на то, что предъ волей мужа безпрекословно всю жизнь склонялась, ужасно противорѣчила ему, напримѣръ, тотчасъ послѣ освобожденія крестьянъ, уйдти отъ Ѳедора Павловича въ Москву и тамъ начать какую нибудь торговлишку (у нихъ водились кое-какія деньженки): но Григорій рѣшилъ тогда-же и разъ навсегда, что баба вретъ, потому

что всякая баба безчестна, но что уходить имъ отъ прежняго господина не слѣдуетъ, каковъ-бы онъ тамъ самъ ни былъ, потому что это ихній таперича долгъ».

— Ты понимаешь-ли что есть долгъ? — обратился онъ къ Марѳѣ Игнатьевнѣ.

— Про долгъ я понимаю, Григорій Васильевичъ, но какой намъ тутъ долгъ, чтобы намъ здѣсь оставаться, того ничего не пойму, отвѣтила твердо Марѳа Игнатьевна.

— И не понимай, а оно такъ будетъ. Впредь молчи.

Такъ и вышло: они не уѣли, а Ѳедоръ Павловичъ назначилъ имъ жалованье, небольшое, и жалованье выплачивалъ. Григорій зналъ къ тому-же, что онъ на барина имѣетъ вліяніе неоспоримое. Онъ чувствовалъ это, и это было справедливо: хитрый и упрямый шутъ, Ѳедоръ Павловичъ, очень твердаго характера въ нѣкоторыхъ вещахъ жизни, какъ онъ самъ выражался, бывалъ, къ собственному удивленію своему, весьма даже слабоватъ характеромъ въ нѣкоторыхъ другихъ вещахъ жизни. И онъ самъ зналъ въ какихъ, зналъ и боялся многаго. Въ нѣкоторыхъ вещахъ жизни надо было держать ухо востро, и при этомъ тяжело было безъ вѣрнаго человѣка, а Григорій былъ человѣкъ вѣрнѣйшій. Даже такъ случалось, что Ѳедоръ Павловичъ много разъ въ продолженіе своей карьеры могъ быть битъ, и больно битъ, и всегда выручалъ Григорій, хотя каждый разъ прочитывалъ ему послѣ того наставленіе. Но одни побои не испугали-бы Ѳедора Павловича: бывали высшіе случаи и даже очень тонкіе и сложные, когда Ѳедоръ Павловичъ и самъ-бы не въ состояніи, пожалуй, былъ опредѣлить ту необычайную потребность въ вѣрномъ и близкомъ человѣкѣ, которую онъ моментально и непостижимо вдругъ иногда начиналъ ощущать въ себѣ. Это были почти болѣзненные случаи: развратнѣйшій и въ сладострастіи своемъ часто жестокій, какъ злое насѣкомое, Ѳедоръ Павловичъ вдругъ ощущалъ въ себѣ иной разъ, пьянымъ минутами, духовный страхъ и нравственное сотрясеніе, почти, такъ сказать, даже физически отзывавшееся въ душѣ его. Душа у меня точно въ горлѣ трепещется въ эти разы, говаривалъ онъ иногда. Вотъ въ эти-то мгновенія онъ и любилъ, чтобы подлѣ, по близости, пожалуй, хоть и не въ той комнатѣ, а во флигелѣ, былъ такой человѣкъ, преданный, твердый, совсѣмъ не такой, какъ онъ, не развратный, который хотя-бы все это совершающееся безчинство и видѣлъ, и зналъ всѣ тайны, но все-же изъ преданности допускалъ-бы это все, не противился, главное не укорялъ и ничѣмъ-бы не грозилъ, ни въ семъ вѣкѣ, ни въ будущемъ: а въ случаѣ нужды такъ-бы и защитилъ его, отъ кого? Отъ кого-то неизвѣстнаго, но страшнаго и опаснаго. Дѣло

было именно въ томъ, чтобы былъ непремѣнно *другой* человѣкъ, старинный и дружественный, чтобы въ больную минуту позвать его, только съ тѣмъ, чтобы всмотрѣться въ его лицо, пожалуй, переброситься словцомъ, совсѣмъ даже постороннимъ какимъ нибудь, и коли онъ ничего, не сердится, то какъ-то и легче сердцу, а коли сердится, ну, тогда грустно. Случалось (но, впрочемъ, чрезвычайно рѣдко), что Ѳедоръ Павловичъ шелъ даже ночью во флигель будить Григорія, чтобы тотъ на минутку пришелъ къ нему. Тотъ приходилъ, и Ѳедоръ Павловичъ заговаривалъ о совершенно пустякахъ и скоро отпускалъ, иногда даже съ насмѣшечкой и шуточкой, а самъ, плюнувъ, ложился спать и спалъ уже сномъ праведника. Нѣчто въ этомъ родѣ случилось съ Ѳедоромъ Павловичемъ и по пріѣздѣ Алеши. Алеша пронзилъ его сердце тѣмъ, что жилъ, все видѣлъ и ничего не осуждалъ. Мало того, принесъ съ собою небывалую вещь: совершенное отсутствіе презрѣнія къ нему, старику, напротивъ, всегдашнюю ласковость и совершенно натуральную прямодушную привязанность къ нему, столь мало ее заслужившему. Все это было для стараго потаскуна и безсемейника совершеннымъ сюрпризомъ, совсѣмъ для него, любившаго досель одну лишь скверну, неожиданнымъ. По уходѣ Алеши онъ признался себѣ, что понялъ кое-что, чего досель не хотѣлъ понимать.

Я уже упоминалъ, въ началѣ моего разсказа, какъ Григорій ненавидѣлъ Аделаиду Ивановну, первую супругу Ѳедора Павловича и мать перваго сына его, Дмитрія Ѳедоровича, и какъ, наоборотъ, защищалъ вторую его супругу, кликушу, Софью Ивановну, противъ самого своего господина, и противъ всѣхъ, кому-бы пришло на умъ молвить о ней худое или легкомысленное слово. Въ немъ симпатія къ этой несчастной обратилась во что-то священное, такъ что и двадцать лѣтъ спустя онъ-бы не перенесъ, отъ кого-бы то ни было, даже худаго намека о ней и тотчасъ-бы возразилъ обидчику. По наружности своей Григорій былъ человѣкъ холодный и важный, не болтливый, выпускающій слова вѣсскія, нелегкомысленныя. Точно такъ же невозможно было-бы разъяснить въ немъ съ перваго взгляда: любилъ онъ свою безотвѣтную, покорную жену или нѣтъ, а между тѣмъ онъ ее дѣйствительно любилъ и та, конечно, это понимала. Эта Марѳа Игнатьевна была женщина не только не глупая, но, можетъ быть, и умнѣе своего супруга, но меньшей мѣрѣ разсудительнѣе его въ дѣлахъ житейскихъ, а между тѣмъ она ему подчинялась безропотно и безотвѣтно, съ самаго начала супружества, и безспорно уважала его за духовный верхъ. Замѣчательно, что оба они, всю жизнь свою, чрезвычайно мало говорили другъ съ другомъ, развѣ о самыхъ необходимыхъ и текущихъ вещахъ. Важный и

величественный Григорій обдумывалъ всѣ свои дѣла и заботы всегда одинъ, такъ что Марѳа Игнатьевна разъ навсегда давно уже поняла, что въ совѣтахъ ея онъ совсѣмъ не нуждается. Она чувствовала, что мужъ цѣнитъ ея молчаніе и признаетъ за это въ ней умъ. Бить онъ ее никогда не бивалъ, развѣ всего только одинъ разъ, да и то слегка. Въ первый годъ брака Аделаиды Ивановны съ Ѳедоромъ Павловичемъ, разъ въ деревнѣ, деревенскія дѣвки и бабы, тогда еще крѣпостныя, собраны были на барскій дворъ попѣть и поплясать. Начали во лузяхъ и вдругъ Марѳа Игнатьевна, тогда еще женщина молодая, выскочила впередъ предъ хоромъ и пронлась русскую особеннымъ манеромъ, не по деревенскому какъ бабы, а какъ танцовала она когда была дворовою дѣвушкой у богатыхъ міусовыхъ на домашнемъ помѣщичьемъ ихъ театрѣ, гдѣ обучалъ актеровъ танцовать выписанный изъ Москвы танцмейстеръ. Григорій видѣлъ какъ пронлась его жена, и дома у себя въ избѣ, черезъ часъ, поучилъ ее, потаскавъ маленько за волосы. Но тѣмъ и кончились разъ навсегда побои и не повторялись болѣе ни разу во всю жизнь, да и Марѳа Игнатьевна закаялась съ тѣхъ поръ танцовать.

Дѣтей имъ Богъ не далъ, былъ одинъ ребеночекъ, да и тотъ умеръ. Григорій-же видимо любилъ дѣтей, даже не скрывалъ этого, то есть не стыдился выказывать. Дмитрія Ѳедоровича онъ къ себѣ принялъ на руки, когда сбѣжала Аделаида Ивановна, трехлѣтнимъ мальчикомъ, и провозился съ нимъ почти годъ, самъ гребешкомъ вычесывалъ, самъ даже обмывалъ его въ корытѣ. Потомъ хлопоталъ онъ и съ Иваномъ Ѳедоровичемъ, и съ Алешей, за что и получилъ поощченіе; но объ этомъ обо всемъ я уже повѣствовалъ. Собственный-же ребеночекъ порадовалъ его лишь одною надеждой, когда Марѳа Игнатьевна еще была беременна. Когда-же родился, то поразилъ его сердце скорбью и ужасомъ. Дѣло въ томъ, что родился этотъ мальчикъ шестипалымъ. Увидя это, Григорій былъ до того убитъ, что не только молчалъ вплоть до самаго дня крещенія, но и нарочно уходилъ молчать въ садъ. Была весна, онъ всѣ три дня копалъ гряды въ огородѣ, въ саду. На третій день приходилось крестить младенца: Григорій къ этому времени уже нѣчто сообразилъ. Войдя въ избу, гдѣ собрался причтъ и прибыли гости и, наконецъ, самъ Ѳедоръ Павловичъ, явившійся лично въ качествѣ воспріемника, онъ вдругъ заявилъ, что ребенка не надо-бы крестить вовсе . заявилъ не громко, въ словахъ не распространялся, еле выговаривалъ по словечку, а только тупо и пристально смотрѣлъ при этомъ на священника.

Почему такъ? съ веселымъ удивленіемъ освѣдомился священникъ.

— Потому это... драконъ... пробормоталъ Григорій.

— Какъ драконъ, какой драконъ?

Григорій промолчалъ нѣкоторое время.

Смѣшеніе природы произошло... пробормоталъ онъ, хотъ и весьма неясно, но очень твердо, и видимо не желая болѣе распространяться.

Посмѣялись и, разумѣется, бѣленькаго ребеночка окрестили. Григорій молился у купели усердно, но мнѣнія своего о новорожденномъ не измѣнилъ. Впрочемъ, ничему не помѣшалъ, только всѣ двѣ недѣли, какъ жилъ болѣзненный мальчикъ, почти не глядѣлъ на него, даже замѣчать не хотѣлъ и большею частью уходилъ изъ избы. Но когда мальчикъ черезъ двѣ недѣли померъ отъ молочницы, то самъ его уложилъ въ гробикъ, съ глубокою тоской смотрѣлъ на него, и когда засыпали нетлубокую маленькую его могилку, сталъ на колѣни и поклонился могилкѣ въ землю. Съ тѣхъ поръ, многіе годы онъ ни разу о своемъ ребенкѣ не упомянулъ, да и Марѳа Игнатьевна ни разу при немъ про ребенка своего не вспоминала, а когда съ кѣмъ случалось говорить о своемъ дѣточкѣ, то говорила шепотомъ, хотя-бы тутъ и не было Григорія Васильевича. По замѣчанію Марѳы Игнатьевны, онъ, съ самой той могилки, сталъ по преимуществу заниматься божественнымъ, читалъ Четіи-Минеи, большие молча и одинъ, каждый разъ надѣвая большія свои серебряныя круглыя очки. Рѣдко читывалъ вслухъ, развѣ великимъ постомъ. Любилъ книгу Іова, добылъ откуда-то списокъ словъ и проповѣдей богоноснаго отца нашего Исаака Сирина, читалъ его упорно и многолѣтно, почти ровно ничего не понимая въ немъ, но за это-то, можетъ быть, наиболѣе цѣнилъ и любилъ эту книгу. Въ самое послѣднее время сталъ прислушиваться и вникать въ хлыстовщину, на что по сосѣдству оказался случай, видимо былъ потрясенъ, но переходить въ новую вѣру не заблагоразсудилъ. Начетливость отъ божественнаго, разумѣется, придала его физіономіи еще нѣкую важность.

Можетъ быть, онъ склоненъ былъ къ мистицизму. А тутъ, какъ нарочно, случай появленія на свѣтъ его шестимѣсячнаго младенца и смерть его совпали какъ разъ съ другимъ весьма страннымъ, необыкновеннымъ и оригинальнымъ случаемъ, оставившимъ на душѣ его, какъ однажды онъ самъ впослѣдствіи выразился, печать. Такъ случилось, что въ тотъ самый день какъ похоронили шестимѣсячнаго крошку, Марѳа Игнатьевна, проснувшись ночью, услышала словно плачъ новорожденнаго ребенка. Она испугалась и разбудила мужа. Тотъ прислушался и замѣтилъ, что скорѣе это кто нибудь стонетъ, женщина будто-бы. Онъ всталъ, одѣлся: была довольно теплая

мѣсячная ночь. Выйдя на крыльцо, онъ ясно вслушался, что стоны идутъ изъ сада. Но садъ былъ на ночь запираемъ со двора на замокъ, попасть-же въ него кромѣ этого входа нельзя было, потому что кругомъ всего сада шелъ крѣпкій и высокій заборъ. Воротясь домой, Григорій засвѣтилъ фонарь, взялъ садовый ключъ, и, не обращая вниманія на истерическій ужасъ своей супруги, все еще увѣрявшей, что она слышитъ дѣтскій плачъ и что это плачетъ навѣрно ея мальчикъ и зоветъ ее, молча пошелъ въ садъ. Тутъ онъ ясно уразумѣлъ, что стоны идутъ изъ ихъ баньки, стоявшей въ саду, недалеко отъ калитки, и что стонетъ взаправду женщина. Отворивъ баню, онъ увидалъ зрѣлище, предъ которымъ остолбенѣлъ: городская юродивая, скитавшаяся по улицамъ и извѣстная всему городу, по прозвищу Лизавета Смердящая, забравшись въ ихъ баню, только что родила младенца. Младенецъ лежалъ подлѣ нея, а она помирала подлѣ него. Говорить ничего не говорила, уже по тому одному, что не умѣла говорить. Но все это надо-бы разъяснить особо.

II.

Лизавета Смердящая.

Тутъ было одно особенное обстоятельство, которое глубоко потрясло Григорія, окончательно укрѣпивъ въ немъ одно непріятное и омерзительное прежнее подозрѣніе. Эта Лизавета Смердящая была очень малаго роста дѣвка, «двухъ аршинъ съ малымъ», какъ умилительно вспоминали о ней послѣ ея смерти многія изъ богомольныхъ старушекъ нашего городка. Двадцатилѣтнее лицо ея, здоровое, широкое и румяное, было вполнѣ идіотское; взглядъ-же глазъ неподвижный и непріятный, хотя и смирный. Ходила она всю жизнь, и лѣтомъ, и зимой, босая и въ одной посконной рубашкѣ. Почти черные волосы ея, чрезвычайно густые, закурчавленные какъ у барана, держались на головѣ ея въ видѣ какъ-бы какой-то огромной шапки. Кромѣ того, всегда были запачканы въ землѣ, въ грязи, съ налипшими въ нихъ листочками, лучиночками, стружками, потому что спала она всегда на землѣ и въ грязи. Отецъ ея былъ бездомный, разорившійся и хворый мѣщанинъ Илья, сильно запивавшій и призакивавшій уже много лѣтъ въ родѣ работника у однихъ зажиточныхъ хозяевъ, тоже нашихъ мѣщанъ. Мать-же Лизаветы давно померла. Вѣчно болѣзненный и злобный Илья безчеловѣчно билъ Лизавету, когда та приходила домой. Но приходила она рѣдко, потому что привыкла по всему городу какъ юродивый боскій человѣкъ. И хозяева Ильи, и самъ Илья, и даже многіе изъ городскихъ сострa-

дательныхъ людей, изъ купцовъ и купчихъ преимущественно. Пробовали не разъ одѣвать Лизавету прилично тѣмъ въ одной рубашкѣ, а къ зимѣ всегда надѣвали на нее тулупъ, а ноги обували въ сапоги: но она обыкновенно, давая все надѣть на себя безпрекословно, уходила и гдѣ нибудь, преимущественно на соборной церковной паперти, непремѣнно снимала съ себя все ей пожертвованное, — — платокъ-ли, юбку-ли, тулупъ, сапоги,— все оставляла на мѣстѣ и уходила босая и въ одной рубашкѣ по прежнему. Разъ случилось, что новый губернаторъ нашей губерніи, обозрѣвая наѣздомъ нашъ городокъ, очень обиженъ былъ въ своихъ лучшихъ чувствахъ, увидавъ Лизавету, и хотя понялъ, что это юродивая, какъ и доложили ему, но все-таки поставилъ на видъ, что молодая дѣвка, считающаяся въ одной рубашкѣ, нарушаетъ благопристойіе, а потому, чтобы сего впредь не было. Но губернаторъ уѣхалъ, а Лизавету оставили какъ была. Наконецъ, отецъ ея померъ и она тѣмъ самымъ стала всѣмъ богомольнымъ лицамъ въ городѣ еще милѣе, какъ сирота. Въ самомъ дѣлѣ, ее какъ будто всѣ даже любили, даже мальчишки ее не дразнили и не обижали, а мальчишки у насъ, особенно въ школѣ, народъ задорный. Она входила въ незнакомые дома и никто не выгонялъ ее, напротивъ, всякъ-то приласкаетъ и грошикъ дастъ. Дадутъ ей грошикъ, она возьметъ и тотчасъ снесетъ и опуститъ въ которую нибудь кружку, церковную аль острожную. Дадутъ ей на базарѣ бубликъ или калачикъ, непремѣнно пойдетъ и первому встрѣчному ребеночку отдастъ бубликъ или калачикъ, а то такъ остановитъ какую нибудь нашу самую богатую барыню и той отдастъ: и барыни принимали даже съ радостію. Сама-же питалась не иначе какъ только чернымъ хлѣбомъ съ водой. Зайдетъ она, бывало, въ богатую лавку, садится. Тутъ дорогой товаръ лежитъ, тутъ и деньги. Хозяева никогда ее не остерегаются, знаютъ, что хоть тысячи выложи при ней денетъ и забудь, она изъ нихъ не возьметъ ни копѣйки. Въ церковь рѣдко заходила, спала-же или по церковнымъ папертямъ, или перелѣзши черезъ чей нибудь плетень (у насъ еще много плетней вмѣсто заборовъ даже до сегодня) въ чьемъ нибудь огородѣ. Домой, то есть въ домъ тѣхъ хозяевъ, у которыхъ жилъ ея покойный отецъ, она являлась, примѣрно, разъ въ недѣлю, а по зимамъ приходила и каждый день, но только лишь на ночь, и почуетъ либо въ сѣняхъ, либо въ коровникѣ. Дивились на нее, что она выноситъ такую жизнь, но ужь такъ она привыкла: хоть и мала была ростомъ, но сложенія необыкновенно крѣпкаго. Утверждали и у насъ иные изъ господъ, что все это она дѣлаетъ лишь изъ гордости. Но какъ-то это не вязалось: она и говорить-то ни слова не умѣла и взрѣдка только невнятно что-то языкомъ и мычала. Какая ужь

гутъ гордость. Вотъ и случилось, что однажды (давненько это было), въ одну сентябрьскую свѣтлую и теплую ночь, въ полнолуніе, весьма уже по нашему поздно, одна хмѣльная ватага разгулявшихся нашихъ господъ, молодцовъ пять или шесть, возвращалась изъ клуба «задами» по домамъ. По обѣ стороны переулка шелъ плетень, за которымъ тянулись огороды прилежащихъ домовъ; переулокъ-же выходилъ на мостки черезъ нашу вонючую и длинную лужу, которую у насъ принято называть иногда рѣчкой. У плетня, въ крапивѣ и въ лопушникѣ, усмотрѣла наша компанія спящую Лизавету. Подгулявшіе господа остановились надъ нею съ хохотомъ и начали острить со всею возможною безцензурностью. Одному барченку пришелъ вдругъ въ голову совершенно эксцентрическій вопросъ на невозможную тему: «Можно-ли, дескать, хотя кому-бы то ни было, счесть такого звѣря за женщину, вотъ хоть-бы теперь, и проч.» Всѣ съ гордымъ омерзеніемъ рѣшили, что нельзя. Но въ этой кучкѣ случился Ѳедоръ Павловичъ и онъ мигомъ выскочилъ и рѣшилъ, что можно счесть за женщину, даже очень, и что тутъ даже нѣчто особаго рода пикантное, и проч., и проч. Правда, въ ту пору онъ у насъ слишкомъ ужь даже выдѣланно напрашивался на свою роль шута, любилъ выскакивать и веселить господъ, съ видимымъ равенствомъ, конечно, но на дѣлѣ совершеннымъ предъ ними хамомъ. Это было именно то самое время, когда онъ получилъ изъ Петербурга извѣстіе о смерти его первой супруги, Аделаиды Ивановны, и когда съ крепомъ на шляпѣ пилъ и безобразничалъ такъ, что иныхъ въ городѣ, даже изъ самыхъ безпутнѣйшихъ, при взглядѣ на него коробило. Ватага, конечно, расхохоталась надъ неожиданнымъ мнѣніемъ: какой-то одинъ изъ ватаги даже началъ подстрекать Ѳедора Павловича, но остальные принялись плевать еще пуще, хотя все еще съ чрезмѣрною веселостью, и, наконецъ, пошли всѣ прочь своею дорогой. Впослѣдствіи, Ѳедоръ Павловичъ клятвенно увѣрялъ, что тогда и онъ вмѣстѣ со всѣми ушелъ: можетъ быть, такъ именно и было, никто этого не знаетъ навѣрно и никогда не зналъ, но мѣсяцевъ черезъ пять или шесть всѣ въ городѣ заговорили съ искреннимъ и чрезвычайнымъ негодованіемъ о томъ, что Лизавета ходитъ беременная, спрашивали и доискивались: чей грѣхъ, кто обидчикъ? Вотъ тутъ-то вдругъ и разнеслась по всему городу страшная молва, что обидчикъ есть самый этотъ Ѳедоръ Павловичъ. Откуда взялась эта молва? Изъ той ватаги гулявшихъ господъ какъ разъ оставался къ тому времени въ городѣ лишь одинъ участникъ, да и то пожилой и почтенный статскій совѣтникъ, обладавшій семействомъ и взрослыми дочерьми и который ужь отнюдь ничего-бы не сталъ распространять, если-бы даже что̀ и было; прочіе-же участники, человѣкъ пять, на ту пору

разъѣхались. Но молва примѣченько указывала на Ѳедора Павловича и продолжала указывать. Конечно, тотъ не очень-то даже и претендовалъ на это: какимъ нибудь купчишкамъ или мѣщанамъ онъ и отвѣчать не сталъ-бы. Тогда онъ былъ гордъ и разговаривалъ не иначе какъ въ своей компаніи чиновниковъ и дворянъ, которыхъ столь весельчакъ. Вотъ въ эту-то пору Григорій энергически и изо всѣхъ силъ сталъ за своего барина, и не только защищалъ его противъ всѣхъ этихъ наговоровъ, но вступалъ за него въ брань и препирательства, и многихъ переувѣрилъ. Она сама, низкая, виновата, говорилъ онъ утвердительно, а обидчикомъ былъ никто иной, какъ Карпъ съ винтомъ (такъ назывался одинъ извѣстный тогда городу странный арестантъ, къ тому времени объкавшій изъ губернскаго острога и въ нашемъ городѣ такимъ прожившійся). Догадка эта показалась правдоподобною. Карпа помнили, именно помнили, что въ тѣ самыя ночи, подъ осень, онъ по городу шлялся и тронхъ ограбилъ. Но весь этотъ случай и всѣ эти толки не только не отвратили общей симпатіи отъ бѣдной юродивой, но ее еще пуще стали всѣ охранять и оберегать. Купчиха Кондратьева, одна закоснѣлая вдова, даже такъ распорядилась, что въ концѣ еще апрѣля завела Лизавету къ себѣ съ тѣмъ, чтобъ ее и не выпускать до самыхъ родовъ. Стерегли неусыпно; но такъ вышло, что, не смотря на всю неусыпность, Лизавета, въ самый послѣдній день, вечеромъ, вдругъ такимъ ушла отъ Кондратьевой и очутилась въ саду Ѳедора Павловича. Какъ она, въ ея положеніи, перелѣзла черезъ высокій и крѣпкій заборъ сада, осталось нѣкотораго рода загадкой. Одни увѣряли, что ее перенесли, другіе, что ее перенесло. Вѣроятнѣе всего, что все произошло хоть и весьма мудренымъ, но натуральнымъ образомъ, и Лизавета, умѣвшая лазить по плетнямъ въ чужіе огороды, чтобы въ нихъ почевать, забралась какъ нибудь и на заборъ Ѳедора Павловича, а съ него, хоть и со вредомъ себѣ, соскочила въ садъ, не смотря на свое положеніе. Григорій бросился къ Марѣ Игнатьевнѣ и послалъ ее къ Лизаветѣ помогать, а самъ сбѣгалъ за старухой повитухой, мѣщанкой, кстати недалеко жившею. Ребеночка спасли, а Лизавета къ разсвѣту померла. Григорій взялъ младенца, принесъ въ домъ, посадилъ жену и положилъ его къ ней на колѣни, къ самой ея груди. Бѣдные дѣти — сирота всѣмъ родня, а намъ съ тобой подавно. Этого покойничекъ нашъ прислалъ, а произошелъ сей отъ бѣсова сына и отъ праведницы. Питай и впредь не плачь. Такъ Мароа Игнатьевна и воспитала ребеночка. Окрестили и назвали Павломъ, а по отчеству всѣ его и сами, безъ указу, стали звать Ѳедоровичемъ. Ѳедоръ Павловичъ не противорѣчилъ ничему и даже нашелъ все это забавнымъ, хотя изо всѣхъ

сль продолжать отъ всего отрекаться. Въ городѣ понравилось, что онъ взялъ подкидыша. Впослѣдствіи, Ѳедоръ Павловичъ сочинилъ подкидышу и фамилію: назвалъ онъ его Смердяковымъ, по прозвищу матери его, Лизаветы Смердящей. Вотъ этотъ-то Смердяковъ и вышелъ вторымъ слугой Ѳедора Павловича и прожилъ у него до послѣдней исторіи, во флигелѣ, вмѣстѣ со старикомъ Григоріемъ и старухой Марѳой. Употреблялся-же въ поварахъ. Очень-бы надо примолвить кое-что и о немъ спеціально, но мнѣ совѣстно столь долго отвлекать вниманіе моего читателя на столь обыкновенныхъ лакеевъ, а потому и переходу къ моему разсказу, уповая, что о Смердяковѣ какъ нибудь сойдетъ само собою въ дальнѣйшемъ теченіи повѣсти.

III.

Исповѣдь горячаго сердца. Въ стихахъ.

Алеша, выслушавъ приказаніе отца, которое тотъ выкрикнулъ ему изъ коляски, уѣзжая изъ монастыря, оставался нѣкоторое время на мѣстѣ въ большомъ недоумѣніи. Не то чтобъ онъ стоялъ какъ столбъ, съ нимъ этого не случалось. Напротивъ, онъ, при всемъ безпокойствѣ, успѣлъ тотчасъ-же сходить на кухню игумена и разузнать, что̀ надѣлалъ вверху его папаша. Затѣмъ однако пустился въ путь, уповая, что по дорогѣ къ городу успѣетъ какъ нибудь разрѣшить томившую его задачу. Скажу заранѣе: крикомъ отца и приказанія переселиться домой, съ подушками и тюфякомъ онъ не боялся ни мало. Онъ слишкомъ хорошо понялъ, что приказаніе перебзжать, вслухъ и съ такимъ показнымъ крикомъ, дано было въ увлеченіи, такъ сказать, даже для красоты,—въ родѣ, какъ растутвшійся недавно въ ихъ-же городкѣ мѣщанинъ, на своихъ собственныхъ именинахъ, и при гостяхъ, разсердясь на то, что ему не даютъ больше водки, вдругъ началъ бить свою-же собственную посуду, рвать свое и женино платье, разбивать свою мебель и, наконецъ, стекла въ домѣ и все опять такимъ для красы, и все въ томъ-же родѣ, конечно, случилось теперь и съ папашей. На завтра, конечно, растутвшійся мѣщанинъ, отрезвившись, пожалѣлъ разбитыя чашки и тарелки. Алеша зналъ, что и старикъ на завтра-же навѣрно отпуститъ его опять въ монастырь, даже сегодня-же, можетъ, отпуститъ. Да и былъ онъ увѣренъ вполнѣ, что отецъ кого другаго, а его обидѣть не захочетъ. Алеша увѣренъ былъ, что его и на всемъ свѣтѣ никто и никогда обидѣть не захочетъ, даже не только не захочетъ, но и не можетъ. Это было для него аксіомой, дано разъ навсегда.

безъ разсужденій, и онъ въ этомъ смыслѣ шелъ впередъ, безо всякаго колебанія.

Но въ эту минуту въ немъ коснулась нѣкоторая другая боязнь, совсѣмъ другаго рода, и тѣмъ болѣе мучительная, что онъ се и самъ опредѣлить-бы не могъ, именно боязнь женщины, и именно Катерины Ивановны, которая такъ настоятельно умоляла его давешнею, переданною ему г-жою Хохлаковою запискою придти къ ней для чего-то. Это требованіе и необходимость непремѣнно пойдти вселила сразу какое-то мучительное чувство въ его сердце, и все утро, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе, все больнѣе и больнѣе въ немъ это чувство разбалтывалось, не смотря на всѣ послѣдованія затѣмъ сцены и приключенія въ монастырѣ, и сейчасъ у игумена, и проч., и проч. Боялся онъ не того, что не зналъ о чемъ она съ нимъ заговоритъ и что онъ ей отвѣтитъ. И не женщины вообще онъ боялся въ ней: женщинъ онъ зналъ, конечно, мало, но все-таки всю жизнь, съ самаго младенчества и до самаго монастыря, только съ ними однѣми и жилъ. Онъ боялся вотъ этой женщины, именно самой Катерины Ивановны. Онъ боялся ее съ самаго того времени какъ въ первый разъ ее увидалъ. Видалъ-же онъ ее всего только разъ или два, даже три. Пожалуй, вымолвилъ даже однажды случайно съ нею нѣсколько словъ. Образъ ея вспомнился ему какъ красивой, гордой и властной дѣвушки. Но не красота ея мучила его, а что-то другое. Вотъ именно эта необъяснимость его страха и усиливала въ немъ теперь этотъ страхъ. Цѣли этой дѣвушки были благороднѣйшія, онъ зналъ это: она стремилась спасти брата его Дмитрія, предъ нею уже виноватаго, и стремилась изъ одного лишь великодушія. И вотъ, не смотря на сознаніе и на справедливость, которую не могъ-же онъ не отдать всѣмъ этимъ прекраснымъ и великодушнымъ чувствамъ, по спинѣ его проходилъ морозъ чѣмъ ближе онъ подвигался къ ея дому.

Онъ сообразилъ, что брата Ивана Ѳедоровича, который былъ съ нею такъ близокъ, онъ у нея не застанетъ: братъ Иванъ навѣрно теперь съ отцемъ. Дмитрія-же не застанетъ еще вѣрнѣе и ему предчувствовалось почему. Итакъ разговоръ ихъ состоится наединѣ. Хотѣлось-бы очень ему повидать прежде этого роковаго разговора брата Дмитрія и забѣжать къ нему. Не показывая письма, онъ-бы могъ съ нимъ что нибудь перемолвить. Но братъ Дмитрій жилъ далеко и навѣрно теперь тоже не дома. Постоявъ съ минуту на мѣстѣ, онъ рѣшился, наконецъ, окончательно. Перекрестивъ себя привычнымъ и спѣшнымъ крестомъ и сейчасъ-же чему-то улыбнувшись, онъ твердо направился къ своей страшной дамѣ.

Домъ ея онъ зналъ. Но если-бы пришлось пойдти на Большую

улицу, потомъ черезъ площадь и проч., то было-бы довольно не близко. Нашъ небольшой городокъ чрезвычайно разбросанъ и разстоянія въ немъ бываютъ довольно большія. Притомъ его ждалъ отецъ, можетъ быть, не успѣлъ еще забыть своего приказанія, могъ раскапризиться, а потому надо было поспѣшить, чтобы поспѣть туда и сюда. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ соображеній, онъ и рѣшился сократить путь, пройдя задами, а всѣ эти ходы онъ зналъ въ городкѣ, какъ пять пальцевъ. Задами, значило, почти безъ дорогъ, вдоль пустынныхъ заборовъ, перелѣзая иногда даже черезъ чужіе плетни, минуя чужіе дворы, гдѣ, впрочемъ, всякій-то его зналъ и всѣ съ нимъ здоровались. Такимъ путемъ онъ могъ выйдти на Большую улицу вдвое ближе. Тутъ въ одномъ мѣстѣ ему пришлось проходить даже очень близко отъ отцовскаго дома, именно мимо сосѣдскаго съ отцовскимъ сада, принадлежавшаго одному ветхому маленькому, закривившемуся домишкѣ въ четыре окна. Обладательница этого домишка была, какъ извѣстно было Алешѣ, одна городская мѣщанка, безногая старуха, которая жила со своею дочерью, бывшею цивилизованною горничной въ столицѣ, проживавшею еще недавно все по генеральскимъ мѣстамъ, а теперь уже съ годъ, за болѣзнію старухи, прибывшею домой и щеголявшею въ шикарныхъ платьяхъ. Эта старуха и дочка впали, однако, въ страшную бѣдность и даже ходили по сосѣдству на кухню къ Ѳедору Павловичу за супомъ и хлѣбомъ ежедневно. Марѳа Игнатьевна имъ отливала съ охотой. Но дочка, приходя за супомъ, платьевъ своихъ ни одного не продала, а одно изъ нихъ было даже съ предлиннымъ хвостомъ. О послѣднемъ обстоятельствѣ Алеша узналъ, и ужъ, конечно, совсѣмъ случайно, отъ своего друга Ракитина, которому рѣшительно все въ ихъ городишкѣ было извѣстно, и, узнавъ, позабылъ, разумѣется, тотчасъ. Но поровнявшись теперь съ садомъ сосѣдки, онъ вдругъ вспомнилъ именно про этотъ хвостъ, быстро поднялъ понуренную и задумавшуюся свою голову и... наткнулся вдругъ на самую неожиданную встрѣчу.

За плетнемъ въ сосѣднемъ саду, взмостясь на что-то, стоялъ, высунувшись по грудь, братъ его Дмитрій Ѳедоровичъ и изо всѣхъ силъ дѣлалъ ему руками знаки, звалъ его и манилъ, видимо боясь не только крикнуть, но даже сказать вслухъ слово, чтобы не услышали. Алеша тотчасъ подбѣжалъ къ плетню.

— Хорошо что ты самъ оглянулся, а то я чуть было тебѣ не крикнулъ, радостно и торопливо прошепталъ ему Дмитрій Ѳедоровичъ. — Полѣзай сюда! Быстро! Ахъ, какъ славно, что ты пришелъ. Я только что о тебѣ думалъ...

Алеша и самъ былъ радъ и недоумѣвалъ только, какъ перелѣзть черезъ плетень. Но Митя богатырскою рукой подхватилъ его локоть

и помогъ скачку. Подобравъ подрясникъ, Алеша перескочилъ съ ловкостью босоногаго городскаго мальчишки.

— Ну, и гуляй, идемъ! восторженнымъ шепотомъ вырвалось у Мити.

— Куда-же, шепталъ и Алеша, озираясь во всѣ стороны и видя себя въ совершенно пустомъ саду, въ которомъ никого кромѣ ихъ обоихъ не было. Садъ былъ маленькій, но хозяйскій домикъ все-таки стоялъ отъ нихъ не менѣе какъ шагахъ въ пятидесяти. „Да тутъ никого нѣтъ, чего-же ты шепчешь?

— Чего шепчу? Ахъ, чортъ возьми, крикнулъ вдругъ „Дмитрій Ѳедоровичъ самымъ полнымъ голосомъ. „да чего-же я шепчу? Ну, вотъ самъ видишь, какъ можетъ выйдти вдругъ сумбуръ природы. Я здѣсь на секретѣ и стерегу секретъ. Объясненіе впередъ, но понимая, что секретъ, я вдругъ и говорить сталъ секретно, и шепчу какъ „дуракъ, тогда какъ не надо. Идемъ! Вонъ куда! „До тѣхъ поръ молчи. Поцѣловать тебя хочу!

Слава Вышнему на свѣтѣ,
Слава Вышнему во мнѣ!..

Я это сейчасъ только предъ тобой, сидя здѣсь, повторилъ...

Садъ былъ величиной съ „десятину или немногимъ болѣе, но обсаженъ „деревьями „лишь кругомъ, вдоль по всѣмъ четыремъ „заборамъ, яблонями, кленомъ, „липой, березой. Средина сада была пустая, подъ „муравой, на которой накашивалось въ „лѣто нѣсколько пудовъ сѣна. Садъ отдавался хозяйкой съ весны въ наемъ за нѣсколько рублей. Были и гряды съ малиной, крыжовникомъ, смородиной. Тоже все около заборовъ: грядки съ овощами близъ самаго дома, заведенныя, впрочемъ, недавно, „Дмитріи Ѳедоровичъ велъ гостя въ одинъ самый отдаленный отъ „дома уголъ сада. Тамъ вдругъ, среди густо стоявшихъ „лишъ и старыхъ кустовъ смородины и бузины, калины и сирени, открылось что-то въ родѣ развалины старинной бѣлой бесѣдки, почернѣвшей и покривившейся, съ рѣшетчатыми стѣнками, но съ крытымъ верхомъ, и въ которой еще можно было укрыться отъ „дождя. Бесѣдка строена была Богъ вѣсть когда, по преданію, „лѣтъ пятьдесятъ назадъ, какимъ-то тогдашнимъ владѣльцемъ „домика, Александромъ Карловичемъ фонъ-Шмидтомъ, отставнымъ подполковникомъ. Но все уже истлѣло, полъ сгнилъ, всѣ половины шатались, отъ „дерева пахло сыростью. Въ бесѣдкѣ стоялъ „деревянный зеленый столъ, врытый въ землю, а кругомъ шли „лавки, тоже зеленыя, на которыхъ еще можно было сидѣть. Алеша сейчасъ-же замѣтилъ восторженное состояніе брата, но, войдя въ бесѣдку, увидалъ на столикѣ полбутылки коньяку и рюмочку.

— Это коньякъ! захохоталъ Митя, а ты ужъ смотришь: «опять пьянствуетъ?» Не вѣрь фантому.

Не вѣрь толпѣ пустой и лживой,
Забудь сомнѣнія свои...—

Не пьянствую я, а лишь лакомствую, какъ говоритъ твой свинья Ракитинъ, который будетъ статскимъ совѣтникомъ и все будетъ говорить лакомствую. Садись. Я-бы взялъ тебя, Алешка, и прижалъ къ груди, да такъ, чтобы раздавить, ибо на всемъ свѣтѣ... по настоящему... по на-сто-ящe-му... (Никки! Никки!) люблю только одного тебя!

Онъ проговорилъ послѣднюю строчку въ какомъ-то почти изступленіи.

Одного тебя, да еще одну подлую, въ которую влюбился, да съ тѣмъ и пропалъ. Но влюбиться не значитъ любить. Влюбиться можно и ненавидя. Запомни! Теперь пока весело говорю! Садись, вотъ здѣсь за столъ, а я подлѣ сбоку, и буду смотрѣть на тебя, и все говорить. Ты будешь все молчать, а я буду все говорить, потому что срокъ пришелъ. А, впрочемъ, знаешь, я разсудилъ, что надо говорить дѣйствительно тихо, потому что здѣсь... здѣсь... могутъ открыться самыя нескиданныя уши. Все объяснено, сказано: продолженіе впредь. Почему рвался къ тебѣ, жаждалъ сейчасъ тебя, всѣ эти дни, и сейчасъ? (Я здѣсь уже пять дней какъ бросилъ якорь). Всѣ эти дни? Потому что тебѣ одному все скажу, потому что нужно, потому что ты нуженъ, потому что завтра лечу съ облаковъ, потому что завтра жизнь кончится и начнется. Испытывалъ ты, видалъ ты во снѣ, какъ въ яму съ горы падаютъ? Ну, такъ я теперь не во снѣ лечу. И не боюсь, и ты не бойся. То есть боюсь, но мнѣ сладко. То есть не сладко, а восторгъ... Ну, да чортъ, все равно, что-бы ни было. Сильный духъ, слабый духъ, бабій духъ, — что-бы ни было! Восхвалимъ природу: видишь солнца сколько, небо-то какъ чисто, листья всѣ зелены, совсѣмъ еще лѣто, часъ четвертый пополудни, тишина! Куда шелъ?

— Шелъ къ отцу, а сначала хотѣлъ зайдти къ Катеринѣ Ивановнѣ.

— Къ ней и къ отцу! Ухъ! Совпаденіе! Да вѣдь я тебя для чего-же и звалъ-то, для чего и желалъ, для чего алкалъ и жаждалъ всѣми изгибами души и даже ребрами? Чтобы послать тебя именно къ отцу отъ меня, а потомъ и къ ней, къ Катеринѣ Ивановнѣ, да тѣмъ и покончить и съ ней, и съ отцомъ. Послать ангела. Я могъ-бы послать всякаго, но мнѣ надо было послать ангела. И вотъ ты самъ къ ней и къ отцу.

— Неужто ты меня хотѣлъ послать? съ болѣзненнымъ выраженіемъ въ лицѣ вырвалось у Алеши.

— Стой, ты это зналъ. И вижу, что ты все сразу понялъ. Но молчи, пока молчи. Не жалѣй и не плачь!

Дмитрій Ѳедоровичъ всталъ, задумался и приложилъ палецъ ко лбу:

— Она тебя сама позвала, она тебѣ письмо написала, или что нибудь, оттого ты къ ней и пошелъ, а то развѣ-бы ты пошелъ?

— Вотъ записка, вынулъ ее изъ кармана Алеша. Митя быстро пробѣжалъ ее.

— И ты пошелъ по задамъ! О, боги! Благодарю васъ, что направили его по задамъ и онъ попался ко мнѣ, какъ золотая рыбка старому дурню рыбаку въ сказкѣ. Слушай, Алеша, слушай, братъ. Теперь я намѣренъ уже все говорить. Ибо хоть кому нибудь надо-же сказать. Ангелу въ небѣ я уже сказалъ, но надо сказать и ангелу на землѣ. Ты ангелъ на землѣ. Ты выслушаешь, ты разсудишь и ты простишь... А мнѣ того и надо, чтобы меня кто нибудь высшій простилъ. Слушай: если два существа вдругъ отрываются отъ всего земнаго и летятъ въ необычайное, или, по крайней мѣрѣ, одинъ изъ нихъ, и предъ тѣмъ, улетая или погибая, приходитъ къ другому и говоритъ: сдѣлай мнѣ то и то, такое о чемъ никогда никого не просятъ, но о чемъ можно просить лишь на смертномъ одрѣ, то неужели-же тотъ не исполнитъ... если другъ, если братъ?

— Я исполню, но скажи что такое, и скажи поскорѣй, сказалъ Алеша.

— Поскорѣй... Гм. Не торопись, Алеша: ты торопишься и безпокоишься. Теперь спѣшить нечего. Теперь міръ на новую улицу вышелъ. Эхъ, Алеша, жаль, что ты до восторга не додумывался! А, впрочемъ, что-жъ я ему говорю? Это ты-то не додумывался! Что-жъ я, балбесина, говорю:

„Будь человѣкъ благороденъ!“

Чей это стихъ?

Алеша рѣшился ждать. Онъ понялъ, что все дѣло его дѣйствительно, можетъ быть, теперь только здѣсь. Митя на минуту задумался, оперпшсь локтемъ на столъ и склонивъ голову на ладонь. Оба помолчали.

— Леша, сказалъ Митя,— -ты одинъ не засмѣешься! Я хотѣлъ-бы начать... мою исповѣдь... гимномъ къ радости Шиллера: An die Freude! Но я по нѣмецки не знаю, знаю только, что an die Freude. Не думай тоже, что я съ пьяну болтаю. Я совсѣмъ не съ пьяну. Коньякъ есть коньякъ, но мнѣ нужно двѣ бутылки чтобъ опьянѣть, —

И Силенъ румянорожій
На споткнувшемся ослѣ,

а я и четверти бутылки не выпилъ и не Силенъ. Не Силенъ, а силёнъ, потому что рѣшеніе на вѣки взялъ. Ты каламбуръ мнѣ прости, ты многое мнѣ сегодня долженъ простить, не то что каламбуръ. Не безпокойся, я не размазываю, я дѣло говорю и къ дѣлу въ мигъ приду. Не стану жида изъ души тянуть. Постой, какъ это...

Онъ поднялъ голову, задумался и вдругъ восторженно началъ:

„Робокъ, нагъ и дикъ скрывался
Троглодитъ въ пещерахъ скалъ,
По полямъ номадъ скитался
И поля опустошалъ.
Звѣроловъ съ копьемъ, стрѣлами,
Грозенъ бѣгалъ по лѣсамъ...
Горе брошеннымъ волнами
Къ непріютнымъ берегамъ!
„Съ Олимпійскія вершины
Сходитъ мать—Церера вслѣдъ
Похищенной Прозерпины:
Дикъ лежитъ передъ нею свѣтъ.
Ни угла, ни угощенья
Нѣтъ нигдѣ богинѣ тамъ;
И нигдѣ богопочтенья
Не свидѣтельствуетъ храмъ.
„Плодъ полей и грозды сладки
Не блистаютъ на пирахъ;
Лишь дымятся тѣлъ остатки
На кровавыхъ алтаряхъ.
И куда печальнымъ окомъ
Тамъ Церера ни глядитъ—
Въ униженіи глубокомъ
Человѣка всюду зритъ!“

Рыданія вырвались вдругъ изъ груди Мити. Онъ схватилъ Алешу за руку.

— Другъ, другъ, въ униженіи, въ униженіи и теперь. Страшно много человѣку на землѣ терпѣть, страшно много ему бѣдъ! Не думай, что я всего только хамъ въ офицерскомъ чинѣ, который пьетъ коньякъ и развратничаетъ. Я, братъ, почти только объ этомъ и думаю, объ этомъ униженномъ человѣкѣ, если только не вру. Дай Богъ мнѣ теперь не врать и себя не хвалить. Потому мыслю объ этомъ человѣкѣ, что я самъ такой человѣкъ.

„Чтобъ изъ низости душою
Могъ подняться человѣкъ
Съ древней матерью землею
Онъ вступи въ союзъ на вѣкъ“.

Но только, вотъ въ чемъ дѣло: какъ я вступлю въ союзъ съ землею на вѣкъ? Я не цѣлую землю, не взрѣзано ей грудь: что-жь мнѣ

мужикомъ сдѣлаться аль пастушкомъ? Я иду и не знаю: въ вонь-ли я попалъ и позоръ или въ свѣтъ и радость. Вотъ вѣдь гдѣ бѣда, ибо все на свѣтѣ загадка! И когда мнѣ случалось погружаться въ самый, въ самый глубокій позоръ разврата (а мнѣ только это и случалось), то я всегда это стихотвореніе о Церерѣ и о человѣкѣ читалъ. Исправляло оно меня? Никогда! Потому что я Карамазовъ. Потому что если ужъ полечу въ бездну, то такъ-таки прямо, головой внизъ и вверхъ пятами, и даже доволенъ, что именно въ унизительномъ такомъ положеніи падаю и считаю это для себя красотой. И вотъ въ самомъ-то этомъ позорѣ я вдругъ начинаю гимнъ. Пусть я проклятъ, пусть я низокъ и подлъ, но пусть и я цѣлую край той ризы, въ которую облекается Богъ мой: пусть я иду въ тоже самое время вслѣдъ за чортомъ, но я все-таки и Твой сынъ, Господи, и люблю Тебя, и ощущаю радость, безъ которой нельзя міру стоять и быть.

„Душу Божьяго творенья
Радость вѣчная поитъ,
Тайной силою броженья
Кубокъ жизни пламенитъ;
Травку выманила къ свѣту
Въ солнцы хаосъ развила.
И въ пространствахъ, звѣздочету
Неподвластныхъ, разлила.
„У груди благой природы,
Все что̀ дышетъ, радость пьетъ;
Всѣ созданья, всѣ народы
За собой она влечетъ;
Намъ друзей дала въ несчастьи,
Гроздій сокъ, вѣнки Харитъ,
Насѣкомымъ—сладострастье...
Ангелъ—Богу предстоитъ“.

Но довольно стиховъ! Я пролилъ слезы, и ты дай мнѣ поплакать. Пусть это будетъ глупость, надъ которою всѣ будутъ смѣяться, но ты нѣтъ. Вотъ и у тебя глазенки горятъ. Довольно стиховъ. Я тебѣ хочу сказать теперь о насѣкомыхъ, вотъ о тѣхъ, которыхъ Богъ одарилъ сладострастьемъ

„Насѣкомымъ—сладострастье!“

Я, братъ, это самое насѣкомое и есть, и это обо мнѣ спеціально и сказано. И мы всѣ Карамазовы такіе-же, и въ тебѣ, ангелъ, это насѣкомое живетъ, и въ крови твоей бури родитъ. Это—бури, потому что сладострастье—буря, больше бури! Красота—это страшная и ужасная вещь! Страшная, потому что неопредѣлимая, а опредѣлить нельзя, потому что Богъ задалъ одни загадки. Тутъ берега

сходятся, тутъ всѣ противорѣчія вмѣстѣ живутъ. Я, братъ, очень необразованъ, но я много объ этомъ думалъ. Страшно много тайнъ! Слишкомъ много загадокъ угнетаютъ на землѣ человѣка. Разгадывай какъ знаешь и выплывай сухъ изъ воды. Красота! Перенести я притомъ не могу, что иной, высшій даже сердцемъ человѣкъ и съ умомъ высокимъ, начинаетъ съ идеала Мадонны, а кончаетъ идеаломъ Содомскимъ. Еще страшнѣе кто уже съ идеаломъ Содомскимъ въ душѣ не отрицаетъ и идеала Мадонны, и горитъ отъ него сердце его, и во истину, во истину горитъ, какъ и въ юные безпорочные годы. Нѣтъ, широкъ человѣкъ, слишкомъ даже широкъ. я-бы сузилъ. Чортъ знаетъ, что̀ такое даже, вотъ что̀! Что̀ уму представляется позоромъ, то сердцу сплошь красотой. Въ Содомѣ-ли красота? Вѣрь, что въ Содомѣ-то она и сидитъ для огромнаго большинства людей, — зналъ ты эту тайну или нѣтъ? Ужасно то, что красота есть не только страшная, но и таинственная вещь. Тутъ дьяволъ съ Богомъ борется, а поле битвы — сердца людей. А, впрочемъ, что̀ у кого болитъ, тотъ о томъ и говоритъ. Слушай, теперь къ самому дѣлу.

IV.

Исповѣдь горячаго сердца. Въ анекдотахъ.

Я тамъ кутилъ. Давеча отецъ говорилъ, что я по нѣскольку тысячъ платилъ за обольщеніе дѣвицъ. Это свинскій фантомъ и никогда того не бывало, а что̀ было, то собственно на это денегъ не требовало. У меня деньги — аксессуаръ, жаръ души, обстановка. Нынѣ вотъ она моя дама, завтра на ея мѣстѣ уличная дѣвочка. И ту, и другую весело, деньги бросаю пригоршнями, музыка, гамъ, цыганки. Коли надо и ей дано, потому что̀ берутъ, берутъ съ азартомъ, въ этомъ надо признаться, и довольны, и благодарны. Барышни меня любили, не всѣ, а случалось, случалось; но я всегда переулочки любилъ, глухіе и темные закоулочки, за площадью, — тамъ приключенія, тамъ неожиданности, тамъ самородки въ грязи. Я, братъ, аллегорически говорю. У насъ въ городишкѣ такихъ переулковъ вещественныхъ не было, но нравственные были. Но если-бы ты былъ то что̀ я, ты понялъ-бы что̀ эти значатъ. Любилъ развратъ, любилъ и срамъ разврата. Любилъ жестокость: развѣ я не клонъ, не злое насѣкомое? Сказано — Карамазовъ! Разъ никакъ всѣмъ городомъ былъ, поѣхали на семи тройкахъ: въ темнотѣ, зимой, въ саняхъ, сталъ я жать одну сосѣдскую дѣвичью ручку, и при-

нудилъ къ поцѣлуямъ эту дѣвочку, дочку чиновника, бѣдную, милую, кроткую, безотвѣтную. Позволила, многое позволила въ темнотѣ. Думала, бѣдняжка, что я завтра за ней пріѣду, и предложеніе сдѣлаю (меня вѣдь, главное, за жениха цѣнили): а я съ ней послѣ того ни слова, пять мѣсяцевъ ни полслова. Видѣлъ, какъ слѣдили за мной изъ угла залы, когда бывало танцуютъ, (а у насъ то и дѣло что танцуютъ) ея глазки, видѣлъ какъ горѣли огонькомъ — огонькомъ кроткаго негодованія. Забавляла эта игра только мое сладострастіе насѣкомаго, которое я въ себѣ кормилъ. Чрезъ пять мѣсяцевъ она за чиновника вышла и уѣхала... сердясь и все еще любя, можетъ быть. Теперь они счастливо живутъ. Замѣть, что я никому не сказалъ, не ославилъ; я хоть и низокъ желаніями, и низость люблю, но я не безчестенъ. Ты краснѣешь, у тебя глаза сверкнули. Довольно съ тебя этой грязи. И все это еще только такъ, цвѣточки польдековскіе, хотя жестокое насѣкомое уже росло, уже разрасталось въ душѣ. Тутъ, братъ, цѣлый альбомъ воспоминаній. Пусть имъ Богъ, миленькимъ, здоровья пошлетъ. Я, разрывая, любилъ не сориться. И никогда не выдавалъ, никогда ни одну не ославилъ. Но довольно. Неужели ты думалъ, что я тебя для этой только дряни звалъ сюда? Нѣтъ, я тебѣ любопытнѣе вещь разскажу; но не удивляйся, что не стыжусь тебя, а какъ будто даже и радъ.

— Это ты оттого, что я покраснѣлъ, вдругъ замѣтилъ Алеша.— Я не отъ твоихъ рѣчей покраснѣлъ и не за твои дѣла, а зато, что я тоже самое что̀ и ты.

— Ты-то? Ну, хватилъ немного далеко.

— Нѣтъ, не далеко, съ жаромъ проговорилъ Алеша. (Видимо эта мысль давно уже въ немъ была).—Все одинъ и тѣже ступеньки. Я на самой низшей, а ты вверху, гдѣ-нибудь на тринадцатой. Я такъ смотрю на это дѣло, но это все одно и тоже, совершенно однородное. Кто ступилъ на нижнюю ступеньку, тотъ все равно непремѣнно вступитъ и на верхнюю.

— Стало быть, совсѣмъ не вступать?

— Кому можно—совсѣмъ не вступать.

— А тебѣ—можно?

— Кажется, нѣтъ.

— Молчи, Алеша, молчи, милый, хочется мнѣ ручку твою поцѣловать, такъ, изъ умиленія. Эта шельма Грушенька знатокъ въ человѣкахъ, она мнѣ говорила однажды, что она когда нибудь тебя съѣстъ... Молчу, молчу! Изъ мерзостей, съ поля загаженнаго мухами, перейдемъ на мою трагедію, тоже на поле загаженное мухами, то есть всякою низостью. Дѣло-то вѣдь въ томъ, что старикашка хоть и совралъ объ обольщеніи невинностей, но въ сущ-

ности, въ трагедіи моей, это такъ вѣдь и было, хотя разъ только было, да и то не состоялось. Старикъ, который меня-же корилъ небылицей, этой-то штуки и не знаетъ: я никому никогда не разсказывалъ, тебѣ первому сейчасъ разскажу, конечно, Ивана исключая, Иванъ все знаетъ. Раньше тебя давно знаетъ. Но Иванъ—могила.

— Иванъ—могила?

— Да.

Алеша слушалъ чрезвычайно внимательно.

— Я вѣдь въ этомъ батальонѣ, въ линейномъ, хоть и прапорщикомъ состоялъ, но все равно какъ-бы подъ надзоромъ, въ родѣ какъ ссыльный какой. А городишко принималъ меня страшно хорошо. Денегъ я бросалъ много, вѣрили, что я богатъ. я и самъ тому вѣрилъ. А, впрочемъ, чѣмъ-то и другимъ я имъ, должно быть, угодилъ. Хоть и головами покивали, а, право, любили. Мой подполковникъ, старикъ уже, не взлюбилъ меня вдругъ. Придирался ко мнѣ; да рука у меня была, къ тому-же весь городъ за меня сталъ, придраться нельзя было очень-то. Виноватъ былъ я и самъ, самъ нарочно почтенія не отдавалъ надлежащаго. Гордился. У этого стараго упрямца, недурнаго очень человѣка и добродушнѣйшаго хлѣбосола, были когда-то двѣ жены, обѣ померли. Одна, первая, была изъ какихъ-то простыхъ и оставила ему дочь, тоже простую. Была уже при мнѣ двѣнадцать лѣтъ двадцати четырехъ и жила съ отцомъ вмѣстѣ съ теткой, сестрой покойной матери. Тетка безсловесная простота, а племянница, старшая дочь подполковника, бойкая простота. Люблю, вспомнивъ, хорошее слово сказать: никогда-то, голубчикъ, я прелестнѣе характера женскаго не зналъ какъ этой дѣвицы. Агаѳьей звали ее, представь себѣ. Агаѳьей Ивановной. Да и недурна она вовсе была, въ русскомъ вкусѣ высокая, дебелая, полнотѣлая, съ глазами прекрасными, лицо, положимъ, грубоватое. Не выходила замужъ, хотя двое сватались, отказала и веселости не теряла. Сошелся я съ ней не такимъ образомъ, нѣтъ, тутъ было чисто, а такъ, по дружески. Я вѣдь часто съ женщинами сходился совершенно безгрѣшно, по дружески. Болтаю съ ней такія откровенныя вещи, что ухъ! а она только смѣется. Многія женщины откровенности любятъ, замѣть себѣ, а она къ тому-же была дѣвушка, что очень меня веселило. И вотъ еще что: никакъ-бы ее барышней нельзя было назвать. Жили онѣ у отца съ теткой какъ-то добровольно принизкая себя, со всѣмъ другимъ обществомъ не равняясь. Ее всѣ любили и нуждались въ ней, потому что портниха была знатная: былъ талантъ, денегъ за услуги не требовала, дѣлала изъ любезности. Но когда дарили не отка-

зывалась принять. Подполковникъ-же, тотъ куда! Подполковникъ былъ одно изъ самыхъ первыхъ лицъ по нашему мѣсту. Жилъ широко, принималъ весь городъ, ужины, танцы. Когда я пріѣхалъ и въ батальонъ поступилъ, заговорили во всемъ городишкѣ, что вскорѣ пожалуетъ къ намъ, изъ столицы, вторая дочь подполковника, раскрасавица изъ красавицъ, а теперь только что де вышла изъ аристократическаго столичнаго одного института. Эта вторая дочь — вотъ эта самая Катерина Ивановна и есть, и уже отъ второй жены подполковника. А вторая эта жена, уже покойница, была изъ знатнаго, какого-то большаго генеральскаго дома, хотя, впрочемъ, какъ мнѣ достовѣрно извѣстно, денегъ подполковнику тоже никакихъ не принесла. Значитъ, была съ родней, да и только, развѣ тамъ какія надежды, а въ наличности ничего. И, однако, когда пріѣхала институтка (погостить, а не навсегда) весь городишко у насъ точно обновился, самыя знатныя наши дамы, — двѣ превосходительныя, одна полковница, да и всѣ, всѣ за ними, тотчасъ-же приняли участіе, расхватали ее, веселить начали, царица баловъ, инкиновъ, живыя картины состряпали въ пользу какихъ-то гувернантокъ. Я молчу, я кучу, я одну штуку именно тогда удрать такую, что весь городъ тогда загалдѣлъ. Вижу, она меня разъ обмѣрила взглядомъ, у батареннаго командира это было, да я тогда не подошелъ: пренебрегаю, дескать, знакомиться. Подошелъ я къ ней уже нѣсколько спустя, тоже на вечерѣ, заговорилъ, ее поглядѣла, презрительныя губки сложила, а думаю, подожди, отомщу! Буркомъ я былъ ужаснѣйшій въ большинствѣ тогдашнихъ случаевъ, и самъ это чувствовалъ. Главное, то чувствовалъ, что Катенька не то что бы невинная институтка такая, а особа съ характеромъ, гордая и въ самомъ дѣлѣ добродѣтельная, а пуще всего съ умомъ и образованіемъ, а у меня ни того, ни другаго. Ты думаешь, я предложеніе хотѣлъ сдѣлать? Ни мало, просто отомстить хотѣлъ за то, что я такой молодецъ, а она не чувствуетъ. А пока кутежъ и погромъ. Меня, наконецъ, подполковникъ на три дня подъ арестъ посадилъ. Вотъ къ этому-то времени какъ разъ отецъ мнѣ шесть тысячъ прислалъ, послѣ того какъ я послалъ ему формennое отреченіе отъ всѣхъ и вся, то есть мы дескать въ разсчетѣ и требовать больше ничего не буду. Не понималъ я тогда ничего: я, братъ, до самаго сюда пріѣзда, и даже до самыхъ послѣднихъ теперешнихъ дней, и даже, можетъ быть, до сегодня, не понималъ ничего объ этихъ всѣхъ нашихъ съ отцомъ денежныхъ пререканіяхъ. Но это къ чорту, это потомъ. А тогда, получивъ эти шесть, узналъ я вдругъ заѣдомо по одному письмецу отъ пріятеля про одну любопытнѣйшую вещь для себя, именно, что подполковникомъ нашимъ

недовольны, что подозрѣваютъ его не въ порядкѣ, однимъ словомъ, что враги его готовятъ ему закуску. И вирямь пріѣхалъ начальникъ дивизіи и распекъ на чемъ свѣтъ стоитъ. Затѣмъ, немного спустя велѣно въ отставку подать. Я тебѣ разсказывать не буду какъ это все вышло въ подробности, были у него враги дѣйствительно, только вдругъ въ городѣ чрезмѣрное охлажденіе къ нему и ко всей фамиліи, всѣ вдругъ точно отхлынули. Вотъ и вышла тогда первая моя штука: встрѣчаю я Агаѳью Ивановну, съ которой всегда дружбу хранилъ, и говорю: «А вѣдь у папаши казенныхъ-то денегъ четырехъ тысячъ пятисотъ рублей нѣтъ». «Что̀ вы это, почему говорите? Недавно генералъ былъ, всѣ на лицо были... Тогда были, а теперь нѣтъ». Испугалась ужасно: «не пугайте, пожалуйста, отъ кого вы слышали?» «Не безпокойтесь, говорю, никому не скажу, а вы знаете, что я на сей счетъ могила, а вотъ что хотѣлъ я вамъ только на сей счетъ тоже въ видѣ, такъ сказать, всякаго случая присовокупить: когда потребуютъ у папаши четыре-то тысячки пятьсотъ, а у него не окажется, такъ чѣмъ подъ судъ-то, а потомъ въ солдаты на старости лѣтъ угодить, пришлите мнѣ тогда лучше вашу институтку секретно, мнѣ какъ разъ деньги выслали, я ей четыре-то тысячки, пожалуй, и отвалю и въ святости секретъ сохраню». «Ахъ, какой вы, говоритъ, подлецъ! (такъ и сказала), какой вы злой, говоритъ, подлецъ! Да какъ вы смѣете!» Ушла въ негодованіи страшномъ, а я ей вслѣдъ еще разъ крикнулъ, что секретъ сохраненъ будетъ свято и нерушимо. Эти обѣ бабы, то есть Агаѳья и тетка ея, скажу впередъ, оказались во всей этой исторіи чистыми ангелами, а сестру эту, гордячку, Катю, во истину обожали, принижали себя предъ нею, горничными ея были... Только Агаѳья эту штуку, то есть разговоръ-то нашъ ей тогда и передай. Я это потомъ все какъ пять пальцевъ узналъ. Не скрыла, ну, а мнѣ, разумѣется, того было и надо.

Вдругъ пріѣзжаетъ новый майоръ принимать баталіонъ. Принимаетъ. Старый подполковникъ вдругъ заболѣваетъ, двинуться не можетъ, двое сутокъ дома сидитъ, суммы казенной не сдаетъ. Докторъ нашъ Кравченко увѣрялъ, что дѣйствительно боленъ былъ. Только я вотъ что̀ досконально зналъ по секрету и даже давно: что сумма, когда отсмотритъ ее начальство, каждый разъ послѣ того, и это уже года четыре сряду, исчезала на время. Ссужалъ ее подполковникъ вѣрнѣйшему одному человѣку, купцу нашему, старому вдовцу, Трифонову, бородачу въ золотыхъ очкахъ. Тотъ съѣздитъ на ярмарку, сдѣлаетъ какой надо ему тамъ оборотъ и возвращаетъ тотчасъ подполковнику деньги въ цѣлости, а съ тѣмъ вмѣстѣ привозитъ съ ярмарки гостинцу, а съ гостинцами и процентики. Только

въ этотъ разъ (я тогда узналъ все это совершенно случайно отъ подростка, слоняваго сынишки Трифонова, сына его и наслѣдника, развратнѣйшаго мальчишки какого свѣтъ производилъ), въ этотъ разъ, говорю, Трифоновъ, возвратясь съ ярмарки, ничего не возвратилъ. Подполковникъ бросился къ нему: Никогда я отъ васъ ничего не получалъ, да и получать не могъ ,—вотъ отвѣтъ. Ну, такъ и сидитъ нашъ подполковникъ ,дома, голову себѣ обвязалъ полотенцемъ, ему онъ всѣ три ,ьду къ темени прикладываютъ: вдругъ вѣстовой съ книгою и съ приказомъ: Сдать казенную сумму, тотчасъ-же, немедленно, черезъ ,два часа . Онъ росписался, я эту подпись въ книгѣ потомъ видѣлъ, - веталъ, сказалъ, что одѣваться въ мундиръ идетъ, прибѣжалъ въ свою спальню, взялъ ,двухстволъное охотничье свое ружье, зарядилъ, вкатилъ солдатскую пулю, снялъ съ правой ноги сапогъ, ружье уперъ въ грудь, а ногой сталъ курокъ искать. А Агаѳья уже подозрѣвала, мои тогдашнія слова запомнила, подкралась и вовремя подсмотрѣла: ворвалась, бросилась на него сзади, обняла, ружье выстрѣлило вверхъ въ потолокъ; никого не ранило: вбѣжали остальныя, схватили его, отняли ружье, за руки ,держать... Все это я потомъ узналъ ,до черты. Сидѣлъ я тогда ,дома, были сумерки, и только что хотѣлъ выходить, одѣлся, причесался, платокъ надушилъ, фуражку взялъ, какъ вдругъ отворяется дверь и - предомною, у меня на квартирѣ Катерина Ивановна.

Бываютъ-же странности: никто-то не замѣтилъ тогда на улицѣ, какъ она ко мнѣ прошла, такъ что въ городѣ такъ это и кануло. Я-же нанималъ квартиру у двухъ чиновницъ, ,древнѣйшихъ старухъ, онѣ мнѣ и прислуживали, бабы почтительныя, слушались меня во всемъ, и, по моему приказу, замолчали потомъ объ какъ чугунныя тумбы. Конечно, я все тотчасъ понялъ. Она вошла и прямо глядитъ на меня, темные глаза смотрятъ рѣшительно, ,дерзко ,даже, но въ губахъ и около губъ, вижу, есть нерѣшительность.

Мнѣ сестра сказала, что вы ,дадите четыре тысячи пятьсотъ рублей, если я приду за ними... къ вамъ сама. Я пришла... ,дайте ,деньги!.. не выдержала, задохлась, испугалась, голосъ прервался, а концы губъ и линіи около губъ задрожали. Аленка, слушаешь или спишь?

Митя, я знаю, что ты всю правду скажешь, произнесъ въ волненіи Алеша.

Ее самую и скажу. Если всю правду, то вотъ какъ было, себя не понажу. Первая мысль была- Карамазовская. Разъ, братъ, меня фаланга укусила, я ,двѣ недѣли отъ нея въ жару пролежалъ: ну такъ вотъ и теперь вдругъ за сердце, слышу, укусила фаланга. Зло-то насѣкомое, понимаешь? Обмѣрилъ я ее глазомъ. Видѣлъ ты

ее? Вѣдь красавица. Да не тѣмъ она красива тогда была. Красива была она тѣмъ, въ ту минуту, что она благородная, а я подлецъ, что она въ величіи своего великодушія и жертвы своей за отца, а я клопъ. И вотъ отъ меня, клопа и подлеца, она *вся* зависитъ, вся, вся кругомъ и съ душой и съ тѣломъ. Очерчена. Я тебѣ прямо скажу: эта мысль, мысль фаланги, до такой степени захватила мнѣ сердце, что оно чуть не истекло отъ одного томленія. Казалось-бы и борьбы не могло уже быть никакой: именно-бы поступить какъ клопу, какъ злому тарантулу, безо всякаго сожалѣнія... Перестало у меня духъ даже. Слушай: вѣдь я, разумѣется, завтра-же пріѣхалъ-бы руки просить, чтобы все это благороднѣйшимъ, такъ сказать, образомъ завершить и чтобы никто, стало быть, этого не зналъ и не могъ-бы знать. Потому что вѣдь я человѣкъ, хоть и низкихъ желаній, но честный. И вотъ вдругъ мнѣ тогда въ ту-же секунду кто-то и шепни на ухо: Да вѣдь завтра-то этакая, какъ пріѣдешь съ предложеніемъ руки, и не выйдетъ къ тебѣ, а велитъ кучеру со двора тебя вытолкать. Ославляй, дескать, по всему городу, не боюсь тебя! Взглянулъ я на тѣвицу, не совралъ мой голосъ: такъ, конечно, такъ оно и будетъ. Меня выгонятъ въ шею, по теперешнему лицу уже судить можно. Закипѣла во мнѣ злость, захотѣлось подлѣйшую, поросячью, купеческую штучку выкинуть: поглядѣть это на нее съ насмѣшкой, и тутъ-же пока стоитъ передъ тобой и огорошить ее, съ интонаціей, съ какою только кучникъ умѣетъ сказать:

— Это четыре-то тысячи! Да я пошутилъ-съ, что вы это? Слишкомъ легковѣрно, сударыня, сосчитали. Сотенки двѣ я, пожалуй, съ моимъ даже удовольствіемъ и охотою, а четыре тысячи это деньги не такія, барышня, чтобъ ихъ на такое легкомысліе кидать. Обезпокоить себя напрасно изволили.

Видишь, я-бы, конечно, все потерялъ, она-бы убѣжала, по зато инфернально, мстительно вышло-бы, всего остальнаго стоило-бы. Былъ-бы потомъ всю жизнь отъ раскаянія. Но только чтобы теперь эту штучку отмочить! Вѣришь-ли, никогда этого у меня ни съ какой не бывало, ни съ единою женщиной, чтобы въ этакую минуту я на нее глядѣлъ съ ненавистью.—И вотъ крестъ кладу: я на эту глядѣлъ тогда секунды три или пять со страшною ненавистью.— съ тою самою ненавистью, отъ которой до любви, до безумнѣйшей любви — одинъ волосокъ! Я подошелъ къ окну, прислонилъ лобъ къ мерзлому стеклу и, помню, что мнѣ лобъ обожгло льдомъ какъ огнемъ. Долго не задержалъ, не безпокоился, обернулся, подошелъ къ столу, отворилъ ящикъ и досталъ пятитысячный пятипроцентный безыменный билетъ (въ лексиконѣ французскомъ лежалъ у меня). Затѣмъ молча ей показалъ, сложилъ, отдалъ, самъ отворилъ ей дверь въ

сѣни, и, отступя шагъ, поклонился ей въ поясъ почтительнѣйшимъ, проникновеннѣйшимъ поклономъ. вѣрь тому! Она вся вздрогнула, посмотрѣла пристально секунду, страшно побѣднѣла, ну, какъ скатерть, и вдругъ, тоже ни слова не говоря, не съ порывомъ, а мягко такъ, глубоко, тихо, склонилась вся и прямо мнѣ въ ноги — лбомъ до земли, не по институтски, по русски! Вскочила и побѣжала. Когда она выбѣжала, я былъ при шпагѣ: я вынулъ шпагу и хотѣлъ-было тутъ-же заколоть себя, для чего — не знаю. Глупость была-бы страшная, конечно, но, должно быть, отъ восторга. Понимаешь-ли ты, что отъ иного восторга можно убить себя: но я не закололся, а только поцѣловалъ шпагу и вложилъ ее опять въ ножны. о чемъ, впрочемъ, могъ-бы тебѣ и не упоминать. И даже, кажется, я сейчасъ-то разсказывая объ всѣхъ борьбахъ немножко размазалъ, чтобы себя похвалить. Но пусть, пусть такъ и будетъ и чортъ дери всѣхъ шпіоновъ сердца человѣческаго! Вотъ весь мой этотъ бывшій случай съ Катериной Ивановной. Теперь, значитъ, братъ Иванъ о немъ знаетъ, да ты—и только!

Дмитрій Ѳедоровичъ всталъ, въ волненіи шагнулъ шагъ и другой, вынулъ платокъ, обтеръ со лба потъ, затѣмъ сѣлъ опять. Но не на то мѣсто, гдѣ прежде сидѣлъ, а на другое, на скамью напротивъ, у другой стѣны, такъ что Алеша долженъ былъ совсѣмъ къ нему повернуться.

V.

Исповѣдь горячаго сердца. Вверхъ пятами.

Теперь, сказалъ Алеша, я первую половину этого дѣла знаю.

— Первую половину ты понимаешь: это драма, и произошла она тамъ. Вторая-же половина есть трагедія и произойдетъ она здѣсь.

— Изо второй половины я до сихъ поръ ничего не понимаю, сказалъ Алеша.

— А я-то? Я-то развѣ понимаю?

Постой. Дмитрій, тутъ есть одно главное слово. Скажи мнѣ: вѣдь ты женихъ, женихъ и теперь?

— Женихомъ я сталъ не сейчасъ, а всего три мѣсяца лишь спустя послѣ тогдашняго-то. На другой-же день, какъ это тогда случилось, я сказалъ себѣ, что случай нечеранать и конченъ, продолженія не будетъ. Придти съ предложеніемъ руки казалось мнѣ низостью. Съ своей стороны и она всѣ шесть недѣль потомъ какъ у насъ въ городѣ прожила — ни словечкомъ о себѣ знать не дала.

Кромѣ одного, вираду, случая: на другой день послѣ ея посѣщенія пронырнула ко мнѣ ихъ горничная, и, ни слова не говоря, пакетъ передала. На пакетѣ адресъ: такому-то. Вскрываю—сдача съ билета въ 5000. Надо было всего четыре тысячи пятьсотъ, да на продажѣ пятитысячнаго билета потеря рублей въ двѣсти слишкомъ произошла. Прислала мнѣ всего двѣсти шестьдесятъ, кажется, рублей, не помню хорошенько, и только одинъ деньги,—ни записки, ни словечка, ни объясненія. Я въ пакетѣ искалъ знака какого нибудь карандашомъ—и-ничего! Что-жъ, я закутилъ пока на мои остальные рубли, такъ что и новый майоръ мнѣ выговоръ, наконецъ, принужденъ былъ сдѣлать. Ну, а подполковникъ казенную сумму сдалъ благополучно и всѣмъ на удивленіе, потому что никто уже у него денегъ въ цѣлости не предполагалъ. Сдалъ, да и захворалъ, слегъ, лежалъ недѣли три, затѣмъ, вдругъ размягченіе въ мозгу произошло и въ пять дней скончался. Похоронили съ воинскими почестями, еще не успѣлъ отставку получить. Катерина Ивановна, сестра и тетка, только что похоронивъ отца, дней черезъ десять двинулись въ Москву. И вотъ предъ отъѣздомъ только, въ самый тотъ день, когда уѣхали (я ихъ не видалъ и не провожалъ), получаю кроше чный пакетикъ, синенькій, кружевная бумажка, а на ней одна только строчка карандашомъ: Я вамъ напишу, ждите. К. . Вотъ и все.

Поясню тебѣ теперь въ двухъ словахъ. Въ Москвѣ у нихъ дѣла обернулись съ быстротою молніи и съ неожиданностью арабскихъ сказокъ. Эта генеральша, ея главная родственница, вдругъ разомъ лишается своихъ двухъ ближайшихъ наслѣдницъ, своихъ двухъ ближайшихъ племянницъ,-- обѣ на одной и той-же недѣлѣ помираютъ отъ оспы. Потрясенная старуха Катѣ обрадовалась, какъ родной дочери, какъ звѣздѣ спасенія, накинулась на нее, передѣлала тотчасъ завѣщаніе въ ея пользу, но это въ будущемъ, а пока теперь, прямо въ руки,—восемьдесятъ тысячъ. Вотъ тебѣ, молъ, приданое, дѣлай съ нимъ что хочешь. Истерическая женщина, я ее въ Москвѣ потомъ наблюдалъ. Ну, вотъ, вдругъ я тогда и получаю по почтѣ четыре тысячи пятьсотъ рублей, разумѣется, недоумѣваю и удивленъ какъ безсловесный. Три дня спустя приходитъ и обѣщанное письмо. Оно и теперь у меня, оно всегда со мной и умру я съ нимъ,—хочешь покажу? Непремѣнно прочти: предлагается въ невѣсты, сама себя предлагаетъ. Любило, дескать, безумно, пусть вы меня не любите все равно, будьте только моимъ мужемъ. Не пугайтесь—ни въ чемъ васъ стѣснять не буду, буду ваша мебель, буду тотъ коверъ, по которому вы ходите... Хочу любить васъ вѣчно, хочу спасти васъ отъ самого себя ... Алеша, я недостоинъ

даже пересказывать эти строки моими подлыми словами и моим подлым тоном. Всегдашним моим подлым тоном, от которого я никогда не могу исправиться! Пронзило это письмо меня до сегодня. и развѣ мнѣ теперь легко, развѣ мнѣ сегодня легко? Тогда я тотчас-же ей написалъ отвѣтъ (я никакъ не могъ самъ пріѣхать въ Москву). Слезами писалъ его: одного стыжусь вѣчно: упомянулъ. что она теперь богатая и съ приданымъ. а я только нищій бурбонъ.—про деньги упомянулъ! Я-бы долженъ былъ это перенести. да съ пера сорвалось. Тогда-же, тотчасъ написалъ. въ Москву. Ивану и все ему объяснилъ въ письмѣ по возможности, въ шесть листовъ письмо было. и послалъ Ивана къ ней. Что ты смотришь. что ты глядишь на меня? Ну да, Иванъ влюбился въ нее. влюблёнъ и теперь. я это знаю. я глупость сдѣлалъ, по вашему. по свѣтскому, но, можетъ быть. вотъ эта-то глупость одна теперь и спасетъ насъ всѣхъ! Ухъ! Развѣ ты не видишь. какъ она его почитаетъ. какъ она его уважаетъ? Развѣ она можетъ. сравнивъ насъ обоихъ, любить такого какъ я. да еще послѣ всего того. что здѣсь произошло?

— А я увѣренъ, что она любитъ такого какъ ты, а не такого, какъ онъ.

— Она свою добродѣтель любитъ. а не меня, невольно. но почти злобно вырвалось вдругъ у Дмитрія Ѳедоровича. Онъ засмѣялся. но черезъ секунду глаза его сверкнули, онъ весь покраснѣлъ и съ силой ударилъ кулакомъ по столу.

Клянусь, Алеша, воскликнулъ онъ со страннымъ и искреннимъ гнѣвомъ на себя, —вѣрь не вѣрь, но вотъ, какъ Богъ святъ, и что Христосъ есть Господь, клянусь, что я. хоть и усмѣхнулся сейчасъ ея высшимъ чувствамъ. но знаю, что я въ милліонъ разъ ничтожнѣе душой. чѣмъ она, и что эти лучшія чувства ея искренни какъ у небеснаго ангела! Въ томъ и трагедія. что я знаю это навѣрно. Что въ томъ, что человѣкъ канальку декламируетъ? Развѣ я не декламирую? А вѣдь искренень-же я, искренень. Что-же касается Ивана, то вѣдь я-же понимаю съ какимъ проклятіемъ долженъ онъ смотрѣть теперь на природу, да еще при его-то умѣ! Кому, чему отдано предпочтеніе? Отдано извергу, который и здѣсь. уже женихомъ будучи, и когда на него всѣ глядѣли, удержать свои дебошірства не могъ,—и это при невѣстѣ-то, при невѣстѣ-то! И вотъ такой. какъ я. предпочтенъ. а онъ отвергается. Но для чего-же? А для того. что дѣвица изъ благодарности жизнь и судьбу свою изнасиловать хочетъ! Нелѣпость! Я Ивану въ этомъ смыслѣ ничего и никогда не говорилъ. Иванъ, разумѣется, мнѣ тоже объ этомъ никогда ни полслова, ни малѣйшаго намека; но судьба свер-

шится и достойный станетъ на мѣсто, а недостойный скроется въ переулокъ на вѣки. — въ грязный свой переулокъ, въ возлюбленный и свойственный ему переулокъ, и тамъ, въ грязи и вони, погибнетъ добровольно и съ наслажденіемъ. Заврался я что-то, слова у меня всѣ взносились, точно наобумъ ставлю. но такъ какъ я опредѣлилъ, такъ тому и быть. Потону въ переулкѣ, а она выйдетъ за Ивана.

Братъ, постой, съ чрезвычайнымъ безпокойствомъ вскричалъ прервалъ Алеша. — вѣдь тутъ все-таки одно дѣло ты мнѣ до сихъ поръ не разъяснилъ: вѣдь ты женихъ, вѣдь ты все-таки женихъ? Какъ-же ты хочешь порвать, если она, невѣста, не хочетъ?

— Я женихъ, формальный и благословленный. Произошло все въ Москвѣ, по моемъ пріѣздѣ. съ парадомъ, съ образами. въ лучшемъ видѣ. Генеральша благословила и — вѣришь-ли. поздравила даже Катю: ты выбрала, говоритъ, хорошо. я вижу его насквозь. И вѣришь-ли, Ивана она не взлюбила и не поздравила. Въ Москвѣ-то я много и съ Катей переговорилъ, я ей всего себя расписалъ, благородно, въ точности, въ искренности. Все выслушала:

„Было милое смущенье,
Были нѣжныя слова“...

Ну, слова-то были и гордыя. Она вынудила у меня тогда великое обѣщаніе исправиться. Я далъ обѣщаніе. И вотъ...

— Что-же?

— И вотъ я тебя кликнулъ и перетащилъ сюда сегодня, сегодняшняго числа, — запомни! — съ тѣмъ, чтобы послать тебя, и все-таки сегодня-же, къ Катеринѣ Ивановнѣ, и...

— Что?

— Сказать ей, что я больше къ ней не приду никогда, приказалъ, дескать, кланяться.

— Да развѣ это возможно?

— Да я потому-то тебя и посылаю вмѣсто себя, что это невозможно, а то какъ-же я самъ-то ей это скажу?

— Да куда-же ты пойдешь?

— Въ переулокъ.

Такъ это къ Грушенькѣ! горестно воскликнулъ Алеша, всплеснувъ руками. — Да неужто-же Ракитинъ въ самомъ дѣлѣ правду сказалъ? А я думалъ, что ты только такъ къ ней ходилъ и кончилъ.

— Это жениху-то ходить? Да развѣ это возможно, да еще такой невѣстѣ, и на глазахъ у людей? Вѣдь честь-то у меня тоже небось. Только что я сталъ ходить къ Грушенькѣ, такъ тотчасъ-же и пересталъ быть женихомъ и честнымъ человѣкомъ. Вѣдь я не

понимаю-же. Что̀ ты смотришь? Я, видишь-ли, сперва всего пошелъ ее бить. Я узналъ и знаю теперь достовѣрно, что Грушенькѣ этой былъ этимъ штабсъ-капитаномъ, отцовскимъ повѣреннымъ, вексель на меня переданъ, чтобы взыскала, чтобъ я унялся и кончилъ. Испугать хотѣли. Я Грушеньку и двинулся бить. Видалъ я ее и прежде мелькомъ. Она не поражаетъ. Про старика купца зналъ, который теперь вдобавокъ и боленъ, разслабленъ лежитъ, но ей кушъ всетаки оставитъ знатный. Зналъ тоже, что деньгу нажить любитъ, наживаетъ, на злые проценты даетъ, пройдоха, шельма, безъ жалости. Пошелъ я бить ее, да у ней и остался. Грянула гроза, ударила чума, заразился и зараженъ доселѣ, и знаю, что ужь все кончено, что ничего другаго и никогда не будетъ. Циклъ временъ совершенъ. Вотъ мое дѣло. А тогда вдругъ какъ нарочно у меня въ карманѣ, у нищаго, очутились три тысячи. Мы отсюда съ ней въ Мокрое, это двадцать пять отсюда верстъ, цыганъ туда добылъ, цыганокъ, шампанскаго, всѣхъ мужиковъ тамъ шампанскимъ переноилъ, всѣхъ бабъ и дѣвокъ, двинулъ тысячами. Черезъ три дня голъ, но соколъ. Ты думалъ достигъ чего соколъ-то? Даже издали не показала. Я говорю тебѣ: изгибъ. У Грушеньки, шельмы, есть такой одинъ изгибъ тѣла, онъ и на ножкѣ у ней отразился, даже въ пальчикѣ-мизинчикѣ на лѣвой ножкѣ отозвался. Видѣлъ и цѣловалъ, но и только — клянусь! Говоритъ: хочешь выйду замужъ, вѣдь ты нищій. Скажи, что бить не будешь и позволишь все мнѣ дѣлать, что̀ я захочу, тогда, можетъ, и выйду, — смѣется. И теперь смѣется!

Дмитрій Ѳедоровичъ почти съ какою-то яростью поднялся съ мѣста, онъ вдругъ сталъ какъ пьяный. Глаза его вдругъ налились кровью.

— И ты въ самомъ дѣлѣ хочешь на ней жениться?

— Коль захочетъ, такъ тотчасъ-же, а не захочетъ и такъ останусь; у нея на дворѣ буду дворникомъ. Ты... ты, Алеша... остановился онъ вдругъ предъ нимъ и, схвативъ его за плечи, сталъ вдругъ съ силою трясти его: да знаешь-ли ты, невинный ты мальчикъ, что все это бредъ, немыслимый бредъ, ибо тутъ трагедія! Узнай-же, Алексѣй, что я могу быть низкимъ человѣкомъ, со страстями низкими и погибшими, но воромъ, карманнымъ воромъ, воришкой по переднимъ, Дмитрій Карамазовъ не можетъ быть никогда. Ну такъ узнай-же теперь, что я воришка, я воръ по карманамъ и по переднимъ! Какъ разъ предъ тѣмъ какъ я Грушеньку пошелъ бить, призываетъ меня въ то самое утро Катерина Ивановна, и въ ужасномъ секретѣ, чтобы покамѣстъ никто не зналъ (для чего, не знаю, видно такъ ей было нужно) проситъ меня съѣздить въ губерн-

скій городъ и тамъ по почтѣ послать три тысячи Агаѳьѣ Ивановнѣ, въ Москву, потому въ городъ, чтобы здѣсь не знали. Вотъ съ этими-то тремя тысячами въ карманѣ я и очутился тогда у Грушеньки, на нихъ и въ Мокрое съѣздили. Потомъ я сдѣлалъ видъ, что слеталъ въ городъ, но росписки почтовой ей не представилъ, сказалъ, что послалъ, росписку принесу, и до сихъ поръ не несу, забылъ-съ. Теперь, какъ ты думаешь, вотъ ты сегодня пойдешь и ей скажешь: «приказали вамъ кланяться», а она тебѣ: «А деньги?» Ты еще могъ-бы сказать ей: «это низкій сладострастникъ, и съ неудержимыми чувствами подлое существо. Онъ тогда не послалъ ваши деньги, а растратилъ, потому что удержаться не могъ, какъ низкое животное, но все-таки ты могъ-бы прибавить: зато онъ не воръ, вотъ ваши три тысячи, посылаетъ обратно, поклонъ самъ Агаѳьѣ Ивановнѣ, а самъ велѣлъ кланяться. А теперь вдругъ она: «а гдѣ деньги?»

— Митя, ты несчастенъ, да! Но все-же не столько, сколько ты думаешь,—не убивай себя отчаяніемъ, не убивай!

— А что ты думаешь, застрѣлюсь какъ не достану трехъ тысячъ отдать? Въ томъ-то и дѣло что не застрѣлюсь. Не въ силахъ теперь, потомъ, можетъ быть, а теперь я къ Грушенькѣ пойду... Пропадай мое сало!

— А у ней?

— Буду мужемъ ея, въ супруги удостоюсь, а коль придетъ любовникъ, выйду въ другую комнату. У ея пріятелей буду калоши грязныя обчищать, самоваръ раздувать, на посылкахъ бѣгать...

— Катерина Ивановна все пойметъ, торжественно проговорилъ вдругъ Алеша,—пойметъ всю глубину во всемъ этомъ горѣ и примирится. У нея высшій умъ, потому что нельзя быть несчастнѣе тебя, она увидитъ сама.

— Не помирится она со всѣмъ, осклабился Митя.—Тутъ, братъ, есть нѣчто, съ чѣмъ нельзя никакой женщинѣ примириться. А знаешь что всего лучше сдѣлать?

— Что?

— Три тысячи ей отдать.

— Гдѣ-же взять-то? Слушай, у меня есть двѣ тысячи, Иванъ дастъ тоже тысячу, вотъ и три, возьми и отдай.

— А когда онъ прибудутъ, твои три тысячи? Ты еще и несовершеннолѣтній вдобавокъ, а надо непремѣнно, непремѣнно, чтобы ты сегодня уже ей откланялся, съ деньгами или безъ денегъ, потому что я дальше тянуть не могу, дѣло на такой точкѣ стало. Завтра уже поздно, поздно. Я тебя къ отцу пошлю.

— Къ отцу?

— Да, къ отцу прежде нея. У него три тысячи и спроси.

— Да вѣдь онъ, Митя, не дастъ.

Еще-бы далъ, знаю, что не дастъ. Знаешь ты, Алексѣй, что значитъ отчаяніе?

— Знаю.

Слушай: юридически онъ мнѣ ничего не долженъ. Все я у него выбралъ, все, я это знаю. Но вѣдь нравственно-то долженъ онъ мнѣ, такъ или не такъ? Вѣдь онъ съ материныхъ двадцати восьми тысячъ пошелъ и сто тысячъ нажилъ. Пусть онъ мнѣ дастъ только три тысячи изъ двадцати восьми, только три, и душу мою изъ ада извлечетъ, и зачтется это ему за многіе грѣхи! Я-же на этихъ трехъ тысячахъ, вотъ тебѣ великое слово, покончу, и не услышитъ онъ ничего обо мнѣ болѣе вовсе. Въ послѣдній разъ случай ему даю быть отцомъ. Скажи ему, что самъ Богъ ему этотъ случай посылаетъ.

— Митя, онъ ни за что̀ не дастъ.

Знаю, что не дастъ. въ совершенствѣ знаю. А теперь особенно. Мало того, я вотъ что̀ еще знаю: теперь, на дняхъ только, всего только, можетъ быть, вчера, онъ въ первый разъ узналъ *серіозно* (подчеркни серіозно), что Грушенька-то въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть, не шутитъ и за меня замужъ захочетъ прыгнуть. Знаетъ онъ этотъ характеръ, знаетъ эту кошку. Ну, такъ неужто-жъ онъ мнѣ вдобавокъ и деньги дастъ, чтобъ этакому случаю способствовать, тогда какъ самъ онъ отъ нея безъ памяти? Но и этого еще мало, я еще больше тебѣ могу привесть: я знаю, что у него ужъ дней пять какъ вынуты три тысячи рублей, размѣнены въ сотенныя кредитки и упакованы въ большой пакетъ, подъ пятью печатями, а сверху красною тесемочкой накрестъ перевязаны. Видишь какъ подробно знаю! На пакетѣ-же надписано: Ангелу моему, Грушенькѣ, коли захочетъ придти, самъ нацарапалъ, въ тишинѣ и въ тайнѣ, и никто-то не знаетъ, что у него деньги лежатъ, кромѣ лакея Смердякова, въ честность котораго онъ вѣритъ какъ въ себя самого. Вотъ онъ ужъ третій аль четвертый день Грушеньку ждетъ, надѣется, что придетъ за пакетомъ, далъ онъ ей знать, а та знать дала, что, можетъ-де и приду. Такъ вѣдь, если она придетъ къ старику, развѣ я могу тогда жениться на ней? Понимаешь теперь зачѣмъ, значитъ, я здѣсь на секретѣ сижу и что̀ именно сторожу?

— Ее?

Ее. У этихъ нынѣшнихъ хозяекъ, нанимаетъ каморку Ѳома. Ѳома изъ нашихъ мѣстъ, нашъ бывшій солдатъ. Онъ у нихъ прислуживаетъ, ночью сторожитъ, а днемъ тетеревей ходитъ стрѣлять, да тѣмъ и живетъ. Я у него тутъ и засѣлъ; ни ему, ни хозяйкамъ, секретъ неизвѣстенъ, то есть что̀ я здѣсь сторожу.

— Одинъ Смердяковъ знаетъ?

— Онъ одинъ. Онъ мнѣ и знать дастъ, коль та къ старику придетъ.

— Это онъ тебѣ про пакетъ разсказалъ?

— Онъ. Величайшій секретъ. Даже Иванъ не знаетъ ни о деньгахъ, ни о чемъ. А старикъ Ивана въ Черманню посылаетъ на два, на три дня прокатиться: объявился покупщикъ на рощу, срубить ее за восемь тысячъ. вотъ и упрашиваетъ старикъ Ивана: помоги, дескать, съѣзди самъ денька на два, на три, значитъ. Это онъ хочетъ, чтобы Грушенька безъ него пришла.

— Стало быть, онъ и сегодня ждетъ Грушеньку?

— Нѣтъ, сегодня она не придетъ, есть примѣты. Навѣрно не придетъ! крикнулъ вдругъ Митя. - Такъ и Смердяковъ полагаетъ. Отецъ теперь пьянствуетъ, сидитъ за столомъ съ братомъ Иваномъ. Сходи, Алексѣй, спроси у него эти три тысячи...

— Митя, милый, что съ тобой! воскликнулъ Алеша, вскакивая съ мѣста и всматриваясь въ изступленнаго Дмитрія Ѳедоровича. Одно мгновеніе онъ думалъ, что тотъ помѣшался.

- Что ты? Я не помѣшанъ въ умѣ, пристально и даже какъ-то торжественно смотря, произнесъ Дмитрій Ѳедоровичъ. — Не бось. я тебя посылаю къ отцу и знаю что говорю: я чуду вѣрю.

Чуду?

— Чуду Промысла Божьяго. Богу извѣстно мое сердце. Онъ видитъ все мое отчаяніе. Онъ всю эту картину видитъ. Неужели онъ попуститъ совершиться ужасу? Алеша, я чуду вѣрю, иди!

— Я пойду. Скажи, ты здѣсь будешь ждать?

— Буду, понимаю. что не скоро, что нельзя этакъ придти и прямо бухъ! Онъ теперь пьянъ. Буду ждать и три часа. и четыре, и пять, и шесть. и семь, но только знай. что сегодня. хотя-бы даже въ полночь. ты явишься къ Катеринѣ Ивановнѣ, *съ деньгами или безъ денегъ*. и скажешь: велѣлъ вамъ кланяться. Я именно хочу, чтобы ты этотъ стихъ сказалъ: велѣлъ. дескать. кланяться».

— Митя! А вдругъ Грушенька придетъ сегодня... не сегодня. такъ завтра, аль послѣзавтра?

— Грушенька? Подсмотрю, ворвусь и помѣшаю...

— А если...

— А коль если, такъ убью. Такъ не переживу.

— Кого убьешь?

— Старшка. Ее не убью.

— Братъ, что ты говоришь!

— Я вѣдь не знаю, не знаю... Можетъ быть, не убью, а, мо-

жетъ, убью. Боюсь, что ненавистенъ онъ вдругъ мнѣ станетъ своимъ лицомъ въ ту самую минуту. Ненавижу я его кадыкъ, его носъ, его глаза, его безстыжую насмѣшку. Личное омерзеніе чувствую. Вотъ этого боюсь. Вотъ и не удержусь...

— Я пойду, Митя. Я вѣрю, что Богъ устроитъ какъ знаетъ лучше, чтобы не было ужаса.

— А я буду сидѣть и чуда ждать. Но если не свершится, то...

Алеша, задумчивый, направился къ отцу.

VI.

Смердяковъ.

нъ и вправду засталъ еще отца за столомъ. Столъ-же былъ по всегдашнему обыкновенію накрытъ въ залѣ, хотя въ домѣ находилась и настоящая столовая. Эта зала была самая большая въ домѣ комната, съ какою-то старинною претензіей меблированная. Мебель была древнѣйшая, бѣлая, съ красною, ветхою, полушелковою обивкой. Въ простѣнкахъ между оконъ вставлены были зеркала въ вычурныхъ рамахъ старинной рѣзьбы, тоже бѣлыхъ съ золотомъ. На стѣнахъ, обитыхъ бѣлыми бумажными и во многихъ мѣстахъ уже треснувшими обоями, красовались два большіе портрета,— одного какого-то князя, лѣтъ тридцать назадъ бывшаго генералъ-губернаторомъ мѣстнаго края, и какого-то архіерея, давно уже тоже почившаго. Въ переднемъ углу помѣщалось нѣсколько иконъ, предъ которыми на ночь зажигалась лампадка... не столько изъ благоговѣнія, сколько для того, чтобы комната на ночь была освѣщена. Ѳедоръ Павловичъ ложился по ночамъ очень поздно, часа въ три, въ четыре утра, а до тѣхъ поръ все, бывало, ходитъ по комнатѣ или сидитъ въ креслахъ и думаетъ. Такую привычку сдѣлалъ. Ночевалъ онъ нерѣдко совсѣмъ одинъ въ домѣ, отсылая слугъ во флигель, но большею частью съ нимъ оставался по ночамъ слуга Смердяковъ, спавшій въ передней на залавкѣ. Когда вошелъ Алеша, весь обѣдъ былъ уже покончен, но подано было варенье и кофе. Ѳедоръ Павловичъ любилъ послѣ обѣда сладости съ коньячкомъ. Иванъ Ѳедоровичъ находился тутъ-же за столомъ и тоже кушалъ кофе. Слуги, Григорій и Смердяковъ, стояли у стола. И господа, и слуги были въ видимомъ и необыкновенно веселомъ одушевленіи. Ѳедоръ Павловичъ громко хохоталъ и смѣялся; Алеша еще изъ сѣней услышалъ его визгливый, столь знакомый ему прежде смѣхъ,

и тотчасъ-же заключилъ, по звукамъ смѣха, что отецъ еще далеко не пьянъ, а пока лишь всего благодушествуетъ.

— Вотъ и онъ, вотъ и онъ! завопилъ Ѳедоръ Павловичъ, вдругъ страшно обрадовавшись Алешѣ. — Присоединяйся къ намъ, садись, кофейку,—постный, вѣдь, постный, да горячій, да славный! Коньячку не приглашаю, ты постникъ, а хочешь, хочешь? Нѣтъ, я лучше тебѣ ликерцу дамъ, знатный! — Смердяковъ, сходи въ шкафъ, на второй полкѣ направо, вотъ ключи, живѣй!

Алеша сталъ было отъ ликера отказываться.

— Все равно подадутъ, не для тебя, такъ для насъ, сѣялъ Ѳедоръ Павловичъ. Да постой, ты обѣдалъ аль нѣтъ?

— Обѣдалъ, сказалъ Алеша, съѣвшій, по правдѣ, всего только ломоть хлѣба и выпившій стаканъ квасу на игуменской кухнѣ. — Вотъ я кофе горячаго выпью съ охотой.

— Милый! Молодецъ! Онъ кофейку выпьетъ. Не подогрѣть-ли? Да нѣтъ, и теперь кипитъ. Кофе знатный, Смердяковскій. На кофе да на кулебяки Смердяковъ у меня артистъ, да на уху еще, правда. Когда нибудь на уху приходи, заранѣе дай знать... Да постой, постой, вѣдь я тебѣ давеча совсѣмъ велѣлъ сегодня-же переселиться съ тюфякомъ и подушками? Тюфякъ-то притащилъ? хе-хе-хе!..

— Нѣтъ, не принесъ, усмѣхнулся и Алеша.

— А, испугался, испугался-таки давеча, испугался? Ахъ ты, голубчикъ, да я-ль тебя обидѣть могу. Слушай, Иванъ, не могу я видѣть какъ онъ этакъ смотритъ въ глаза и смѣется, не могу. Утроба у меня вся начинаетъ на него смѣяться, люблю его! Алешка, дай я тебѣ благословеніе родительское дамъ.

Алеша всталъ, но Ѳедоръ Павловичъ успѣлъ одуматься.

— Нѣтъ, нѣтъ, я только теперь перекрещу тебя, вотъ такъ, садись. Ну, теперь тебѣ удовольствіе будетъ, и именно на твою тему. Насмѣешься. У насъ Валаамова ослица заговорила, да какъ говорить-то, какъ говорить!

Валаамовою ослицей оказался лакей Смердяковъ. Человѣкъ еще молодой, всего лѣтъ двадцати-четырехъ, онъ былъ страшно нелюдимъ и молчаливъ. Не то чтобы дикъ или чего нибудь стыдился, нѣтъ, характеромъ онъ былъ, напротивъ, надменъ и какъ будто всѣхъ презиралъ. Но вотъ и нельзя миновать, чтобы не сказать о немъ хотя двухъ словъ, и именно теперь. Воспитали его Марѳа Игнатьевна и Григорій Васильевичъ, но мальчикъ росъ безо всякой благодарности, какъ выражался о немъ Григорій, мальчикомъ дикимъ и смотря на свѣтъ изъ угла. Въ дѣтствѣ онъ очень любилъ вѣшать кошекъ и потомъ хоронить ихъ съ церемоніей. Онъ надѣвалъ для этого простыню, что составляло въ родѣ какъ-бы ризы,

и ѣлъ и махалъ чѣмъ нибудь надъ мертвою кошкой, какъ будто кадилъ. Все это потихоньку, въ величайшей тайнѣ. Григорій поймалъ его однажды на этомъ упражненіи и больно наказалъ розгой. Тотъ ушелъ въ уголъ и косился оттуда съ недѣлю. — Не любитъ онъ насъ съ тобой, этотъ извергъ, — говорилъ Григорій Марѳѣ Игнатьевнѣ, — да и никого не любитъ. Ты развѣ человѣкъ, — обращался онъ вдругъ прямо къ Смердякову, — ты не человѣкъ, ты изъ банной мокроты завелся, вотъ ты кто ... Смердяковъ, какъ оказалось впослѣдствіи, никогда не могъ простить ему этихъ словъ. Григорій выучилъ его грамотѣ и, когда минуло ему лѣтъ двѣнадцать, сталъ учить Священной Исторіи. Но дѣло кончилось тотчасъ-же ничѣмъ. Какъ-то однажды, всего только на второмъ или на третьемъ урокѣ, мальчикъ вдругъ усмѣхнулся.

— Чего ты? спросилъ Григорій, грозно выглядывая на него изъ-подъ очковъ.

Ничего-съ. Свѣтъ создалъ Господь Богъ въ первый день, а солнце, луну и звѣзды на четвертый день. Откуда-же свѣтъ-то сіялъ въ первый день?

Григорій остолбенѣлъ. Мальчикъ пасмѣшливо глядѣлъ на учителя. Даже было во взглядѣ его что-то высокомѣрное. Григорій не выдержалъ. — А вотъ откуда! — крикнулъ онъ и неистово ударилъ ученика по щекѣ. Мальчикъ вынесъ пощечину, не возразивъ ни слова, но забился опять въ уголъ на нѣсколько дней. Какъ разъ случилось такъ, что черезъ недѣлю у него объявилась падучая болѣзнь въ первый разъ въ жизни, не покидавшая его потомъ во всю жизнь. Узнавъ объ этомъ, Ѳедоръ Павловичъ какъ будто вдругъ измѣнилъ на мальчика свой взглядъ. Прежде онъ какъ-то равнодушно глядѣлъ на него, хотя никогда не бранилъ и, встрѣчая, всегда давалъ конфетку. Въ благодушномъ настроеніи иногда посылалъ со стола мальчишкѣ чего нибудь сладенькаго. Но тутъ, узнавъ о болѣзни, рѣшительно сталъ о немъ заботиться, пригласилъ доктора, сталъ было лѣчить, но оказалось, что вылѣчить невозможно. Среднимъ числомъ припадки приходили по разу въ мѣсяцъ и въ разные сроки. Припадки тоже бывали разной силы, — иные легкіе, другіе очень жестокіе. Ѳедоръ Павловичъ запретилъ настрожайше Григорію наказывать мальчишку тѣлесно и сталъ пускать его къ себѣ на верхъ. Учить его чему-бы то ни было тоже пока запретилъ. Но разъ, когда мальчику было уже лѣтъ пятнадцать, замѣтилъ Ѳедоръ Павловичъ, что тотъ бродитъ около шкафа съ книгами, и сквозь стекло читаетъ ихъ названія. У Ѳедора Павловича водилось книгъ довольно, томовъ сотня слишкомъ, но никто никогда не видалъ его самого за книгой. Онъ тотчасъ-же передалъ ключъ отъ шкафа Смердякову: — Ну, и

читай, будешь библіотекаремъ, чѣмъ по двору шляться, садись да читай. Вотъ прочти эту,—и Ѳедоръ Павловичъ вынулъ ему *Вечера на хуторѣ близъ Диканьки*.

Малый прочелъ, но остался недоволенъ, ни разу не усмѣхнулся, напротивъ, кончилъ нахмурившись.

— Что-жъ? Не смѣшно? спросилъ Ѳедоръ Павловичъ.

Смердяковъ молчалъ.

— Отвѣчай, дуракъ.

— Про неправду все написано, ухмыляясь, пробормоталъ Смердяковъ.

Ну, и убирайся къ чорту, лакейская ты душа. Стой, вотъ тебѣ *Всеобщая Исторія* Смарагдова, тутъ ужъ все правда, читай.

Но Смердяковъ не прочелъ и десяти страницъ изъ Смарагдова, показалось скучно. Такъ и закрылся опять шкафъ съ книгами. Въ скорости Марѳа и Григорій доложили Ѳедору Павловичу, что въ Смердяковѣ мало по малу проявилась вдругъ ужасная какая-то брезгливость: сидитъ за супомъ, возьметъ ложку и ищетъ-ищетъ въ суиѣ, нагибается, высматриваетъ, почернѣетъ ложку и подыметъ на свѣтъ.

— Тараканъ, что-ли? спроситъ, бывало, Григорій.

— Муха, можетъ, замѣтитъ Марѳа.

Чистоплотный юноша никогда не отвѣчалъ, но и съ хлѣбомъ, и съ мясомъ, и со всѣми кушаньями оказалось тоже самое: подыметъ, бывало, кусокъ на вилкѣ на свѣтъ, разсматриваетъ точно въ микроскопъ, долго, бывало, рѣшается и, наконецъ-то, рѣшится въ ротъ отправить. Вишь барченокъ какой объявился, бормоталъ на него глядя Григорій. Ѳедоръ Павловичъ, услышавъ о новомъ качествѣ Смердякова, рѣшилъ немедленно, что быть ему поваромъ и отдалъ его въ ученье въ Москву. Въ ученьи онъ пробылъ нѣсколько лѣтъ и воротился сильно перемѣнившись лицомъ. Онъ вдругъ какъ-то необычайно постарѣлъ, совсѣмъ даже не соразмѣрно съ возрастомъ, сморщился, пожелтѣлъ, сталъ походить на скопца. Нравственно-же воротился почти тѣмъ-же самымъ какъ и до отъѣзда въ Москву: все также былъ нелюдимъ и ни въ чьемъ обществѣ не ощущалъ ни малѣйшей надобности. Онъ и въ Москвѣ, какъ передавали потомъ, все молчалъ: сама-же Москва его какъ-то чрезвычайно мало заинтересовала, такъ что онъ узналъ въ ней развѣ кое-что, на все остальное и вниманія не обратилъ. Былъ даже разъ въ театрѣ, но молча и съ неудовольствіемъ воротился. Зато прибылъ къ намъ изъ Москвы въ хорошемъ платьѣ, въ чистомъ сюртукѣ и бѣльѣ, очень тщательно вычищалъ самъ щеткой свое платье неизмѣнно по два раза въ день, а сапоги свои опойковые, щегольскіе, ужасно любилъ чистить особенною англійскою ваксой такъ, чтобы они сверкали какъ зеркало.

Поваромъ онъ оказался превосходнымъ. Ѳедоръ Павловичъ положилъ ему жалованье и это жалованье Смердяковъ употреблялъ чуть не въ цѣлости на платье, на помаду, на духи и проч. Но женскій полъ онъ, кажется, также презиралъ какъ и мужской, держалъ себя съ нимъ степенно, почти недоступно. Ѳедоръ Павловичъ сталъ поглядывать на него и съ нѣкоторой другой точки зрѣнія. Дѣло въ томъ, что припадки его падучей болѣзни усилились, и въ тѣ дни купанье готовилось уже Марфой Игнатьевной, что было Ѳедору Павловичу вовсе не на руку.

Съ чего у тебя припадки-то чаще? коснулся онъ иногда нова́го повара, всматриваясь въ его лицо.—Хоть-бы ты женился на какой нибудь, хочешь, женю?..

Но Смердяковъ на эти рѣчи только болѣзнѣлъ отъ досады, но ничего не отвѣчалъ. Ѳедоръ Павловичъ отходилъ, махнувъ рукой. Главное, въ честности его онъ былъ увѣренъ и это разъ навсегда, въ томъ, что онъ не возьметъ ничего и не украдетъ. Разъ случилось, что Ѳедоръ Павловичъ, пьяненькій, обронилъ на собственномъ дворѣ, въ грязи, три радужныя бумажки, которыя только что получилъ, и хватился ихъ на другой только день: только что бросился искать по карманамъ, а радужныя вдругъ уже лежатъ у него всѣ три на столѣ. Откуда? Смердяковъ поднялъ и еще вчера принесъ.

Ну, братъ, я такихъ какъ ты не видывалъ —отрѣзалъ тогда Ѳедоръ Павловичъ и подарилъ ему десять рублей. Надо прибавить, что не только въ честности его онъ былъ увѣренъ, но почему-то даже и любилъ его, хотя малый и на него глядѣлъ также косо, какъ и на другихъ, и все молчалъ. Рѣдко, бывало, заговоритъ. Если-бы въ то время кому нибудь вздумалось спросить, глядя на него: чѣмъ этотъ парень интересуется и что всего чаще у него на умѣ, то, право, невозможно было бы рѣшить это, на него глядя. А между тѣмъ, онъ иногда въ домѣ-же, али хоть на дворѣ или на улицѣ, случалось, останавливался. Задумывался и стоялъ такъ по десятку даже минутъ. Физіономистъ, вглядѣвшись въ него, сказалъ-бы, что тутъ ни думы, ни мысли нѣтъ, а такое-то созерцаніе. У живописца Крамскаго есть одна замѣчательная картина, подъ названіемъ *Созерцатель:* изображенъ лѣсъ зимой, и въ лѣсу, на дорогѣ, въ оборванномъ кафтанишкѣ и лаптишкахъ стоитъ одинъ-одинешенекъ, въ глубочайшемъ уединеніи, забредшій мужичекъ, стоитъ и какъ-бы задумался, но онъ не думаетъ, а что-то созерцаетъ . Если-бъ его толкнуть, онъ вздрогнулъ-бы и посмотрѣлъ на васъ точно проснувшись, но ничего не понимая. Правда, сейчасъ-бы и очнулся, а спросили-бы его о чемъ онъ это стоялъ и думалъ, то навѣрно-бы ничего не припомнилъ, но зато навѣрно-бы затаилъ въ себѣ то вне-

чатлѣніе, подъ которымъ находился во время своего созерцанія. Впечатлѣнія-же эти ему дороги и онъ навѣрно ихъ копитъ, непримѣтно и даже не сознавая. —для чего и зачѣмъ, конечно, тоже не знаетъ: можетъ, вдругъ, накопивъ впечатлѣній за многіе годы, броситъ все и уйдетъ въ Іерусалимъ, скитаться и спасаться, а, можетъ, и село родное вдругъ спалитъ. а, можетъ быть, случится и то и другое вмѣстѣ. Созерцателей въ народѣ довольно. Вотъ однимъ изъ такихъ созерцателей былъ навѣрно и Смердяковъ, и навѣрно тоже копилъ впечатлѣнія свои съ жадностью, почти самъ еще не зная зачѣмъ.

VII.

Контроверза.

О Валаамова ослица вдругъ заговорила. Тема случилась странная: Григорій, по утру, забирая въ лавкѣ у купца Лукьянова товаръ, услышалъ отъ него объ одномъ русскомъ солдатѣ, что тотъ, гдѣ-то далеко на границѣ, у азіятовъ, попавъ къ нимъ въ плѣнъ и будучи принуждаемъ ими подъ страхомъ мучительной и немедленной смерти отказаться отъ христіанства и перейдти въ исламъ, не согласился измѣнить своей вѣрѣ и принялъ муки, далъ содрать съ себя кожу и умеръ, славя и хваля Христа, —о каковомъ подвигѣ и было напечатано какъ разъ въ полученной въ тотъ день газетѣ. Объ этомъ вотъ и заговорилъ за столомъ Григорій. Ѳедоръ Павловичъ любилъ и прежде, каждый разъ послѣ стола, за десертомъ, посмѣяться и поговорить хотя-бы даже съ Григоріемъ. Въ этотъ-же разъ былъ въ легкомъ и пріятно раскидывающемся настроеніи. Попивая коньячокъ и выслушавъ сообщенное извѣстіе, онъ замѣтилъ, что такого солдата слѣдовало-бы произвести сейчасъ-же во святые. и снятую кожу его препроводить въ какой нибудь монастырь: То-то народу повалитъ и денегъ. Григорій поморщился, видя. что Ѳедоръ Павловичъ нисколько не умилился, а по всегдашней привычкѣ своей начинаетъ кощунствовать. Какъ вдругъ Смердяковъ, стоявшій у двери, усмѣхнулся. Смердяковъ весьма часто и прежде допускался стоять у стола, то есть подъ конецъ обѣда. Съ самаго-же прибытія въ нашъ городъ Ивана Ѳедоровича сталъ являться къ обѣду почти каждый разъ.

— Ты чего? спросилъ Ѳедоръ Павловичъ, мигомъ замѣтивъ усмѣшку и поняв, конечно, что относится она къ Григорію.

А я на счетъ того-съ, заговорилъ вдругъ громко и неожиданно Смердяковъ,—что если этого похвальнаго солдата подвигъ былъ

и очень великъ-съ, то никакого онять-таки, по моему, не было-бы грѣха и въ томъ, если-бъ и отказаться при этой случайности отъ Христова, примѣрно, имени и отъ собственнаго крещенія своего, чтобы спасти тѣмъ самымъ свою жизнь для добрыхъ дѣлъ, коими въ теченіе лѣтъ и искупить малодушіе.

— Это какъ-же не будетъ грѣха? Врешь, за это тебя прямо въ адъ и тамъ какъ баранину поджаривать станутъ, подхватилъ Ѳедоръ Павловичъ.

И вотъ тутъ-то и вошелъ Алеша. Ѳедоръ Павловичъ, какъ мы видѣли, ужасно обрадовался Алешѣ.

— На твою тему, на твою тему! радостно хихикалъ онъ, усаживая Алешу слушать.

— На счетъ баранины это не такъ-съ, да и ничего тамъ за это не будетъ-съ, да и не должно быть такого, если по всей справедливости, солидно замѣтилъ Смердяковъ.

— Какъ такъ по всей справедливости, крикнулъ еще веселѣй Ѳедоръ Павловичъ, подталкивая колѣномъ Алешу.

— Подлецъ онъ, вотъ онъ кто! вырвалось вдругъ у Григорія. Гнѣвно посмотрѣлъ онъ Смердякову прямо въ глаза.

— На счетъ подлеца повремените-съ, Григорій Васильевичъ, спокойно и сдержанно отразилъ Смердяковъ, а лучше разсудите сами, что разъ я попалъ къ мучителямъ рода христіанскаго въ плѣнъ и требуютъ они отъ меня имя Божіе проклясть и отъ святаго крещенія своего отказаться, то я вполнѣ уполномоченъ въ томъ собственнымъ разсудкомъ, ибо никакого тутъ и грѣха не будетъ.

— Да ты ужь это говорилъ, ты не расписывай, а докажи! крикнулъ Ѳедоръ Павловичъ.

— Бульйонщикъ! процедилъ Григорій презрительно.

— На счетъ бульйонщика тоже повремените-съ, а, не ругаясь, разсудите сами, Григорій Васильевичъ. Ибо едва только я скажу мучителямъ: Нѣтъ, я не христіанинъ и истиннаго Бога моего проклинаю, какъ тотчасъ-же я самымъ высшимъ Божьимъ судомъ немедленно и спеціально становлюсь анаѳема проклятъ и отъ церкви святой отлученъ, совершенно какъ-бы иноязычникомъ, такъ даже, что въ тотъ-же мигъ-съ,—не то что какъ только произнесу, а только что помыслю произнести, такъ что даже самой четверти секунды тутъ не пройдетъ-съ, какъ я отлученъ, такъ или не такъ, Григорій Васильевичъ?

Онъ съ видимымъ удовольствіемъ обращался къ Григорію, отвѣчая въ сущности на одни лишь вопросы Ѳедора Павловича и очень хорошо понимая это, но нарочно дѣлая видъ, что вопросы эти какъ будто задаетъ ему Григорій.

— Иванъ! крикнулъ вдругъ Ѳедоръ Павловичъ.—напишь ко мнѣ къ самому уху. Это онъ для тебя все это устроилъ, хочетъ чтобы ты его похвалилъ. Ты похвали.

Иванъ Ѳедоровичъ выслушалъ совершенно серіозно восторженное сообщеніе папаши.

— Стой, Смердяковъ, помолчи на время, крикнулъ опять Ѳедоръ Павловичъ:—Иванъ, опять ко мнѣ къ самому уху напишь.

Иванъ Ѳедоровичъ вновь съ самымъ серіознѣйшимъ видомъ нагнулся.

— Люблю тебя также какъ и Алешку. Ты не думай, что я тебя не люблю. Коньячку?

— Дайте. Однако самъ-то ты порядочно нагрузился , пристально поглядѣлъ на отца Иванъ Ѳедоровичъ. Смердякова-же онъ наблюдалъ съ чрезвычайнымъ любопытствомъ.

— Анаѳема ты проклятъ и теперь, разразился вдругъ Григорій, — и какъ-же ты послѣ того, подлецъ, разсуждать смѣешь, если...

— Не бранись, Григорій, не бранись! прервалъ Ѳедоръ Павловичъ.

— Вы переждите, Григорій Васильевичъ, хотя-бы самое даже малое время-съ, и прослушайте дальше, потому что я всего не окончилъ. Потому, въ самое то время, какъ я Богомъ стану немедленно проклять-съ, въ самый, тотъ самый высшій моментъ-съ, я уже сталъ все равно какъ-бы иноязычникомъ, и крещеніе мое съ меня снимается и ни во что вмѣняется,—такъ-ли хоть это-съ?

— Заключай, братъ, скорѣй, заключай, поторопилъ Ѳедоръ Павловичъ съ наслажденіемъ хлебнувъ изъ рюмки.

— А коли я ужь не христіанинъ, то, значитъ, я и не солгалъ мучителямъ, когда они спрашивали: Христіанинъ я или не христіанинъ , ибо я уже былъ самимъ Богомъ совлеченъ моего христіанства, по причинѣ одного лишь замысла, и прежде чѣмъ даже слово успѣлъ мое молвить мучителямъ. А коли я уже разжалованъ, то какимъ-же манеромъ и по какой справедливости станутъ спрашивать съ меня на томъ свѣтѣ, какъ съ христіанина, за то что я отрекся Христа, тогда какъ я за помышленіе только одно, еще до отреченія, былъ уже крещенія моего совлеченъ? Коли я ужь не христіанинъ, значитъ, я и не могу отъ Христа отречься, ибо не отъ чего тогда мнѣ и отрекаться будетъ. Съ татарина поганаго кто-же станетъ спрашивать, Григорій Васильевичъ, хотя-бы и въ небесахъ, за то что онъ не христіаниномъ родился, и кто-же станетъ его за это наказывать, разсуждая, что съ одного вола двухъ шкуръ не деруть. Да и самъ Богъ Вседержитель съ татарина если

и будетъ спрашивать, когда тотъ помретъ, то полагаю какимъ нибудь самымъ малымъ наказаніемъ (такъ какъ нельзя-же совсѣмъ не наказать его), разсудивъ, что вѣдь не повинетъ-же онъ въ томъ, если отъ поганыхъ родителей поганымъ на свѣтъ произошелъ. Не можетъ-же Господь Богъ насильно взять татарина и говорить про него, что и онъ былъ христіаниномъ? Вѣдь значило-бы тогда, что Господь Вседержитель скажетъ сущую неправду. А развѣ можетъ Господь Вседержитель неба и земли произнести ложь, хотя-бы въ одномъ только какомъ нибудь словѣ-съ?

Григорій остолбенѣлъ и смотрѣлъ на оратора, выпучивъ глаза. Онъ хоть и не понималъ хорошо что̀ говорятъ, но что-то изъ всей этой дребедени вдругъ понялъ, и остановился съ видомъ человѣка вдругъ стукнувшагося лбомъ объ стѣну. Ѳедоръ Павловичъ допилъ рюмку и залился визгливымъ смѣхомъ.

— Аленка, Аленка, каково! Ахъ ты казуистъ! Это онъ былъ у іезуитовъ гдѣ нибудь, Иванъ. Ахъ ты іезуитъ смердящій, да кто-же тебя научилъ? Но только ты врешь, казуистъ, врешь, врешь и врешь. Не плачь, Григорій, мы его сею-же минутой разобьемъ въ дымъ и прахъ. Ты мнѣ вотъ что скажи, ослица: пусть ты предъ мучителями правъ, но вѣдь ты самъ-то въ себѣ все-же отрекся отъ вѣры своей и самъ-же говоришь, что въ тотъ-же часъ былъ анаѳема проклятъ, а коли разъ ужъ анаѳема, такъ тебя за эту анаѳему по головкѣ въ аду не погладятъ. Объ этомъ ты какъ полагаешь, іезуитъ ты мой прекрасный?

Это сумнѣнія нѣтъ-съ, что самъ въ себѣ я отрекся, а все-же никакого и тутъ спеціально грѣха не было-съ, а коли былъ грѣшокъ, то самый обыкновенный весьма-съ.

— Какъ такъ обыкновенный весьма-съ!

— Врешь, пр-р-роклятый, прошипѣлъ Григорій.

Разсудите сами, Григорій Васильевичъ, —ровно и степенно, сознавая побѣду, но какъ-бы и великодушничая съ разбитымъ противникомъ, продолжалъ Смердяковъ, разсудите сами, Григорій Васильевичъ: вѣдь сказано-же въ Писаніи, что коли имѣете вѣру хотя-бы на самое малое даже зерно и притомъ скажете сей горѣ, чтобы съѣхала въ море, то и съѣдетъ, ни мало не медля, по первому-же вашему приказанію. Что̀-же, Григорій Васильевичъ, коли я не вѣрующій, а вы столь вѣрующій, что меня безпрерывно даже ругаете, то попробуйте сами-съ сказать сей горѣ, чтобы не то чтобы въ море (потому что до моря отсюда далеко-съ), но даже хоть въ рѣчку нашу вонючую съѣхала, вотъ что̀ у насъ за садомъ течетъ, то и увидите сами въ тотъ-же моментъ, что ничего не съѣдетъ-съ, а все останется въ прежнемъ порядкѣ и цѣлости, сколько-бы вы

ни крича́л-ся. А это означаетъ, что и вы не вѣруете, Григо́рій Васи́льевичъ, надлежащимъ манеромъ, а лишь другихъ зато всячески ругаете. Опять таки и то взя́мши, что никто въ наше время, не только вы-ся, но и рѣши́тельно никто, начиная съ самыхъ даже высокихъ лицъ до самаго послѣдняго мужика-ся, не смо́жетъ сихнуть горы въ море, кромѣ развѣ какого нибудь одного человѣка на всей землѣ, много — двухъ, да и то, можетъ, гдѣ нибудь тамъ въ пустынѣ стинетской въ секретѣ спасаются, такъ что ихъ и не найдешь вовсе, — то коли такъ-ся, коли всѣ остальные выходятъ невѣрующіе, то неуже́ли-же всѣхъ сихъ остальныхъ, то есть населе́ніе всей земли-ся, кромѣ какихъ нибудь тѣхъ двухъ пустынниковъ, проклянетъ Господь и при милосе́рдіи Своемъ, столь извѣстномъ, никому изъ нихъ не проститъ? А потому и я уповаю, что разъ усомнившись, буду прощенъ, когда раска́янія слезы пролью.

— Стой! завизжалъ Ѳедоръ Павловичъ въ апоѳе́озѣ восторга:— такъ двухъ-то такихъ, что́ горы могутъ сдвигать, ты вестаки полагаешь, что есть они? Иванъ, заруби черту, запиши: весь русскій человѣкъ тутъ сказался!

— Вы совершенно вѣрно замѣтили, что это народная въ вѣрѣ черта, съ одобрительною улы́бкой согласился Иванъ Ѳедоровичъ.

— Соглашаешься! Значитъ, такъ, коли ужъ ты соглашаешься! Алешка, вѣдь правда? Вѣдь совершенно русская вѣра такая?

— Нѣтъ, у Смердякова совсѣмъ не русская вѣра, серіо́зно и твердо проговорилъ Алеша.

— Я не про вѣру его, я про эту черту, про этихъ двухъ пустынниковъ, про эту одну только черточку: вѣдь это-же по русски, по русски?

— Да, черта эта совсѣмъ русская, улыбнулся Алеша.

— Червонца стоитъ твое слово, ослица, и принимаю тебѣ его сегодня-же, но въ остальномъ ты вестаки врешь, врешь и врешь: знай, дуракъ, что здѣсь мы всѣ отъ легкомыслія лишь не вѣруемъ, потому что намъ некогда: во первыхъ, дѣла одолѣли, а во вторыхъ, времени Богъ мало далъ, всего во дню опредѣлилъ только двадцать четыре часа, такъ что некогда и выспаться, не только покаяться. А ты-то тамъ предъ мучителями отрекся, когда больше не о чемъ и думать-то было тебѣ, какъ о вѣрѣ, и когда именно надо было вѣру свою показать! Такъ вѣдь это, братъ, составляетъ, я думаю?

— Составляетъ-то оно составляетъ, но разсу́дите сами. Григо́рій Васи́льевичъ, что вѣдь тѣмъ болѣе и облегчаетъ, что составляетъ. Вѣдь коли-бы я тогда вѣровалъ въ самую вои́стину, какъ вѣровать надлежитъ, то тогда дѣйствительно было-бы грѣшно, если-бы муки за свою вѣру не принялъ и въ поганую Магоме́тову вѣру

перешелъ. Но вѣдь до мѵ̀къ и не дошло-бы тогда-съ, потому стошло-бы мнѣ въ тотъ-же мигъ сказать сей горѣ: двинься и подави мучителя, то она-бы двинулась и въ тотъ-же мигъ его придавила какъ таракана, и пошелъ-бы я какъ ни въ чемъ не бывало прочь, воспѣвая и славя Бога. А коли я именно въ тотъ-же самый моментъ это все и непробовалъ и парочно уже кричалъ сей горѣ: подави сихъ мучителей, а та не давила, то какъ-же, скажите, я-бы въ то время не усомнился, да еще въ такой страшный часъ смертнаго, великаго страха? И безъ того ужь знаю, что царствія небеснаго въ полнотѣ не достигну (ибо не двинулась-же по слову моему гора, значитъ, не очень-то вѣрѣ моей тамъ вѣрятъ, и не очень ужь большая награда меня на томъ свѣтѣ ждетъ), для чего-же я еще сверхъ того и безо всякой уже пользы кожу съ себя дамъ содрать? Ибо если-бы даже кожу мою уже до половины содрали со спины, то и тогда по слову моему или крику не двинулась-бы сія гора. Да въ этакую минуту не только что сумнѣніе можетъ найдти, но даже отъ страха и самаго разсудка рѣшиться можно, такъ что и разсуждать-то будетъ совсѣмъ невозможно. А, стало быть, чѣмъ я тутъ выйду особенно виноватъ, если не видя ни тамъ, ни тутъ своей выгоды, ни награды, хоть кожу-то, по крайней мѣрѣ, свою сберегу? А потому, на милость Господню весьма уповая, питаюсь надеждой, что и совсѣмъ прощенъ буду-съ...

VIII.

За коньячкомъ.

Споръ кончился, но, странное дѣло, столь развеселившійся Ѳедоръ Павловичъ подъ конецъ вдругъ нахмурился. Нахмурился и хлопнулъ коньячку, и это уже была совсѣмъ лишняя рюмка.

— А убирайтесь вы, іезуиты, вопъ, крикнулъ онъ на слугъ. — Пошелъ, Смердяковъ. Сегодня обѣщанный червонецъ принялю, а ты пошелъ. Не плачь, Григорій, ступай къ Марѳѣ, она утѣшитъ, спать уложитъ. Не даютъ каналы послѣ обѣда въ тишинѣ посидѣть, досадливо отрѣзалъ онъ вдругъ, когда тотчасъ-же по приказу его удалились слуги. Смердяковъ за обѣдомъ теперь каждый разъ сюда лѣзетъ, это ты ему столь любопытенъ, чѣмъ ты его такъ заласкалъ? прибавилъ онъ Ивану Ѳедоровичу.

— Ровно ничѣмъ, отвѣтилъ тотъ, — уважать меня вздумалъ; это лакей и хамъ. Передовое мясо, впрочемъ, когда срокъ наступитъ.

— Передовое?

— Будутъ другіе и получше, но будутъ и такіе. Сперва будутъ такіе, а за ними получше.

— А когда срокъ наступитъ?

— Загорится ракета, да и не догоритъ, можетъ быть. Народъ этихъ бульйонщиковъ пока не очень-то любитъ слушать.

— То-то, братъ, вотъ этакая Валаамова ослица думать-думать, да и чортъ знаетъ про себя тамъ до чего додумается.

— Мыслей накопитъ, - усмѣхнулся Иванъ.

— Видишь, я вотъ знаю, что онъ и меня терпѣть не можетъ, равно какъ и всѣхъ, и тебя точно также, хотя тебѣ и кажется, что онъ тебя уважать вздумалъ . Аленку подавно. Аленку онъ презираетъ. Да не украдетъ онъ, вотъ что, не сплетникъ онъ, молчитъ, изъ дому сору не вынесетъ, кулебяки славно печетъ, да къ тому-же ко всему и чортъ съ нимъ, по правдѣ-то, такъ стоитъ-ли объ немъ говорить?

— Конечно, не стоитъ.

— А что до того, что онъ тамъ про себя надумаетъ, то русскаго мужика, вообще говоря, надо пороть. Я это всегда утверждалъ. Мужикъ нашъ мошенникъ, его жалѣть не стоитъ, и хорошо еще, что дерутъ его иной разъ и теперь. Русская земля крѣпка березой. Истребятъ лѣса, пропадетъ земля русская. Я за умныхъ людей стою. Мужиковъ мы драть перестали, съ большаго ума, а тѣ сами себя пороть продолжаютъ. И хорошо дѣлаютъ. Въ ту-же мѣру мѣрится, въ ту-же и возмѣрится, или какъ это тамъ... Однимъ словомъ, возмѣрится. А Россія - свинство. Другъ мой, если-бы ты зналъ какъ я ненавижу Россію... то есть не Россію, а всѣ эти пороки... а, пожалуй, что и Россію. Tout cela c'est de la cochonnerie. Знаешь, что люблю? Я люблю остроуміе.

— Вы опять рюмку выпили. Довольно-бы вамъ.

— Подожди, я еще одну, и еще одну, а тамъ и покончу. Нѣтъ, постой, ты меня перебилъ. Въ Мокромъ я проѣздомъ спрашиваю старика, а онъ мнѣ: «Мы очень говорить любимъ, лучше всего дѣвокъ по приговору пороть, и пороть даемъ все парнямъ. Послѣ эту-же, которую онъ поролъ, завтра парень въ невѣсты береть, такъ что оно самимъ дѣвкамъ, говоритъ, у насъ повадно». Каковы маркизы де-Сады, а? А какъ хочешь, оно остроумно. Съѣздить-бы и намъ поглядѣть, а? Аленка, ты покраснѣла? Не стыдись, дѣтка. Жаль, что давеча я у игумена за обѣдней не съѣлъ да монахамъ про Мокрыхъ дѣвокъ не разсказалъ. Аленка, не сердись, что я твоего игумена давеча разобидѣлъ. Меня, братъ, зло береть. Вѣдь коли Богъ есть, существуетъ, — ну, конечно, я тогда

виноватъ и отвѣчу, а коли нѣтъ Его вовсе-то, такъ-ли ихъ еще надо, твоихъ отцовъ-то? Вѣдь съ нихъ мало тогда головы срѣзать, потому что они развитіе задерживаютъ. Вѣришь ты, Иванъ, что это меня въ моихъ чувствахъ терзаетъ. Нѣтъ, ты не вѣришь, потому я вижу по твоимъ глазамъ. Ты вѣришь людямъ, что я всего только шутъ. Алеша, вѣришь, что я не всего только шутъ?

— Вѣрю, что не всего только шутъ.

— И вѣрю, что вѣришь, и искренно говоришь. Искренно смотришь и искренно говоришь. А Иванъ нѣтъ. Иванъ высокомѣренъ... А все-таки я-бы съ твоимъ монастырькомъ покончилъ. Взять-бы всю эту мистику да разомъ по всей русской землѣ и упразднить, чтобъ окончательно всѣхъ дураковъ обрезонить. А серебра-то, золота сколько-бы на монетный дворъ поступило!

Да зачѣмъ упразднять, сказалъ Иванъ.

— А чтобъ истина скорѣй возсіяла, вотъ зачѣмъ.

— Да вѣдь коль эта истина возсіяетъ, такъ васъ-же перваго сначала ограбятъ, а потомъ... упразднятъ.

— Ба! А вѣдь, пожалуй, ты правъ. Ахъ, я ослица, вскинулся вдругъ Ѳедоръ Павловичъ, слегка ударивъ себя по лбу. Ну, такъ пусть стоитъ твой монастырекъ, Алешка, коли такъ. А мы умные люди будемъ въ теплѣ сидѣть да коньячкомъ пользоваться. Знаешь-ли, Иванъ, что это самимъ Богомъ должно быть непремѣнно нарочно такъ устроено? Иванъ, говори: есть Богъ или нѣтъ? Стой: навѣрно говори, серіозно говори! Чего опять смѣешься?

— Смѣюсь я тому, какъ вы сами давеча остроумно замѣтили о вѣрѣ Смердякова въ существованіе двухъ старцевъ, которые могутъ горы сдвигать.

— Такъ развѣ теперь похоже?

Очень.

— Ну такъ, значитъ, и я русскій человѣкъ, и у меня русская черта, и тебя, философа, можно тоже на своей чертѣ поймать въ этомъ-же родѣ. Хочешь поймаю. Побьемся объ закладъ, что завтра-же поймаю. А все-таки говори: есть Богъ или нѣтъ? Только серіозно! Мнѣ надо теперь серіозно.

— Нѣтъ, нѣту Бога.

— Алешка, есть Богъ?

— Есть Богъ.

— Иванъ, а безсмертіе есть, ну тамъ какое нибудь, ну хоть маленькое, малюсенькое?

— Нѣтъ и безсмертія.

— Никакого?

— Никакого.

— То есть совершеннѣйшій нуль или нѣчто. Можетъ быть, нѣчто какое нибудь есть? Все-же вѣдь не ничто!

— Совершенный нуль.

— Алешка, есть безсмертіе?

— Есть.

— А Богъ и безсмертіе?

— И Богъ и безсмертіе. Въ Богѣ и безсмертіе.

— Гм. Вѣроятнѣе, что правъ Иванъ. Господи, подумать только о томъ, сколько отдалъ человѣкъ вѣры, сколько всякихъ силъ даромъ на эту мечту, и это столько ужъ тысячъ лѣтъ! Кто-же это такъ смѣется надъ человѣкомъ? Иванъ! Въ послѣдній разъ и рѣшительно: есть Богъ или нѣтъ? Я въ послѣдній разъ!

— И въ послѣдній разъ нѣтъ.

— Кто-же смѣется надъ людьми, Иванъ?

— Чортъ, должно быть, усмѣхнулся Иванъ Ѳедоровичъ.

— А чортъ есть?

— Нѣтъ, и чорта нѣтъ.

— Жаль. Чортъ возьми, что-бъ я послѣ того сдѣлалъ съ тѣмъ, кто первый выдумалъ Бога! Повѣсить его мало на горькой осинѣ. Цивилизаціи-бы тогда совсѣмъ не было, если-бы не выдумали Бога.

— Не было-бы? Это безъ Бога-то?

— Да. И коньячку-бы не было. А коньякъ все-таки у васъ взять придется.

— Постой, постой, постой, милый, еще одну рюмочку. Я Алешу оскорбилъ. Ты не сердишься, Алексѣй? Милый Алексѣичикъ ты мой, Алексѣичикъ!

— Нѣтъ, не сержусь. Я ваши мысли знаю. Сердце у васъ лучше головы.

— У меня-то сердце лучше головы? Господи, да еще кто это говоритъ? Иванъ, любишь ты Алешку?

— Люблю.

— Люби (Ѳедоръ Павловичъ сильно хмѣлѣлъ).—Слушай, Алеша, я старцу твоему давеча грубость сдѣлалъ. Но я былъ въ волненіи. А вѣдь въ старцѣ этомъ есть остроуміе, какъ ты думаешь, Иванъ?

— Пожалуй, что и есть.

— Есть, есть, il y a du Piron là-dedans. Это іезуитъ, русскій то есть. Какъ у благороднаго существа, въ немъ это затаенное негодованіе кипитъ на то, что надо представляться... святыню на себя натягивать.

— Да вѣдь онъ-же вѣруетъ въ Бога.

— Ни на грошъ. А ты не зналъ? Да онъ всѣмъ говоритъ это

самъ, то есть не всѣмъ, а всѣмъ умнымъ людямъ, которые пріѣзжаютъ. Губернатору Шульцу онъ прямо отрѣзалъ: credo, да не знаю во что».

— Неужто?

— Именно такъ. Но я его уважаю. Есть въ немъ что-то Мефистофелевское или лучше изъ *Героя нашего времени*... Арбенинъ, али какъ тамъ... то есть, видишь, онъ сладострастникъ: онъ до того сладострастникъ, что я-бы и теперь за дочь мою побоялся, аль за жену, если-бы къ нему исповѣдываться пошла. Знаешь, какъ начнетъ разсказывать... Третьяго года онъ насъ звалъ къ себѣ на часокъ, да съ ликерцемъ (барыни ему ликеръ присылаютъ), да какъ пустился росписывать старину, такъ мы животики надорвали... Особенно какъ онъ одну разслабленную изъѣдилъ. Если-бы ноги не болѣли, я-бы вамъ, говоритъ, протанцовалъ одинъ танецъ. А, каковъ? Нахвастилъ я, говоритъ, на своемъ вѣку не мало. Онъ у Демидова купца шестьдесятъ тысячъ тяпнулъ.

— Какъ, укралъ?

— Тотъ ему какъ доброму человѣку привезъ: сохрани, братъ, у меня на завтра обыскъ. А тотъ и сохранилъ. Ты вѣдь на церковь, говоритъ, пожертвовалъ. Я ему говорю: подлецъ ты, говорю. Нѣтъ, говоритъ, не подлецъ, а я шутокъ... А, впрочемъ, это не онъ... Это другой. Я про другаго сбился... и не замѣчаю. Ну, вотъ еще рюмочку и довольно: убери бутылку, Иванъ. Я вралъ, отчего ты не остановилъ меня, Иванъ... и не сказалъ, что вру?

— Я зналъ, что вы сами остановитесь.

— Врешь, это ты по злобѣ на меня, по единственной злобѣ. Ты меня презираешь. Ты пріѣхалъ ко мнѣ и меня въ домѣ моемъ презираешь.

— Я и уѣду; васъ коньякъ разбираетъ.

— Я тебя просилъ Христомъ-Богомъ въ Чермашню съѣздить... на день, на два, а ты не ѣдешь.

— Завтра поѣду, коли вы такъ настаиваете.

— Не поѣдешь. Тебѣ подсматривать здѣсь за мной хочется, вотъ тебѣ чего хочется, злая душа, оттого ты и не поѣдешь?

Старикъ не унимался. Онъ дошелъ до той черточки пьянства, когда инымъ пьянымъ, дотолѣ смирнымъ, непремѣнно вдругъ захочется разозлиться и себя показать.

— Что ты глядишь на меня? Какіе твои глаза? Твои глаза глядятъ на меня и говорятъ мнѣ: Пьяная ты харя. Подозрительные твои глаза, презрительные твои глаза... Ты себѣ на умъ пріѣхалъ. Вотъ Аленка смотритъ и глаза его сіяютъ. Не презираетъ меня, Алеша. Алексѣй, не люби Ивана...

— Не сердитесь на брата! Перестаньте его обижать, вдруг настойчиво произнесъ Алеша.

— Ну что-жъ, я, пожалуй. Ухъ, голова болитъ. Убери коньякъ. Иванъ, третій разъ говорю. Онъ задумался и вдругъ длинно и хитро улыбнулся: -Не сердись, Иванъ, на стараго мозгляка. Я знаю, что ты не любишь меня, только вотъ не сердись. Не за что меня и любить-то. Въ Чермашню съѣздишь, я къ тебѣ самъ пріѣду, гостинцу привезу. Я тебѣ тамъ одну дѣвчоночку укажу, я ее тамъ давно насмотрѣлъ. Пока она еще босоножка. Не пугайся босоножекъ, не презирай — перлы!..

И онъ чмокнулъ себя въ ручку.

— Для меня, —оживился онъ вдругъ весь, какъ будто на мгновеніе отрезвѣвъ, только что попалъ на любимую тему, — для меня... Эхъ вы, ребята! Дѣточки, поросяточки вы маленькіе, для меня... даже во всю мою жизнь не было безобразной женщины. Вотъ мое правило! Можете вы это понять? Да гдѣ-же вамъ это понять: у васъ еще вмѣсто крови молочко течетъ, не вылупились! По моему правилу во всякой женщинѣ можно найдти чрезвычайно, чортъ возьми, интересное, чего ни у которой другой не найдешь. Только надобно умѣть находить, вотъ гдѣ штука! Это талантъ! Для меня мовешекъ не существовало: ужъ одно то, что она женщина, ужъ это одно половина всего... да гдѣ вамъ это понять! Даже вельфильки и въ тѣхъ иногда отыщешь такое, что только дивуешься на прочихъ дураковъ, какъ это ей состариться дали и до сихъ поръ не замѣтили! Босоножку и мовешку надо сперва наперво удивить — вотъ какъ надо за нее браться. А ты не зналъ? Удивить ее надо до восхищенія, до пронзенія, до стыда, что въ такую черняшку, какъ она, такой баринъ влюбился. Истинно славно, что всегда есть и будутъ хамы да баре на свѣтѣ, всегда тогда будетъ и такая поломоечка, и всегда ея господинъ, а вѣдь того только и надо для счастья жизни! Постой... слушай, Алешка, я твою мать покойницу всегда удивлялъ, только въ другомъ выходило родѣ. Никогда, бывало, ее не ласкаю, а вдругъ, какъ минутка-то наступитъ, — вдругъ предъ нею такъ весь и разсыплюсь, на колѣняхъ ползаю, ножки цалую и доведу ее всегда, всегда. — помню это какъ вотъ сейчасъ, — до этакого маленькаго такого смѣшка, разсыпчатаго, звонкаго, не громкаго, нервнаго, особеннаго. У ней только онъ и былъ. Знаю, бывало, что такъ у ней всегда болѣзнь начиналась, что завтра-же она капризней выкликать начнетъ, и что смѣшокъ этотъ теперешній, маленькій, никакого восторга не означаетъ, ну да вѣдь хоть и обманъ да восторгъ. Вотъ оно что значитъ свою черточку во всемъ умѣть находить! Разъ Бѣлявскій, -красавчикъ одинъ тутъ былъ и богачъ, за ней волочился и

ко мнѣ наладилъ ѣздить, —вдругъ у меня-же и дай мнѣ пощечину, да при ней. Такъ она, этакая овца - да я думалъ она изобьетъ меня за эту пощечину, вѣдь какъ напала: «Ты, говоритъ, теперь битый, битый, ты пощечину отъ него получилъ! Ты меня, говоритъ, ему продавалъ... Да какъ онъ смѣлъ тебя ударить при мнѣ! И не смѣй ко мнѣ приходить никогда, никогда! Сейчасъ бѣги, вызови его на дуэль ... Такъ я ее тогда въ монастырь для смиренія возилъ, отцы святые ее отчитывали. Но вотъ тебѣ Богъ, Алеша, не обижалъ я никогда мою кликушечку! Разъ только развѣ одинъ, еще въ первый годъ: молилась ужь она тогда очень, особенно Богородичные праздники наблюдала и меня тогда отъ себя въ кабинетъ гнала. Думаю, дай-ка выбью я изъ нея эту мистику! Видишь, говорю, видишь, вотъ твой образъ, вотъ онъ, вотъ я его сниму. Смотри-же, ты его за чудотворный считаешь, а я вотъ сейчасъ на него при тебѣ плюну и мнѣ ничего за это не будетъ!.. Какъ она увидѣла, Господи, думаю: убьетъ она меня теперь, а она только вскочила, всплеснула руками, потомъ вдругъ закрыла руками лицо, вся затряслась и пала на полъ... такъ и опустилась... Алеша, Алеша! Что съ тобой, что съ тобой!

Старикъ вскочилъ въ испугѣ. Алеша съ самаго того времени какъ онъ заговорилъ о его матери мало по малу сталъ измѣняться въ лицѣ. Онъ покраснѣлъ, глаза его загорѣлись, губы вздрогнули... Пьяный старикашка брызгался слюной и ничего не замѣчалъ до той самой минуты, когда съ Алешей вдругъ произошло нѣчто очень странное, а именно съ нимъ вдругъ повторилось точь въ точь тоже самое, что сейчасъ только онъ разсказалъ про «кликушу». Алеша вдругъ вскочилъ изъ-за стола, точь въ точь какъ, по разсказу, мать его, всплеснулъ руками, потомъ закрылъ ими лицо, упалъ, какъ подкошенный, на стулъ и такъ и затрясся вдругъ весь отъ истерическаго припадка внезапныхъ, сотрясающихъ и неслышныхъ слезъ. Необычайное сходство съ матерью особенно поразило старика.

— Иванъ, Иванъ! скорѣй ему воды. Это какъ она, точь въ точь какъ она, какъ тогда его мать! Вспрысни его изо рта водой. я такъ съ той дѣлалъ. Это онъ за мать свою, за мать свою... бормоталъ онъ Ивану.

— Да вѣдь и моя, я думаю, мать, его мать была, какъ вы полагаете? вдругъ съ неудержимымъ гнѣвнымъ презрѣніемъ прорвался Иванъ. Старикъ вздрогнулъ отъ его заверкавшаго взгляда. Но тутъ случилось нѣчто очень странное, правда, на одну секунду: у старика дѣйствительно, кажется, выскочило изъ ума соображеніе, что мать Алеши была и матерью Ивана...

— Какъ такъ твоя мать? пробормоталъ онъ, не понимая. Ты за что это? Ты про какую мать?.. да развѣ она... Ахъ, чортъ! Да

вѣдь она и твоя! Ахъ, чортъ! Ну это, братъ, затмѣніе какъ никогда. извини, а я думалъ, Иванъ... Хе-хе-хе! Онъ остановился. Длинная, пьяная, полубезсмысленная усмѣшка раздвинула его лицо. И вотъ вдругъ въ это самое мгновеніе раздался въ сѣняхъ страшный шумъ и громъ, послышались женскіе крики, дверь распахнулась и въ залу влетѣлъ Дмитрій Ѳедоровичъ. Старикъ бросился къ Ивану въ испугѣ:

— Убьетъ, убьетъ! Не давай меня, не давай! выкрикивалъ онъ, вцѣпившись въ полу сюртука Ивана Ѳедоровича.

IX.

Сладострастники.

Сейчасъ вслѣдъ за Дмитріемъ Ѳедоровичемъ вбѣжали въ залу и Григорій со Смердяковымъ. Они-же въ сѣняхъ и боролись съ нимъ, не впускали его (вслѣдствіе инструкціи самого Ѳедора Павловича, данной уже нѣсколько дней назадъ). Воспользовавшись тѣмъ, что Дмитрій Ѳедоровичъ, ворвавшись въ залу, на минуту остановился, чтобъ осмотрѣться, Григорій обѣжалъ столъ, затворилъ на обѣ половинки противоположныя входнымъ двери залы, ведшія во внутреннія покои, и сталъ предъ затворенною дверью, раздвинувъ объ руки крестомъ и готовый защищать входъ, такъ сказать, до послѣдней капли. Увидавъ это, Дмитрій не вскрикнулъ, а даже какъ-бы взвизгнулъ и бросился на Григорія.

— Значитъ, она тамъ! Ее спрятали тамъ! Прочь, подлецъ! Онъ рванулъ было Григорія, но тотъ оттолкнулъ его. Внѣ себя отъ ярости, Дмитрій размахнулся и изо всей силы ударилъ Григорія. Старикъ рухнулся какъ подкошенный, а Дмитрій, перескочивъ черезъ него, вломился въ дверь. Смердяковъ оставался въ залѣ, на другомъ концѣ, блѣдный и дрожащій, тѣсно прижимаясь къ Ѳедору Павловичу.

— Она здѣсь, кричалъ Дмитрій Ѳедоровичъ,—я сейчасъ самъ видѣлъ, какъ она повернула къ дому, только я не догналъ. Гдѣ она? Гдѣ она?

Непостижимое впечатлѣніе произвелъ на Ѳедора Павловича этотъ крикъ: „Она здѣсь!“ Весь испугъ соскочилъ съ него.

— Держи, держи его, завопилъ онъ и рванулся вслѣдъ за Дмитріемъ Ѳедоровичемъ. Григорій межъ тѣмъ поднялся съ полу, но былъ еще какъ-бы внѣ себя. Иванъ Ѳедоровичъ и Алеша побѣжали въ догонку за отцомъ. Въ третьей комнатѣ послышалось какъ вдругъ что-то упало объ полъ, разбилось и зазвенѣло: это была большая

стеклянная ваза (не изъ дорогихъ) на мраморномъ пьедесталѣ, которую, пробѣгая мимо, задѣлъ Дмитрій Ѳедоровичъ.

— Ату его! завопилъ старикъ.—Караулъ!

Иванъ Ѳедоровичъ и Алеша догнали-таки старика и силою воротили въ залу.

— Чего гонитесь за нимъ! Онъ васъ и впрямь тамъ убьетъ! гнѣвно крикнулъ на отца Иванъ Ѳедоровичъ.

— Ваничка, Лешечка, она, стало быть, здѣсь, Грушенька здѣсь, самъ, говоритъ, видѣлъ, что пробѣжала...

Онъ захлебывался. Онъ не ждалъ въ этотъ разъ Грушеньки вдругъ извѣстіе, что она здѣсь, разомъ вывело его изъ ума. Онъ весь дрожалъ, онъ какъ-бы обезумѣлъ.

— Да вѣдь вы видѣли сами, что она не приходила! кричалъ Иванъ.

— А, можетъ, черезъ тотъ входъ?

— Да вѣдь онъ запертъ, тотъ входъ, а ключъ у васъ...

Дмитрій вдругъ появился опять въ залѣ. Онъ, конечно, нашелъ тотъ входъ запертымъ, да и дѣйствительно ключъ отъ запертаго входа былъ въ карманѣ у Ѳедора Павловича. Всѣ окна во всѣхъ комнатахъ были тоже заперты: ни откуда, стало быть, не могла пройти Грушенька и ни откуда не могла выскочить.

— Держи его! завизжалъ Ѳедоръ Павловичъ, только что завидѣлъ опять Дмитрія,—онъ тамъ въ спальнѣ у меня деньги укралъ!— И, вырвавшись отъ Ивана, онъ опять бросился на Дмитрія. Но тотъ поднялъ обѣ руки и вдругъ схватилъ старика за обѣ послѣднія космы волосъ его, уцѣлѣвшія на вискахъ, дернулъ его и съ грохотомъ ударилъ объ полъ. Онъ успѣлъ еще два или три раза ударить лежачаго каблукомъ по лицу. Старикъ пронзительно застоналъ. Иванъ Ѳедоровичъ, хоть и не столь сильный, какъ братъ Дмитрій, обхватилъ того руками и изо всей силы оторвалъ отъ старика. Алеша всею своею силенкой тоже помогъ ему, обхвативъ брата спереди.

— Съумасшедшій, вѣдь ты убилъ его! крикнулъ Иванъ.

— Такъ ему и надо! задыхаясь воскликнулъ Дмитрій.—А не убилъ, такъ еще приду убить. Не устережете!

— Дмитрій! Иди отсюда вонъ сейчасъ! властно вскрикнулъ Алеша.

— Алексѣй! Скажи ты мнѣ одинъ, тебѣ одному повѣрю: была здѣсь сейчасъ она или не была? Я ее самъ видѣлъ какъ она сейчасъ мимо плетня изъ переулка въ эту сторону проскользнула. Я крикнулъ, она убѣжала...

— Клянусь тебѣ, она здѣсь не была, и никто здѣсь не ждалъ ея вовсе!

Но я ее видѣлъ... Стало быть, она... Я узнаю сейчасъ, гдѣ она... Прощай, Алексѣй! Езопу теперь о деньгахъ ни слова, а къ Катеринѣ Ивановнѣ сейчасъ-же и непремѣнно: кланяться велѣлъ, кланяться велѣлъ, кланяться! Именно кланяться и раскланяться! Опиши ей сцену.

Тѣмъ временемъ Иванъ и Григорій подняли старика и усадили въ кресла. Лицо его было окровавлено, но самъ онъ былъ въ памяти и съ жадностью прислушивался къ крикамъ Дмитрія. Ему все еще казалось, что Грушенька вправду, гдѣ-нибудь въ домѣ. Дмитрій Ѳедоровичъ ненавистно взглянулъ на него, уходя.

— Не раскаиваюсь за твою кровь! воскликнулъ онъ, — берегись, старикъ, береги мечту, потому что и у меня мечта! Проклинаю тебя самъ и отрекаюсь отъ тебя совсѣмъ...

Онъ выбѣжалъ изъ комнаты.

— Она здѣсь, она вѣрно здѣсь! Смердяковъ, Смердяковъ, чуть слышно хрипѣлъ старикъ, пальчикомъ маня Смердякова.

— Нѣтъ ея здѣсь, нѣтъ, безумный вы старикъ, злобно закричалъ на него Иванъ. — Ну, съ нимъ обморокъ! Воды, полотенце! Поворачивайся, Смердяковъ!

Смердяковъ бросился за водой. Старика, наконецъ, раздѣли, снесли въ спальню и уложили въ постель. Голову обвязали ему мокрымъ полотенцемъ. Ослабѣвъ отъ коньяку, отъ сильныхъ ощущеній и отъ побоевъ, онъ мигомъ, только что коснулся подушки, завелъ глаза и забылся. Иванъ Ѳедоровичъ и Алеша вернулись въ залу. Смердяковъ выносилъ черепки разбитой вазы, а Григорій стоялъ у стола, мрачно потупившись.

— Не намочить-ли и тебѣ голову и не лечь-ли тебѣ тоже въ постель, обратился къ Григорію Алеша. Мы здѣсь за нимъ посмотримъ; братъ ужасно больно ударилъ тебя... по головѣ.

— Онъ меня дерзнулъ! мрачно и раздѣльно произнесъ Григорій.

— Онъ и отца дерзнулъ — не то что тебя! замѣтилъ, кривя ротъ. Иванъ Ѳедоровичъ.

— Я его въ корытѣ мылъ... онъ меня дерзнулъ! повторялъ Григорій.

— Чортъ возьми, если-бъ я не оторвалъ его, пожалуй, онъ-бы такъ и убилъ. Много-ли надо Езопу? пропенталъ Иванъ Ѳедоровичъ Алешѣ.

— Боже сохрани! воскликнулъ Алеша.

— А зачѣмъ сохрани? все тѣмъ-же шепотомъ продолжалъ Иванъ, злобно скрививъ лицо. Одинъ гадъ съѣстъ другую гадину, обоимъ туда и дорога.

Алеша вздрогнулъ.

— Я, разумѣется, не дамъ совершиться убійству, какъ не далъ и сейчасъ. Останься тутъ, Алеша, я выйду походить по двору, у меня голова начала болѣть.

Алеша пошелъ въ спальню къ отцу и просидѣлъ у его изголовья за ширмами около часа. Старикъ вдругъ открылъ глаза, и долго молча смотрѣлъ на Алешу, видимо припоминая и соображая. Вдругъ необыкновенное волненіе изобразилось въ его лицѣ.

— Алеша, зашепталъ онъ опасливо, — гдѣ Иванъ?

— На дворѣ, у него голова болитъ. Онъ насъ стережетъ.

— Подай зеркальце, вонъ тамъ стоитъ, подай!

Алеша подалъ ему маленькое складное кругленькое зеркальце, стоявшее на комодѣ. Старикъ поглядѣлся въ него: распухъ довольно сильно носъ и на лбу надъ лѣвою бровью былъ значительный багровый подтекъ.

— Что говоритъ Иванъ? Алеша, милый, единственный сынъ мой, я Ивана боюсь; я Ивана больше чѣмъ того боюсь. Я только тебя одного не боюсь...

— Не бойтесь и Ивана, Иванъ сердится, но онъ васъ защититъ.

— Алеша, а тотъ-то? Къ Грушенькѣ побѣжалъ! Милый ангелъ, скажи правду: была давеча Грушенька, али нѣтъ?

— Никто ея не видалъ. Это обманъ, не была!

— Вѣдь Митька-то на ней жениться хочетъ, жениться!

— Она за него не пойдетъ.

— Не пойдетъ, не пойдетъ, не пойдетъ, не пойдетъ, ни за что не пойдетъ!.. радостно, такъ весь и встрепенулся старикъ, точно ничего ему не могли сказать въ эту минуту отраднѣе. Въ восхищеніи онъ схватилъ руку Алеши и крѣпко прижалъ ее къ своему сердцу. Даже слезы засвѣтились въ глазахъ его. — Образокъ-то, Божіей-то Матери, вотъ про который я давеча разсказалъ, возьми ужь себѣ, унеси съ собой. И въ монастырь воротиться позволяю... давеча попутылъ, не сердись. Голова болитъ. Алеша... Лёша, утоли ты мое сердце, будь ангеломъ, скажи правду!

— Вы все про то, была-ли она или не была? горестно проговорилъ Алеша.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, я тебѣ вѣрю, а вотъ что: сходи ты къ Грушенькѣ самъ, али повидай ее какъ; разспроси ты ее скорѣй, какъ можно скорѣй, угадай ты самъ своимъ глазомъ: къ кому она хочетъ, ко мнѣ аль къ нему? Ась? Что? Можешь, аль не можешь?

— Коль ее увижу, то спрошу, пробормоталъ было Алеша въ смущеніи.

— Нѣтъ, она тебѣ не скажетъ, перебилъ старикъ, она стоза. Она тебя цѣловать начнетъ и скажетъ, что за тебя хочетъ. Она

обманщица, она безстыдница, нѣтъ, тебѣ нельзя къ ней идти, нельзя!

— Да и не хорошо, батюшка, будетъ, не хорошо совсѣмъ.

— Куда онъ посылалъ-то тебя давеча, кричалъ: «сходи», когда убѣжалъ?

— Къ Катеринѣ Ивановнѣ посылалъ.

— За деньгами? Денегъ просить?

— Нѣтъ, не за деньгами.

— У него денегъ нѣтъ, нѣтъ ни капли. Слушай, Алеша, я полежу ночь и обдумаю, а ты пока ступай. Можетъ, и ее встрѣтишь... Только зайди ты ко мнѣ завтра навѣрно по утру: навѣрно. Я тебѣ завтра одно словечко такое скажу; зайдешь?

— Зайду.

— Коль придешь, сдѣлай видъ, что самъ пришелъ, навѣстить пришелъ. Никому не говори, что я звалъ. Ивану ни слова не говори.

— Хорошо.

— Прощай, ангелъ, давеча ты за меня заступился, вѣкъ не забуду. Я тебѣ одно словечко завтра скажу... только еще подумать надо...

— А какъ вы теперь себя чувствуете?

— Завтра-же, завтра встану и пойду, совсѣмъ здоровъ, совсѣмъ здоровъ, совсѣмъ здоровъ!..

Проходя по двору, Алеша встрѣтилъ брата Ивана на скамьѣ у воротъ: тотъ сидѣлъ и вписывалъ что-то въ свою записную книжку карандашомъ. Алеша передалъ Ивану, что старикъ проснулся и въ памяти, а его отпустилъ ночевать въ монастырь.

— Алеша, я съ большимъ удовольствіемъ встрѣтился-бы съ тобой завтра по утру,—привставъ, привѣтливо проговорилъ Иванъ,—привѣтливость даже совсѣмъ для Алеши неожиданная.

— Я завтра буду у Хохлаковыхъ, отвѣтилъ Алеша.— Я у Катерины Ивановны, можетъ, завтра тоже буду, если теперь не застану...

— А теперь всетаки къ Катеринѣ Ивановнѣ? Это «раскланяться-то, раскланяться?» улыбнулся вдругъ Иванъ. Алеша смутился.

— Я, кажется, все понялъ изъ давешнихъ восклицаній и кой изъ чего прежняго. Дмитрій навѣрно просилъ тебя сходить къ ней и передать, что онъ... ну... ну, однимъ словомъ, «откланивается»?

— Братъ! Чѣмъ весь этотъ ужасъ кончится у отца и Дмитрія? воскликнулъ Алеша.

— Нельзя навѣрно угадать. Ничѣмъ, можетъ быть: расплывется дѣло. Эта женщина — звѣрь. Во всякомъ случаѣ старика надо въ домѣ держать, а Дмитрія въ домъ не пускать.

— Братъ, позволь еще спросить: неужели имѣетъ право всякій

человѣкъ рѣшать, смотря на остальныхъ людей: кто изъ нихъ достоинъ жить и кто болѣе не достоинъ?

— Къ чему же тутъ вмѣшивать рѣшеніе по достоинству? Этотъ вопросъ всего чаще рѣшается въ сердцахъ людей совсѣмъ не на основаніи достоинствъ, а по другимъ причинамъ, гораздо болѣе натуральнымъ. А на счетъ права, такъ кто-же не имѣетъ права желать?

— Не смерти-же другаго?

— А хотя-бы даже и смерти? Къ чему-же лгать предъ собою, когда всѣ люди такъ живутъ, а, пожалуй, такъ и не могутъ иначе жить. Ты это на счетъ давешнихъ моихъ словъ о томъ, что два гада поѣдятъ другъ друга? Позволь и тебя спросить въ такомъ случаѣ: считаешь ты и меня, какъ Дмитрія, способнымъ пролить кровь Езопа, ну убить его, а?

— Что ты, Иванъ! Никогда и въ мысляхъ этого у меня не было! Да и Дмитрія я не считаю...

— Спасибо хоть за это, усмѣхнулся Иванъ. — Знай, что я его всегда защищу. Но въ желаніяхъ моихъ я оставляю за собою въ данномъ случаѣ полный просторъ. До свиданія завтра. Не осуждай и не смотри на меня какъ на злодѣя, прибавилъ онъ съ улыбкою.

Они крѣпко пожали другъ другу руки какъ никогда еще прежде. Алеша почувствовалъ, что братъ самъ первый шагнулъ къ нему шагъ и что сдѣлалъ онъ это для чего-то, непремѣнно съ какимъ-то намѣреніемъ.

X.

Объ вмѣстѣ.

Вышелъ-же Алеша изъ дома отца въ состояніи духа разбитомъ и подавленномъ, еще больше чѣмъ давеча, когда входилъ къ отцу. Умъ его былъ тоже какъ-бы раздробленъ и разбросанъ, тогда какъ самъ онъ вмѣстѣ съ тѣмъ чувствовалъ, что боится соединить разбросанное и снять общую идею со всѣхъ мучительныхъ противорѣчій, пережитыхъ имъ въ этотъ день. Что-то граничило почти съ отчаяніемъ, чего никогда не бывало въ сердцѣ Алеши. Надо всѣмъ стоялъ, какъ гора, главный, роковой и неразрѣшимый вопросъ: чѣмъ кончится у отца съ братомъ Дмитріемъ предъ этою страшною женщиной? Теперь ужъ онъ самъ былъ свидѣтелемъ. Онъ самъ тутъ присутствовалъ и видѣлъ ихъ другъ предъ другомъ. Впрочемъ, несчастнымъ, вполнѣ и страшно несчастнымъ, могъ оказаться лишь

братъ Дмитрій: его сторожила несомнѣнная бѣда. Оказались тоже и другіе люди, до которыхъ все это касалось, и, можетъ быть, гораздо болѣе, чѣмъ могло казаться Алешѣ прежде. Выходило что-то даже загадочное. Братъ Иванъ сдѣлалъ къ нему шагъ, чего такъ давно желалъ Алеша, и вотъ самъ онъ отчего-то чувствуетъ теперь, что его испугалъ этотъ шагъ сближенія. А тѣ женщины? Странное дѣло: давеча онъ направлялся къ Катеринѣ Ивановнѣ въ чрезвычайномъ смущеніи, теперь-же не чувствовалъ никакого: напротивъ, спѣшилъ къ ней самъ словно ожидая найдти у ней указанія. А однако передать ей порученіе было видимо теперь тяжелѣе, чѣмъ давеча: дѣло о трехъ тысячахъ было рѣшено окончательно, и братъ Дмитрій, почувствовавъ теперь себя безчестнымъ и уже безо всякой надежды, конечно, не остановится болѣе и ни предъ какимъ паденіемъ. Къ тому-же еще велѣлъ передать Катеринѣ Ивановнѣ и только что происшедшую у отца сцену.

Было уже семь часовъ и смеркалось, когда Алеша вошелъ къ Катеринѣ Ивановнѣ, занимавшей одинъ очень просторный и удобный домъ на Большой улицѣ. Алеша зналъ, что она живетъ съ двумя тетками. Одна изъ нихъ приходилась, впрочемъ, теткой лишь сестрѣ Агаѳьѣ Ивановнѣ; это была та безсловесная особа въ домѣ ея отца, которая ухаживала за нею тамъ вмѣстѣ съ сестрой, когда она пріѣхала къ нимъ туда изъ института. Другая-же тетка была тонная и важная московская барыня, хотя и изъ бѣдныхъ. Слышно было, что обѣ онѣ подчинялись во всемъ Катеринѣ Ивановнѣ и состояли при ней единственно для этикета. Катерина-же Ивановна подчинялась лишь своей благодѣтельницѣ, генеральшѣ, оставшейся за болѣзнію въ Москвѣ, и къ которой она обязана была посылать по два письма съ подробными извѣстіями о себѣ каждую недѣлю.

Когда Алеша вошелъ въ переднюю и попросилъ о себѣ доложить отворившей ему горничной, въ залѣ, очевидно, уже знали о его прибытіи (можетъ быть, замѣтили его изъ окна), но только Алеша вдругъ услышалъ какой-то шумъ, послышались чьи-то бѣгущіе женскіе шаги, шумящія платья, можетъ быть, выбѣжали двѣ или три женщины. Алешѣ показалось страннымъ, что онъ могъ произвести своимъ прибытіемъ такое волненіе. Его однако тотчасъ-же ввели въ залу. Это была большая комната, уставленная элегантною и обильною мебелью, совсѣмъ не по провинціальному. Было много диванова и кушетокъ, диванчиковъ, большихъ и маленькихъ столиковъ: были картины на стѣнахъ, вазы и лампы на столахъ, было много цвѣтовъ, былъ даже акваріумъ у окна. Отъ сумерекъ въ комнатѣ было нѣсколько темновато. Алеша разглядѣлъ на диванѣ, на которомъ, очевидно сейчасъ сидѣли, брошенную шелковую мантилью, а на

столъ предъ диваномъ двѣ недопитыя чашки шоколаду, бисквиты, хрустальную тарелку съ синимъ изюмомъ и другую съ конфектами. Кого-то угощали. Алеша догадался, что попалъ на гостей и поморщился. Но въ тотъ-же мигъ поднялась портьера и быстрыми снѣжными шагами вошла Катерина Ивановна, съ радостною, восхищенною улыбкой протягивая обѣ руки Алешѣ. Въ ту же минуту служанка внесла и поставила на столъ двѣ зажженныя свѣчи.

— Слава Богу, наконецъ-то и вы! Я одного только васъ и молила у Бога весь день! Садитесь.

Красота Катерины Ивановны еще и прежде поразила Алешу, когда братъ Дмитрій, недѣли три тому назадъ, привозилъ его къ ней въ первый разъ представить и познакомить, по собственному чрезвычайному желанію Катерины Ивановны. Разговоръ между ними въ то свиданіе, впрочемъ, не завязался. Полагая, что Алеша очень конфузится, Катерина Ивановна какъ-бы щадила его и все время проговорила въ тотъ разъ съ Дмитріемъ Ѳедоровичемъ. Алеша молчалъ, но многое очень хорошо разглядѣлъ. Его поразила властность, гордая развязность, самоувѣренность надменной дѣвушки. И все это было несомнѣнно. Алеша чувствовалъ, что онъ не преувеличиваетъ. Онъ нашелъ, что большіе черные горящіе глаза ея прекрасны, и особенно идутъ къ ея блѣдному, даже нѣсколько блѣдно-желтому продолговатому лицу. Но въ этихъ глазахъ, равно какъ и въ очертаніи прелестныхъ губъ, было нѣчто такое, во что̀, конечно, можно было брату его влюбиться ужасно, но что̀, можетъ быть, нельзя было долго любить. Онъ почти прямо высказалъ свою мысль Дмитрію, когда тотъ послѣ визита присталъ къ нему, умоляя его не утаить, какое онъ вынесъ впечатлѣніе, повидавъ его невѣсту.

— Ты будешь съ нею счастливъ, но, можетъ быть... не спокойно счастливъ.

— То-то братъ, такія такими и остаются, онѣ не смиряются предъ судьбой. Такъ ты думаешь, что я не буду ее вѣчно любить?

— Нѣтъ, можетъ быть, ты будешь ее вѣчно любить, но, можетъ быть, не будешь съ нею всегда счастливъ...

Алеша произнесъ тогда свое мнѣніе краснѣя и досадуя на себя, что, поддавшись просьбамъ брата, высказалъ такія «глупыя» мысли. Потому что ему самому его мнѣніе показалось ужасно какъ глупымъ тотчасъ-же какъ онъ его высказалъ. Да и стыдно стало ему высказывать такъ властно мнѣніе о женщинѣ. Тѣмъ съ бо̀льшимъ изумленіемъ почувствовалъ онъ теперь при первомъ взглядѣ на выбѣжавшую къ нему Катерину Ивановну, что, можетъ быть, тогда онъ очень ошибся. Въ этотъ разъ лицо ея сіяло неподдѣльною простодушною добротой, прямою и пылкою искренностью. Изо всей преж-

ней «гордости и надменности», столь поразившихъ тогда Алешу, замѣчалась теперь лишь одна смѣлая, благородная энергія и какая-то ясная, могучая вѣра въ себя. Алеша понялъ съ перваго взгляда на нее, съ первыхъ словъ, что весь трагизмъ ея положенія относительно столь любимаго ею человѣка для нея вовсе не тайна, что она, можетъ быть, уже знаетъ все, рѣшительно все. И однако-же, не смотря на то, было столько свѣта въ лицѣ ея, столько вѣры въ будущее. Алеша почувствовалъ себя предъ нею вдругъ серіозно и умышленно виноватымъ. Онъ былъ побѣжденъ и привлеченъ сразу. Кромѣ всего этого, онъ замѣтилъ съ первыхъ-же словъ ея, что она въ какомъ-то сильномъ возбужденіи, можетъ быть, очень въ ней необычайномъ, — возбужденіи, похожемъ почти даже на какой-то восторгъ.

— Я потому такъ ждала васъ, что отъ васъ отъ одного могу теперь узнать всю правду, - ни отъ кого больше!

— Я пришелъ... пробормоталъ Алеша, путаясь, - я... онъ послалъ меня...

— А, онъ послалъ васъ, ну, такъ я и предчувствовала. Теперь все знаю, все! воскликнула Катерина Ивановна съ засверкавшими вдругъ глазами. Постойте, Алексѣй Ѳедоровичъ, я вамъ заранѣе скажу, зачѣмъ я васъ такъ ожидала. Видите, я, можетъ быть, гораздо болѣе знаю, чѣмъ даже вы сами; мнѣ не извѣстій отъ васъ нужно. Мнѣ вотъ что отъ васъ нужно: мнѣ надо знать ваше собственное, личное послѣднее впечатлѣніе о немъ, мнѣ нужно, чтобы вы мнѣ разсказали въ самомъ прямомъ, неприкрашенномъ, въ грубомъ даже (о, во сколько хотите грубомъ!) видѣ — какъ вы сами смотрите на него сейчасъ и на его положеніе послѣ вашей съ нимъ встрѣчи сегодня? Это будетъ, можетъ быть, лучше, чѣмъ еслибъ я сама, къ которой онъ не хочетъ больше ходить, объяснилась съ нимъ лично. Поняли вы чего я отъ васъ хочу? Теперь съ чѣмъ-же онъ васъ послалъ ко мнѣ (я такъ и знала, что онъ васъ пошлетъ!) говорите просто, самое послѣднее слово говорите!..

— Онъ приказалъ вамъ... кланяться, и что больше не придетъ никогда... а вамъ кланяться.

— Кланяться? Онъ такъ и сказалъ, такъ и выразился?

— Да.

— Мелькомъ, можетъ быть, нечаянно, ошибся въ словѣ, не то слово поставилъ какое надо?

— Нѣтъ, онъ велѣлъ именно чтобъ я передалъ это слово: «кланяться». Просилъ раза три, чтобъ я не забылъ передать.

Катерина Ивановна вспыхнула.

— Помогите мнѣ теперь, Алексѣй Ѳедоровичъ, теперь-то мнѣ и

нужна ваша помощь: я вамъ скажу мою мысль, а вы мнѣ только скажите на нее, вѣрно или нѣтъ я думаю? Слушайте, если-бъ онъ велѣлъ мнѣ кланяться мелькомъ, не настаивая на передачѣ слова, не подчеркивая слова, то это было-бы все... Тутъ быть-бы концу! Но если онъ особенно настаивалъ на этомъ словѣ, если особенно поручалъ вамъ не забыть передать мнѣ этотъ *поклонъ*,—то, стало быть, онъ былъ въ возбужденіи, внѣ себя, можетъ быть? Рѣшился, и рѣшенія своего испугался! Не уѣхать отъ меня твердымъ шагомъ, а полетѣть съ горы. Подчеркиваніе этого слова можетъ означать одну браваду...

— Такъ, такъ! горячо подтвердилъ Алеша.—мнѣ самому такъ теперь кажется.

— А коли такъ, то онъ еще не погибъ! Онъ только въ отчаяніи, но я еще могу спасти его. Стойте: не передавалъ-ли онъ вамъ что нибудь о деньгахъ, о трехъ тысячахъ?

— Не только говорилъ, но это, можетъ быть, всего сильнѣе убивало его. Онъ говорилъ, что лишенъ теперь чести и что теперь уже все равно, съ жаромъ отвѣтилъ Алеша, чувствуя всѣмъ сердцемъ своимъ, какъ надежда вливается въ его сердце, и что въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть, есть выходъ и спасеніе для его брата.— Но развѣ вы... про эти деньги знаете? прибавилъ онъ и вдругъ осѣкся.

— Давно знаю, и знаю навѣрно. Я въ Москвѣ телеграммой спрашивала и давно знаю, что деньги не получены. Онъ деньги не послалъ, но я молчала. Въ послѣднюю недѣлю я узнала, какъ ему были и еще нужны деньги... Я поставила во всемъ этомъ одну только цѣль: чтобъ онъ зналъ къ кому воротиться и кто его самый вѣрный другъ. Нѣтъ, онъ не хочетъ вѣрить, что я ему самый вѣрный другъ, не захотѣлъ узнать меня, онъ смотритъ на меня только какъ на женщину. Меня всю недѣлю мучила страшная забота: какъ-бы сдѣлать, чтобъ онъ не постыдился предо мной этой растраты трехъ тысячъ? То есть пусть стыдится и всѣхъ и себя самого, но пусть меня не стыдится. Вѣдь Богу онъ говоритъ-же все, не стыдясь. Зачѣмъ-же не знаетъ до сихъ поръ сколько я могу для него вынести? Зачѣмъ, зачѣмъ не знаетъ меня. какъ онъ смѣетъ не знать меня послѣ всего что было? Я хочу его спасти на вѣки. Пусть онъ забудетъ меня, какъ свою невѣсту! И вотъ онъ боится предо мной за честь свою! Вѣдь вамъ-же, Алексѣй Ѳедоровичъ, онъ не побоялся открыться? Отчего я до сихъ поръ не заслужила того же?

Послѣднія слова она произнесла въ слезахъ: слезы брызнули изъ ея глазъ.

— Я долженъ вамъ сообщить, произнесъ тоже дрожащимъ голо-

сомъ Алеша,—о томъ что сейчасъ было у него съ отцомъ. Онъ разсказалъ всю сцену, разсказалъ, что былъ посланъ за деньгами, что тотъ ворвался, избилъ отца и послѣ того особенно и настоятельно еще разъ подтвердилъ ему, Алешѣ, идти кланяться ...— Онъ пошелъ къ этой женщинѣ... тихо прибавилъ Алеша.

А вы думаете, что я эту женщину не перенесу? Онъ думаетъ, что я не перенесу? Но онъ на ней не женится.—первно разсмѣялась она вдругъ,—развѣ Карамазовъ можетъ горѣть такою страстью вѣчно? Это страсть, а не любовь. Онъ не женится, потому что она и не выйдетъ за него... опять страшно усмѣхнулась вдругъ Катерина Ивановна.

— Онъ, можетъ быть, женится, грустно проговорилъ Алеша, потупивъ глаза.

— Онъ не женится, говорю вамъ! Эта дѣвушка—это ангелъ, знаете вы это? Знаете вы это! воскликнула вдругъ съ необыкновеннымъ жаромъ Катерина Ивановна.—Это самое фантастическое изъ фантастическихъ созданій! Я знаю какъ она обольстительна, но я знаю какъ она и добра, тверда, благородна. Чего вы смотрите такъ на меня, Алексѣй Ѳедоровичъ? Можетъ быть, удивляетесь моимъ словамъ, можетъ быть, не вѣрите мнѣ? Аграфена Александровна, ангелъ мой! крикнула она вдругъ кому-то, смотря въ другую комнату,—подите къ намъ, это милый человѣкъ, это Алеша, онъ про наши дѣла все знаетъ, покажитесь ему!

— А я только и ждала за занавѣской, что вы позовете, произнесъ нѣжный, нѣсколько сладкавый даже, женскій голосъ.

Поднялась портьера и... сама Грушенька, смѣясь и радуясь, подошла къ столу. Въ Алешѣ какъ будто что передернулось. Онъ прикованся къ ней взглядомъ, глазъ отвести не могъ. Вотъ она, эта ужасная женщина,- - звѣрь , какъ полчаса назадъ выражалось про нее у брата Ивана. И однако-же передъ нимъ стояло, казалось-бы, самое обыкновенное и простое существо на взглядъ, — добрая, милая женщина, положимъ, красивая, но такъ похожая на всѣхъ другихъ красивыхъ, но — обыкновенныхъ — женщинъ! Правда, хороша она была очень, очень даже,—русская красота, такъ многими до страсти любимая. Это была довольно высокаго роста женщина, нѣсколько пониже однако Катерины Ивановны (та была уже совсѣмъ высокаго роста), полная, съ мягкими, какъ-бы неслышными даже движеніями тѣла, какъ-бы тоже изнѣженными до какой-то особенной сладкавой выдѣлки, какъ и голосъ ея. Она подошла не какъ Катерина Ивановна — мощною бодрою походкой: напротивъ, неслышно. Ноги ея на полу совсѣмъ не было слышно. Мягко опустилась она въ кресло, мягко прошумѣвъ своимъ пышнымъ, чернымъ, шелковымъ платьемъ, и изнѣженно кутая

свою бѣлую какъ кипень полную шею и широкія плечи въ дорогую, черную, шерстяную шаль. Ей было двадцать два года и лицо ея выражало точь въ точь этотъ возрастъ. Она была очень бѣла лицомъ, съ высокимъ блѣдноросовымъ оттѣнкомъ румянца. Очертаніе лица ея было какъ-бы слишкомъ широко, а нижняя челюсть выходила даже капельку впередъ. Верхняя губа была тонка, а нижняя, нѣсколько выдавшаяся, была вдвое полнѣе и какъ-бы припухла. Но чудесныѣйшіе, обильнѣйшіе темнорусые волосы, темныя соболиныя брови и прелестные сѣроголубые глаза съ длинными рѣсницами—заставили-бы непремѣнно самаго равнодушнаго и разсѣяннаго человѣка, даже гдѣ нибудь въ толпѣ, на гуляньи, въ давкѣ, вдругъ остановиться предъ этимъ лицомъ и надолго запомнить его. Алешу поразило всего болѣе въ этомъ лицѣ его дѣтское, простодушное выраженіе. Она глядѣла какъ дитя, радовалась чему-то какъ дитя, она именно подошла къ столу радуясь и какъ-бы сейчасъ чего-то ожидая съ самымъ дѣтскимъ нетерпѣливымъ и довѣрчивымъ любопытствомъ. Взглядъ ея веселилъ душу,—Алеша это почувствовалъ. Было и еще что-то въ ней о чемъ онъ не могъ или не съумѣлъ-бы дать отчетъ, но что, можетъ быть, и ему сказалось безсознательно, именно опять-таки эта мягкость, нѣжность движеній тѣла, эта кошачья неслышность этихъ движеній. И однако-жъ это было мощное и обильное тѣло. Подъ шалью сказывались широкія полныя плечи, высокая, еще совсѣмъ юношеская грудь. Это тѣло, можетъ быть, обѣщало формы Венеры Милосской, хотя непремѣнно и теперь уже въ нѣсколько утрированной пропорціи,—это предчувствовалось. Знатоки русской женской красоты могли-бы безошибочно предсказать, глядя на Грушеньку, что эта свѣжая, еще юношеская красота къ тридцати годамъ потеряетъ гармонію, расплывется, самое лицо обрюзгнетъ, около глазъ и на лбу чрезвычайно быстро появятся морщиночки, цвѣтъ лица огрубѣетъ, побагровѣетъ, можетъ быть,— однимъ словомъ, красота на мгновеніе, красота летучая, которая такъ часто встрѣчается именно у русской женщины. Алеша, разумѣется, не думалъ объ этомъ, но хотъ и очарованный, онъ съ непріятнымъ какимъ-то ощущеніемъ и какъ-бы жалѣя, спрашивалъ себя: зачѣмъ это она такъ тянетъ слова и не можетъ говорить натурально? Она дѣлала это очевидно находя въ этомъ растягиваніи и въ усыпительно-сладкомъ оттѣненіи слоговъ и звуковъ красоту. Это была, конечно, лишь дурная привычка дурнаго тона, свидѣтельствовавшая о низкомъ воспитаніи, о пошломъ усвоенномъ съ дѣтства пониманіи приличнаго. И однако-же этотъ выговоръ и интонація словъ представлялись Алешѣ почти невозможнымъ какимъ-то противорѣчіемъ этому дѣтски-простодушному и радостному выраженію лица, этому тихому, счастливому, какъ у

младенца, сіяніе глазъ! Катерина Ивановна мигомъ усадила ее въ кресло противъ Алеши и съ восторгомъ поцѣловала ее нѣсколько разъ въ ея смѣющіяся губки. Она точно была влюблена въ нее.

— Мы въ первый разъ видимся, Алексѣй Ѳедоровичъ, проговорила она въ упоеніи:—я захотѣла узнать ее, увидать ее, я хотѣла идти къ ней, но она по первому желанію моему пришла сама. Я такъ и знала, что мы съ ней все рѣшимъ, все! Такъ сердце предчувствовало... Меня упрашивали оставить этотъ шагъ, но я предчувствовала исходъ и не ошиблась. Грушенька все разъяснила мнѣ, всѣ свои намѣренія; она какъ ангелъ добрый слетѣла сюда и принесла покой и радость...

— Не погнушались мной, милая, достойная барышня, нараспѣвъ протянула Грушенька все съ тою-же милою, радостною улыбкой.

— И не смѣйте говорить мнѣ такія слова, обаятельница, волшебница! Вами-то гнушаться? Вотъ я нижнюю губку вашу еще разъ поцѣлую. Она у васъ точно припухла, такъ вотъ чтобъ она еще больше припухла, и еще, еще... Посмотрите какъ она смѣется, Алексѣй Ѳедоровичъ, сердце веселится, глядя на этого ангела... Алеша краснѣлъ и дрожалъ незамѣтною малою дрожью.

— Нѣжите вы меня, милая барышня, а я, можетъ, и вовсе не стою ласки вашей.

— Не стоитъ! Она-то этого не стоитъ! воскликнула опять съ тѣмъ-же жаромъ Катерина Ивановна, знайте, Алексѣй Ѳедоровичъ, что мы фантастическая головка, что мы своевольное, но гордое-прегордое сердечко! Мы благородны, Алексѣй Ѳедоровичъ, мы великодушны, знаете-ли вы это? Мы были лишь несчастны. Мы слишкомъ скоро готовы были принести всякую жертву недостойному, можетъ быть, или легкомысленному человѣку. Былъ одинъ, одинъ тоже офицеръ, мы его полюбили, мы ему все принесли, давно это было, пять лѣтъ назадъ, а онъ насъ забылъ, онъ женился. Теперь онъ овдовѣлъ, писалъ, онъ ѣдетъ сюда —и знайте, что мы одного его, одного его только любимъ до сихъ поръ и любили всю жизнь! Онъ пріѣдетъ и Грушенька опять будетъ счастлива, а всѣ пять лѣтъ эти она была несчастна. Но кто-же попрекнетъ ее, кто можетъ похвалиться ея благосклонностью! Одинъ этотъ старикъ безногій, купецъ,- но онъ былъ скорѣй нашимъ отцомъ, другомъ нашимъ, оберегателемъ. Онъ засталъ насъ тогда въ отчаяніи, въ мукахъ, оставленную тѣмъ, кого мы такъ любили... да вѣдь она утопиться тогда хотѣла, вѣдь старикъ этотъ спасъ ее, спасъ ее!

— Очень ужь вы защищаете меня, милая барышня, очень ужь вы во всемъ поспѣшаете, протянула опять Грушенька.

Защищаю? Да намъ-ли защищать, да еще смѣемъ-ли мы тутъ защищать? Грушенька, ангелъ, дайте мнѣ вашу ручку, посмотрите

на эту пухленькую, маленькую, прелестную ручку. Алексѣй Ѳедоровичъ: видите-ли вы ее, она мнѣ счастье принесла и воскресила меня и я вотъ цѣловать ее сейчасъ буду, и сверху, и въ ладошку, вотъ, вотъ и вотъ! И она три раза какъ-бы въ упоеніи поцѣловала дѣйствительно прелестную, слишкомъ, можетъ быть, пухлую ручку Грушеньки. Та-же, протянувъ эту ручку, съ первымъ, звонкимъ прелестнымъ смѣшкомъ слѣдила за милою барышней, и ей видимо было пріятно, что ея ручку такъ цѣлуютъ. «Можетъ быть, слишкомъ ужъ много восторга»,—мелькнуло въ головѣ Алеши. Онъ покраснѣлъ. Сердце его было все время какъ-то особенно неспокойно.

— Не устыдите вѣдь вы меня, милая барышня, что ручку мою при Алексѣѣ Ѳедоровичѣ такъ цѣловали.

— Да развѣ я васъ тѣмъ устыдить хотѣла? промолвила нѣсколько удивленно Катерина Ивановна. — ахъ, милая, какъ вы меня дурно понимаете!

— Да вы-то меня, можетъ, тоже не такъ совсѣмъ понимаете, милая барышня, я, можетъ, гораздо дурнѣе того тѣмъ у васъ на виду. Я сердцемъ дурная, я своевольная. Я Дмитрія Ѳедоровича бѣднаго изъ-за насмѣшки одной тогда заполонила.

— Но вѣдь теперь вы-же его и спасете. Вы дали слово. Вы вразумите его, вы откроете ему, что любите другаго, давно, и который теперь вамъ руку свою предлагаетъ...

— Ахъ нѣтъ, я вамъ не давала такого слова. Вы это сами мнѣ все говорили, а я не давала.

— Я васъ не такъ, стало быть, поняла, тихо и какъ-бы капельку побѣдивъ проговорила Катерина Ивановна. Вы обѣщали...

— Ахъ нѣтъ, ангель-барышня, ничего я вамъ не обѣщала, — тихо и ровно все съ тѣмъ-же веселымъ и невиннымъ выраженіемъ перебила Грушенька. —Вотъ и видно сейчасъ, достойная барышня, какая я предъ вами скверная и самовластная. Мнѣ что захочется, такъ я такъ и поступлю. Давеча я, можетъ, вамъ и пообѣщала что, а вотъ сейчасъ опять думаю: вдругъ онъ опять мнѣ понравится, Митя-то,— разъ ужъ мнѣ вѣдь онъ очень понравился, цѣлый часъ почти даже нравился. Вотъ я, можетъ быть, пойду да и скажу ему сейчасъ, чтобъ онъ у меня съ сего-же дня остался... Вотъ я какая непостоянная...

Давеча вы говорили... совсѣмъ не то... едва прошептала Катерина Ивановна.

— Ахъ, давеча! А вѣдь я сердцемъ нѣжная, глупая. Вѣдь подумать только, что онъ изъ-за меня перенесъ! А вдругъ домой приду да и пожалѣю его,—тогда что?

— Я не ожидала...

— Эхъ, барышня, какая вы предо мной добрая, благородная выходите. Вотъ вы теперь, пожалуй, меня, этакую дуру, и разло-

бите за мой характеръ. „Дайте мнѣ вашу милую ручку, ангелъ-барышня. нѣжно попросила она и какъ-бы съ благоговѣніемъ взяла ручку Катерины Ивановны. -Вотъ я, милая барышня. вашу ручку возьму и также какъ вы мнѣ поцѣлую. Вы мнѣ три раза поцѣловали. а мнѣ-бы вамъ надо триста разъ за это поцѣловать. чтобы сквитаться. „Да такъ ужъ и быть. а затѣмъ пусть какъ Богъ пошлетъ. можетъ, я вамъ полная раба буду и во всемъ поклялась вамъ рабски угодить. Какъ Богъ положитъ, пусть такъ оно и будетъ, безо всякихъ между собой сговоровъ и обѣщаній. Ручка-то, ручка-то у васъ милая. ручка-то! Барышня вы милая, раскрасавица вы моя невозможная!

Она тихо понесла эту ручку къ губамъ своимъ, правда, съ страшною цѣлью: „сквитаться" поцѣлуями. Катерина Ивановна не отняла руки: она съ робкою надеждой выслушала послѣднее. Хотя тоже очень страшно выраженное обѣщаніе Грушеньки „рабски угодить ей; она напряженно смотрѣла ей въ глаза: она видѣла въ этихъ глазахъ все тоже простодушное, „довѣрчивое выраженіе. все ту-же ясную веселость... Она, можетъ быть, слишкомъ наивна! Промелькнула надеждой въ сердцѣ Катерины Ивановны. Грушенька между тѣмъ какъ-бы въ восхищеніи отъ „милой ручки", медленно поднимала ее къ губамъ своимъ. Но у самыхъ губъ она вдругъ ручку задержала на два, на три мгновенія. какъ-бы раздумывая о чемъ-то.

— А знаете что, ангелъ-барышня. вдругъ протянула она самымъ ужъ нѣжнымъ и слащавѣйшимъ голоскомъ. - знаете что. Возьму я да вашу ручку и не поцѣлую. И она засмѣялась маленькимъ развеселымъ смѣшкомъ.

— Какъ хотите... Что съ вами? вздрогнула вдругъ Катерина Ивановна.

— А такъ и оставайтесь съ тѣмъ на память. что вы-то у меня ручку цѣловали, а я у васъ нѣтъ. Что-то сверкнуло вдругъ въ ея глазахъ. Она ужасно пристально глядѣла на Катерину Ивановну.

— Наглая! проговорила вдругъ Катерина Ивановна. какъ-бы вдругъ что-то поняв. вся вспыхнула и вскочила съ мѣста. Не спѣша поднялась и Грушенька.

— Такъ я и Митѣ сейчасъ перескажу, какъ вы мнѣ цѣловали ручку, а я-то у васъ совсѣмъ нѣтъ. А ужъ какъ онъ будетъ смѣяться!

— Мерзавка, вонъ!

— Ахъ. какъ стыдно, барышня. ахъ. какъ стыдно. это вамъ даже и непристойно совсѣмъ. такія слова. милая барышня.

— Вонъ продажная тварь! завопила Катерина Ивановна. Всякая черточка дрожала въ ея совсѣмъ неказнившемся лицѣ.

— Ну ужъ и продажная. Сами вы дѣвицей къ кавалерамъ за деньгами въ сумерки хаживали. свою красоту продавать приносили. вѣдь я-же знаю.

Катерина Ивановна вскрикнула и бросилась было на нее, но ее удержалъ всею силой Алеша:

— Ни шагу, ни слова! Не говорите, не отвѣчайте ничего, она уйдетъ, сейчасъ уйдетъ!

Въ это мгновеніе въ комнату вбѣжали на крикъ обѣ родственницы Катерины Ивановны, вбѣжала и горничная. Всѣ бросились къ ней.

— И уйду, проговорила Грушенька, подхвативъ съ дивана мантилью.—Алеша, милый, проводи-ка меня!

— Уйдите, уйдите поскорѣй! сложилъ предъ нею, умоляя, руки Алеша.

— Милый Алешинька, проводи! Я тебѣ дорогой, хорошенькое-хорошенькое одно словцо скажу! Я это для тебя, Алешинька, сцену продѣлала. Проводи, голубчикъ, послѣ понравится.

Алеша отвернулся, ломая руки. Грушенька, звонко смѣясь, выбѣжала изъ дому.

Съ Катериной Ивановной сдѣлался припадокъ. Она рыдала, спазмы душили ее. Всѣ около нея суетились.

— Я васъ предупреждала, говорила ей старшая тетка,—я васъ удерживала отъ этого шага... вы слишкомъ пылки... развѣ можно было рѣшиться на такой шагъ! Вы этихъ тварей не знаете, а про эту говорятъ, что она хуже всѣхъ... Нѣтъ, вы слишкомъ своевольны!

— Это тигръ! завопила Катерина Ивановна.—Зачѣмъ вы удержали меня, Алексѣй Ѳедоровичъ, я-бы избила ее, избила!

Она не въ силахъ была сдерживать себя предъ Алешей, можетъ быть, и не хотѣла сдерживаться.

— Ее нужно плетью, на эшафотѣ, чрезъ палача, при народѣ!..

Алеша попятился къ дверямъ.

— Но, Боже! вскрикнула вдругъ Катерина Ивановна, всплеснувъ руками, онъ-то! Онъ могъ быть такъ безчестенъ, такъ безчеловѣченъ! Вѣдь онъ разсказалъ этой твари о томъ, что было тамъ, въ тогдашній роковой, вѣчно проклятый, проклятый день! Приходили красу продавать, милая барышня! Она знаетъ! Вашъ братъ подлецъ, Алексѣй Ѳедоровичъ!

Алешѣ хотѣлось что-то сказать, но онъ не находилъ ни одного слова. Сердце его сжималось до боли.

— Уходите, Алексѣй Ѳедоровичъ! Мнѣ стыдно, мнѣ ужасно! Завтра... умоляю васъ на колѣняхъ, придите завтра. Не осудите, простите, я не знаю что съ собой еще сдѣлаю!

Алеша вышелъ на улицу, какъ-бы шатаясь. Ему тоже хотѣлось плакать, какъ и ей. Вдругъ его догнала служанка.

— Барышня забыла вамъ передать это письмецо отъ госпожи Хохлаковой, оно у нихъ съ обѣда лежитъ.

Алеша машинально принялъ маленькій розовый конвертикъ и сунулъ его, почти не сознавая, въ карманъ.

XI.

Еще одна погибшая репутація.

Отъ города до монастыря было не болѣе версты съ небольшимъ. Алеша спѣшно пошелъ по пустынной въ этотъ часъ дорогѣ. Почти уже стала ночь, въ тридцати шагахъ трудно уже было различать предметы. На половинѣ дороги приходился перекрестокъ. На перекресткѣ, подъ уединенною ракитой, завидѣлась какая-то фигура. Только что Алеша вступилъ на перекрестокъ, какъ фигура сорвалась съ мѣста, бросилась на него и пѣстовымъ голосомъ прокричала:

— Кошелекъ или жизнь!

— Такъ это ты, Митя! удивился сильно вздрогнувшій однако Алеша.

— Ха-ха-ха! Ты не ожидалъ? Я думаю: гдѣ тебя подождать? У ея дома? Оттуда три дороги и я могу тебя прозѣвать. Надумалъ, наконецъ, дождаться здѣсь, потому что здѣсь-то онъ пройдетъ непремѣнно, другаго пути въ монастырь не имѣется. Ну, объявляй правду, давилъ меня какъ таракана... Да что съ тобой?

— Ничего, братъ... я такъ, съ испугу. Ахъ, Дмитрій! Давеча эта кровь отца (Алеша заплакалъ, ему давно хотѣлось заплакать, а теперь у него вдругъ какъ-бы что-то порвалось въ душѣ). Ты чуть не убилъ его... проклялъ его... и вотъ теперь... здѣсь... сейчасъ... ты шутишь шутки... кошелекъ или жизнь!

— А, да, что-жь? Неприлично что-ли? Не идетъ къ положенію?

— Да нѣтъ... я такъ...

— Стой. Посмотри на ночь: видишь, какая мрачная ночь, облака-то, вѣтеръ какой поднялся! Спрятался я здѣсь, подъ ракитой, тебя жду, и вдругъ подумалъ (вотъ тебѣ Богъ!): да чего-же больше маяться, чего ждать? Вотъ ракита, платокъ есть, рубашка есть, веревку сейчасъ можно свить, помочи въ придачу и — не обременитъ ужь болѣе землю, не безчеститъ низкимъ своимъ присутствіемъ! И вотъ слышу ты идешь, — Господи, точно слетѣло что на меня вдругъ: да вѣдь есть-же, стало быть, человѣкъ, котораго и я люблю, вѣдь вотъ онъ, вотъ тотъ человѣчекъ, братишка мой милый, кого я всѣхъ больше на свѣтѣ люблю и кого я единственно люблю! И такъ я тебя полюбилъ, такъ въ эту минуту любилъ, что подумалъ: брошусь сейчасъ къ нему на шею! Да глупая мысль пришла: повеселю его, испугаю. И закричалъ какъ дуракъ: кошелекъ! Прости дурачеству это только вздоръ, а на душѣ у меня... тоже прилично... Ну, да чортъ, говори однако, что тамъ?

Что она сказала? Дави меня, рази меня, не щади! Въ изступленіе пришла?

— Нѣтъ, не то... Тамъ было совсѣмъ не то, Митя. Тамъ... Я тамъ сейчасъ ихъ обѣихъ засталъ.

— Какихъ обѣихъ?

— Грушеньку у Катерины Ивановны.

Дмитрій Ѳедоровичъ остолбенѣлъ.

— Невозможно! вскричалъ онъ,—ты бредишь! Грушенька у нея?

Алеша разсказалъ все, что случилось съ нимъ съ самой той минуты, какъ вошелъ къ Катеринѣ Ивановнѣ. Онъ разсказывалъ минутъ десять, нельзя сказать, чтобы плавно и складно, но, какъ-то, передалъ ясно, схватывая самыя главныя слова, самыя главныя движенія и ярко передавая, часто одною чертой, собственныя чувства. Братъ Дмитрій слушалъ молча, глядѣлъ въ упоръ со страшною неподвижностью, но Алешѣ ясно было, что онъ уже все понялъ, осмыслилъ весь фактъ. Но лицо его, чѣмъ дальше подвигался разсказъ, становилось не то что мрачнымъ, а какъ-бы грознымъ. Онъ нахмурилъ брови, стиснулъ зубы, неподвижный взглядъ его сталъ какъ-бы еще неподвижнѣе, упорнѣе, ужаснѣе... Тѣмъ неожиданнѣе было когда вдругъ, съ непостижимою быстротой, измѣнилось разомъ все лицо его, досель гнѣвное и свирѣпое, сжатыя губы раздвинулись и Дмитрій Ѳедоровичъ залился вдругъ самымъ неудержимымъ, самымъ неподдѣльнымъ смѣхомъ. Онъ буквально залился смѣхомъ, онъ долгое время даже не могъ говорить отъ смѣха.

— Такъ и не поцѣловала ручку! Такъ и не поцѣловала, такъ и убѣжала! выкрикивалъ онъ въ болѣзненномъ какомъ-то восторгѣ,— въ нагломъ восторгѣ можно-бы тоже сказать, если-бы восторгъ этотъ не былъ столь безыскусственъ.—Такъ та кричала, что это тигръ! Тигръ и есть! Такъ ее на эшафотъ надо? Да, да, надо-бы, надо, я самъ того мнѣнія, что надо, давно надо! Видишь-ли, братъ, пусть эшафотъ, но надо еще сперва выздоровѣть. Понимаю царицу наглости, вся она тутъ, вся она въ этой ручкѣ высказалась, инфернальница! Это царица всѣхъ инфернальницъ, какихъ можно только вообразить на свѣтѣ! Въ своемъ родѣ восторгъ! Такъ она домой побѣжала? Сейчасъ я... ахъ... Побѣгу-ка я къ ней! Алешка, не вини меня, я вѣдь согласенъ, что ее придушить мало...

А Катерина Ивановна! печально воскликнулъ Алеша.

— И ту вижу, всю насквозь и ту вижу, и такъ вижу, какъ никогда! Тутъ цѣлое открытіе всѣхъ четырехъ странъ свѣта, пяти то есть! Этакій шагъ! Это именно та самая Катенька, институточка, которая къ нелѣпому грубому офицеру не побоялась изъ великодушной идеи спасти отца прибѣжать, рискуя страшно быть оскорбленною! Но гордость паша, по потребность риска, по вызовъ

судьбѣ, вызовъ въ безпредѣльность! Ты говоришь ее эта тетка останавливала? Эта тетка, знаешь, сама самовластная, это вѣдь родная сестра московской той генеральши, она поднимала еще больше той носъ, да мужъ былъ уличенъ въ казнокрадствѣ, лишился всего, и имѣнія, и всего, и гордая супруга вдругъ понизила тонъ, да съ тѣхъ поръ и не поднялась. Такъ она удерживала Катю, а та не послушалась. Все, дескать, могу побѣдить, все мнѣ подвластно; захочу и Грушеньку околдую и — сама вѣдь себѣ вѣрила, сама надъ собой форсила, кто-жь виноватъ? Ты думаешь, она нарочно эту ручку первая поцѣловала у Грушеньки, съ разсчетомъ хитрымъ? Нѣтъ, она взаправду, она взаправду влюбилась въ Грушеньку, то есть не въ Грушеньку, а въ свою-же мечту, въ свой бредъ,— потому-де что это *моя* мечта, *мой* бредъ! Голубчикъ, Алеша, да какъ ты отъ нихъ, отъ этакихъ, спасся? Убѣжалъ что-ли, подобравъ подрясникъ? Ха-ха-ха!

— Братъ, а ты, кажется, и не обратилъ вниманія, какъ ты обидѣлъ Катерину Ивановну тѣмъ, что разсказалъ Грушенькѣ о томъ днѣ, а та сейчасъ ей бросила въ глаза, что вы сами къ кавалерамъ красу тайкомъ продавать ходили! Братъ, что̀-же больше этой обиды?— Алешу всего болѣе мучила мысль, что братъ точно радъ униженію Катерины Ивановны, хотя, конечно, того быть не могло.

— Ба! страшно вдругъ нахмурился Дмитрій Ѳедоровичъ и ударилъ себя ладонью по лбу. Онъ только что теперь обратилъ вниманіе, хотя Алеша разсказалъ все давеча за разъ, и обиду, и крикъ Катерины Ивановны:— Вашъ братъ подлецъ! Да, въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть, я и разсказалъ Грушенькѣ о томъ роковомъ днѣ, какъ говоритъ Катя. Да, это такъ, разсказалъ, припоминаю! Это было тогда-же, въ Мокромъ, я былъ пьянъ, цыганки пѣли... Но вѣдь я рыдалъ, рыдалъ тогда самъ, я стоялъ на колѣнкахъ, я молился на образъ Кати, и Грушенька это понимала. Она тогда все поняла, я припоминаю, она сама плакала... А, чортъ! Да могло-ли иначе быть теперь? Тогда плакала, а теперь... Теперь «кинжалъ въ сердце!» Такъ у бабъ.

Онъ потупился и задумался.

— Да, я подлецъ! Несомнѣнный подлецъ, произнесъ онъ вдругъ мрачнымъ голосомъ.— Все равно плакалъ или нѣтъ, все равно подлецъ! Передай тамъ, что принимаю наименованіе, если это можетъ утѣшить. Ну и довольно, прощай, что̀ болтать-то! Веселаго нѣтъ. Ты своею дорогой, а я своею. Да и видѣться больше не хочу, до какой-нибудь самой послѣдней минуты. Прощай, Алексѣй! Онъ крѣпко сжалъ руку Алеши и, все еще потупившись и не поднимая головы, точно сорвавшись, быстро зашагалъ къ городу.

Алеша смотрѣлъ ему вслѣдъ, не вѣря, чтобъ онъ такъ совсѣмъ вдругъ ушелъ.

Стой, Алексѣй, еще одно признаніе, тебѣ одному! вдругъ воротился Дмитрій Ѳедоровичъ назадъ. — Смотри на меня, пристально смотри: видишь, вотъ тутъ, вотъ тутъ — готовится страшное безчестіе. (Говоря вотъ тутъ, Дмитрій Ѳедоровичъ ударялъ себя кулакомъ по груди и съ такимъ страшнымъ видомъ, какъ будто безчестіе лежало и сохранялось именно тутъ на груди его, въ какомъ-то мѣшкѣ, въ карманѣ, можетъ быть, или на шеѣ вѣшало зашитое). Ты уже знаешь меня: подлецъ, подлецъ признанный! Но знай, что-бы я ни сдѣлалъ прежде, теперь или впереди, — ничто, ничто не можетъ сравниться въ подлости съ тѣмъ безчестіемъ, которое именно теперь, именно въ эту минуту нону вотъ здѣсь на груди моей, вотъ тутъ, тутъ, которое дѣйствуетъ и совершается, и которое я полный хозяинъ остановить, могу остановить или совершить, замѣть это себѣ! Ну, такъ знай-же, что я его совершу, а не остановлю. Я давеча тебѣ все разсказалъ, а этого не разсказалъ, потому что даже и у меня на то мѣднаго лба не хватило! Я могу еще остановиться: остановясь, я могу завтра-же цѣлую половину потерянной чести воротить, но я не остановлюсь, я совершу подлый замыселъ, и будь ты впередъ свидѣтелемъ, что я заранѣе и зазнамо говорю это! Гибель и мракъ! Объяснять нечего, въ свое время узнаешь. Смрадный переулокъ и инфернальница! Прощай. Не молись обо мнѣ, не стою, да и не нужно совсѣмъ, совсѣмъ не нужно... не нуждаюсь вовсе! Прочь!..

И онъ вдругъ удалился, на этотъ разъ уже совсѣмъ. Алеша пошелъ къ монастырю: «Какъ-же, какъ-же я никогда его не увижу, что онъ говоритъ?» Дико представлялось ему, — да завтра-же непремѣнно увижу и розыщу его, нарочно розыщу, что онъ такое говоритъ!..»

Монастырь онъ обошелъ кругомъ и черезъ сосновую рощу прошелъ прямо въ скитъ. Тамъ ему отворили, хотя въ этотъ часъ уже никого не впускали. Сердце у него дрожало, когда онъ вошелъ въ келью старца: Зачѣмъ, зачѣмъ онъ выходилъ, зачѣмъ тотъ послалъ его въ міръ? Здѣсь тишина, здѣсь святыня, а тамъ — смущенье, тамъ мракъ, въ которомъ сразу потеряешься и заблудишься»...

Въ кельѣ находились послушникъ Порфирій и іеромонахъ отецъ Паисій, весь день каждый часъ заходившій узнать о здоровьѣ отца Зосимы, которому, какъ со страхомъ узналъ Алеша, становилось все хуже и хуже. Даже обычной вечерней бесѣды съ братіей на сей разъ не могло состояться. Обыкновенно по вечеру, послѣ

службы, ежедневно, на сонъ грядущій стекалась монастырская братія въ келью старца и всякій вслухъ исповѣдывалъ ему сегодняшнія прегрѣшенія свои, грѣшныя мечты, мысли, соблазны, даже ссоры между собой, если таковыя случались. Иные исповѣдывались на колѣняхъ. Старецъ разрѣшалъ, мирилъ, наставлялъ, налагалъ покаяніе, благословлялъ и отпускалъ. Вотъ противъ этихъ-то братскихъ исповѣдей и возставали противники старчества, говоря, что это профанація исповѣди, какъ таинства, почти кощунство, хотя тутъ было совсѣмъ иное. Выставляли даже епархіальному начальству, что такія исповѣди не только не достигаютъ доброй цѣли, но дѣйствительно и нарочито вводятъ въ грѣхъ и соблазнъ. Многіе-де изъ братіи тяготятся ходить къ старцу, а приходятъ поневолѣ, потому что всѣ идутъ, такъ чтобы ихъ не прияли за гордыхъ и бунтующихъ помысломъ. Разсказывали, что нѣкоторые изъ братіи, отправляясь на вечернюю исповѣдь, условливались между собою заранѣе: „я, дескать, скажу, что я на тебя утромъ озлился, а ты подтверди“ — это чтобы было что сказать, чтобы только отдѣлаться. Алеша зналъ, что это дѣйствительно иногда такъ и происходило. Онъ зналъ тоже, что есть изъ братіи весьма недужные и на то, что, по обычаю, даже письма отъ родныхъ, получаемыя скитниками, приносились сначала къ старцу, чтобъ онъ распечатывалъ и прочитывалъ ихъ прежде получателей. Предполагалось, разумѣется, что все это должно совершаться свободно и искренно, отъ всей души, во имя вольнаго смиренія и спасительнаго назиданія, но на дѣлѣ, какъ оказывалось, происходило иногда и весьма нескренно, а, напротивъ, выдѣланно и фальшиво. Но старшіе и опытнѣйшіе изъ братіи стояли на своемъ, разсуждая, что кто искренно вошелъ въ эти стѣны, чтобы спастись, для тѣхъ всѣ эти послушанія и подвиги окажутся несомнѣнно спасительными и принесутъ имъ великую пользу; кто-же, напротивъ, тяготится и ропщетъ, тотъ все равно какъ-бы и не инокъ и напрасно только пришелъ въ монастырь, такому мѣсто въ мірѣ. Отъ грѣха-же и отъ діавола не только въ мірѣ, но и во храмѣ не убережешься, а, стало быть, и нечего грѣху потакать».

— Ослабѣлъ, сонливость нашла, шепотомъ сообщилъ Алешѣ отецъ Паисій, благословивъ его. — Разбудить даже трудно. Но и не надо будить. Минутъ на пять проснался, просилъ снести братіи его благословеніе, а у братіи просилъ о немъ ночныхъ молитвъ. Завтра намѣренъ еще разъ причаститься. О тебѣ вспоминалъ, Алексѣй, спрашивалъ уѣхалъ-ли ты, отвѣчали, что въ городъ. На то я и благословилъ его: тамъ его мѣсто, а пока не здѣсь. Вотъ что изрекъ о тебѣ. Любовно о тебѣ вспоминалъ, съ заботой, смыслишь-ли ты, чего удостоился? Только какъ-же это опредѣлилъ онъ

тебѣ, пока быть срокъ въ мірѣ? Значитъ, предвидитъ нѣчто въ судьбѣ твоей! Пойми, Алексѣй, что если и возвратишься въ міръ, то какъ-бы на возложенное на тя послушаніе старцемъ твоимъ, а не на суетное легкомысліе и не на мірское веселіе...

Отецъ Паисій вышелъ. Что старецъ отходилъ, въ томъ не было сомнѣнія для Алеши, хотя могъ прожить еще и день, и два. Алеша твердо и горячо рѣшилъ, что не смотря на обѣщаніе данное имъ видѣться съ отцомъ, Хохлаковыми, братомъ и Катериной Ивановной — завтра онъ не выйдетъ изъ монастыря совсѣмъ и останется при старцѣ своемъ до самой кончины его. Сердце его загорѣлось любовью и онъ горько упрекнулъ себя, что могъ на мгновеніе тамъ, въ городѣ, даже забыть о томъ, кого оставилъ въ монастырѣ на одрѣ смерти и кого чтилъ выше всѣхъ на свѣтѣ. Онъ прошелъ въ спаленку старца, сталъ на колѣни и поклонился спящему до земли. Тотъ тихо, недвижимо спалъ, чуть дыша, ровно и почти непримѣтно. Лицо его было спокойно.

Воротясь въ другую комнату, — въ ту самую, въ которой по утру старецъ принималъ гостей, Алеша, почти не раздѣваясь и снявъ лишь сапоги, улегся на коканомъ, жесткомъ и узкомъ диванчикѣ, на которомъ онъ и всегда спалъ, давно уже, каждую ночь, принося лишь подушку. Тюфякъ-же, о которомъ кричалъ давеча отецъ его, онъ уже давно забылъ постилать себѣ. Онъ снималъ лишь свой подрясникъ, и имъ накрывался вмѣсто одѣяла. Но передъ сномъ, онъ бросился на колѣни и долго молился. Въ горячей молитвѣ своей онъ не просилъ Бога разъяснить ему смущеніе его, а лишь жаждалъ радостнаго умиленія, прежняго умиленія, всегда посѣщавшаго его душу, послѣ хвалы и славы Богу, въ которыхъ и состояла обыкновенно вся на сонъ грядущій молитва его. Эта радость, посѣщавшая его, вела за собой легкій и спокойный сонъ. Молясь и теперь, онъ вдругъ, случайно нащупалъ въ карманѣ, тотъ розовый, маленькій пакетикъ, который передала ему догнавшая его на дорогѣ служанка Катерины Ивановны. Онъ смутился, но докончилъ молитву. Затѣмъ, послѣ нѣкотораго колебанія, вскрылъ пакетъ. Въ немъ было къ нему письмецо, подписанное Lise,— тою самою молоденькою дочерью госпожи Хохлаковой, которая утромъ такъ смѣялась надъ нимъ при старцѣ.

Алексѣй Ѳедоровичъ, писала она, пишу вамъ отъ всѣхъ секретно, и отъ маменьки, и знаю какъ это не хорошо. Но я не могу больше жить, если не скажу вамъ того, что̀ родилось въ моемъ сердцѣ а этого никто, кромѣ насъ двоихъ, не долженъ до времени знать. Но какъ я вамъ скажу то, что̀ я такъ хочу вамъ сказать? Бумага, говорятъ, не краснѣетъ, увѣряю васъ, что это неправда и что краснѣетъ она также точно, какъ и я теперь вся. Милый

Алеша, я васъ люблю, люблю еще съ дѣтства, съ Москвы, когда вы были совсѣмъ не такой какъ теперь, и люблю на всю жизнь. Я васъ избрала сердцемъ моимъ, чтобы съ вами соединиться, а въ старости кончить вмѣстѣ нашу жизнь. Конечно съ тѣмъ условіемъ, что вы выйдете изъ монастыря. На счетъ-же лѣтъ нашихъ мы подождемъ, сколько приказано закономъ. Къ тому времени, я непремѣнно выздоровлю, буду ходить и танцовать. Объ этомъ не можетъ быть слова.

Видите, какъ я все обдумала, одного только не могу придумать: что подумаете вы обо мнѣ, когда прочтете? Я все смѣюсь и шалю, я давеча васъ разсердила, но увѣряю васъ, что сейчасъ, передъ тѣмъ какъ взяла перо, я помолилась на образъ Богородицы, да и теперь молюсь, и чуть не плачу.

Мой секретъ у васъ въ рукахъ, завтра какъ придете, не знаю какъ и взгляну на васъ. Ахъ, Алексѣй Ѳедоровичъ, что если я опять не удержусь, какъ дура, и засмѣюсь какъ давеча, на васъ глядя? Вѣдь вы меня примете за скверную насмѣшницу и письму моему не повѣрите. А потому умоляю васъ, милый, если у васъ есть состраданіе ко мнѣ, когда вы войдете завтра, то не глядите мнѣ слишкомъ прямо въ глаза, потому что я, встрѣтясь съ вашими, можетъ быть, непремѣнно вдругъ разсмѣюсь, а къ тому-же вы будете въ этомъ длинномъ платьѣ... Даже теперь я вся холодѣю, когда объ этомъ подумаю, а потому какъ войдете, не смотрите на меня нѣкоторое время совсѣмъ, а смотрите на маменьку или на окошко...

Вотъ я написала вамъ любовное письмо. Боже мой, что я сдѣлала! Алеша, не презирайте меня, и если я что сдѣлала очень дурное и васъ огорчила, то извините меня. Теперь тайна моей, погибшей на вѣки, можетъ быть, репутаціи въ вашихъ рукахъ.

Я сегодня непремѣнно буду плакать. До свиданья, до *ужаснаго свиданья*. Lise.

P. S. Алеша, только вы непремѣнно, непремѣнно, непремѣнно придите! Lise».

Алеша прочелъ съ удивленіемъ, прочелъ два раза, подумалъ и вдругъ тихо, сладко засмѣялся. Онъ было вздрогнулъ, смѣхъ этотъ показался ему грѣховнымъ. Но мгновеніе спустя, онъ опять разсмѣялся также тихо и также счастливо. Медленно вложилъ онъ письмо въ конвертикъ, перекрестился и легъ. Смятеніе души его вдругъ прошло. Господи, помилуй ихъ всѣхъ, давешнихъ, сохрани ихъ несчастныхъ и бурныхъ, и направь. У Тебя пути: ими-же вѣси путями спаси ихъ. Ты любовь. Ты всѣмъ пошлешь и радость! бормоталъ крестясь, засыпая безмятежнымъ сномъ Алеша.

Часть вторая.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

НАДРЫВЫ.

I.

Отецъ Ѳерапонтъ.

Рано утромъ, еще до свѣта, былъ пробужденъ Алеша. Старецъ проснулся и почувствовалъ себя весьма слабымъ, хотя и пожелалъ съ постели пересѣсть въ кресло. Онъ былъ въ полной памяти: лицо-же его было хотя и весьма утомленное, но ясное, почти радостное, а взглядъ веселый, привѣтливый, зовущій. Можетъ, и не переживу наступившаго дня сего, сказалъ онъ Алешѣ: затѣмъ возжелалъ исповѣдаться и причаститься немедленно. Духовникомъ его всегда былъ отецъ Паисій. По совершеніи обоихъ таинствъ началось соборованіе. Собрались іеромонахи, кельи мало по малу наполнилась скитниками. Наступилъ между тѣмъ день. Стали приходить и изъ монастыря. Когда кончилась служба, старецъ со всѣми возжелалъ проститься и всѣхъ цѣловалъ. По тѣснотѣ кельи, приходившіе прежде выходили и уступали другимъ. Алеша стоялъ подлѣ старца, который опять пересѣлъ въ кресло. Онъ говорилъ и училъ сколько могъ, голосъ его, хоть и слабый, былъ еще довольно твердъ. «Столько лѣтъ училъ васъ я, стало быть, столько лѣтъ всухъ говорилъ, что какъ-бы и привычку взялъ говорить, а говоря васъ учить, и до того сіе, что молчать мнѣ почти и труднѣе было-бы чѣмъ говорить, отцы и братія милые, даже и теперь, при слабости моей, — пошутилъ онъ, умильно взирая на толпившихся около него. Алеша упомнилъ потомъ кое-что изъ того, что онъ тогда сказалъ. Но хоть и внятно говорилъ, и хоть и голосомъ достаточно твердымъ, но рѣчь его была довольно несвязна. Говорилъ онъ о многомъ, казалось.

хотѣлъ-бы все сказать, все высказать еще разъ, предъ смертною минутой, изо всего недосказаннаго въ жизни, и не поученія лишь одного ради, а какъ-бы жаждая подѣлиться радостью и восторгомъ своимъ со всѣми и вся, излиться еще разъ въ жизни сердцемъ своимъ...

«Любите другъ друга, отцы, училъ старецъ (сколько запомнилъ потомъ Алеша). Любите народъ Божій. Не святѣе-же мы міръ затого, что сюда пришли и въ сихъ стѣнахъ затворились, а, напротивъ, всякій сюда пришедшій, уже тѣмъ самымъ, что пришелъ сюда, позналь про себя, что онъ хуже всѣхъ міръ и всѣхъ и вся на землѣ... И чѣмъ долѣе потомъ будетъ жить инокъ въ стѣнахъ своихъ, тѣмъ чувствительнѣе долженъ и сознавать сіе. Ибо въ противномъ случаѣ не зачѣмъ ему было и приходить сюда. Когда-же познаетъ, что не только онъ хуже всѣхъ міръ, но и предъ всѣми людьми за всѣхъ и за вся виноватъ, за всѣ грѣхи людскіе, міровые и единоличные, то тогда лишь цѣль нашего единенія достигнется. Ибо знайте, милые, что каждый единый изъ насъ виновенъ за всѣхъ и за вся на землѣ несомнѣнно, не только по общей міровой винѣ, а единолично каждый за всѣхъ людей и за всякаго человѣка на сей землѣ. Сіе сознаніе есть вѣнецъ пути иноческаго, да и всякаго на землѣ человѣка. Ибо иноки не иные суть человѣки, а лишь только такіе, какими и всѣмъ на землѣ людямъ быть надлежало-бы. Тогда лишь и умилилось-бы сердце наше въ любовь безконечную, вселенскую, не знающую насыщенія. Тогда каждый изъ васъ будетъ въ силахъ весь міръ любовію пріобрѣсти и слезами своими міровые грѣхи омыть... Всякъ ходи около сердца своего, всякъ себѣ неповѣдайся неустанно. Грѣха своего не бойтесь, даже и сознавъ его, лишь-бы покаяніе было, но условій съ Богомъ не дѣлайте. Паки говорю—не гордитесь. Не гордитесь предъ малыми, не гордитесь и предъ великими. Не ненавидьте и отвергающихъ васъ, позорящихъ васъ, поносящихъ васъ и на васъ клевещущихъ. Не ненавидьте атеистовъ, злоучителей, матеріалистовъ, даже злыхъ изъ нихъ, не токмо добрыхъ, ибо и изъ нихъ много добрыхъ, наипаче въ наше время. Поминайте ихъ на молитвѣ тако: спаси всѣхъ. Господи, за кого некому помолиться, спаси и тѣхъ, кто не хочетъ Тебѣ молиться. И прибавьте тутъ-же: не по гордости моей молю о семъ, Господи, ибо и самъ мерзокъ семъ паче всѣхъ и вся... Народъ Божій любите, не отдавайте стада отбивать пришельцамъ, ибо если заснете въ лѣни и въ брезгливой гордости вашей, а пуще въ корыстолюбіи, то придутъ со всѣхъ странъ и отобьютъ у васъ стадо ваше. Толкуйте народу Евангеліе неустанно... Не лихоимствуйте... Сребра и золота не любите, не держите... Вѣруйте и знамя держите. Высоко возносите его»...

Старецъ, впрочемъ, говорилъ отрывочнѣе чѣмъ здѣсь было изложено и какъ записалъ потомъ Алеша. Иногда онъ пресѣкалъ говорить совсѣмъ, какъ-бы собираясь съ силами, задыхался, но былъ какъ-бы въ восторгѣ. Слушали его съ умиленіемъ, хотя многіе и дивились словамъ его и видѣли въ нихъ темноту... Потомъ всѣ эти слова вспоминали. Когда Алешѣ случилось на минуту отлучиться изъ кельи, то онъ былъ пораженъ всеобщимъ волненіемъ и ожиданіемъ толпившейся въ кельѣ и около кельи братіи. Ожиданіе было между иными почти тревожное, у другихъ торжественное. Всѣ ожидали чего-то немедленнаго и великаго тотчасъ по успеніи старца. Ожиданіе это съ одной точки зрѣнія было почти какъ-бы и легкомысленное, но даже и самые строгіе старцы подвергались сему. Всего строже было лицо старца іеромонаха Паисія. Алеша отлучился изъ кельи лишь потому, что былъ таинственно вызванъ чрезъ одного монаха, прибывшимъ изъ города Ракитинымъ со страннымъ письмомъ къ Алешѣ отъ госпожи Хохлаковой. Та сообщала Алешѣ одно любопытное, чрезвычайно кстати пришедшее извѣстіе. Дѣло состояло въ томъ, что вчера между вѣрующими простонародными женщинами, приходившими поклониться старцу и благословиться у него, была одна городская старушка, Прохоровна, унтеръ-офицерская вдова. Спрашивала она старца: можно-ли ей помянуть сыночка своего Васеньку, забхавшаго по службѣ далеко въ Сибирь, въ Иркутскъ, и отъ котораго она уже годъ не получала никакого извѣстія, вмѣсто покойника, въ церкви за упокой? На что старецъ отвѣтилъ ей со строгостію, запретивъ и назвавъ такого рода поминаніе подобнымъ колдовству. Но затѣмъ, простивъ ей по невѣдѣнію, прибавилъ «какъ-бы смотря въ книгу будущаго» (выражалась госпожа Хохлакова въ письмѣ своемъ) и утѣшеніе: что сынъ ея Вася живъ несомнѣнно, и что или самъ пріѣдетъ къ ней въ скорости, или письмо пришлетъ, и чтобъ она шла въ свой домъ и ждала его. И что-же? прибавляла въ восторгѣ госпожа Хохлакова: пророчество совершилось даже буквально, и даже болѣе того. Едва лишь старушка вернулась домой, какъ ей тотчасъ-же передали уже ожидавшее ее письмо изъ Сибири. Но этого еще мало: въ письмѣ этомъ, писанномъ съ дороги, изъ Екатеринбурга, Вася увѣдомлялъ свою мать, что ѣдетъ самъ въ Россію, возвращается съ однимъ чиновникомъ, и что недѣли чрезъ три по полученіи письма сего онъ надѣется обнять свою мать. Госпожа Хохлакова настоятельно и горячо умоляла Алешу немедленно передать это свершившееся вновь чудо предсказанія игумену и всей братіи: «Это должно быть всѣмъ, всѣмъ извѣстно!» восклицала она, заключая письмо свое. Письмо ея было писано на-скоро, поспѣшно, волненіе писавшей отзывалось въ каждой строчкѣ его. Но Алешѣ уже и нечего

было сообщать братіи, ибо всѣ уже все знали: Ракитинъ, пославъ за нимъ монаха, поручилъ тому, кромѣ того почтительнѣйшее донести и его высокопреподобію отцу Паисію, что имѣетъ до него онъ, Ракитинъ, нѣкое дѣло, но такой важности, что и минуты не смѣетъ отложить для сообщенія ему, за дерзость-же свою земно проситъ простить его . Такъ какъ отцу Паисію монашекъ сообщилъ просьбу Ракитина раньше, чѣмъ Алешѣ, то Алешѣ, придя на мѣсто, осталось лишь, прочтя письмецо, сообщить его тотчасъ-же отцу Паисію въ видѣ лишь документа. И вотъ даже этотъ суровый и нетолерантный человѣкъ, прочтя, нахмурившись, извѣстіе о чудѣ , не могъ удержать вполнѣ нѣкотораго внутренняго чувства своего. Глаза его сверкнули, уста важно и проникновенно вдругъ улыбнулись.

— То-ли узримъ? какъ-бы вырвалось у него вдругъ.

— То-ли еще узримъ, то-ли еще узримъ! повторили кругомъ монахи, но отецъ Паисій, снова нахмурившись, попросилъ всѣхъ хотя-бы до времени вслухъ о семъ не сообщать никому, пока еще болѣе не подтвердится, ибо много въ свѣтскихъ легкомыслія, да и случай сей могъ произойдти естественно , прибавилъ онъ осторожно, какъ-бы для очистки совѣсти, но почти самъ не вѣруя своей оговоркѣ, что̀ очень хорошо усмотрѣли и слушавшіе. Въ тотъ-же часъ, конечно, чудо стало извѣстно всему монастырю и многимъ даже пришедшимъ въ монастырь къ литургіи свѣтскимъ. Всѣхъ-же болѣе, казалось, былъ пораженъ совершившимся чудомъ захожій въ обитель монашекъ отъ Святаго Сильвестра , изъ одной малой обители Олоренки на дальнемъ сѣверѣ. Онъ поклонился вчера старцу, стоя около г-жи Хохлаковой и, указывая ему на исцѣлѣвшую дочь этой дамы, проникновенно спросилъ его: Какъ дерзаете вы дѣлать такія дѣла?»

Дѣло въ томъ, что теперь онъ былъ уже въ нѣкоторомъ недоумѣніи и почти не зналъ чему вѣрить. Еще вчера въ вечеру, посѣтилъ онъ монастырскаго отца Ферапонта въ особой кельѣ его за настоятельскимъ корпусомъ и былъ пораженъ этою встрѣчей, которая произвела на него чрезвычайное и указавшее впечатлѣніе. Старецъ этотъ, отецъ Ферапонтъ, былъ тотъ самый престарѣлый монахъ, великій постникъ и молчальникъ, о которомъ мы уже и упоминали, какъ о противникѣ старца Зосимы, и главное старчества, которое и считалъ онъ вреднымъ и легкомысленнымъ новшествомъ. Противникъ этотъ былъ чрезвычайно опасенъ, не смотря на то, что онъ какъ молчальникъ, почти и не говорилъ ни съ кѣмъ ни слова. Опасенъ-же былъ онъ главное тѣмъ, что множество братіи вполнѣ сочувствовало ему, а изъ приходившихъ мірскихъ очень многіе чтили его, какъ великаго праведника и подвижника, не смотря на то, что видѣли въ немъ несомнѣнно юродиваго. Но юродство-то и плѣняло,

Къ старцу Зосимѣ этотъ отецъ Ѳеранонтъ никогда не ходилъ. Хотя онъ и проживалъ въ скиту, но его не очень-то безпокоили скитскими правилами, потому опять таки что держалъ онъ себя прямо юродивымъ. Было ему лѣтъ семьдесятъ пять, если не болѣе, а проживалъ онъ за скитскою насѣкой, въ углу стѣны, въ старой, почти развалившейся деревянной кельѣ, поставленной тутъ еще въ древнѣйшія времена, еще въ прошломъ столѣтіи, для одного тоже величайшаго постника и молчальника, отца Іоны, прожившаго до ста пяти лѣтъ, и о подвигахъ котораго даже до сихъ поръ ходили въ монастырѣ и въ окрестностяхъ его многіе любопытнѣйшіе разсказы. Отецъ Ѳеранонтъ добился того, что и его, наконецъ, поселили, лѣтъ семь тому назадъ, въ этой самой уединенной келійкѣ, то есть просто въ избѣ, но которая весьма похожа была на часовню, ибо заключала въ себѣ чрезвычайно много жертвованныхъ образовъ съ теплившимися вѣковѣчно предъ ними жертвованными лампадками, какъ-бы смотрѣть за которыми и возжигать ихъ и приставленъ былъ отецъ Ѳеранонтъ. Ѣлъ онъ, какъ говорили (да оно и правда было), всего лишь по два фунта хлѣба въ три дня, не болѣе; приносилъ ему ихъ каждые три дня, жившій тутъ-же на насѣкѣ насѣчникъ, но даже и съ этимъ прислуживавшимъ ему насѣчникомъ, отецъ Ѳеранонтъ тоже рѣдко когда молвилъ слово. Эти четыре фунта хлѣба, вмѣстѣ съ воскресною просвиркой, послѣ поздней обѣдни, аккуратно присылаемой блаженному игуменомъ, и составляли все его недѣльное пропитаніе. Воду-же въ кружкѣ перемѣняли ему на каждый день. У обѣдни онъ рѣдко появлялся. Приходившіе поклонники видѣли, какъ онъ простаивалъ иногда весь день на молитвѣ, не вставая съ колѣнъ и не озираясь. Если-же и вступалъ когда съ ними въ бесѣду, то былъ кратокъ, отрывистъ, страненъ и всегда почти грубъ. Бывали однако очень рѣдкіе случаи, что и онъ разговорится съ прибывшими, но большею частію произносилъ одно лишь какое нибудь странное слово, задававшее всегда посѣтителю большую загадку, и затѣмъ уже, не смотря ни на какія просьбы, не произносилъ ничего въ объясненіе. Чина священническаго не имѣлъ, былъ простой лишь монахъ. Ходилъ очень странный слухъ, между самыми, впрочемъ, темными людьми, что отецъ Ѳеранонтъ имѣетъ сообщеніе съ небесными духами и съ ними только ведетъ бесѣду, вотъ почему съ людьми и молчитъ. Ободрскій монашекъ, пробравшись на насѣку по указанію насѣчника, тоже весьма молчаливаго и угрюмаго монаха, пошелъ въ уголокъ, гдѣ стояла келійка отца Ѳеранонта. Можетъ, и заговоритъ, какъ съ пришельцемъ, а, можетъ, и ничего отъ него не добьешься», предупредилъ его насѣчникъ. Подходилъ монашекъ, какъ и самъ передавалъ онъ потомъ, съ величайшимъ страхомъ. Часъ былъ уже

довольно поздній. Отецъ Ѳераионтъ сидѣлъ въ этотъ разъ у двери келійки, на низенькомъ скамеечкѣ. Надъ нимъ слегка шумѣлъ огромный старый вязъ. Набѣгалъ вечерній холодокъ. Обдорскій монашекъ повергся ницъ предъ блаженнымъ и попросилъ благословенія.

— Хочешь, чтобъ и я предъ тобой, монахъ, ницъ упалъ? проговорилъ отецъ Ѳераионтъ. — Возстани!

Монашекъ всталъ.

— Благословляя да благословишися, садись подлѣ. Откулева занесло?

Что всего болѣе поразило бѣднаго монашка, такъ это то, что отецъ Ѳераионтъ, при несомнѣнномъ, великомъ постничествѣ его, и будучи въ столь преклонныхъ лѣтахъ, былъ еще на видъ старикъ сильный, высокій, державшій себя прямо, несогбенно, съ лицомъ свѣжимъ, хоть и худымъ, но здоровымъ. Несомнѣнно тоже сохранилась въ немъ еще и значительная сила. Сложенія-же былъ атлетическаго. Не смотря на столь великія лѣта его, былъ онъ даже и не вполнѣ сѣдъ, съ весьма еще густыми, прежде совсѣмъ черными волосами на головѣ и бородѣ. Глаза его были сѣрые, большіе, свѣтящіеся, но чрезвычайно выпучившіеся, что даже поражало. Говорилъ съ сильнымъ удареніемъ на *о*. Одѣтъ-же былъ въ рыжеватый длинный армякъ, грубаго арестантскаго, по прежнему именованію, сукна и подпоясанъ толстою веревкой. Шея и грудь обнажены. Толстѣйшаго холста, почти совсѣмъ почернѣвшая рубаха, по мѣсяцамъ не снимавшаяся, выглядывала изъ-подъ армяка. Говорили, что носитъ онъ на себѣ, подъ армякомъ, тридцатифунтовыя вериги. Обутъ-же былъ въ старые, почти развалившіеся башмаки на босу ногу.

— Изъ малой Обдорской обители, отъ Святаго Селивестра, смиренно отвѣтилъ захожій монашекъ, быстрыми, любопытными своими глазками, хотя нѣсколько и испуганными, наблюдая отшельника.

— Бывалъ у твоего Селивестра. Живалъ. Здоровъ-ли Селивестръ-отъ?

Монашекъ замялся.

— Безтолковые вы человѣки! Како соблюдаете постъ?

— Трапезникъ нашъ, по древлему скитскому, тако устроенъ: О Четыредесятницѣ въ понедѣльникъ, въ среду и пятокъ, трапезы не поставляютъ. Во вторникъ и четвертокъ, на братію хлѣбы бѣлые, взваръ съ медомъ, ягода морошка или капуста соленая, да толокно мѣшано. Въ субботу, нити бѣлыя, лапша гороховая, каша соковая, все съ масломъ. Въ недѣлю ко нитямъ сухая рыба да каша. Въ Страстную-же седмицу отъ понедѣльника, даже до субботняго вечера, дней шесть, хлѣбъ съ водою, точію ясти и зеліе не варено, и се

съ воздержаніемъ; аще есть можно и не на всякъ день пріимати, но яко-же речено быстъ о первой седьмицѣ. Во святыи-же Великій Пятокъ, ничесо-же ясти, такожде и Великую Субботу поститися намъ до третіяго часа и тогда вкусити мало хлѣба съ водой и по единой чашѣ вина испити. Во Святыи-же Великій Четвертокъ ядимъ варенія безъ масла, піемъ-же вино и ино сухоядѣніемъ. Ибо иже въ Лаодикіи соборѣ о Великомъ Четвергѣ тако глаголетъ: Яко не достоитъ въ Четыредесятницу послѣдней недѣли четвертокъ разрѣшити и всю Четыредесятницу безчестити. Вотъ какъ у насъ. Но что̀ сіе сравнительно съ вами, великій отче, ободривинись прибавилъ монашекъ, — ибо и круглый годъ, даже и во Святую Пасху, лишь хлѣбомъ съ водою питаетесь, и что̀ у насъ хлѣба на два дня, то у васъ на всю седмицу идетъ. Во истину дивно таковое великое воздержаніе ваше.

— А грузди? спросилъ вдругъ отецъ Ѳерапонтъ, произнося букву г придыхательно, почти какъ херъ.

— Грузди? переспросилъ удивленный монашекъ.

— То-то. Я-то отъ ихъ хлѣба ужу не нуждаясь въ немъ вовсе, хотя-бы и въ лѣсъ, и тамъ груздемъ проживу, или ягодой, а они здѣсь не уйдутъ отъ своего хлѣба, стало быть, чорту связаны. Нынѣ поганцы рекутъ, что поститься столь нечего. Надменное и погапое сіе есть разсужденіе ихъ.

— Охъ, правда, вздохнулъ монашекъ.

— А чертей у тѣхъ видѣлъ? спросилъ отецъ Ѳерапонтъ.

— У кого-же у тѣхъ? робко освѣдомился монашекъ.

— Я къ игумену прошлаго года во святую Пятидесятницу восходилъ, а съ тѣхъ поръ и не былъ. Видѣлъ, у котораго на переяхъ сидитъ, подъ рясу прячется, токмо рожки выглядываютъ; у котораго изъ кармана выматриваетъ, глаза быстрые, меня-то боится; у котораго во чревѣ поселился, въ самомъ нечистомъ брюхѣ его, а у инаго такъ на плечѣ виситъ, ущѣпился, такъ и носитъ, а его не видитъ.

— Вы... видите? освѣдомился монашекъ.

— Говорю вижу, наскрозь вижу. Какъ сталъ отъ игумена выходить, смотрю — одинъ за дверь отъ меня прячется, да матерой такой, аршина въ полтора али больше росту, хвостище-же толстый, бурый, длинный, да концомъ хвоста въ щель дверную и попади, а я не будь глупъ, дверь-то вдругъ и прихлопнулъ, да хвостъ-то ему и защемилъ. Какъ завизжитъ, началъ биться, а я его крестнымъ знаменіемъ, да трижды,— и закрестилъ. Тутъ и подохъ какъ паукъ давленый. Теперь надоть быть погибъ въ углу-то, смердитъ, а они-то не видятъ, не чуютъ. Годъ не хожу. Тебѣ лишь, какъ иностранцу, открываю.

— Страшныя словеса ваши! А что, великій и блаженный отче, осмѣливался все больше и больше монашекъ. правда-ли про васъ великая слава идетъ, даже до отдаленныхъ земель, будто со Святымъ Духомъ безпрерывное общеніе имѣете?

— Слетаетъ. Бываетъ.

— Какъ-же слетаетъ? Въ какомъ-же видѣ?

— Птицею.

— Святый Духъ въ видѣ голубиѣ?

То Святый Духъ, а то Святодухъ. Святодухъ иное. тотъ можетъ и другою птицею снизойдти: ино ласточкой. ино щегломъ. а ино и синицею.

— Какъ-же вы узнаете его отъ синицы-то?

— Говоритъ.

— Какъ-же говоритъ, какимъ языкомъ?

— Человѣчьимъ.

— А что-же онъ вамъ говоритъ?

— Вотъ сегодня возвѣстилъ, что дуракъ посѣтитъ и спрашивать будетъ негожее. Много, шпокъ, знать хочешь.

Ужасны словеса ваши, блаженнѣйшій и святѣйшій отче. качалъ головою монашекъ. Въ пугливыхъ глазкахъ его завидѣлась. впрочемъ, и недовѣрчивость.

А видишь-ли древо сіе? спросилъ. помолчавъ. отецъ Ѳераонтъ.

— Вижу, блаженнѣйшій отче.

— По твоему вязъ, а по моему иная картина.

Какая-же? помолчалъ въ тщетномъ ожиданіи монашекъ.

— Бываетъ въ нощи. Видишь сіи два сука? Въ нощи-же и се Христосъ руцѣ ко мнѣ простираетъ и руками тѣми ищетъ меня. явно вижу и трепещу. Страшно, о, страшно!

— Что-же страшнаго, коли самъ-бы Христосъ?

— А захватитъ и вознесетъ.

— Живаго-то?

А въ духѣ и славѣ Иліи, не слыхалъ, что-ли? Обыметъ и унесетъ...

Хотя обдорскій монашекъ послѣ сего разговора воротился въ указанную ему келійку. у одного изъ братій, даже въ довольно сильномъ недоумѣніи. но сердце его несомнѣнно все-же лежало больше къ отцу Ѳераонту, чѣмъ къ отцу Зосимѣ. Монашекъ обдорскій былъ прежде всего за посты, а такому великому постнику, какъ отецъ Ѳераонтъ. не дивно было и чудная видѣти. Слова его, конечно, были какъ-бы и нелѣпыя, но вѣдь Господь знаетъ, что въ нихъ заключалось-то въ этихъ словахъ, а у всѣхъ Христа ради юродивыхъ и не такіе еще бываютъ слова и поступки.

Защемленному-же чортову хвосту онъ не только въ иносказательномъ, но и въ прямомъ смыслѣ душевно и съ удовольствіемъ готовъ былъ повѣрить. Кромѣ сего, онъ и прежде, еще до прихода въ монастырь, былъ въ большомъ предубѣжденіи противъ старчества, которое зналъ доселѣ лишь по разсказамъ и принималъ его вслѣдъ за многими другими рѣшительно за вредное новшество. Ободрявъ уже въ монастырѣ, успѣлъ отмѣтить и тайный ропотъ нѣкоторыхъ легкомысленныхъ и несогласныхъ на старчество братій. Былъ онъ къ тому-же по натурѣ своей инокъ пиыряющій и проворный, съ превеликимъ ко всему любопытствомъ. Вотъ почему великое извѣстіе о новомъ «чудѣ», совершенномъ старцемъ Зосимою, повергло его въ чрезвычайное недоумѣніе. Алеша припомнилъ потомъ какъ въ числѣ тѣснившихся къ старцу и около кельи его иноковъ мелькала много разъ предъ нимъ пиыряющая вездѣ по всѣмъ кучкамъ фигурка любопытнаго обдорскаго гостя, ко всему прислушивающагося и всѣхъ вопрошающаго. Но тогда онъ мало обратилъ вниманія на него и только потомъ все припомнилъ... Да и не до того ему было: старецъ Зосима, почувствовавшій вновь усталость и улегшійся опять въ постель, вдругъ, заводя уже очи, вспомнилъ о немъ и потребовалъ его къ себѣ. Алеша немедленно прибѣжалъ. Около старца находились тогда всего лишь отецъ Паисій, отецъ іеромонахъ Іосифъ, да Порфирій послушникъ. Старецъ, раскрывъ утомленныя очи и пристально глянувъ на Алешу, вдругъ спросилъ его:

— Ждутъ-ли тебя твои, сынокъ?

Алеша замялся.

— Не имѣютъ-ли нужды въ тебѣ? Обѣщалъ-ли кому вчера на сегодня быти?

— Обѣщался... отцу... братьямъ... другимъ тоже...

— Видишь. Непремѣнно иди. Не печалься. Знай, что не умру безъ того, чтобы не сказать при тебѣ послѣднее мое на землѣ слово. Тебѣ скажу это слово, сынокъ, тебѣ и завѣщаю его. Тебѣ, сынокъ милый, ибо любишь меня. А теперь пока иди къ тѣмъ кому обѣщалъ.

Алеша немедленно покорился, хотя и тяжело ему было уходить. Но обѣщаніе слышать послѣднее слово его на землѣ и, главное, какъ-бы ему, Алешѣ, завѣщанное, потрясло его душу восторгомъ. Онъ заспѣшилъ, чтобъ, окончивъ все въ городѣ, поскорѣй возвратиться. Какъ разъ и отецъ Паисій молвилъ ему напутственное слово, произведшее на него весьма сильное и неожиданное впечатлѣніе. Это когда уже они оба вышли изъ кельи старца.

— Помни, юный, неустанно (такъ прямо и безо всякаго предисловія началъ отецъ Паисій), что мірская наука, соединившись въ великую силу, разобрала, въ послѣдній вѣкъ особенно, все что завѣ-

щано въ книгахъ святыхъ намъ небеснаго и послѣ жестокаго анализа у ученыхъ міра сего не осталось изо всей прежней святыни рѣшительно ничего. Но разобрали они по частямъ, а цѣлое просмотрѣли, и даже удивленія достойно до какой слѣпоты. Тогда какъ цѣлое стоитъ предъ ихъ-же глазами незыблемо какъ и прежде, и врата адовы не одолѣютъ его. Развѣ не жило оно девятнадцать вѣковъ, развѣ не живетъ и теперь въ движеніяхъ единичныхъ душъ и въ движеніяхъ народныхъ масъ? Даже въ движеніяхъ душъ тѣхъ-же самыхъ, все разрушившихъ, атеистовъ живетъ оно какъ прежде незыблемо! Ибо и отрекшіеся отъ христіанства и бунтующіе противъ него, въ существѣ своемъ сами того-же самаго Христова облика суть, таковыми-же и остались, ибо до сихъ поръ ни мудрость ихъ, ни жаръ сердца ихъ не въ силахъ были создать иного высшаго образа человѣку и достоинству его, какъ образъ, указанный древле Христомъ. А что было попытокъ, то выходили одни уродливости. Запомни сіе особенно, юный, ибо въ міръ назначаешься отходящимъ старцемъ твоимъ. Можетъ, вспоминая сей день великій, не забудешь и словъ моихъ, ради сердечнаго тебѣ напутствія данныхъ, ибо младъ еси, а соблазны въ мірѣ тяжелые и не твоимъ силамъ вынести ихъ. Ну, теперь ступай, спрота.

Съ этимъ словомъ отецъ Паисій благословилъ его. Выходя изъ монастыря и обдумывая всѣ эти внезапныя слова, Алеша вдругъ понялъ, что въ этомъ строгомъ и суровомъ доселѣ къ нему монахѣ онъ встрѣчаетъ теперь новаго неожиданнаго друга и горячо любящаго его новаго руководителя,—точно какъ-бы старецъ Зосима завѣщалъ ему его, умирая. «А, можетъ быть, такъ оно и впрямь между ними произошло», подумалъ вдругъ Алеша. Неожиданное-же и ученое разсужденіе его, которое онъ сейчасъ выслушалъ, именно это, а не другое какое нибудь, свидѣтельствовало лишь о горячности сердца отца Паисія: онъ уже спѣшилъ какъ можно скорѣе вооружить юный умъ для борьбы съ соблазнами и огородить юную душу, ему завѣщанную, оградой, какой крѣпче и самъ не могъ представить себѣ.

II.

У отца.

Прежде всего Алеша пошелъ къ отцу. Подходя, онъ вспомнилъ, что отецъ очень настаивалъ наканунѣ, чтобъ онъ какъ нибудь вошелъ потихоньку отъ брата Ивана. «Почему-жъ?» подумалось вдругъ теперь Алешѣ. Если отецъ хочетъ что нибудь мнѣ сказать одному, потихоньку, то зачѣмъ-же мнѣ входить потихоньку? Вѣрно

онъ вчера въ волненіи хотѣлъ что-то другое сказать, да не успѣлъ, рѣшилъ онъ. Тѣмъ не менѣе очень былъ радъ, когда отворившая ему калитку Марѳа Игнатьевна (Григорій оказался расхворался и лежалъ во флигелѣ) сообщила ему на его вопросъ, что Иванъ Ѳедоровичъ уже два часа какъ выѣхалъ-съ.

— А батюшка?

— Всталъ, кофе кушаетъ, какъ-то сухо отвѣтила Марѳа Игнатьевна.

Алеша вошелъ. Старикъ сидѣлъ одинъ за столомъ, въ туфляхъ и въ старомъ пальтишкѣ, и просматривалъ для развлеченія, безъ большаго однако вниманія, какіе-то счеты. Онъ былъ совсѣмъ одинъ во всемъ домѣ (Смердяковъ тоже уѣхалъ за провизіей къ обѣду). Но не счеты его занимали. Хотъ онъ и всталъ по утру рано съ постели и бодрился, а видъ все-таки имѣлъ усталый и слабый. Лобъ его, на которомъ за ночь разрослись огромные багровые подтеки, обвязанъ былъ краснымъ платкомъ. Носъ тоже за ночь сильно припухъ и на немъ тоже образовалось нѣсколько хоть и незначительныхъ подтековъ пятнами, но рѣзче придававшихъ всему лицу какой-то особенно злобный и раздраженный видъ. Старикъ зналъ про это самъ и недружелюбно поглядѣлъ на входившаго Алешу.

— Кофе холодный, крикнулъ онъ рѣзко, — не подчую. Я, братъ, самъ сегодня на одной постной ухѣ сижу и никого не приглашаю. Зачѣмъ пожаловалъ?

— Узнать о вашемъ здоровьѣ, проговорилъ Алеша.

— Да. И кромѣ того, я тебѣ вчера самъ велѣлъ придти. Вздоръ все это. Напрасно изволилъ потревожиться. Я такъ, впрочемъ, и зналъ, что ты тотчасъ притащишься...

Онъ проговорилъ это съ самымъ непріязненнымъ чувствомъ. Тѣмъ временемъ всталъ съ мѣста и озабоченно посмотрѣлъ въ зеркало (можетъ быть, въ сороковой разъ съ утра) на свой носъ. Началъ тоже прилаживать покрасивѣе на лбу свой красный платокъ.

— Красный-то лучше, а въ бѣломъ на больницу похоже, сентенціозно замѣтилъ онъ.—Ну, что тамъ у тебя? Что твой старецъ?

— Ему очень худо, онъ, можетъ быть, сегодня умретъ, отвѣтилъ Алеша, но отецъ даже и не разслышалъ, да и вопросъ свой тотчасъ забылъ.

— Иванъ уѣхалъ, сказалъ онъ вдругъ. — Онъ у Митьки изъ всѣхъ силъ невѣсту его отбиваетъ, для того здѣсь и живетъ, прибавилъ онъ злобно и, скрививъ ротъ, посмотрѣлъ на Алешу.

— Неужто-жъ онъ вамъ самъ такъ сказалъ? спросилъ Алеша.

— Да и давно еще сказалъ. Какъ ты думаешь: недѣли съ три

какъ сказалъ. Не зарѣзать-же меня тайкомъ и онъ пріѣхалъ сюда? Для чего нибудь да пріѣхалъ-же?

Что вы! Чего вы это такъ говорите? смутился ужасно Алеша.

Денегъ онъ не проситъ, правда, а все-же отъ меня ни пишна не получитъ. Я, милѣйшій Алексѣй Ѳедоровичъ, какъ можно дольше на свѣтѣ намѣренъ прожить, было-бы вамъ это извѣстно, а потому мнѣ каждая копѣйка нужна, и чѣмъ дольше буду жить, тѣмъ она будетъ нужнѣе, продолжалъ онъ, похаживая по комнатѣ изъ угла въ уголъ, держа руки по карманамъ своего широкаго, засаленнаго, изъ желтой лѣтней коломянки, пальто. —Теперь я пока вотъ такой мужчина, пятьдесятъ пять всего, но я хочу и еще лѣтъ двадцать на линіи мужчины состоять, такъ вѣдь состарѣюсь — погань стану, не пойдутъ онѣ ко мнѣ тогда доброю волей, ну вотъ тутъ-то денежки мнѣ и понадобятся. Такъ вотъ я теперь и подкапливаю все побольше, да побольше, для одного себя-съ, милый сынъ мой Алексѣй Ѳедоровичъ, было-бы вамъ извѣстно, потому что я въ скверинѣ моемъ до конца хочу прожить, было-бы вамъ это извѣстно. Въ скверинѣ-то слаще: всѣ ее ругаютъ, а всѣ въ ней живутъ, только всѣ тайкомъ, а я открыто. Вотъ за простодушіе-то это мое на меня всѣ скверницы и накинулись. А въ рай твой, Алексѣй Ѳедоровичъ, я не хочу, это было-бы тебѣ извѣстно, да порядочному человѣку оно даже въ рай-то твой и непристойно, если даже тамъ и есть онъ. По моему, заснулъ и не проснулся, и нѣтъ ничего, помнайте меня коли хотите, а не хотите, такъ и чортъ васъ дери. Вотъ моя философія. Вчера Иванъ здѣсь хорошо говорилъ, хоть и были мы всѣ пьяны. Иванъ хвастунъ, да и никакой у него такой учености нѣтъ... да и особеннаго образованія тоже нѣтъ никакого, молчитъ да усмѣхается на тебя молча,—вотъ на чемъ только и выѣзжаетъ.

Алеша его слушалъ и молчалъ.

Зачѣмъ онъ не говоритъ со мной? А и говоритъ такъ ломается: подлецъ твой Иванъ! А на Грушкѣ сейчасъ женюсь, только захочу. Потому что съ деньгами стоитъ только захотѣть-съ, Алексѣй Ѳедоровичъ, все и будетъ. Вотъ Иванъ-то этого самаго и боится и сторожитъ меня чтобъ я не женился, а для того наталкиваетъ Митьку, чтобы тотъ на Грушкѣ женился: такимъ образомъ хочетъ и меня отъ Грушки уберечь (будто-бы я ему денегъ оставлю, если на Грушкѣ не женюсь!), а съ другой стороны, если Митька на Грушкѣ женится, такъ Иванъ его невѣсту богатую себѣ возьметъ, вотъ у него разсчетъ какой! Подлецъ твой Иванъ!

— Какъ вы раздражительны. Это вы со вчерашняго: пошли-бы вы да легли, сказалъ Алеша.

Вотъ ты говоришь это, вдругъ замѣтилъ старикъ, точно это

ему въ первый разъ только въ голову вошло. говоришь, а я на тебя не серкусь. а на Ивана. если-бъ онъ мнѣ это самое сказалъ, я-бы разсердился. съ тобой только однимъ бывали у меня добренькія минутки, а то я вѣдь злой человѣкъ.

— Не злой вы человѣкъ, а нековерканный, улыбнулся Алеша.

— Слушай. я разбойника Митьку хотѣлъ сегодня было засадить, да и теперь еще не знаю какъ рѣшу. Конечно, въ теперешнее модное время принято отцовъ да матерей за предразсудокъ считать, но вѣдь по законамъ-то, кажется, и въ наше время не позволено стариковъ отцовъ за волосы таскать, да по рожѣ каблуками на полу бить. въ ихъ собственномъ домѣ, да похвалиться придти и совсѣмъ убить -все при свидѣтеляхъ-съ. Я-бы, если-бы захотѣлъ, скрючилъ его и могъ-бы за вчерашнее сейчасъ засадить.

— Такъ вы не хотите жаловаться, нѣтъ?

— Иванъ отговорилъ. Я-бы наплевалъ на Ивана, да я самъ одну штуку знаю...

И, нагнувшись къ Алешѣ, онъ продолжалъ конфиденціальнымъ полушепотомъ:

— Засади я его, подлеца, она услышитъ, что я его засадилъ и тотчасъ къ нему побѣжитъ. А услышитъ если сегодня, что тотъ меня до полусмерти, слабаго старика, избилъ. такъ, пожалуй. броситъ его, да ко мнѣ придетъ навѣстить... Вотъ вѣдь мы какими характерами одарены—только чтобы насупротивъ дѣлать. Я ее насквозь знаю! А что, коньячку не выпьешь? Возьми-ка кофейку холоднаго, да я тебѣ и прилью четверть рюмочки, хорошо это, брать, для вкуса.

— Нѣтъ, не надо. благодарю. Вотъ этотъ хлѣбецъ возьму съ собой коли дадите, сказалъ Алеша, и, взявъ трехкопѣечную французскую булку, положилъ ее въ карманъ подрясника. -А коньяку и вамъ-бы не пить, опасливо посовѣтовалъ онъ, вглядываясь въ лицо старика.

— Правда твоя, раздражаетъ, а спокою не даетъ. А вѣдь только одну рюмочку... Я вѣдь изъ шкапика...

Онъ отворилъ ключемъ шкапикъ , налилъ рюмочку, выпилъ, потомъ шкапикъ заперъ и ключъ опять въ карманъ положилъ.

— И довольно, съ рюмки не околѣю.

— Вотъ вы теперь и добрѣе стали, улыбнулся Алеша.

— Гм! Я тебя и безъ коньяку люблю, а съ подлецами и я подлецъ. Ванька не ѣдетъ въ Германію — почему? Шепнулъ ему надо: много-ль я Грушенькѣ дамъ, коли она придетъ. Всѣ подлецы! Да я Ивана не признаю совсѣмъ. Не знаю я его совсѣмъ. Откуда

такой появился! Не наша совсѣмъ душа. И точно я ему что оставлю? Да я и завѣщанія-то не оставлю, было-бы это вамъ извѣстно. А Митьку я раздавлю какъ таракана. Я черныхъ таракановъ ночью туфлей давлю: такъ и щелкнетъ какъ наступишь. Щелкнетъ и Митька твой. *Твой* Митька, потому что ты его любишь. Вотъ ты его любишь, а я не боюсь, что ты его любишь. А кабы Иванъ его любилъ, я-бы за себя боялся того, что онъ его любитъ. Но Иванъ никого не любитъ, Иванъ не нашъ человѣкъ, эти люди, какъ Иванъ, это, братъ, не наши люди, это ныль поднявшаяся... Подуетъ вѣтеръ и пыль пройдетъ... Вчера было глупость мнѣ въ голову пришла, когда я тебѣ на сегодня велѣлъ приходить: хотѣлъ было я черезъ тебя узнать на счетъ Митьки-то, если-бъ ему тысячку, ну другую, я-бы теперь отсчиталъ, согласился-ли-бы онъ, ницій и мерзавецъ, отселева убраться совсѣмъ. Лѣтъ на пять, а лучше на тридцать пять, да безъ Грушки, и уже отъ нея совсѣмъ отказаться, а?

— Я... я спрошу его... пробормоталъ Алеша. — Если всѣ три тысячи, такъ, можетъ быть, онъ...

— Врешь! Не надо теперь спрашивать, ничего не надо! Я передумалъ. Это вчера глупость въ башку мнѣ стлуну влѣзла. Ничего не дамъ, ничевошеньки, мнѣ денежки мои нужны самому, замахалъ рукою старикъ.—Я его и безъ того какъ таракана придавлю. Ничего не говори ему, а то еще будетъ надѣяться. Да и тебѣ совсѣмъ нечего у меня дѣлать, ступай-ка. Невѣста-то эта, Катерина-то Ивановна, которую онъ такъ тщательно отъ меня все время прятадъ, за него идетъ али нѣтъ? Ты вчера ходилъ къ ней, кажется?

— Она его ни за что не хочетъ оставить.

— Вотъ такихъ-то эти нѣжныя барышни и любятъ, кутилъ да подлецовъ! Дрянь, я тебѣ скажу, эти барышни блѣдныя; то-ли дѣло... Ну! кабы мнѣ его молодость, да тогдашнее мое лицо (потому что я лучше его былъ собой въ двадцать восемь-то лѣтъ), такъ я-бы точно также какъ и онъ побѣждалъ. Каналья онъ! А Грушеньку все-таки не получитъ-съ, не получитъ-съ... Въ грязь обращу!

Онъ снова разсвирѣпѣлъ съ послѣднихъ словъ.

— Ступай и ты, нечего тебѣ у меня дѣлать сегодня, рѣзко отрѣзалъ онъ.

Алеша подошелъ проститься и поцѣловалъ его въ плечо.

— Ты чего это? удивился немного старикъ. — Еще увидимся вѣдь. Аль думаешь не увидимся?

— Совсѣмъ нѣтъ, я только такъ, нечаянно.

— Да ничего и я, и я только такъ... глядѣлъ на него ста-

рикъ. — Слышь ты, слышь, крикнулъ онъ ему вслѣдъ, — приходи когда нибудь поскорѣй, и на ухо, ухо сварю, особенную, не сегодняшнюю, непремѣнно приходи! Да завтра, слышишь, завтра приходи!

И только что Алеша вышелъ за дверь, подошелъ опять къ никанику и хлюпнулъ еще полрюмочки.

— Больше не буду! пробормоталъ онъ, крякнувъ, опять заперъ никаникъ, опять положилъ ключъ въ карманъ, затѣмъ пошелъ въ спальню, въ безсиліи прилегъ на постель и въ одинъ мигъ заснулъ.

III.

Связался со школьниками.

Слава Богу, что онъ меня про Грушеньку не спросилъ, подумалъ въ свою очередь Алеша, выходя отъ отца и направляясь въ домъ г-жи Хохлаковой, а то-бы пришлось, пожалуй, про вчерашнюю встрѣчу съ Грушенькой разсказать». Алеша больно почувствовалъ, что за ночь бойцы собрались съ новыми силами, а сердца ихъ съ наступившимъ днемъ опять окаменѣли: Отецъ раздраженъ и золъ, онъ выдумалъ что-то и сталъ на томъ; а что Дмитрій? Тотъ тоже за ночь укрѣпился, тоже, надо быть, раздраженъ и золъ, и тоже что нибудь, конечно, надумалъ... О, непремѣнно надо сегодня его успѣть розыскать во что-бы ни стало»...

Но Алешѣ не удалось долго думать: съ нимъ вдругъ случилось дорогой одно происшествіе, на видъ хоть и не очень важное, но сильно его поразившее. Какъ только онъ прошелъ площадь и свернулъ въ переулокъ, чтобы выйдти въ Михайловскую улицу, параллельную Большой, но отдѣлявшуюся отъ нея лишь канавкой (весь городъ нашъ пронизанъ канавками), онъ увидѣлъ внизу предъ мостикомъ маленькую кучку школьниковъ, все малолѣтнихъ дѣтокъ, отъ девяти до двѣнадцати лѣтъ не больше. Они расходились по домамъ изъ класса со своими ранчиками за плечами, другіе съ кожаными мѣшечками на ремняхъ черезъ плечо, одни просто въ курточкахъ, другіе въ пальтишкахъ, а иные и въ высокихъ сапогахъ со складками на голенищахъ, въ какихъ особенно любятъ щеголять маленькія дѣтки, которыхъ балуютъ заботливые отцы. Вся группа оживленно о чемъ-то толковала, повидимому, совѣщалась. Алеша никогда не могъ безучастно проходить мимо ребятокъ, въ Москвѣ тоже это бывало съ нимъ, и хоть онъ больше всего любилъ трехлѣтнихъ дѣтей или около того, но и школьники лѣтъ десяти, одиннадцати ему очень нравились. А потому какъ ни озабоченъ онъ

быль теперь, но ему вдругъ захотѣлось свернуть къ нимъ и вступить въ разговоръ. Подходя, онъ вглядывался въ ихъ румяныя, оживленныя личики и вдругъ увидалъ, что у всѣхъ мальчиковъ было въ рукахъ по камню. У другихъ такъ по два. За канавкой-же, примѣрно шагахъ въ тридцати отъ группы, стоялъ у забора и еще мальчикъ, тоже школьникъ, тоже съ мѣшечкомъ на боку, по росту лѣтъ десяти не больше или даже меньше того, — бѣленькій, болѣзненный и со сверкавшими черными глазками. Онъ внимательно и пытливо наблюдалъ группу шести школьниковъ, очевидно, его-же товарищей, съ нимъ-же вышедшихъ сейчасъ изъ школы, но съ которыми онъ видимо былъ во враждѣ. Алеша подошелъ и, обратясь къ одному курчавому, бѣлокурому, румяному мальчику въ черной курточкѣ, замѣтилъ, оглядѣвъ его:

— Когда я пошлю вотъ такой какъ у васъ мѣшочекъ, такъ у насъ пошли на лѣвомъ боку, чтобы правою рукой тотчасъ достать: а у васъ вонъ мѣшокъ на правомъ боку, вамъ неловко доставать.

Алеша безо всякой предумышленной хитрости началъ прямо съ этого дѣловаго замѣчанія, а между тѣмъ взрослому и нельзя начинать иначе, если надо войдти прямо въ довѣренность ребенка и особенно чьей группы дѣтей. Надо именно начинать серіозно и дѣловито и такъ, что-бы было совсѣмъ на равной ногѣ: Алеша понималъ это инстинктомъ.

Да онъ лѣвша, отвѣтилъ тотчасъ-же другой мальчикъ, молодцоватый и здоровый, лѣтъ одиннадцати. Всѣ остальные пять мальчиковъ уперлись глазами въ Алешу.

— Онъ и камни лѣвой бросаетъ, замѣтилъ третій мальчикъ. Въ это мгновеніе въ группу какъ разъ влетѣлъ камень, задѣлъ слегка мальчика-лѣвшу, но пролетѣлъ мимо, хотя пущенъ былъ ловко и энергически. Пустилъ-же его мальчикъ за канавкой.

— Лупи его, сакан въ него, Смуровъ! закричали всѣ. Но Смуровъ (лѣвша) и безъ того не заставилъ ждать себя и тотчасъ отплатилъ: онъ бросилъ камнемъ въ мальчика за канавкой, но неудачно: камень ударился о землю. Мальчикъ за канавкой тотчасъ-же пустилъ еще въ группу камень, на этотъ разъ прямо въ Алешу и довольно больно ударилъ его въ плечо. У мальчишки за канавкой весь карманъ былъ полонъ заготовленными камнями. Это видно было за тридцать шаговъ по отдувшимся карманамъ его пальтишка.

— Это онъ въ васъ, въ васъ, онъ нарочно въ васъ мѣтилъ. Вѣдь вы Карамазовъ. Карамазовъ? закричали, хохоча, мальчики. — Ну, всѣ разомъ въ него, пали!

И шесть камней разомъ вылетѣли изъ группы. Одинъ угодилъ

мальчику въ голову и тотъ упалъ, но мигомъ вскочилъ и съ остервенѣніемъ началъ отвѣчать въ группу камнями. Съ обѣихъ сторонъ началась непрерывная перестрѣлка, у многихъ въ группѣ тоже оказались въ карманѣ заготовленные камни.

— Что вы это! Не стыдно-ли, господа! Шестеро на одного, да вы убьете его! закричалъ Алеша.

Онъ выскочилъ и сталъ на встрѣчу летящимъ камнямъ, чтобы загородить собою мальчика за канавкой. Трое или четверо на минутку унялись.

— Онъ самъ первый началъ! закричалъ мальчикъ въ красной рубашкѣ раздраженнымъ дѣтскимъ голоскомъ, — онъ подлецъ, онъ давеча въ классѣ Красоткина перочиннымъ ножикомъ пырнулъ, кровь потекла. Красоткинъ только фискалить не хотѣлъ, а этого надо избить...

— Да за что? Вы вѣрно сами его дразните?

— А вотъ онъ опять вамъ камень въ спину прислалъ. Онъ васъ знаетъ, закричали дѣти. — Это онъ въ васъ теперь кидаетъ, а не въ насъ. Ну, всѣ, опять въ него, не промахивайся. Смуровъ!

И опять началась перестрѣлка, на этотъ разъ очень злая. Мальчику за канавкой ударило камнемъ въ грудь; онъ вскрикнулъ, заплакалъ и побѣжалъ вверхъ въ гору, на Михайловскую улицу. Въ группѣ загалдѣли: Ага, струсилъ, бѣжалъ, мочалка!

— Вы еще не знаете, Карамазовъ, какой онъ подлый, его убить мало, повторилъ мальчикъ въ курточкѣ, съ горящими глазенками, старше всѣхъ, повидимому.

— А какой онъ? спросилъ Алеша.—Фискалъ, что-ли?

Мальчики переглянулись какъ будто съ усмѣшкой.

— Вы туда-же идете, въ Михайловскую? продолжалъ тотъ-же мальчикъ.—Такъ вотъ догоните-ка его... Вонъ, видите, онъ остановился опять, ждетъ и на васъ глядитъ.

— На васъ глядитъ, на васъ глядитъ! подхватили мальчики.

— Такъ вотъ и спросите его, любитъ-ли онъ банную мочалку, растрепанную. Слышите, такъ и спросите.

Раздался общій хохотъ. Алеша смотрѣлъ на нихъ, а они на него.

— Не ходите, онъ васъ зашибетъ, закричалъ предупредительно Смуровъ.

— Господа, я его спрашивать о мочалкѣ не буду, потому что вы вѣрно его этимъ какъ нибудь дразните, но я узнаю отъ него, за что вы его такъ ненавидите...

— Узнайте-ка, узнайте-ка, засмѣялись мальчики.

Алеша перешелъ мостикъ и пошелъ въ горку мимо забора, прямо къ опальному мальчику.

— Смотрите, кричали ему вслѣдъ предупредительно,—онъ васъ не побоится, онъ вдругъ нырнетъ, изподтишка... какъ Красоткина...

Мальчикъ ждалъ его не двигаясь съ мѣста. Подойдя совсѣмъ, Алеша увидѣлъ предъ собою ребенка не болѣе девяти лѣтъ отъ роду, изъ слабыхъ и малорослыхъ, съ болѣзненькимъ, худенькимъ продолговатымъ личикомъ, съ большими, темными и злобно смотрѣвшими на него глазами. Одѣтъ онъ былъ въ довольно ветхій стареньній пальтишко, изъ котораго уродливо выросъ. Голыя руки торчали изъ рукавовъ. На правомъ колѣнкѣ панталонъ была большая заплатка, а на правомъ сапогѣ, на носкѣ, гдѣ большой палецъ, большая дырка, видно что сильно замазанная чернилами. Въ оба отдувшіеся карманка его пальто были набраны камни. Алеша остановился предъ нимъ въ двухъ шагахъ, вопросительно смотря на него. Мальчикъ, догадавшись тотчасъ по глазамъ Алеши, что тотъ его бить не хочетъ, тоже спустилъ куражу и самъ даже заговорилъ:

— Я одинъ, а ихъ шесть... Я ихъ всѣхъ перебью одинъ, сказалъ онъ вдругъ, сверкнувъ глазами.

— Васъ одинъ камень должно быть очень больно ударилъ, замѣтилъ Алеша.

А я Смурову въ голову попалъ! вскрикнулъ мальчикъ.

— Они мнѣ тамъ сказали, что вы меня знаете и за что-то въ меня камнемъ бросили? спросилъ Алеша.

Мальчикъ мрачно посмотрѣлъ на него.

— Я васъ не знаю. Развѣ вы меня знаете? допрашивалъ Алеша.

— Не приставайте! вдругъ раздражительно вскрикнулъ мальчикъ, самъ, однако-жъ, не двигаясь съ мѣста, какъ-бы все чего-то выжидая и опять злобно засверкавъ глазенками.

— Хорошо, я пойду, сказалъ Алеша,—только я васъ не знаю и не дразню. Они мнѣ сказали, какъ васъ дразнятъ, но я васъ не хочу дразнить, прощайте!

— Монахъ въ гарнитуровыхъ штанахъ! крикнулъ мальчикъ, все тѣмъ-же злобнымъ и вызывающимъ взглядомъ слѣдя за Алешей, да кстати и вставъ въ позу, разсчитывая, что Алеша непремѣнно бросится на него теперь, но Алеша повернулся, поглядѣлъ на него и пошелъ прочь. Но не успѣлъ онъ сдѣлать и трехъ шаговъ, какъ въ спину его больно ударился пущенный мальчикомъ самый большой булыжникъ который только былъ у него въ карманѣ.

— Такъ вы сзади? Они правду, стало быть, говорятъ про васъ, что вы нападаете изподтишка? обернулся опять Алеша, но на этотъ разъ мальчишка съ остервенѣніемъ опять пустилъ въ Алешу камнемъ и уже прямо въ лицо, но Алеша успѣлъ заслониться во время и камень ударилъ его въ локоть.

— Какъ вамъ не стыдно! Что я вамъ сдѣлалъ? вскричалъ онъ.

Мальчикъ молча и задорно ждалъ лишь одного, что вотъ теперь Алеша ужь несомнѣнно на него бросится: видя-же, что тотъ даже и теперь не бросается, совершенно озлился какъ звѣренокъ: онъ сорвался съ мѣста и кинулся самъ на Алешу, и не успѣлъ тотъ пошевельнуться, какъ злой мальчишка, нагнувъ голову и схвативъ обѣими руками его лѣвую руку, больно укусилъ ему средній ея палецъ. Онъ впился въ него зубами и секунд десять не выпускалъ его. Алеша закричалъ отъ боли, дергая изо всей силы палецъ. Мальчикъ выпустилъ его, наконецъ, и отскочилъ на прежнюю дистанцію. Палецъ былъ больно прокушенъ, у самаго ногтя, глубоко, до кости; полилась кровь. Алеша вынулъ платокъ и крѣпко обернулъ въ него раненую руку. Обертывалъ онъ почти цѣлую минуту. Мальчишка все это время стоялъ и ждалъ. Наконецъ, Алеша поднялъ на него свой тихій взоръ.

— Ну, хорошо, сказалъ онъ, — видите, какъ вы меня больно укусили, ну и довольно вѣдь, такъ-ли? Теперь скажите что я вамъ сдѣлалъ?

Мальчикъ посмотрѣлъ съ удивленіемъ.

— Я хоть васъ совсѣмъ не знаю и въ первый разъ вижу, все также спокойно продолжалъ Алеша, — но не можетъ быть, чтобъ я вамъ ничего не сдѣлалъ, — не стали-бы вы меня такъ мучить даромъ. Такъ что-же я сдѣлалъ и чѣмъ я виноватъ предъ вами, скажите?

Вмѣсто отвѣта мальчикъ вдругъ громко заплакалъ, въ голосъ, и вдругъ побѣжалъ отъ Алеши. Алеша пошелъ тихо вслѣдъ за нимъ на Михайловскую улицу и долго еще видѣлъ онъ, какъ бѣжалъ вдали мальчикъ, не умаляя шагу, не оглядываясь и вѣрно все также въ голосъ плача. Онъ положилъ непремѣнно, какъ только найдется время, розыскать его и разъяснить эту чрезвычайно поразившую его загадку. Теперь-же ему было некогда.

IV.

У Хохлаковыхъ.

Скоро подошелъ онъ къ дому госпожи Хохлаковой, къ дому каменному, собственному, двухэтажному, красивому, изъ лучшихъ домовъ въ нашемъ городкѣ. Хотя госпожа Хохлакова проживала большею частію въ другой губерніи, гдѣ имѣла помѣстье, или въ Москвѣ, гдѣ имѣла собственный домъ, но и въ нашемъ городкѣ у

нея былъ свой домъ, доставшійся отъ отцовъ и дѣдовъ. Да и помѣстье ея, которое имѣла она въ нашемъ уѣздѣ, было самое большое изо всѣхъ трехъ ея помѣстій, а между тѣмъ пріѣзжала она досель въ нашу губернію весьма рѣдко. Она выбѣжала къ Алешѣ еще въ прихожую.

— Получили, получили письмо о новомъ чудѣ? быстро, первно заговорила она.

— Да, получилъ.

— Распространили, показали всѣмъ? Отъ матери сына возвратить!

— Онъ сегодня умретъ, сказалъ Алеша.

Слышала, знаю, о, какъ я желаю съ вами говорить! Съ вами или съ кѣмъ нибудь объ всемъ этомъ. Нѣтъ, съ вами, съ вами! И какъ жаль, что мнѣ никакъ нельзя его видѣть! Весь городъ возбужденъ, всѣ въ ожиданіи. Но теперь... знаете-ли что у насъ теперь сидитъ Катерина Ивановна?

Ахъ, это счастливо! воскликнулъ Алеша. Вотъ я съ ней и увижусь у васъ, она вчера велѣла мнѣ непремѣнно придти къ ней сегодня.

— Я все знаю, все знаю. Я слышала все до подробности о томъ, что было у ней вчера... и объ всѣхъ этихъ ужасахъ съ этою... тварью. C'est tragique и я-бы на ея мѣстѣ, - я не знаю чтобъ я сдѣлала на ея мѣстѣ! Но и братъ-то вашъ, Дмитрій-то Ѳедоровичъ вашъ, каковъ -- о, Боже! Алексѣй Ѳедоровичъ, я сбиваюсь, представьте: тамъ теперь сидитъ вашъ братъ, то есть не тотъ, не ужасный вчерашній, а другой, Иванъ Ѳедоровичъ, сидитъ и съ ней говоритъ: разговоръ у нихъ торжественный... И если-бы вы только повѣрили, что между ними теперь происходитъ, то это ужасно, это я вамъ скажу надрывъ, это ужасная сказка, которой повѣрить ни за что нельзя: оба губятъ себя неизвѣстно для чего, сами знаютъ про это и сами наслаждаются этимъ. Я васъ ждала! Я васъ ждала! Я, главное, этого вынести не могу. Я сейчасъ вамъ все разскажу, но теперь другое и уже самое главное, ахъ, вѣдь я даже и забыла, что это самое главное: Скажите, почему съ Lise истерика? Только что она услыхала что вы подходите и съ ней тотчасъ-же началась истерика!

Маман, это съ вами теперь истерика, а не со мной. Прощебетать вдругъ въ щелочку голосокъ Lise изъ боковой комнаты. Щелочка была самая маленькая, а голосокъ надрывчатый, точь въ точь такой, когда ужасно хочется засмѣяться, но изо всѣхъ силъ перемогаешь смѣхъ. Алеша тотчасъ-же замѣтилъ эту щелочку и навѣрно Lise со своихъ креселъ на него изъ нея выглядывала. Но этого ужь онъ разглядѣть не могъ.

Не мудрено, Lise, не мудрено... отъ твоихъ-же капризовъ и со мной истерика будетъ, а впрочемъ, она такъ больна, Алексѣй Ѳедоровичъ, она всю ночь была такъ больна, въ жару, стонала! Я насилу дождалась утра и Герценштубе. Онъ говоритъ, что ничего не можетъ понять и что надо обождать. Этотъ Герценштубе всегда придетъ и говоритъ, что ничего не можетъ понять. Какъ только вы подошли къ дому, она вскрикнула и съ ней случился припадокъ, и приказала себя сюда въ свою комнату перевезть...

— Мама, я совсѣмъ не знала, что онъ подходитъ, я вовсе не отъ него въ эту комнату захотѣла переѣхать.

— Это ужъ неправда, Lise, тебѣ Юлія прибѣжала сказать, что Алексѣй Ѳедоровичъ идетъ, она у тебя на сторожахъ стояла.

— Милый голубчикъ мама, это ужасно не остроумно съ вашей стороны. А если хотите поправиться и сказать сейчасъ что нибудь очень умное, то скажите, милая мама, милостивому государю воспитаннику Алексѣю Ѳедоровичу, что онъ уже тѣмъ однимъ доказалъ, что не обладаетъ остроуміемъ, что рѣшился придти къ намъ сегодня послѣ вчерашняго и не смотря на то, что надъ нимъ всѣ смѣются.

— Lise, ты слишкомъ много себѣ позволяешь и увѣряю тебя, что я, наконецъ, прибѣгну къ мѣрамъ строгости. Кто-жъ надъ нимъ смѣется, я такъ рада, что онъ пришелъ, онъ мнѣ нуженъ, совсѣмъ необходимъ. Охъ, Алексѣй Ѳедоровичъ, я чрезвычайно несчастна!

— Да что-жъ такое съ вами, мама голубчикъ?

— Ахъ, эти твои капризы, Lise, непостоянство, твоя болѣзнь, эта ужасная ночь въ жару, этотъ ужасный и вѣчный Герценштубе, главное, вѣчный, вѣчный и вѣчный! И наконецъ, все, все... И наконецъ даже это чудо! О, какъ поразило, какъ потрясло меня это чудо, милый Алексѣй Ѳедоровичъ! И тамъ эта трагедія теперь въ гостиной, которую я не могу перенести, не могу, я вамъ заранѣе объявляю, что не могу. Комедія, можетъ быть, а не трагедія. Скажите, старецъ Зосима еще проживетъ до завтра, проживетъ? О, Боже мой! Что со мной дѣлается, я поминутно закрываю глаза и вижу, что все вздоръ, все вздоръ.

— Я-бы очень васъ попросилъ, перебилъ вдругъ Алеша, дать мнѣ какую нибудь чистую тряпочку, чтобы завязать палецъ. Я очень поранилъ его, и онъ у меня мучительно теперь болитъ.

Алеша развернулъ свой укушенный палецъ. Платокъ былъ густо замаранъ кровью. Госпожа Хохлакова вскрикнула и зажмурила глаза.

— Боже, какая рана, это ужасно!

Но Lise какъ только увидѣла въ щелку палецъ Алеши, тотчасъ со всего розмаха отворила дверь.

— Войдите, войдите ко мнѣ сюда, настойчиво и повелительно закричала она,—теперь ужь безъ глупостей! О, Господи, что-жь вы стояли и молчали такое время? Онъ могъ истечь кровью, мама! Гдѣ это вы, какъ это вы? Прежде всего воды, воды! Надо рану промыть, просто опустить въ холодную воду чтобы боль перестала и держать, все держать... Скорѣй, скорѣй воды, мама, въ полоскательную чашку. Да скорѣе-же, нервно закончила она. Она была въ совершенномъ испугѣ: рана Алеши страшно поразила ее.

— Не послать-ли за Герценштубе? воскликнула было госпожа Хохлакова.

— Мама, вы меня убьете. Вашъ Герценштубе пріѣдетъ и скажетъ что не можетъ понять! Воды, воды! Мама, ради Бога сходите сами, поторопите Юлію, которая гдѣ-то тамъ завязла и никогда не можетъ скоро придти! Да скорѣе-же, мама, иначе я умру...

— Да это-жь пустяки! воскликнуть Алеша, испугавшись ихъ испуга.

Юлія прибѣжала съ водой. Алеша опустилъ въ воду палецъ.

— Мама, ради Бога принесите корпію, корпію и этой блюдой мутной воды для порѣзовъ, ну, какъ ее зовутъ! У насъ есть, есть, есть... Мама, вы сами знаете гдѣ стклянка, въ спальнѣ вашей въ шкапикѣ направо, тамъ большая стклянка и корпія...

— Сейчасъ принесу все, Lise, только не кричи и не безпокойся. Видишь, какъ твердо Алексѣй Ѳедоровичъ переноситъ свое несчастіе. И гдѣ это вы такъ ужасно могли поранить себя, Алексѣй Ѳедоровичъ?

Г-жа Хохлакова поспѣшно вышла. Lise того только и ждала.

— Прежде всего отвѣчайте на вопросъ, быстро заговорила она Алешѣ:—гдѣ это вы такъ себя изволили поранить? А потомъ ужь я съ вами буду говорить совсѣмъ о другомъ. Ну!

Алеша, инстинктомъ чувствуя, что для нея время до возвращенія маменьки дорого,— поспѣшно, много выпустивъ и сокративъ, но однако точно и ясно, передалъ ей о загадочной встрѣчѣ своей со школьниками. Выслушавъ его, Lise всплеснула руками:

— Ну можно-ли, можно-ли вамъ, да еще въ этомъ платьѣ, связываться съ мальчишками! гнѣвно вскричала она, какъ будто даже имѣя какое-то право надъ нимъ,—да вы сами послѣ того мальчикъ, самый маленькій мальчикъ, какой только можетъ быть! Однако, вы непремѣнно разузнайте мнѣ какъ нибудь про этого скверная мальчишку и мнѣ все разскажите, потому что тутъ какой-то секретъ. Теперь второе, но прежде вопросъ: можете-ли вы, Алексѣй Ѳедоровичъ, не смотря на страданіе отъ боли, говорить о совершенныхъ пустякахъ, но говорить разсудительно?

— Совершенно могу, да и боли я такой уже теперь не чувствую.

Это оттого, что вашъ палецъ въ водѣ. Ее нужно сейчасъ-же перемѣнить, потому что она мигомъ нагрѣется. Юлія, мигомъ принеси кусокъ льду изъ погреба и новую полоскательную чашку съ водой. Ну, теперь она ушла, я одѣнь: мигомъ, милый Алексѣй Ѳедоровичъ, извольте отдать мнѣ мое письмо, которое я вамъ прислала вчера,—мигомъ, потому что сейчасъ можетъ придти маменька, а я не хочу...

— Со мной нѣтъ письма.

— Неправда, оно съ вами. Я такъ и знала, что вы такъ отвѣтите. Оно у васъ въ этомъ карманѣ. Я такъ раскаивалась въ этой глупой шуткѣ всю ночь. Воротите-же письмо сейчасъ, отдайте!

— Оно тамъ осталось.

— Но вы не можете-же меня считать за дѣвочку, за маленькую-маленькую дѣвочку, послѣ моего письма съ такою глупою шуткой! Я прошу у васъ прощенія за глупую шутку. Но письмо вы непремѣнно мнѣ принесите, если уже его нѣтъ у васъ въ самомъ дѣлѣ,—сегодня-же принесите, непремѣнно, непремѣнно!

— Сегодня никакъ нельзя, потому что я уйду въ монастырь и не приду къ вамъ дня два — три, четыре, можетъ быть, потому что старецъ Зосима...

— Четыре дня, экой вздоръ! Послушайте, вы очень надо мной смѣялись?

— Я ни капли не смѣялся.

— Почему-же?

— Потому что я совершенно всему повѣрилъ.

— Вы меня оскорбляете!

— Нисколько. Я какъ прочелъ, то тотчасъ и подумалъ, что этакъ все и будетъ, потому что я, какъ только умретъ старецъ Зосима, сейчасъ долженъ буду выйдти изъ монастыря. Затѣмъ, я буду продолжать курсъ и сдамъ экзаменъ, а какъ придетъ законный срокъ, мы и женимся. Я васъ буду любить. Хоть мнѣ и некогда было еще думать, но я подумалъ, что лучше васъ жены не найду, а мнѣ старецъ велитъ жениться...

— Да вѣдь я уродъ, меня на креслахъ возятъ! засмѣялась Лиза съ зардѣвшимся на щекахъ румянцемъ.

— Я васъ самъ буду въ кресло возить, но я увѣренъ, что вы къ тому сроку выздоровѣете.

— Но вы съумасшедшій, первно проговорила Лиза,—изъ такой шутки и вдругъ вывели такой вздоръ!.. Ахъ, вотъ и мамаша, мо-

жетъ быть, очень кстати. Мама, какъ вы всегда запоздаете, можно-ли такъ долго! Вотъ ужь Юлія и ледъ несетъ!

— Ахъ, Lise, не кричи, главное — ты не кричи. У меня отъ этого крику... Что-жь дѣлать, коли ты сама корпію въ другое мѣсто засунула... Я искала, искала... Я подозрѣваю, что ты это нарочно сдѣлала.

— Да вѣдь не могла-же я знать, что онъ придетъ съ укушеннымъ пальцемъ, а то, можетъ быть, вправду нарочно-бы сдѣлала. Ангель, мама, вы начинаете говорить чрезвычайно остроумныя вещи.

— Пусть остроумныя, но какія чувства. Lise, на счетъ пальца Алексѣя Ѳедоровича и всего этого! Охъ, милый Алексѣй Ѳедоровичъ, меня убиваютъ не частности, не Герценштубе какой нибудь, а все вмѣстѣ, все въ цѣломъ, вотъ чего я не могу вынести.

— Довольно, мама, довольно о Герценштубе, весело смѣялась Лиза. — Давайте-же скорѣй корпію, мама, и воду. Это просто свинцовая примочка, Алексѣй Ѳедоровичъ, я теперь вспомнила имя, но это прекрасная примочка. Мама, вообразите себѣ, онъ съ мальчишками дорогой подрался на улицѣ, и это мальчишка ему укусилъ. Ну не маленькій-ли, не маленькій-ли онъ самъ человѣкъ, и можно-ли ему, мама, послѣ этого жениться, потому что онъ, вообразите себѣ, онъ хочетъ жениться, мама. Представьте себѣ, что онъ женатъ, ну не смѣхъ-ли, не ужасно-ли это?

И Lise все смѣялась своимъ первымъ мелкимъ смѣшкомъ, лукаво смотря на Алешу.

— Ну, какъ-же жениться, Lise, и съ какой стати это, и совсѣмъ это тебѣ не кстати... тогда какъ этотъ мальчикъ, можетъ быть, бѣшеный.

— Ахъ, мама! Развѣ бываютъ бѣшеные мальчики?

— Почему-жь не бываютъ. Lise, точно я глупость сказала. Вашего мальчика укусила бѣшеная собака и онъ сталъ бѣшеный мальчикъ и вотъ кого нибудь и укуситъ около себя въ свою очередь. Какъ она вамъ хорошо перевязала. Алексѣй Ѳедоровичъ, я-бы никогда такъ не съумѣла. Чувствуете вы теперь боль?

— Теперь очень небольшую.

— А не боитесь-ли вы воды? спросила Lise.

— Ну, довольно, Lise, я, можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ очень неумѣстно сказала про бѣшенаго мальчика, а ты ужь сейчасъ и вывела. Катерина Ивановна только что узнала, что вы пришли, Алексѣй Ѳедоровичъ, такъ и бросилась ко мнѣ, она васъ ждетъ, ждетъ.

— Ахъ, мама! Подите одна туда, а онъ не можетъ пойдти сейчасъ, онъ слишкомъ страдаетъ.

— Совсѣмъ не страдаю, я очень могу пойдти... сказалъ Алеша.

— Какъ! Вы уходите? Такъ-то вы? Такъ-то вы?

— Что-жь? Вѣдь я когда кончу тамъ, то опять приду и мы опять можемъ говорить сколько вамъ будетъ угодно. А мнѣ очень хотѣлось-бы видѣть поскорѣе Катерину Ивановну, потому что я во всякомъ случаѣ очень хочу какъ можно скорѣй воротиться сегодня въ монастырь.

— Мама, возьмите его и скорѣе уведите. Алексѣй Ѳедоровичъ, не трудитесь заходить ко мнѣ послѣ Катерины Ивановны, а ступайте прямо въ вашъ монастырь, туда вамъ и дорога! А я спать хочу, я всю ночь не спала.

— Ахъ, Lise, это только шутки съ твоей стороны, но что если-бы ты въ самомъ дѣлѣ заснула! воскликнула г-жа Хохлакова.

— Я не знаю чѣмъ я... Я останусь еще минуты три, если хотите, даже пять, пробормоталъ Алеша.

— Даже пять! Да уведите-же его скорѣе, мама, это монстръ!

— Lise, ты съума сошла. Уйдемте, Алексѣй Ѳедоровичъ, она слишкомъ капризна сегодня, я ее раздражать боюсь. О, горе съ нервною женщиной, Алексѣй Ѳедоровичъ! А вѣдь въ самомъ дѣлѣ она, можетъ быть, при васъ спать захотѣла. Какъ это вы такъ скоро нагнали на нее сонъ, и какъ это счастливо!

— Ахъ, мама, какъ вы мило стали говорить, цѣлую васъ, мамочка, за это.

— И я тебя тоже. Lise. Послушайте, Алексѣй Ѳедоровичъ, таинственно и важно, быстрымъ шепотомъ заговорила г-жа Хохлакова, уходя съ Алешей, я вамъ ничего не хочу внушать, ни подымать этой завѣсы, но вы войдете и сами увидите все, что тамъ происходитъ, это ужасъ, это самая фантастическая комедія: она любитъ вашего брата Ивана Ѳедоровича и увѣряетъ себя изо всѣхъ силъ, что любитъ вашего брата Дмитрія Ѳедоровича. Это ужасно! Я войду вмѣстѣ съ вами и, если не прогонятъ меня, дождусь конца.

V.

Надрывъ въ гостиной.

Но въ гостиной бесѣда уже оканчивалась; Катерина Ивановна была въ большомъ возбужденіи, хотя и имѣла видъ рѣшительный. Въ минуту когда вошли Алеша и г-жа Хохлакова, Иванъ Ѳедоровичъ вставалъ чтобъ уходить. Лицо его было нѣсколько блѣдно и Алеша съ безпокойствомъ поглядѣлъ на него. Дѣло въ томъ, что

тутъ для Алеши разрѣшалось теперь одно изъ его сомнѣній, одна безпокойная загадка, съ нѣкотораго времени его мучившая. Еще съ мѣсяцъ назадъ ему уже нѣсколько разъ, и съ разныхъ сторонъ, внушали, что братъ Иванъ любитъ Катерину Ивановну и, главное, дѣйствительно намѣренъ «отбить» ее у Мити. До самаго послѣдняго времени это казалось Алешѣ чудовищнымъ, хотя и безпокоило его очень. Онъ любилъ обоихъ братьевъ и страшился между ними такого соперничества. Между тѣмъ самъ Дмитрій Ѳедоровичъ вдругъ прямо объявилъ ему вчера, что даже ради соперничеству брата Ивана и что это ему-же, Дмитрію, во многомъ поможетъ. Чему-же поможетъ? Жениться ему на Грушенькѣ? Но дѣло это считалъ Алеша отчаяннымъ и послѣднимъ. Кромѣ всего этого Алеша несомнѣнно вѣрилъ до самаго вчерашняго вечера, что Катерина Ивановна сама до страсти и упорно любитъ брата его Дмитрія,—но лишь до вчерашняго вечера вѣрилъ. Сверхъ того, ему почему-то все мерещилось, что она не можетъ любить такого, какъ Иванъ, а любитъ его брата Дмитрія, и именно такимъ какимъ онъ есть, не смотря на всю чудовищность такой любви. Вчера-же въ сценѣ съ Грушенькой ему вдругъ какъ-бы померещилось иное. Слово «надрывъ», только что произнесенное г-жой Хохлаковой, заставило его почти вздрогнуть, потому что именно въ эту ночь, полупроснувшись на разсвѣтѣ, онъ вдругъ, вѣроятно, отвѣчая своему сновидѣнію, произнесъ: Надрывъ, надрывъ!» Снилась-же ему всю ночь вчерашняя сцена у Катерины Ивановны. Теперь вдругъ прямое и упорное увѣреніе г-жи Хохлаковой, что Катерина Ивановна любитъ брата Ивана и только сама, нарочно, изъ какой-то игры, изъ «надрыва», обманываетъ себя и сама себя мучитъ напускною любовью своею къ Дмитрію изъ какой-то будто-бы благодарности,—поразило Алешу: «Да, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ полная правда именно въ этихъ словахъ! Но въ такомъ случаѣ каково-же положеніе брата Ивана? Алеша чувствовалъ какимъ-то инстинктомъ, что такому характеру, какъ Катерина Ивановна, надо было властвовать, а властвовать она могла-бы лишь надъ такимъ, какъ Дмитрій, и отнюдь не надъ такимъ, какъ Иванъ. Ибо Дмитрій только (положимъ, хоть въ долгій срокъ) могъ-бы смириться, наконецъ, предъ нею «къ своему-же счастію» (чего даже желалъ-бы Алеша), но Иванъ нѣтъ, Иванъ не могъ-бы предъ нею смириться, да и смиреніе это не дало-бы ему счастія. Такое ужъ понятіе Алеша почему-то невольно составилъ себѣ объ Иванѣ. И вотъ всѣ эти колебанія и соображенія пролетѣли и мелькнули въ его умѣ въ тотъ мигъ когда онъ вступалъ теперь въ гостиную. Промелькнула и еще одна мысль, вдругъ и неудержимо: «А что если она и никого не любитъ, ни того, ни другаго?» Замѣчу, что Алеша какъ-бы сты-

дѣлся такихъ своихъ мыслей и упрекалъ себя въ нихъ, когда онъ въ послѣдній мѣсяцъ, случалось, приходили ему: Ну что я понимаю въ любви и въ женщинахъ и какъ могу я заключать такія рѣшенія, съ упрекомъ себѣ думалъ онъ послѣ каждой подобной своей мысли или догадки. А между тѣмъ нельзя было не думать. Онъ понималъ инстинктомъ, что теперь, напримѣръ, въ судьбѣ двухъ братьевъ его это соперничество слишкомъ важный вопросъ и отъ котораго слишкомъ много зависитъ. Одинъ гадъ съѣстъ другую гадину, произнесъ вчера братъ Иванъ, говоря въ раздраженіи про отца и брата Дмитрія. Стало быть, братъ Дмитрій въ глазахъ его гадъ и, можетъ быть, давно уже гадъ? Не съ тѣхъ-ли поръ какъ узналъ братъ Иванъ Катерину Ивановну? Слова эти, конечно, вырвались у Ивана вчера невольно, но тѣмъ важнѣе что невольно. Если такъ, то какой-же тутъ миръ? Не новые-ли, напротивъ, поводы къ ненависти и враждѣ въ ихъ семействѣ? А главное, кого ему, Алешѣ, жалѣть? И что каждому пожелать? Онъ любитъ ихъ обоихъ, но что каждому изъ нихъ пожелать среди такихъ страшныхъ противорѣчій? Въ этой путаницѣ можно было совсѣмъ потеряться, а сердце Алеши не могло выносить неизвѣстности, потому что характеръ любви его былъ всегда дѣятельный. Любить пассивно онъ не могъ, возлюбивъ, онъ тотчасъ-же принимался и помогать. А для этого надо было поставить цѣль, надо твердо было знать, что каждому изъ нихъ хорошо и нужно, а утвердившись въ вѣрности цѣли — естественно каждому изъ нихъ и помочь. Но вмѣсто твердой цѣли во всемъ была лишь неясность и путаница. Надрывъ произнесено теперь! Но что онъ могъ понять хотя-бы даже въ этомъ надрывѣ? Перваго даже слова во всей этой путаницѣ онъ не понимаетъ!

Увидавъ Алешу, Катерина Ивановна быстро и съ радостью проговорила Ивану Ѳедоровичу, уже вставшему со своего мѣста чтобъ уходить:

— На минутку! Останьтесь еще на одну минуту. Я хочу услышать мнѣніе вотъ этого человѣка, которому я всѣмъ существомъ моимъ довѣряю. Катерина Осиповна, не уходите и вы, прибавила она, обращаясь къ г-жѣ Хохлаковой. Она усадила Алешу подлѣ себя, а Хохлакова сѣла напротивъ, рядомъ съ Иваномъ Ѳедоровичемъ.

— Здѣсь всѣ друзья мои, всѣ, кого я имѣю въ мірѣ, милые друзья мои, горячо начала она голосомъ, въ которомъ дрожали искреннія страдальческія слезы, и сердце Алеши опять разомъ повернулось къ ней. — Вы, Алексѣй Ѳедоровичъ, вы были вчера свидѣтелемъ этого... ужаса и видѣли какова я была. Вы не видали этого, Иванъ Ѳедоровичъ, онъ видѣлъ. Что онъ подумалъ обо мнѣ вчера — не знаю, знаю только одно, что повторись тоже самое сего-

дня, сейчасъ, и я высказала-бы такія-же чувства какія вчера, — такія-же чувства, такія-же слова и такія-же движенія. Вы помните мои движенія, Алексѣй Ѳедоровичъ, вы сами удержали меня въ одномъ изъ нихъ... (Говоря это, она покрасѣла и глаза ея засверкали). Объявляю вамъ, Алексѣй Ѳедоровичъ, что я не могу ни съ чѣмъ примириться. Слушайте, Алексѣй Ѳедоровичъ, я даже не знаю, люблю-ли я *его* теперь. Онъ мнѣ сталъ *жалокъ*, это плохое свидѣтельство любви. Если-бъ я любила его, продолжала любить, то я, можетъ быть, не жалѣла-бы его теперь, а, напротивъ, ненавидѣла...

Голосъ ея задрожалъ и слезинки блеснули на ея рѣсницахъ. Алеша вздрогнулъ внутри себя: эта дѣвушка правдива и искренна, подумалъ онъ,—и... и она болѣе не любитъ Дмитрія!

— Это такъ! Такъ! воскликнула было г-жа Хохлакова.

— Подождите, милая Катерина Осиповна, я не сказала главнаго, не сказала окончательнаго, что рѣшила въ эту ночь. Я чувствую, что, можетъ быть, рѣшеніе мое ужасно,—для меня, но предчувствую, что я уже не перемѣню его ни за что, ни за что, во всю жизнь мою, такъ и будетъ. Мой милый, мой добрый, мой всегдашній и великодушный совѣтникъ и глубокій сердцевѣдецъ, и единственный другъ мой, какого я только имѣю въ мірѣ, Иванъ Ѳедоровичъ, одобряетъ меня во всемъ и хвалитъ мое рѣшеніе... Онъ его знаетъ.

— Да, я одобряю его, тихимъ, но твердымъ голосомъ произнесъ Иванъ Ѳедоровичъ.

— Но я желаю, чтобъ и Алеша (ахъ, Алексѣй Ѳедоровичъ, простите, что я васъ назвала Алешей просто), я желаю, чтобъ и Алексѣй Ѳедоровичъ сказалъ мнѣ теперь-же, при обоихъ друзьяхъ моихъ,—права я или нѣтъ? У меня инстинктивное предчувствіе, что вы, Алеша, братъ мой милый (потому что вы братъ мой милый), восторженно проговорила она опять, схвативъ его холодную руку своею горячею рукой,—я предчувствую, что ваше рѣшеніе, ваше одобреніе, не смотря на всѣ муки мои, подастъ мнѣ спокойствіе, потому что послѣ вашихъ словъ я затихну и примирюсь,—я это предчувствую!

— Я не знаю о чемъ вы спросите меня, выговорилъ съ зарѣвшимся лицомъ Алеша,—я только знаю, что я васъ люблю и желаю вамъ въ эту минуту счастья больше чѣмъ себѣ самому!.. Но вѣдь я ничего не знаю въ этихъ дѣлахъ... вдругъ зачѣмъ-то поспѣшилъ онъ прибавить.

— Въ этихъ дѣлахъ, Алексѣй Ѳедоровичъ, въ этихъ дѣлахъ теперь главное — честь и долгъ, и не знаю что еще, но нѣчто высшее, даже, можетъ быть, высшее самаго долга. Мнѣ сердце

сказывать про это непреодолимое чувство и оно непреодолимо влечетъ меня. Все, впрочемъ, въ двухъ словахъ, я уже рѣшилась: Если даже онъ и женится на той... твари (начала она торжественно), которой я никогда, никогда простить не могу, то *я всетаки не оставлю его!* Отъ этихъ поръ я уже никогда, никогда не оставлю его! произнесла она съ какимъ-то надрывомъ какого-то блѣднаго, вымученнаго восторга. -То есть не то, чтобъ я таскалась за нимъ, попадалась ему поминутно на глаза, мучила его — о, нѣтъ, я уѣду въ другой городъ, куда хотите, но я всю жизнь, всю жизнь мою буду слѣдить за нимъ, не уставая. Когда-же онъ станетъ съ тою несчастенъ, а это непремѣнно и сейчасъ-же будетъ, то пусть придетъ ко мнѣ и онъ встрѣтитъ друга, сестру... Только сестру, конечно, и это на вѣки такъ, но онъ убѣдится, наконецъ, что эта сестра — дѣйствительно сестра его, любящая и всю жизнь ему пожертвовавшая. Я добьюсь того, я настою на томъ, что, наконецъ, онъ узнаетъ меня и будетъ передавать мнѣ все не стыдясь! воскликнула она какъ-бы въ изступленіи. Я буду Богомъ его, которому онъ будетъ молиться,—и это по меньшей мѣрѣ онъ долженъ мнѣ за измѣну свою и зато, что я перенесла чрезъ него вчера. И пусть-же онъ видитъ во всю жизнь свою, что я всю жизнь мою буду вѣрна ему и моему данному ему разъ слову, не смотря на то, что онъ былъ невѣренъ и измѣнилъ. Я буду... Я обращусь лишь въ средство къ его счастію (или какъ это сказать), въ инструментъ, въ машину для его счастія, и это на всю жизнь, на всю жизнь, и чтобъ онъ видѣлъ это впредь всю жизнь свою! Вотъ все мое рѣшеніе! Иванъ Ѳедоровичъ въ высшей степени одобряетъ меня.

Она задыхалась. Она, можетъ быть, гораздо достойнѣе, искуснѣе и натуральнѣе хотѣла-бы выразить свою мысль, но вышло слишкомъ поспѣшно и слишкомъ обнаженно. Много было молодой невыдержки, многое отзывалось лишь вчерашнимъ раздраженіемъ, потребностью погордиться, это она почувствовала сама. Лицо ея какъ-то вдругъ омрачилось, выраженіе глазъ стало нехорошо. Алеша тотчасъ-же замѣтилъ все это и въ сердцѣ его шевельнулось состраданіе. А тутъ какъ разъ подбавилъ и братъ Иванъ.

— Я высказалъ только мою мысль, сказалъ онъ. — У всякой другой вышло-бы все это надломленно, вымученно, а у васъ — нѣтъ. Другая была-бы неправа, а вы правы. Я не знаю какъ это мотивировать, но я вижу, что вы искренни въ высшей степени, а потому вы и правы...

— Но вѣдь это только въ эту минуту... А что такое эта минута? Всего лишь вчерашнее оскорбленіе, — вотъ что значитъ эта минута! не выдержала вдругъ г-жа Хохлакова, очевидно, не желав-

шая вмѣшиваться, но не удержавшаяся и вдругъ сказавшая очень вѣрную мысль.

— Такъ, такъ, перебилъ Иванъ, съ какимъ-то вдругъ азартомъ и видимо озлясь что его перебили, — такъ. но у другой эта минута лишь вчерашнее впечатлѣніе, и только минута, а съ характеромъ Катерины Ивановны эта минута — протянется всю ея жизнь. Что для другихъ лишь обѣщаніе, то для нея вѣковѣчный, тяжелый, угрюмый, можетъ быть, но неустанный долгъ. И она будетъ питаться чувствомъ этого исполненнаго долга! Ваша жизнь, Катерина Ивановна, будетъ проходить теперь въ страдальческомъ созерцаніи собственныхъ чувствъ, собственнаго подвига и собственнаго горя, но впослѣдствіи страданіе это смягчится, и жизнь ваша обратится уже въ сладкое созерцаніе разъ навсегда исполненнаго твердаго и гордаго замысла, дѣйствительно въ своемъ родѣ гордаго, во всякомъ случаѣ, отчаяннаго, но побѣжденнаго вами, и это сознаніе доставитъ вамъ, наконецъ, самое полное удовлетвореніе и примиритъ васъ со всѣмъ остальнымъ...

Проговорилъ онъ это рѣзчительно съ какою-то злобой, видимо нарочно, и даже, можетъ быть, не желая скрыть своего намѣренія, то есть что говоритъ нарочно и въ насмѣшку.

— О, Боже, какъ это все не такъ! воскликнула опять г-жа Хохлакова.

— Алексѣй Ѳедоровичъ, скажите-же вы! Мнѣ мучительно надо знать, что вы мнѣ скажете! воскликнула Катерина Ивановна и вдругъ залилась слезами. Алеша всталъ съ дивана.

— Это ничего, ничего! съ плачемъ продолжала она.—это отъ разстроенства, отъ сегодняшней ночи, но подлѣ такихъ двухъ друзей, какъ вы и братъ вашъ, я еще чувствую себя крѣпкою... потому что знаю... вы оба меня никогда не оставите.

Къ несчастью, я завтра-же, можетъ быть, долженъ уѣхать въ Москву и надолго оставить васъ... И это, къ несчастію, неизмѣнимо... проговорилъ вдругъ Иванъ Ѳедоровичъ.

— Завтра, въ Москву! перекосилось вдругъ все лицо Катерины Ивановны,—но... но Боже мой, какъ это счастливо! вскричала она въ одинъ мигъ совсѣмъ измѣнившимся голосомъ, и въ одинъ мигъ прогнавъ свои слезы, такъ что и слѣда не осталось. Именно въ одинъ мигъ произошла въ ней удивительная перемѣна, чрезвычайно изумившая Алешу: вмѣсто плакавшей сейчасъ въ какомъ-то надрывѣ своего чувства обѣдненной оскорбленной дѣвушки, явилась вдругъ женщина совершенно владѣющая собой и даже чѣмъ-то чрезвычайно довольная, точно вдругъ чему-то обрадовавшаяся.

— О, не то счастливо, что я васъ покидаю, ужь разумѣется

нѣтъ, какъ-бы поправилась она вдругъ съ милою свѣтскою улыбкой.—такой другъ, какъ вы, не можетъ этого подумать: я слишкомъ, напротивъ, несчастна, что васъ лишусь (она вдругъ стремительно бросилась къ Ивану Ѳедоровичу и, схвативъ его за обѣ руки, съ горячимъ чувствомъ пожала ихъ): но вотъ что̀ счастливо, это то, что вы сами. лично, въ состояніи будете передать теперь въ Москвѣ, тетушкѣ и Агашѣ, все мое положеніе, весь теперешній ужасъ мой, въ полной откровенности съ Аганей и щадя милую тетушку, такъ, какъ сами съумѣете это сдѣлать. Вы не можете себѣ представить какъ я была вчера и сегодня утромъ несчастна, недоумѣвая, какъ я напишу имъ это ужасное письмо... потому что въ письмѣ этого никакъ ни за что не передашь... Теперь-же мнѣ легко будетъ написать, потому что вы тамъ у нихъ будете на лицо и все объясните. О, какъ я рада! Но я только этому рада, опять таки повѣрьте мнѣ. Сами вы мнѣ конечно незамѣнимы... Сейчасъ-же бѣгу напишу письмо, заключила она вдругъ и даже шагнула уже. чтобы выйдти изъ комнаты.

— А Алена-то? А мнѣніе-то Алексѣя Ѳедоровича, которое вамъ такъ непремѣнно желалось выслушать? вскричала г-жа Хохлакова. Язвительная и гнѣвливая нотка прозвучала въ ея словахъ.

— Я не забыла этого, пріостановилась вдругъ Катерина Ивановна,— и почему вы такъ враждебны ко мнѣ въ такую минуту, Катерина Осиповна? съ горькимъ, горячимъ упрекомъ произнесла она.—Что̀ я сказала, то я и подтверждаю. Мнѣ необходимо мнѣніе его, мало того: мнѣ надо рѣшеніе его! Что̀ онъ скажетъ, такъ и будетъ—вотъ до какой степени, напротивъ, я жажду вашихъ словъ, Алексѣй Ѳедоровичъ... Но что̀ съ вами?

– Я никогда не думалъ, я не могу этого представить! воскликнулъ вдругъ Алеша горестно.

— Чего, чего?

— Онъ ѣдетъ въ Москву, а вы вскрикнули, что рады — это вы нарочно вскрикнули! А потомъ тотчасъ стали объяснять, что вы не тому рады, а что, напротивъ, жалѣете, что... теряете друга.— но и это вы нарочно сыграли... какъ на театрѣ, въ комедіи сыграли!..

— На театрѣ? Какъ?.. Что̀ это такое? воскликнула Катерина Ивановна въ глубокомъ изумленіи, вся вспыхнувъ и нахмуривъ брови.

— Да какъ ни увѣряйте его. что вамъ жалко въ немъ друга, а все-таки вы настаиваете ему въ глаза, что счастье въ томъ, что онъ уѣзжаетъ... проговорилъ какъ-то совсѣмъ уже задыхаясь Алеша. Онъ стоялъ за столомъ и не садился.

— О чемъ вы, я не понимаю...

— Да я и самъ не знаю... У меня вдругъ какъ будто озареніе... Я знаю, что я не хорошо это говорю, но я все-таки все скажу, продолжалъ Алеша тѣмъ-же дрожащимъ и пересѣкающимся голосомъ: — озареніе мое въ томъ, что вы брата Дмитрія, можетъ быть, совсѣмъ не любите... съ самаго начала... Да и Дмитрій, можетъ быть, не любитъ васъ тоже вовсе... съ самаго начала... а только чтитъ... Я, право, не знаю, какъ я все это теперь смѣю. но надо-же кому нибудь правду сказать... потому что никто здѣсь правды не хочетъ сказать...

— Какой правды? вскричала Катерина Ивановна, и что-то истерическое зазвенѣло въ ея голосѣ.

— А вотъ какой, прошепталъ Алеша, какъ будто полетѣвъ съ крыши:—позовите сейчасъ Дмитрія—я его найду,—и пусть онъ придетъ сюда и возьметъ васъ за руку, потомъ возьметъ за руку брата Ивана и соединитъ ваши руки. Потому что вы мучаете Ивана, потому только, что его любите... а мучаете потому, что Дмитрія надрывомъ любите... въ неправду любите... потому что увѣрили себя такъ...

Алеша оборвался и замолчалъ.

— Вы... вы... вы... маленькій юродивый, вотъ вы кто! съ побѣдительнымъ уже лицомъ и скривившимися отъ злобы губами отрѣзала вдругъ Катерина Ивановна. Иванъ Ѳедоровичъ вдругъ засмѣялся и всталъ съ мѣста. Шляпа была въ рукахъ его.

— Ты ошибся, мой добрый Алеша, проговорилъ онъ съ выраженіемъ лица, котораго никогда еще Алеша у него не видѣлъ,— съ выраженіемъ какой-то молодой искренности и сильнаго, неудержимо откровеннаго чувства:—никогда Катерина Ивановна не любила меня! Она знала все время, что я ее люблю, хоть я и никогда не говорилъ ей ни слова о моей любви.—Знала, но меня не любила. Другомъ тоже я ея не былъ ни разу, ни одного дня: гордая женщина въ моей дружбѣ не нуждалась. Она держала меня при себѣ для безпрерывнаго мученія. Она мстила мнѣ и на мнѣ за всѣ оскорбленія, которыя постоянно и всякую минуту выносила во весь этотъ срокъ отъ Дмитрія, оскорбленія съ первой встрѣчи ихъ... Потому что и самая первая встрѣча ихъ осталась у ней на сердцѣ какъ оскорбленіе. Вотъ каково ея сердце! Я все время только и дѣлалъ, что выслушивалъ о любви ея къ нему. Я теперь ѣду. но знайте, Катерина Ивановна. что вы дѣйствительно любите только его. И, по мѣрѣ оскорбленій его. все больше и больше. Вотъ это и есть вашъ надрывъ. Вы именно любите его такимъ. какимъ онъ есть. васъ оскорбляющимъ его любите. Если-бъ онъ исправился. вы его

тотчасъ забросили-бы и разлюбили вовсе. Но вамъ онъ нуженъ, что-бы созерцать безпрерывно вашъ подвигъ вѣрности и упрекать его въ невѣрности. И все это отъ вашей гордости. О, тутъ много приниженія и униженія, но все это отъ гордости... Я слишкомъ молодъ и слишкомъ сильно любилъ васъ. Я знаю, что это-бы не надо мнѣ вамъ говорить, что было-бы больше достоинства съ моей стороны просто выйдти отъ васъ: было-бы и не такъ для васъ оскорбительно. Но вѣдь я ѣду далеко и не пріѣду никогда. Это вѣдь на вѣки... Я не хочу сидѣть подлѣ надрыва... Впрочемъ, я уже не умѣю говорить, все сказалъ... Прощайте, Катерина Ивановна, вамъ нельзя на меня сердиться, потому что я во сто разъ болѣе васъ наказанъ: наказанъ уже тѣмъ однимъ, что никогда васъ не увижу. Прощайте. Мнѣ не надобно руки вашей. Вы слишкомъ сознательно меня мучили, чтобъ я вамъ въ эту минуту могъ простить. Потомъ прощу, а теперь не надо руки.

Den Dank, Dame, begehr ich nicht,

прибавилъ онъ съ искривленною улыбкой, доказавъ, впрочемъ, совершенно неожиданно, что и онъ можетъ читать Шиллера до заучиванія наизусть, чему прежде не повѣрилъ-бы Алеша. Онъ вышелъ изъ комнаты, даже не простившись и съ хозяйкой, г-жой Хохлаковой. Алеша всплеснулъ руками.

— Иванъ, крикнулъ онъ ему, какъ потерянный вслѣдъ,—воротись, Иванъ! Нѣтъ, нѣтъ, онъ теперь ни за что не воротится! воскликнулъ онъ опять въ горестномъ озареніи,—но это я, я виноватъ, я началъ! Иванъ говорилъ злобно, нехорошо. Несправедливо и злобно... Онъ долженъ опять придти сюда, воротиться, воротиться... Алеша восклицалъ, какъ полоумный.

Катерина Ивановна вдругъ вышла въ другую комнату.

— Вы ничего не надѣлали, вы дѣйствовали прелестно, какъ ангелъ, — быстро и восторженно зашептала горестному Алешѣ г-жа Хохлакова. — Я употреблю всѣ усилія, чтобъ Иванъ Ѳедоровичъ не уѣхалъ...

Радость сіяла на ея лицѣ къ величайшему огорченію Алеши: но Катерина Ивановна вдругъ вернулась. Въ рукахъ ея были два радужные кредитные билета.

— Я имѣю къ вамъ одну большую просьбу, Алексѣй Ѳедоровичъ, начала она, прямо обращаясь къ Алешѣ, повидимому, спокойнымъ и ровнымъ голосомъ, точно и въ самомъ дѣлѣ ничего сейчасъ не случилось. — Недѣлю, — да, кажется, недѣлю назадъ, — Дмитрій Ѳедоровичъ сдѣлалъ одинъ горячій и несправедливый поступокъ, очень безобразный. Тутъ есть одно нехорошее мѣсто, одинъ

трактиръ. Въ немъ онъ встрѣтилъ этого отставнаго офицера, штабсъ-капитана этого, котораго вашъ батюшка употреблялъ по какимъ-то своимъ дѣламъ. Разсердившись почему-то на этого штабсъ-капитана, Дмитрій Ѳедоровичъ схватилъ его за бороду и при всѣхъ вывелъ въ этомъ унизительномъ видѣ на улицу, и на улицѣ еще долго велъ, и, говорятъ, что мальчикъ, сынъ этого штабсъ-капитана, который учится въ здѣшнемъ училищѣ, еще ребенокъ, увидавъ это, бѣжалъ все подлѣ и плакалъ вслухъ и просилъ за отца и бросался ко всѣмъ и просилъ, чтобы защитили, а всѣ смѣялись. Простите, Алексѣй Ѳедоровичъ, я не могу вспомнить безъ негодованія этого позорнаго *его* поступка... одного изъ такихъ поступковъ, на которые можетъ рѣшиться только одинъ Дмитрій Ѳедоровичъ въ своемъ гнѣвѣ... и въ страстяхъ своихъ! Я и разсказать этого не могу, не въ состояніи... Я сбиваюсь въ словахъ. Я справлялась объ этомъ обиженномъ и узнала, что онъ очень бѣдный человѣкъ. Фамилія его Снѣгиревъ. Онъ за что-то провинился на службѣ, его выключили, я не умѣю вамъ это разсказать, и теперь онъ съ своимъ семействомъ, съ несчастнымъ семействомъ больныхъ дѣтей и жены, съумасшедшей, кажется, впалъ въ страшную нищету. Онъ уже давно здѣсь въ городѣ, онъ что-то дѣлаетъ, нисаремъ гдѣ-то былъ, а ему вдругъ теперь ничего не платятъ. Я бросила взглядъ на васъ... то есть я думала,—я не знаю, я какъ-то путаюсь,—видите, я хотѣла васъ просить, Алексѣй Ѳедоровичъ,—добрѣйшій мой Алексѣй Ѳедоровичъ, сходить къ нему, отыскать предлогъ, войдти къ нимъ, то есть къ этому штабсъ-капитану. О, Боже! какъ я сбиваюсь. И деликатно, осторожно, именно какъ только вы одинъ съумѣете сдѣлать (Алеша вдругъ покраснѣлъ) съумѣть отдать ему это вспомоществіе, вотъ, двѣсти рублей. Онъ навѣрно приметъ... то есть уговорить его принять... Или нѣтъ, какъ это? Видите-ли, это не то, что плата ему за примиреніе, чтобъ онъ не жаловался (потому что онъ, кажется, хотѣлъ жаловаться), а просто сочувствіе, желаніе помочь, отъ меня, отъ меня, отъ невѣсты Дмитрія Ѳедоровича, а не отъ него самого... Однимъ словомъ, вы съумѣете... Я-бы сама поѣхала, но вы съумѣете гораздо лучше меня. Онъ живетъ въ Озерной улицѣ, въ домѣ мѣщанки Калмыковой... Ради Бога, Алексѣй Ѳедоровичъ, сдѣлайте мнѣ это, а теперь... теперь я нѣсколько... устала. До свиданія...

Она вдругъ такъ быстро повернулась и скрылась опять за портьеру, что Алеша не успѣлъ и слова сказать,—а ему хотѣлось сказать. Ему хотѣлось просить прощенія, обвинить себя,—ну, что нибудь сказать, потому что сердце его было полно, и выйдти изъ комнаты онъ рѣшительно не хотѣлъ безъ этого. Но г-жа Хохла-

кова схватила его за руку и вывела сама. Въ прихожей она опять остановила его, какъ и давеча.

- Гордая, себя борешь, но добрая, прелестная, великодушная! — полушепотомъ воскликнула г-жа Хохлакова. -О, какъ я ее люблю, особенно иногда, и какъ я всему, всему теперь вновь опять рада! Милый Алексѣй Ѳедоровичъ, вы вѣдь не знали этого: знайте-же, что мы всѣ, всѣ — я, объ ея тетки, — ну всѣ, даже Lise, вотъ уже цѣлый мѣсяцъ какъ мы только того и желаемъ, и молимъ, чтобъ она разошлась съ вашимъ любимцемъ Дмитріемъ Ѳедоровичемъ, который ее знать не хочетъ и нисколько не любитъ, и вышла-бы за Ивана Ѳедоровича, образованнаго и превосходнаго молодаго человѣка, который ее любитъ больше всего на свѣтѣ. Мы вѣдь цѣлый заговоръ тутъ составили, и я даже, можетъ быть, не убѣжала лишь изъ-за этого...

— Но вѣдь она-же плакала, опять оскорбленная! вскричалъ Алеша.

— Не вѣрьте слезамъ женщины, Алексѣй Ѳедоровичъ,—я всегда противъ женщинъ въ этомъ случаѣ, я за мужчинъ.

— Мама, вы его портите и губите, послышался тоненькій голосокъ Lise изъ-за двери.

— Нѣтъ, это я всему причиной, я ужасно виновать! повторялъ неутѣшный Алеша въ порывѣ мучительнаго стыда за свою выходку и даже закрывая руками лицо отъ стыда.

— Напротивъ, вы поступили какъ ангелъ, какъ ангелъ, я это тысячи тысячъ разъ повторить готова.

— Мама, почему онъ поступилъ какъ ангелъ, послышался опять голосокъ Lise.

— Мнѣ вдругъ почему-то вообразилось, на все это глядя, продолжалъ Алеша, какъ-бы и не слыхавъ Лизы,—что она любитъ Ивана, вотъ я и сказалъ эту глупость... и что теперь будетъ!

— Да съ кѣмъ, съ кѣмъ? воскликнула Lise.—мама, вы вѣрно хотите умертвить меня. Я васъ спрашиваю—вы мнѣ не отвѣчаете.

Въ эту минуту вбѣжала горничная.

— Съ Катериной Ивановной худо... Онѣ плачутъ... истерика, бьются.

— Что такое, закричала Lise, уже тревожнымъ голосомъ.—Мама, это со мной будетъ истерика, а не съ ней!

- - Lise, ради Бога не кричи, не убивай меня. Ты еще въ такихъ лѣтахъ, что тебѣ нельзя всего знать, что больніе знаютъ, прибѣгу все разскажу, что можно тебѣ сообщить. О, Боже мой! Я бѣгу, бѣгу... Истерика—это добрый знакъ. Алексѣй Ѳедоровичъ, это превосходно, что съ ней истерика. Это именно такъ и надо. Я въ этомъ случаѣ

всегда противъ женщинъ, противъ всѣхъ этихъ истерикъ и женскихъ слезъ. Юлія, бѣги и скажи, что я лечу. А что Иванъ Ѳедоровичъ такъ вышелъ, такъ она сама виновата. Но онъ не уѣдетъ. Lise, ради Бога не кричи! Ахъ да, ты не кричишь, это я кричу, прости свою маманю, но я въ восторгѣ, въ восторгѣ, въ восторгѣ! А замѣтили вы, Алексѣй Ѳедоровичъ, какимъ молодымъ, молодымъ человѣкомъ Иванъ Ѳедоровичъ давеча вышелъ, сказалъ это все и вышелъ! Я думала, онъ такой ученый, академикъ, а онъ вдругъ такъ горячо-горячо, откровенно и молодо, неопытно и молодо, и такъ это все прекрасно, прекрасно, точно вы... И этотъ стишокъ нѣмецкій сказалъ. ну, точно какъ вы! Но бѣгу, бѣгу. Алексѣй Ѳедоровичъ, снѣшите скорѣй по этому порученію и поскорѣй вернитесь. Lise, не надобно-ли тебѣ чего? Ради Бога не задерживай ни минуты Алексѣя Ѳедоровича, онъ сейчасъ къ тебѣ вернется.

Г-жа Хохлакова, наконецъ, убѣжала. Алеша, прежде чѣмъ идти, хотѣлъ было отворить дверь къ Lise.

— Ни за что! вскричала Lise,—теперь ужъ ни за что! Говорите такъ, сквозь дверь. За что вы въ ангелы попали? Я только это одно и хочу знать.

— За ужасную глупость, Lise! Прощайте!

— Не смѣйте такъ уходить! вскричала было Lise.

— Lise, у меня серіозное горе! Я сейчасъ воротусь, но у меня большое-большое горе!

И онъ выбѣжалъ изъ комнаты.

VI.

Надрывъ въ избѣ.

У него было дѣйствительно серіозное горе, изъ такихъ какія онъ досель рѣдко испытывалъ. Онъ выскочилъ и «наглупилъ», — и въ какомъ-же дѣлѣ: въ любовныхъ чувствахъ! «Но что я въ этомъ понимаю, что я въ этихъ дѣлахъ разобрать могу?» въ сотый разъ повторялъ онъ про себя, краснѣя,— «ахъ, стыдъ-бы ничего, стыдъ только должное мнѣ наказаніе, — бѣда въ томъ, что несомнѣнно теперь я буду причиною новыхъ несчастій... А старецъ посылалъ меня чтобы примирить и соединить. Такъ-ли соединяютъ? Тутъ онъ вдругъ опять припомнилъ, какъ онъ соединилъ руки и страшно стыдно стало ему опять. Хоть я сдѣлалъ это все и искренно, но впередъ надо быть умнѣе», заключилъ онъ вдругъ и даже не улыбнулся своему заключенію.

Порученіе Катерины Ивановны было дано въ Озерную улицу, а братъ Дмитрій жилъ какъ разъ тутъ по дорогѣ, недалеко отъ Озерной улицы въ переулкѣ. Алеша рѣшилъ зайдти къ нему во всякомъ случаѣ прежде чѣмъ къ штабсъ-капитану, хоть и предчувствовалъ, что не застанетъ брата. Онъ подозрѣвалъ, что тотъ, можетъ быть, какъ нибудь нарочно будетъ прятаться отъ него теперь, но во что-бы то ни стало надо было его розыскать. Время-же уходило: мысль объ отходившемъ старцѣ ни на минуту, ни на секунду не оставляла его съ того часа какъ онъ вышелъ изъ монастыря.

Въ порученіи Катерины Ивановны промелькнуло одно обстоятельство чрезвычайно тоже его заинтересовавшее: когда Катерина Ивановна упомянула о маленькомъ мальчикѣ, школьникѣ, сынѣ того штабсъ-капитана, который обѣжалъ, плача въ голосъ, подлъ отца,—то у Алеши, и тогда уже вдругъ мелькнула мысль, что этотъ мальчикъ есть навѣрное тотъ давешній школьникъ, укусившій его за палецъ, когда онъ, Алеша, дозналъ его чѣмъ онъ его обидѣлъ. Теперь ужъ Алеша былъ почти увѣренъ въ этомъ, самъ не зная еще почему. Такимъ образомъ, увлекшись постороннимъ соображеніями, онъ развлекся и рѣшилъ не думать о сейчасъ надѣланной имъ обидѣ, не мучить себя раскаяніемъ, а дѣлать дѣло, а тамъ что будетъ, то и выйдетъ. На этой мысли онъ окончательно ободрился. Кстати, завернувъ въ переулокъ къ брату Дмитрію и чувствуя голодъ, онъ вынулъ изъ кармана взятую у отца булку и съѣлъ дорогой. Это подкрѣпило его силы.

Дмитрія дома не оказалось. Хозяева домишка—старикъ столяръ, его сынъ и старушка жена его—даже подозрительно посмотрѣли на Алешу. Ужъ третій день какъ не почуетъ, можетъ, куда и выбылъ, отвѣтилъ старикъ на усиленные вопросы Алеши. Алеша понялъ, что онъ отвѣчаетъ по данной инструкціи. На вопросъ его: Не у Грушеньки-ли онъ, и не у Ѳомы-ли опять прячется (Алеша нарочно пустилъ въ ходъ эти откровенности), всѣ хозяева даже пугливо на него посмотрѣли. Любятъ его, стало быть, руку его держать, подумалъ Алеша, «это хорошо».

Наконецъ, онъ розыскалъ въ Озерной улицѣ домъ мѣщанки Калмыковой, ветхій домишко, перекосившійся, всего въ три окна на улицу, съ грязнымъ дворомъ, посреди котораго уединенно стояла корова. Входъ былъ со двора въ сѣни —налѣво изъ сѣней жила старая хозяйка со старухою дочерью и, кажется, обѣ глухія. На вопросъ его о штабсъ-капитанѣ, нѣсколько разъ повторенный, одна изъ нихъ, поняв, наконецъ, что спрашиваютъ жильцовъ, ткнула ему пальцемъ чрезъ сѣни, указывая на дверь въ чистую избу. Квартира штабсъ-капитана дѣйствительно оказалась только простою избой. Алеша

взялся было рукой за желѣзную скобку, чтобъ отворить дверь, какъ вдругъ необыкновенная тишина за дверями поразила его. Онъ зналъ, однако, со словъ Катерины Ивановны, что отставной штабсъ-капитанъ человѣкъ семейный: «Или спитъ весь онъ, или, можетъ быть, услыхалъ, что я пришелъ и ждутъ пока я отворю: лучше я сперва постучусь къ нимъ», — и онъ постучалъ. Отвѣтъ послышался, но не сейчасъ, а секунду даже, можетъ быть, десять спустя.

Кто таковъ! прокричалъ кто-то громкимъ и усиленно сердитымъ голосомъ.

Алеша отворилъ тогда дверь, и шагнулъ чрезъ порогъ. Онъ очутился въ избѣ, хотя и довольно просторной, но чрезвычайно загроможденной и людьми, и всякимъ домашнимъ скарбомъ. Налѣво была большая русская печь. Отъ печи къ лѣвому окну чрезъ всю комнату была протянута веревка, на которой было развѣшено разное тряпье. По обѣимъ сторонамъ налѣво и направо помѣщалось по кровати, покрытыхъ вязаными одѣялами. На одной изъ нихъ, на лѣвой, была воздвигнута горка изъ четырехъ ситцевыхъ подушекъ, одна другой меньше. На другой-же кровати справа виднѣлась лишь одна очень маленькая подушечка. Далѣе въ переднемъ углу было небольшое мѣсто, отгороженное занавѣской или простыней, тоже перекинутою чрезъ веревку, протянутую поперекъ угла. За этою занавѣской тоже примѣчалась сбоку устроенная на лавкѣ и на приставленномъ къ ней стулѣ постель. Простой деревянный, четырехугольный кухонный столъ былъ отодвинутъ изъ праваго угла къ серединному окошку. Всѣ три окна, каждое въ четыре мелкія, зеленыя запыленныя стекла, были очень тусклы и на-глухо заперты, такъ что въ комнатѣ было довольно душно и не такъ свѣтло. На столѣ стояла сковорода съ остатками глазной яичницы, лежалъ надъѣденный ломоть хлѣба и сверхъ того находился полуштофъ со слабыми остатками темныхъ благъ лишь на донушкѣ. Возлѣ лѣвой кровати на стулѣ помѣщалась женщина, похожая на даму, одѣтая въ ситцевое платье. Она была очень худа лицомъ, желтая: чрезвычайно впалыя щеки ея свидѣтельствовали съ перваго раза о ея болѣзненномъ состояніи. Но всего болѣе поразилъ Алешу взглядъ этой дамы. Взглядъ чрезвычайно вопросительный и въ тоже время ужасно надменный. И до тѣхъ поръ пока дама не заговорила сама и пока объяснялся Алеша съ хозяйкой, она все время такъ надменно и вопросительно переводила свои большіе каріе глаза съ одного говорившаго на другаго. Подлѣ этой дамы, у лѣваго окошка, стояла молодая дѣвушка съ довольно некрасивымъ лицомъ, съ рыженькими жиденькими волосами, обѣдно, хотя и весьма опрятно, одѣтая. Она брезгливо осмотрѣла вошедшаго Алешу. Направо, тоже у постели,

сидѣло и еще одно женское существо. Это было очень жалкое созданіе, молодая тоже дѣвушка, лѣтъ двадцати, но горбатая и безногая, съ отсохшими, какъ сказали потомъ Аленѣ, ногами. Костыли ея стояли подлѣ, въ углу, между кроватью и стѣной. Замѣчательно прекрасные и добрые глаза бѣдной дѣвушки съ какою-то спокойною кротостью поглядѣли на Алешу. За столомъ, кончая яичницу, сидѣлъ господинъ лѣтъ сорока пяти, невысокаго роста, сухощавый, слабаго сложенія, рыжеватый, съ рыженькою рѣдкою бородкой, весьма похожею на растрепанную мочалку (это сравненіе и особенно слово мочалка такъ и сверкнули почему-то съ перваго-же взгляда въ умъ Аленѣ, онъ это потомъ припомнилъ). Очевидно, этотъ самый господинъ и крикнулъ изъ за двери: кто таковъ! Такъ какъ другаго мужчины въ комнатѣ не было. Но когда Алеша вошелъ, онъ словно сорвался со скамьи, на которой сидѣлъ за столомъ, и, наскоро обтираясь дырявою салфеткой, подлетѣлъ къ Аленѣ.

— Монахъ на монастырь проситъ, знать къ кому придти! громко между тѣмъ проговорила стоявшая въ дѣвомъ углу дѣвица. Но господинъ подобѣжавшій къ Аленѣ мигомъ повернулся къ ней на каблукахъ, и взволнованнымъ, срывающимся какимъ-то голосомъ онъ отвѣтилъ:

— Нѣтъ-съ, Варвара Николавна, это не то-съ, не угадали-съ! Позвольте спросить въ свою очередь, вдругъ опять повернулся онъ къ Аленѣ, — что побудило васъ-съ посѣтить... эти нѣдра-съ?

Алеша внимательно смотрѣлъ на него, онъ въ первый разъ этого человѣка видѣлъ. Было въ немъ что-то угловатое, сгорбившее и раздражительное. Хотя онъ, очевидно, сейчасъ выпилъ, но пьянъ не былъ. Лицо его изображало какую-то крайнюю наглость и въ тоже время, — странно это было, — видимую трусость. Онъ похожъ былъ на человѣка долгое время подчинявшагося и натерпѣвшагося, но который-бы вдругъ вскочилъ и захотѣлъ заявить себя. Или, еще лучше, на человѣка, которому ужасно-бы хотѣлось васъ ударить, но который ужасно боится, что вы его ударите. Въ рѣчахъ его и въ интонаціи довольно пронзительнаго голоса слышался какой-то городливый юморъ, то злой, то робѣющій, не выдерживающій тона и срывающійся. Вопросъ о нѣдрахъ задалъ онъ какъ-бы весь дрожа, выпучивъ глаза и подскочивъ къ Аленѣ до того въ упоръ, что тотъ машинально сдѣлалъ шагъ назадъ. Одѣтъ былъ этотъ господинъ въ темное, весьма плохое, какое-то пальтовое пальто, запачканное и въ пятнахъ. Панталоны на немъ были чрезвычайно какія-то свѣтлыя, такія, что никто давно и не носитъ, клѣтчатыя и изъ очень тоненькой какой-то матеріи, смятыя снизу и сбившіяся оттого наверхъ, точно онъ изъ нихъ какъ маленькій мальчикъ вырось.

Я... Алексѣй Карамазовъ... проговорилъ было въ отвѣтъ Алеша.

Отмѣнно умѣю понимать-съ, тотчасъ-же отрѣзалъ господинъ, давая знать, что ему и безъ того извѣстно, кто онъ такой. Штабсъ я капитанъ-съ Снѣгиревъ-съ, въ свою очередь, но все-же желательно узнать, что̀ именно побудило...

— Да я такъ только зашелъ. Мнѣ въ сущности отъ себя хотѣлось-бы вамъ сказать одно слово... Если только позволите...

Въ такомъ случаѣ вотъ и стулъ-съ, извольте взять мѣсто-съ. Это въ древнихъ комедіяхъ говорили: извольте взять мѣсто ... и штабсъ-капитанъ быстрымъ жестомъ схватилъ поросшій стулъ (простой мужицкій, весь деревянный и ничѣмъ не обитый) и поставилъ его чуть не по срединѣ комнаты: затѣмъ, схвативъ другой такой-же стулъ для себя, сѣлъ напротивъ Алеши, по прежнему къ нему въ упоръ и такъ, что колѣни ихъ почти соприкасались вмѣстѣ.

Николай Ильичъ Снѣгиревъ-съ, русской пѣхоты бывшій штабсъ-капитанъ-съ. Хоть и посрамленный своими порками, но все-же штабсъ-капитанъ. Скорѣе-бы надо сказать: штабсъ-капитанъ Словоерсовъ, а не Снѣгиревъ, ибо лишь со второй половины жизни сталъ говорить словоерсами. Слово-еръ-съ пріобрѣтается въ унижени.

— Это такъ точно, усмѣхнулся Алеша, — только невольно пріобрѣтается или нарочно?

Видитъ Богъ, невольно. Все не говорилъ, цѣлую жизнь не говорилъ словоерсами, вдругъ узналъ и сталъ съ словоерсами. Это дѣлается высшею силой. Вижу, что интересуетесь современными вопросами. Чѣмъ, однако, могъ возбудить столь любопытства, ибо живу въ обстановкѣ невозможной для гостепріимства.

— Я пришелъ... по тому самому дѣлу...

— По тому самому дѣлу? нетерпѣливо перебилъ штабсъ-капитанъ.

- По поводу той встрѣчи вашей съ братомъ моимъ Дмитріемъ Ѳедоровичемъ, неловко отрѣзалъ Алеша.

Какой-же это встрѣчи-съ? Это ужъ не той-ли самой-съ? Значитъ, на счетъ мочалки, банной мочалки? надвинулся онъ вдругъ такъ, что въ этотъ разъ полюбительно стукнулся колѣнками въ Алешу. Губы его какъ-то особенно сжались въ ниточку.

— Какая это мочалка? пробормоталъ Алеша.

– Это онъ на меня тебѣ, папа, жаловаться приплелъ! крикнулъ знакомый уже Алешѣ голосокъ давешняго мальчика изъ за занавѣски въ углу. Это я ему давеча палецъ укусилъ! Занавѣска отдернулась, и Алеша увидѣлъ давешняго врага своего, въ

углу, подъ образами, на приставленной на лавкѣ и на стулѣ постелькѣ. Мальчикъ лежалъ накрытый своимъ пальтишкомъ и еще старенькимъ ватнымъ одѣяльцемъ. Очевидно, былъ нездоровъ и, судя по горящимъ глазамъ, въ лихорадочномъ жару. Онъ безстрашно, не по давешнему, глядѣлъ теперь на Алешу: «Дома, дескать, теперь не достанешь».

Какой такой палецъ укусилъ? привскочилъ со стула штабсъ-капитанъ.—Это вамъ онъ палецъ укусилъ-съ?

Да, мнѣ. Давеча онъ на улицѣ съ мальчиками камнями перебрасывался: они въ него шестеро кидаютъ, а онъ одинъ. Я подошелъ къ нему, а онъ и въ меня камень бросилъ, потомъ другой мнѣ въ голову. Я спросилъ: что я ему сдѣлалъ? Онъ вдругъ бросился и больно укусилъ мнѣ палецъ, не знаю за что.

Сейчасъ высѣку-съ! Сею минутой высѣку-съ, совсѣмъ уже вскочилъ со стула штабсъ-капитанъ.

Да я вѣдь вовсе не жалуюсь, я только разсказалъ... Я вовсе не хочу чтобы вы его высѣкли. Да онъ, кажется, теперь и болѣнъ...

— А вы думали я высѣку-съ? Что я Илюшечку возьму да сейчасъ и высѣку предъ вами для вашего полнаго удовлетворенія? Скоро вамъ это надо-съ? проговорилъ штабсъ-капитанъ, вдругъ повернувшись къ Алешѣ съ такимъ жестомъ какъ будто хотѣлъ на него броситься. — Жалѣю, сударь, о вашемъ пальчикѣ, но не хотите-ли я, прежде чѣмъ Илюшечку сѣчь, свои четыре пальца, сейчасъ-же на вашихъ глазахъ, для вашего справедливаго удовлетворенія, вотъ этимъ самымъ ножомъ оттяпаю. Четырехъ-то пальцевъ я думаю вамъ будетъ довольно-съ, для утоленія жажды мщенія-съ, пятаго не потребуете?.. Онъ вдругъ остановился и какъ-бы задохся. Каждая черточка на его лицѣ ходила и дергалась. Глядѣлъ-же съ чрезвычайнымъ вызовомъ. Онъ былъ какъ-бы въ изступленіи.

— Я, кажется, теперь все понялъ, тихо и грустно отвѣтилъ Алеша, продолжая сидѣть. Значитъ, вашъ мальчикъ добрый мальчикъ, любитъ отца и бросился на меня, какъ на брата вашего обидчика... Это я теперь понимаю, повторилъ онъ, раздумывая. Но братъ мой Дмитрій Ѳедоровичъ раскаивается въ своемъ поступкѣ, я знаю это, и если только ему возможно будетъ придти къ вамъ, или всего лучше свидѣться съ вами опять въ томъ самомъ мѣстѣ, то онъ попроситъ у васъ при всѣхъ прощенія... если вы пожелаете.

То есть вырвать бороденку и попросить извиненія... Все дескать закончилъ и удовлетворилъ, такъ-ли-съ?

О, нѣтъ, напротивъ, онъ сдѣлаетъ все что вамъ будетъ угодно и какъ вамъ будетъ угодно!

— Такъ что если-бъ я попросилъ его съѣхать стать на колѣни предо мной въ этомъ самомъ трактирѣ-съ, — Столичный городъ ему наименованіе, — или на площади-съ, такъ онъ и сталъ-бы?

— Да, онъ сталъ и на колѣни.

— Произнили-съ. Прослезили меня и произнили-съ. Слишкомъ наклоненъ чувствовать великодушіе вашего братца. Позвольте-же отрекомендоваться вполнѣ: моя семья, мои двѣ дочери и мой сынъ, мой помощь-съ. Умру я, кто-то ихъ возлюбитъ-съ? А пока живу я, кто-то меня, скверненькаго, кромѣ ихъ возлюбитъ? Великое это дѣло устроилъ Господь для каждаго человѣка въ моемъ родѣ-съ. Ибо надобно чтобъ и человѣка въ моемъ родѣ могъ хоть кто нибудь возлюбить-съ...

— Ахъ, это совершенная правда! воскликнулъ Алеша.

— Да полноте, наконецъ, паясничать, какой нибудь дуракъ придетъ, а вы срамите! вскрикнула неожиданно дѣвушка у окна, обращаясь къ отцу съ брезгливою и презрительною миной.

— Повременте немного. Варвара Николаевна, позвольте выдержать направленіе. крикнулъ ей отецъ хотя и повелительнымъ тономъ, но однако весьма одобрительно смотря на нее. — Это ужь у насъ такой характеръ-съ, повернулся онъ опять къ Алешѣ.

„И ничего во всей природѣ
Благословить онъ не хотѣлъ“.

То есть надо-бы въ женскомъ родѣ: благословить она не хотѣла-съ. Но теперь позвольте васъ представить и моей супругѣ: вотъ-съ Арина Петровна, дама безъ ногъ-съ, лѣтъ сорока грехъ, ноги ходятъ да немножко-съ. Изъ простыхъ-съ. Арина Петровна, разгладьте черты ваши: вотъ Алексѣй Ѳедоровичъ Карамазовъ. Встаньте. Алексѣй Ѳедоровичъ, — онъ взялъ его за руку и съ силой, которой даже нельзя было ожидать отъ него, вдругъ его приподнялъ: — вы дамъ представляетесь, надо встать-съ... Не тотъ-съ Карамазовъ, маменька, который... гм! и такъ далѣе, а братъ его, блистающій смиренными добродѣтелями. Позвольте, Арина Петровна, позвольте, маменька, позвольте вашу ручку предварительно поцѣловать.

И онъ почтительно, нѣжно даже поцѣловалъ у супруги ручку. Дѣвица у окна съ негодованіемъ повернулась къ свѣту спиной, надменно вопросительное лицо супруги вдругъ выразило необыкновенную ласковость.

— Здравствуйте, садитесь, г. Черномазовъ, проговорила она.

— Карамазовъ, маменька, Карамазовъ (мы изъ простыхъ-съ), поднесшуль онъ снова.

— Ну Карамазовъ или какъ тамъ, а я всегда Черномазовъ...

Садитесь-же, и зачѣмъ онъ васъ поднялъ? „Дама безъ ногъ, онъ говоритъ, ноги-то есть. да распухли какъ ведра. а сама я высохла. Прежде-то я куды была толстая. а теперь вонъ словно иглу проглотила...

— Мы изъ простыхъ-съ. изъ простыхъ-съ, подсказалъ еще разъ капитанъ.

— Нана. ахъ. нана! проговорила вдругъ горбатая „дѣвушка, доселѣ молчавшая на своемъ стулѣ и вдругъ закрыла глаза платкомъ.

— Шутъ! брякнула дѣвица у окна.

— Видите у насъ какія извѣстія. разставила руки маманя. указывая на дочерей. — точно облака идутъ: пройдутъ облака и опять наша музыка. Прежде. когда мы военными были, къ намъ много приходило такихъ гостей. Я. батюшка, это къ дѣлу не приравниваю. Кто любитъ кого. тотъ и любо того. „Дьяконица тогда приходитъ и говоритъ: Александръ Александровичъ превосходительнѣйшей души человѣкъ, а Настасья. говоритъ, Петровна это нечадіе ада. Ну отвѣчаю это, какъ кто кого обожаетъ, а ты и мала куча да вошоча. — А тебя. говоритъ, надо въ повиновеніи держать. — Ахъ ты, черная ты. говорю ей, ишага, ну и кого ты учить пришла? —Я, говоритъ она. воздухъ чистый внускаю. а ты нечистый.— А спроси, отвѣчаю ей. всѣхъ господъ офицеровъ, нечистый-ли во мнѣ воздухъ, али другой какой? И такъ это у меня съ того самаго времени на душѣ сидитъ. что, намедни, сижу я вотъ здѣсь какъ теперь и вижу тотъ самый генералъ вошелъ, что на Святую сюда пріѣзжалъ: что. говорю ему, ваше превосходительство. можно-ли благородной дамѣ воздухъ свободный внускать? — „Да. отвѣчаетъ. надо-бы у васъ форточку. али дверь отворить. потому самому. что у васъ воздухъ не свѣжій. Ну и всѣ-то такъ! А и что имъ мой воздухъ дался? Отъ мертвыхъ и того хуже пахнетъ. Я. говорю, воздуху вашего не порчу. а башмаки закажу и уйду. Батюшки. голубчики. не вопрекайте мать родную! Николай Ильичъ, батюшка. я-ль тебѣ не угодила. только вѣдь у меня и есть что Алешечка изъ класса придетъ и любитъ. Вчера яблочко принесъ. Простите, батюшки. простите, голубчики, мать родную. простите меня совсѣмъ одинокую. а и чего вамъ мой воздухъ противенъ сталъ!

И бѣдная помѣшанная вдругъ разрыдалась. слезы брызнули ручьемъ. Штабсъ-капитанъ стремительно подскочилъ къ ней.

— Маменька. маменька, голубчикъ, полно. полно! Не одинокая ты. Всѣ-то тебя любятъ, всѣ обожаютъ! и онъ началъ опять цѣловать у ней обѣ руки и нѣжно сталъ гладить по ея лицу своими ладонями: схвативъ-же салфетку, началъ вдругъ обтирать съ лица

ея слезы. Алешѣ показалось даже, что у него и у самого засверкали слезы. — Ну-съ, видѣли-съ? Слышали-съ? какъ-то вдругъ яростно обернулся онъ къ нему, показывая рукой на бѣдную слабоумную.

— Вижу и слышу, пробормоталъ Алеша.

— Папа, папа! Неужели ты съ нимъ... Брось ты его, папа! крикнулъ вдругъ мальчикъ, привставъ на своей постелькѣ и горящимъ взглядомъ смотря на отца.

— Да полноте вы, наконецъ, наясничать, ваши выверты глупые показывать, которые ни къ чему никогда не ведутъ!.. совсѣмъ уже озлившись крикнула все изъ того угла Варвара Николаевна, даже ногой топнула.

— Совершенно справедливо на этотъ разъ изволите изъ себя выходить, Варвара Николавна, и я васъ стремительно удовлетворю. Ну-съ, шапочку вашу надѣньте, Алексѣй Ѳедоровичъ, а я вотъ картузъ возьму и пойдемте-съ. Надобно вамъ одно серіозное словечко сказать, только внѣ этихъ стѣнъ. Эта вотъ сидящая дѣвица— это дочка моя-съ, Нина Николаевна-съ, забылъ я вамъ ее представить, ангелъ Божій во плоти... къ смертнымъ слетѣвшій... если можете только это понять...

— Весь вѣдь такъ и сотрясается, словно судорогой его сводитъ, продолжала въ негодованіи Варвара Николаевна.

— А эта вотъ что̀ теперь на меня ножкой топаетъ и паяцомъ меня давеча обличила, — это тоже ангелъ Божій во плоти-съ, и справедливо меня обозвала-съ. Пойдемте-же, Алексѣй Ѳедоровичъ, покончить надо-съ...

И схвативъ Алешу за руку, онъ вывелъ его изъ комнаты прямо на улицу.

VII.

И на чистомъ воздухѣ.

Воздухъ чистый-съ, а въ хоромахъ-то у меня и впрямь не свѣжо, во всѣхъ даже смыслахъ. Пройдемте, сударь, шажкомъ. Очень-бы хотѣлось мнѣ васъ заинтересовать-съ.

— Я и самъ къ вамъ имѣю одно чрезвычайное дѣло... замѣтилъ Алеша,—и только не знаю какъ мнѣ начать.

— Какъ не узнать, что у васъ до меня дѣло-съ? Безъ дѣла-то вы-бы никогда ко мнѣ и не заглянули. Али въ самомъ дѣлѣ только жаловаться на мальчика приходили-съ? Такъ вѣдь это невѣроятно-съ.

А кстати, о мальчикѣ-съ: я вамъ тамъ всего изъяснить не могъ-съ, а здѣсь теперь сцену эту вамъ опишу-съ. Видите-ли, мочалка-то была гуще-съ, еще всего недѣлю назадъ, — я про бородёнку мою говорю-съ; это вѣдь бородёнку мою мочалкой прозвали, школьники главное-съ. Ну-съ, вотъ-съ, тянетъ меня тогда вашъ братецъ Дмитрій Ѳедоровичъ за мою бородёнку, за вчера-съ, забуянилъ, а я подвернулся, вытянулъ изъ трактира на площадь, а какъ разъ школьники изъ школы выходятъ, а съ ними и Илюша. Какъ увидалъ онъ меня въ такомъ видѣ-съ,— бросился ко мнѣ: Папа, кричитъ, папа! Хватается за меня, обнимаетъ меня, хочетъ меня вырвать, кричитъ моему обидчику: «Пустите, пустите, это папа мой папа, простите его», такъ вѣдь и кричитъ: «простите»; ручонками-то тоже его схватилъ, да руку-то ему, эту самую-то руку его, и цѣлуетъ-съ... Помню я въ ту минуту какое у него было личико-съ, не забылъ-съ и не забуду-съ!..

— Клянусь, воскликнулъ Алеша,—братъ вамъ самымъ искреннимъ образомъ, самымъ полнымъ, выразитъ раскаяніе, хотя бы даже на колѣняхъ на той самой площади... Я заставлю его, иначе онъ мнѣ не братъ!

Ага, такъ это еще въ проэктѣ находится. Не прямо отъ него, а отъ благородства линій вашего сердца исходитъ выкаго-съ. Такъ-бы и сказали-съ. Нѣтъ, ужъ въ такомъ случаѣ позвольте мнѣ и о высочайшемъ рыцарскомъ и офицерскомъ благородствѣ вашего братца досказать, ибо онъ его тогда выразилъ-съ. Кончилъ онъ это меня за мочалку таскать, пустилъ на волю-съ: Ты, говоритъ, офицеръ и я офицеръ,— если можешь найдти секунданта, порядочнаго человѣка, то присылай—дамъ удовлетвореніе, хотя-бы ты и мерзавецъ! Вотъ что сказалъ-съ. Во истину рыцарскій духъ! Удалились мы тогда съ Илюшей, а родословная фамильная картина на вѣки у Илюши въ памяти душевной отпечатлѣлась. Нѣтъ ужъ намъ дворянами оставаться-съ. Да и посудите сами-съ, извольте сами быть сейчасъ у меня въ хоромахъ, что видите-съ? Три дамы сидятъ-съ, одна безъ ноги слабоумная, другая безъ ноги горбатая, а третья съ ногами, да слишкомъ ужъ умная, курносткa-съ, въ Петербургъ снова рвется, тамъ на берегахъ Невы права женщины русской отыскивать. Про Илюшу не говорю-съ, всего девять лѣтъ-съ, одинъ какъ перстъ, ибо умри я — и что со всѣми этими недѣлями станется, я только про это одно васъ спрошу-съ? А если такъ, то вызови я его на дуэль, а ну какъ онъ меня тотчасъ-же и убьетъ, ну что-же тогда? Съ нимп-то тогда со всѣми что станется-съ? Еще хуже того если онъ не убьетъ-съ, а лишь только меня искалѣчитъ: работать нельзя, а ротъ-то всегдаш остается, кто-жъ его накормитъ

тогда, мой ротъ. И кто-жь ихъ-то всѣхъ тогда накормитъ-съ? Ль Илюшу, вмѣсто школы, милостыню просить высылать ежедневно? Такъ вотъ что оно для меня значитъ-съ на дуэль-то его вызвать-съ. глупое это слово-съ и больше ничего-съ.

— Онъ будетъ у васъ просить прощенія, онъ посреди площади вамъ въ ноги поклонится, вскричалъ опять Алеша съ загорѣвшимся взоромъ.

— Хотѣлъ я его въ судъ позвать, продолжалъ штабсъ-капитанъ, — но разверните нашъ кодексъ, много-ль мнѣ придется удовлетворенія за личную обиду мою съ обидчика получить-съ? А тутъ вдругъ Аграфена Александровна призываетъ меня и кричитъ: думать не смѣи! Если въ судъ его позовешь, такъ подведу такъ, что всему свѣту публично обнаружится, что онъ тебя за твое-же мошенничество, тогда самого тебя подъ судъ упекутъ. А Господь одинъ видитъ отъ кого мошенничество-то это вышло-съ, и по чьему приказу я какъ мелкая сошка тутъ дѣйствовать-съ, — не по ея-ли самой распоряженію, да Ѳедора Павловича? — А къ тому-же, прибавляетъ, на вѣки тебя прогоню, и ничего ты у меня впредь не заработаешь. Кузьмѣ моему тоже скажу (она его такъ и называетъ, старика-то: Кузьмичъ мой), такъ и тотъ тебя стоитъ. Вотъ и думаю, если ужъ и Кузьмичъ меня стоитъ, то что тогда, у кого заработаю? Вѣдь они только двое мнѣ и остались, такъ какъ батюшка нашъ Ѳедоръ Павловичъ не только мнѣ довѣрять пересталъ, но одной посторонней причинъ-съ, но еще самъ, заручившись моими росписками, въ судъ меня таскать хочетъ. Вслѣдствіе всего сего я и притихъ-съ и вы нѣкра видѣли-съ. А теперь позвольте спросить: больно онъ вамъ пальчикъ давеча укусилъ. Илюша-то? Въ хромахъ-то я при немъ войдти въ сію подробность не рѣшился.

— Да, очень больно, и онъ очень былъ раздраженъ. Онъ мнѣ какъ Карамазову за васъ отомстилъ. мнѣ это ясно теперь. Но если-бы вы видѣли какъ онъ съ товарищами школьниками камнями перекидывался? Это очень опасно, они могутъ его убить, они дѣти, глупы, камень летитъ и можетъ голову проломить.

— Да ужъ и попало-съ, не въ голову такъ въ грудь-съ, повыше сердца-съ, сегодня ударъ камнемъ, синякъ-съ, принесъ плачетъ, охаетъ, а вотъ и заболѣлъ.

И знаете, вѣдь онъ тамъ самъ первый и нападаетъ на всѣхъ, онъ озлился за васъ, они говорятъ, что онъ одному мальчику, Красоткину, давеча въ бокъ перочиннымъ ножикомъ пырнулъ...

— Слышалъ и про это, опасно-съ: Красоткинъ это чиновникъ здѣшній, еще, можетъ быть, хлопоты выйдутъ-съ...

Я-бы вамъ совѣтовалъ, съ жаромъ продолжалъ Алеша, —

нѣкоторое время не посылать его вовсе въ школу пока онъ уймется... и гнѣвъ этотъ въ немъ пройдетъ...

Гнѣвъ-съ! подхватилъ штабсъ-капитанъ. именно гнѣвъ-съ! Въ маленькомъ существѣ, а великій гнѣвъ-съ. Вы этого всего не знаете-съ. Позвольте мнѣ пояснить эту повѣсть особенно. Дѣло въ томъ, что послѣ того событія всѣ школьники въ школѣ стали его мочалкой дразнить. Дѣти въ школахъ народъ безжалостный: порознь ангелы Божіи, а вмѣстѣ, особенно въ школахъ, весьма часто безжалостны. Начали они его дразнить, воспрянулъ въ Илюшѣ благородный духъ. Обыкновенный мальчикъ, слабый сынъ, тотъ-бы смирился, отца своего застыдился, а этотъ одинъ противъ всѣхъ возсталъ за отца. За отца и за истину-съ, за правду-съ. Ибо, что онъ тогда вынесъ, какъ вашему братцу руки цѣловалъ и кричалъ ему: Простите папочку, простите папочку, — то это только Богъ одинъ знаетъ да я-съ. И вотъ такъ-то дѣтки наши — то есть не ваши, а наши-съ, дѣтки презрѣнныхъ, но благородныхъ нищихъ-съ, правду на землѣ еще въ девять лѣтъ отъ роду узнаютъ-съ. Богатымъ гдѣ: тѣ всю жизнь такой глубины не изслѣдуютъ, а мой Илюшка въ ту самую минуту, на площади-то-съ, какъ руки-то его цѣловалъ, въ ту самую минуту всю истину произошелъ-съ. Вошла въ него эта истина-съ и прошибла его на вѣки-съ, горячо и опять какъ-бы въ изступленіи произнесъ штабсъ-капитанъ и при этомъ ударилъ правымъ своимъ кулакомъ въ лѣвую ладонь, какъ-бы желая на яву выразить какъ прошибла его Илюшу истина. — Въ тотъ самый день онъ у меня въ лихорадкѣ былъ-съ, всю ночь бредилъ. Весь тотъ день мало со мной говорилъ, совсѣмъ молчалъ даже, только замѣтилъ я: глядитъ, глядитъ на меня изъ угла, а все больше къ окну придвигается и дѣлаетъ видъ будто-бы уроки учитъ, а я вижу, что не уроки у него на умѣ. На другой день я вынулъ-съ и многаго не помню-съ, грѣшный человѣкъ, съ горя-съ. Маменька тоже тутъ плакать начала-съ, — маменьку-то я очень люблю-съ, — ну, съ горя и клюкнулъ, на послѣдніе-съ. Вы, сударь, не презирайте меня: въ Россіи пьяные люди у насъ самые добрые. Самые добрые люди у насъ и самые пьяные. Лгу это я и Илюшу въ тотъ день не очень запомнилъ, а въ тотъ-то именно день мальчишки и подняли его на смѣхъ въ школѣ съ утра-съ: Мочалка, кричатъ ему, отца твоего за мочалку изъ трактира тащили, а ты подлѣ бѣгалъ и прощенія просилъ. На третій это день пришелъ онъ опять изъ школы, смотрю — лица на немъ нѣтъ, побѣдился. Что ты, говорю? Молчитъ. Ну, въ хоромахъ-то нечего было разговаривать, а то сейчасъ маменька и дѣвицы участіе примутъ, — дѣвицы-то къ тому-же все уже узнали, даже еще въ первый день. Варвара-то Николаевна уже стала

ворчать: «Шуты, паяцы, развѣ можетъ у васъ что̀ разумное быть?» — Такъ точно, говорю, Варвара Николавна, развѣ можетъ у насъ что̀ разумное быть? Тѣмъ на тотъ разъ и отдѣлался. Вотъ-съ къ вечеру я и вывелъ мальчика погулять. А мы съ нимъ, надо вамъ знать-съ, каждый вечеръ и допрежь того гулять выходили, ровно по тому самому пути, по которому съ вами теперь идемъ, отъ самой нашей калитки до вонъ того камня большущаго, который вонъ тамъ на дорогѣ сиротой лежитъ у плетня, и гдѣ выгонъ городской начинается: мѣсто пустынное и прекрасное-съ. Идемъ мы съ Илюшей, ручка его въ моей рукѣ, по обыкновенію; махонькая у него ручка, пальчики тоненькіе, холодненькіе, — грудкой вѣдь онъ у меня страдаетъ. «Папа, говоритъ, папа!» — «Что̀, говорю ему, глазенки вижу у него сверкаютъ. — Папа, какъ онъ тебя тогда, папа! — Что̀ дѣлать, Илюша, говорю. — «Не мирись съ нимъ, папа, не мирись. Школьники говорятъ что онъ тебѣ десять рублей за это далъ». — Нѣтъ, говорю, Илюша, я денегъ отъ него не возьму теперь ни за что̀. Такъ онъ и затрясся весь, схватилъ мою руку въ свои обѣ ручки, опять цѣлуетъ. — Папа, говоритъ, папа, вызови его на дуэль, въ школѣ дразнятъ, что ты трусъ и не вызовешь его на дуэль, а десять рублей у него возьмешь». — На дуэль, Илюша, мнѣ нельзя его вызвать, отвѣчаю я, и излагаю ему вкратцѣ все то, что̀ и вамъ на сей счетъ изложилъ. Выслушалъ онъ: — «Папа, говоритъ, папа, всетаки не мирись: я выросту, я вызову его самъ и убью его! Глазенки-то сверкаютъ и горятъ. Ну, при всемъ томъ вѣдь я и отецъ, надобно-жь было ему слово правды сказать: грѣшно, говорю я ему, убивать, хотя-бы и на поединкѣ. — Папа, говоритъ, папа, я его повалю, какъ большой буду, я ему саблю выбью своей саблей, брошусь на него, повалю его, замахнусь на него саблей и скажу ему: могъ-бы тебя сейчасъ убить, но прощаю тебя, вотъ тебѣ!» — Видите, видите, сударь, какой процессикъ въ головкѣ-то его произошелъ въ эти два дня, это онъ день и ночь объ этомъ именно мщеніи съ саблей думалъ и ночью, должно быть, объ этомъ бредилъ-съ. Только сталъ онъ изъ школы приходить больно битый, это третьяго дня я все узналъ, и вы правы-съ; больше ужь въ школу эту я его не пошлю-съ. Узнаю я, что онъ противъ всего класса одинъ идетъ и всѣхъ самъ вызываетъ, самъ озлился, сердце въ немъ зажглось, — испугался я тогда за него. Опять ходимъ гуляемъ. — «Папа, спрашиваетъ, папа, вѣдь богатые всѣхъ сильнѣе на свѣтѣ?» — Да, говорю, Илюша, нѣтъ на свѣтѣ сильнѣе богатаго. — «Папа, говоритъ, я разбогатѣю, я въ офицеры пойду и всѣхъ разобью, меня царь наградитъ, я пріѣду и тогда никто не посмѣетъ ... Потомъ помолчалъ да и говоритъ, — губенки-то у него все по прежнему

вздрагивают.— Нана, говорит, какой это нехороший город наш, нана! — Да, говорю, Илюшечка, не очень-таки хорош наш город. — Нана, переѣдем въ другой городъ, въ хорошій, говорит, городъ, гдѣ про насъ и не знаютъ. — Переѣдемъ, говорю, переѣдемъ. Илюша, вотъ только денегъ сколько. Обрадовался я случаю отвлечь его отъ мыслей темныхъ, и стали мы мечтать съ нимъ, какъ мы въ другой городъ переѣдемъ, лошадку свою купимъ да телѣжку. Маменьку да сестрицъ усадимъ, закроемъ ихъ, а сами сбоку пойдемъ, извѣдка тебя подсажу, а я тутъ подлѣ пойду, потому, лошадку свою поберечь надо, не всѣмъ-же садиться, такъ и отправимся. Восхитился онъ этимъ, а главное, что своя лошадка будетъ и самъ на нее побѣдетъ. А ужъ извѣстно, что русскій мальчикъ такъ и родится вмѣстѣ съ лошадкой. Болтали мы долго, слава Богу, думаю, развлекъ я его, утѣшилъ. Это третьяго дня вечеромъ было, а вчера вечеромъ уже другое оказалось. Опять онъ утромъ въ эту школу пошелъ, мрачный вернулся, очень ужъ мраченъ. Вечеромъ взялъ я его за ручку, вывелъ гулять, молчитъ, не говоритъ. Вѣтерокъ тогда начался, солнце затмилось, осенью повѣяло, да и смеркалось ужъ. —Идемъ, обоимъ намъ грустно. — Ну, мальчикъ, какъ-же мы, говорю, съ тобой въ дорогу-то соберемся, думаю на вчерашній-то разговоръ навести. Молчитъ. Только пальчики его сыну въ моей рукѣ вздрогнули. Э, думаю, плохо, новое есть. Дошли мы вотъ, какъ теперь, до этого самаго камня, сѣлъ я на камень этотъ, а на небесахъ все змѣи запущены, гудятъ и трещатъ, змѣевъ тридцать видно. Вѣдь нынѣ змѣиный сезонъ-съ. Вотъ, говорю, Илюша, пора-бы и намъ змѣекъ прошлогодній запустить. Ночью-ка я его, гдѣ онъ у тебя тамъ спрятанъ? Молчитъ мой мальчикъ, глядитъ въ сторону, стоитъ ко мнѣ бокомъ. А тутъ вѣтеръ вдругъ загудѣлъ, понесло пескомъ... Бросился онъ вдругъ ко мнѣ весь, обнялъ мнѣ обѣими ручонками шею, стиснулъ меня. Знаете, дѣтки коли молчаливыя да гордыя, да слезы долго перемогаютъ въ себѣ, да какъ вдругъ прорвутся, если горе большое придетъ, такъ вѣдь не то что слезы потекутъ-съ, а брызнутъ словно ручьи-съ. Теплыми-то брызгами этими такъ вдругъ и обмочилъ онъ мнѣ все лицо. Зарыдалъ, какъ въ судорогѣ, затрясся, прижимаетъ меня къ себѣ, я сижу на камнѣ. Папочка, вскрикиваетъ, папочка, милый папочка, какъ онъ тебя унизилъ! Зарыдалъ тутъ и я-съ, сидимъ и согрѣшаемся обнявшись. — Папочка, говоритъ, папочка! — Илюша, говорю ему. Илюшечка! Никто-то насъ тогда не видѣлъ-съ, Богъ одинъ видѣлъ, авось мнѣ въ формуляръ занесетъ-съ. Поблагодарите вашего брата, Алексѣй Ѳедоровичъ. Нѣтъ-съ, я моего мальчика для вашего удовлетворенія не выеку-съ!

Кончилъ онъ опять со своимъ давешнимъ злымъ и юродливымъ взвертомъ. Алеша почувствовалъ, однако, что ему ужъ онъ довѣряетъ и что будь на его мѣстѣ другой, то съ другимъ этотъ человѣкъ не сталъ-бы такъ разговаривать, и не сообщилъ-бы ему того, что сейчасъ ему сообщилъ. Это ободрило Алешу, у котораго душа дрожала отъ слезъ.

Ахъ, какъ-бы мнѣ хотѣлось помириться съ вашимъ мальчикомъ! воскликнулъ онъ. — Если-бъ вы это устроили...

— Точно такъ-съ, пробормоталъ штабсъ-капитанъ.

— Но теперь не про то, совсѣмъ не про то, слушайте, продолжалъ восклицать Алеша. — слушайте! Я имѣю къ вамъ порученіе: этотъ самый мой братъ, этотъ Дмитрій, оскорбилъ и свою невѣсту, благородивѣйшую дѣвушку, и о которой вы вѣрно слышали. Я имѣю право вамъ открыть про ея оскорбленіе, и даже должекъ такъ сдѣлать, потому что она, узнавъ про вашу обиду, и узнавъ все про ваше несчастное положеніе, поручила мнѣ сейчасъ... давеча... снести вамъ это вспомоществіе отъ нея... но только отъ нея одной, не отъ Дмитрія, который и ее бросилъ, отнюдь нѣтъ, и не отъ меня, отъ брата его, и не отъ кого нибудь, а отъ нея, только отъ нея одной! Она васъ умоляетъ принять ея помощь... вы оба обижены однимъ и тѣмъ-же человѣкомъ... Она и вспомнила-то о васъ лишь тогда, когда вынесла отъ него такую-же обиду (по смѣтъ обиды), какъ и вы отъ него! Это значитъ сестра идетъ къ брату съ помощью... Она именно поручила мнѣ уговорить васъ принять отъ нея вотъ эти двѣсти рублей, какъ отъ сестры, зная что вы такъ нуждаетесь. Никто-то объ этомъ не узнаетъ, никакихъ несправедливыхъ сплетенъ не можетъ произойдти... вотъ эти двѣсти рублей и, клянусь, — вы должны принять ихъ, иначе... иначе, стало быть, всѣ должны быть врагами другъ другу на свѣтѣ! Но вѣдь есть-же и на свѣтѣ братья... У васъ благородная душа... вы должны это понять, должны!..

И Алеша протянулъ ему двѣ новенькія радужныя сторублевыя кредитки. Оба они стояли тогда именно у большаго камня, у забора, и никого кругомъ не было. Кредитки произвели, казалось, на штабсъ-капитана страшное впечатлѣніе: онъ вздрогнулъ, но сначала какъ-бы отъ одного удивленія: ничего подобнаго ему и не мерещилось и такого исхода онъ не ожидалъ вовсе. Помощь отъ кого нибудь, да еще такая значительная, ему и не мечталась даже во снѣ. Онъ взялъ кредитки и съ минуту почти и отвѣчать не могъ, совсѣмъ что-то новое промелькнуло въ лицѣ его.

— Это мнѣ-то, мнѣ-съ, это столько денегъ, двѣсти рублей! Батюшки! Да я ужъ четыре года не видалъ такихъ денегъ. — Господи! И говоритъ, что сестра... и вправду это, вправду?

— Клянусь вамъ, что все, что я вамъ сказалъ, правда! вскричалъ Алеша. Штабсъ-капитанъ покраснѣлъ.

Послушайте-съ, голубчикъ мой, послушайте-съ, вѣдь если я и приму, то вѣдь не буду-же я подлецомъ? Въ глазахъ-то вашихъ, Алексѣй Ѳедоровичъ, вѣдь не буду, не буду подлецомъ? Нѣтъ-съ, Алексѣй Ѳедоровичъ, вы выслушайте, выслушайте-съ. Торопился онъ поминутно, дотрогиваясь до Алеши обѣими руками.— вы вотъ уговариваете меня принять тѣмъ, что сестра посылаетъ, а внутри-то, про себя-то, — не восчувствуете ко мнѣ презрѣнія, если я приму-съ, а?

— Да нѣтъ-же, нѣтъ! Спасеніемъ моимъ клянусь вамъ, что нѣтъ! И никто не узнаетъ никогда, только мы: я, вы, да она, да еще одна дама, ея больной другъ...

— Что дама! Слушайте, Алексѣй Ѳедоровичъ, выслушайте-съ, вѣдь ужъ теперь минута такая пришла, что надо выслушать, ибо вы даже и понять не можете, что могутъ значить для меня теперь эти двѣсти рублей. Продолжалъ бѣднякъ, приходя постепенно въ какой-то безпорядочный, почти дикій восторгъ. Онъ былъ какъ-бы сбитъ съ толку, говорилъ-же чрезвычайно скоро и торопясь, точно опасаясь, что ему не дадутъ всего высказать.— Кромѣ того, что это честно пріобрѣтено, отъ столь уважаемой и святой сестры-съ, знаете-ли вы, что я маменьку и Ниночку,— горбатенькаго-то ангела моего, дочку-то, вылѣчить теперь могу? Пріѣзжалъ ко мнѣ докторъ Герценштубе, по добротѣ своего сердца, осматривалъ ихъ обѣихъ цѣлый часъ: Не понимаю, говоритъ, ничего, а, однако-же, минеральная вода, которая въ аптекѣ здѣшней есть (прописалъ онъ ее), несомнѣнную пользу ей принесетъ, да ванны ножныя изъ лѣкарствъ тоже ей прописалъ. Минеральная-то вода стоитъ тридцать копѣекъ, а кувшиновъ-то надо выпить, можетъ быть, сорокъ. Такъ я взялъ да рецептъ и положилъ на полку подъ образа, да тамъ и лежитъ. А Ниночку прописалъ купать въ какомъ-то растворѣ, въ горячихъ ваннахъ такихъ, да ежедневно утромъ и вечеромъ. Такъ гдѣ-жъ намъ было сочинить такое лѣченье-съ у насъ-то, въ хоромахъ-то нашихъ, безъ прислуги, безъ помощи, безъ посуды и безъ воды-съ? А Ниночка-то вся въ ревматизмѣ, я вамъ это еще и не говорилъ, по ночамъ поетъ у нея вся правая половина, мучается, и вѣрите-ли, ангелъ Божій, крѣпится, чтобы насъ не обезпокоить, не стонетъ, чтобы насъ не разбудить. Купаемъ мы что попало, что добудется, такъ вѣдь она самый послѣдній кусокъ возьметъ, что собакѣ только можно выкинуть: Не стою я, дескать, этого куска, я у васъ отнимаю, вамъ бременемъ сижу . Вотъ что ея взгляцъ ангельскій хочетъ изобразить. Слушаемъ мы ее, а ея

это тягостно: Не стою я того, не стою, недостойная я калѣка, безполезная, а еще-бы она не стоила-съ, когда она всѣхъ насъ своею ангельскою кротостью у Бога вымолила, безъ нея, безъ ея тихаго слова, у насъ быть-бы адъ-съ, даже Варю и ту смягчила. А Варвару-то Николавну тоже не осуждайте-съ, тоже ангелъ она, тоже обиженная. Прибыла она къ намъ лѣтомъ, а было съ ней шестнадцать рублей, уроками заработала и отложила ихъ на отъѣздъ, чтобы въ сентябрѣ, то есть теперь-то, въ Петербургъ на нихъ воротиться. А мы взяли денежки-то ея и прокили и не на что ей теперь воротиться, вотъ какъ-съ. Да и нельзя воротиться-то, потому, на насъ какъ каторжная работаетъ, вѣдь мы ее какъ клячу запрягли-осѣдлали, за всѣми ходитъ, чинитъ, моетъ, полъ мететъ, маменьку въ постель укладываетъ, а маменька капризная-съ, а маменька слезливая-съ, а маменька съумасшедшая-съ!.. Такъ вѣдь теперь я на эти двѣсти рублей служанку нанять могу-съ, понимаете-ли вы, Алексѣй Ѳедоровичъ, лѣченіе милыхъ существъ предпринять могу-съ, курстку въ Петербургъ направлю-съ, говядины куплю-съ, діэту новую заведу-съ. Господи, да вѣдь это мечта!

Алеша былъ ужасно радъ, что доставилъ столько счастія и что бѣднякъ согласился быть осчастливленнымъ.

— Стойте, Алексѣй Ѳедоровичъ, стойте, схватился опять за новую вдругъ представившуюся ему мечту штабсъ-капитанъ и опять затараторилъ взступленною скороговоркой, — да знаете-ли вы, что мы съ Илюшкой, пожалуй, и впрямь теперь мечту осуществимъ: купимъ лошадку да кибитку, да лошадку-то вороненькую, онъ просилъ непремѣнно чтобы вороненькую, да и отправимся, какъ третьяго дня росписывали. У меня въ К—ской губерніи адвокатъ есть знакомый-съ, съ дѣтства пріятель-съ, передавали мнѣ чрезъ вѣрнаго человѣка, что если пріѣду, то онъ мнѣ у себя на конторѣ мѣсто письмоводителя будто-бы дастъ-съ, такъ вѣдь кто его знаетъ, можетъ, и дастъ... Ну, такъ посадить-бы маменьку, посадить-бы Ниночку, Илюшечку править посадку, а я-бы нѣмчикомъ, нѣмчикомъ, да всѣхъ-бы и повезъ-съ... Господи, да если-бы только одинъ должокъ пронаціи здѣсь получить, такъ, можетъ, достанетъ даже и на это-съ!

— Достанетъ, достанетъ! воскликнулъ Алеша. — Катерина Ивановна вамъ пришлетъ еще, сколько угодно, и, знаете-ли, у меня тоже есть деньги, возьмите сколько вамъ надо, какъ отъ брата, какъ отъ друга, потомъ отдадите... (Вы разбогатѣете, разбогатѣете!). И знаете, что никогда вы ничего лучше даже и придумать не въ состояніи какъ этотъ переѣздъ въ другую губернію! Въ этомъ ваше спасеніе, а главное для вашего мальчика. — И знаете, поскорѣе-бы, до зимы-бы,

до холодовъ, и написали-бы намъ оттуда, и остались-бы мы братьями... Нѣтъ, это не мечта!

Алеша хотѣлъ было обнять его, до того онъ былъ доволенъ. Но взглянувъ на него, онъ вдругъ остановился: тотъ стоялъ вытянувъ шею, вытянувъ губы, съ изступленнымъ и побѣдившимъ лицомъ и что-то шепталъ губами, какъ будто желая что-то выговорить: звуковъ не было, а онъ все шепталъ губами, было какъ-то страшно.

— Чего вы! вздрогнулъ отчего-то Алеша.

— Алексѣй Ѳедоровичъ... я... вы... бормоталъ и срывался штабсъ-капитанъ, страшно и дико смотря на него въ упоръ съ видомъ рѣшившагося полетѣть съ горы. И въ тоже время губами какъ-бы и улыбался. -я-съ... вы-съ... А не хотите-ли я вамъ одинъ фокусикъ сейчасъ покажу-съ! вдругъ прошепталъ онъ быстрымъ, твердымъ шепотомъ, рѣчь уже не срывалась болѣе.

— Какой фокусикъ?

— Фокусикъ, фокусъ-покусъ такой, все шепталъ штабсъ-капитанъ; ротъ его скривился на лѣвую сторону, лѣвый глазъ прищурился, онъ не отрываясь все смотрѣлъ на Алешу, точно приковался къ нему.

— Да что съ вами, какой фокусъ? прокричалъ тотъ уже совсѣмъ въ испугѣ.

— А вотъ какой, глядите! взвизгнулъ вдругъ штабсъ-капитанъ.

И, показавъ ему обѣ радужныя кредитки, которыя все время, въ продолженіи всего разговора, держалъ обѣ вмѣстѣ за уголокъ большимъ и указательнымъ пальцами правой руки, онъ вдругъ съ какимъ-то остервенѣніемъ схватилъ ихъ, смялъ и крѣпко зажалъ въ кулакѣ правой руки.

— Видѣли-съ, видѣли-съ! взвизгнулъ онъ Алешѣ, блѣдный и изступленный, и вдругъ поднялъ вверхъ кулакъ, со всего размаху бросилъ объ смятыя кредитки на песокъ. — видѣли-съ? взвизгнулъ онъ опять показывая на нихъ пальцемъ, — ну, такъ вотъ-же-съ!..

И вдругъ поднявъ правую ногу, онъ съ дикою злобою бросился ихъ топтать каблукомъ, восклицая и задыхаясь съ каждымъ ударомъ ноги.

— Вотъ ваши деньги-съ! Вотъ ваши деньги-съ! Вотъ ваши деньги-съ! Вотъ ваши деньги-съ! Вдругъ онъ отскочилъ назадъ и выпрямился предъ Алешей. Весь видъ его изобразилъ собой неизъяснимую гордость.

— Доложите пославшимъ васъ, что мочалка чести своей не продастъ-съ! вскричалъ онъ, простирая на воздухъ руку. Затѣмъ быстро повернулся и бросился бѣжать; но онъ не пробѣжалъ и пяти шаговъ, какъ, весь повернувшись опять, вдругъ сдѣлалъ Алешѣ

ручкой. Но и опять не пробѣжавъ пяти шаговъ, онъ въ послѣдній уже разъ обернулся, на этотъ разъ безъ искривленнаго смѣха въ лицѣ, а напротивъ, все оно сотрясалось слезами. Плачущею, срывающеюся, захлебывающеюся скороговоркой прокричалъ онъ:

— А что-жь-бы я моему мальчику-то сказалъ, если-бъ у васъ деньги за позоръ нашъ взялъ? и, проговоривъ это, бросился бѣжать на сей разъ уже не оборачиваясь. Алеша глядѣлъ ему вслѣдъ съ невыразимою грустью. О, онъ понималъ, что тотъ до самаго послѣдняго мгновенія самъ не зналъ, что скомкаетъ и швырнетъ кредитки. Бѣжавшій ни разу не обернулся, такъ и зналъ Алеша, что не обернется. Преслѣдовать и звать его онъ не захотѣлъ, онъ зналъ почему? Когда-же тотъ исчезъ изъ виду, Алеша поднялъ объ кредитки. Онѣ были лишь очень смяты, сплюснуты и вдавлены въ песокъ, но совершенно цѣлы и даже захрустѣли какъ новенькія, когда Алеша развертывалъ ихъ и разглаживалъ. Разгладивъ, онъ сложилъ ихъ, сунулъ въ карманъ и пошелъ къ Катеринѣ Ивановнѣ докладывать объ успѣхѣ ея порученія.

КНИГА ПЯТАЯ.

Pro и contra.

I.

Сговоръ.

Г-жа Хохлакова опять встрѣтила Алешу первая. Она торопилась: случилось нѣчто важное: истерика Катерины Ивановны кончилась обморокомъ, зачѣмъ наступила «ужасная, страшная слабость, она легла, завела глаза и стала бредить. Теперь жаръ, послали за Герценштубе, послали за тетками. Тетки уже здѣсь, а Герценштубе еще нѣтъ. Всѣ сидятъ въ ея комнатѣ и ждутъ. Что-то будетъ, а она безъ памяти. А ну если горячка!»

Восклицая это, г-жа Хохлакова имѣла видъ серіозно-испуганный: «это уже серіозно, серіозно!» прибавляла она къ каждому слову, какъ будто все что̀ случалось съ ней прежде было не серіозно. Алеша выслушалъ ее съ горестью: началъ было излагать ей и свои

приключенія; но она его съ первыхъ-же словъ прервала; ей было некогда, она просила посидѣть у Lise и у Lise подождать ее.

Lise, милѣйшій Алексѣй Ѳедоровичъ, зашептала она ему почти на ухо, --Lise меня страшно удивила сейчасъ, но и умнила, а потому сердце мое ей все прощаетъ. Представьте, только что вы ушли, она вдругъ искренно стала раскаиваться, что надъ вами будто-бы смѣялась вчера и сегодня. Но вѣдь она не смѣялась, она лишь шутила. Но такъ серіозно раскаивалась, почти до слезъ, такъ что я удивилась. Никогда она прежде серіозно не раскаивалась когда надо мною смѣялась, а все въ шутку. А вы знаете, она помнутно надо мною смѣется. А вотъ теперь она серіозно, теперь все пошло серіозно. Она чрезвычайно цѣнитъ ваше мнѣніе, Алексѣй Ѳедоровичъ, и если можете, то не обижайтесь на нее, и не имѣйте претензій. Я сама только и дѣлаю, что цалую ее, потому что она такая умненькая,—вѣрите-ли вы? Она говорила сейчасъ, что вы были другомъ ея дѣтства,— «самымъ серіознымъ другомъ моего дѣтства»,— представьте себѣ это, самымъ серіознымъ, а я-то? У нея на этотъ счетъ чрезвычайно серіозныя чувства, и даже воспоминанія, а, главное, эти фразы, и словечки, самыя неожиданныя эти словечки, такъ что никакъ не ожидаешь, а вдругъ оно и выскочитъ. Вотъ недавно о соснѣ, напримѣръ: Стояла у насъ въ саду, въ ея первомъ дѣтствѣ, сосна, можетъ, и теперь стоитъ, такъ что нечего говорить въ прошедшемъ времени. Сосны не люди, онѣ долго не измѣняются, Алексѣй Ѳедоровичъ. Мама, говоритъ, я помню эту сосну какъ со сна,—то есть «сосну, какъ со сна»—это какъ-то она иначе выразилась, потому что тутъ путаница, сосна слово глупое, но только она мнѣ наговорила по этому поводу что-то такое оригинальное, что я рѣшительно не возьмусь передать. Да и все забыла. Ну, до свиданья, я очень потрясена и навѣрно съума сходу. Ахъ, Алексѣй Ѳедоровичъ, я два раза въ жизни съума сходила и меня лѣчили. Ступайте къ Lise. Ободрите ее какъ вы всегда прелестно это съумѣете сдѣлать. Lise, крикнула она, подходя къ ея двери,—вотъ я привела къ тебѣ столь оскорбленнаго тобою Алексѣя Ѳедоровича, и онъ нисколько не сердится, увѣряю тебя, напротивъ, удивляется, какъ ты могла подумать!

— Merçi, maman, войдите, Алексѣй Ѳедоровичъ.

Алеша вошелъ. Lise смотрѣла какъ-то сконфуженно и вдругъ вся покраснѣла. Она видимо чего-то стыдилась, и какъ всегда при этомъ бываетъ, быстро-быстро заговорила совсѣмъ о постороннемъ, точно этимъ только постороннимъ она и интересовалась въ эту минуту.

— Мама мнѣ вдругъ передала сейчасъ, Алексѣй Ѳедоровичъ,

всю исторію объ этихъ двухстахъ рубляхъ, и объ этомъ вамъ поручикѣ... къ этому бѣдному офицеру... и разсказала всю эту ужасную исторію, какъ его обидѣли. И, знаете, хоть мама разсказываетъ очень не толково... она все перескакиваетъ... но я слушала и плакала. Что-же, какъ-же, отдали вы эти деньги, и какъ-же теперь этотъ несчастный?..

— То-то и есть, что не отдалъ, и тутъ цѣлая исторія, отвѣтилъ Алеша, съ своей стороны какъ-бы именно болѣе всего озабоченный тѣмъ, что деньги не отдалъ, а между тѣмъ Lise отлично замѣтила, что и онъ смотритъ въ сторону, и тоже видимо старается говорить о постороннемъ. Алеша присѣлъ къ столу и сталъ разсказывать. Но съ первыхъ-же словъ онъ совершенно пересталъ конфузиться и увлекъ въ свою очередь Lise. Онъ говорилъ подъ вліяніемъ сильнаго чувства и недавняго чрезвычайнаго впечатлѣнія, и разсказать ему удалось хорошо и обстоятельно. Онъ и прежде, еще въ Москвѣ, еще въ дѣтствѣ Lise, любилъ приходить къ ней, и разсказывать то изъ случившагося съ нимъ сейчасъ, то изъ прочитаннаго, то вспоминать изъ прожитаго имъ дѣтства. Иногда даже оба мечтали вмѣстѣ и сочиняли цѣлыя повѣсти вдвоемъ, по большею частью веселыя и смѣшныя. Теперь они оба какъ-бы вдругъ перенеслись въ прежнее московское время, два года назадъ. Lise была чрезвычайно растрогана его разсказомъ. Алеша съ горячимъ чувствомъ съумѣлъ нарисовать передъ ней образъ Илюшечки. Когда-же кончилъ во всей подробности сцену о томъ, какъ тотъ несчастный человѣкъ топталъ деньги, то Lise всплеснула руками и вскрикнула въ неудержимомъ чувствѣ:

— Такъ вы не отдали денегъ, такъ вы такъ и дали ему убѣжать! Боже мой, да вы хоть-бы побѣжали за нимъ сами и догнали его...

— Нѣтъ, Lise, этакъ лучше, что я не побѣжалъ, сказалъ Алеша, всталъ со стула и озабоченно прошелся по комнатѣ.

— Какъ лучше, чѣмъ лучше? Теперь они безъ хлѣба и погибнутъ!

— Не погибнутъ, потому что эти двѣсти рублей ихъ все-таки не минуютъ. Онъ все равно возьметъ ихъ завтра. Завтра-то ужь навѣрно возьметъ, проговорилъ Алеша, шагая въ раздумьи. — Видите-ли, Lise, продолжалъ онъ, вдругъ остановясь предъ нею, — я самъ тутъ сдѣлалъ одну ошибку, но и ошибка-то вышла къ лучшему.

— Какая ошибка, и почему къ лучшему?

— А вотъ почему, это человѣкъ трусливый и слабый характеромъ. Онъ такой измученный и очень добрый. Я вотъ теперь все думаю: чѣмъ это онъ такъ вдругъ обидѣлся и деньги растоптать, потому что, увѣряю васъ, онъ до самаго послѣдняго мгновенія не

знать, что растопчетъ ихъ. И вотъ мнѣ кажется, что онъ многимъ тутъ обидѣлся... да и не могло быть иначе въ его положеніи... Во первыхъ, онъ уже тѣмъ обидѣлся, что слишкомъ при мнѣ деньгамъ обрадовался и предо мною этого не скрылъ. Если-бъ обрадовался, да не очень, не показалъ этого, фасоны-бы сталъ дѣлать, какъ другіе, принимая деньги, кривляться, ну, тогда-бы еще могъ снести и принять, а то онъ ужъ слишкомъ правдиво обрадовался, а это-то и обидно. Ахъ, Lise, онъ правдивый и добрый человѣкъ, вотъ въ этомъ-то и вся бѣда въ этихъ случаяхъ! У него все время, пока онъ тогда говорилъ, голосъ былъ такой слабый, ослабленный, и говорилъ онъ такъ скоро-скоро, все какъ-то хихикалъ такимъ смѣшкомъ, или уже плакалъ... право, онъ плакалъ, до того онъ былъ въ восхищеніи... и про дочерей своихъ говорилъ... и про мѣсто, что ему въ другомъ городѣ дадутъ... И чуть только взялъ душу, вотъ вдругъ ему и стыдно стало зато, что онъ такъ всю душу мнѣ показалъ. Вотъ онъ меня сейчасъ и возненавидѣлъ. А онъ изъ ужасно стыдливыхъ бѣдныхъ. Главное-же обидѣлся тѣмъ, что слишкомъ скоро меня за своего друга принялъ и скоро мнѣ сдался: то бросался на меня, пугалъ, а тутъ, вдругъ только что увидѣлъ деньги, и сталъ меня обнимать. Потому что онъ меня обнималъ, все руками трогалъ. Это именно вотъ въ такомъ видѣ онъ долженъ былъ все это униженіе почувствовать, а тутъ какъ разъ я эту ошибку сдѣлалъ, очень важную: Я вдругъ и скажи ему, что если денегъ у него не достанетъ на переѣздъ въ другой городъ, то ему еще дадутъ, и даже я самъ ему дамъ изъ моихъ денегъ сколько угодно. Вотъ это вдругъ его и поразило: зачѣмъ, дескать, и я выскочилъ ему помогать? Знаете, Lise, это ужасно какъ тяжело для обиженнаго человѣка, когда всѣ на него станутъ смотрѣть его благодѣтелями... я это слышалъ, мнѣ это старецъ говорилъ. Я не знаю какъ это выразить, но я это часто и самъ видѣлъ. Да я вѣдь и самъ точно также чувствую. А главное, то, что хоть онъ и не зналъ до самаго послѣдняго мгновенія, что растопчетъ кредитки, но вестаки это предчувствовалъ, это ужъ непремѣнно. Потому-то и восторгъ у него былъ такой сильный, что онъ предчувствовалъ... И вотъ хоть все это такъ скверно, но вестаки къ лучшему. Я такъ даже думаю, что къ самому лучшему, лучше и быть не могло...

— Почему, почему лучше и быть не могло? воскликнула Lise съ большимъ удивленіемъ смотря на Алешу.

— Потому, Lise, что если-бъ онъ не растоналъ, а взялъ эти деньги, то, придя домой, чрезъ часъ какой нибудь и заплакалъ-бы о своемъ униженіи, вотъ что̀ вышло-бы непремѣнно. Заплакалъ-бы и, пожалуй, завтра пришелъ-бы ко мнѣ чѣмъ свѣтъ и бросилъ-бы,

можетъ быть, мнѣ кредитки и растоптать-бы какъ давеча. А теперь онъ уйдетъ ужасно гордый и съ торжествомъ, хоть и знаетъ, что погубилъ себя». А, стало быть, теперь ужь ничего нѣтъ легче какъ заставить его принять эти-же двѣсти рублей не далѣе какъ завтра, потому что онъ ужь свою честь доказалъ, деньги швырнулъ, растоптать... Не могъ-же онъ знать, когда топталъ, что я завтра ихъ ему опять принесу. А между тѣмъ деньги-то эти ему ужасно какъ вѣдь нужны. Хоть онъ теперь и гордъ, а все-таки вѣдь даже сегодня будетъ думать о томъ, какой помощи онъ лишился. Ночью будетъ еще сильнѣе думать, во снѣ будетъ видѣть, а къ завтрашнему утру, пожалуй, готовъ будетъ ко мнѣ бѣжать и прощенья просить. А я-то вотъ тутъ и явлюсь: «Вотъ, дескать, вы гордый человѣкъ, вы доказали, ну, теперь возьмите, простите насъ». Вотъ тутъ-то онъ и возьметъ!

Алеша съ какимъ-то упоеніемъ произнесъ: «Вотъ тутъ-то онъ и возьметъ!» Lise захлопала въ ладошки.

— Ахъ, это правда, ахъ, я это ужасно вдругъ поняла! Ахъ, Алеша, какъ вы все это знаете? Такой молодой и ужь знаетъ что въ душѣ... Я-бы никогда этого не выдумала...

— Его, главное, надо теперь убѣдить въ томъ, что онъ со всѣми нами на равной ногѣ, не смотря на то, что онъ у насъ деньги беретъ, продолжалъ въ своемъ упоеніи Алеша,—и не только на равной, но даже на высшей ногѣ...

— На высшей ногѣ —прелестно, Алексѣй Ѳедоровичъ, но говорите, говорите!

— То есть я не такъ выразился... про высшую ногу... но это ничего, потому что...

— Ахъ, ничего, ничего, конечно, ничего! Простите, Алеша, милый... Знаете, я васъ до сихъ поръ почти не уважала... то есть уважала, да на равной ногѣ, а теперь буду на высшей уважать... Милый, не сердитесь, что я «остро», подхватила она тотчасъ-же съ сильнымъ чувствомъ. — Я смѣшная и маленькая, но вы, вы... Слушайте, Алексѣй Ѳедоровичъ, нѣтъ-ли тутъ во всемъ этомъ разсужденіи нашемъ, то есть вашемъ... нѣтъ, ужь лучше нашемъ... нѣтъ-ли тутъ презрѣнія къ нему, къ этому несчастному... въ томъ, что мы такъ его душу теперь разбираемъ, свысока точно, а? Въ томъ, что такъ навѣрно рѣшили теперь, что онъ деньги приметъ, а?

— Нѣтъ, Lise, нѣтъ презрѣнія, твердо отвѣтилъ Алеша, какъ будто уже приготовленный къ этому вопросу, — я ужь объ этомъ самъ думалъ, идя сюда. Разсудите, какое ужь тутъ презрѣніе, когда мы сами такіе-же какъ онъ, когда всѣ такіе же какъ онъ. Потому что вѣдь и мы такіе-же, не лучше. А если-бъ и лучше были, то

бы-ли-бы всетаки такіе-же на его мѣстѣ... Я не знаю, какъ вы, Lise, но я считаю про себя, что у меня во многомъ мелкая душа. А у него и не мелкая, напротивъ, очень деликатная... Нѣтъ, Lise, нѣтъ тутъ никакого презрѣнія къ нему! Знаете, Lise, мой старецъ сказалъ одинъ разъ: за людьми служить надо какъ за дѣтьми ходить, а за иными какъ за больными въ больницахъ...

— Ахъ, Алексѣй Ѳедоровичъ, ахъ, голубчикъ, давайте за людьми какъ за больными ходить!

— Давайте, Lise, я готовъ, только я самъ не совсѣмъ готовъ; я иной разъ очень нетерпѣливъ, а въ другой разъ и глазу у меня нѣтъ. Вотъ у васъ другое дѣло.

— Ахъ, не вѣрю! Алексѣй Ѳедоровичъ, какъ я счастлива!

— Какъ хорошо, что вы это говорите, Lise.

— Алексѣй Ѳедоровичъ, вы удивительно хороши, но вы иногда какъ будто педантъ... а между тѣмъ, смотришь, вовсе не педантъ. Поди-те, посмотрите у дверей, отворите ихъ тихонько и посмотрите не подслушиваетъ-ли маменька,—прошептала вдругъ Lise какимъ-то нервнымъ, торопливымъ шепотомъ.

Алеша пошелъ, пріотворилъ двери и доложилъ, что никто не подслушиваетъ.

— Подойдите сюда, Алексѣй Ѳедоровичъ, продолжала Lise, краснѣя все болѣе и болѣе, — дайте вашу руку, вотъ такъ. Слушайте, я вамъ должна большое признаніе сдѣлать: вчерашнее письмо я вамъ не въ шутку написала, а серіозно...

И она закрыла рукой свои глаза. Видно было, что ей очень стыдно сдѣлать это признаніе. Вдругъ она схватила его руку и стремительно поцѣловала ее три раза.

— Ахъ, Lise, вотъ и прекрасно, радостно воскликнулъ Алеша.— А я вѣдь былъ совершенно увѣренъ, что вы написали серіозно.

— Увѣренъ, представьте себѣ! отвела вдругъ она его руку, не выпуская ее, однако, изъ своей руки, краснѣя ужасно и смѣясь маленькимъ, счастливымъ смѣшкомъ. — я ему руку поцѣловала, а онъ говоритъ: и прекрасно . Но упрекала она несправедливо: Алеша тоже былъ въ большомъ смятеніи.

— Я-бы желалъ вамъ всегда нравиться, Lise, но не знаю какъ это сдѣлать,—пробормоталъ онъ кое-какъ, и тоже краснѣя.

— Алеша, милый, вы холодны и дерзки. Видите-ли-съ. Онъ изволилъ меня выбрать въ свои супруги и на томъ успокоился! Онъ былъ уже увѣренъ, что я написала серіозно, каково! Но вѣдь это дерзость—вотъ что!

— Да развѣ это худо, что я былъ увѣренъ? засмѣялся вдругъ Алеша.

— Ахъ, Алеша, напротивъ, ужасно какъ хорошо, нѣжно и со счастьемъ посмотрѣла на него Lise. Алеша стоялъ все еще держа свою руку въ ея рукѣ. Вдругъ онъ нагнулся и поцѣловалъ ее въ самыя губки.

— Это что̀ еще? Что̀ съ вами? вскрикнула Lise. Алеша совсѣмъ потерялся.

— Ну, простите если не такъ... Я, можетъ быть, ужасно глупо... Вы сказали, что я холоденъ, я взялъ и поцѣловалъ... Только я вижу, что вышло глупо...

Lise засмѣялась и закрыла лицо руками.

— И въ этомъ платьѣ! вырвалось у ней между смѣхомъ, но вдругъ она перестала смѣяться и стала вся серіозная, почти строгая.

— Ну, Алеша, мы еще подождемъ съ поцѣлуями, потому что мы этого еще оба не умѣемъ, а ждать намъ еще очень долго, заключила она вдругъ. — Скажите лучше, за что̀ вы берете меня, такую дуру, больную дурочку, вы такой умный, такой мыслящій, такой замѣчающій? Ахъ, Алеша, я ужасно счастлива, потому что я васъ совсѣмъ не стою!

— Стойте, Lise. Я на дняхъ выйду изъ монастыря совсѣмъ. Выйдя въ свѣтъ, надо жениться, это-то я знаю. Такъ и *они* мнѣ велѣли. Кого-жъ я лучше васъ возьму... и кто меня кромѣ васъ возьметъ? Я ужъ это обдумывалъ. Во первыхъ, вы меня съ дѣтства знаете, а во вторыхъ, въ васъ очень много способностей, какихъ во мнѣ совсѣмъ нѣтъ. У васъ душа веселѣе, чѣмъ у меня: вы, главное, невиннѣе меня, а ужъ я до многаго, до многаго прикоснулся... Ахъ, вы не знаете, вѣдь и я Карамазовъ! Что̀ въ томъ, что вы смѣетесь и шутите, и надо мной тоже, напротивъ, смѣйтесь, я такъ этому радъ... Но вы смѣетесь какъ маленькая дѣвочка, а про себя думаете какъ мученица...

— Какъ мученица? Какъ это?

— Да, Lise, вотъ давеча вашъ вопросъ: нѣтъ-ли въ насъ презрѣнія къ тому несчастному, что мы такъ душу его анатомируемъ,—этотъ вопросъ мученическій... видите, я никакъ не умѣю это выразить, но у кого такіе вопросы являются, тотъ самъ способенъ страдать. Сидя въ креслахъ, вы ужъ и теперь должны были много передумать...

— Алеша, дайте мнѣ вашу руку, что̀ вы ее отнимаете, — промолвила Lise ослабленнымъ отъ счастья, упавшимъ какимъ-то голоскомъ.—Послушайте, Алеша, во что̀ вы одѣнетесь какъ выйдете изъ монастыря, въ какой костюмъ? Не смѣйтесь, не сердитесь, это очень, очень для меня важно.

— Про костюмъ, Lise, я еще не думалъ, но въ какой хотите, въ такой и одѣнусь.

— Я хочу чтобъ у васъ былъ темносинiй, бархатный пиджакъ, бѣлый пикейный жилетъ и пуховая сѣрая мягкая шляпа... Скажите, вы такъ и повѣрили давеча, что я васъ не люблю, когда я отъ письма вчерашняго отреклась?

— Нѣтъ, не повѣрилъ.

— О, несносный человѣкъ, неисправимый!

— Видите, я зналъ, что вы меня... кажется, любите, но я сдѣлалъ видъ, что вамъ вѣрю, что вы не любите, чтобы вамъ было... удобнѣе...

— Еще того хуже! И хуже и лучше всего. Алена, я васъ ужасно люблю. Я давеча какъ вамъ прiйдти загадала: спрошу у него вчерашнее письмо, и если онъ мнѣ спокойно вынетъ и отдастъ его (какъ и ожидать отъ него всегда можно), то значитъ, что онъ совсѣмъ меня не любитъ, ничего не чувствуетъ, а просто глупый и недостойный мальчикъ, а я погибла. Но вы оставили письмо въ кельѣ и это меня ободрило: не правда-ли, вы потому оставили въ кельѣ, что предчувствовали, что я буду требовать назадъ письмо, такъ чтобы не отдавать его? Такъ-ли? Вѣдь такъ?

— Охъ, Lise, совсѣмъ не такъ, вѣдь письмо-то со мной и теперь, и давеча было тоже, вотъ въ этомъ карманѣ, вотъ оно.

Алена вынулъ, смѣясь, письмо и показалъ ей издали.

— Только я вамъ не отдамъ его, смотрите изъ рукъ.

— Какъ? Такъ вы давеча солгали, вы монахъ и солгали?

— Пожалуй, солгалъ, смѣялся и Алеша, — чтобы вамъ не отдавать письма солгалъ. Оно очень мнѣ дорого, прибавилъ онъ вдругъ съ сильнымъ чувствомъ и опять покраснѣвъ, — это ужъ на вѣки и я его никому никогда не отдамъ!

Lise смотрѣла на него въ восхищенiи.

— Алена, залепетала она опять, — посмотрите у дверей, не подслушиваетъ-ли мамаша?

— Хорошо, Lise, я посмотрю, только не лучше-ли не смотрѣть, а? Зачѣмъ подозрѣвать въ такой низости вашу мать?

— Какъ низости? Въ какой низости? Это то, что она подслушиваетъ за дочерью, такъ это ея право, а не низость, вспыхнула Lise. — Будьте увѣрены, Алексѣй Ѳедоровичъ, что когда я сама буду матерью и у меня будетъ такая-же дочь какъ я, то я непремѣнно буду за нею подслушивать.

— Неужели, Lise? Это не хорошо.

— Ахъ, Боже мой, какая тутъ низость? Если-бъ обыкновенный свѣтскiй разговоръ какой нибудь и я-бы подслушивала, то это низость, а тутъ родная дочь заперлась съ молодымъ человѣкомъ... Слушайте, Алеша, знайте, я за вами тоже буду подсматривать,

только что мы обвѣнчаемся, и знайте еще, что я всѣ письма ваши буду распечатывать и все читать... Это ужь вы будьте предувѣдомлены...

— Да, конечно, если такъ... бормоталъ Алеша, только это не хорошо...

— Ахъ, какое презрѣніе! Алеша, милый, не будемъ ссориться съ самаго перваго раза, — я вамъ лучше всю правду скажу: это, конечно, очень дурно подслушивать и ужь конечно, я не права, а вы правы, но только я всетаки буду подслушивать.

— Дѣлайте. Ничего за мной такого не подглядите, засмѣялся Алеша.

— Алеша, а будете-ли вы мнѣ подчиняться? Это тоже надо заранѣе рѣшить.

— Съ большою охотой, Lise, и непремѣнно, только не въ самомъ главномъ. Въ самомъ главномъ, если вы будете со мной несогласны, то я всетаки сдѣлаю какъ мнѣ долгъ велитъ.

— Такъ и нужно. Такъ знайте, что и я, напротивъ, не только въ самомъ главномъ подчиняться готова, но и во всемъ уступлю вамъ и вамъ теперь-же клятву въ этомъ даю.—Во всемъ и на всю жизнь, вскричала пламенно Lise,—и это со счастіемъ, со счастіемъ! Мало того, клянусь вамъ, что я никогда не буду за вами подслушивать, ни разу и никогда, ни одного письма вашего не прочту, потому что вы правы, а я нѣтъ. И хоть мнѣ ужасно будетъ хотѣться подслушивать, я это знаю, но я всетаки не буду, потому что вы считаете это неблагороднымъ. Вы теперь какъ мое провидѣніе... Слушайте, Алексѣй Ѳедоровичъ, почему вы такой грустный всѣ эти дни, и вчера и сегодня? я знаю, что у васъ есть хлопоты, бѣдствія, но я вижу, кромѣ того, что у васъ есть особенная какая-то грусть,—секретная, можетъ быть, а?

— Да, Lise, есть и секретная, грустно произнесъ Алеша. — Вижу, что меня любите, коли угадали это.

— Какая-же грусть? О чемъ? Можно сказать? съ робкою мольбой произнесла Lise.

— Потомъ скажу, Lise... послѣ... смутился Алеша.—Теперь, пожалуй, и непонятно будетъ. Да я, пожалуй, и самъ не съумѣю сказать.

— Я знаю, кромѣ того, что васъ мучаютъ ваши братья, отецъ?

— Да, и братья, проговорилъ Алеша какъ-бы въ раздумьи.

— Я вашего брата Ивана Ѳедоровича не люблю, Алеша, вдругъ замѣтила Lise.

Алеша замѣчаніе это отмѣтилъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ, но не поднялъ его.

— Братья губятъ себя, продолжалъ онъ, — отецъ тоже. И дру-

гихъ губятъ вмѣстѣ съ собою. Тутъ «земляная карамазовская сила», какъ отецъ Паисій, намедни, выразился, — земляная и неистовая, необдѣланная... Даже носится-ли Духъ Божій вверху этой силы— и того не знаю. Знаю только, что и самъ я Карамазовъ... Я монахъ, монахъ? Монахъ я, Lise? Вы какъ-то сказали сію минуту, что я монахъ?

— Да, сказала.

— А я въ Бога-то вотъ, можетъ быть, и не вѣрую.

— Вы не вѣруете, что̀ съ вами? тихо и осторожно проговорила Lise. Но Алеша не отвѣтилъ на это. Было тутъ, въ этихъ слишкомъ внезапныхъ словахъ его нѣчто слишкомъ таинственное и слишкомъ субъективное, можетъ быть, и ему самому неясное, но уже несомнѣнно его мучившее.

— И вотъ теперь, кромѣ всего, мой другъ уходитъ, первый въ мірѣ человѣкъ, землю покидаетъ. Если-бы вы знали, если-бы вы знали, Lise, какъ я связанъ, какъ я спаянъ душевно съ этимъ человѣкомъ! И вотъ я останусь одинъ... Я къ вамъ приду, Lise... Впредь будемъ вмѣстѣ...

— Да, вмѣстѣ, вмѣстѣ! Отнынѣ всегда вмѣстѣ на всю жизнь. Слушайте, поцѣлуйте меня, я позволяю.

Алеша поцѣловалъ ее.

— Ну, теперь ступайте, Христосъ съ вами! (и она перекрестила его). Ступайте скорѣе *къ нему* пока живъ. Я вижу, что жестоко васъ задержала. Я буду сегодня молиться за него и за васъ. Алеша, мы будемъ счастливы! Будемъ мы счастливы, будемъ?

— Кажется, будемъ, Lise.

Выйдя отъ Lise, Алеша не благоразсудилъ пройдти къ госпожѣ Хохлаковой и, не простясь съ нею, направился было изъ дому. Но только что отворилъ дверь и вышелъ на лѣстницу, откуда ни возьмись предъ нимъ сама госпожа Хохлакова. Съ перваго слова Алеша догадался, что она подкидала его тутъ нарочно.

— Алексѣй Ѳедоровичъ, это ужасно. Это дѣтскіе пустяки и все вздоръ. Надѣюсь, вы не вздумаете мечтать... Глупости, глупости и глупости! накинулась она на него.

— Только не говорите этого ей, сказалъ Алеша, — а то она будетъ взволнована, а это ей теперь вредно.

— Слышу благоразумное слово благоразумнаго молодаго человѣка. Понимать-ли мнѣ такъ, что вы сами только потому соглашались съ ней, что не хотѣли, изъ состраданія къ ея болѣзненному состоянію, противорѣчіемъ разсердить ее?

— О, нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ, я совершенно серіозно съ нею говорилъ, твердо заявилъ Алеша.

— Серіозность тутъ невозможна, немыслима, и, во первыхъ, я васъ теперь совсѣмъ не приму ни разу, а во вторыхъ, я уѣду и ее увезу, знайте это.

— Да зачѣмъ-же, сказалъ Алеша, — вѣдь это такъ еще не близко, года полтора еще, можетъ быть, ждать придется.

— Ахъ, Алексѣй Ѳедоровичъ, это, конечно, правда, и въ полтора года вы тысячу разъ съ ней поссоритесь и разойдетесь. Но я такъ несчастна, такъ несчастна! Пусть это все пустяки, но это меня сразило. Теперь я, какъ Фамусовъ въ послѣдней сценѣ, вы Чацкій, она Софья, и, представьте, я нарочно убѣжала сюда на лѣстницу, чтобы васъ встрѣтить, а вѣдь и тамъ все роковое произошло на лѣстницѣ. Я все слышала, я едва устояла. Такъ вотъ гдѣ объясненіе ужасовъ всей этой ночи и всѣхъ давешнихъ истерикъ! Дочкѣ любовь, а матери смерть. Ложись въ гробъ. Теперь второе и самое главное: что это за письмо, которое она вамъ написала, покажите мнѣ его сейчасъ, сейчасъ!

— Нѣтъ, не надо. Скажите какъ здоровье Катерины Ивановны, мнѣ очень надо знать.

— Продолжаетъ лежать въ бреду, она не очнулась: ея тетки здѣсь и только ахаютъ и надо мной гордятся, а Герценштубе пріѣхалъ и такъ испугался, что я не знала, что съ нимъ и дѣлать и чѣмъ его спасти, хотѣла даже послать за докторомъ. Его увезли въ моей каретѣ. И вдругъ, въ довершеніе всего, вы вдругъ съ этимъ письмомъ. Правда, все это еще черезъ полтора года. Именемъ всего великаго и святаго, именемъ умирающаго старца вашего покажите мнѣ это письмо, Алексѣй Ѳедоровичъ, мнѣ, матери! Если хотите, то держите его пальцами, а я буду читать изъ вашихъ рукъ.

— Нѣтъ не покажу. Катерина Осиповна, хотя-бы и она позволила, я не покажу. Я завтра приду и, если хотите, я съ вами о многомъ переговорю, а теперь — прощайте!

И Алеша выбѣжалъ съ лѣстницы на улицу.

II.

Смердяковъ съ гитарой.

А и некогда было ему. У него блеснула мысль еще когда онъ прощался съ Lise. Мысль о томъ: какъ-бы самымъ хитрѣйшимъ образомъ поймать сейчасъ брата Дмитрія отъ него очевидно скрывающагося? Было уже не рано, былъ часъ третій пополудни. Всѣмъ существомъ своимъ Алеша стремился въ монастырь къ

своему «великому умирающему». но потребность видѣть брата Дмитрія пересилила все: въ умѣ Алеши съ каждымъ часомъ возрастало убѣжденіе о неминуемой ужасной катастрофѣ. готовой совершиться. Въ чемъ именно состояла катастрофа и что хотѣлъ-бы онъ сказать сію минуту брату. можетъ быть. онъ и самъ-бы не опредѣлилъ. Пусть благодѣтель мой умретъ безъ меня, но. по крайней мѣрѣ. я не буду укорять себя всю жизнь. что. можетъ быть. могъ-бы что̀ спасти и не спасъ. проѣхать мимо. торопился въ свой домъ. Дѣлая такъ по его великому слову сдѣлаю»...

Планъ его состоялъ въ томъ. чтобы захватить брата Дмитрія нечаянно, а именно: перелѣзть. какъ вчера, черезъ тотъ плетень. войдти въ садъ и засѣсть въ ту бесѣдку. Если-же его тамъ нѣтъ. думалъ Алеша. то. не сказавшись ниѲомѣ. ни хозяйкамъ. притаиться и ждать въ бесѣдкѣ хотя-бы до вечера. Если онъ по прежнему караулитъ приходъ Грушеньки. то очень можетъ быть. что и придетъ въ бесѣдку ... Алеша, впрочемъ. не разсуждалъ слишкомъ много о подробностяхъ плана. но онъ рѣшилъ его исполнить. хотя-бы пришлось и въ монастырь не поспѣть сегодня...

Все произошло безъ помѣхи: онъ перелѣзъ черезъ плетень почти въ томъ самомъ мѣстѣ какъ вчера и скрытно пробрался въ бесѣдку. Ему не хотѣлось, чтобъ его замѣтили: ни хозяйка. ни Ѳома (если онъ тутъ), могли держать сторону брата и слушаться его приказаній, а, стало. быть, или въ садъ Алешу не пустить. или брата предувѣдомить во-время. что его ищутъ и спрашиваютъ. Въ бесѣдкѣ никого не было. Алеша сѣлъ на свое вчерашнее мѣсто и началъ ждать. Онъ оглядѣлъ бесѣдку. она показалась ему почему-то гораздо болѣе ветхою. чѣмъ вчера: дряхлою такою показалась ему въ этотъ разъ. День былъ. впрочемъ. такой-же ясный, какъ и вчера. На зеленомъ столѣ отпечатался кружокъ отъ вчерашней. должно быть. расплескавшейся рюмки съ коньякомъ. Пустыя и непригодныя къ дѣлу мысли. какъ и всегда во время скучнаго ожиданія. лѣзли ему въ голову: напримѣръ, почему онъ, войдя теперь сюда. сѣлъ именно точь въ точь на то самое мѣсто, на которомъ вчера сидѣлъ. и почему не на другое? Наконецъ, ему стало очень грустно. грустно отъ тревожной неизвѣстности. Но не просидѣлъ онъ и четверти часа. какъ вдругъ. очень гдѣ-то вблизи. послышался аккордъ гитары. Сидѣли или только сейчасъ усѣлся кто-то шагахъ отъ него въ двадцати, никакъ не дальше, гдѣ нибудь въ кустахъ. У Алеши вдругъ мелькнуло воспоминаніе, что. уходя вчера отъ брата изъ бесѣдки. онъ увидѣлъ, или какъ-бы мелькнула предъ нимъ вдѣво у забора садовая, зеленая, низенькая старая скамейка между кустами. На ней-то. стало быть, и усѣлись теперь

гости. Кто-же? Одинъ мужской голосъ вдругъ запѣлъ сладенькою фистулой куплетъ, аккомпанируя себѣ на гитарѣ:

Непобѣдимой силой
Привержонъ я къ милой
Господи пом-и-илуй
Ее и меня!
Ее и меня!
Ее и меня!

Голосъ остановился. Лакейскій теноръ и выверть пѣсни лакейскій. Другой, женскій уже голосъ вдругъ произнесъ ласкательно и какъ-бы робко, но съ большимъ, однако, жеманствомъ.

— Что вы къ намъ долго не ходите, Павелъ Ѳедоровичъ, что вы насъ все презираете?

— Ничего-съ, отвѣтилъ мужской голосъ, хотя и вѣжливо, но прежде всего съ настойчивымъ и твердымъ достоинствомъ. Видимо преобладалъ мужчина, а запгрывала женщина. Мужчина — это, кажется, Смердяковъ, подумалъ Алеша, по крайней мѣрѣ, по голосу, а дама, это вѣрно хозяйки здѣшняго домика дочь, которая изъ Москвы пріѣхала, платье со шлейфомъ носитъ и за супомъ къ Марѳѣ Игнатьевнѣ ходитъ»...

— Ужасно я всякій стихъ люблю, если складно, продолжалъ женскій голосъ.— Что-же вы не продолжаете? Голосъ запѣлъ снова:

Царская корона
Была-бы моя милая здорова
Господи пом-и-илуй
Ее и меня!
Ее и меня!
Ее и меня!

— Въ прошлый разъ еще лучше выходило, замѣтилъ женскій голосъ. — Вы спѣли про корону: была-бы моя милочка здорова. Этакъ нѣжнѣе выходило, вы вѣрно сегодня позабыли.

— Стихи вздоръ-съ, отрѣзалъ Смердяковъ.

— Ахъ, нѣтъ, я очень стишокъ люблю.

— Это чтобы стихъ-съ, то это существенный вздоръ-съ. Разсудите сами: кто-же на свѣтѣ въ рифму говоритъ? И если-бы мы стали всѣ въ рифму говорить, хотя-бы даже по приказанію начальства, то много-ли-бы мы насказали-съ? Стихи не дѣло, Марья Кондратьевна.

— Какъ вы во всемъ столь умны, какъ это вы во всемъ произошли? ласкался все болѣе и болѣе женскій голосъ.

— Я-бы не то еще могъ-съ, я-бы и не то еще зналъ-съ, если-бы не жребій мой съ самаго моего сыздѣтства. Я-бы на дуэли

изъ пистолета того убилъ, который-бы мнѣ произнесъ, что я подлецъ, потому что безъ отца отъ Смердящей произошелъ, а они и въ Москвѣ это мнѣ въ глаза тыкали, отсюда благодаря Григорію Васильевичу переползло-съ. Григорій Васильевичъ попрекаетъ, что я противъ рождества бунтую: ты, дескать, ей ложесна разверзъ. Оно пусть ложесна, но я-бы дозволилъ убить себя еще во чревѣ съ тѣмъ, чтобы лишь на свѣтъ не происходить вовсе-съ. На базарѣ говорили, а ваша маменька тоже разсказывать мнѣ пустилась, по великой своей деликатности, что ходила она съ капустою на головѣ, а росту была всего двухъ аршинъ съ *малымъ*. Для чего-же съ *малымъ*, когда можно просто съ малымъ сказать, какъ всѣ люди произносятъ? Слезно выговорить захотѣлось, такъ вѣдь это мужицкая, такъ сказать, слеза-съ, мужицкія самыя чувства. Можетъ-ли русскій мужикъ противъ образованнаго человѣка чувство имѣть? По необразованности своей онъ никакого чувства не можетъ имѣть. Я съ самаго сызмальства, какъ услышу, бывало, съ малымъ, такъ точно на стѣну-бы бросился. Я всю Россію ненавижу, Марья Кондратьевна.

— Когда-бы вы были военнымъ юнкерочкомъ, или гусарикомъ молоденькимъ, вы-бы не такъ говорили, а саблю-бы вынули и всю Россію стали-бы защищать.

— Я не только не желаю быть военнымъ гусарикомъ, Марья Кондратьевна, но желаю, напротивъ, уничтоженія всѣхъ солдатъ-съ.

— А когда непріятель придетъ, кто-же насъ защищать будетъ?

Да и не надо вовсе-съ. Въ двѣнадцатомъ году было на Россію великое нашествіе императора Наполеона французскаго перваго, отца нынѣшнему, и хорошо кабы насъ тогда покорили эти самые французы: умная нація покорила-бы весьма глупую-съ и присоединила къ себѣ. Совсѣмъ даже были-бы другіе порядки-съ.

— Да будто они тамъ у себя такъ ужь лучше нашихъ? Я много нашего щеголечка на трехъ молодыхъ самыхъ англичанъ не промѣняю, нѣжно проговорила Марья Кондратьевна, должно быть, сопровождая въ эту минуту слова свои самыми томными глазками.

— Это какъ кто обожаетъ-съ.

— А вы и сами точно иностранецъ, точно благородный самый иностранецъ, ужь это я вамъ чрезъ стыдъ говорю.

— Если вы желаете знать, то по разврату и тамошніе, и наши всѣ похожи. Всѣ нельмы-съ, но съ тѣмъ, что тамошній въ лакированныхъ сапогахъ ходитъ, а нашъ подлецъ въ своей шерсти смердитъ, и ничего въ этомъ дурнаго не находитъ. Русскій народъ надо понять-съ, какъ правильно говорилъ вчера Ѳедоръ Павловичъ, хотя и съумасшедшій онъ человѣкъ со всѣми своими дѣтьми-съ.

— Вы Ивана Ѳедоровича, говорили сами, такъ уважаете.

А они про меня отнеслись, что я вонючій лакей. Они меня считаютъ, что я бунтовать могу; это они ошибаются-съ. Была-бы въ карманѣ моемъ такая сумма и меня-бы здѣсь давно не было. Дмитрій Ѳедоровичъ хуже всякаго лакея и поведеніемъ, и умомъ, и пищетой своею-съ, и ничего-то онъ не умѣетъ дѣлать, а, напротивъ, отъ всѣхъ почтенъ. Я, положимъ, только буль̈онщикъ, но я, при счастьи, могу въ Москвѣ кафе-ресторанъ открыть на Петровкѣ. Потому что я готовлю спеціально, а ни одинъ изъ нихъ въ Москвѣ, кромѣ иностранцевъ, не можетъ подать спеціально. Дмитрій Ѳедоровичъ голоштанникъ-съ, а вызови онъ на дуэль самаго первѣйшаго графскаго сына, и тотъ съ нимъ пойдетъ-съ, а чѣмъ онъ лучше меня-съ? Потому что онъ не въ примѣръ меня глупѣе. Сколько денегъ просвисталъ безъ всякаго употребленія-съ.

— На дуэли очень, я думаю, хорошо, замѣтила вдругъ Марья Кондратьевна.

— Чѣмъ-же это-съ?

— Страшно такъ и храбро, особенно коли молодые офицерики съ пистолетами въ рукахъ одинъ противъ другаго палятъ за которую нибудь. Просто картинка. Ахъ, кабы дѣвицъ пускали смотрѣть, я ужасно какъ хотѣла-бы посмотрѣть.

— Хорошо, коли самъ наводитъ, а коли ему самому въ самое рыло наводятъ, такъ оно тогда самое глупое чувство-съ. Убѣгите съ мѣста, Марья Кондратьевна.

— Неужто вы побѣжали-бы?

Но Смердяковъ не удостоилъ отвѣтить. Послѣ минутнаго молчанія раздался опять аккордъ и фистула запѣла послѣднимъ куплетомъ:

„Сколько ни стараться
Стану удаляться,
Жизнью наслажда-а-аться
И въ столицѣ жить!
Не буду тужить,
Совсѣмъ не буду тужить,
Совсѣмъ даже не намѣренъ тужить!“

Тутъ случилась неожиданность: Алеша вдругъ чихнулъ; на скамейкѣ мигомъ притихли. Алеша всталъ и пошелъ въ ихъ сторону. Это былъ дѣйствительно Смердяковъ, разодѣтый, напомаженный и чуть-ли не завитой, въ лакированныхъ ботинкахъ. Гитара лежала на скамейкѣ. Дама-же была Марья Кондратьевна, хозяйкина дочка: платье на ней было свѣтлоголубое, съ двухъярусными хвостомъ:

дѣвушка была еще молоденькая и не дурная-бы собой, но съ очень ужь круглымъ лицомъ и со страшными веснушками.

— Братъ Дмитрій скоро воротится? сказалъ Алеша какъ можно спокойнѣе.

Смердяковъ медленно приподнялся со скамейки; приподнялась и Марья Кондратьевна.

— Почему-жь-бы я могъ быть извѣстенъ про Дмитрія Ѳедоровича; другое дѣло, кабы я при нихъ сторожемъ состоялъ? тихо, раздѣльно и пренебрежительно отвѣтилъ Смердяковъ.

— Да я просто спросилъ не знаете-ли? объяснилъ Алеша.

— Ничего я про ихнее пребываніе не знаю, да и знать не желаю-съ

— А братъ мнѣ именно говорилъ, что вы-то и даете ему знать обо всемъ, что въ домѣ дѣлается и обѣщались дать знать когда придетъ Аграфена Александровна.

Смердяковъ медленно и невозмутимо вскинулъ на него глазами.

— А вы какъ изволили на сей разъ пройдти, такъ какъ ворота здѣшнія ужь часъ какъ на щеколду затворены? спросилъ онъ, пристально смотря на Алешу.

— А я прошелъ съ переулка черезъ заборъ, прямо въ бесѣдку. Вы, надѣюсь, извините меня въ этомъ, обратился онъ къ Маріѣ Кондратьевнѣ,—мнѣ надо было захватить скорѣе брата.

— Ахъ, можемъ-ли мы на васъ обижаться, протянула Марья Кондратьевна, польщенная извиненіемъ Алеши,— такъ какъ и Дмитрій Ѳедоровичъ часто этимъ манеромъ въ бесѣдку ходятъ, мы и не знаемъ, а онъ ужь въ бесѣдкѣ сидитъ.

— Я его теперь очень ищу, я очень-бы желалъ его видѣть или отъ васъ узнать, гдѣ онъ теперь находится. Повѣрьте, что по очень важному для него-же самого дѣлу.

— Они намъ не сказываются, пролепетала Марья Кондратьевна.

— Хотя-бы я и по знакомству сюда приходилъ, началъ вновь Смердяковъ,—но они и здѣсь меня безчеловѣчно стѣснили безпрестаннымъ спросомъ про барина: что, дескать, да какъ у нихъ, кто приходитъ и кто таковъ уходитъ, и не могу-ли я что иное имъ сообщить? Два раза грозили мнѣ даже смертью.

— Какъ это смертью? удивился Алеша.

— А для нихъ развѣ это что составляетъ-съ, по ихнему характеру, который сами вчера изволили наблюдать-съ. Если, говорятъ, Аграфену Александровну пропущу и она здѣсь переночуетъ— не быть тебѣ первому живу. Боюсь я ихъ очень-съ, и кабы не боялся еще пуще того, то заявить-бы долженъ на нихъ городскому начальству. Даже Богъ знаетъ что произвести могутъ-съ.

— Намедни сказали имъ: „въ стунъ тебя истолку", прибавила Марья Кондратьевна.

— Ну, если въ стунъ, то это только, можетъ быть, разговоръ... замѣтилъ Алеша. — Если-бъ я его могъ сейчасъ встрѣтить, я-бы могъ ему что нибудь и объ этомъ сказать...

— Вотъ что единственно могу сообщить, какъ-бы надумался вдругъ Смердяковъ. — Бываю я здѣсь по всегдашнему сосѣдскому знакомству, и какже-бы я не ходилъ-съ? Съ другой стороны, Иванъ Ѳедоровичъ чѣмъ свѣтъ сегодня послали меня къ нимъ на квартиру въ ихнюю Озерную улицу, безъ письма-съ, съ тѣмъ, чтобы „Дмитрій Ѳедоровичъ на словахъ непремѣнно пришли въ здѣшній трактиръ-съ на площади, чтобы вмѣстѣ обѣдать. Я пошелъ-съ, но „Дмитрія Ѳедоровича я на квартирѣ ихней не засталъ-съ, а было уже восемь часовъ: „Былъ, говорятъ, да весь вышелъ", — этими самыми словами ихъ хозяева сообщили. Тутъ точно у нихъ заговоръ какой-съ, обоюдный-съ. Теперь-же, можетъ быть, они въ эту самую минуту въ трактирѣ этомъ сидятъ съ братцемъ Иваномъ Ѳедоровичемъ, такъ какъ Иванъ Ѳедоровичъ „домой обѣдать не приходили, а Ѳедоръ Павловичъ отобѣдали часъ тому назадъ одни и теперь почивать легли. Убѣдительнѣйше, однако, прошу, чтобы вы имъ про меня и про то что я сообщилъ ничего не говорили-съ, ибо они ни за что убьютъ-съ.

— Братъ Иванъ звалъ Дмитрія сегодня въ трактиръ? быстро переспросилъ Алеша.

— Это точно такъ-съ.

— Въ трактиръ *Столичный городъ*, на площади?

— Въ этотъ самый-съ.

— Это очень возможно! воскликнулъ Алеша въ большомъ волненіи.—Благодарю васъ, Смердяковъ, извѣстіе важное, сейчасъ пойду туда.

— Не выдавайте-съ, проговорилъ ему вслѣдъ Смердяковъ.

— О, нѣтъ. я въ трактиръ явлюсь какъ-бы нечаянно, будьте покойны.

„Да куда-же вы, я вамъ калитку отопру, крикнула было Марья Кондратьевна.

— Нѣтъ, здѣсь ближе, я опять чрезъ плетень.

Извѣстіе странно потрясло Алешу. Онъ пустился къ трактиру. Въ трактиръ ему входить было въ его одеждѣ неприлично, но освѣдомиться на лѣстницѣ и вызвать ихъ, это было возможно. Но только что онъ подошелъ къ трактиру, какъ вдругъ отворилось одно окно и самъ братъ Иванъ закричалъ ему изъ окна внизъ

— Алеша, можешь ты ко мнѣ сейчасъ войдти сюда или нѣтъ? Одолжишь ужасно.

— Очень могу, только не знаю какъ мнѣ въ моемъ платьѣ.

— А я какъ разъ въ отдѣльной комнатѣ, ступай на крыльцо, я сбѣгу на встрѣчу...

Черезъ минуту Алеша сидѣлъ рядомъ съ братомъ. Иванъ былъ одинъ и обѣдалъ.

III.

Братья знакомятся.

Находился Иванъ, однако, не въ отдѣльной комнатѣ. Это было только мѣсто у окна, отгороженное ширмами, но сидѣвшихъ за ширмами всетаки не могли видѣть посторонніе. Комната эта была входная, первая, съ буфетомъ у боковой стѣны. По ней помпутно шмыгали половые. Изъ посѣтителей былъ одинъ лишь старичокъ отставной военный, и пилъ въ уголку чай. Зато въ остальныхъ комнатахъ трактира происходила вся обыкновенная трактирная возня, слышались призывные крики, откупориваніе пивныхъ бутылокъ, стукъ бильярдныхъ шаровъ, гудѣлъ органъ. Алеша зналъ, что Иванъ въ этотъ трактиръ почти никогда не ходилъ и до трактировъ вообще не охотникъ; стало быть, именно потому только и очутился здѣсь, подумалъ онъ, —чтобы сойдтись по условію съ братомъ Дмитріемъ. И, однако, брата Дмитрія не было.

Прикажу я тебѣ ухи аль чего нибудь, не чаемъ-же вѣдь ты одинъ живешь, крикнулъ Иванъ, повидимому, ужасно довольный что залучилъ Алешу. Самъ онъ ужь кончилъ обѣдъ и пилъ чай.

— Ухи давай, давай потомъ и чаю, я проголодался, весело проговорилъ Алеша.

— А варенья вишневаго? Здѣсь есть. Помнишь какъ ты маленькій у Полѣнова вишневое варенье любилъ?

— А ты это помнишь? Давай и варенья, я и теперь люблю.

Иванъ позвонилъ половаго и приказалъ уху, чай и варенье.

— Я все помню, Алеша, я помню тебя до одиннадцати лѣтъ, мнѣ былъ тогда пятнадцатый годъ. Пятнадцать и одиннадцать, это такая разница, что братья въ эти годы никогда не бываютъ товарищами. Не знаю любилъ-ли я тебя даже. Когда я уѣхалъ въ Москву, то въ первые годы я даже и не вспоминалъ объ тебѣ вовсе. Потомъ когда ты самъ попалъ въ Москву, мы разъ только, кажется, и встрѣтились гдѣ-то. А вотъ здѣсь я уже четвертый мѣсяцъ живу и до сихъ поръ мы съ тобой не сказали слова. Завтра я уѣзжаю, и думалъ сейчасъ, здѣсь сидя: какъ-бы мнѣ его увидать, чтобы проститься, а ты и идешь мимо.

— А ты очень желалъ меня увидать?

Очень, я хочу съ тобой познакомиться разъ навсегда и тебя съ собой познакомить. Да съ тѣмъ и проститься. По моему всего лучше знакомиться предъ разлукой. Я видѣлъ какъ ты на меня смотрѣлъ всѣ эти три мѣсяца, въ глазахъ твоихъ было какое-то безпрерывное ожиданіе, а вотъ этого-то я и не терплю, оттого и не подошелъ къ тебѣ. Но въ концѣ я тебя научился уважать: твердо, дескать, стоитъ человѣчекъ. Замѣть, я хоть и смѣюсь теперь, но говорю серіозно. Вѣдь ты твердо стоишь, да? Я такихъ твердыхъ люблю, на чемъ-бы тамъ они ни стояли, и будь они такіе маленькіе мальчуганы, какъ ты. Ожидающій взглядъ твой сталъ мнѣ вовсе подъ конецъ не противенъ: напротивъ, полюбилъ я, наконецъ, твой ожидающій взглядъ... Ты, кажется, почему-то любишь меня, Алеша?

— Люблю, Иванъ. Братъ Дмитрій говоритъ про тебя: Иванъ—могила. Я говорю про тебя: Иванъ—загадка. Ты и теперь для меня загадка, но нѣчто я уже осмыслилъ въ тебѣ, и всего только съ сегодняшняго утра!

— Что-жъ это такое? засмѣялся Иванъ.

— А не разсердишься? засмѣялся и Алеша.

— Ну?

— А то, что ты такой-же точно молодой человѣкъ, какъ и всѣ остальные двадцати-трехлѣтніе молодые люди, такой-же молодой, молоденькій, свѣжій и славный мальчикъ, ну желторотый, наконецъ, мальчикъ! Что, не очень тебя обидѣлъ?

— Напротивъ, поразилъ совпаденіемъ! весело и съ жаромъ вскричалъ Иванъ.—Вѣришь-ли, что я, послѣ давешняго нашего свиданія у нея, только объ этомъ про себя и думалъ, объ этой двадцати-трехлѣтней моей желторотости, а ты вдругъ теперь точно угадалъ и съ этого самаго начинаешь. Я сейчасъ здѣсь сидѣлъ и знаешь что говорилъ себѣ: не вѣруй я въ жизнь, разувѣрься я въ дорогой женщинѣ, разувѣрься въ порядокъ вещей, убѣдись даже, что все напротивъ, безпорядочный, проклятый и, можетъ быть, дьявольскій хаосъ, порази меня хоть всѣ ужасы человѣческаго разочарованія, а я все-таки захочу жить и ужь какъ пристать къ этому кубку, то не оторвусь отъ него пока его весь не осилю! Впрочемъ, къ тридцати годамъ навѣрно брошу кубокъ, хоть и не допью всего и отойду... не знаю куда. Но до тридцати моихъ лѣтъ, знаю это твердо, все побѣдитъ моя молодость,—всякое разочарованіе, всякое отвращеніе къ жизни. Я спрашивалъ себя много разъ: есть-ли въ мірѣ такое отчаяніе, чтобы побѣдило во мнѣ эту изступленную и неприличную, можетъ быть, жажду жизни, и рѣшилъ, что, кажется, нѣтъ такого, то есть опять-таки до тридцати этихъ лѣтъ, а тамъ ужь самъ не

захочу, мнѣ такъ кажется. Эту жажду жизни иные чахоточные сопляки-моралисты называютъ часто подлою, особенно поэты. Черта-то она отчасти Карамазовская, это правда, жажда-то эта жизни, не смотря ни на что, въ тебѣ она тоже непремѣнно сидитъ, но почему-жь она подлая? Центростремительной силы еще страшно много на нашей планетѣ, Алешка. Жить хочется, и я живу, хотя-бы и вопреки логикѣ. Пусть я не вѣрю въ порядокъ вещей, но дороги мнѣ клейкіе распускающіеся весной листочки, дорого голубое небо, дорогъ иной человѣкъ, котораго иной разъ, повѣришь-ли, не знаешь за что и любишь, дорогъ иной подвигъ человѣческій, въ который давно уже, можетъ быть, перестали и вѣрить, а все-таки по старой памяти чтишь его сердцемъ. Вотъ тебѣ уху принесли, кушай на здоровье. Уха славная, хорошо готовятъ. Я хочу въ Европу съѣздить, Алеша, отсюда и поѣду; и вѣдь я знаю, что поѣду лишь на кладбище, но на самое, на самое дорогое кладбище, вотъ что! Дорогіе тамъ лежатъ покойники, каждый камень надъ ними гласитъ о такой горячей минувшей жизни, о такой страстной вѣрѣ въ свой подвигъ, въ свою истину, въ свою борьбу и въ свою науку, что я, знаю заранѣе, паду на землю и буду цѣловать эти камни и плакать надъ ними, — въ тоже время убѣжденный всѣмъ сердцемъ моимъ, что все это давно уже кладбище и никакъ не болѣе. И не отъ отчаянія буду плакать, а лишь просто потому, что буду счастливъ пролитыми слезами моими. Собственнымъ умиленіемъ умиюсь. Клейкіе весенніе листочки, голубое небо люблю я, вотъ что! Тутъ не умъ, не логика, тутъ нутромъ, тутъ чревомъ любишь. первыя свои молодыя силы любишь... Понимаешь ты что нибудь въ моей ахинеѣ, Алешка, аль нѣтъ? засмѣялся вдругъ Иванъ.

— Слишкомъ понимаю, Иванъ: нутромъ и чревомъ хочется любить,—прекрасно ты это сказалъ, и радъ я ужасно за то, что тебѣ такъ жить хочется, воскликнулъ Алеша. Я думаю, что всѣ должны прежде всего на свѣтѣ жизнь полюбить.

— Жизнь полюбить больше чѣмъ смыслъ ея?

Непремѣнно такъ, полюбить прежде логики, какъ ты говоришь, непремѣнно чтобы прежде логики, и тогда только я и смыслъ пойму. Вотъ что мнѣ давно уже мерещится. Половина твоего дѣла сдѣлана, Иванъ, и пріобрѣтена: ты жить любишь. Теперь надо постараться тебѣ о второй твоей половинѣ, и ты спасешь.

Ужь ты и спасешь, да я и не погибалъ, можетъ быть! А въ чемъ она вторая твоя половина?

— Въ томъ, что надо воскресить твоихъ мертвецовъ, которые, можетъ быть, никогда и не умирали. Ну, давай чаю. Я радъ, что мы говоримъ, Иванъ.

— Ты, я вижу, въ какомъ-то вдохновеніи. Ужасно я люблю такія professions de foi вотъ отъ такихъ... послушниковъ. Твердый ты человѣкъ, Алексѣй. Правда что ты изъ монастыря хочешь выйдти?

— Правда. Мой старецъ меня въ міръ посылаетъ.

— Увидимся еще, стало быть, въ міру-то, встрѣтимся до тридцати-то лѣтъ, когда я отъ кубка-то начну отрываться. Отецъ вотъ не хочетъ отрываться отъ своего кубка до семидесяти лѣтъ, до восьмидесяти даже мечтаетъ, самъ говорилъ, у него это слишкомъ серіозно, хоть онъ и шутъ. Сталъ на сладострастіи своемъ и тоже будто на камнѣ... хотя послѣ тридцати-то лѣтъ, правда, и не на чемъ, пожалуй, стать, кромѣ какъ на этомъ... Но до семидесяти подло, лучше до тридцати: можно сохранить оттѣнокъ благородства, себя надувая. Не видалъ сегодня Дмитрія?

— Нѣтъ, не видалъ, но я Смердякова видѣлъ. И Алеша разсказалъ брату на-скоро и подробно о своей встрѣчѣ съ Смердяковымъ. Иванъ сталъ вдругъ очень озабоченно слушать, кое-что даже переспросилъ.

— Только онъ просилъ меня брату Дмитрію не сказывать о томъ, что онъ о немъ говорилъ, прибавилъ Алеша.

Иванъ нахмурился и задумался.

Ты это изъ-за Смердякова нахмурился? спросилъ Алеша.

— Да, изъ-за него. Къ чорту его, Дмитрія я дѣйствительно хотѣлъ было видѣть, но теперь не надо... неохотно проговорилъ Иванъ.

— А ты въ самомъ дѣлѣ такъ скоро уѣзжаешь, братъ?

— Да.

— Что-же Дмитрій, и отецъ? Чѣмъ это у нихъ кончится? тревожно промолвилъ Алеша.

— А ты все свою капитель! Да я-то тутъ что? Сторожъ я что-ли моему брату Дмитрію? раздражительно отрѣзалъ было Иванъ, но вдругъ какъ-то горько улыбнулся: — Каиновъ отвѣтъ Богу объ убитомъ братѣ, а? Можетъ быть, ты это думаешь въ эту минуту? Но, чортъ возьми, не могу-же я въ самомъ дѣлѣ оставаться тутъ у нихъ сторожемъ? Дѣла кончилъ, и ѣду. Уже не думаешь-ли ты, что я ревную къ Дмитрію, что я отбивалъ у него всѣ эти три мѣсяца его красавицу Катерину Ивановну. Э, чортъ, у меня свои дѣла были. Дѣла кончилъ, и ѣду. Дѣла давеча кончилъ, ты былъ свидѣтелемъ.

— Это давеча у Катерины Ивановны?

— Да, у ней, и разомъ развязался. И что-жъ такое? Какое мнѣ дѣло до Дмитрія? Дмитрій тутъ ни при чемъ! У меня были только собственныя дѣла съ Катериною Ивановною. Самъ ты знаешь,

напротивъ, что Дмитрій велъ себя такъ, какъ будто былъ въ заговорѣ со мной. Я вѣдь не просилъ его нисколько, а онъ самъ мнѣ торжественно ее передалъ, и благословилъ. Это все смѣху подобно. Нѣтъ, Алеша, нѣтъ, если-бы ты зналъ, какъ я себя теперь легко чувствую! Я вотъ здѣсь сидѣлъ и обѣдалъ, и, вѣришь-ли, хотѣлъ было спросить шампанскаго, чтобъ отпраздновать первый мой часъ свободы. Тьфу, полгода почти,— и вдругъ разомъ, все разомъ снялъ. Ну подозрѣвалъ-ли я даже вчера, что это, если захотѣть, то ничего не стоитъ кончить!

— Ты про любовь свою говоришь, Иванъ?

— Любовь, если хочешь, да, я влюбился въ барышню, въ институтку. Мучился съ ней, и она меня мучила. Сидѣть надъ ней... и вдругъ все слетѣло. Давеча я говорилъ вдохновенно, а выпилъ и расхохотался,— вѣрнй этому. Нѣтъ, я буквально говорю.

— Ты и теперь такъ это весело говоришь, замѣтилъ Алеша, вглядываясь въ его въ самомъ дѣлѣ повеселѣвшее вдругъ лицо.

— Да почемъ-же я зналъ, что я ее вовсе не люблю! Хе-хе! Вотъ и оказалось, что нѣтъ. А вѣдь какъ она мнѣ нравилась! Какъ она мнѣ даже давеча нравилась, когда я рѣчь читалъ. И знаешь-ли, и теперь нравится ужасно.—а между тѣмъ какъ легко отъ нея уѣхать. Ты думаешь, я фанфароню?

— Нѣтъ. Только это, можетъ быть, не любовь была.

— Аленка, засмѣялся Иванъ,— не пускайся въ разсужденія о любви! Тебѣ непристично. Давеча-то, давеча-то ты выскочилъ, ай! Я еще и забылъ поцѣловать тебя за это... А мучила-то она меня какъ! Во истину у надрыва сидѣть. Охъ, она знала что я ее люблю! Любила меня, а не Дмитрія, весело настаивалъ Иванъ.—Дмитрій только надрывъ. Все что я давеча ей говорилъ истинная правда. Но только въ томъ дѣло, самое главное, что ей нужно, можетъ быть, лѣтъ пятнадцать аль двадцать чтобы догадаться, что Дмитрія она вовсе не любитъ, а любитъ только меня, котораго мучаетъ. Да, пожалуй, и не догадается она никогда, не смотря даже на сегодняшній урокъ. Ну и лучше: всталъ да и ушелъ на вѣки. Кстати, что она теперь? Что тамъ было когда я ушелъ?

Алеша разсказалъ ему объ истерикѣ, и о томъ, что она, кажется, теперь въ безпамятствѣ и въ бреду.

— А не вретъ Хохлакова?

— Кажется, нѣтъ.

— Надо справиться. Отъ истерики, впрочемъ, никогда и никто не умиралъ. Да и пусть истерика, Богъ женщинъ послалъ истерику любя. Не пойду я туда вовсе. Къ чему лѣзть опять.

— Ты, однако-же, давеча ей сказалъ, что она никогда тебя не любила.

— Это я нарочно. Алешка, прикажу-ка я шампанскаго, выпьемъ за мою свободу. Нѣтъ, если-бы ты зналъ, какъ я радъ!

— Нѣтъ, братъ, не будемъ лучше пить, сказалъ вдругъ Алеша, — къ тому-же мнѣ какъ-то грустно.

— Да, тебѣ давно грустно, я это давно вижу.

— Такъ ты непремѣнно завтра утромъ поѣдешь?

— Утромъ? Я не говорилъ, что утромъ... А, впрочемъ, можетъ, и утромъ. Вѣришь-ли, я вѣдь здѣсь обѣдалъ сегодня единственно чтобы не обѣдать со старикомъ, до того онъ мнѣ сталъ противенъ. Я отъ него отъ одного давно-бы уѣхалъ. А ты что́ такъ безпокоишься, что я уѣзжаю. У насъ съ тобой еще Богъ знаетъ сколько времени до отъѣзда. Цѣлая вѣчность времени, безсмертіе!

— Если ты завтра уѣзжаешь, какая-же вѣчность?

— Да насъ-то съ тобой чѣмъ это касается? засмѣялся Иванъ,— вѣдь свое-то мы успѣемъ все-таки переговорить, свое-то, для чего мы пришли сюда? Чего ты глядишь съ удивленіемъ? Отвѣчай: мы для чего здѣсь сошлись? Чтобы говорить о любви къ Катеринѣ Ивановнѣ, о старикѣ и о Дмитріѣ? О за границѣ? О роковомъ положеніи Россіи? Объ Императорѣ Наполеонѣ? Такъ-ли, для этого-ли?

— Нѣтъ, не для этого.

— Самъ понимаешь, значитъ, для чего. Другимъ одно, а намъ, желторотымъ, другое, намъ прежде всего надо предвѣчные вопросы разрѣшить, вотъ наша забота. Вся молодая Россія только лишь о вѣковѣчныхъ вопросахъ теперь и толкуетъ. Именно теперь, какъ старики всѣ ополѣзли вдругъ практическими вопросами заниматься. Ты изъ-за чего всѣ три мѣсяца глядѣлъ на меня въ ожиданіи? Чтобы допросить меня: какъ вѣруешь, или вовсе не вѣруешь, вотъ вѣдь къ чему сводились ваши трехмѣсячные взгляды, Алексѣй Ѳедоровичъ, вѣдь такъ?

— Пожалуй, что и такъ, улыбнулся Алеша. - Ты вѣдь не смѣешься теперь надо мною, братъ?

— Я-то смѣюсь? Не захочу я огорчить моего братишку, который три мѣсяца глядѣлъ на меня въ такомъ ожиданіи. Алеша, взгляни прямо: я вѣдь и самъ точь въ точь такой-же маленькій мальчикъ, какъ и ты, развѣ только вотъ не послушникъ. Вѣдь русскіе мальчики какъ до сихъ поръ орудуютъ? Иные то есть? Вотъ, напримѣръ, здѣшній вонючій трактиръ, вотъ они и сходятся, засѣли въ уголъ. Всю жизнь прежде не знали другъ друга, а выйдутъ изъ трактира, сорокъ лѣтъ опять не будутъ знать другъ друга, ну и что́-жъ, о чемъ они будутъ разсуждать пока поймали минутку

въ трактиръ-то? О міровыхъ вопросахъ, не иначе: есть-ли Богъ, есть-ли безсмертіе? А которые въ Бога не вѣруютъ, ну, тѣ о соціализмѣ и объ анархизмѣ заговорятъ, о передѣлкѣ всего человѣчества по новому штату, такъ вѣдь это одинъ-же чортъ выйдетъ, все тѣ-же вопросы, только съ другаго конца. И множество, множество самыхъ оригинальныхъ мальчиковъ только и дѣлаютъ, что о вѣковѣчныхъ вопросахъ говорятъ у насъ въ наше время. Развѣ не такъ?

— Да, настоящимъ русскимъ вопросы о томъ: есть-ли Богъ и есть-ли безсмертіе, или, какъ вотъ ты говоришь, вопросы съ другаго конца, конечно, первые вопросы и прежде всего, да такъ и надо, проговорилъ Алеша все съ тою-же тихою и испытующею улыбкой вглядываясь въ брата.

— Вотъ что, Алеша, быть русскимъ человѣкомъ иногда вовсе не умно, но все-таки глупѣе того, чѣмъ теперь занимаются русскіе мальчики, и представить нельзя себѣ. Но я одного русскаго мальчика, Алешку, ужасно люблю.

— Какъ ты это славно подвелъ, засмѣялся вдругъ Алеша.

— Ну, говори-же, съ чего начинать, приказывай самъ, съ Бога? Существуетъ-ли Богъ, что-ли?

— Съ чего хочешь, съ того и начинай, хоть съ «другаго конца». Вѣдь ты вчера у отца провозгласилъ, что нѣтъ Бога, пытливо поглядѣлъ на брата Алеша.

— Я вчера за обѣдомъ у старика тебя этимъ нарочно дразнилъ и видѣлъ какъ у тебя разгорались глазки. Но теперь я вовсе не прочь съ тобой переговорить и говорю это очень серіозно. Я съ тобой хочу сойдтись, Алеша, потому что у меня нѣтъ друзей, попробовать хочу. Ну, представь-же себѣ, можетъ быть, и я принимаю Бога, засмѣялся Иванъ,—для тебя это неожиданно, а?

— Да, конечно, если ты только и теперь не шутишь.

Шутишь. Это вчера у старца сказалъ, что я шучу. Видишь, голубчикъ, былъ одинъ старый грѣшникъ въ восемнадцатомъ столѣтіи, который изрекъ, что если-бы не было Бога, то слѣдовало-бы его выдумать, s'il n'existait pas Dieu il faudrait l'inventer. И дѣйствительно человѣкъ выдумалъ Бога. И не то страшно, и не то было-бы дивно, что Богъ въ самомъ дѣлѣ существуетъ, но то дивно, что такая мысль мысль о необходимости Бога могла залѣзть въ голову такому дикому и злому животному какова человѣкъ, до того она свята, до того она трогательна, до того премудра и до того она дѣлаетъ честь человѣку. Что-же до меня, то я давно уже положилъ не думать о томъ: человѣкъ-ли создалъ Бога или Богъ человѣка? Не стану я, разумѣется, тоже перебирать

на этотъ счетъ всѣ современныя аксіомы русскихъ мальчиковъ, всѣ сплошь выведенныя изъ европейскихъ гипотезъ: потому что, что тамъ гипотеза, то у русскаго мальчика тотчасъ-же аксіома и не только у мальчиковъ, но, пожалуй, и у ихнихъ профессоровъ. Потому что и профессора русскіе весьма часто у насъ теперь тѣ-же русскіе мальчики. А потому обхожу всѣ гипотезы. Вѣдь у насъ съ тобой какая теперь задача? Задача въ томъ, чтобъ я какъ можно скорѣе могъ объяснить тебѣ мою суть, то есть что я за человѣкъ, во что вѣрую и на что надѣюсь, вѣдь такъ, такъ? А потому и объявляю, что принимаю Бога прямо и просто. Но вотъ, однако, что надо отмѣтить: если Богъ есть и если онъ дѣйствительно создалъ землю, то, какъ намъ совершенно извѣстно, создалъ онъ ее по эвклидовой геометріи, а умъ человѣческій съ понятіемъ лишь о трехъ измѣреніяхъ пространства. Между тѣмъ находились и находятся даже и теперь геометры и философы, и даже изъ замѣчательнѣйшихъ, которые сомнѣваются въ томъ, чтобы вся вселенная, или еще обширнѣе, — все бытіе было создано лишь по эвклидовой геометріи, осмѣливаются даже мечтать, что двѣ параллельныя линіи, которыя по Эвклиду ни за что не могутъ сойдтись на землѣ, можетъ быть, и сошлись-бы гдѣ-нибудь въ безконечности. Я, голубчикъ, рѣшилъ такъ, что если я даже этого не могу понять, то гдѣ-жъ мнѣ про Бога понять. Я смиренно сознаюсь, что у меня нѣтъ никакихъ способностей разрѣшать такіе вопросы, у меня умъ эвклидовскій, земной, а потому гдѣ намъ рѣшать о томъ что не отъ міра сего. Да и тебѣ совѣтую объ этомъ никогда не думать, другъ Алеша, а пуще всего на счетъ Бога: есть-ли Онъ или нѣтъ? Все это вопросы совершенно несвойственные уму, созданному съ понятіемъ лишь о трехъ измѣреніяхъ. Итакъ, принимаю Бога и не только съ охотой, но, мало того, принимаю и премудрость Его, и цѣль Его, — намъ совершенно ужъ неизвѣстныя, вѣрую въ порядокъ, въ смыслъ жизни, вѣрую въ вѣчную гармонію, въ которой мы будто-бы всѣ сольемся, вѣрую въ слово, къ которому стремится вселенная и которое само — объ къ Богу — и которое есть само Богъ, ну, и прочее, и прочее, и т. д. въ безконечность. Словъ-то много на этотъ счетъ надѣлано. Кажется, ужъ я на хорошей дорогѣ, а? Ну, такъ представь-же себѣ, что въ окончательномъ результатѣ я міра этого Божьяго — не принимаю. И хоть и знаю, что онъ существуетъ, да не допускаю его вовсе. Я не Бога не принимаю, пойми ты это, я міра имъ созданнаго, міра-то Божьяго не принимаю и не могу согласиться принять. Оговорюсь: я убѣжденъ какъ младенецъ, что страданія зажившутъ и сгладятся, что весь обидный комизмъ человѣческихъ противорѣчій исчезнетъ какъ жалкій миражъ, какъ гнусненькое измышле-

віе маловѣрнаго и маленькаго какъ атомъ человѣческаго эвклидовскаго ума, что, наконецъ, въ мировомъ финалѣ, въ моментъ вѣчной гармоніи, случится и явится нѣчто до того драгоцѣнное, что хватитъ его на всѣ сердца, на утоленіе всѣхъ негодованій, на искупленіе всѣхъ злодѣяній людей, всей пролитой ими ихъ крови, хватитъ чтобы не только было возможно простить, но и оправдать все что случилось съ людьми,— пусть, пусть это все будетъ и явится, но я-то этого не принимаю и не хочу принять! Пусть даже параллельныя линіи сойдутся и я это самъ увижу: увижу и скажу что сошлись, а все-таки не приму. Вотъ моя суть, Алеша. вотъ мой тезисъ. Это ужь я серіозно тебѣ высказалъ. Я нарочно началъ этотъ нашъ съ тобой разговоръ какъ глупѣе нельзя начать, но довелъ дѣло до моей исповѣди, потому что ее только тебѣ и надо. Не о Богѣ тебѣ нужно было, а лишь нужно было узнать чѣмъ живетъ твой любимый тобою братъ. Я и сказалъ.

Иванъ заключилъ свою длинную тираду вдругъ съ какимъ-то особеннымъ и неожиданнымъ чувствомъ.

— А для чего ты началъ такъ, какъ «глупѣе нельзя начать?» спросилъ Алеша, задумчиво смотря на него.

— Да, во первыхъ, хоть для русизма: русскіе разговоры на эти темы всѣ ведутся какъ глупѣе нельзя вести. А во вторыхъ, опять таки чѣмъ глупѣе, тѣмъ ближе къ дѣлу. Чѣмъ глупѣе, тѣмъ и яснѣе. Глупость коротка и не хитра, а умъ виляетъ и прячется. Умъ подлецъ, а глупость прямa и честна. Я довелъ дѣло до моего отчаянія, и чѣмъ глупѣе я его выставилъ, тѣмъ для меня-же выгоднѣе.

— Ты мнѣ объяснишь для чего міра не принимаешь? проговорилъ Алеша.

— Ужь конечно, объясню, не секретъ, къ тому и велъ. Братишка ты мой, не тебя я хочу развратить и сдвинуть съ твоего устоя, я, можетъ быть, себя хотѣлъ-бы исцѣлить тобою. Улыбнулся вдругъ Иванъ совсѣмъ какъ маленькій кроткій мальчикъ. Никогда еще Алеша не видалъ у него такой улыбки.

IV.

Бунтъ.

Я тебѣ долженъ сдѣлать одно признаніе, началъ Иванъ: — я никогда не могъ понять какъ можно любить своихъ ближнихъ. Именно ближнихъ-то, по моему, и невозможно любить, а развѣ лишь дальнихъ. Я читалъ гдѣ-то какъ-то и гдѣ-то про «Іоанна Милостиваго» (одного святаго), что онъ, когда къ нему пришелъ голодный и

обмерзшій прохожій и попросилъ согрѣть его, лечь съ нимъ вмѣстѣ въ постель, обнялъ его и началъ дышать ему въ гноящійся и зловонный отъ какой-то ужасной болѣзни ротъ его. Я убѣжденъ, что онъ это сдѣлалъ съ надрывомъ, съ надрывомъ лжи, изъ-за заказанной долгомъ любви, изъ-за натащенной на себя энтимін. Чтобы полюбить человѣка надо чтобы тотъ спрятался, а чуть лишь покажетъ лицо свое—пропала любовь.

— Объ этомъ не разъ говорилъ старецъ Зосима, замѣтилъ Алеша.—онъ тоже говорилъ, что лицо человѣка часто многимъ еще неопытнымъ въ любви людямъ мѣшаетъ любить. Но вѣдь есть и много любви въ человѣчествѣ, и почти подобной Христовой любви, это я самъ знаю, Иванъ...

Ну, я-то пока еще этого не знаю и понять не могу, и безчисленное множество людей со мной тоже. Вопросъ вѣдь въ томъ, отъ дурныхъ-ли качествъ людей это происходитъ, или уже оттого, что такова ихъ натура. По моему, Христова любовь къ людямъ есть въ своемъ родѣ невозможное на землѣ чудо. Правда, Онъ былъ Богъ. Но мы-то не боги. Положимъ, я, напримѣръ, глубоко могу страдать, но другой никогда вѣдь не можетъ узнать до какой степени я страдаю, потому что онъ другой, а не я, и сверхъ того, рѣдко человѣкъ согласится признать другаго за страдальца (точно будто это чинъ). Почему не согласится, какъ ты думаешь? Потому, напримѣръ, что отъ меня дурно пахнетъ, что у меня глупое лицо, потому что я разъ когда-то отдавилъ ему ногу. Къ тому-же страданіе и страданіе: унизительное страданіе, уничтожающее меня, голодъ, напримѣръ, еще допуститъ во мнѣ мой благодѣтель, но чуть новыя страданіе, за идею, напримѣръ, нѣтъ, онъ это въ рѣдкихъ развѣ случаяхъ допуститъ, потому что онъ, напримѣръ, посмотритъ на меня и вдругъ увидитъ, что у меня вовсе не то лицо, какое по его фантазіи должно-бы быть у человѣка, страдающаго за такую-то, напримѣръ, идею. Вотъ онъ и лишаетъ меня сейчасъ-же своихъ благодѣяній и даже вовсе не отъ злаго сердца. Нищіе, особенно благородные нищіе, должны-бы быть наружу никогда не показываться, а просить милостыню чрезъ газеты. Отвлеченно еще можно любить ближняго и даже иногда издали, но вблизи почти никогда. Если-бы все было какъ на сценѣ, въ балетѣ, гдѣ нищіе, когда они появляются, приходятъ въ шелковыхъ лохмотьяхъ и рваныхъ кружевахъ и просятъ милостыню, граціозно танцуя, ну тогда еще можно любоваться ими. Любоваться, но все-таки не любить. Но довольно объ этомъ. Мнѣ надо было лишь поставить тебя на мою точку. Я хотѣлъ заговорить о страданіи человѣчества вообще, но лучше уже остановимся на страданіяхъ однихъ дѣтей. Это уменьшитъ размѣры

моей аргументаціи разъ въ десять, но лучше ужъ про однихъ дѣтей. Тѣмъ не выгоднѣе для меня, разумѣется. Но, во первыхъ, дѣтокъ можно любить даже и вблизи, даже и грязныхъ, даже дурныхъ лицомъ (мнѣ, однако-же, кажется, что дѣтки никогда не бываютъ дурны лицомъ). Во вторыхъ, о большихъ я и потому еще говорить не буду, что кромѣ того что они отвратительны и любви не заслуживаютъ, у нихъ есть и возмездіе: они съѣли яблоко и познали добро и зло, и стали «яко боги». Продолжаютъ и теперь ѣсть его. Но дѣточки ничего не съѣли и пока еще ни въ чемъ невиновны. Любишь ты дѣтокъ, Алеша? Знаю, что любишь, и тебѣ будетъ понятно, для чего я про нихъ однихъ хочу теперь говорить. Если они на землѣ тоже ужасно страдаютъ, то ужъ, конечно, за отцовъ своихъ, наказаны за отцовъ своихъ, съѣвшихъ яблоко. Но вѣдь это разсужденіе изъ другаго міра, сердцу-же человѣческому здѣсь на землѣ непонятное. Нельзя страдать неповинному за другаго, да еще такому неповинному! Подивись на меня, Алеша, я тоже ужасно люблю дѣточекъ. И замѣть себѣ, жестокіе люди, страстные, плотоядные, Карамазовцы, иногда очень любятъ дѣтей, дѣти, пока дѣти, до семи лѣтъ, напримѣръ, страшно отстоятъ отъ людей: совсѣмъ будто другое существо и съ другою природой. Я зналъ одного разбойника въ острогѣ: ему случалось въ свою карьеру, избивая цѣлыя семейства въ домахъ, въ которые забирался по ночамъ для грабежа, зарѣзать за одно нѣсколько и дѣтей. Но, сидя въ острогѣ, онъ ихъ до страшности любилъ. Изъ окна острога онъ только и дѣлалъ, что смотрѣлъ на играющихъ на тюремномъ дворѣ дѣтей. Одного маленькаго мальчика онъ пріучилъ приходить къ нему подъ окно и тотъ очень сдружился съ нимъ... Ты не знаешь, для чего я это все говорю, Алеша? У меня какъ-то голова болитъ и мнѣ грустно.

— Ты говоришь съ страннымъ видомъ, съ безпокойствомъ замѣтилъ Алеша,—точно ты въ какомъ безуміи.

— Кстати, мнѣ недавно разсказывалъ одинъ болгаринъ въ Москвѣ, — продолжалъ Иванъ Ѳедоровичъ, какъ-бы и не слушая брата,—какъ турки и черкесы тамъ у нихъ въ Болгаріи повсемѣстно злодѣйствуютъ, опасаясь поголовнаго возстанія славянъ,— то есть жгутъ, рѣжутъ, насилуютъ женщинъ и дѣтей, прибиваютъ арестантамъ уши къ забору гвоздями и оставляютъ такъ до утра, а по утру вѣшаютъ — и проч., всего и вообразить невозможно. Въ самомъ дѣлѣ, выражаются иногда про звѣрскую жестокость человѣка, но это страшно несправедливо и обидно для звѣрей: звѣрь никогда не можетъ быть такъ жестокъ, какъ человѣкъ, такъ артистически, такъ художественно жестокъ. Тигръ просто грызетъ, рветъ

и только это и умѣетъ. Ему и въ голову не вошло-бы прибивать людей за уши на ночь гвоздями, если-бъ онъ даже и могъ это сдѣлать. Эти турки, между прочимъ, съ сладострастіемъ мучили и дѣтей, начиная съ вырѣзыванія ихъ ножикомъ изъ чрева матери, до бросанія вверхъ грудныхъ младенцевъ и подхватыванія ихъ на штыкъ въ глазахъ матерей. На глазахъ-то матерей и составляло главную сладость. Но вотъ, однако, одна меня сильно заинтересовавшая картинка. Представь: грудной младенчикъ на рукахъ трепещущей матери, кругомъ вошедшіе турки. У нихъ затѣялась веселая штучка: они ласкаютъ младенца, смѣются, чтобъ его разсмѣшить, имъ удается, младенецъ разсмѣялся. Въ эту минуту турокъ наводитъ на него пистолетъ въ четырехъ вершкахъ разстоянія отъ его лица. Мальчикъ радостно хохочетъ, тянется ручонками чтобъ схватить пистолетъ и вдругъ артистъ спускаетъ курокъ прямо ему въ лицо и раздробляетъ ему головку... Художественно, не правда-ли? Кстати, турки, говорятъ, очень любятъ сладкое.

— Братъ, къ чему это все? спросилъ Алеша.

— Я думаю, что если дьяволъ не существуетъ и, стало быть, создалъ его человѣкъ, то создалъ онъ его по своему образу и подобію.

— Въ такомъ случаѣ, равно какъ и Бога.

— А ты удивительно какъ умѣешь оборачивать словечки, какъ говоритъ Полоній въ *Гамлетѣ*, засмѣялся Иванъ. — Ты поймалъ меня на словѣ; пусть, я радъ. Хорошъ-же твой Богъ, коль Его создалъ человѣкъ по образу своему и подобію. Ты спросилъ сейчасъ, для чего я это все: я, видишь-ли, любитель и собиратель нѣкоторыхъ фактиковъ и, вѣришь-ли, записываю и собираю изъ газетъ и разсказовъ, откуда попало, нѣкотораго рода анекдотики, и у меня уже хорошая коллекція. Турки, конечно, вошли въ коллекцію, но это все иностранцы. У меня есть и родныя штучки и даже получше турецкихъ. Знаешь, у насъ больше битье, больше розга и плеть, и это національно: у насъ прибитые гвоздями уши немыслимы, мы все-таки европейцы, но розги, но плеть, это нѣчто уже наше и не можетъ быть у насъ отнято. За границей теперь какъ будто и не бьютъ совсѣмъ, нравы что-ли очистились, али узнъ законы такіе устроились, что человѣкъ человѣка какъ будто узнъ и не смѣетъ посѣчь, но за то они вознаградили себя другимъ и тоже чисто національнымъ какъ и у насъ, и до того національнымъ, что у насъ оно какъ будто и невозможно, хотя, впрочемъ, кажется, и у насъ прививается, особенно со времени религіознаго движенія въ нашемъ высшемъ обществѣ. Есть у меня одна прелестная брошюрка, переводъ съ французскаго, о томъ какъ въ Же-

невѣ, очень недавно, всего лѣтъ пять тому, казнили одного злодѣя и убійцу, Ришара, двадцатитрехлѣтняго, какетея. малаго, раскаявшагося и обратившагося къ христіанской вѣрѣ передъ самымъ эшафотомъ. Этотъ Ришаръ былъ чей-то незаконнорожденный, котораго еще младенцемъ, лѣтъ шести, *подарили* родители какимъ-то горнымъ швейцарскимъ пастухамъ и тѣ его взростили, чтобъ употреблять въ работу. Рось онъ у нихъ какъ дикій звѣренокъ, не научили его пастухи ничему, напротивъ, семи лѣтъ уже посылали пасти стадо, въ мокреть и въ холодъ, почти безъ одежды и почти не кормя его. И ужъ конечно, такъ дѣлая, никто изъ нихъ не задумывался и не раскаивался, напротивъ, считалъ себя въ полномъ правѣ, ибо Ришаръ подаренъ имъ былъ какъ вещь и они даже не находили необходимымъ кормить его. Самъ Ришаръ свидѣтельствуетъ, что въ тѣ годы онъ, какъ блудный сынъ въ Евангеліи, желалъ ужасно поѣсть хоть того мѣсива, которое давали откармливаемымъ на продажу свиньямъ, но ему не давали даже и этого и били когда онъ кралъ у свиней, и такъ провелъ онъ все дѣтство свое и всю юность, до тѣхъ поръ, пока возрось и, укрѣпившись въ силахъ, пошелъ самъ воровать. Цикарь сталъ добывать деньги подленькою работой въ Женевѣ, добытое пропивалъ, жилъ какъ извергъ и кончилъ тѣмъ, что убилъ какого-то старика и ограбилъ. Его схватили, судили и присудили къ смерти. Тамъ вѣдь не сентиментальничаютъ. И вотъ, въ тюрьмѣ, его немедленно окружаютъ пасторы и члены разныхъ Христовыхъ братствъ, благотворительныя дамы и проч. Научили они его въ тюрьмѣ читать и писать, стали толковать ему Евангеліе, усовѣщевали, убѣждали, напирали, пилили, давили, и вотъ, онъ самъ торжественно сознается, наконецъ, въ своемъ преступленіи. Онъ обратился, онъ написалъ самъ суду, что онъ извергъ и что, наконецъ-таки, онъ удостоился того, что и его озарилъ Господь и послалъ ему благодать. Все взволновалось въ Женевѣ, вся благотворительная и благочестивая Женева. Все что было высшаго и благовоспитаннаго рвнулось къ нему въ тюрьму: Ришара цѣлуютъ, обнимаютъ: «ты братъ нашъ, на тебя сошла благодать!» А самъ Ришаръ только плачетъ въ умиленіи: «да, на меня сошла благодать! Прежде я все дѣтство и юность мою радъ былъ кормъ свиней, а теперь сошла и на меня благодать, умираю во Господѣ! — — Да, да, Ришаръ, умри во Господѣ, ты пролилъ кровь и долженъ умереть во Господѣ. Пусть ты невиновенъ, что не зналъ совсѣмъ Господа, когда завидовалъ корму свиней и когда тебя били за то, что ты кралъ у нихъ кормъ (что ты дѣлалъ очень не хорошо, ибо красть не позволено), — но ты пролилъ кровь и долженъ умереть». И вотъ наступаетъ послѣдній день. Разслабленный Ришаръ плачетъ

и только и дѣлаетъ, что повторяетъ ежеминутно: «Это лучшій изъ дней моихъ, я иду къ Господу!» «Да», кричатъ пасторы, судьи и благотворительныя дамы, «это счастливѣйшій день твой, ибо ты идешь къ Господу!» Все это двигается къ эшафоту, ведутъ за позорною колесницей, въ которой везутъ Ришара, въ кандалахъ, нѣмкомъ. Вотъ достигли эшафота: «умри, братъ нашъ, кричатъ Ришару, умри во Господѣ, ибо и на тебя сошла благодать!» И вотъ, покрытаго поцѣлуями братьевъ, брата Ришара втащили на эшафотъ, положили на гильйотину и отрѣзали-таки ему, по братски, голову зато, что и на него сошла благодать. Нѣтъ, это характерно. Брошюрка эта переведена по русски, какими-то русскими лютеранствующими благотворителями высшаго общества и разослана для просвѣщенія народа русскаго при газетахъ и другихъ изданіяхъ даромъ. Штука съ Ришаромъ хороша тѣмъ, что національна. У насъ, хоть нелѣпо рубить голову брату потому только, что онъ сталъ намъ братъ и что на него сошла благодать, но, повторяю, у насъ есть свое, почти что не хуже. У насъ историческое, непосредственное и близкое наслажденіе истязаніемъ битья. У Некрасова есть стихи о томъ, какъ мужикъ сѣчетъ лошадь кнутомъ по глазамъ, «по кроткимъ глазамъ». Этого кто-жъ не видалъ, это русизмъ. Онъ описываетъ какъ слабосильная лошаденка, на которую навалили слишкомъ, завязла съ возомъ и не можетъ вытащить. Мужикъ бьетъ ее, бьетъ съ остервенѣніемъ, бьетъ, наконецъ, не понимая что̀ дѣлаетъ, въ опьяненіи битья сѣчетъ больно, безчисленно: «Хоть ты и не въ силахъ, а вези, умри, да вези!» Кляченка рвется и вотъ онъ начинаетъ сѣчь ее, беззащитную, но плачущимъ, по «кроткимъ глазамъ». Внѣ себя, она рванула и вывезла. И пошла вся дрожка, не дыша, какъ-то бокомъ, съ какою-то припрыжкой, какъ-то неестественно и позорно, — у Некрасова это ужасно. Но вѣдь это всего только лошадь, лошадей и самъ Богъ далъ чтобъ ихъ сѣчь. Такъ татары намъ растолковали и кнутъ на память подарили. Но можно вѣдь сѣчь и людей. И вотъ интеллигентный образованный господинъ и его дама сѣкутъ собственную дочку, младенца семи лѣтъ, розгами, объ этомъ у меня подробно записано. Папенька радъ, что прутья съ сучками, садче будетъ, говоритъ онъ, и вотъ начинаетъ сѣкать родную дочь. Я знаю навѣрно, есть такіе сѣкущіе, которые разгорячаются съ каждымъ ударомъ до сладострастія, до буквальнаго сладострастія, съ каждымъ послѣдующимъ ударомъ все больше и больше, все прогрессивнѣе. Сѣкутъ минуту, сѣкутъ, наконецъ, пять минутъ, сѣкутъ десять минутъ, дальше, больше, чаще, садче. Ребенокъ кричитъ, ребенокъ, наконецъ, не можетъ кричать, задыхается: «папа, папа, папочка, папочка!»

Дѣло какимъ-то чортовымъ неприличнымъ случаемъ доходитъ до суда. Нанимается адвокатъ. Русскій народъ давно уже назвалъ у насъ адвоката — аблакатъ — нанятая совѣсть . Адвокатъ кричитъ въ защиту своего клієнта. Дѣло, дескать, такое простое, семейное и обыкновенное, отецъ посѣкъ дочку и вотъ, къ стыду нашихъ дней, дошло до суда! Убѣжденные присяжные удаляются и выносятъ оправдательный приговоръ. Публика реветъ отъ счастья, что оправдали мучителя. — Э-эхъ, меня не было тамъ, я-бы рявкнулъ предложеніе учредить стипендію въ честь имени истязателя!.. Картинки прелестныя. Но о дѣткахъ есть у меня и еще получше, у меня очень, очень много собрано о русскихъ дѣткахъ, Алеша. Дѣвчоночку маленькую, пятилѣтнюю, возненавидѣли отецъ и мать, почтенѣйшіе и чиновные люди, образованные и воспитанные . Видишь, я еще разъ положительно утверждаю, что есть особенное свойство у многихъ въ человѣчествѣ—это любовь къ истязанію дѣтей, но однихъ дѣтей. Ко всѣмъ другимъ субъектамъ человѣческаго рода эти-же самые истязатели относятся даже благосклонно и кротко, какъ образованные и гуманные европейскіе люди, но очень любятъ мучить дѣтей, любятъ даже самихъ дѣтей въ этомъ смыслѣ. Тутъ именно незащищенность-то этихъ созданій и соблазняетъ мучителей, ангельская довѣрчивость дитяти, которому некуда дѣться и не къ кому идти,— вотъ это-то и распаляетъ гадкую кровь истязателя. Во всякомъ человѣкѣ, конечно, таится звѣрь, звѣрь гнѣвливости, звѣрь сладострастной распаляемости отъ криковъ истязуемой жертвы, звѣрь безъ удержу спущеннаго съ цѣпи, звѣрь нажитыхъ въ развратѣ болѣзней, подагръ, больныхъ печенокъ и проч. Эту бѣдную пятилѣтнюю дѣвочку эти образованные родители подвергали всевозможнымъ истязаніямъ. Они били, сѣкли, пинали ее ногами не зная сами за что, обратили все тѣло ея въ синякахъ; наконецъ, дошли и до высшей утонченности: въ холодъ, въ морозъ запирали ее на всю ночь въ отхожее мѣсто, и за то что она не проснулась ночью (какъ будто пятилѣтній ребенокъ, спящій своимъ ангельскимъ крѣпкимъ сномъ, еще можетъ въ эти лѣта научиться проситься)—за это обмазывали ей все лицо ея же каломъ и заставляли ееѣсть этотъ калъ, и это мать, мать заставляла! И эта мать могла спать, когда ночью слышались стоны бѣднаго ребеночка, запертаго въ подломъ мѣстѣ! Понимаешь-ли ты это, когда маленькое существо, еще не умѣющее даже осмыслить, что съ ней дѣлается, бьетъ себя въ подломъ мѣстѣ, въ темнотѣ и въ холодѣ, крошечнымъ своимъ кулачкомъ въ надорванную грудку и плачетъ своими кровавыми незлобивыми, кроткими слезками къ Боженькѣ , чтобы тотъ защитилъ его,—понимаешь-ли ты эту ахинею, другъ мой и братъ мой,

послушникъ ты мой Божій и смиренный, понимаешь-ли ты для чего эта ахинея такъ нужна и создана! Безъ нея, говорятъ, и пробыть-бы не могъ человѣкъ на землѣ, ибо не зналъ-бы добра и зла. Для чего познавать это чортово добро и зло, когда это столькаго стоитъ? Да вѣдь весь міръ познанія не стоитъ тогда этихъ слезокъ ребеночка къ Боженьку. Я не говорю про страданія большихъ, тѣ яблоко съѣли и чортъ съ ними, и пусть-бы ихъ всѣхъ чортъ взялъ, но эти, эти! Мучаю я тебя, Аленка, ты какъ будто-бы не въ себѣ. Я перестану, если хочешь.

— Ничего, я тоже хочу мучиться, пробормоталъ Алеша.

— Одну, только одну еще картинку, и то изъ любопытства, очень ужъ характерная, и, главное, только что прочелъ въ одномъ изъ сборниковъ нашихъ древностей, въ *Архивѣ*, въ *Старинѣ*, что-ли, надо справиться, забылъ даже гдѣ и прочелъ. Это было въ самое мрачное время крѣпостнаго права, еще въ началѣ столѣтія, и да здравствуетъ Освободитель народа! Былъ тогда въ началѣ столѣтія одинъ генералъ, генералъ со связями большими и богатѣйшій помѣщикъ, но изъ такихъ (правда, и тогда уже, кажется, очень немногихъ), которые, удаляясь на покой со службы, чуть-чуть не бывали увѣрены, что выслужили себѣ право на жизнь и смерть своихъ подданныхъ. Такіе тогда бывали. Ну, вотъ живетъ генералъ въ своемъ помѣстьи въ двѣ тысячи душъ, чванится, тренируетъ мелкихъ сосѣдей какъ приживальщиковъ и шутовъ своихъ. Псарня съ сотнями собакъ и чуть не сотня псарей, всѣ въ мундирахъ, всѣ на коняхъ. И вотъ дворовый мальчикъ, маленькій мальчикъ, всего восьми лѣтъ, пустилъ какъ-то играя камнемъ и зашибъ ногу любимой генеральской гончей. Почему собака моя любимая охромѣла? Докладываютъ ему, что вотъ, дескать, этотъ самый мальчикъ камнемъ въ нее пустилъ и ногу ей зашибъ. А, это ты, отдать его генералъ, взять его! Взяли его, взяли у матери, всю ночь просидѣлъ въ кутузкѣ, на утро, чѣмъ свѣтъ, выѣзжаетъ генералъ во всемъ нарядѣ на охоту, съѣлъ на коня, кругомъ него приживальщики, собаки, псари, ловчіе, всѣ на коняхъ. Вокругъ собрана дворня для назиданія, а впереди всѣхъ мать виновнаго мальчика. Выводятъ мальчика изъ кутузки. Мрачный, холодный, туманный осенній день, знатный для охоты. Мальчика генералъ велитъ раздѣть, ребеночка раздѣваютъ всего до нага, онъ дрожитъ, обезумѣлъ отъ страха, не смѣетъ пикнуть... Гони его! командуетъ генералъ, бѣги, бѣги! кричатъ ему псари, мальчикъ бѣжитъ... Ату его воетъ генералъ и бросаетъ на него всю стаю борзыхъ собакъ. Затравили въ глазахъ матери и псы растерзали ребенка въ клочки!.. Генерала, кажется, въ опеку взяли. Ну... что-же его?

Разстрѣлять? Для удовлетворенія нравственнаго чувства разстрѣлять? Говори, Алешка!

Разстрѣлять! тихо проговорилъ Алеша. съ болью, переко-сившеюся какою-то улыбкой поднявъ взоръ на брата.

Браво! завопилъ Иванъ въ какомъ-то восторгѣ,- ужь коли ты сказалъ. значитъ... Ай да схимникъ! Такъ вотъ какой у тебя бѣсенокъ въ сердечкѣ сидитъ, Алешка Карамазовъ!

— Я сказалъ нелѣпость, но...

То-то и есть, что но... кричалъ Иванъ. Знай, послушникъ, что нелѣпости слишкомъ нужны на землѣ. На нелѣпостяхъ міръ стоитъ и безъ нихъ, можетъ быть, въ немъ совсѣмъ ничего-бы и не произошло. Мы знаемъ что̀ знаемъ!

— Что̀ ты знаешь?

Я ничего не понимаю, продолжалъ Иванъ, какъ-бы въ бреду,—я и не хочу теперь ничего понимать. Я хочу оставаться при фактѣ. Я давно рѣшилъ не понимать. Если я захочу что нибудь понимать. то тотчасъ-же измѣню факту. а я рѣшилъ оста-ваться при фактѣ...

— Для чего ты меня испытуешь? съ надрывомъ горестно воскликнулъ Алеша, – скажешь-ли мнѣ, наконецъ?

— Конечно. скажу. къ тому и весь чтобы сказать. Ты мнѣ дорогъ, я тебя упустить не хочу и не уступлю твоему Зосимѣ.

Иванъ помолчалъ съ минуту, лицо его стало вдругъ очень грустно.

— Слушай меня: я взялъ однихъ дѣтокъ. для того, чтобы вы-шло очевидибе. Объ остальныхъ слезахъ человѣческихъ, которыми пропитана вся земля, отъ коры до центра —я ужь ни слова не го-ворю, я тему мою нарочно съузилъ. Я клонъ и признаю со всѣмъ приниженіемъ, что ничего не могу понять для чего все такъ устроено. Люди сами, значитъ, виноваты: имъ данъ былъ рай, они захотѣли свободы и похитили огонь съ небесъ, сами зная, что ста-нутъ несчастны. значитъ. нечего ихъ жалѣть. О, по моему, по жал-кому, земному эвклидовскому уму моему. я знаю лишь то. что страданіе есть, что виновныхъ нѣтъ. что все одно изъ другаго вы-ходитъ прямо и просто, что все течетъ и уравновѣшивается.—Но вѣдь это лишь эвклидовская дичь, вѣдь я знаю-же это, вѣдь жить по ней я не могу согласиться! Что̀ мнѣ въ томъ, что виновныхъ нѣтъ и что все прямо и просто одно изъ другаго выходитъ. и что я это знаю мнѣ надо возмездіе, иначе вѣдь я истреблю себя. И возмездіе не въ безконечности гдѣ нибудь и когда нибудь. а здѣсь уже на землѣ. и чтобъ я его самъ увидалъ. Я вѣровалъ, я хочу самъ и видѣть, а если къ тому часу буду уже мертвъ. то пусть

воскресять меня. ибо если все безъ меня произойдетъ, то будетъ слишкомъ обидно. Не для того-же я страдалъ, чтобы собою, злодѣйствами и страданіями моими унавозить кому-то будущую гармонію. Я хочу видѣть своими глазами какъ левъ ляжетъ подлѣ льва и какъ зарѣзанный встанетъ и обнимется съ убившимъ его. Я хочу быть тутъ когда всѣ вдругъ узнаютъ для чего все такъ было. На этомъ желаніи зиждутся всѣ религіи на землѣ, а я вѣрую. Но вотъ, однако-же, дѣти. и что я съ ними стану тогда дѣлать? Это вопросъ, который я не могу рѣшить. Въ сотый разъ повторяю. вопросовъ множество, но я взялъ однихъ дѣтокъ, потому что тутъ неотразимо ясно то, что мнѣ надо сказать. Слушай: если всѣ должны страдать, чтобы страданіемъ купить вѣчную гармонію, то при чемъ тутъ дѣти, скажи мнѣ, пожалуйста? Совсѣмъ не понятно для чего должны были страдать и они, и зачѣмъ имъ покупать страданіями гармонію? Для чего они-то тоже попали въ матеріалъ и унавозили собою для кого-то будущую гармонію? Солидарность въ грѣхѣ между людьми я понимаю, понимаю солидарность и въ возмездіи, но не съ дѣтьми-же солидарность въ грѣхѣ. и если правда въ самомъ дѣлѣ въ томъ, что и они солидарны съ отцами ихъ во всѣхъ злодѣйствахъ отцовъ. то, ужь конечно, правда эта не отъ міра сего и мнѣ непонятна. Иной шутникъ скажетъ, пожалуй, что все равно дитя вырастетъ и успѣетъ нагрѣшить, но вотъ-же онъ не вырослъ. его. восьмилѣтняго, затравили собаками. О. Алеша. я не богохульствую! Понимаю-же я какова должна быть сотрясеніе вселенной. когда все на небѣ и подъ землею сольется въ одинъ хвалебный гласъ и все живое и живше воскликнетъ: Правъ Ты, Господи. ибо открылись пути Твои! Ужь когда мать обнимется съ мучителемъ, растерзавшимъ псами сына ея и всѣ трое возгласятъ со слезами: Правъ Ты, Господи . то, ужь конечно, настанетъ вѣнецъ познанія и все объяснится. Но вотъ тутъ-то и запятая, этого-то я и не могу принять. И пока я на землѣ, я спѣшу взять свои мѣры. Видишь-ли. Алеша, вѣдь, можетъ быть, и дѣйствительно такъ случится, что когда я самъ доживу до того момента, или воскресну, чтобъ увидать его. То и самъ я, пожалуй, воскликну со всѣми, смотря на мать, обнявшуюся съ мучителемъ ея дитяти: Правъ Ты, Господи! но я не хочу тогда восклицать. Пока еще время, спѣшу оградить себя, а потому отъ высшей гармоніи совершенно отказываюсь. Не стоитъ она слезинки хотя-бы одного только того замученнаго ребенка, который билъ себя кулачонкомъ въ грудь и молился въ зловонной конурѣ своей неискупленными слезками своими къ Боженькѣ! Не стоитъ, потому что слезки его остались неискупленными. Онѣ должны быть искуплены, иначе не можетъ быть

и гармоніи. Но чѣмъ, чѣмъ ты искупишь ихъ? Развѣ это возможно? Неужто тѣмъ, что они будутъ отомщены? Но зачѣмъ мнѣ ихъ отмщеніе, зачѣмъ мнѣ адъ для мучителей, что̀ тутъ адъ можетъ поправить, когда тѣ уже замучены? И какая-же гармонія если адъ: я простить хочу и обнять хочу, я не хочу, чтобы страдали больше. И если страданія дѣтей пошли на пополненіе той суммы страданій, которая необходима была для покупки истины, то я утверждаю заранѣе, что вся истина не стоитъ такой цѣны. Не хочу я, наконецъ, чтобы мать обнималась съ мучителемъ, растерзавшимъ ея сына псами! Не смѣетъ она прощать ему! Если хочетъ пусть простить за себя, пусть простить мучителю материнское безмѣрное страданіе свое: но страданія своего растерзаннаго ребенка она не имѣетъ права простить, не смѣетъ простить мучителя, хотя-бы самъ ребенокъ простилъ ихъ ему! А если такъ, если они не смѣютъ простить, гдѣ-же гармонія? Есть-ли во всемъ мірѣ существо, которое могло-бы и имѣло право простить? Не хочу гармоніи, изъ-за любви къ человѣчеству не хочу. Я хочу оставаться лучше со страданіями неотомщенными. Лучше ужь я останусь при неотомщенномъ страданіи моемъ и неутоленномъ негодованіи моемъ, *хотя-бы я былъ и не правъ*. Да и слишкомъ дорого оцѣнили гармонію, не по карману нашему вовсе столько платить за входъ. А потому свой билетъ на входъ спѣшу возвратить обратно. И если только я честный человѣкъ, то обязанъ возвратить его какъ можно заранѣе. Это и дѣлаю. Не Бога я не принимаю. Алеша, я только билетъ Ему почтительнѣйше возвращаю.

— Это бунтъ, тихо и потупившись проговорилъ Алеша.

— Бунтъ? Я-бы не хотѣлъ отъ тебя такого слова, проникновенно сказалъ Иванъ. — Можно-ли жить бунтомъ, а я хочу жить. Скажи мнѣ самъ прямо, я зову тебя, — отвѣчай: представь, что это ты самъ возводишь зданіе судьбы человѣческой съ цѣлью въ финалѣ осчастливить людей, дать имъ, наконецъ, миръ и покой, но для этого необходимо и неминуемо предстояло-бы замучить всего лишь одно только крохотное созданьице, вотъ того самаго ребеночка, бившаго себя кулаченкомъ въ грудь и на неотомщенныхъ слезкахъ его основать это зданіе, согласился-ли-бы ты быть архитекторомъ на этихъ условіяхъ, скажи и не лги!

— Нѣтъ, не согласился-бы, тихо проговорилъ Алеша.

— И можешь-ли ты допустить идею, что люди, для которыхъ ты строишь, согласились-бы сами принять свое счастіе на неоправданной крови маленькаго замученнаго, а принявъ, остаться на вѣки счастливыми?

— Нѣтъ, не могу допустить. Братъ, проговорилъ вдругъ съ

засверкавшими глазами Алеша, — ты сказать сейчасъ: есть-ли во всемъ мірѣ Существо, которое могло-бы и имѣло право простить? Но Существо это есть, и Оно можетъ все простить, всѣхъ и вся *и за все*, потому что Само отдало неповинную кровь свою за всѣхъ и за все. Ты забылъ о Немъ, а на Немъ-то и созиждется зданіе и это Ему воскликнутъ: «Правъ Ты, Господи, ибо открылись пути Твои».

А, это Единый безгрѣшный, и Его кровь! Нѣтъ, не забылъ о Немъ и удивлялся, напротивъ, все время, какъ ты Его долго не выводишь, ибо обыкновенно въ спорахъ всѣ ваши Его выставляютъ прежде всего. Знаешь, Алеша, ты не смѣйся, я когда-то сочинилъ поэму, съ годъ назадъ. Если можешь потерять со мной еще минуть десять, то я-бъ ее тебѣ разсказалъ?

— Ты написалъ поэму?

— О, нѣтъ, не написалъ, засмѣялся Иванъ, — и никогда въ жизни я не сочинялъ даже двухъ стиховъ. Но я поэму эту выдумалъ и запомнилъ. Съ жаромъ выдумалъ. Ты будешь первый мой читатель, то есть слушатель. Зачѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, автору терять хоть единаго слушателя, усмѣхнулся Иванъ. — Разсказывать или нѣтъ?

— Я очень слушаю, произнесъ Алеша.

— Поэма моя называется «Великій Инквизиторъ», — вещь нелѣпая, но мнѣ хочется ее тебѣ сообщить.

V.

Великій инквизиторъ.

Вѣдь вотъ и тутъ безъ предисловія невозможно, — то есть безъ литературнаго предисловія, тьфу! засмѣялся Иванъ, — а какой ужъ я сочинитель! Видишь, дѣйствіе у меня происходитъ въ шестнадцатомъ столѣтіи, а тогда, — тебѣ, впрочемъ, это должно быть извѣстно еще изъ классовъ, — тогда какъ разъ было въ обычаѣ сводить въ поэтическихъ произведеніяхъ на землю горнія силы. Я ужъ про Данта не говорю. Во Франціи судейскіе клерки, а тоже и по монастырямъ монахи давали цѣлыя представленія, въ которыхъ выводили на сцену Мадонну, ангеловъ, святыхъ, Христа и самого Бога. Тогда все это было очень простодушно. Въ Notre Dame de Paris у Виктора Гюго въ честь рожденія французскаго дофина, въ Парижѣ, при Людовикѣ XI, въ залѣ ратуши дается назидательное и даровое представленіе народу подъ названіемъ: «Le bon jugement de la très sainte et gracieuse Vierge Marie», гдѣ и является Она

сама лично и произносить свой bon jugement. У насъ въ Москвѣ, въ до-Петровскую старину, такія-же почти драматическія представленія, изъ Ветхаго Завѣта особенно, тоже совершались по временамъ: но кромѣ драматическихъ представленій по всему міру ходило тогда много повѣстей и стиховъ, въ которыхъ дѣйствовали, по надобности, святые, ангелы и вся сила небесная. У насъ по монастырямъ занимались тоже переводами, списываніемъ и даже сочиненіемъ такихъ поэмъ, да еще когда— въ татарщину. Есть напримѣръ, одна монастырская поэмка (конечно, съ греческаго): *Хожденіе Богородицы по мукамъ*, съ картинами и со смѣлостью не ниже Дантовскихъ. Богоматерь посѣщаетъ адъ и руководитъ ее по мукамъ архангелъ Михаилъ. Она видитъ грѣшниковъ и мученія ихъ. Тамъ есть, между прочимъ, одинъ презанимательный разрядъ грѣшниковъ въ горящемъ озерѣ: которые изъ нихъ погружаются въ это озеро такъ, что ужъ и выплыть болѣе не могутъ, то тѣхъ уже забываетъ Богъ — выраженіе чрезвычайной глубины и силы. И вотъ, пораженная и плачущая Богоматерь падаетъ предъ престоломъ Божіимъ и проситъ всѣмъ во адѣ помилованія, всѣмъ которыхъ Она видѣла тамъ, безъ различія. Разговоръ Ея съ Богомъ колоссально интересенъ. Она умоляетъ, Она не отходитъ, и когда Богъ указываетъ Ей на прогвожденныя руки и ноги Ея Сына и спрашиваетъ: какъ Я прощу Его мучителей, то Она велитъ всѣмъ святымъ, всѣмъ мученикамъ, всѣмъ ангеламъ и архангеламъ пасть вмѣстѣ съ Нею и молить о помилованіи всѣхъ безъ разбора. Кончается тѣмъ, что Она вымаливаетъ у Бога остановку мукъ на всякій годъ отъ великой пятницы до Троицына дня, а грѣшники изъ ада тутъ-же благодарятъ Господа и вопіютъ къ Нему: Правъ Ты, Господи, что такъ судилъ. Ну вотъ и моя поэмка была-бы въ томъ-же родѣ, если-бъ явилась въ то время. У меня на сценѣ является Онъ: правда, Онъ ничего и не говоритъ въ поэмѣ, а только появляется и проходитъ. Пятнадцать вѣковъ уже минуло тому, какъ Онъ далъ обѣтованіе придти во царствіи своемъ, пятнадцать вѣковъ, какъ пророкъ Его написалъ: Се гряду скоро. О днѣ-же семъ и часѣ не знаетъ даже и Сынъ, токмо лишь Отецъ Мой небесный, какъ изрекъ Онъ и самъ еще на землѣ. Но человѣчество ждетъ Его съ прежнею вѣрой и съ прежнимъ умиленіемъ. О, съ большею даже вѣрой, ибо пятнадцать вѣковъ уже минуло съ тѣхъ поръ, какъ прекратились залоги съ небесъ человѣку:

Вѣдь тому что̀ сердце скажетъ
Нѣтъ залоговъ отъ небесъ.

И только одна лишь вѣра въ сказанное сердцемъ! Правда, было

тогда и много чудесъ. Были святые, производившіе чудесныя исцѣленія; къ инымъ праведникамъ, по жизнеописаніямъ ихъ, сходила сама Царица Небесная. Но дьяволъ не дремлетъ, и въ человѣчествѣ началось уже сомнѣніе въ правдивости этихъ чудесъ. Какъ разъ явилась тогда на сѣверѣ, въ Германіи, страшная новая ересь. Огромная звѣзда, подобная свѣтильнику (то есть церкви) пала на источники водъ и стали они горьки. Эти еретики стали богохульно отрицать чудеса. Но тѣмъ пламеннѣе вѣрятъ оставшіеся вѣрными. Слезы человѣчества восходятъ къ Нему по прежнему, ждутъ Его, любятъ Его, надѣются на Него, жаждутъ пострадать и умереть за Него, какъ и прежде... И вотъ столько вѣковъ молитъ человѣчество съ вѣрой и пламенемъ: Бо Господи явися намъ, столько вѣковъ взываетъ къ нему, что Онъ, въ неизмѣримомъ состраданіи своемъ, возжелалъ снизойдти къ молящимъ. Сходилъ, посѣщалъ Онъ и до этого иныхъ праведниковъ, мучениковъ и святыхъ отшельниковъ сще на землѣ, какъ и записано въ ихъ житіяхъ. У насъ Тютчевъ, глубоко вѣровавшій въ правду словъ своихъ, возвѣстилъ, что

Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
Въ рабскомъ видѣ Царь Небесный
Исходилъ, благословляя.

Что непремѣнно и было такъ, это я тебѣ скажу. И вотъ онъ возжелалъ появиться хоть на мгновенье къ народу,—къ мучающемуся, страдающему, смрадно-грѣшному, но младенчески любящему Его народу. Дѣйствіе у меня въ Испаніи, въ Севильѣ, въ самое страшное время инквизиціи, когда во славу Божію въ странѣ ежедневно горѣли костры и

Въ великолѣпныхъ автодафе
Сжигали злыхъ еретиковъ.

О, это конечно было не то сошествіе, въ которомъ явится Онъ, по обѣщанію своему, въ конецъ временъ, во всей славѣ небесной и которое будетъ внезапно, какъ молнія блистающая отъ востока до запада. Нѣтъ, Онъ возжелалъ хоть на мгновенье посѣтить дѣтей Своихъ и именно тамъ, гдѣ какъ разъ затрещали костры еретиковъ. По безмѣрному милосердію Своему, Онъ проходитъ еще разъ между людей въ томъ самомъ образѣ человѣческомъ, въ которомъ ходилъ три года между людьми пятнадцать вѣковъ назадъ. Онъ сошелъ на стогны жаркіе южнаго города, какъ разъ въ которомъ всего лишь наканунѣ въ великолѣпномъ автодафе, въ присутствіи короля, двора, рыцарей, кардиналовъ и прелестнѣйшихъ придворныхъ дамъ,

при многочисленномъ населеніи всей Севильи, была сожжена кардиналомъ, великимъ инквизиторомъ, разомъ чуть не цѣлая сотня еретиковъ ad majorem gloriam Dei. Онъ появился тихо, незамѣтно, и вотъ всѣ - странно это - узнаютъ Его. Это могло-бы быть одинимъ изъ лучшихъ мѣстъ поэмы, - то есть почему именно узнаютъ Его. Народъ неотразимою силой стремится къ Нему, окружаетъ Его, напираетъ кругомъ Него, слѣдуетъ за Нимъ. Онъ молча проходитъ среди ихъ съ тихою улыбкой безконечнаго состраданія. Солнце любви горитъ въ Его сердцѣ, лучи Свѣта, Просвѣщенія и Силы текутъ изъ очей Его и, изливаясь на людей, сотрясаютъ ихъ сердца отвѣтною любовью. Онъ простираетъ къ нимъ руки, благословляетъ ихъ, и отъ прикосновенія къ Нему, даже лишь къ одеждамъ Его, исходитъ цѣлящая сила. Вотъ изъ толпы восклицаетъ старикъ, слѣпой съ дѣтскихъ лѣтъ: «Господи, исцѣли меня, да и я Тебя узрю», и вотъ какъ-бы чешуя сходитъ съ глазъ его и слѣпой Его видитъ. Народъ плачетъ и цѣлуетъ землю, по которой идетъ Онъ. Дѣти бросаютъ предъ Нимъ цвѣты, поютъ и вопіютъ Ему: Осанна! «Это Онъ, это самъ Онъ, повторяютъ всѣ, это долженъ быть Онъ, это никто, какъ Онъ». Онъ останавливается на паперти Севильскаго собора въ ту самую минуту, когда во храмъ вносятъ съ плачемъ дѣтскій открытый бѣлый гробикъ: въ немъ семилѣтняя дѣвочка, единственная дочь одного знатнаго гражданина. Мертвый ребенокъ лежитъ весь въ цвѣтахъ. «Онъ воскреситъ твое дитя», кричатъ изъ толпы плачущей матери. Вышедшій на встрѣчу гроба соборный патеръ смотритъ въ недоумѣніи и хмуритъ брови. Но вотъ раздается вопль матери умершаго ребенка. Она повергается къ ногамъ Его: «Если это Ты, то воскреси дитя мое!» восклицаетъ она, простирая къ Нему руки. Процессія останавливается, гробикъ опускаютъ на паперть къ ногамъ Его. Онъ глядитъ съ состраданіемъ и уста Его тихо и еще разъ произносятъ: «Талифа куми» (и возста дѣвица). Дѣвочка подымается въ гробѣ, садится и смотритъ улыбаясь удивленными раскрытыми глазками кругомъ. Въ рукахъ ея букетъ бѣлыхъ розъ, съ которымъ она лежала во гробу. Въ народѣ смятеніе, крики, рыданія, и вотъ въ эту самую минуту вдругъ проходитъ мимо собора по площади самъ кардиналъ, великій инквизиторъ. Это девяностолѣтній почти старикъ, высокій и прямой, съ изсохшимъ лицомъ, со впалыми глазами, но изъ которыхъ еще свѣтится, какъ огненная искорка, блескъ. О, онъ не въ великолѣпныхъ кардинальскихъ одеждахъ своихъ, въ какихъ красовался вчера предъ народомъ, когда сжигали враговъ Римской вѣры, — нѣтъ, въ эту минуту онъ лишь въ старой, грубой монашеской своей рясѣ. За нимъ въ извѣстномъ разстояніи слѣдуютъ мрачные помощники и

рабы его и священная стража. Онъ останавливается предъ толпой и наблюдаетъ издали. Онъ все видѣлъ, онъ видѣлъ какъ поставили гробъ у ногъ Его, видѣлъ какъ воскресла дѣвица, и лицо его омрачилось. Онъ хмуритъ сѣдыя густыя брови свои и взглядъ его сверкаетъ зловѣщимъ огнемъ. Онъ простираетъ перстъ свой и велитъ стражамъ взять Его. И вотъ, такова его сила и до того уже пріученъ, покоренъ и трепетно послушенъ ему народъ, что толпа немедленно раздвигается предъ стражами и тѣ, среди гробоваго молчанія, вдругъ наступившаго, налагаютъ на Него руки и уводятъ Его. Толпа моментально, вся какъ одинъ человѣкъ, склоняется головами до земли предъ старцемъ-инквизиторомъ, тотъ молча благословляетъ народъ и проходитъ мимо. Стража приводитъ Плѣнника въ тѣсную и мрачную сводчатую тюрьму въ древнемъ зданіи Святаго Судилища и запираетъ въ нее. Проходитъ день, настаетъ темная, горячая и безвоздушная севильская ночь. Воздухъ лавромъ и лимономъ пахнетъ. Среди глубокаго мрака вдругъ отворяется желѣзная дверь тюрьмы и самъ старикъ великій инквизиторъ со свѣтильникомъ въ рукѣ медленно входитъ въ тюрьму. Онъ одинъ. Дверь за нимъ тотчасъ-же запирается. Онъ останавливается при входѣ и долго, минуту или двѣ, всматривается въ лицо Его. Наконецъ тихо подходитъ, ставитъ свѣтильникъ на столъ и говоритъ Ему:

— Это Ты? Ты? —Но не получая отвѣта, быстро прибавляетъ: Не отвѣчай, молчи. Да и что-бы Ты могъ сказать? Я слишкомъ знаю, что Ты скажешь. Да Ты и права не имѣешь ничего прибавить къ тому, что уже сказано Тобой прежде. Зачѣмъ-же Ты пришелъ намъ мѣшать? Ибо Ты пришелъ намъ мѣшать и самъ это знаешь. Но знаешь-ли, что будетъ завтра? Я не знаю, кто Ты и знать не хочу: Ты-ли это или только подобіе Его, но завтра-же я осужу и сожгу Тебя на кострѣ, какъ злѣйшаго изъ еретиковъ, и тотъ самый народъ, который сегодня цѣловалъ Твои ноги, завтра-же, по одному моему мановенію, бросится подгребать къ Твоему костру угли, знаешь Ты это? Да, Ты, можетъ быть, это знаешь, прибавилъ онъ въ проникновенномъ раздумьи, ни на мгновеніе не отрываясь взглядомъ отъ своего Плѣнника.

— Я не совсѣмъ понимаю, Иванъ, что это такое? улыбнулся, все время молча слушавшій, Алеша, прямо-ли безбрежная фантазія или какая нибудь ошибка старика, какое нибудь невозможное qui pro quo?

— Прими хоть послѣднее, разсмѣялся Иванъ, если ужъ тебя такъ разбаловалъ современный реализмъ, и ты не можешь вынести ничего фантастическаго—хочешь qui pro quo, то пусть такъ и будетъ. Оно правда, разсмѣялся онъ опять, старику девяносто лѣтъ

и онъ давно могъ сойдти съума на своей идеѣ. Иноинокъ-же могъ поразить его своею наружностью. Это могъ быть, наконецъ, просто бредъ, видѣніе девяностолѣтняго старика предъ смертью, да еще разгорячennаго вчераннимъ автодафе во сто сожженныхъ еретиковъ. Но не все-ли равно намъ съ тобою, что qui pro quo, что безбрежная фантазія? Тутъ дѣло въ томъ только, что старику надо высказаться, что, наконецъ, за всѣ девяносто лѣтъ онъ высказывается и говоритъ вслухъ то, о чемъ всѣ девяносто лѣтъ молчалъ.

— А Инокъ тоже молчитъ? Глядитъ на него и не говоритъ ни слова?

— Да такъ и должно быть, во всѣхъ даже случаяхъ, опять засмѣялся Иванъ.—Самъ старикъ замѣчаетъ Ему, что Онъ и права не имѣетъ ничего прибавлять къ тому, что уже прежде сказано. Если хочешь, такъ въ этомъ и есть самая основная черта римскаго католичества, по моему мнѣнію, по крайней мѣрѣ: все, дескать, передано Тобою папѣ и все, стало быть, теперь у папы, а Ты хоть и не приходи теперь вовсе, не мѣшай до времени, по крайней мѣрѣ. Въ этомъ смыслѣ они не только говорятъ, но и пишутъ, іезуиты, по крайней мѣрѣ. Это я самъ читалъ у нихъ богослововъ. Имѣешь-ли Ты право возвѣстить намъ хоть одну изъ тайнъ того міра, изъ котораго Ты пришелъ?»—спрашиваетъ его мой старикъ и самъ отвѣчаетъ Ему за Него. — нѣтъ, не имѣешь, чтобы не прибавлять къ тому, что уже было прежде сказано и чтобы не отнять у людей свободы, за которую Ты такъ стоялъ, когда былъ на землѣ. Все, что Ты вновь возвѣстишь, посягнетъ на свободу вѣры людей, ибо явится какъ чудо, а свобода ихъ вѣры Тебѣ была дороже всего еще тогда, полторы тысячи лѣтъ назадъ. Не Ты-ли такъ часто тогда говорилъ: Хочу сдѣлать васъ свободными . Но вотъ Ты теперь увидѣлъ этихъ свободныхъ людей, прибавляетъ вдругъ старикъ со вдумчивою усмѣшкой.— Да, это дѣло намъ дорого стоило. продолжаетъ онъ, строго смотря на Него,— но мы докончили, наконецъ, это дѣло, во имя Твое. Пятнадцать вѣковъ мучились мы съ этою свободой, но теперь это кончено и кончено крѣпко. Ты не вѣришь, что кончено крѣпко? Ты смотришь на меня кротко и не удостоиваешь меня даже негодованія? Но знай, что теперь, и именно нынѣ, эти люди увѣрены болѣе чѣмъ когда нибудь, что свободны вполнѣ, а между тѣмъ, сами-же они принесли намъ свободу свою и покорно положили ее къ ногамъ нашимъ. Но это сдѣлали мы, а того-ль Ты желалъ, такой-ли свободы?»

— Я опять не понимаю, прервалъ Алеша,—онъ иронизируетъ, смѣется?

Ни мало. Онъ именно ставитъ въ заслугу себѣ и своимъ,

что, наконецъ-то, они побороли свободу, и сдѣлали такъ для того, чтобы сдѣлать людей счастливыми. Ибо теперь только (то есть онъ, конечно, говоритъ про инквизицію) стало возможнымъ помыслить въ первый разъ о счастіи людей. Человѣкъ былъ устроенъ бунтовщикомъ: развѣ бунтовщики могутъ быть счастливыми? Тебя предупреждали, говоритъ онъ Ему, Ты не имѣлъ недостатка въ предупрежденіяхъ и указаніяхъ, но Ты не послушалъ предупрежденій, Ты отвергъ единственный путь, которымъ можно было устроить людей счастливыми, но, къ счастью, уходя, Ты передалъ дѣло намъ. Ты обѣщалъ, Ты утвердилъ своимъ словомъ, Ты далъ намъ право связывать и развязывать, и, ужъ конечно, не можешь и думать отнять у насъ это право теперь. Зачѣмъ-же Ты пришелъ намъ мѣшать?»

А что̀ значитъ: не имѣлъ недостатка въ предупрежденіи и указаніи? спросилъ Алеша.

А въ этомъ-то и состоитъ главное, что̀ старику надо высказать.

— Страшный и умный духъ, духъ самоуничтоженія и небытія, продолжаетъ старикъ,—великій духъ говорилъ съ Тобой въ пустынѣ и намъ передано въ книгахъ, что онъ будто-бы искушалъ Тебя. Такъ-ли это? И можно-ли было сказать хоть что нибудь истиннѣе того, что̀ онъ возвѣстилъ Тебѣ въ трехъ вопросахъ, и что̀ Ты отвергъ, и что̀ въ книгахъ названо искушеніями? А между тѣмъ, если было когда нибудь на землѣ совершенно настоящее, громовое чудо, то это въ тотъ день, въ день этихъ трехъ искушеній. Именно въ появленіи этихъ трехъ вопросовъ и заключалось чудо. Если-бы возможно было помыслить, лишь для пробы и для примѣра, что три эти вопроса страшнаго духа безслѣдно утрачены въ книгахъ и что ихъ надо возстановить, вновь придумать и сочинить, чтобъ внести опять въ книги, и для этого собрать всѣхъ мудрецовъ земныхъ — правителей, первосвященниковъ, ученыхъ, философовъ, поэтовъ, и задать имъ задачу: придумайте, сочините три вопроса, но такіе, которые мало того, что соотвѣтствовали-бы размѣру событія, но и выражали-бы сверхъ того, въ трехъ словахъ, въ трехъ только фразахъ человѣческихъ, всю будущую исторію міра и человѣчества — то думаешь-ли Ты, что вся премудрость земли, вмѣстѣ соединившаяся, могла-бы придумать хоть что нибудь подобное по силѣ и по глубинѣ тѣмъ тремъ вопросамъ, которые дѣйствительно были предложены Тебѣ тогда могучимъ и умнымъ духомъ въ пустынѣ? Ужъ по однимъ вопросамъ этимъ, лишь по чуду ихъ появленія, можно понимать, что имѣешь дѣло не съ человѣческимъ текущимъ умомъ, а съ вѣковѣчнымъ и абсолют-

нымъ. Ибо въ этихъ трехъ вопросахъ какъ-бы совокупилена въ одно цѣлое и предсказана вся дальнѣйшая исторія человѣческая и явлены три образа, въ которыхъ сойдутся всѣ неразрѣшимыя историческія противорѣчія человѣческой природы на всей землѣ. Тогда это не могло быть еще такъ видно, ибо будущее было невѣдомо, но теперь, когда прошло пятнадцать вѣковъ, мы видимъ, что все въ этихъ трехъ вопросахъ до того угадано и предсказано и до того оправдалось, что прибавить къ нимъ или убавить отъ нихъ ничего нельзя болѣе.

Рѣши-же Самъ, кто былъ правъ: Ты ли тотъ, который тогда вопрошалъ Тебя? Вспомни первый вопросъ: хоть и не буквально, но смыслъ его тотъ: „Ты хочешь идти въ міръ и идешь съ голыми руками, съ какимъ-то обѣтомъ свободы, котораго они, въ простотѣ своей и въ прирожденномъ безчинствѣ своемъ, не могутъ и осмыслить, котораго боятся они и страшатся, —ибо ничего и никогда не было для человѣка и для человѣческаго общества невыносимѣе свободы! А видишь-ли сіи камни въ этой нагой и раскаленной пустынѣ? Обрати ихъ въ хлѣбы, и за Тобой побѣжитъ человѣчество, какъ стадо, благодарное и послушное, хотя и вѣчно трепещущее, что Ты отымешь руку Свою и прекратятся имъ хлѣбы Твои. Но Ты не захотѣлъ лишить человѣка свободы и отвергъ предложеніе, ибо какая-же свобода, разсудилъ Ты, если послушаніе куплено хлѣбами? Ты возразилъ, что человѣкъ живъ не единымъ хлѣбомъ, но знаешь-ли, что во имя этого самаго хлѣба земнаго и возстанетъ на Тебя духъ земли и сразится съ Тобою и побѣдитъ Тебя и всѣ пойдутъ за нимъ, восклицая: „Кто подобенъ звѣрю сему, онъ далъ намъ огонь съ небесе!“ Знаешь-ли Ты, что пройдутъ вѣка и человѣчество провозгласитъ устами своей премудрости и науки, что преступленія нѣтъ, а, стало быть, нѣтъ и грѣха, а есть лишь только голодные. „Накорми, тогда и спрашивай съ нихъ добродѣтели!“ вотъ что напишутъ на знаменіи, которое воздвигнутъ противъ Тебя и которымъ разрушится храмъ Твой. На мѣстѣ храма Твоего воздвигнется новое зданіе, воздвигнется вновь страшная Вавилонская башня, и хотя и эта не достроится, какъ и прежняя, но все-же Ты-бы могъ избѣжать этой новой башни и на тысячу лѣтъ сократить страданія людей, —ибо къ намъ-же вѣдь придутъ они, промучившись тысячу лѣтъ со своею башней! Они отыщутъ насъ тогда опять подъ землей, въ катакомбахъ, скрывающихся (ибо мы будемъ вновь гонимы и мучимы), найдутъ насъ и возопіютъ къ намъ: „Накормите насъ, ибо тѣ, которые обѣщали намъ огонь съ небесе, его не дали“. И тогда уже мы и достроимъ ихъ башню, ибо достроитъ тотъ, кто накормитъ, а накормимъ лишь мы, во имя Твое,

и солжемъ, что во имя Твое. О, никогда, никогда безъ насъ они не накормятъ себя! Никакая наука не дастъ имъ хлѣба, пока они будутъ оставаться свободными, но кончится тѣмъ, что они принесутъ свою свободу къ ногамъ нашимъ и скажутъ намъ: „лучше поработите насъ, но накормите насъ“. Поймутъ, наконецъ, сами, что свобода и хлѣбъ земной вдоволь для всякаго вмѣстѣ немыслимы, ибо никогда, никогда не съумѣютъ они раздѣлиться между собою! Убѣдятся тоже, что не могутъ быть никогда и свободными, потому что малосильны, порочны, ничтожны и бунтовщики. Ты обѣщалъ имъ хлѣбъ небесный, но, повторяю опять, можетъ-ли онъ сравниться въ глазахъ слабаго, вѣчно порочнаго и вѣчно неблагороднаго людскаго племени съ земнымъ? И если за Тобою, во имя хлѣба небеснаго, пойдутъ тысячи и десятки тысячъ, то что станется съ милліонами и съ десятками тысячъ милліоновъ существъ, которыя не въ силахъ будутъ пренебречь хлѣбомъ земнымъ для небеснаго? Или Тебѣ дороги лишь десятки тысячъ великихъ и сильныхъ, а остальные милліоны, многочисленные какъ песокъ морской, слабыхъ, но любящихъ Тебя, должны лишь послужить матеріаломъ для великихъ и сильныхъ? Нѣтъ, намъ дороги и слабые. Они порочны и бунтовщики, но подъ конецъ они-то станутъ и послушными. Они будутъ дивиться на насъ и будутъ считать насъ за боговъ зато, что мы, ставъ во главѣ ихъ, согласились вынести свободу, которой они испугались, и надъ ними господствовать,—такъ ужасно имъ станетъ подъ конецъ быть свободными! Но мы скажемъ, что послушны Тебѣ и господствуемъ во имя Твое. Мы ихъ обманемъ опять, ибо Тебя мы уже не пустимъ къ себѣ. Въ обманѣ этомъ и будетъ заключаться наше страданіе, ибо мы должны будемъ лгать. Вотъ что значилъ этотъ первый вопросъ въ пустынѣ, и вотъ что Ты отвергъ во имя свободы, которую поставилъ выше всего. А между тѣмъ, въ вопросѣ этомъ заключалась великая тайна міра сего. Приявъ хлѣбы, Ты-бы отвѣтилъ на всеобщую и вѣковѣчную тоску человѣческую, какъ единоличнаго существа, такъ и цѣлаго человѣчества вмѣстѣ — это: предъ кѣмъ преклониться? Нѣтъ заботы безпрерывнѣе и мучительнѣе для человѣка, какъ, оставшись свободнымъ, сыскать поскорѣе того, предъ кѣмъ преклониться. Но ищетъ человѣкъ преклониться предъ тѣмъ, что уже безспорно, столь безспорно, чтобы всѣ люди разомъ согласились на всеобщее предъ нимъ преклоненіе. Ибо забота этихъ жалкихъ созданій не въ томъ только состоитъ, чтобы сыскать то, предъ чѣмъ мнѣ или другому преклониться, но чтобы сыскать такое, чтобъ и всѣ увѣровали въ него и преклонились предъ нимъ, и чтобы непремѣнно *всѣ вмѣстѣ*. Вотъ эта потребность *общности* преклоненія и есть

главнѣйшее мученіе каждаго человѣка единолично и какъ цѣлаго человѣчества съ начала вѣковъ. Изъ-за всеобщаго преклоненія они истребляли другъ друга мечомъ. Они созидали боговъ и взывали другъ къ другу: Бросьте вашихъ боговъ и придите поклониться нашимъ, не то смерть вамъ и богамъ вашимъ! И такъ будетъ до скончанія міра, даже и тогда, когда исчезнутъ въ міръ и боги: все равно, падутъ ницъ предъ идолами. Ты зналъ. Ты не могъ не знать эту основную тайну природы человѣческой, но Ты отвергъ единственное абсолютное знамя, которое предлагалось Тебѣ, чтобы заставить всѣхъ преклониться предъ Тобою безспорно, —знамя хлѣба земнаго, и отвергъ во имя свободы и хлѣба небеснаго. Взгляни-же, что сдѣлалъ Ты далѣе. И все опять во имя свободы! Говорю Тебѣ, что нѣтъ у человѣка заботы мучительнѣе, какъ найдти того, кому-бы передать поскорѣе тотъ даръ свободы, съ которымъ это несчастное существо рождается. Но овладѣвать свободой людей лишь тотъ, кто успокоитъ ихъ совѣсть. Съ хлѣбомъ Тебѣ давалось безспорное знамя: дашь хлѣбъ, и человѣкъ преклонится, ибо ничего нѣтъ безспорнѣе хлѣба, но если въ то-же время кто-нибудь овладѣетъ его совѣстью помимо Тебя, —о, тогда онъ даже броситъ хлѣбъ Твой и пойдетъ за тѣмъ, который обольститъ его совѣсть. Въ этомъ Ты былъ правъ. Ибо тайна бытія человѣческаго не въ томъ, чтобы только жить, а въ томъ, для чего жить. Безъ твердаго представленія себѣ, для чего ему жить, человѣкъ не согласится жить и скорѣй истребитъ себя, чѣмъ останется на землѣ, хотя-бы кругомъ его все были хлѣбы. Это такъ, но что-же вышло: вмѣсто того, чтобъ овладѣть свободой людей, Ты увеличилъ имъ ее еще больше! Или Ты забылъ, что спокойствіе и даже смерть человѣку дороже свободнаго выбора въ познаніи добра и зла? Нѣтъ ничего обольстительнѣе для человѣка, какъ свобода его совѣсти, но нѣтъ ничего и мучительнѣе. И вотъ вмѣсто твердыхъ основъ для успокоенія совѣсти человѣческой разъ навсегда — Ты взялъ все что есть необычайнаго, гадательнаго и неопредѣленнаго, взялъ все что было не по силамъ людей, а потому поступилъ какъ-бы и не любя ихъ вовсе,—и это кто-же: Тотъ, который пришелъ отдать за нихъ жизнь Свою! Вмѣсто того, чтобъ овладѣть людскою свободой, Ты умножилъ ее и обременилъ ея мученіями духовное царство человѣка во вѣки. Ты возжелалъ свободной любви человѣка, чтобы свободно пошелъ онъ за Тобою, прельщенный и плѣненный Тобою. Вмѣсто твердаго древняго закона, — свободнымъ сердцемъ долженъ былъ человѣкъ рѣшать впредь самъ, что добро и что зло, имѣя лишь въ руководствѣ Твой образъ предъ собою, — но неужели Ты не подумалъ, что онъ отвергнетъ-же, наконецъ, и оспоритъ даже и Твой образъ и Твою правду,

если его угнетутъ такимъ страшнымъ бременемъ, какъ свобода выбора? Они воскликнутъ, наконецъ, что правда не въ Тебѣ, ибо невозможно было оставить ихъ въ смятеніи и мученіи болѣе, чѣмъ сдѣлалъ Ты, оставивъ имъ столько заботъ и неразрѣшимыхъ задачъ. Такимъ образомъ, Самъ Ты и положилъ основаніе къ разрушенію Своего-же царства и не вини никого въ этомъ болѣе. А между тѣмъ, то-ли предлагалось Тебѣ? Есть три силы, единственныя три силы на землѣ, могущія на вѣки побѣдить и плѣнить совѣсть этихъ слабосильныхъ бунтовщиковъ, для ихъ счастія, эти силы: чудо, тайна и авторитетъ. Ты отвергъ и то и другое и третье и самъ подалъ примѣръ тому. Когда страшный и премудрый духъ поставилъ Тебя на вершинѣ храма и сказалъ Тебѣ: Если хочешь узнать Сынъ-ли Ты Божій, то вервись внизъ, ибо сказано про Того, что ангелы подхватятъ и понесутъ Его и не упадетъ и не расшибется, и узнаешь тогда Сынъ-ли Ты Божій и докажешь тогда, какова вѣра Твоя въ Отца Твоего , но Ты, выслушавъ, отвергъ предложеніе и не подался и не бросился внизъ. О, конечно, Ты поступилъ тутъ гордо и великолѣпно, какъ Богъ, но людямъ-то, но слабое бунтующее племя это —они-то боги-ли? О, Ты понялъ тогда, что сдѣлавъ лишь шагъ, лишь движеніе броситься внизъ Ты тотчасъ-бы и искусилъ Господа и вѣру въ Него всю потерялъ, и разбился-бы о землю, которую спасать пришелъ, и возрадовался-бы умный духъ, искушавшій Тебя. Но, повторяю, много-ли такихъ, какъ Ты? И неужели Ты въ самомъ дѣлѣ могъ допустить хоть минуту, что и людямъ будетъ подъ силу подобное искушеніе? Такъ-ли создана природа человѣческая, чтобъ отвергнуть чудо и въ такіе страшные моменты жизни, моменты самыхъ страшныхъ основныхъ и мучительныхъ душевныхъ вопросовъ своихъ оставаться лишь со свободнымъ рѣшеніемъ сердца? О, Ты зналъ, что подвигъ Твой сохранится въ книгахъ, достигнетъ глубины временъ и всѣхъ концовъ предѣловъ земли, и понадѣялся, что, слѣдуя Тебѣ, и человѣкъ останется съ Богомъ, не нуждаясь въ чудѣ. Но Ты не зналъ, что чуть лишь человѣкъ отвергнетъ чудо, то тотчасъ отвергнетъ и Бога, ибо человѣкъ ищетъ не столько Бога, сколько чудесъ. И такъ какъ человѣкъ оставаться безъ чуда не въ силахъ, то насоздастъ себѣ новыхъ чудесъ, уже собственныхъ, и поклонится уже знахарскому чуду, бабьему колдовству, хотя-бы онъ сто разъ былъ бунтовщикомъ, еретикомъ и безбожникомъ. Ты не сошелъ со креста, когда кричали Тебѣ, издѣваясь и дразня Тебя: Сойди со креста и увѣруемъ, что это Ты . Ты не сошелъ потому, что, опять-таки, не захотѣлъ поработить человѣка чудомъ, и жаждалъ свободной вѣры, а не чудесной. Жаждалъ свободной любви, а не рабскихъ восто-

говъ невольника предъ могуществомъ, разъ навсегда его ужаснувшимъ. Но и тутъ Ты судилъ о людяхъ слишкомъ высоко, ибо, конечно, они невольники, хотя и созданы бунтовщиками. Озрись и суди, вотъ прошло пятнадцать вѣковъ, поди посмотри на нихъ: кого Ты возвелъ до Себя? Клянусь, человѣкъ слабѣе и ниже созданъ чѣмъ Ты о немъ думалъ! Можетъ-ли, можетъ-ли онъ исполнить то, что и Ты? Столь уважая его, Ты поступилъ какъ-бы переставъ ему сострадать, потому что слишкомъ много отъ него и потребовалъ, — и это кто-же, Тотъ, который возлюбилъ его болѣе самого Себя! Уважая его менѣе, менѣе-бы отъ него и потребовалъ, а это было-бы ближе къ любви, ибо легче была-бы ноша его. Онъ слабъ и подлъ. Что въ томъ, что онъ теперь повсемѣстно бунтуетъ противъ нашей власти и гордится, что онъ бунтуетъ? Это гордость ребенка и школьника. Это маленькія дѣти, взбунтовавшіяся въ классѣ и выгнавшія учителя. Но придетъ конецъ и восторгу ребятишекъ, онъ будетъ дорого стоить имъ. Они ниспровергнутъ храмы и зальютъ кровью землю. Но догадаются, наконецъ, глупыя дѣти, что хоть они и бунтовщики, но бунтовщики слабосильные, собственнаго бунта своего не выдерживающіе. Обливаясь глупыми слезами своими, они сознаются, наконецъ, что создавшій ихъ бунтовщиками, безъ сомнѣнія, хотѣлъ посмѣяться надъ ними. Скажутъ это они въ отчаяніи и сказанное ими будетъ богохульствомъ, отъ котораго они станутъ еще несчастнѣе, ибо природа человѣческая не выноситъ богохульства, и въ концѣ концовъ сама-же себѣ всегда и отмститъ за него. Итакъ неспокойство, смятеніе и несчастіе - вотъ теперешній удѣлъ людей послѣ того, какъ Ты столь претерпѣлъ за свободу ихъ! Великій пророкъ Твой въ видѣніи и въ иносказаніи говоритъ, что видѣлъ всѣхъ участниковъ перваго воскресенія и что было ихъ изъ каждаго колѣна по двѣнадцати тысячъ. Но если было ихъ столько, то были и они какъ-бы не люди, а боги. Они вытерпѣли Крестъ Твой, они вытерпѣли десятки лѣтъ голодной и нагой пустыни, питаясь акридами и кореньями, — и, ужъ конечно, Ты можешь съ гордостью указать на этихъ дѣтей свободы, свободной любви, свободной и великолѣпной жертвы ихъ во имя Твое. Но вспомни, что ихъ было всего только нѣсколько тысячъ, да и то боговъ, а остальные? И чѣмъ виноваты остальные слабые люди, что не могли вытерпѣть того, что могучіе? Чѣмъ виновата слабая душа, что не въ силахъ вмѣстить столь страшныхъ даровъ? Да неужто-же и впрямь приходилъ Ты лишь къ избраннымъ и для избранныхъ? Но если такъ, то тутъ тайна и намъ не понять ея. А если тайна, то и мы въ правѣ были проповѣдывать тайну и учить ихъ, что не свободное рѣшеніе сердецъ ихъ важно и не любовь, а тайна, которой они

повиноваться должны слѣпо, даже мимо ихъ совѣсти. Такъ мы и сдѣлали. Мы исправили подвигъ Твой и основали его на *чудѣ, тайнѣ* и *авторитетѣ*. И люди обрадовались, что ихъ вновь повели какъ стадо, и что съ сердецъ ихъ снятъ, наконецъ, столь страшный даръ, принесшій имъ столько муки. Нравы мы были, учa и дѣлая такъ, скажи? Неужели мы не любили человѣчества, столь смиренно сознавъ его безсиліе, съ любовію облегчивъ его ношу и разрѣшивъ слабосильною природѣ его, хотя-бы и грѣхъ, но съ нашего позволенія? Къ чему-же теперь пришелъ намъ мѣшать? И что Ты молча и проникновенно глядишь на меня кроткими глазами Своими? Разсердись, я не хочу любви Твоей, потому что самъ не люблю Тебя. И что́ мнѣ скрывать отъ Тебя? Или я не знаю съ кѣмъ говорю? То, что́ имѣю сказать Тебѣ, все Тебѣ уже извѣстно, я читаю это въ глазахъ Твоихъ. И я-ли скрою отъ Тебя тайну нашу? Можетъ быть. Ты именно хочешь услышать ее изъ устъ моихъ, слушай-же: Мы не съ Тобою, а съ *нимъ*, вотъ наша тайна! Мы давно уже не съ Тобою, а съ *нимъ*, уже восемь вѣковъ. Ровно восемь вѣковъ назадъ какъ мы взяли отъ него то, что́ Ты съ негодованіемъ отвергъ, тотъ послѣдній даръ, который онъ предлагалъ Тебѣ, показавъ Тебѣ всѣ царства земныя: мы взяли отъ него Римъ и мечъ Кесаря и объявили лишь себя царями земными, царями единными, хотя и донынѣ не успѣли еще привести наше дѣло къ полному окончанію. Но кто виноватъ? О, дѣло это до сихъ поръ лишь въ началѣ, но оно началось. Долго еще ждать завершенія его и еще много выстрадаетъ земля, но мы достигнемъ и будемъ Кесарями, и тогда уже помыслимъ о всемірномъ счастіи людей. А между тѣмъ Ты-бы могъ еще и тогда взять мечъ Кесаря. Зачѣмъ ты отвергъ этотъ послѣдній даръ? Приявъ этотъ третій совѣтъ могучаго духа. Ты восполнилъ-бы все, чего ищетъ человѣкъ на землѣ, то есть: предъ кѣмъ преклониться, кому вручить совѣсть и какимъ образомъ соединиться, наконецъ, всѣмъ въ безспорный общій и согласный муравейникъ, ибо потребность всемірнаго соединенія есть третье и послѣднее мученіе людей. Всегда человѣчество въ цѣломъ своемъ стремилось устроиться непремѣнно всемірно. Много было великихъ народовъ съ великою исторіей, но чѣмъ выше были эти народы, тѣмъ были и несчастнѣе, ибо сильнѣе другихъ сознавали потребность всемірности соединенія людей. Великіе завователи, Тимуры и Чингис-ханы, пролетѣли какъ вихрь по землѣ, стремясь завоевать вселенную, но и тѣ, хотя и безсознательно, выразили ту-же самую великую потребность человѣчества ко всемірному и всеобщему единенію. Приявъ міръ и порфиру Кесаря, основалъ-бы всемірное царство и далъ всемірный покой. Ибо кому-же владѣть людьми, какъ не тѣмъ, которые вла-

дѣють ихъ совѣстью и въ чьихъ рукахъ хлѣбы ихъ. Мы и взяли мечъ Кесаря, а взявъ его, конечно отвергли Тебя и пошли за *нимъ*. О, пройдутъ еще вѣка безчинства свободнаго ума, ихъ науки и антропофагіи, потому что, начавъ возводить свою Вавилонскую башню безъ насъ, они кончатъ антропофагіей. Но тогда-то и приползетъ къ намъ звѣрь и будетъ лизать ноги наши и обрызжетъ ихъ кровавыми слезами изъ глазъ своихъ. И мы сядемъ на звѣря и воздвигнемъ чашу и на ней будетъ написано: „Тайна!“ Но тогда лишь и тогда настанетъ для людей царство покоя и счастія. Ты гордишься своими избранниками, но у Тебя лишь избранники, а мы успокоимъ всѣхъ. Да и такъ-ли еще: сколь многіе изъ этихъ избранниковъ, изъ могучихъ, которые могли-бы стать избранниками, устали, ожидая Тебя, и понесли и еще понесутъ силы духа своего и жаръ сердца своего на иную ниву и кончатъ тѣмъ, что на Тебя-же и воздвигнутъ *свободное* знамя свое. Но Ты самъ воздвигъ это знамя. У насъ-же всѣ будутъ счастливы и не будутъ болѣе ни бунтовать, ни истреблять другъ друга, какъ въ свободѣ Твоей, повсемѣстно. О, мы убѣдимъ ихъ, что они тогда только и станутъ свободными, когда откажутся отъ свободы своей для насъ и намъ покорятся. И что-же, правы мы будемъ или солжемъ? Они сами убѣдятся, что правы, ибо вспомнятъ до какихъ ужасовъ рабства и смятенія доводила ихъ свобода Твоя. Свобода, свободный умъ и наука заведутъ ихъ въ такія дебри, и поставятъ предъ такими чудами и неразрѣшимыми тайнами, что одни изъ нихъ, непокорные и свирѣпые, истребятъ себя самихъ, другіе непокорные, но малосильные, истребятъ другъ друга, а третьи оставшіеся, слабосильные и несчастные, приползутъ къ ногамъ нашимъ, и возопіютъ къ намъ: „Да, вы были правы, вы одни владѣли тайной Его, и мы возвращаемся къ вамъ, спасите насъ отъ себя самихъ“. Получая отъ насъ хлѣбы, конечно, они ясно будутъ видѣть, что мы ихъ-же хлѣбы, ихъ-же руками добытые, беремъ у нихъ чтобы имъ-же раздать, безъ всякаго чуда, увидятъ, что не обратили мы камней въ хлѣбы, но во истину болѣе чѣмъ самому хлѣбу рады они будутъ тому, что получаютъ его изъ рукъ нашихъ! Ибо слишкомъ будутъ помнить, что прежде, безъ насъ, самые хлѣбы, добытые ими, обращались въ рукахъ ихъ лишь въ камни, а когда они воротились къ намъ, то самые камни обратились въ рукахъ ихъ въ хлѣбы. Слишкомъ, слишкомъ оцѣнятъ они, что̀ значитъ разъ навсегда подчиниться! И пока люди не поймутъ сего они будутъ несчастны. Кто болѣе всего способствовалъ этому непониманію, скажи? Кто раздробилъ стадо и разсѣялъ его Но путямъ невѣдомымъ? Но стадо вновь соберется, и вновь покорится, и уже разъ навсегда. Тогда мы дадимъ имъ тихое,

смиренное счастье, счастье слабосильныхъ существъ, какими они и созданы. О, мы убѣдимъ ихъ, наконецъ, не гордиться, ибо Ты возвысилъ ихъ, и тѣмъ научилъ гордиться! Докажемъ имъ, что они слабосильны, что они только жалкія дѣти, но что дѣтское счастье сладче всякаго. Они станутъ робки и станутъ смотрѣть на насъ и прижиматься къ намъ въ страхѣ, какъ птенцы къ наседкѣ. Они будутъ дивиться и ужасаться на насъ и гордиться тѣмъ, что мы такъ могучи и такъ умны, что могли усмирить такое буйное тысячемилліонное стадо. Они будутъ разслабленно трепетать гнѣва нашего, умы ихъ оробѣютъ, глаза ихъ станутъ слезоточивы, какъ у дѣтей и женщинъ, но столь-же легко будутъ переходить они по нашему мановенію къ веселью и къ смѣху, свѣтлой радости и счастливой дѣтской пѣснѣ. Да, мы заставимъ ихъ работать, но въ свободные отъ труда часы мы устроимъ имъ жизнь, какъ дѣтскую игру, съ дѣтскими пѣснями, хоромъ, съ невинными плясками. О, мы разрѣшимъ имъ и грѣхъ, они слабы и безсильны, и они будутъ любить насъ какъ дѣти за то, что мы имъ позволимъ грѣшить. Мы скажемъ имъ, что всякій грѣхъ будетъ искупленъ, если сдѣланъ будетъ съ нашего позволенія; позволимъ-же имъ грѣшить потому, что ихъ любимъ, наказаніе-же за эти грѣхи, такъ и быть, возьмемъ на себя. И возьмемъ на себя, а насъ они будутъ обожать, какъ благодѣтелей, понесшихъ на себѣ ихъ грѣхи предъ Богомъ. И не будетъ у нихъ никакихъ отъ насъ тайнъ. Мы будемъ позволять или запрещать имъ жить съ ихъ женами и любовницами, имѣть или не имѣть дѣтей, — все судя по ихъ послушанію, и они будутъ намъ покоряться съ весельемъ и радостью. Самыя мучительныя тайны ихъ совѣсти, — все, все понесутъ они намъ, и мы все разрѣшимъ, и они повѣрятъ рѣшенію нашему съ радостію, потому, что оно избавитъ ихъ отъ великой заботы и страшныхъ теперешнихъ мукъ рѣшенія личнаго и свободнаго. И всѣ будутъ счастливы, всѣ милліоны существъ, кромѣ сотни тысячъ управляющихъ ими. Ибо лишь мы, мы хранящіе тайну, только мы будемъ несчастны. Будетъ тысячи милліоновъ счастливыхъ младенцевъ, и сто тысячъ страдальцевъ, взявшихъ на себя проклятіе познанія добра и зла. Тихо умрутъ они, тихо угаснутъ во имя Твое, и за гробомъ обрящутъ лишь смерть. Но мы сохранимъ секретъ, и для ихъ-же счастія будемъ манить ихъ наградой небесною и вѣчною. Ибо если-бъ и было что на томъ свѣтѣ, то, ужь конечно, не для такихъ, какъ они. Говорятъ и пророчествуютъ, что Ты придешь, и вновь побѣдишь, придешь со своими избранниками, со своими гордыми и могучими, но мы скажемъ, что они спасли лишь самихъ себя, а мы спасли всѣхъ. Говорятъ, что опозорена будетъ блудница сидящая на звѣрѣ, и держащая въ рукахъ своихъ *тайну*.

что взбунтуются вновь малосильные, что разорвутъ порфиру ея, и обнажатъ ея гадкое тѣло. Но я тогда встану, и укажу Тебѣ на тысячи милліоновъ счастливыхъ младенцевъ не знавшихъ грѣха, И мы, взявшіе грѣхи ихъ, для счастья ихъ, на себя, мы станемъ предъ Тобой и скажемъ: Суди насъ, если можешь и смѣешь. Знай, что я не боюсь Тебя. Знай, что и я былъ въ пустынѣ, что и я питался акридами и кореньями, что и я благословлялъ свободу, которою Ты благословилъ людей, и я готовился стать въ число избранниковъ Твоихъ, въ число могучихъ и сильныхъ съ жаждой восполнить число. Но я очнулся и не захотѣлъ служить безумію. Я воротился и примкнулъ къ сонму тѣхъ, которые *исправили подвигъ Твой*. Я ушелъ отъ гордыхъ, и воротился къ смиреннымъ для счастья этихъ смиренныхъ. То что я говорю Тебѣ сбудется и царство наше созиждется. Повторяю Тебѣ, завтра-же Ты увидишь это послушное стадо, которое по первому мановенію моему бросится подгребать горячіе угли къ костру Твоему, на которомъ сожгу Тебя зато что пришелъ намъ мѣшать. Ибо если былъ, кто всѣхъ болѣе заслуживалъ нашъ костеръ, то это Ты. Завтра сожгу тебя. Dixi.

Иванъ остановился. Онъ разгорячился, говоря, и говорилъ съ увлеченіемъ; когда-же кончилъ, то вдругъ улыбнулся.

Алеша, все слушавшій его молча, подъ конецъ-же, въ чрезвычайномъ волненіи, много разъ пытавшійся перебить рѣчь брата, но видимо себя сдерживавшій, вдругъ заговорилъ, точно сорвался съ мѣста.

— Но... это нелѣпость! вскричалъ онъ, краснѣя.—Поэма твоя есть хвала Іисусу, а не хула... какъ ты хотѣлъ того. И кто тебѣ повѣритъ о свободѣ? Такъ-ли, такъ-ли надо ее понимать! То-ли понятіе въ православіи... Это Римъ, да и Римъ не весь, это неправда.—это худшіе изъ католичества, инквизиторы, іезуиты!.. Да и совсѣмъ не можетъ быть такого фантастическаго лица, какъ твой инквизиторъ. Какіе это грѣхи людей взятые на себя? Какіе это носители тайны, взявшіе на себя какое-то проклятіе для счастія людей? Когда они видены? Мы знаемъ іезуитовъ, про нихъ говорятъ дурно, но то-ли они что у тебя? Совсѣмъ они не то, вовсе не то... Они просто римская армія для будущаго всемірнаго земнаго царства, съ императоромъ—римскимъ первосвященникомъ во главѣ... вотъ ихъ идеалъ, но безо всякихъ тайнъ и возвышенной грусти... Самое простое желаніе власти, земныхъ грязныхъ благъ, порабощенія... въ родѣ будущаго крѣпостнаго права, съ тѣмъ, что они станутъ помѣщиками... вотъ и все у нихъ. Они и въ Бога не вѣруютъ, можетъ быть. Твой страдающій инквизиторъ—одна фантазія...

— Да стой, стой, смѣялся Иванъ.—какъ ты разгорячился. Фан-

тазія. говоришь ты, пусть! Конечно, фантазія. Но позволь, однако: неужели ты въ самомъ дѣлѣ думаешь, что все это католическое движеніе послѣднихъ вѣковъ есть и въ самомъ дѣлѣ одно лишь желаніе власти для однихъ только грязныхъ благъ. Ужь не отецъ-ли Паисій такъ тебя учитъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, напротивъ, отецъ Паисій говорилъ однажды что-то въ родѣ даже твоего... но, конечно, не то, совсѣмъ не то, спохватился вдругъ Алеша.

— Драгоцѣнное, однако-же, свѣдѣніе, не смотря на твое: совсѣмъ не то . Я именно спрашиваю тебя, почему твои іезуиты и инквизиторы совокупились для однихъ только матеріальныхъ скверныхъ благъ? Почему среди нихъ не можетъ случиться ни одного страдальца, мучимаго великою скорбью и любящаго человѣчество? Видишь: предположи, что явился хотя одинъ изъ всѣхъ этихъ желающихъ однихъ только матеріальныхъ и грязныхъ благъ -хоть одинъ только такой, какъ мой старикъ инквизиторъ, который самъ ѣлъ коренья въ пустынѣ. и обѣсновался побѣждая плоть свою, чтобы сдѣлать себя свободнымъ и совершеннымъ, но однако-же всю жизнь свою любивній человѣчество и вдругъ прозрѣвшій и увидавшій, что невелико нравственное блаженство достигнуть совершенства воли съ тѣмъ, чтобы въ тоже время убѣдиться, что милліоны остальныхъ существъ Божіихъ остались устроенными лишь въ насмѣшку. что никогда не въ силахъ они будутъ справиться со своею свободой, что изъ жалкихъ бунтовщиковъ никогда не выйдетъ великановъ для завершенія башни, что не для такихъ гусей великій идеалистъ мечталъ о своей гармоніи. Появъ все это, онъ воротился и примкнулъ... къ умнымъ людямъ. Неужели этого не могло случиться?

— Къ кому примкнулъ, къ какимъ умнымъ людямъ? почти въ азартѣ воскликнулъ Алеша.—Никакого у нихъ нѣтъ такого ума, и никакихъ такихъ тайнъ и секретовъ... Одно только развѣ безбожіе, вотъ и весь ихъ секретъ. Инквизиторъ твой не вѣруетъ въ Бога. вотъ и весь его секретъ!

— Хотя-бы и такъ! Наконецъ-то ты догадался. И дѣйствительно такъ, дѣйствительно только въ этомъ и весь секретъ, но развѣ это не страданіе, хотя-бы для такого, какъ онъ, человѣка, который всю жизнь свою убилъ на подвигъ въ пустынѣ и не излѣчился отъ любви къ человѣчеству? На закатѣ дней своихъ онъ убѣждается ясно, что лишь совѣты великаго страшнаго духа могли-бы хоть сколько нибудь устроить въ сносномъ порядкѣ малосильныхъ бунтовщиковъ, «недодѣланныя пробныя существа, созданныя въ насмѣшку . И вотъ, убѣдясь въ этомъ, онъ видитъ, что надо идти по указанію умнаго духа, страшнаго духа смерти и разрушенія, а

для того принять ложь и обманъ, и вести людей уже сознательно къ смерти и разрушенію и притомъ обманывать ихъ всю дорогу, чтобъ они какъ нибудь не замѣтили куда ихъ ведутъ, для того, чтобы хоть въ дорогѣ-то жалкіе эти слѣпцы считали себя счастливыми. И замѣть себѣ, обманъ во имя Того, въ идеалъ котораго столь страстно вѣровалъ старикъ во всю свою жизнь! Развѣ это не несчастье? И если-бы хоть одинъ такой очутился во главѣ всей этой арміи, жаждущей власти для однихъ только грязныхъ благъ, — то неужели-же не довольно хоть одного такого, чтобы вышла трагедія? Мало того: довольно и одного такого, стоящаго во главѣ, чтобы нашлась, наконецъ, настоящая руководящая идея всего римскаго дѣла, со всѣми его аріями и іезуитами, высшая идея этого дѣла. Я тебѣ прямо говорю, что я твердо вѣрую, что этотъ единый человѣкъ и не оскудѣвалъ никогда между стоящими во главѣ движенія. Кто знаетъ, можетъ быть, случались и между римскими первосвященниками эти единые. Кто знаетъ, можетъ быть, этотъ проклятый старикъ, столь упорно и столь по своему любящій человѣчество, существуетъ и теперь въ видѣ цѣлаго сонма многихъ такихъ единыхъ стариковъ и не случайно вовсе, а существуетъ какъ согласіе, какъ тайный союзъ, давно уже устроенный для храненія тайны, для храненія ея отъ несчастныхъ и малосильныхъ людей, съ тѣмъ, чтобы сдѣлать ихъ счастливыми. Это непремѣнно есть, да и должно такъ быть. Мнѣ мерещится, что даже у масоновъ есть что нибудь въ родѣ этой-же тайны въ основѣ ихъ, и что потому католики такъ и ненавидятъ масоновъ, что видятъ въ нихъ конкуррентовъ, раздробленіе единства идеи, тогда какъ должно быть едино стадо и единъ пастырь... Впрочемъ, защищая мою мысль, я имѣю видъ сочинителя, не выдержавшаго твоей критики. Довольно объ этомъ.

— Ты, можетъ быть, самъ масонъ! вырвалось вдругъ у Алеши.— Ты не вѣришь въ Бога, прибавилъ онъ, но уже съ чрезвычайною скорбью. Ему показалось къ тому-же, что братъ смотритъ на него съ насмѣшкой. — Чѣмъ-же кончается твоя поэма? спросилъ онъ вдругъ, смотря въ землю,—или ужь она кончена?

Я хотѣлъ ее кончить такъ: когда инквизиторъ умолкъ, то нѣкоторое время ждетъ, что Плѣнникъ его ему отвѣтитъ. Ему тяжело Его молчаніе. Онъ видѣлъ какъ Узникъ все время слушалъ его проникновенно и тихо смотря ему прямо въ глаза, и видимо не желая ничего возражать. Старику хотѣлось-бы, чтобы тотъ сказалъ ему что нибудь, хотя-бы и горькое, страшное. Но Онъ вдругъ молча приближается къ старику и тихо пѣлуетъ его въ его безкровныя девяностолѣтнія уста. Вотъ и весь отвѣтъ. Старикъ вздрагиваетъ.

Что-то шевельнулось въ концахъ губъ его; онъ идетъ къ двери, отворяетъ ее и говоритъ Ему: «ступай и не приходи болѣе... не приходи вовсе... никогда, никогда! И выпускаетъ его на «темныя стогна града». Нлѣнникъ уходитъ.

— А старикъ?

— Поцѣлуй горитъ на его сердцѣ, но старикъ остается въ прежней идеѣ.

И ты вмѣстѣ съ нимъ, и ты? горестно воскликнулъ Алеша. Иванъ засмѣялся.

— Да вѣдь это-же вздоръ, Алеша, вѣдь это только безтолковая поэма безтолковаго студента, который никогда двухъ стиховъ не написалъ. Къ чему ты въ такой серіозъ берешь? Ужь не думаешь-ли ты, что я прямо поѣду теперь туда, къ іезуитамъ, чтобы стать въ сонмъ людей поправляющихъ Его подвигъ? О, Господи, какое мнѣ дѣло! Я вѣдь тебѣ сказалъ: мнѣ-бы только до тридцати лѣтъ дотянуть, а тамъ,—кубокъ объ полъ!

— А клейкіе листочки, а дорогія могилы, а голубое небо, а любимая женщина! Какъ-же жить-то будешь, чѣмъ ты любить-то ихъ будешь? горестно восклицалъ Алеша.—Съ такимъ адомъ въ груди и въ головѣ развѣ это возможно? Нѣтъ, именно ты хочешь чтобы къ нимъ примкнуть... а если нѣтъ, то убьешь себя самъ, а не выдержишь!

— Есть такая сила, что все выдержитъ! съ холодною усмѣшкою проговорилъ Иванъ.

— Какая сила?

— Карамазовская... сила низости Карамазовской.

— Это потонуть въ развратѣ, задавить душу въ растлѣніи, да, да?

— Пожалуй и это... только до тридцати лѣтъ, можетъ быть, я избѣгну, а тамъ...

Какъ-же избѣгнешь? Чѣмъ избѣгнешь? Это невозможно съ твоими мыслями.

— Опять таки по Карамазовски.

— Это чтобы все позволено? Все позволено, такъ-ли, такъ-ли? Иванъ нахмурился и вдругъ странно какъ-то поблѣднѣлъ.

— А, это ты подхватилъ вчерашнее словцо, которымъ такъ обидѣлся Міусовъ... и что такъ наивно выскочилъ и переговорилъ братъ Дмитрій? криво усмѣхнулся онъ. Да, пожалуй: все позволено, если ужь слово произнесено. Не отрекаюсь. Да и редакція Митинькина не дурна.

Алеша молча глядѣлъ на него.

Я, братъ, убѣжая, думалъ, что имѣю на всемъ свѣтѣ хоть

тебя, съ неожиданнымъ чувствомъ проговорилъ вдругъ Иванъ,— а теперь вижу, что и въ твоемъ сердцѣ мнѣ нѣтъ мѣста, мой милый отшельникъ. Отъ формулы: все позволено — я не отрекусь, ну и что-же, за это ты отъ меня отречешься, да, да?

Алеша всталъ, подошелъ къ нему, и молча, тихо поцѣловалъ его въ губы.

„Литературное воровство! вскричалъ Иванъ, переходя вдругъ въ какой-то восторгъ. „это ты укралъ изъ моей поэмы! Спасибо, однако. Вставай, Алеша, идемъ, пора и мнѣ, и тебѣ.

Они вышли, но остановились у крыльца трактира.

— Вотъ что, Алеша, проговорилъ Иванъ твердымъ голосомъ, — если въ самомъ дѣлѣ хватитъ меня на клейкіе листочки, то любить ихъ буду лишь тебя вспоминая. „Довольно мнѣ того, что ты тутъ гдѣ-то есть, и жить еще не разхочу. „Довольно этого тебѣ? Если хочешь, прими хоть за объясненіе въ любви. А теперь, ты направо, я налѣво — и довольно, слышишь, довольно. То есть, если я-бы завтра и не уѣхалъ (кажется, уѣду навѣрно) и мы-бы еще опять какъ нибудь встрѣтились, то уже на всѣ эти темы ты больше со мной ни слова. Настоятельно прошу. И на счетъ брата „Дмитрія тоже, особенно прошу тебя, даже и не заговаривай со мной никогда больше, прибавилъ онъ вдругъ раздражительно, все исчерпано, все переговорено, такъ-ли? А я тебѣ съ своей стороны за это тоже одно обѣщаніе „дамъ: Когда къ тридцати годамъ я захочу бросить кубокъ объ полъ , то, гдѣ-бы ты ни былъ, я таки приду еще разъ переговорить съ тобою... хотя-бы даже изъ Америки, это ты знай. Нарочно пріѣду. Очень интересно будетъ и на тебя поглядѣть къ тому времени: каковъ-то ты тогда будешь? Видишь, довольно торжественное обѣщаніе. А въ самомъ „дѣлѣ мы, можетъ быть, лѣтъ на семь, на десять прощаемся. Ну, иди теперь къ твоему Pater Seraphicus, вѣдь онъ умираетъ; умретъ безъ тебя, такъ еще, пожалуй, на меня разсердишься, что я тебя задержалъ. „До свиданія, цѣлуй меня еще разъ, вотъ такъ, и ступай...

Иванъ вдругъ повернулся и пошелъ своею дорогой уже не оборачиваясь. Похоже было на то, какъ вчера ушелъ отъ Алеши братъ „Дмитрій, хотя вчера было совсѣмъ въ другомъ родѣ. Страшное это замѣчаніе промелькнуло какъ стрѣлка въ печальномъ умѣ Алеши, печальномъ и скорбномъ въ эту минуту. Онъ немного подождалъ, глядя вслѣдъ брату. Почему-то запримѣтилъ вдругъ, что братъ Иванъ идетъ какъ-то раскачиваясь и что у него правое плечо, если сзади глядѣть, кажется ниже лѣваго. Никогда онъ этого не замѣчалъ прежде. Но вдругъ, онъ тоже повернулся и почти побѣжалъ къ монастырю. Уже сильно смеркалось и ему почти было

странно: что-то нарастало въ немъ новое, на что онъ не могъ-бы дать отвѣта. Поднялся опять какъ вчера вѣтеръ и вѣковыя сосны мрачно зашумѣли кругомъ него, когда онъ вошелъ въ скитскій лѣсокъ. Онъ почти бѣжалъ. Pater Seraphicus — это имя онъ откуда-то взялъ — откуда? промелькнуло у Алеши. Иванъ, бѣдный Иванъ, и когда-же я теперь тебя увижу... Вотъ и скитъ. Господи! Да, да, это онъ, это Pater Seraphicus, онъ спасетъ меня... отъ него и на вѣки!..

Потомъ онъ съ великимъ недоумѣніемъ припоминалъ нѣсколько разъ въ своей жизни, какъ могъ онъ вдругъ, послѣ того какъ разсталея съ Иваномъ, такъ совсѣмъ забыть о братѣ Дмитріи, котораго утромъ, всего только нѣсколько часовъ назадъ, положилъ непремѣнно розыскать и не уходить безъ того, хотя-бы пришлось даже не воротиться на эту ночь въ монастырь.

VI.

Пока еще очень не ясная.

Иванъ Ѳедоровичъ, разставшись съ Алешей, пошелъ домой, въ домъ Ѳедора Павловича. Но странное дѣло, на него напала вдругъ тоска нестерпимая и, главное, съ каждымъ шагомъ, по мѣрѣ приближенія къ дому, все болѣе и болѣе нараставшая. Не въ тоскѣ была странность, а въ томъ, что Иванъ Ѳедоровичъ никакъ не могъ опредѣлить, въ чемъ тоска состояла. Тосковать ему случалось часто и прежде и не диво-бы, что нашла она въ такую минуту, когда онъ, завтра-же, порвавъ вдругъ со всѣмъ что его сюда привлекло, готовился вновь повернуть круто въ сторону и вступить на новый, совершенно невѣдомый путь, и опять совсѣмъ одинокимъ какъ прежде, много надѣясь, но не зная на что, многаго, слишкомъ многаго ожидая отъ жизни, но ничего не умѣя самъ опредѣлить, ни въ ожиданіяхъ, ни даже въ желаніяхъ своихъ. И все-таки въ эту минуту, хотя тоска новаго и невѣдомаго дѣйствительно была въ душѣ его, мучило его вовсе не то. Ужь не отвращеніе-ли къ родительскому дому? подумалъ онъ про себя,— похоже на то, до того опротивѣлъ, и хоть сегодня я въ послѣдній разъ войду за этотъ скверный порогъ, а все-таки противно ... Но нѣтъ, и это не то. Ужь не прощаніе-ли съ Алешей и бывшій съ нимъ разговоръ: «Столько лѣтъ молчать со всѣмъ свѣтомъ и не удостоивать говорить, и вдругъ нагородить столько ахинеи». Въ самомъ дѣлѣ, это могла быть молодая досада молодой неопытности и молодаго тще-

славія, досада на то, что не съумѣлъ высказаться, да еще съ такимъ существомъ какъ Алеша, на котораго въ сердцѣ его несомнѣнно существовали большіе разсчеты. Конечно, и это было, то есть эта досада, даже непремѣнно должна была быть, но и это было не то, все не то. Тоска до тошноты, а опредѣлить не въ силахъ чего хочу. Не думать развѣ»...

Иванъ Ѳедоровичъ попробовалъ было не думать, но и тѣмъ не могъ пособить. Главное, тѣмъ она была досадна, эта тоска, и тѣмъ раздражала, что имѣла какой-то случайный, совершенно внѣшній видъ: это чувствовалось. Стояло и торчало гдѣ-то какое-то существо или предметъ, въ родѣ какъ торчитъ что нибудь иногда предъ глазомъ, и долго, за дѣломъ или въ горячемъ разговорѣ, не замѣчаешь его, а между тѣмъ, видимо раздражаешься, почти мучаешься. И, наконецъ-то, догадаешься отстранить негодный предметъ, часто очень пустой и смѣшной, какую нибудь вещь забытую не на своемъ мѣстѣ, платокъ упавшій на полъ, книгу не убранную въ шкафъ и пр. и пр. Наконецъ, Иванъ Ѳедоровичъ, въ самомъ скверномъ и раздраженномъ состояніи духа, достигъ родительскаго дома, и вдругъ, примѣрно, шаговъ на пятнадцать отъ калитки, взглянувъ на ворота, разомъ догадался о томъ, что̀ его такъ мучило и тревожило.

На скамейкѣ у воротъ сидѣлъ и прохлаждался вечернимъ воздухомъ лакей Смердяковъ, и Иванъ Ѳедоровичъ съ перваго взгляда на него понялъ, что и въ душѣ его сидѣлъ лакей Смердяковъ и что именно этого-то человѣка и не можетъ вынести его душа. Все вдругъ озарилось и стало ясно. Давеча, еще съ разсказа Алеши о его встрѣчѣ со Смердяковымъ, что-то мрачное и противное вдругъ возникло въ сердцѣ его и вызвало въ немъ тотчасъ-же отвѣтную злобу. Потомъ, за разговоромъ, Смердяковъ на время позабылся, но однако-же остался въ его душѣ, и только что Иванъ Ѳедоровичъ разсталася съ Алешей и пошелъ одинъ къ дому, какъ тотчасъ-же забытое ощущеніе вдругъ быстро стало опять выходить наружу. «Да неужели-же этотъ дрянной негодяй до такой степени можетъ меня безпокоить!» подумалось ему съ нестерпимою злобой.

Дѣло въ томъ, что Иванъ Ѳедоровичъ дѣйствительно очень не взлюбилъ этого человѣка въ послѣднее время, и особенно въ самые послѣдніе дни. Онъ даже началъ самъ замѣчать эту наросшую почти ненависть къ этому существу. Можетъ быть, процессъ ненависти такъ обострился именно потому, что въ началѣ, когда только что пріѣхалъ къ намъ Иванъ Ѳедоровичъ, происходило совсѣмъ другое. Тогда Иванъ Ѳедоровичъ принялъ было въ Смердяковѣ какое-то особенное вдругъ участіе, нашелъ его даже очень оригинальнымъ.

Самъ пріучилъ его говорить съ собою, всегда, однако, лишь нѣкоторой безтолковости или, лучше сказать, нѣкоторому безпокойству его ума и не понимая, что̀ такое этого созерцателя могло-бы такъ постоянно и неотвязно безпокоить. Они говорили и о философскихъ вопросахъ, и даже о томъ, почему свѣтилъ свѣтъ въ первый день, когда солнце, луна и звѣзды устроены были лишь на четвертый день и какъ это понимать слѣдуетъ; но Иванъ Ѳедоровичъ скоро убѣдился, что дѣло вовсе не въ солнцѣ, лунѣ и звѣздахъ, что солнце, луна и звѣзды предметъ хотя и любопытный, но для Смердякова совершенно третьестепенный и что ему надо чего-то совсѣмъ другаго. Такъ или этакъ, но во всякомъ случаѣ начало выказываться и обличаться самолюбіе необъятное и притомъ самолюбіе оскорбленное. Ивану Ѳедоровичу это очень не понравилось. Съ этого и началось его отвращеніе. Впослѣдствіи начались въ домѣ неурядицы, явилась Грушенька, начались исторіи съ братомъ Дмитріемъ, пошли хлопоты,—говорили они и объ этомъ, но хотя Смердяковъ вель всегда объ этомъ разговоръ съ большимъ волненіемъ, а опять-таки никакъ нельзя было добиться, чего самому-то ему тутъ желается. Даже подивиться можно было нелогичности и безпорядку иныхъ желаній его, поневолѣ выходившихъ наружу и всегда однако неясныхъ. Смердяковъ все выспрашивалъ, задавалъ какіе-то косвенные, очевидно, надуманные вопросы, но для чего— не объяснялъ того, и обыкновенно въ самую горячую минуту своихъ разспросовъ вдругъ умолкалъ или переходилъ совсѣмъ на иное. Но главное что̀ раздражило, наконецъ, Ивана Ѳедоровича окончательно и вселило въ него такое отвращеніе —была какая-то отвратительная и особая фамильярность, которую сильно сталъ выказывать къ нему Смердяковъ. И чѣмъ дальше, тѣмъ больше. Не то, чтобъ онъ позволялъ себѣ быть невѣжливымъ, напротивъ, говорилъ онъ всегда чрезвычайно почтительно, но такъ поставилось, однако-жъ, дѣло, что Смердяковъ видимо сталъ считать себя, Богъ знаетъ почему, въ чемъ-то, наконецъ, съ Иваномъ Ѳедоровичемъ какъ-бы солидарнымъ, говорилъ всегда въ такомъ тонѣ, будто между ними двоемъ было уже что-то условленное и какъ-бы секретное, что-то когда-то произнесенное съ обѣихъ сторонъ, лишь имъ обоимъ только извѣстное, а другимъ около нихъ копошившимся смертнымъ такъ даже и непонятное. Иванъ Ѳедоровичъ, однако, и тутъ долго не понималъ этой настоящей причины своего нарастающаго отвращенія и, наконецъ, только лишь въ самое послѣднее время, успѣлъ догадаться въ чемъ дѣло. Съ брезгливымъ и раздражительнымъ ощущеніемъ хотѣлъ было онъ пройдти теперь молча и не глядя на Смердякова въ калитку, но Смердяковъ всталъ со скамейки и уже

по одному этому жесту Иванъ Ѳедоровичъ въ мигъ догадался, что тотъ желаетъ имѣть съ нимъ особенный разговоръ. Иванъ Ѳедоровичъ поглядѣлъ на него и остановился, и то, что онъ такъ вдругъ остановился и не прошелъ мимо, какъ желалъ того еще минуту назадъ, озлило его до сотрясенія. Съ гнѣвомъ и отвращеніемъ глядѣлъ онъ на скопческую испитую физіономію Смердякова съ зачесанными гребешкомъ височками и со взбитымъ маленькимъ хохолкомъ. Лѣвый, чуть прищуренный глазокъ его мигалъ и усмѣхался, точно выговаривая: чего идешь, не пройдешь, видишь, что обоимъ намъ, умнымъ людямъ, переговорить есть чего . Иванъ Ѳедоровичъ затрясся:

Прочь, негодяй, какая я тебѣ компанія, дуракъ! полетѣло было съ языка его, но, къ величайшему его удивленію, слетѣло съ языка совсѣмъ другое:

— Что батюшка спитъ или проснулся? тихо и смиренно проговорилъ онъ, себѣ самому неожиданно, и вдругъ, тоже совсѣмъ неожиданно, сѣлъ на скамейку. На мгновеніе ему стало чуть не страшно, онъ вспомнилъ это потомъ. Смердяковъ стоялъ противъ него, закинувъ руки за спину, и глядѣлъ съ увѣренностью, почти строго.

— Еще почиваютъ-съ, выговорилъ онъ не торопливо. (Самъ, дескать, первый заговорилъ, а не я). Удивляюсь я на васъ, сударь, прибавилъ онъ, помолчавъ, какъ-то жеманно опустивъ глаза, выставивъ правую ножку впередъ и поигрывая носочкомъ лакированной ботинки.

— Съ чего ты на меня удивляешься? отрывисто и сурово произнесъ Иванъ Ѳедоровичъ, изо всѣхъ силъ себя сдерживая, и вдругъ съ отвращеніемъ понялъ, что чувствуетъ сильнѣйшее любопытство и что ни за что не уйдетъ отсюда, не удовлетворивъ его.

— Зачѣмъ вы, сударь, въ Германію не ѣдете-съ? вдругъ вскинулъ глазками Смердяковъ и фамильярно улыбнулся. А чему я улыбнулся, самъ, дескать, долженъ понять, если умный человѣкъ ,—какъ-бы говорилъ его прищуренный лѣвый глазокъ.

— Зачѣмъ я въ Германію поѣду? удивился Иванъ Ѳедоровичъ.

Смердяковъ опять помолчалъ.

— Сами даже Ѳедоръ Павловичъ такъ васъ объ томъ умоляли-съ, проговорилъ онъ, наконецъ, не спѣша и какъ-бы самъ не цѣня своего отвѣта: третьестепенною, дескать, причиной отдѣлываюсь, только чтобы что нибудь сказать.

— Э, чортъ, говори яснѣй, чего тебѣ надобно? вскричалъ, наконецъ, гнѣвливо Иванъ Ѳедоровичъ, со смиренія переходя на грубость.

Смердяковъ приставилъ правую ножку къ лѣвой, вытянулся прямѣй, но продолжалъ глядѣть съ тѣмъ-же спокойствіемъ и съ тою-же улыбочкой.

Существеннаго ничего нѣтъ-съ... а такъ-съ, къ разговору...

Наступило опять молчаніе. Промолчали чуть не съ минуту. Иванъ Ѳедоровичъ зналъ, что онъ долженъ былъ сейчасъ встать и разсердиться, а Смердяковъ стоялъ предъ нимъ и какъ-бы ждалъ: А вотъ посмотрю я, разсердишься ты или нѣтъ? Такъ, по крайней мѣрѣ, представлялось Ивану Ѳедоровичу. Наконецъ, онъ качнулся чтобы встать. Смердяковъ точно поймалъ мгновенье.

— Ужасное мое положеніе-съ, Иванъ Ѳедоровичъ, не знаю даже какъ и помочь себѣ. Проговорилъ онъ вдругъ твердо и раздѣльно, и съ послѣднимъ словомъ своимъ вздохнулъ. Иванъ Ѳедоровичъ тотчасъ-же опять усѣлся.

— Оба совсѣмъ благіе-съ, оба добли до самаго малаго ребячества-съ, продолжалъ Смердяковъ. — Я про вашего родителя и про вашего брата-съ Дмитрія Ѳедоровича. Вотъ они встанутъ теперь, Ѳедоръ Павловичъ, и начнутъ сейчасъ приставать ко мнѣ каждую минуту: Что не пришла? Зачѣмъ не пришла? — и такъ вплоть до полуночи, даже и за полночь. А коль Аграфена Александровна не пріѣдетъ (потому что онѣ, пожалуй, совсѣмъ и не намѣрены вовсе никогда пріѣхати-съ), то накинутся на меня опять завтра по утру: Зачѣмъ не пришла? Отчего не пришла, когда пріѣдетъ? точно я въ этомъ въ чемъ предъ ними выходку виноватъ. Съ другой стороны такая статья-съ, какъ только сейчасъ смеркнется, да и раньше того, братецъ вашъ съ оружьемъ въ рукахъ явится по сосѣдству: Смотри, дескать, шельма, бунтовщикъ: проглядишь ее у меня и не дашь мнѣ знать, что пришла, — убью тебя прежде всякаго. Пройдетъ ночь, на утро и они тоже какъ и Ѳедоръ Павловичъ мучительски мучить меня начнутъ: зачѣмъ не пришла, скоро-ль покажется. — и точно я опять-таки и предъ ними виноватъ выхожу-съ, въ томъ, что ихняя госпожа не явилась. И до того съ каждымъ днемъ и съ каждымъ часомъ все дальше серчаютъ оба-съ, что, думаю, иной часъ, отъ страху самъ жизни себя лишить-съ. Я, сударь, на нихъ не надѣюсь-съ.

— А зачѣмъ ввязался? Зачѣмъ Дмитрію Ѳедоровичу сталъ переносить? раздраженно проговорилъ Иванъ Ѳедоровичъ.

— А какъ-бы я не ввязался-съ? Да я и не ввязывался вовсе, если хотите знать въ полной точности-съ. Я съ самаго начала все молчалъ, возражать не смѣя, а они сами опредѣлили мнѣ своимъ слугой — Лягавымъ при нихъ состоять. Только и знаютъ съ тѣхъ поръ одно слово: Убью тебя, шельму, если пропустишь! На-

вѣрно полагаю, сударь, что со мной завтра длинная падучая приключится.

— Какая такая длинная падучая?

— Длинный припадокъ такой-съ. чрезвычайно длинный-съ. Нѣсколько часовъ-съ али. пожалуй, день и другой продолжается-съ. Разъ со мной продолжалось это дня три. упалъ я съ чердака тогда. Перестанетъ биться. а потомъ зачнетъ опять: и я всѣ три дня не могъ въ разумъ войдти. За Герценштубе, за здѣшнимъ докторомъ тогда Ѳедоръ Павловичъ посылали-съ, такъ тотъ льду къ темени прикладывать, да еще одно средство употребилъ... Помереть-бы могъ-съ.

— Да вѣдь. говорятъ. падучую нельзя заранѣе предузнать, что вотъ въ такой-то часъ будетъ. Какъ-же ты говоришь, что завтра придетъ? съ особеннымъ и раздражительнымъ любопытствомъ освѣдомился Иванъ Ѳедоровичъ.

— Это точно что нельзя предузнать-съ.

— Къ тому-же ты тогда упалъ съ чердака.

— На чердакъ каждый день лазею-съ. могу и завтра упасть съ чердака. А не съ чердака, такъ въ погребъ упаду-съ, въ погребъ тоже каждый день хожу-съ, по своей надобности-съ.

Иванъ Ѳедоровичъ долгно посмотрѣлъ на него.

— Плетешь ты, я вижу, и я тебя что-то не понимаю, тихо, но какъ-то грозно проговорилъ онъ:- притворяться. что-ли. ты хочешь завтра на три дня въ падучей? А?

Смердяковъ, смотрѣвшій въ землю и правившій опять носочкомъ правой ноги, поставилъ правую ногу на мѣсто, вмѣсто нея выставилъ впередъ лѣвую, поднялъ голову и, усмѣхнувшись, произнесъ:

Если-бы я даже эту самую штуку и могъ-съ, то есть чтобы притвориться-съ, и такъ какъ ее сдѣлать совсѣмъ не трудно опытному человѣку, то и тутъ я въ полномъ правѣ моемъ это средство употребить для спасенія жизни моей отъ смерти: ибо когда я въ болѣзни лежу, то хотя-бы Аграфена Александровна пришла къ нашему родителю, не могутъ они тогда съ больнаго человѣка спросить: «зачѣмъ не допесъ». Сами постыдятся.

— Э, чортъ! вскинулся вдругъ Иванъ Ѳедоровичъ съ перекосившимся отъ злобы лицомъ. Что ты все объ своей жизни трусишь! Всѣ эти угрозы брата Дмитрія только азартныя слова и больше ничего. Не убьетъ онъ тебя; убьетъ, да не тебя!

— Убьетъ какъ муху-съ, и прежде всего меня-съ. А пуще того я другаго боюсь: чтобы меня въ ихъ сообществѣ не сочли когда что нелѣпое надъ родителемъ своимъ учинять.

— Почему тебя сочтутъ сообщникомъ?

— Потому сочтутъ сообщникомъ, что я имъ эти самые знаки въ секретъ большомъ сообщилъ-съ.

— Какіе знаки? Кому сообщилъ? Чортъ тебя побери, говори яснѣе!

— Долженъ совершенно признаться, съ педантскимъ спокойствіемъ тянулъ Смердяковъ, — что тутъ есть одинъ секретъ у меня съ Ѳедоромъ Павловичемъ. Они, какъ сами изволите знать (если только изволите это знать), уже нѣсколько дней, какъ то есть ночь али даже вечеръ, такъ тотчасъ сызнутри и запрутся. Вы каждый разъ стали ноцъ конецъ возвращаться рано къ себѣ на верхъ, а вчера такъ и совсѣмъ никуда не выходили-съ, а потому, можетъ, и не знаете, какъ они старательно начали теперь запираться на ночь. И придя хоть самъ Григорій Васильевичъ, такъ они, развѣ что по голосу убѣдясь, ему отопрутъ-съ. Но Григорій Васильевичъ не приходитъ-съ, потому слугу имъ теперь въ комнатахъ одинъ я-съ, — такъ они сами опредѣлили съ той самой минуты, какъ начали эту затѣю съ Аграфеной Александровной, а на ночь такъ и я теперь. По ихнему распоряженію, удаляюсь и ночую во флигелѣ, съ тѣмъ, чтобы до полночи мнѣ не спать, а дежурить, вставать и дворъ обходить, и ждать когда Аграфена Александровна придутъ-съ. Такъ какъ онѣ, вотъ уже нѣсколько дней ея ждутъ, словно какъ помѣшанные. Разсуждаютъ-же они такъ-съ: она, говорятъ, его боится. Дмитрія-то Ѳедоровича (они его Митькой зовутъ-съ), а потому ночью по позже задами ко мнѣ пройдетъ: ты-же, говоритъ, ее сторожи до самой полночи и больше. И если она придетъ, то ты къ дверямъ подойди и постучи мнѣ въ дверь, али въ окно изъ саду рукой два первые раза потише, этакъ: разъ-два, а потомъ сейчасъ три раза поскорѣе: тукъ-тукъ-тукъ. Вотъ, говорятъ, я и пойму сейчасъ, что это она пришла и отопру тебѣ дверь потихоньку. Другой знакъ сообщили мнѣ на тотъ случай, если что экстренное произойдетъ: сначала два раза скоро: тукъ-тукъ, а потомъ обождавъ, еще одинъ разъ гораздо крѣпче. Вотъ они и поймутъ, что нѣчто случилось внезапное и что очень надо мнѣ ихъ видѣть, и тоже мнѣ отопрутъ, а я войду и доложу. Все на тотъ случай, что Аграфена Александровна можетъ сама не придти, а пришлетъ о чемъ нибудь извѣстить: окромя того, Дмитрій Ѳедоровичъ тоже могутъ придти, такъ и о немъ извѣстить что онъ близко. Очень боятся они Дмитрія Ѳедоровича, такъ что если-бы даже Аграфена Александровна уже пришла и они-бы съ ней заперлись, а Дмитрій Ѳедоровичъ, тѣмъ временемъ, гдѣ появится близко, такъ и тутъ безпремѣнно обязанъ я имъ тотчасъ о томъ доложить постукиваніемъ три раза. Такъ что первый-то знакъ въ пять

стуковъ означаетъ: «Аграфена Александровна пришли», а второй знакъ въ три стука «очень дескать надоть»: такъ сами по нѣскольку разъ на примѣрѣ меня учили и разъясняли. А такъ какъ во всей вселенной о знакахъ этихъ знаютъ всего лишь я да они-съ, такъ они безо всякаго уже сумнѣнія и нисколько не окликая (велѣли окликать они очень боятся) и отопрутъ. Вотъ эти самые знаки Дмитрію Ѳедоровичу теперь и стали извѣстны.

— Почему извѣстны? Передалъ ты? Какъ-же ты смѣлъ передать?

— Отъ этого самаго страху-съ. И какъ-же-бы я посмѣлъ умолчать предъ ними-съ? Дмитрій Ѳедоровичъ каждый день напирали: Ты меня обманываешь, ты отъ меня что скрываешь? Я тебѣ обѣ ноги сломаю! Тутъ я имъ эти самые секретные знаки и сообщилъ, чтобы видѣли, по крайности, мое рабольѣе и тѣмъ самымъ удостовѣрились, что ихъ не обманываю, а вѣрески имъ допошу.

— Если думаешь, что онъ этими знаками воспользуется и захочетъ войдти, то ты его не пускай.

— А коли я самъ въ припадкѣ буду лежать-съ. Какъ-же я тогда не пущу-съ, если-бъ я даже и могъ осмѣлиться ихъ не пустить-съ, зная ихъ столь отчаянными-съ.

— Э, чортъ возьми! Почему ты такъ увѣренъ, что придетъ падучая, чортъ тебя побери? Смѣешься ты надо мной или нѣтъ?

— Какъ-же-бы я посмѣлъ надъ вами смѣяться, и до смѣху-ли когда такой страхъ? Предчувствую, что будетъ падучая, предчувствіе такое имѣю, отъ страху отъ одного и придетъ-съ.

— Э, чортъ! Коли ты будешь лежать, то сторожить будетъ Григорій. Предупреди заранѣе Григорія, ужь онъ-то его не пуститъ.

Про знаки я Григорію Васильевичу безъ приказанія барина не смѣю никоимъ образомъ сообщить-съ. А касательно того, что Григорій Васильевичъ ихъ услышитъ и не пуститъ, такъ они какъ разъ сегодня со вчерашняго расхворались, а Марѳа Игнатьевна ихъ завтра лѣчить намѣреваются. Такъ давеча и условились. А лѣченіе это у нихъ весьма любопытное-съ: настойку такую Марѳа Игнатьевна знаютъ-съ и постоянно держутъ, крѣпкую, на какой-то травѣ, секретомъ такимъ обладаютъ-съ. А лѣчатъ они этимъ секретнымъ лѣкарствомъ Григорія Васильевича раза по три въ годъ-съ, когда у того поясница отнимается вся-съ, въ родѣ какъ-бы съ нимъ параличъ-съ, раза по три въ годъ-съ. Тогда онъ берутъ полотенце-съ, мочатъ въ этотъ настой и всю-то ему спину Марѳа Игнатьевна трутъ полчаса-съ, до суха-съ, совсѣмъ даже покраснѣетъ и вспухнетъ-съ, а затѣмъ остальное, что въ стаканѣ, даютъ ему вы-

нить-ся съ нѣкоторою молитвою-ся, не все, однако-жь, потому что часть малую при семъ рѣдкомъ случаѣ и себѣ оставляютъ-ся и тоже вышиваютъ-ся. И оба, я вамъ скажу, какъ не пьющіе, такъ тутъ и свалятся-ся и спять очень долгое время крѣпко-ся; и какъ проснется Григорій Васильевичъ, то всегда почти послѣ того здоровъ-ся, а Марѳа Игнатьевна проснется и у ней всегда послѣ того голова болитъ-ся. Такъ вотъ, если завтра Марѳа Игнатьевна свое это намѣреніе исполнятъ-ся, такъ врядъ-ли имъ что̀ услыхать-ся и Дмитрія Ѳедоровича не допустятъ-ся. Спать будутъ-ся.

— Что̀ за ахинея! И это все какъ нарочно такъ сразу и сойдется: и у тебя падучая, и тѣ оба безъ памяти! прокричалъ Иванъ Ѳедоровичъ;—да ты самъ ужь не хочешь-ли такъ подвести чтобы сошлось? вырвалось у него вдругъ и онъ грозно нахмурилъ брови.

— Какъ-же-бы я такъ подвелъ-ся... и для чего подводить, когда все тутъ отъ Дмитрія Ѳедоровича одного и зависитъ-ся, и отъ одной его мыслей-ся... Захотятъ они что̀ учинить—учинятъ-ся, а нѣтъ, такъ не я-же нарочно ихъ приведу, чтобы къ родителю ихъ втолкнуть.

— А зачѣмъ ему къ отцу приходить, да еще потихоньку, если, какъ ты самъ говоришь, Аграфена Александровна и совсѣмъ не придетъ, продолжалъ Иванъ Ѳедоровичъ, сдѣлавъ злобу:—самъ-же ты это говоришь, да и я все время, тутъ живя, былъ увѣренъ, что старикъ только фантазируетъ и что не придетъ къ нему эта тварь. Зачѣмъ-же Дмитрію врываться къ старику, если та не придетъ? Говори! Я хочу твои мысли знать.

— Сами извольте знать зачѣмъ придутъ, къ чему-же тутъ мои мысли? Придутъ по единой ихней злобѣ, али по своей мнительности въ случаѣ, примѣрно, моей болѣзни, усомнятся и пойдутъ съ нетерпѣнія искать въ комнаты, какъ вчерашній разъ: не прошла-ли дескать она какъ нибудь отъ нихъ потихоньку. Имъ совершенно тоже извѣстно, что у Ѳедора Павловича конвертъ большой приготовленъ, а въ немъ три тысячи запечатаны, подъ тремя печатями-ся, обвязано ленточкою и надписано собственною ихъ рукой: «ангелу моему, Грушенькѣ, если захочетъ прійдти», а потомъ, дня три спустя, подписали еще: «и цыпленочку». Такъ вотъ это-то и сомнительно-ся.

— Вздоръ! крикнулъ Иванъ Ѳедоровичъ, почти въ изступленіи.—Дмитрій не пойдетъ грабить деньги, да еще убивать при этомъ отца. Онъ могъ вчера убить его за Грушеньку, какъ изступленный злобный дуракъ, но грабить не пойдетъ!

— Имъ очень теперь нужны деньги-ся, до послѣдней крайности нужны, Иванъ Ѳедоровичъ. Вы даже не знаете сколь нужны, чрезвычайно спокойно и съ замѣчательною отчетливостью изъяснилъ

Смердяковъ. —Эти самыя три тысячи-съ они къ тому-же считаютъ какъ-бы за свои собственныя и такъ сами мнѣ объяснили: мнѣ, говорятъ, родитель остается еще три тысячи ровно долженъ. А ко всему тому разсудите, Иванъ Ѳедоровичъ, и нѣкоторую чистую правду-съ: вѣдь это почти что навѣрно такъ, надо сказать-съ, что Аграфена Александровна, если только захотятъ онѣ того сами, то непремѣнно заставятъ ихъ на себѣ жениться, самого барина то есть, Ѳедора Павловича-съ, если только захотятъ-съ, — ну, а вѣдь они, можетъ быть, и захотятъ-съ. Вѣдь я только такъ говорю, что она не придетъ, а она, можетъ быть, и болѣе того захочетъ-съ, то есть прямо барыней сдѣлаться. Я самъ знаю, что ихъ купецъ Самсоновъ говорилъ ей самой со всею откровенностью, что это дѣло будетъ весьма неглупое, и притомъ смѣялись. А онѣ сами умомъ очень не глупыя-съ. Имъ за голыша, каковъ есть Дмитрій Ѳедоровичъ, выходить не стать-съ. Такъ вотъ теперь это взявши, разсудите сами, Иванъ Ѳедоровичъ, что тогда ни Дмитрію Ѳедоровичу, ни даже вамъ-съ съ братцемъ вашимъ, Алексѣемъ Ѳедоровичемъ, ужъ ничего-то ровно послѣ смерти родителя не останется, ни рубля-съ, потому что Аграфена Александровна для того и выйдутъ за нихъ, чтобы все на себя отписать и какіе ни на есть капиталы на себя перевести-съ. А помри вашъ родитель теперь, пока еще этого нѣтъ ничего-съ, то всякому изъ васъ, по сорока тысячъ вѣрныхъ придется тотчасъ-съ, даже и Дмитрію Ѳедоровичу, котораго они такъ ненавидятъ-съ, такъ какъ завѣщанія у нихъ вѣдь не сдѣлано-съ... Это все отмѣнно Дмитрію Ѳедоровичу извѣстно...

Что-то какъ-бы перекосилось и дрогнуло въ лицѣ Ивана Ѳедоровича. Онъ вдругъ покраснѣлъ.

— Такъ зачѣмъ-же ты, перебилъ онъ вдругъ Смердякова, — послѣ всего этого въ Чермашню мнѣ совѣтуешь ѣхать? Что ты этимъ хотѣлъ сказать? Я уѣду, и у васъ вотъ что произойдетъ. Иванъ Ѳедоровичъ съ трудомъ переводилъ духъ.

— Совершенно вѣрно-съ, тихо и разсудительно проговорилъ Смердяковъ, пристально, однако-же, слѣдя за Иваномъ Ѳедоровичемъ.

— Какъ совершенно вѣрно? переспросилъ Иванъ Ѳедоровичъ, съ усиліемъ сдерживая себя и грозно сверкая глазами.

— Я говорилъ васъ жалѣючи. На вашемъ мѣстѣ, если-бы только тутъ я, такъ все-бы это тутъ-же бросилъ... чѣмъ у такого дѣла сидѣть-съ... отвѣтилъ Смердяковъ съ самымъ открытымъ видомъ смотря на сверкающіе глаза Ивана Ѳедоровича. Оба помолчали.

— Ты, кажется, больной идіотъ и, ужъ конечно... страшный мерзавецъ! всталъ вдругъ со скамейки Иванъ Ѳедоровичъ. Затѣмъ тотчасъ-же хотѣлъ было пройдти въ калитку, но вдругъ остано-

вился и повернулся къ Смердякову. Произошло что-то странное: Иванъ Ѳедоровичъ внезапно, какъ-бы въ судорогѣ, закусилъ губу, сжалъ кулаки и еще мгновеніе, конечно, бросился-бы на Смердякова. Тотъ, по крайней мѣрѣ, это замѣтилъ въ тотъ-же мигъ, вздрогнулъ и отдернулся всѣмъ тѣломъ назадъ. Но мгновеніе прошло для Смердякова благополучно и Иванъ Ѳедоровичъ молча, но какъ-бы въ какомъ-то недоумѣніи, повернулъ въ калитку.

— Я завтра въ Москву уѣзжаю, если хочешь это знать, завтра рано утромъ — вотъ и все! со злобою, раздѣльно и громко вдругъ проговорилъ онъ, самъ себѣ потомъ удивляясь, какимъ образомъ понадобилось ему тогда это сказать Смердякову.

— Самое это лучшее-съ, подхватилъ тотъ, точно и ждалъ того, — только развѣ то, что изъ Москвы васъ могутъ по телеграфу отсюда обезпокоить-съ, въ какомъ либо такомъ случаѣ-съ.

Иванъ Ѳедоровичъ опять остановился и опять быстро повернулся къ Смердякову. Но и съ тѣмъ точно что̀ случилось. Вся фамильярность и небрежность его соскочили мгновенно; все лицо его выразило чрезвычайное вниманіе и ожиданіе, но уже робкое и подобострастное: Не скажешь-ли, дескать, еще чего, не прибавишь-ли . такъ и читалось въ его пристальномъ, такъ и впившемся въ Ивана Ѳедоровича взглядѣ.

— А изъ Чермашни развѣ не вызвали-бы тоже... въ какомъ нибудь такомъ случаѣ? завопилъ вдругъ Иванъ Ѳедоровичъ, неизвѣстно для чего вдругъ ужасно возвысивъ голосъ.

Тоже-съ и изъ Чермашни-съ... обезпокоятъ-съ... пробормоталъ Смердяковъ почти шепотомъ, точно какъ-бы потерявшись, но пристально-пристально продолжая смотрѣть Ивану Ѳедоровичу прямо въ глаза.

— Только Москва дальше, а Чермашня ближе, такъ ты о прогонныхъ деньгахъ жалѣешь, что-ли, настаивая въ Чермашню, аль меня жалѣешь, что я крюкъ большой сдѣлаю?

— Совершенно вѣрно-съ... пробормоталъ уже пресѣкшимся голосомъ Смердяковъ, глупо улыбаясь и опять судорожно приготовившись во-время отпрыгнуть назадъ. Но Иванъ Ѳедоровичъ вдругъ, къ удивленію Смердякова, засмѣялся и быстро прошелъ въ калитку, продолжая смѣяться. Кто взглянулъ-бы на его лицо, тотъ навѣрно заключилъ-бы, что засмѣялся онъ вовсе не отъ того что было такъ весело. Да и самъ онъ ни за что̀ не объяснилъ-бы, что̀ было тогда съ нимъ въ ту минуту. Двигался и шелъ онъ точно судорогой.

VII.

Съ умнымъ человѣкомъ и поговорить любопытно».

А и говорилъ тоже. Встрѣтивъ Ѳедора Павловича въ залѣ, только что войдя, онъ вдругъ закричалъ ему, махая руками: «Я къ себѣ на верхъ, а не къ вамъ, до свиданія», и прошелъ мимо, даже стараясь не взглянуть на отца. Очень можетъ быть, что старикъ слишкомъ былъ ему въ эту минуту ненавистенъ, но такое безцеремонное проявленіе враждебнаго чувства даже и для Ѳедора Павловича было неожиданнымъ. А старикъ и впрямь видно хотѣлъ ему что-то поскорѣй сообщить, для чего нарочно и вышелъ встрѣтить его въ залу; услышавъ-же такую любезность, остановился молча и съ насмѣшливымъ видомъ прослѣдилъ сынка глазами на лѣстницу въ мезонинъ, до тѣхъ поръ пока тотъ скрылся изъ виду.

— Чего это онъ? быстро спросилъ онъ вошедшаго вслѣдъ за Иваномъ Ѳедоровичемъ Смердякова.

— Сердятся на что-то-съ, кто ихъ разберетъ, пробормоталъ тотъ уклончиво.

— А и чортъ! Пусть сердится! Подавай самоваръ и скорѣй самъ убирайся, живо. Нѣтъ-ли чего новаго?

Тутъ начались разспросы именно изъ такихъ, на которые Смердяковъ сейчасъ жаловался Ивану Ѳедоровичу, то есть все на счетъ ожидаемой посѣтительницы, и мы эти разспросы здѣсь опустимъ. Чрезъ полчаса домъ былъ запертъ и помѣшанный старикашка похаживалъ одинъ по комнатамъ, въ трепетномъ ожиданіи, что вотъ-вотъ раздадутся пять условныхъ стуковъ, изрѣдка заглядывая въ темныя окна и ничего въ нихъ не видя, кромѣ ночи.

Было уже очень поздно, а Иванъ Ѳедоровичъ все не спалъ и соображалъ. Поздно онъ легъ въ эту ночь, часа въ два. Но мы не станемъ передавать все теченіе его мыслей, да и не время намъ входить въ эту душу: этой душѣ свой чередъ. И даже если-бъ и попробовали что̀ передать, то было-бы очень мудрено это сдѣлать, потому что были не мысли, а было что-то очень неопредѣленное, а главное - слишкомъ взволнованное. Самъ онъ чувствовалъ, что потерялъ всѣ свои концы. Мучили его тоже разныя странныя и почти неожиданныя совсѣмъ желанія, напримѣръ: ужь послѣ полночи ему вдругъ настоятельно и нестерпимо захотѣлось сойдти внизъ, отпереть дверь, пройдти во флигель и избить Смердякова, но спросили-бы вы за что̀, и самъ онъ рѣшительно не съумѣлъ-бы

изложить ни одной причины въ точности. Кромѣ той развѣ, что сталъ ему этотъ лакей ненавистенъ, какъ самый тяжкій обидчикъ, какого только можно пріискать на свѣтѣ. Съ другой стороны, не разъ охватывала въ эту ночь его душу какая-то необъяснимая и унизительная робость, отъ которой онъ, —онъ это чувствовалъ, — даже какъ-бы терялъ вдругъ физическія силы. Голова его болѣла и кружилась. Что-то ненавистное щемило его душу, точно онъ собирался мстить кому. Ненавидѣлъ онъ даже Алешу, вспомнивъ давешній съ нимъ разговоръ, ненавидѣлъ очень минутами и себя. О Катеринѣ Ивановнѣ онъ почти что и думать забылъ, и много этому потомъ удивлялся, тѣмъ болѣе, что самъ твердо помнилъ, какъ еще вчера утромъ, когда онъ такъ размашисто похвалился у Катерины Ивановны, что завтра уѣдетъ въ Москву, въ душѣ своей тогда-же шепнулъ про себя: а вѣдь вздоръ, не поѣдешь, и не такъ тебѣ будетъ легко оторваться, какъ ты теперь фанфаронишь. Припомнивъ потомъ, долго спустя, эту ночь, Иванъ Ѳедоровичъ съ особеннымъ отвращеніемъ вспоминалъ какъ онъ вдругъ, бывало, вставалъ съ дивана и тихонько, какъ-бы страшно боясь, чтобы не подглядѣли за нимъ, отворялъ дверь, выходилъ на лѣстницу и слушалъ внизъ, въ нижнія комнаты, какъ шевелился и похаживалъ тамъ внизу Ѳедоръ Павловичъ, слушалъ—подолгу, минутъ по пяти, со страннымъ какимъ-то любопытствомъ, затаивъ духъ, и съ біеніемъ сердца, а для чего онъ все это продѣлывалъ, для чего слушалъ—конечно, и самъ не зналъ. Этотъ поступокъ онъ всю жизнь свою потомъ называлъ мерзкимъ и всю жизнь свою считалъ, глубоко про себя, въ тайникахъ души своей—самымъ подлымъ поступкомъ изо всей своей жизни. Къ самому-же Ѳедору Павловичу онъ не чувствовалъ въ тѣ минуты никакой даже ненависти, а лишь любопытствовалъ почему-то изо всѣхъ силъ: какъ онъ тамъ внизу ходитъ, что онъ, примѣрно, тамъ у себя теперь долженъ дѣлать, предугадывалъ и соображалъ, какъ онъ долженъ былъ тамъ внизу заглядывать въ темныя окна и вдругъ останавливаться среди комнаты и ждать, ждать —не стучитъ-ли кто. Выходилъ Иванъ Ѳедоровичъ для этого занятія на лѣстницу раза два. Когда все затихло и уже улегся и Ѳедоръ Павловичъ, часовъ около двухъ, улегся и Иванъ Ѳедоровичъ съ твердымъ желаніемъ поскорѣе заснуть, такъ какъ чувствовалъ себя страшно измученнымъ. И вѣримъ: заснулъ онъ вдругъ крѣпко и спалъ безъ сновъ, но проснулся рано, часовъ въ семь, когда уже разсвѣло. Раскрывъ глаза, къ изумленію своему, онъ вдругъ почувствовалъ въ себѣ приливъ какой-то необычайной энергіи, быстро вскочилъ и быстро одѣлся, затѣмъ вытащилъ свой чемоданъ и, не медля, поспѣшно началъ его укладывать. Бѣлье

какъ разъ еще вчера утромъ получилось все отъ врачки. Иванъ Ѳедоровичъ даже усмѣхнулся при мысли, что такъ все оно сошлось, что нѣтъ никакой задержки внезапному отъѣзду. А отъѣздъ выходилъ дѣйствительно внезапный. Хотя Иванъ Ѳедоровичъ и говорилъ вчера (Катеринѣ Ивановнѣ, Аленѣ и потомъ Смердякову), что завтра уѣдетъ, но, ложась вчера спать, онъ очень хорошо помнилъ, что въ ту минуту и не думалъ объ отъѣздѣ, по крайней мѣрѣ, совсѣмъ не мыслилъ, что по утру, проснувшись, первымъ движеніемъ бросится укладывать чемоданъ. Наконецъ, чемоданъ и сакъ были готовы: было уже около девяти часовъ, когда Марѳа Игнатьевна взошла къ нему съ обычнымъ ежедневнымъ вопросомъ: «Гдѣ изволите чай кушать, у себя аль сойдете внизъ?» Иванъ Ѳедоровичъ сошелъ внизъ, видъ имѣлъ почти что веселый, хотя было въ немъ, въ словахъ и въ жестахъ его, нѣчто какъ-бы раскидывающееся и торопливое. Привѣтливо поздоровавшись съ отцомъ, и даже особенно навѣдавшись о здоровьи, онъ, не дождавшись, впрочемъ, окончанія отвѣта родителя, разомъ объявилъ, что чрезъ часъ уѣзжаетъ въ Москву, совсѣмъ, и проситъ послать за лошадьми. Старикъ выслушалъ сообщеніе безъ малѣйшаго удивленія, препенрилично позабывъ поскорбѣть объ отъѣздѣ сынка; вмѣсто того вдругъ чрезвычайно захлопоталъ, вспомнивъ какъ разъ кстати одно насущное собственное дѣло.

— Ахъ ты! Экой! Не сказалъ вчера... ну, да все равно и сейчасъ уладимъ. Сдѣлай ты мнѣ милость великую, отецъ ты мой родной, завѣзжай въ Чермашню. Вѣдь тебѣ съ Воловьей станціи всего только влѣво свернуть, всего двѣнадцать какихъ-нибудь верточекъ, и вотъ она, Чермашня.

— Помилуйте, не могу: до желѣзной дороги восемьдесятъ верстъ, а машина уходитъ со станціи въ Москву въ семь часовъ вечера— ровно только чтобъ поспѣть.

— Поспѣешь завтра, не то послѣзавтра, а сегодня сверни въ Чермашню. Чего тебѣ стоитъ родителя успокоить! Если-бы здѣсь не дѣла, я самъ давно слесталъ-бы, потому что штука-то тамъ снѣшная и чрезвычайная, а здѣсь у меня... время теперь не такое... Видишь, тамъ эта роща моя, въ двухъ участкахъ въ Бегичевѣ, да въ Дячкинѣ, въ пустошахъ. Масловы, старикъ съ сыномъ, купцы, всего восемь тысячъ даютъ на срубъ, а всего только прошлаго года покупщикъ нарывался, такъ двѣнадцать давалъ, да не здѣшній, вотъ гдѣ черта. Потому, у здѣшнихъ теперь сбыту нѣтъ: кулачатъ Масловы отецъ съ сыномъ стотысячники: что положатъ, то и бери, а изъ здѣшнихъ никто и не смѣетъ противъ нихъ тягаться. А Ильинскій батюшка вдругъ отписалъ сюда въ прошлый четвергъ,

что пріѣхалъ Горсткинъ, тоже купчишка, знаю я его, только драгоцѣнность-то въ томъ, что не здѣшній, а изъ Погребова, значитъ, не боится онъ Масловыхъ, потому, не здѣшній. Одиннадцать тысячъ, говоритъ, за рощу дамъ, слышишь? А пробудетъ онъ здѣсь, пишетъ батюшка, еще-то всего лишь недѣлю. Такъ вотъ-бы ты поѣхалъ, да съ нимъ и сговорился...

— Такъ вы напишите батюшкѣ, тотъ и сговорится.

Не умѣетъ онъ, тутъ штука. Этотъ батюшка смотрѣть не умѣетъ. Золото человѣкъ, я ему сейчасъ двадцать тысячъ вручу безъ росписки на сохраненіе, а смотрѣть ничего не умѣетъ, какъ-бы и не человѣкъ вовсе, ворона обманетъ. А вѣдь ученый человѣкъ, представь себѣ это. Этотъ Горсткинъ на видъ мужикъ, въ синей поддевкѣ, только характеромъ онъ совершенный подлецъ, въ этомъ-то и бѣда наша общая: онъ лжетъ, вотъ черта. Иной разъ такъ налжетъ, что только дивишься зачѣмъ это онъ. Налгалъ третьяго года что жена у него умерла и что онъ уже женатъ на другой, и ничего этого не было, представь себѣ: никогда жена его не умирала, живетъ и теперь и его бьетъ каждые три дня по разу. Такъ вотъ и теперь надо узнать: лжетъ аль правду говоритъ, что хочетъ купить и одиннадцать тысячъ дать?

— Такъ вѣдь и я тутъ ничего не сдѣлаю, у меня тоже глазу нѣтъ.

— Стой, подожди, годишься и ты, потому я тебѣ всѣ примѣты его сообщу, Горсткина-то, я съ нимъ дѣла уже давно имѣю. Видишь: ему на бороду надо глядѣть: бороденка у него рыженькая, гаденькая, тоненькая. Коли бороденка трясется, а самъ онъ говоритъ да сердится — значитъ, ладно, правду говоритъ, хочетъ дѣло дѣлать; а коли бороду гладитъ лѣвою рукой, а самъ посмѣивается, — ну, значитъ, надуть хочетъ, плутуетъ. Въ глаза ему никогда не гляди, по глазамъ ничего не разберешь, темна вода, плутъ, —гляди на бороду. Я тебѣ къ нему записку дамъ, а ты покажи. Онъ Горсткинъ, только онъ не Горсткинъ, а Лягавый, такъ ты ему не говори, что онъ Лягавый, обидится. Коли сговоришься съ нимъ и увидишь что ладно, тотчасъ и отпиши сюда. Только это и напиши: «не лжетъ, дескать». Стой на одиннадцати, одну тысячку можешь спустить, больше не спускай. Подумай: восемь и одиннадцать — три тысячи разницы. Эти я три тысячи ровно какъ нашелъ, скоро-ли покупщика достанешь, а деньги до зарѣзу нужны. Дашь знать, что серіозно, тогда я самъ ужь отсюда слетаю и кончу, какъ нибудь урву время. А теперь чего я туда поскачу, если все это батька выдумалъ? Ну, ѣдешь или нѣтъ?

— Э, некогда, избавьте.

— Эхъ, одолжи отца, припомню! Безъ сердца вы всѣ, вотъ что̀!

Чего тебѣ день или два? Куда ты теперь, въ Венецію? Не развалится твоя Венеція въ два-то дня. Я Аленку послалъ-бы, да вѣдь что Аленка въ этихъ дѣлахъ? Я вѣдь единственно потому, что ты умный человѣкъ, развѣ я не вижу. Ѣсомъ не торгуешь, а глазъ имѣешь. Тутъ только чтобы видѣть: въ серіозъ или нѣтъ человѣкъ говоритъ. Говорю, гляди на бороду: трясется бородёнка — значитъ, въ серіозъ.

— Сами-жъ вы меня въ Германію эту проклятую толкаете, а? вскричалъ Иванъ Ѳедоровичъ, злобно усмѣхнувшись.

Ѳедоръ Павловичъ злобы не разглядѣлъ или не хотѣлъ разглядѣть, а усмѣшку подхватилъ:

— Значитъ, ѣдешь, ѣдешь? Сейчасъ тебѣ записку настрочу. Не знаю, поѣду-ли, не знаю, дорогой рѣшу.

— Что дорогой, рѣшй сейчасъ. Голубчикъ, рѣшй! Сговорились, напиши мнѣ двѣ строчки, вручи батюшкѣ и онъ мнѣ мигомъ твою цидулку пришлетъ. А затѣмъ и не держу тебя, ступай въ Венецію. Тебя обратно на Волковью станцію батюшка на своихъ доставитъ...

Старикъ былъ просто въ восторгѣ, записку настрочилъ, послали за лошадьми, подали закуску, коньякъ. Когда старикъ бывалъ радъ, то всегда начиналъ экспансивничать, но на этотъ разъ онъ какъ-бы сдерживался. Про Дмитрія Ѳедоровича, напримѣръ, не произнесъ ни единаго словечка. Разлукой-же совсѣмъ не былъ тронутъ. Даже какъ-бы и не находилъ о чемъ говорить; и Иванъ Ѳедоровичъ это очень замѣтилъ: Надобъ-же я ему, однако, подумалъ онъ про себя. Только провожая сына уже съ крыльца, старикъ немного какъ-бы заметался, полѣзъ было лобызаться. Но Иванъ Ѳедоровичъ поскорѣе протянулъ ему для пожатія руку, видимо отстраняя лобзанія. Старикъ тотчасъ понялъ и въ мигъ осадилъ себя.

— Ну, съ Богомъ, съ Богомъ! повторялъ онъ съ крыльца. — Вѣдь пріѣдешь еще когда въ жизни-то? Ну и пріѣзжай, всегда буду радъ. Ну, Христосъ съ тобою!

Иванъ Ѳедоровичъ влѣзъ въ тарантасъ.

— Прощай, Иванъ, очень-то не брани! крикнулъ въ послѣдній разъ отецъ.

Провожать вышли всѣ домашніе: Смердяковъ, Марѳа и Григорій. Иванъ Ѳедоровичъ подарилъ всѣмъ по десяти рублей. Когда уже онъ усѣлся въ тарантасъ, Смердяковъ подскочилъ поправить коверъ.

— Видишь... въ Германію ѣду... какъ-то вдругъ вырвалось у Ивана Ѳедоровича, опять какъ вчера, такъ само собою слетѣло, да еще съ какимъ-то нервнымъ смѣшкомъ. Долго онъ это вспоминалъ потомъ.

— Значитъ, правду говорятъ люди, что съ умнымъ человѣкомъ и поговорить любопытно, твердо отвѣтилъ Смердяковъ, проницательно глянувъ на Ивана Ѳедоровича.

Тарантасъ тронулся и помчался. Въ духѣ путешественника было смутно, но онъ жадно глядѣлъ кругомъ на поля, на холмы, на деревья, на стаю гусей пролетавшую надъ нимъ высоко по ясному небу. И вдругъ ему стало такъ хорошо. Онъ попробовалъ заговорить съ извощикомъ и его чрезвычайно что-то заинтересовало изъ того что̀ отвѣтилъ ему мужикъ, но чрезъ минуту сообразилъ, что все мимо ушей пролетѣло и что онъ, по правдѣ, и не понялъ того, что̀ мужикъ отвѣтилъ. Онъ замолчалъ, хорошо было и такъ: воздухъ чистый, свѣжій, холодноватый, небо ясное. Мелькнули было въ умѣ его образы Алеши и Катерины Ивановны; но онъ тихо усмѣхнулся и тихо дунулъ на милые призраки и они отлетѣли: Будетъ еще ихъ время, подумалъ онъ. Станцію отмахали быстро, перемѣнили лошадей и помчались на Воловью. Почему съ умнымъ человѣкомъ поговорить любопытно, что̀ онъ этимъ хотѣлъ сказать? вдругъ такъ и захватило ему духъ. А я зачѣмъ допекалъ ему, что въ Черманню ѣду? Доскакали до Воловьей станціи. Иванъ Ѳедоровичъ вышелъ изъ тарантаса и ямщики его обступили. Рядились въ Черманню, двѣнадцать верстъ проселкомъ, на вольныхъ. Онъ велѣлъ впрягать. Вошелъ было въ станціонный домъ, оглядѣлся кругомъ, взглянулъ было на смотрительшу и вдругъ вышелъ обратно на крыльцо.

— Не надо въ Черманню. Не опоздаю, братцы, къ семи часамъ на желѣзную дорогу?

— Какъ разъ потрафимъ. Запрягать что-ли?

— Впрягай мигомъ. Не будетъ-ли кто завтра изъ васъ въ городѣ?

— Какъ не быть, вотъ Митрій будетъ.

— Не можешь-ли, Митрій, услугу оказать? Зайди ты къ отцу моему, Ѳедору Павловичу Карамазову, и скажи ты ему, что я въ Черманню не поѣхалъ. Можешь али нѣтъ?

— Почему не зайдти, зайдемъ: Ѳедора Павловича очень давно знаемъ.

— А вотъ тебѣ и на чай, потому онъ тебѣ, пожалуй, не дастъ... весело засмѣялся Иванъ Ѳедоровичъ.

— А и впрямь не дадутъ, засмѣялся и Митрій.—Спасибо, сударь, непремѣнно выполнимъ...

Въ семь часовъ вечера Иванъ Ѳедоровичъ вошелъ въ вагонъ и полетѣлъ въ Москву. Прочь все прежнее, конечно съ прежнимъ міромъ на вѣки, и чтобы не было изъ него ни вѣсти, ни отзыва:

въ новый міръ, въ новыя мѣста, и безъ оглядки! Но вмѣсто восторга на душу его сошелъ вдругъ такой мракъ, а въ сердцѣ залыла такая скорбь, какой никогда онъ не ощущалъ прежде во всю свою жизнь. Онъ продумалъ всю ночь: вагонъ летѣлъ, и только на разсвѣтѣ, уже въѣзжая въ Москву, онъ вдругъ какъ-бы очнулся:

— Я подлецъ!—прошепталъ онъ про себя.

А Ѳедоръ Павловичъ, проводивъ сынка, остался очень доволенъ. Цѣлые два часа чувствовалъ онъ себя почти счастливымъ и пилъ коньячокъ; но вдругъ въ домѣ произошло одно предосадное и препрiятное для всѣхъ обстоятельство, мигомъ повергшее Ѳедора Павловича въ большое смятеніе: Смердяковъ пошелъ зачѣмъ-то въ погребъ и упалъ внизъ съ верхней ступеньки. Хорошо еще, что на дворѣ случилась въ то время Марѳа Игнатьевна и во-время услышала. Паденія она не видѣла, но зато услышала крикъ, крикъ особенный, страшный, но ей уже давно извѣстный,—крикъ эпилептика, падающаго въ припадкѣ. Приключился-ли съ нимъ припадокъ въ ту минуту, когда онъ сходилъ по ступенькамъ внизъ, такъ что онъ, конечно, тотчасъ-же и долженъ былъ слетѣть внизъ въ безчувствіи, или, напротивъ, уже отъ паденія и отъ сотрясенія произошелъ у Смердякова, извѣстнаго эпилептика, его припадокъ,— разобрать нельзя было, но нашли его уже на днѣ погреба, въ корчахъ и судорогахъ, бьющимся и съ пѣной у рта. Думали сначала, что онъ навѣрно сломалъ себѣ что нибудь, руку или ногу, и расшибся, но, однако, сберегъ Господь, какъ выразилась Марѳа Игнатьевна: ничего такого не случилось, а только трудно было достать его и вынести изъ погреба на свѣтъ Божій. Но попросили у сосѣдей помощи и кое-какъ это совершили. Находился при всей этой церемоніи и самъ Ѳедоръ Павловичъ, самъ помогалъ, видимо перепуганный и какъ-бы потерявшійся. Больной, однако, въ чувство не входилъ: припадки хоть и прекращались на время, но зато возобновлялись опять, и всѣ заключили, что произойдетъ тоже самое, что и въ прошломъ году, когда онъ тоже упалъ нечаянно съ чердака. Вспомнили, что тогда прикладывали ему къ темени льду. Ледокъ въ погребъ еще нашелся и Марѳа Игнатьевна распорядилась, а Ѳедоръ Павловичъ подъ вечеръ послалъ за докторомъ Герценштубе, который и прибылъ немедленно. Осмотрѣвъ больнаго тщательно (это былъ самый тщательный и внимательный докторъ во всей губерніи, пожилой и почтеннѣйшій старичокъ), онъ заключилъ, что припадокъ чрезвычайный и можетъ грозить опасностью . что покамѣстъ онъ, Герценштубе, еще не понимаетъ всего, но что завтра утромъ, если не помогутъ теперешнія средства, онъ рѣшится при-

нять другія. Больнаго уложили во флигель, въ комнатку рядомъ съ помѣщеніемъ Григорія и Марфы Игнатьевны. Затѣмъ Ѳедоръ Павловичъ уже весь день претерпѣвалъ лишь несчастіе за несчастіемъ: обѣдъ стряпала Марфа Игнатьевна и сунь сравнительно съ приготовленіемъ Смердякова, вышелъ словно помои, а курица оказалась до того пересушеною, что и прожевать ее не было никакой возможности. Марфа Игнатьевна на горькіе, хотя и справедливые, упреки барина возражала, что курица и безъ того была уже очень старая, а что сама она въ поварахъ не училась. Къ вечеру вышла другая забота: доложили Ѳедору Павловичу, что Григорій, который съ третьяго дня расхворался, какъ разъ совсѣмъ почти слегъ, отнялась поясница. Ѳедоръ Павловичъ окончилъ свой чай какъ можно поранѣе и заперся одинъ въ домѣ. Былъ онъ въ страшномъ и тревожномъ ожиданіи. Дѣло въ томъ, что какъ разъ въ этотъ вечеръ ждалъ онъ прибытія Грушеньки уже почти навѣрно; по крайней мѣрѣ, получилъ онъ отъ Смердякова, еще рано по утру, почти завѣреніе, что онѣ уже несомнѣнно обѣщали прибыть-съ. Сердце неугомоннаго старичка билось тревожно, онъ ходилъ по пустымъ своимъ комнатамъ и прислушивался. Надо было держать ухо востро: могъ гдѣ нибудь сторожить ее Дмитрій Ѳедоровичъ, а какъ она постучится въ окно (Смердяковъ еще третьяго дня увѣрилъ Ѳедора Павловича, что передастъ ей гдѣ и куда постучаться), то надо было отпереть двери какъ можно скорѣе и отнюдь не задерживать ее ни секунды напрасно въ сѣняхъ, чтобы чего, Боже сохрани, не испугалась и не убѣжала. Хлопотливо было Ѳедору Павловичу, но никогда еще сердце его не купалось въ болѣе сладкой надеждѣ: почти вѣдь навѣрно можно было сказать, что въ этотъ разъ она уже непремѣнно придетъ!..

КНИГА ШЕСТАЯ.

Русскій инокъ.

I.

Старецъ Зосима и гости его.

Когда Алеша съ тревогой и съ болью въ сердцѣ вошелъ въ келью старца, то остановился почти въ изумленіи: вмѣсто отходящаго больнаго, можетъ быть, уже безъ памяти, какимъ боялся найдти его, онъ вдругъ его увидалъ сидящимъ въ креслѣ, хотя съ изможденнымъ отъ слабости, но съ бодрымъ и веселымъ лицомъ,

окружённаго гостями и ведущаго съ ними тихую и свѣтлую бесѣду. Впрочемъ, всталъ онъ съ постели не болѣе какъ за четверть часа до прихода Алеши: гости уже собрались въ его келью раньше и ждали пока онъ проснется, по твердому завѣренію отца Паисія, что учитель встанетъ несомнѣнно, чтобъ еще разъ побесѣдовать съ милыми сердцу его, какъ самъ изрекъ и какъ самъ пообѣщалъ еще утромъ. Обѣщанію-же этому, да и всякому слову отходящаго старца, отецъ Паисій вѣровалъ твердо, до того, что если-бы видѣлъ его и совсѣмъ уже безъ сознанія и даже безъ дыханія, но имѣлъ-бы его обѣщаніе, что еще разъ возстанетъ и простится съ нимъ, то не повѣрилъ-бы, можетъ быть, и самой смерти, все ожидая, что умирающій очнется и исполнитъ обѣтованное. Но утру-же старецъ Зосима положительно изрекъ ему, отходя ко сну: Не умру, прежде чѣмъ еще разъ не увижусь бесѣдой съ вами, возлюбленные сердца моего, на милые лики ваши погляжу, душу мою вамъ еще разъ изолью. Собравшіеся на эту послѣднюю, вѣроятно, бесѣду старца, были самые преданные ему друзья съ давнихъ лѣтъ. Ихъ было четверо: іеромонахи отецъ Іосифъ и отецъ Паисій, іеромонахъ отецъ Михаилъ, настоятель скита, человѣкъ не весьма еще старый, далеко не столь ученый, изъ званія простаго, но духомъ твердый, неуклонно и просто вѣрующій, съ виду суровый, но проникновенный глубокимъ умиленіемъ въ сердцѣ своемъ, хотя видимо скрывалъ свое умиленіе до какого-то даже стыда. Четвертый гость былъ совсѣмъ уже старенькій, простенькій монашекъ, изъ бѣднѣйшаго крестьянскаго званія, братъ Анонимъ, чуть-ли даже не малограмотный, молчаливый и тихій, рѣдко даже съ кѣмъ говорившій, между самыми смиренными смиреннѣйшій и имѣвшій видъ человѣка какъ-бы на вѣки испуганнаго чѣмъ-то великимъ и страшнымъ, не въ подъемъ уму его. Этого какъ-бы трепещущаго человѣка старецъ Зосима весьма любилъ и во всю жизнь свою относился къ нему съ необыкновеннымъ уваженіемъ, хотя, можетъ быть, ни съ кѣмъ во всю жизнь свою не сказалъ менѣе словъ какъ съ нимъ, не смотря на то, что когда-то многіе годы провелъ въ странствованіяхъ съ нимъ вдвоемъ по всей святой Руси. Было это уже очень давно, лѣтъ предъ тѣмъ уже сорокъ, когда старецъ Зосима впервые началъ иноческій подвигъ свой въ одномъ бѣдномъ, мало извѣстномъ Костромскомъ монастырѣ, и когда, вскорѣ послѣ того, пошелъ сопутствовать отцу Анониму въ странствіяхъ его для сбора пожертвованій на ихъ бѣдный Костромской монастырекъ. Всѣ, и хозяинъ, и гости расположились во второй комнатѣ старца, въ которой стояла постель его, комнатъ, какъ и было указано прежде, весьма тѣсной, такъ что всѣ четверо (кромѣ Порфирія послушника, пребывавшаго стоя) едва размѣсти-

лись вокругъ кресель старца на принесенныхъ изъ первой комнаты стульяхъ. Начало уже смеркаться. Комната освѣщалась отъ лампадъ и восковыхъ свѣчъ предъ иконами. Увидавъ Алешу, смутившагося при входѣ и ставшаго въ дверяхъ, старецъ радостно улыбнулся ему и протянулъ руку:

— Здравствуй, тихій, здравствуй, милый, вотъ и ты. И зналъ, что прибудешь.

Алеша подошелъ къ нему, склонился предъ нимъ до земли и заплакалъ. Что-то рвалось изъ его сердца, душа его трепетала, ему хотѣлось рыдать.

— Что ты, подожди оплакивать, улыбнулся старецъ, положивъ правую руку свою на его голову,—видишь, сѣку и бесѣдую, можетъ, и двадцать лѣтъ еще проживу, какъ пожелала мнѣ вчера та добрая, милая, изъ Вышегорья, съ дѣвочкой Лизаветой на рукахъ. Помяни Господи и мать и дѣвочку Лизавету (онъ перекрестился). Порфирій, даръ-то ея снесъ куда я сказалъ?

Это онъ припомнилъ о вчерашнихъ шести гривнахъ, пожертвованныхъ веселою поклонницей, чтобъ отдать «той, которая меня обидѣла». Такія жертвы происходятъ какъ эпитеміи добровольно на себя почему либо наложенныя, и непремѣнно изъ денегъ, собственнымъ трудомъ добытыхъ. Старецъ послалъ Порфирія еще съ вечера къ одной, недавно еще погорѣвшей нашей мѣщанкѣ, вдовѣ съ дѣтьми, пожертвовавшей послѣ пожара нищенствовать. Порфирій поспѣшилъ донести, что дѣло уже сдѣлано и что подалъ какъ приказано ему было «отъ неизвѣстной благотворительницы».

— Встань, милый, продолжалъ старецъ Алешѣ,—дай посмотрю на тебя. Былъ-ли у своихъ и видѣлъ-ли брата?

Алешѣ странно показалось, что онъ спрашиваетъ такъ твердо и точно, объ одномъ только изъ братьевъ,—но о которомъ-же: значитъ, для этого-то брата, можетъ быть, и отсылалъ его отъ себя и вчера, и сегодня.

— Одного изъ братьевъ видѣлъ, отвѣтилъ Алеша.

— Я про того, вчерашняго, старшаго, которому я до земли поклонился.

— Того я вчера лишь видѣлъ, а сегодня никакъ не могъ найдти, сказалъ Алеша.

— Поспѣши найдти, завтра опять стучай и поспѣши, все оставь и поспѣши. Можетъ, еще успѣешь что либо ужасное предупредить. Я вчера великому будущему страданію его поклонился.

Онъ вдругъ умолкъ и какъ-бы задумался. Слова были странныя. Отецъ Іосифъ, свидѣтель вчерашняго земнаго поклона старца, переглянулся съ отцомъ Паисіемъ. Алеша не вытерпѣлъ:

Отецъ и учитель, проговорилъ онъ въ чрезвычайномъ волненіи,—слишкомъ неясны слова ваши... Какое это страданіе ожидаетъ его?

Не любопытствуй. Показалось мнѣ вчера нѣчто страшное... словно всю судьбу его выразилъ вчера его взглядъ. Былъ такой у него одинъ взглядъ... такъ что ужаснулся я въ сердцѣ моемъ мгновенно тому, что̀ уготовляетъ этотъ человѣкъ для себя. Разъ или два въ жизни видѣлъ я у нѣкоторыхъ такое-же выраженіе лица... какъ-бы изображавшее всю судьбу тѣхъ людей, и судьба ихъ, увы, сбылась. Послалъ я тебя къ нему, Алексѣй, ибо думалъ, что братскійликъ твой поможетъ ему. Но все отъ Господа и всѣ судьбы наши. Если пшеничное зерно, падши въ землю, не умретъ, то останется одно: а если умретъ, то принесетъ много плода. Запомни сіе. А тебя, Алексѣй, много разъ благословлять я мысленно въ жизни моей заликъ твой, узнай сіе, проговорилъ старецъ съ тихою улыбкой. Мыслю о тебѣ такъ: изыдешь изъ стѣнъ сихъ, а въ мірѣ пребудешь какъ инокъ. Много будешь имѣть противниковъ, но и самые враги твои будутъ любить тебя. Много несчастій принесетъ тебѣ жизнь, но ими-то ты и счастливъ будешь и жизнь благословишь, и другихъ благословить заставишь,—что̀ важнѣе всего. Ну, вотъ ты каковъ. Отцы и учители мои, умиленно улыбаясь, обратился онъ къ гостямъ своимъ, -никогда до сего дня не говорилъ я, даже и ему, за что былъ столь милымъ душѣ моейликъ сего юноши. Теперь лишь скажу: былъ мнѣликъ его какъ-бы напоминаніемъ и пророчествомъ. На зарѣ дней моихъ, еще маленькимъ ребенкомъ, имѣлъ я старшаго брата, умершаго юношей, на глазахъ моихъ, всего только семнадцати лѣтъ. И потомъ, проходя жизнь мою, убѣдился я постепенно, что былъ этотъ братъ мой въ судьбѣ моей какъ-бы указаніемъ и предназначеніемъ свыше, ибо не явись онъ въ жизни моей, не будь его вовсе, и никогда-то, можетъ быть, я такъ мыслю, не принялъ-бы я иноческаго сана и не вступилъ на драгоцѣнный путь сей. То первое явленіе было еще въ дѣтствѣ моемъ, и вотъ уже на склонѣ пути моего явилось мнѣ вскорѣ какъ-бы повтореніе его. Чудно это, отцы и учители, что не бывъ столь похожъ на него лицомъ, а лишь нѣсколько, Алексѣй казался мнѣ до того схожимъ съ тѣмъ духовно, что много разъ считалъ я его, какъ-бы прямо за того юношу, брата моего, приходящаго ко мнѣ на концѣ пути моего таинственно, для нѣкоего воспоминанія и пробужденія, такъ что даже удивлялся себѣ самому и таковой странной мечтѣ моей. Слышишь-ли сіе, Порфирій, обратился онъ къ прислуживавшему ему послушнику.—Много разъ видѣлъ я на лицѣ твоемъ какъ-бы огорченіе, что я Алексѣя больше люблю чѣмъ

тебя. Теперь знаешь почему такъ было. но и тебя люблю. знай это. и много разъ гореваль. что ты огорчаешься. Вамъ-же. милые гости. хочу я повѣдать о семъ юношѣ братѣ моемъ. ибо не было въ жизни моей явленія драгоцѣннѣе сего. болѣе пророческаго и трогательнаго. Умилилось сердце мое и созерцаю всю жизнь мою въ сію минуту, како-бы вновь ее всю изживая...

— —

Здѣсь я должень замѣтить. что эта послѣдняя бесѣда старца съ посѣтившими его въ послѣдній день жизни его гостями сохранилась отчасти записанною. Записалъ Алексѣй Ѳедоровичъ Карамазовъ нѣкоторое время спустя по смерти старца на память. Но была-ли это вполнѣ тогдашняя бесѣда или онъ присовокупилъ къ ней въ запискѣ своей и изъ прежнихъ бесѣдъ съ учителемъ своимъ. этого уже я не могу рѣшить. къ тому-же вся рѣчь старца въ запискѣ этой ведется какъ-бы безпрерывно. словно какъ-бы онъ излагалъ жизнь свою въ видѣ повѣсти, обращаясь къ друзьямъ своимъ, тогда какъ. безъ сомнѣнія, по послѣдовавшимъ разсказамъ, на дѣлѣ. происходило нѣсколько иначе, ибо велась бесѣда въ тотъ вечеръ общая и хотя гости хозяина своего мало перебивали. но все-же говорили и отъ себя, вмѣшиваясь въ разговоръ, можетъ быть. даже и отъ себя повѣдали и разсказали что либо. къ тому-же и безпрерывности такой въ повѣствованіи семъ быть не могло, ибо старецъ иногда задыхался. терялъ голосъ и даже любилъ отдохнуть на постели своей. хотя и не засыпалъ, а гости не покидали мѣстъ своихъ. Разъ или два бесѣда прерывалась чтеніемъ Евангелія, читалъ отецъ Паисій. Замѣчательно тоже. что никто изъ нихъ. однако-же. не предполагалъ. что умретъ онъ въ самую эту-же ночь. тѣмъ болѣе, что въ этотъ послѣдній вечеръ жизни своей онъ. послѣ глубокаго дневного сна. вдругъ какъ-бы обрѣлъ въ себѣ новую силу. поддержавшую его во всю длинную эту бесѣду съ друзьями. Это было какъ-бы послѣднимъ умиленіемъ. поддержавшимъ въ немъ немногое оживленіе. но на малый лишь срокъ. ибо жизнь его пресѣклась вдругъ... Но объ этомъ послѣ. Теперь-же хочу увѣдомить. что предпочелъ, не излагая всѣхъ подробностей бесѣды. ограничиться лишь разсказомъ старца по рукописи Алексѣя Ѳедоровича Карамазова. Будетъ оно короче, да и не столь утомительно. хотя. конечно, повторяю это. многое Алеша взялъ и изъ прежнихъ бесѣдъ и совокупилъ вмѣстѣ.

II.

Изъ житія въ Бозѣ преставившагося іеросхимонаха старца Зосимы, составлено съ собственныхъ словъ его Алексѣемъ Ѳедоровичемъ Карамазовымъ.

СВѢДѢНІЯ БІОГРАФИЧЕСКІЯ.

а) О юношѣ братѣ старца Зосимы.

Возлюбленные отцы и учители, родился я въ далекой губерніи сѣверной, въ городѣ В., отъ родителя дворянина, но не знатнаго и не весьма чиновнаго. Скончался онъ, когда было мнѣ всего лишь два года отъ роду и не помню я его вовсе. Оставилъ онъ матушкѣ моей деревянный домъ небольшой и нѣкоторый капиталъ, не великій, но достаточный, чтобы прожить съ дѣтьми не нуждаясь. А было насъ всего у матушки двое: я, Зиновій, и старшій братъ мой, Маркелъ. Былъ онъ старше меня годовъ на восемь, характера вспыльчиваго и раздражительнаго. но добрый, не насмѣшливый, и страшно какъ молчаливый, особенно въ своемъ домѣ, со мной, съ матерью и съ прислугой. Учился въ гимназіи хорошо, но съ товарищами своими не сходился, хотя и не ссорился, такъ, по крайней мѣрѣ, запомнила о немъ матушка. За полгода до кончины своей, когда уже минуло ему семнадцать лѣтъ, повадился онъ ходить къ одному уединенному въ нашемъ городѣ человѣку, какъ-бы политическому ссыльному, высланному изъ Москвы въ нашъ городъ за вольнодумство. Былъ-же этотъ ссыльный не малый ученый и знатный философъ въ университетѣ. Почему-то онъ полюбилъ Маркела и сталъ принимать его. Просиживалъ у него юноша цѣлые вечера, и такъ во всю зиму, доколѣ не потребовали обратно ссыльнаго на государственную службу въ Петербургъ, по собственной просьбѣ его, ибо имѣлъ покровителей. Начался великій постъ, а Маркелъ не хочетъ поститься, бранится и надъ этимъ смѣется: „все это бредни, говоритъ, и нѣтъ никакого и Бога", такъ что въ ужасъ привелъ и мать и прислугу, да и меня малаго, ибо хотя былъ я и девяти лѣтъ всего, но, услышавъ слова сіи, испугался очень и я. Прислуга-же была у насъ вся крѣпостная, четверо человѣкъ, всѣ купленные на имя знакомаго намъ помѣщика. Еще помню какъ изъ сихъ четверыхъ продала матушка одну, кухарку Аѳимью. хромую и пожилую, за шестьдесятъ рублей ассигнаціями, а на мѣсто ея наняла вольную. И вотъ на шестой недѣлѣ поста

стало вдруг брату хуже, а был он и всегда нездоровый, грудной, сложения слабого и наклонный к чахотке; роста-же не малаго, но тонкій и хилый, лицомъ-же весьма благообразенъ. Простудился онъ, что-ли, но докторъ прибылъ и вскорѣ шепнулъ матушкѣ, что чахотка скоротечная, и что весны не переживетъ. Стала мать плакать, стала просить брата съ осторожностію (болѣе для того, чтобы не испугать его), чтобы поговѣлъ и причастился Святыхъ Божіихъ Таинъ, ибо былъ онъ тогда еще на ногахъ. Услышавъ, разсердился и выбранилъ храмъ Божій, однако, задумался: догадался сразу, что болѣнь опасно и что потому-то родительница и посылаетъ его, пока силы есть, поговѣть и причаститься. Впрочемъ, и самъ уже зналъ, что давно нездоровъ и еще за годъ предъ тѣмъ проговорился разъ за столомъ мнѣ и матери хладнокровно: «не жилецъ я на свѣтѣ между вами, можетъ, и года не проживу», и вотъ словно и напророчилъ. Прошло дня три и настала Страстная недѣля. И вотъ братъ со вторника утра пошелъ говѣть. «Я это, матушка, собственно для васъ дѣлаю, чтобъ обрадовать васъ и успокоить», сказалъ онъ ей. Заплакала мать отъ радости, да и съ горя: «знать близка кончина его, коли такая въ немъ вдругъ перемѣна». Но не долго походилъ онъ въ церковь, слегъ, такъ что исповѣдывали и причастили его уже дома. Дни наступили свѣтлые, ясные, благоуханные, Пасха была поздняя. Всю-то ночь онъ, я помню, кашляетъ, худо спитъ, а на утро всегда одѣнется и попробуетъ сѣсть въ мягкія кресла. Такъ и запомню его: сидитъ тихій, кроткій, улыбается, самъ больной, а ликъ веселый, радостный. Измѣнился онъ весь духовно — такая дивная началась въ немъ вдругъ перемѣна! Войдетъ къ нему въ комнату старая нянька: «позволь, голубчикъ, я и у тебя лампадку зажгу предъ образомъ». А онъ прежде не допускалъ, задувалъ даже.— «Зажигай, милая, зажигай, извергъ я былъ, что прежде вамъ прежде. Ты Богу лампадку зажигая молишься, а я на тебя радуясь молюсь. Значитъ, одному Богу и молимся». Странными казались намъ эти слова, а мать уйдетъ къ себѣ и все плачетъ, только къ нему входя обтирала глаза и принимала веселый видъ. «Матушка, не плачь, голубушка, говоритъ, бывало, много еще жить мнѣ, много веселиться съ вами, а жизнь-то, жизнь-то веселая, радостная!» — «Ахъ, милый, ну какое тебѣ веселье, когда ночь горишь въ жару да кашляешь, такъ что грудь тебѣ чуть не разорветъ». — «Мама, отвѣчаетъ ей, не плачь, жизнь есть рай, и всѣ мы въ раю, да не хотимъ знать того, а если-бы захотѣли узнать, завтра-же и сталъ-бы на всемъ свѣтѣ рай». И дивились всѣ словамъ его, такъ онъ это страшно и такъ рѣшительно говорилъ: умилялись и плакали. Приходили къ намъ знакомые: «милые,

говоритъ, дорогіе, и чѣмъ я заслужилъ, что вы меня любите, за что вы меня такого любите и какъ я того прежде не зналъ, не цѣнилъ. Входящимъ слугамъ говорилъ помнутно: Милые мои, дорогіе, за что вы мнѣ служите, да и стою-ли я того, чтобы служить-то мнѣ? Если-бы помиловалъ Богъ и оставилъ въ живыхъ, сталъ-бы самъ служить вамъ, ибо всѣ должны одинъ другому служить». Матушка, слушая, качала головой: «дорогой ты мой, отъ болѣзни ты такъ говоришь». — Мама, радость моя, говоритъ, нельзя чтобы не было господъ и слугъ, но пусть-же и я буду слугой моихъ слугъ, такимъ-же, какимъ и они мнѣ. Да еще скажу тебѣ, матушка, что всякій изъ насъ предъ всѣми во всемъ виноватъ, а я болѣе всѣхъ». Матушка такъ даже тутъ усмѣхнулась, плачетъ и усмѣхается: — Ну и чѣмъ это ты, говоритъ, предъ всѣми больше всѣхъ виноватъ? Тамъ убійцы, разбойники, а ты чего такого успѣлъ нагрѣшить, что себя больше всѣхъ обвиняешь? — «Матушка, кровинушка ты моя, говоритъ (сталъ онъ такія любезныя слова тогда говорить, неожиданныя), кровинушка ты моя милая, радостная, знай, что во истину всякій предъ всѣми за всѣхъ и за все виноватъ. Не знаю я какъ истолковать тебѣ это, но чувствую, что это такъ, до мученія. И какъ это мы жили, сердились и ничего не знали тогда?» Такъ онъ вставалъ со сна, каждый день все больше и больше умиляясь и радуясь, и весь тренета любовью. Пріѣдетъ, бывало, докторъ, старикъ нѣмецъ Эйзеншмидтъ ѣздилъ: «Ну что, докторъ, проживу я еще денекъ-то на свѣтѣ?» шутитъ, бывало, съ нимъ. — Не то что день и много дней проживете, отвѣтитъ, бывало, докторъ, «и мѣсяцы, и годы еще проживете». — Да чего годы, чего мѣсяцы! воскликнетъ, бывало, — что тутъ дни-то считать, и одного дня довольно человѣку, чтобы все счастіе узнать. Милые мои, чего мы ссоримся, другъ предъ другомъ хвалимся, одинъ на другомъ обиды помнимъ: прямо въ садъ пойдемъ и станемъ гулять и рѣзвиться, другъ друга любить и восхвалять, и цѣловать, и жизнь нашу благословлять. — Не жилецъ онъ на свѣтѣ, вашъ сынъ», промолвилъ докторъ матушкѣ, когда провожала она его до крыльца, — «онъ отъ болѣзни впадаетъ въ помѣшательство». Выходили окна его комнаты въ садъ, а садъ у насъ былъ тѣнистый, съ деревьями старыми, на деревьяхъ завязались весеннія почки, прилетѣли ранніе птички, гогочутъ, поютъ ему въ окна. И сталъ онъ вдругъ, глядя на нихъ и любуясь, просить и у нихъ прощенія: «Птички Божіи, птички радостныя, простите и вы меня, потому что и предъ вами я согрѣшилъ». Этого ужь никто тогда у насъ не могъ понять, а онъ отъ радости плачетъ: «Да, говоритъ, была такая Божія слава кругомъ меня: птички, деревья, луга, не-

беса, одинъ я жилъ въ позорѣ, одинъ все обезчестилъ, а красы и славы не примѣтилъ вовсе . — Ужь много ты на себя грѣховъ береши . плачетъ. бываю, матушка. · · Матушка, радость моя. я вѣдь отъ веселья, а не отъ горя это плачу: мнѣ вѣдь самому хочется предъ ними виноватымъ быть, растолковать только тебѣ не могу. ибо не знаю какъ ихъ и любить. Пусть я грѣшенъ предъ всѣми, да зато и меня всѣ простятъ, вотъ и рай. Развѣ я теперь не въ раю?»

И много еще было чего и не припомнить, и не вписать. Помню, однажды вошелъ я къ нему одинъ, когда никого у него не было. Часъ былъ вечерній, ясный, солнце закатывалось и всю комнату освѣтило косымъ лучомъ. Поманилъ онъ меня, увидавъ, подошелъ я къ нему, взялъ онъ меня обѣими руками за плечи, глядитъ мнѣ въ лицо умиленно, любовно: ничего не сказалъ, только поглядѣлъ такъ съ минуту: Ну . говоритъ, ступай теперь, играй. живи за меня! Вышелъ я тогда и пошелъ играть. А въ жизни потомъ много разъ припоминалъ уже со слезами, какъ онъ велѣлъ мнѣ жить за себя. Много еще говорилъ онъ такихъ дивныхъ и прекрасныхъ. хотя и непонятныхъ намъ тогда словъ. Скончался-же на третьи недѣлѣ послѣ Пасхи, въ памяти. и хотя и говорить уже переставъ, но не измѣнился до самаго послѣдняго своего часа: смотритъ радостно. въ очахъ веселье, взглядами насъ ищетъ. улыбается намъ. насъ зоветъ. Даже въ городѣ много говорили о его кончинѣ. Потрясло меня все это тогда, но не слишкомъ. хоть и плакалъ я очень, когда его хоронили. Юнъ былъ, ребенокъ. но на сердцѣ осталось все незгладимо. затаилось чувство. Въ свое время должно было все возстать и откликнуться. Такъ оно и случилось.

б) О Священномъ Писаніи въ жизни отца Зосимы.

Остались мы тогда одни съ матушкой. Посовѣтовали ей скоро добрые знакомые, что вотъ, дескать, остался всего одинъ у васъ сынокъ, и не бѣдные вы. капиталъ имѣете, такъ по примѣру прочихъ, почему-бы сына вашего не отправить вамъ въ Петербургъ. а оставшись здѣсь, знатнои, можетъ быть, участи его лишите. И надумили матушку меня въ Петербургъ, въ кадетскій корпусъ свезти. чтобы въ императорскую гвардію потомъ поступить. Матушка долго колебалась: какъ это съ послѣднимъ сыномъ разстаться. но. однако, рѣшилась, хотя и не безъ многихъ слезъ. думая счастію моему способствовать. Свезла она меня въ Петербургъ. да и опредѣлила, а съ тѣхъ поръ я ея и не видалъ вовсе: ибо черезъ три года сама скончалась, всѣ три года по насъ обоихъ грустила и

трепетала. Изъ дома родительскаго вынесъ я лишь драгоцѣнныя воспоминанія, ибо нѣтъ драгоцѣннѣе воспоминаній у человѣка какъ отъ перваго дѣтства его въ домѣ родительскомъ, и это почти всегда такъ, если даже въ семействѣ хоть только чуть-чуть любовь да союзъ. Да и отъ самаго дурнаго семейства могутъ сохраниться воспоминанія драгоцѣнныя, если только сама душа твоя способна искать драгоцѣнное. Къ воспоминаніямъ-же домашнимъ причитаю и воспоминанія о священной исторіи, которую въ домѣ родительскомъ, хотя и ребенкомъ, я очень любопытствовалъ знать. Была у меня тогда книга, священная исторія, съ прекрасными картинками, подъ названіемъ: Сто четыре священныя исторіи Ветхаго и Новаго Завѣта , и по ней я и читать учился. И теперь она у меня здѣсь на полкѣ лежитъ, какъ драгоцѣнную память сохраняю. Но и до того еще какъ читать научился, помню, какъ въ первый разъ коснулось меня нѣкоторое проникновеніе духовное, еще восьми лѣтъ отъ роду. Повела матушка меня одного (не помню гдѣ былъ тогда братъ), во храмъ Господень, въ Страстную недѣлю въ понедѣльникъ къ обѣдни. День былъ ясный и я, вспоминая теперь, точно вижу вновь, какъ возносился изъ кадила оміамъ и тихо восходилъ вверхъ, а сверху въ куполъ, въ узенькое окошечко, такъ и льются на насъ въ церковь Божьи лучи и, восходя къ нимъ волнами, какъ-бы таяли въ нихъ оміамъ. Смотрѣлъ я умиленно и въ первый разъ отъ роду принялъ я тогда въ душу первое сѣмя Слова Божія осмысленно. Вышелъ на средину храма отрокъ съ большою книгой, такою большою что, показалось мнѣ тогда, съ трудомъ даже и несъ ее и возложилъ на налой, отверзъ и началъ читать, и вдругъ я тогда въ первый разъ нѣчто понялъ что̀ во храмѣ Божіемъ читаютъ. Былъ мужъ въ землѣ Уѣ, правдивый и благочестивый, и было у него столько-то богатства, столько-то верблюдовъ, столько-то овецъ и ословъ, и дѣти его веселились, и любилъ онъ ихъ очень и молилъ за нихъ Бога: можетъ, согрѣшили они, веселясь. И вотъ восходитъ къ Богу діаволъ вмѣстѣ съ сынами Божьими и говоритъ Господу, что прошелъ по всей землѣ и подъ землею. А видѣлъ-ли раба Моего Іова? спрашиваетъ его Богъ. И похвалился Богъ діаволу, указавъ на великаго святаго раба Своего. И усмѣхнулся діаволъ на слова Божіи: предай его мнѣ и увидишь что возропщетъ рабъ Твой и проклянетъ Твое имя . И предалъ Богъ Своего праведника, столь Имъ любимаго, діаволу и поразилъ діаволъ дѣтей его, и скотъ его, и разметалъ богатство его, все вдругъ, какъ Божіимъ громомъ. и разодралъ Іовъ одежды свои и бросился на землю, и возопилъ: нагъ вышелъ изъ чрева матери, нагъ и возвращусь въ землю, Богъ далъ, Богъ и взялъ. Буди имя Господне благословенно отнынѣ и до вѣка! Отцы и учители, пощадите тепе-

рѣнія слезы мои, —ибо все младенчество мое какъ-бы вновь возстаетъ предо мною, и дышу теперь какъ дышалъ тогда дѣтскою восьмилѣтнею грудкой моею. и чувствую, какъ тогда, удивленіе и смятеніе, и радость. И верблюды-то такъ тогда мое воображеніе заняли, и сатана, который такъ съ Богомъ говоритъ, и Богъ отдавшій раба Своего на погибель, и рабъ Его восклицающій: «Буди имя Твое благословенно, не смотря на то, что казнишь меня», —а затѣмъ тихое и сладостное нѣніе во храмѣ: «Да исправится молитва моя», и снова отнімать отъ кадила священника и колѣнопреклоненная молитва! Съ тѣхъ поръ,—даже вчера еще взялъ ее, и не могу читать эту пресвятую повѣсть безъ слезъ. А и сколько тутъ великаго, тайнаго, невообразимаго! Слышалъ я потомъ слова насмѣшниковъ и хулителей, слова гордыя: «какъ это могъ Господь отдать любимаго изъ святыхъ Своихъ на потѣху діаволу, отнять отъ него дѣтей, поразить его самого болѣзнью и язвами такъ, что черепкомъ счищалъ съ себя гной своихъ ранъ, и для чего: чтобы только похвалиться предъ сатаной: Вотъ что, дескать, можетъ вытерпѣть святой Мой ради Меня!» Но въ томъ и великое, что тутъ тайна, что мимолетный ликъ земной и вѣчная истина соприкоснулись тутъ вмѣстѣ. Предъ правдой земною совершается дѣйствіе вѣчной правды. Тутъ Творецъ какъ и въ первые дни творенія, завершая каждый день похвалою: «хорошо то что я сотворилъ», смотритъ на Іова и вновь хвалится созданіемъ Своимъ. А Іовъ, хваля Господа, служитъ не только Ему, но послужитъ и всему созданію Его въ роды и роды и во вѣки вѣковъ, ибо къ тому и предназначенъ былъ. Господи, что это за книга и какіе уроки! Что за книга это Священное Писаніе, какое чудо и какая сила данныя съ нею человѣку! Точно изваяніе міра и человѣка и характеровъ человѣческихъ, и названо все и указано на вѣки вѣковъ. И сколько тайнъ разрѣшенныхъ и откровенныхъ: возстановляетъ Богъ снова Іова, даетъ ему вновь богатство, проходятъ опять многіе годы, и вотъ у него уже новыя дѣти, другія, и любитъ онъ ихъ,—Господи: «да какъ могъ-бы онъ, казалось, возлюбить этихъ новыхъ, когда тѣхъ прежнихъ нѣтъ, когда тѣхъ лишился? Вспоминая тѣхъ, развѣ можно быть счастливымъ въ полнотѣ, какъ прежде, съ новыми, какъ-бы новыя ни были ему милы? Но можно, можно: старое горе великою тайной жизни человѣческой переходитъ постепенно въ тихую умиленную радость; вмѣсто юной кипучей крови наступаетъ кроткая ясная старость: благословляю восходъ солнца ежедневный, и сердце мое по прежнему поетъ ему, но уже болѣе люблю закатъ его. длинные косые лучи его, а съ ними тихія, кроткія, умиленныя воспоминанія, милые образы изо всей долгой и благословенной жизни.—а надо всѣмъ-то правда

Божія умиляющая, примиряющая, всепрощающая! Кончается жизнь моя. знаю и слышу это, но чувствую на каждый оставшійся день мой, какъ жизнь моя земная соприкасается уже съ новою, безконечною, невѣдомою, но близко грядущею жизнью, отъ предчувствія которой трепещетъ восторгомъ душа моя, сіяетъ умъ и радостно плачетъ сердце... Други и учители, слышалъ я не разъ, а теперь, въ послѣднее время, еще слышнѣе стало о томъ, какъ у насъ іерен Божіи, а пуще всего сельскіе, жалуются слезно и повсемѣстно на малое свое содержаніе и на униженіе свое, и прямо завѣряютъ, даже печатно,—читалъ сіе самъ,—что не могутъ они уже теперь будто-бы толковать народу Писаніе, ибо мало у нихъ содержанія. и если приходятъ уже лютеране и еретики и начинаютъ отбивать стадо, то и пусть отбиваютъ, ибо мало-де у насъ содержанія. Господи! думаю, дай Богъ имъ болѣе сего столь драгоцѣннаго для нихъ содержанія (ибо справедлива и ихъ жалоба), но во истину говорю: если кто виноватъ сему, то на половину мы сами! Ибо пусть нѣтъ времени, пусть онъ справедливо говоритъ, что угнетенъ все время работой и требами, но не все-же вѣдь время, вѣдь есть-же и у него хоть часъ одинъ во всю-то недѣлю, чтобъ и о Богѣ вспомнить. Да и не круглый-же годъ работа. Собери онъ у себя разъ въ недѣлю, въ вечерній часъ, сначала лишь только хоть дѣтокъ,—прослышатъ отцы и отцы приходить начнутъ. Да и не хоромы-же строить для сего дѣла, а просто къ себѣ въ избу прими; не страшись, не изгадятъ они твою избу, вѣдь всего-то на часъ одинъ собраніе. Разверни-ка онъ имъ эту книгу и начни читать безъ премудрыхъ словъ и безъ чванства, безъ возношенія надъ ними, а умиленно и кротко, самъ радуясь тому, что читаешь имъ и что они тебя слушаютъ и понимаютъ тебя, самъ любя словеса сіи. изрѣдка лишь остановись и растолкуй иное непонятное простолюдину слово, не безпокойся, поймутъ все, все пойметъ православное сердце! Прочти имъ объ Авраамѣ и Саррѣ, объ Исаакѣ и Ревеккѣ, о томъ какъ Іаковъ пошелъ къ Лавану и боролся во снѣ съ Господомъ и сказалъ: Страшно мѣсто сіе . и поразишь благочестивый умъ простолюдина. Прочти имъ, а дѣткамъ особенно, о томъ какъ братья продали въ рабство роднаго брата своего. отрока милаго, Іосифа. сновидца и пророка великаго, а отцу сказали, что звѣрь растерзалъ его сына, показавъ окровавленную одежду его. Прочти какъ потомъ братья пріѣзжали за хлѣбомъ въ Египетъ. и Іосифъ, уже царедворецъ великій. ими неузнанный, мучилъ ихъ, обвинялъ, задержалъ брата Вениамина, и все любя, любя: Люблю васъ и любя мучаю . Ибо вѣдь всю жизнь свою вспоминалъ неустанно какъ продали его гдѣ нибудь тамъ въ горячей степи. у колодца.

купцамъ, и какъ онъ, ломая руки, плакалъ и молилъ братьевъ не продавать его рабомъ въ чужую землю, и вотъ, увидя ихъ послѣ столькихъ лѣтъ, возлюбилъ ихъ вновь безмѣрно, но томилъ ихъ и мучилъ ихъ, все любя. Уходитъ, наконецъ, отъ нихъ, не выдержавъ самъ муки сердца своего, бросается на одръ свой и плачетъ; утираетъ потомъ лицо свое и выходитъ сіяющъ и свѣтелъ и возвѣщаетъ имъ: Братья, я Іосифъ, братъ вашъ! Пусть прочтетъ онъ далѣе о томъ, какъ обрадовался старецъ Іаковъ узнавъ, что живъ еще его милый мальчикъ, и потянулся въ Египетъ, бросивъ даже отчизну, и умеръ въ чужой землѣ, изрекши на вѣки вѣковъ въ завѣщаніи своемъ величайшее слово, вмѣщавшееся таинственно въ кроткомъ и боязливомъ сердцѣ его во всю его жизнь, о томъ, что отъ рода его, отъ Іуды, выйдетъ великое чаяніе міра, Примиритель и Спаситель его! Отцы и учители, простите и не сердитесь, что какъ малый младенецъ толкую о томъ, что̀ давно уже знаете и о чемъ меня-же научите, стократъ искуснѣе и благолѣпнѣе. Отъ восторга лишь говорю сіе, и простите слезы мои, ибо люблю книгу сію! Пусть заплачетъ и онъ, іерей Божій, и увидитъ, что сотрясутся въ отвѣтъ ему сердца его слушающихъ. Нужно лишь малое сѣмя, крохотное: брось онъ его въ душу простолюдина, и не умретъ оно, будетъ жить въ душѣ его во всю жизнь, таиться въ немъ среди мрака, среди смрада грѣховъ его, какъ свѣтлая точка, какъ великое напоминаніе. И не надо, не надо много толковать и учить, все пойметъ онъ просто. Думаете-ли вы, что не пойметъ простолюдинъ? Попробуйте, прочтите ему далѣе повѣсть, трогательную и умилительную, о прекрасной Эсѳири и надменной Вастіи; или чудное сказаніе о пророкѣ Іонѣ во чревѣ китовѣ. Не забудьте тоже притчи Господни, преимущественно по Евангелію отъ Луки (такъ я дѣлалъ), а потомъ изъ Дѣяній Апостольскихъ обращеніе Савла (это непремѣнно, непремѣнно!), а наконецъ, и изъ Четьи-Миней хотя-бы житіе Алексѣя Человѣка Божія и великой изъ великихъ радостной страдалицы, Боговидицы и Христоносицы матери Маріи Египтяныни — и пронзишь ему сердце его сими простыми сказаніями, и всего-то лишь часъ въ недѣлю, не взирая на малое свое содержаніе, одинъ часокъ. И увидитъ самъ, что милостивъ народъ нашъ и благодаренъ, отблагодаритъ во сто кратъ; помня радѣніе іерея и умиленныя слова его, поможетъ ему на нивѣ его добровольно, поможетъ и въ дому его, да и уваженіемъ воздастъ ему бо̀льшимъ прежняго,— вотъ уже и увеличится содержаніе его. Дѣло столь простодушное, что иной разъ боимся даже и высказать, ибо надъ тобою-же засмѣются, а между тѣмъ, сколь оно вѣрное! Кто не вѣритъ въ Бога, тотъ и въ народъ Божій не повѣритъ. Кто-же увѣровалъ въ народъ

Божій, тотъ узритъ и святыню Его, хотя-бы и самъ не вѣрилъ въ въ нее до того вовсе. Лишь народъ и духовная сила его грядущая обратитъ отторгнувшихся отъ родной земли атеистовъ нашихъ. И что за слово Христово безъ примѣра? Гибель народу безъ Слова Божія, ибо жаждетъ душа его Слова и всякаго прекраснаго восприятія. Въ юности моей, давно уже, чуть не сорокъ лѣтъ тому, ходили мы съ отцомъ Анонимомъ по всей Руси, собирая на монастырь подаяніе, и заночевали разъ на большой рѣкѣ судоходной, на берегу, съ рыбаками, а вмѣстѣ съ нами пришелъ одинъ благообразный юноша, крестьянинъ, лѣтъ уже восемнадцати на видъ, поснѣдалъ онъ къ своему мѣсту на завтра купеческую барку бичевою тянуть. И вижу я, смотритъ онъ предъ собой умиленно и ясно. Ночь свѣтлая, тихая, теплая, іюльская, рѣка широкая, паръ отъ нея поднимается, свѣжитъ насъ, слетка всплеснетъ рыбка, птички замолкли, все тихо, благолѣпно, все Богу молится. И не спимъ мы только оба, я да юноша этотъ, и разговорились мы о красѣ міра сего Божьяго и о великой тайнѣ его. Всякая-то травка, всякая-то букашка, муравей, пчелка золотая, всѣ-то до изумленія знаютъ путь свой не имѣя ума, тайну Божію свидѣтельствуютъ, безпрерывно совершаютъ ее сами, и, вижу я, разгорѣлось сердце милаго юноши. Повѣдалъ онъ мнѣ, что лѣсъ любитъ, птичекъ лѣсныхъ; былъ онъ птицеловъ, каждый ихъ свистъ понималъ, каждую птичку приманить умѣлъ: лучше того какъ въ лѣсу ничего я, говоритъ, не знаю, да и все хорошо. Истинно, отвѣчаю ему, все хорошо и великолѣпно, потому что все истина. Посмотри, говорю ему, на коня, животное великое, близъ человѣка стоящее, али на вола, сего питающаго и работающаго ему, понураго и задумчиваго, посмотри на лики ихъ: какая кротость, какая привязанность къ человѣку часто бьющему его безжалостно, какая незлобивость, какая довѣрчивость и какая красота въ еголикѣ. Трогательно даже это и знать, что на немъ нѣтъ никакого грѣха, ибо все совершенно, все кромѣ человѣка безгрѣшно, и съ ними Христосъ еще раньше нашего. Да неужто, спрашиваетъ юноша, и у нихъ Христосъ? — Какъ-же можетъ быть иначе, говорю ему, ибо для всѣхъ Слово, все созданіе и вся тварь, каждый листикъ устремляется къ Слову, Богу славу поетъ, Христу плачетъ, себѣ невѣдомо, тайной житія своего безгрѣшнаго совершаетъ сіе. Вонъ, говорю ему, въ лѣсу скитается страшный медвѣдь, грозный и свирѣпый, и ничѣмъ-то въ томъ неповинный. И разсказалъ я ему какъ приходилъ разъ медвѣдь къ великому святому, спасавшемуся въ лѣсу, въ малой келійкѣ, и умилился надъ нимъ великій святой, безстрашно вышелъ къ нему и подалъ ему хлѣба кусокъ: Ступай, дескать, Христосъ

съ тобой», и отошелъ звѣрь послушно и кротко, вреда не сдѣлавъ. И умилился юноша на то, что отошелъ, вреда не сдѣлавъ, и что и съ нимъ Христосъ. Ахъ, какъ, говоритъ, это хорошо, какъ все Божіе хорошо и чудесно! Сидитъ, задумался, тихо и сладко. Вѣку что понялъ. И заснулъ онъ подлѣ меня сномъ легкимъ, безгрѣшнымъ. Благослови Господь юность! И помолился я тутъ за него самъ, отходя ко сну. Господи, пошли миръ и свѣтъ Твоимъ людямъ!

в) Воспоминаніе о юности и молодости старца Зосимы еще въ мірѣ. Поединокъ.

Въ Петербургѣ, въ кадетскомъ корпусѣ пробылъ я долго, почти восемь лѣтъ, и съ новымъ воспитаніемъ многое заглушилъ изъ впечатлѣній дѣтскихъ, хотя и не забылъ ничего. Взамѣнъ того принялъ столько новыхъ привычекъ, и даже мнѣній, что преобразился въ существо почти дикое, жестокое и нелѣпое. Лоскъ учтивости и свѣтскаго обращенія вмѣстѣ съ французскимъ языкомъ пріобрѣлъ, а служившихъ намъ въ корпусѣ солдатъ считали мы всѣ какъ за совершенныхъ скотовъ, и я тоже. Я-то, можетъ быть, больше всѣхъ, ибо изо всѣхъ товарищей былъ на все воспріимчивѣе. Когда вышли мы офицерами, то готовы были проливать свою кровь за оскорбленную полковую честь нашу, о настоящей-же чести почти никто изъ насъ и не зналъ, что она такое есть, а узналъ-бы, такъ осмѣялъ-бы ее тотчасъ-же самъ первый. Пьянствомъ, дебоширствомъ и ухорствомъ чуть не гордились. Не скажу чтобы были скверные; всѣ эти молодые люди были хорошіе, да вѣдь-то себя скверно, а пуще всѣхъ я. Главное то, что у меня объявился свой капиталъ, а потому и пустился я жить въ свое удовольствіе, со всѣмъ юнымъ стремленіемъ, безъ удержу, попалъ на всѣхъ парусахъ. Ну, вотъ что дивно: читалъ я тогда и книги, и даже съ большимъ удовольствіемъ: Библію-же одну никогда почти въ то время не развертывалъ, но никогда и не разставался съ нею, а возилъ ее повсюду съ собой: во истину берегъ эту книгу, самъ того не вѣдая, на день и часъ, на мѣсяцъ и годъ . Прослуживъ этакъ года четыре, очутился я, наконецъ, въ городѣ К., гдѣ стоялъ тогда нашъ полкъ. Общество городское было разнообразное, многолюдное и веселое, гостепріимное и богатое, принимали-же меня вездѣ хорошо, ибо былъ я отъ роду права веселаго, да къ тому-же и слылъ не за бѣднаго, что въ свѣтѣ значитъ не мало. Вотъ и случилось одно обстоятельство, послужившее началомъ всему. Привязался я къ одной молодой и прекрасной дѣвицѣ, умной и достойной, характера свѣтлаго, бла-

городнаго, дочери почтенныхъ родителей. Люди были не малые, имѣли богатство, вліяніе и силу, меня приняли ласково и радушно. И вотъ покажись мнѣ, что дѣвица расположена ко мнѣ сердечно,—разгорѣлось мое сердце при таковой мечтѣ. Потомъ ужъ самъ постигъ, и вполнѣ догадался, что, можетъ быть, вовсе я ея и не любилъ съ такою силой, а только чтилъ ея умъ и характеръ возвышенный, чего не могло не быть. Себялюбіе, однако-же, помѣшало мнѣ сдѣлать предложеніе руки въ то время: тяжело и страшно показалось разстаться съ соблазнами развратной, холостой и вольной жизни въ такихъ юныхъ лѣтахъ, имѣя вдобавокъ и деньги. Намеки, однако-жъ, я сдѣлалъ. Во всякомъ случаѣ отложилъ на малое время всякій рѣшительный шагъ. А тутъ вдругъ случись командировка въ другой уѣздъ на два мѣсяца. Возвращаюсь я черезъ два мѣсяца, и вдругъ узнаю, что дѣвица уже замужемъ, за богатымъ пригороднымъ помѣщикомъ, человѣкомъ хоть и старѣе меня годами, но еще молодымъ, имѣвшимъ связи въ столицѣ и въ лучшемъ обществѣ, чего я не имѣлъ, человѣкомъ весьма любезнымъ, и сверхъ того образованнымъ, а ужъ образованія-то я не имѣлъ вовсе. Такъ я былъ пораженъ этимъ неожиданнымъ случаемъ, что даже умъ во мнѣ помутился. Главное-же въ томъ заключалось, что, какъ узналъ я тогда-же, былъ этотъ молодой помѣщикъ женихомъ ея уже давно, и что самъ-же я встрѣчалъ его множество разъ въ ихнемъ домѣ, но не примѣчалъ ничего, ослѣпленный своими достоинствами. Но вотъ это-то по преимуществу меня и обидѣло: какъ-же это, всѣ почти знали, а я одинъ ничего не зналъ? И почувствовалъ я вдругъ злобу нестерпимую. Съ краской въ лицѣ началъ вспоминать, какъ много разъ почти высказывалъ ей любовь мою, а такъ какъ она меня не останавливала и не предупредила, то, стало быть, вывелъ я, надо мною смѣялась. Потомъ, конечно, сообразилъ и припомнилъ, что нисколько она не смѣялась, сама-же напротивъ разговоры такіе шутливо прерывала, и зачинала на мѣсто ихъ другіе,—но тогда сообразить этого я не смогъ, и запылалъ отмщеніемъ. Вспоминаю съ удивленіемъ, что отмщеніе сіе и гнѣвъ мой были мнѣ самому до крайности тяжелы и противны, потому что, имѣя характеръ легкій, не могъ подолгу ни на кого сердиться, а потому какъ-бы самъ искусственно разжигалъ себя, и сталъ, наконецъ, безобразенъ и нелѣпъ. Выждалъ я время, и разъ въ большомъ обществѣ удалось мнѣ вдругъ «соперника» моего оскорбить будто-бы изъ самой посторонней причины, подсмѣяться надъ однимъ мнѣніемъ его объ одномъ важномъ тогда событіи,—въ двадцать шестомъ году дѣло было,—и подсмѣяться, говорили люди, удалось остроумно и ловко. Затѣмъ вынудилъ у него объясненіе, и уже до того обошелся при объясне-

ній грубо, что вызовъ мой онъ принялъ, не смотря на огромную разницу между нами, ибо былъ я и моложе его, незначителенъ и чина малаго. Потомъ ужь я твердо узналъ, что принялъ онъ вызовъ мой какъ-бы тоже изъ ревниваго ко мнѣ чувства: ревновалъ онъ меня и прежде, немножко, къ женѣ своей, еще тогда невѣстѣ; теперь-же подумалъ, что если та узнаетъ, что онъ оскорбленіе отъ меня перенесъ, а вызвать на поединокъ не рѣшился, то чтобы не стала она невольно презирать его и не поколебалась любовь ея. Секунданта я досталъ скоро, товарища, нашего-же полка поручика. Тогда хоть и преслѣдовались поединки жестоко, но была на нихъ какъ-бы даже мода между военными,—до того дикіе наростаютъ и укрѣпляются иногда предразсудки. Былъ въ исходѣ іюнь, и вотъ встрѣча наша на завтра, за городомъ, въ семь часовъ утра,—и во истину случилось тутъ со мной нѣчто какъ-бы роковое. Съ вечера, возвратившись домой, свирѣпый и безобразный, разсердился я на моего деньщика Аѳанасія, и ударилъ его изо всей силы два раза по лицу, такъ что окровавилъ ему лицо. Служилъ онъ у меня еще недавно и случалось и прежде, что ударялъ его, но никогда съ такою звѣрскою жестокостью. И вѣрите-ли, милые, сорокъ лѣтъ тому минуло времени, а припоминаю и теперь о томъ со стыдомъ и мукой. Легъ я спать, заснулъ часа три, встаю, уже начинается день. Я вдругъ поднялся, спать болѣе не захотѣлъ, подошелъ къ окну, отворилъ,—отпиралось у меня въ садъ, вижу восходитъ солнышко, тепло, прекрасно, зазвенѣли птички. Что-же это, думаю, ощущаю я въ душѣ моей какъ-бы нѣчто позорное и низкое? Не оттого-ли что кровь иду проливать? Нѣтъ, думаю, какъ будто и не оттого. Не оттого-ли, что смерти боюсь, боюсь быть убитымъ? Нѣтъ, совсѣмъ не то, совсѣмъ даже не то... И вдругъ сейчасъ-же и догадался въ чемъ было дѣло: въ томъ, что я съ вечера избилъ Аѳанасія! Все мнѣ вдругъ снова представилось, точно вновь повторилось: стоитъ онъ предо мною, а я бью его съ размаху прямо въ лицо, а онъ держитъ руки по швамъ, голову прямо, глаза выпучилъ какъ во фронтѣ, вздрагиваетъ съ каждымъ ударомъ и даже руки поднять, чтобы заслониться, не смѣетъ,—и это человѣкъ до того доведенъ, и это человѣкъ бьетъ человѣка! Экое преступленіе! Словно игла острая прошла мнѣ всю душу насквозь. Стою я какъ опалѣлый, а солнышко-то свѣтитъ, листочки-то радуются, сверкаютъ, а птички-то, птички-то Бога хвалятъ... Закрылъ я обѣими ладонями лицо, повалился на постель и заплакалъ навзрыдъ. И вспомнилъ я тутъ моего брата Маркела, и слова его предъ смертью слугамъ: «Милые мои, дорогіе, за что вы мнѣ служите, за что меня любите, да и стою-ли я чтобы служить-то мнѣ? Да, стою-ли?»

вскочило мнѣ вдругъ въ голову. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ я такъ стою чтобы другой человѣкъ, такой-же какъ я, образъ и подобіе Божіе, мнѣ служилъ? Такъ и возникся мнѣ въ умъ въ первый разъ въ жизни тогда этотъ вопросъ. Матушка, кровинушка ты моя. во истину всякій предъ всѣми за всѣхъ виноватъ, не знаютъ только этого люди, а если-бъ узнали — сейчасъ былъ-бы рай! Господи, да неужто-же и это неправда , плачу я и думаю. во истину я за всѣхъ, можетъ быть, всѣхъ виновнѣе. да и хуже всѣхъ на свѣтѣ людей! И представилась мнѣ вдругъ вся правда, во всемъ просвѣщеніи своемъ: что я иду дѣлать? Иду убивать человѣка добраго, умнаго, благороднаго, ни въ чемъ предо мной неповиннаго, а супругу его тѣмъ на вѣки счастья лишу, измучаю и убью. Лежалъ я такъ на постели ничкомъ, лицомъ въ подушку, и не замѣтилъ вовсе, какъ и время прошло. Вдругъ входитъ мой товарищъ, поручикъ, за мной, съ пистолетами: «А, говоритъ, вотъ это хорошо. что ты уже всталъ. пора, идемъ . Заметался я тутъ, совсѣмъ потерялся. вышли мы однако-же садиться въ коляску: «Погоди здѣсь время, говорю ему. «я въ одинъ мигъ сбѣгаю, кошелекъ забылъ . И вбѣжалъ одинъ въ квартиру обратно, прямо въ коморку къ Аѳанасію: «Аѳанасій, говорю,—я вчера тебя ударилъ два раза по лицу, прости ты меня , говорю. Онъ такъ и вздрогнулъ, точно испугался. глядитъ,— и вижу я, что этого мало, мало, да вдругъ, такъ какъ былъ въ эполетахъ, то бухъ ему въ ноги лбомъ до земли: «Прости меня! говорю. Тутъ ужь онъ и совсѣмъ обомлѣлъ: Ваше благородіе, батюшка, баринъ, да какъ вы... да стою-ли я ... и заплакалъ вдругъ самъ, точно какъ давеча я, ладонями обѣими закрылъ лицо, повернулся къ окну и весь отъ слезъ такъ и затрясся, я-же выбѣжалъ къ товарищу. влетѣлъ въ коляску, «вези кричу: Видалъ, кричу ему,—побѣдителя, вотъ онъ предъ тобою! Восторгъ во мнѣ такой, смѣюсь всю дорогу, говорю, говорю, не помню ужь что и говорилъ. Смотритъ онъ на меня: Ну, братъ, молодецъ-же ты, вижу что поддержишь мундиръ . Такъ пріѣхали мы на мѣсто, а они уже тамъ, насъ ожидаютъ. Разставили насъ, въ двѣнадцати шагахъ другъ отъ друга, ему первый выстрѣлъ,—стою я предъ нимъ веселый, прямо лицомъ къ лицу, глазомъ не смигну, любя на него гляжу. знаю что сдѣлаю. Выстрѣлилъ онъ, капельку лишь оцарапало мнѣ щеку да за ухо задѣло,— «слава Богу, кричу, не убили человѣка! да свой-то пистолетъ схватилъ, оборотился назадъ, да выверкомъ, вверхъ, въ лѣсъ и пустилъ: «Туда, кричу, — тебѣ и дорога!» Оборотился къ противнику: «Милостивый государь, говорю,—простите меня, глупаго молодаго человѣка, что по винѣ моей васъ разобидѣлъ, а теперь стрѣлять въ себя заставилъ. Самъ я хуже васъ въ десять

кратъ, а пожалуй еще и того больше. Передайте это той особѣ, которую чтите больше всѣхъ на свѣтѣ. Только что я это проговорилъ, — такъ всѣ трое они и закричали: «Помилуйте, говоритъ мой противникъ, — разсердился даже, — если вы не хотѣли драться, къ чему-же безпокоили?» — «Вчера, говорю ему, — еще глупъ былъ, а сегодня поумнѣлъ», весело такъ ему отвѣчаю. — «Вѣрю про вчерашнее, говоритъ, — но про сегодняшнее трудно заключить по вашему мнѣнію». — «Браво, кричу ему, въ ладоши захлопалъ. — «Я съ вами и въ этомъ согласенъ, заслужилъ!» — «Будете-ли, милостивый государь, стрѣлять или нѣтъ? — Не буду, говорю, — а вы, если хотите, стрѣляйте еще разъ, только лучше-бы вамъ не стрѣлять». Кричатъ и секунданты, особенно мой: «Какъ это сравнить полкъ, на барьеръ стоя прощенія просить; если-бы только я это зналъ! Сталъ я тутъ предъ ними предъ всѣми и уже не смѣюсь: «Господа мои, говорю, неужели такъ теперь для нашего времени удивительно встрѣтить человѣка, который-бы самъ покаялся въ своей глупости и повинился въ чемъ самъ виноватъ публично?» — «Да не на барьерѣ-же», кричитъ мой секундантъ опять. — «То-то вотъ и есть, отвѣчаю имъ, — это-то вотъ и удивительно, потому слѣдовало-бы мнѣ повиниться только что прибыли сюда, еще прежде нхняго выстрѣла, и не вводить ихъ въ великій и смертный грѣхъ, но до того безобразно, говорю, мы сами себя въ свѣтѣ устроили, что поступить такъ было почти и невозможно, ибо только послѣ того какъ я выдержалъ ихъ выстрѣлъ въ двѣнадцати шагахъ, слова мои могутъ что нибудь теперь для нихъ значить, а если-бы до выстрѣла, какъ прибыли сюда, то сказали-бы просто: трусъ, пистолета испугался и нечего его слушать. Господа, воскликнулъ я вдругъ отъ всего сердца, — посмотрите кругомъ на дары Божіи: небо ясное, воздухъ чистый, травка нѣжная, птички, природа прекрасная и безгрѣшная, а мы, только мы одни безбожные и глупые и не понимаемъ, что жизнь есть рай, ибо стоитъ только намъ захотѣть понять и тотчасъ-же онъ настанетъ во всей красотѣ своей, обнимемся мы и заплачемъ»... Хотѣлъ я и еще продолжать, да не смогъ, духъ даже у меня захватило, сладостно, юно такъ, а въ сердцѣ такое счастье, какого и не ощущалъ никогда во всю жизнь. «Благоразумно все это и благочестиво, говоритъ мнѣ противникъ, — и во всякомъ случаѣ человѣкъ вы оригинальный». — «Смѣетесь, смѣюсь и я ему, — а потомъ сами похвалите». — «Да я готовъ и теперь, говоритъ, похвалить, извольте я протяну вамъ руку, потому, кажется, вы дѣйствительно искренній человѣкъ». — «Нѣтъ, говорю, сейчасъ не надо, а потомъ, когда я лучше сдѣлаюсь и уваженіе ваше заслужу, тогда протяните, — хорошо сдѣлаете». Воротились мы домой, секундантъ

мой всю-то дорогу бранится, а я-то его цѣлую. Тотчасъ всѣ товарищи прослышали, собрались меня судить въ тотъ-же день: мундиръ, дескать, замаралъ, пусть въ отставку подастъ. Явились и защитники: выстрѣлъ все-же, говорятъ, онъ выдержалъ.— „Да, но побоялся другихъ выстрѣловъ и попросилъ на барьеръ прощенія".

А кабы побоялся выстрѣловъ, возражаютъ защитники, такъ изъ своего-бы пистолета сначала выстрѣлилъ, прежде чѣмъ прощенія просить, а онъ въ дѣсь его еще зарѣзанный бросилъ, нѣтъ, тутъ что-то другое вышло, оригинальное". Слушаю я, веселю мнѣ на нихъ глядя: „Любезнѣйшіе мои, говорю я, друзья и товарищи, не безпокойтесь чтобъ я въ отставку подалъ, потому что это я уже и сдѣлалъ, я уже подалъ, сегодня-же въ канцеляріи, утромъ, и когда получу отставку, тогда тотчасъ-же въ монастырь пойду, для того и въ отставку подаю". Какъ только я это сказалъ, расхохотались всѣ до единаго: „Да ты-бъ съ самаго начала увѣдомилъ, ну теперь все и объясняется, монаха судить нельзя", смѣются, не унимаются, да и не насмѣшливо вовсе, а ласково такъ смѣются, весело, полюбили меня вдругъ всѣ, даже самые ярые обвинители, и потомъ весь-то этотъ мѣсяцъ, пока отставка не вышла, точно на рукахъ меня носятъ: „ахъ ты, монахъ", говорятъ. И всякій-то мнѣ ласковое слово скажетъ, отговаривать начали, жалѣть даже: „что ты надъ собой дѣлаешь?» — „Нѣтъ, говорятъ, онъ у насъ храбрый, онъ выстрѣлъ выдержалъ и изъ своего пистолета выстрѣлить могъ, а это ему сонъ наканунѣ приснился чтобъ онъ въ монахи пошелъ, вотъ онъ отчего". Точно тоже почти произошло и въ городскомъ обществѣ. Прежде особенно-то и не примѣчали меня, а только принимали съ радушіемъ, а теперь вдругъ всѣ наперерывъ узнали и стали звать къ себѣ: сами смѣются надо мной, а меня-же любятъ. Замѣчу тутъ, что хотя о поединкѣ нашемъ всѣ вслухъ тогда говорили, но начальство это дѣло закрыло, ибо противникъ мой былъ генералу нашему близкимъ родственникомъ, а такъ какъ дѣло обошлось безъ крови, а какъ-бы въ шутку. Да и я, наконецъ, въ отставку подалъ, то и повернули дѣйствительно въ шутку. И сталъ я тогда вслухъ и безбоязненно говорить, не смотря на ихъ смѣхъ, потому что все-же былъ смѣхъ не злобный, а добрый. Происходили-же всѣ эти разговоры больше по вечерамъ въ дамскомъ обществѣ, женщины больше тогда полюбили меня слушать, и мужчинъ заставляли. „Да какъ-же это можно чтобъ я за всѣхъ виноватъ былъ, смѣется мнѣ всякій въ глаза, — ну развѣ я могу быть за васъ, напримѣръ, виноватъ?" — „Да гдѣ, отвѣчаю имъ,—вамъ это и познать, когда весь міръ давно уже на другую дорогу вышелъ, и когда сущую ложь за правду считаемъ да и отъ другихъ такой-

же лжи требуемъ. Вотъ я разъ въ жизни взялъ да и поступилъ некрепко, и что-же, сталъ для всѣхъ васъ точно юродивый: хоть и полюбили меня, а все-же надо мной, говорю,—смѣетесь.—„Да какъ васъ, такого, не любить?“ смѣется мнѣ вслухъ хозяйка, а собраніе у ней было многолюдное. Вдругъ, смотрю, подымается изъ среди дамъ та самая молодая особа, изъ-за которой я тогда на поединокъ вызвалъ и которую столь недавно еще въ невѣсты себѣ прочилъ, а я и не замѣтилъ какъ она теперь на вечеръ пріѣхала. Поднялась, подошла ко мнѣ, протянула руку: „Позвольте мнѣ, говоритъ, изъяснить вамъ, что я первая не смѣюсь надъ вами, а, напротивъ, со слезами благодарю васъ и уваженіе мое къ вамъ заявляю за тогдашній поступокъ вашъ.“ Подошелъ тутъ и мужъ ея, а затѣмъ вдругъ и всѣ ко мнѣ потянулись, чуть меня не цѣлуютъ. Радостно мнѣ такъ стало, но лучше всѣхъ замѣтилъ я вдругъ тогда одного господина, человѣка уже пожилаго, тоже ко мнѣ подходившаго, котораго я хотя прежде и зналъ по имени, но никогда съ нимъ знакомъ не былъ и до сего вечера даже и слова съ нимъ не сказалъ.

г) Таинственный посѣтитель.

Былъ онъ въ городѣ нашемъ на службѣ уже давно, мѣсто занималъ видное, человѣкъ былъ уважаемый всѣми, богатый, славился благотворительностью, пожертвовалъ значительный капиталъ на богадѣльню и на сиротскій домъ, и много кромѣ того дѣлалъ благодѣяній тайно, безъ огласки, что все потомъ, по смерти его, и обнаружилось. Лѣтъ былъ около пятидесяти, и видъ имѣлъ почти строгій: былъ малорѣчивъ; женатъ-же былъ не болѣе десяти лѣтъ, съ супругой еще молодою, отъ которой имѣлъ трехъ малолѣтнихъ еще дѣтей. Вотъ я на другой вечеръ сижу у себя дома, какъ вдругъ отворяется моя дверь и входитъ ко мнѣ этотъ самый господинъ.

А надо замѣтить, что жилъ я тогда уже не на прежней квартирѣ, а какъ только подалъ въ отставку, съѣхалъ на другую и нанялъ у одной старой женщины, вдовы чиновницы, и съ ея прислугой, ибо и переѣздъ-то мой на сію квартиру произошелъ лишь потому только, что я Аѳанасія въ тотъ-же день, какъ съ поединка воротился, обратно въ роту препроводилъ, ибо стыдно было въ глаза ему глядѣть послѣ давешняго моего съ нимъ поступка, — до того наклоненъ стыдиться неприготовленный мірской человѣкъ даже иного справедливѣйшаго своего дѣла.

Я, говоритъ мнѣ вошедшій ко мнѣ господинъ, — слушаю васъ уже нѣсколько дней въ разныхъ домахъ съ большимъ любопытствомъ

и пожелать, наконецъ, познакомиться лично, чтобы поговорить съ вами еще подробнѣе. Можете вы оказать мнѣ, милостивый государь, таковую великую услугу? — Могу, говорю, съ превеликимъ моимъ удовольствіемъ и почту за особую честь , говорю это ему, а самъ почти испугался, до того онъ меня съ перваго разу тогда поразилъ. Ибо хоть и слушали меня и любопытствовали, но никто еще съ такимъ серіознымъ и строгимъ внутреннимъ видомъ ко мнѣ не подходилъ. А этотъ еще самъ въ квартиру ко мнѣ пришелъ. Сѣлъ онъ.

Великую, продолжаетъ онъ, — вижу въ васъ силу характера, ибо не побоялись истинѣ послужить въ такомъ дѣлѣ, въ какомъ рисковали, за свою правду, общее презрѣніе отъ всѣхъ понести . Вы, можетъ быть, очень меня преувеличенно хвалите , говорю ему. Нѣтъ, не преувеличенно, отвѣчаетъ мнѣ, повѣрьте, что совершить таковой поступокъ гораздо труднѣе чѣмъ вы думаете. Я собственно, продолжаетъ онъ, этимъ только и поразился и за этимъ къ вамъ и пришелъ. Опишите мнѣ, если не побрезгаете столь непристойнымъ, можетъ быть, моимъ любопытствомъ, что именно ощущали вы въ ту минуту, когда на поединкѣ рѣшились просить прощенія, если только запомните? Не сочтите вопросъ мой за легкомысліе: напротивъ, имѣю, задавая таковой вопросъ, свою тайную цѣль, которую, вѣроятно. и объясню вамъ впослѣдствіи, если угодно будетъ Богу сблизить насъ еще короче».

Все время, какъ онъ говорилъ это, глядѣлъ я ему прямо въ лицо и вдругъ ощутилъ къ нему сильнѣйшую довѣренность. а кромѣ того, и необычайное и съ моей стороны любопытство, ибо почувствовалъ, что есть у него въ душѣ какая-то своя особая тайна.

Вы спрашиваете, что я именно ощущалъ въ ту минуту, когда у противника прощенія просилъ, отвѣчаю я ему, но я вамъ лучше съ самаго начала разскажу, чего другимъ еще не разсказывалъ , и разскажу ему все, что произошло у меня съ Ѳомою и какъ поклонился ему до земли. Изъ сего сами можете видѣть, заключилъ я ему, что уже во время поединка мнѣ легче было, ибо началъ я еще дома, и разъ только на эту дорогу вступилъ, то все дальнѣйшее пошло не только не трудно, а даже радостно и весело».

Выслушалъ онъ, смотритъ такъ хорошо на меня: Все это, говоритъ. чрезвычайно какъ любопытно, я къ вамъ еще и еще приду». И сталъ съ тѣхъ поръ ко мнѣ ходить чуть не каждый вечеръ. И сдружились-бы мы очень, если-бъ онъ мнѣ и о себѣ говорилъ. Но о себѣ онъ не говорилъ почти ни слова, а все меня обо мнѣ-же разспрашивалъ. Не смотря на то, я очень его полюбилъ и совершенно ему довѣрился во всѣхъ моихъ чувствахъ, ибо мыслю: на что мнѣ тайны его, вижу и безъ сего, что праведенъ человѣкъ. Къ

тому-же еще человѣкъ столь серіозный и неравный мнѣ лѣтами, а ходитъ ко мнѣ, юноша, и мною не брезгаетъ. И многому я отъ него научился полезному, ибо высокаго ума былъ человѣкъ. Что жизнь есть рай, говоритъ вдругъ мнѣ,—объ этомъ я давно уже думаю . и вдругъ прибавилъ: Только вѣдь объ этомъ и думаю . Смотритъ на меня и улыбается. Я больше вашего въ этомъ, говоритъ, убѣжденъ, потомъ узнаете почему . Слушаю я это и думаю про себя: Это онъ навѣрно хочетъ мнѣ нѣчто открыть . Рай, говоритъ, въ каждомъ изъ насъ затаенъ, вотъ онъ теперь и во мнѣ кроется, и захочу,—завтра-же настанетъ онъ для меня въ самомъ дѣлѣ и уже на всю мою жизнь . Гляжу: съ умиленіемъ говоритъ и таинственно на меня смотритъ, точно вопрошаетъ меня. А о томъ, продолжаетъ, что всякій человѣкъ за всѣхъ и за все виноватъ, помимо своихъ грѣховъ, о томъ вы совершенно правильно разсудили и умилительно какъ вы вдругъ въ такой полнотѣ могли сію мысль обнять. И во истину вѣрно, что когда люди эту мысль поймутъ, то настанетъ для нихъ царствіе небесное уже не въ мечтѣ, а въ самомъ дѣлѣ . А когда, воскликнулъ я ему тутъ съ горестію, сіе сбудется, и сбудется-ли еще когда нибудь? Не мечта-ли сіе лишь только? А вотъ ужь вы, говоритъ, не вѣруете, проповѣдуете и сами не вѣруете. Знайте-же, что несомнѣнно сія мечта, какъ вы говорите, сбудется, тому вѣрьте, но не теперь, ибо на всякое дѣйствіе свой законъ. Дѣло это душевное, психологическое. Чтобы передѣлать міръ по новому, надо чтобы люди сами психически повернулись на другую дорогу. Раньше чѣмъ не сдѣлаешься въ самомъ дѣлѣ всякому братомъ, не наступитъ братства. Никогда люди никакою наукой и никакою выгодой не съумѣютъ безобидно раздѣлиться въ собственности своей и въ правахъ своихъ. Все будетъ для каждаго мало и все будутъ роптать, завидовать и истреблять другъ друга. Вы спрашиваете, когда сіе сбудется. Сбудется, но сначала долженъ закончиться періодъ человѣческаго *уединенія* .— Какого это уединенія? спрашиваю его.—А такого, какое теперь вездѣ царствуетъ, и особенно въ нашемъ вѣкѣ, но не закончился еще весь и не пришелъ еще срокъ ему. Ибо всякій-то теперь стремится отдѣлить свое лицо наиболѣе, хочетъ испытать въ себѣ самомъ полноту жизни, а между тѣмъ выходитъ изо всѣхъ его усилій вмѣсто полноты жизни лишь полное самоубійство, ибо вмѣсто полноты опредѣленія существа своего впадаютъ въ совершенное уединеніе. Ибо всѣ-то въ нашъ вѣкъ раздѣлились на единицы, всякій уединяется въ свою нору, всякій отъ другаго отдаляется, прячется и что имѣетъ прячетъ, и кончаетъ тѣмъ, что самъ отъ людей отталкивается и самъ людей отъ себя отталкиваетъ. Копитъ уединенно богатство и думаетъ: сколь силенъ

я теперь и сколь обезпечень, а и не знаетъ безумный. что чѣмъ болѣе копитъ, тѣмъ болѣе погружается въ самоубійственное безсиліе. Ибо привыкъ надѣяться на себя одного и отъ цѣлаго отдѣлился единицей, пріучилъ свою душу не вѣрить въ людскую помощь. въ людей и въ человѣчество. и только и трепещетъ того. что пропадутъ его деньги и пріобрѣтенныя имъ права его. Повсемѣстно нынѣ умъ человѣческій начинаетъ насмѣшливо не понимать. что истинное обезпеченіе лица состоитъ не въ личномъ уединенномъ его усиліи, а въ людской общей цѣлостности. Но непремѣнно будетъ такъ, что придетъ срокъ и сему страшному уединенію, и поймутъ всѣ разомъ. какъ неестественно отдѣлились одинъ отъ другаго. Таково уже будетъ вѣяніе времени и удивятся тому, что такъ долго сидѣли во тьмѣ, а свѣта не видѣли. Тогда и явится знаменіе Сына Человѣческаго на небесп... Но до тѣхъ поръ надо вестаки знамя беречь и нѣтъ-нѣтъ, а хоть единично долженъ человѣкъ вдругъ примѣръ показать и вывести душу изъ единенія на подвигъ братолюбиваго общенія. хотя-бы даже и въ чинѣ юродиваго. Это чтобы не умирала великая мысль»...

Вотъ въ такихъ-то пламенныхъ и восторгающихъ бесѣдахъ проходили вечера наши одинъ за другимъ. Я даже и общество бросилъ и гораздо рѣже сталъ появляться въ гостяхъ, кромѣ того что и мода на меня начала проходить. Говорю сіе не въ осужденіе, ибо продолжали меня любить и весело ко мнѣ относиться; но въ томъ, что мода дѣйствительно въ свѣтѣ царица не малая, въ этомъ все-же надо сознаться. На таинственнаго-же посѣтителя моего сталъ я, наконецъ, смотрѣть въ восхищеніи, ибо кромѣ наслажденія умомъ его. началъ предчувствовать, что питаетъ онъ въ себѣ нѣкій замыселъ и готовится къ великому, можетъ быть, подвигу. Можетъ, и то ему нравилось, что я наружно не любопытствовалъ о секретѣ его, ни прямо, ни намекомъ не разспрашивалъ. Но замѣтилъ я, наконецъ, что и самъ онъ какъ-бы началъ уже томиться желаніемъ открыть мнѣ нѣчто. Но крайней мѣрѣ, это уже очень стало видно, примѣрно, мѣсяцъ спустя какъ онъ сталъ посѣщать меня. Знаете-ли вы, спросилъ онъ меня однажды, что въ городѣ очень о насъ обоихъ любопытствуютъ и дивятся тому, что я къ вамъ столь часто хожу; но пусть ихъ, ибо *скоро все объяснится* . Иногда вдругъ нападало на него чрезвычайное волненіе, и почти всегда въ такихъ случаяхъ онъ вставалъ и уходилъ. Иногда-же долго и какъ-бы проницательно смотритъ на меня,— думаю: Что нибудь сейчасъ да и скажетъ , а онъ вдругъ перебьетъ и заговоритъ о чемъ нибудь извѣстномъ и обыкновенномъ. Сталъ тоже часто жаловаться на головную боль. И вотъ однажды, совсѣмъ даже нежданно, послѣ

того какъ онъ долго и пламенно говорилъ. вижу, что онъ вдругъ побѣдѣлъ. лицо совсѣмъ перекосилось. самъ-же на меня глядитъ какъ въ упоръ.

— Что съ вами. говорю, ужь не дурно-ли вамъ? А онъ именно на головную боль жаловался.

— Я... знаете-ли вы... я... человѣка убилъ.

Проговорилъ да улыбается. а самъ бѣлый какъ мѣлъ. Зачѣмъ это онъ улыбается,—пронзила мнѣ мысль эта вдругъ сердце прежде чѣмъ я еще что либо сообразилъ. Самъ я побѣдѣлъ.

— Что вы это? кричу ему.

— Видите-ли. отвѣчаетъ мнѣ все съ бѣдной усмѣшкой. — какъ дорого мнѣ стоило сказать первое слово. Теперь сказать и. кажется, сталъ на дорогу. Поѣду.

Долго я ему не вѣрилъ. да и не въ одинъ разъ повѣрилъ. а лишь послѣ того какъ онъ три дня ходилъ ко мнѣ и все мнѣ въ подробности разсказалъ. Считалъ его за помѣшаннаго. но кончилъ тѣмъ. что убѣдился. наконецъ. явно съ превеликою горестью и удивленіемъ. Было имъ совершено великое и страшное преступленіе. четырнадцать лѣтъ предъ тѣмъ, надъ одною богатою госпожей. молодою и прекрасною собой. вдовой-помѣщицей, имѣвшею въ городѣ нашемъ для пріѣзда собственный домъ. Почувствовавъ къ ней любовь великую. сдѣлалъ онъ ей изъясненіе въ любви и началъ склонять ее выйдти за него замужъ. Но она отдала уже свое сердце другому, одному знатному не малаго чина военному. бывшему въ то время въ походѣ, и котораго ожидала она, однако. скоро къ себѣ. Предложеніе его она отвергла, а его попросила къ себѣ не ходить. Переставъ ходить, онъ, зная расположеніе ея дома, пробрался къ ней ночью изъ сада чрезъ крышу. съ превеликою дерзостью. рискуя быть обнаруженнымъ. Но какъ весьма часто бываетъ. всѣ съ необыкновенною дерзостью совершаемыя преступленія чаще другихъ и удаются. Чрезъ слуховое окно вошелъ на чердакъ дома. онъ спустился къ ней внизъ въ жилыя комнаты по лѣсенкѣ съ чердака. зная что дверь. бывшая въ конецъ лѣсенки. не всегда. по небрежности слугъ, запиралась на замокъ. Понадѣялся на оплошность сію и въ сей разъ. и какъ разъ засталъ. Пробравшись въ жилые покои. онъ. въ темнотѣ. прошелъ въ ея спальню. въ которой горѣла лампада. И какъ нарочно объ горничныя ея дѣвушки ушли потихоньку безъ спросу. по сосѣдству. на именинную пирушку. случившуюся въ той-же улицѣ. Остальные-же слуги и служанки спали въ людскихъ и въ кухнѣ. въ нижнемъ этажѣ. При видѣ спящей разгорѣлась въ немъ страсть. а затѣмъ схватила его сердце мстительная ревнивая злоба. и. не помня себя. какъ

ньяный, подошелъ и вонзилъ ей ножъ прямо въ сердце, такъ что она и не вскрикнула. Затѣмъ съ адскимъ и съ преступнѣйшимъ разсчетомъ устроилъ такъ, чтобы подумали на слугъ: не побрезгалъ взять ея кошелекъ, отворилъ ключами, которые вынулъ изъ подъ подушки, ея комодъ и захватилъ изъ него нѣкоторыя вещи. именно такъ, какъ-бы сдѣлалъ невѣжка-слуга, то есть цѣнныя бумаги оставилъ, а взялъ одни деньги, взялъ нѣсколько золотыхъ вещей покрупнѣе, а драгоцѣннѣйшими въ десять разъ, но малыми вещами пренебрегъ. Захватилъ и еще кое-что себѣ на память. но о семъ послѣ. Совершивъ сіе ужасное дѣло, вышелъ прежнимъ путемъ. Ни на другой день, когда поднялась тревога, и никогда потомъ во всю жизнь, никому и въ голову не пришло заподозрить настоящаго злодѣя! Да и о любви его къ ней никто не зналъ, ибо былъ и всегда характера молчаливаго и несообщительнаго, и друга, которому повѣрялъ-бы душу свою, не имѣлъ. Считали-же его просто знакомымъ убитой и даже не столь близкимъ, ибо въ послѣднія двѣ недѣли онъ и не посѣщалъ ее. Заподозрили-же тотчасъ крѣпостнаго слугу ея Петра и какъ разъ сошлись всѣ обстоятельства. чтобъ утвердить сіе подозрѣніе, ибо слуга этотъ зналъ, и покойница сама не скрывала, что намѣрена его въ солдаты отдать. въ зачетъ слѣдуемаго съ ея крестьянъ рекрута, такъ какъ былъ одинокъ и дурнаго сверхъ того поведенія. Слышали, какъ онъ въ злобѣ, пьяный, грозился въ нитейномъ домѣ убить ее. За два-же дня до ея кончины сбѣжалъ и проживалъ гдѣ-то въ городѣ въ неизвѣстныхъ мѣстахъ. На другой-же день послѣ убійства нашли его на дорогѣ. при выѣздѣ изъ города, мертво пьянаго. имѣвшаго въ карманѣ своемъ ножъ, да еще съ запачканною почему-то въ крови правою ладонью. Утверждалъ, что кровь шла изъ носу, но ему не повѣрили. Служанки-же повинились, что были на пирушкѣ, и что входныя двери съ крыльца оставались незапертыми до ихъ возвращенія. Да и множество сверхъ того являлось подобныхъ сему признаковъ, по которымъ неповиннаго слугу и захватили. Арестовали его и начали судъ, но какъ разъ черезъ недѣлю арестованный заболѣлъ въ горячкѣ и умеръ въ больницѣ безъ памяти. Тѣмъ дѣло и кончилось, предали волѣ Божьей, и всѣ, и судьи, и начальство, и все общество, остались убѣждены, что совершилъ преступленіе никто какъ умершій слуга. А за симъ началось наказаніе.

Таинственный гость, а теперь уже другъ мой, повѣдалъ мнѣ, что въ началѣ даже и совсѣмъ не мучился угрызеніями совѣсти. Мучился долго, но не тѣмъ, а лишь сожалѣніемъ, что убилъ любимую женщину, что ея нѣтъ уже болѣе, что убивъ ее. убилъ любовь свою, тогда какъ огонь страсти оставался въ крови его.

Но о пролитой неповинной крови, объ убійствѣ человѣка онъ почти тогда и не мыслилъ. Мысль-же о томъ, что жертва его могла стать супругой другому, казалась ему невозможною, а потому долгое время убѣжденъ былъ въ совѣсти своей, что и не могъ поступить иначе. Томилъ его нѣсколько въ началѣ арестъ слуги, но скорая болѣзнь, а потомъ и смерть арестанта успокоили его, ибо умеръ тотъ, по всей очевидности (разсуждалъ онъ тогда), не отъ ареста или испуга, а отъ простудной болѣзни, пріобрѣтенной именно во дни его обѣговъ, когда онъ, мертво пьяный, валялся цѣлую ночь на сырой землѣ. Краденыя-же вещи и деньги мало смущали его, ибо (все также разсуждалъ онъ) сдѣлана кража не для корысти, а для отвода подозрѣній въ другую сторону. Сумма-же краденаго была незначительная и онъ въ скорости всю эту сумму, и даже гораздо большую, пожертвовалъ на учрежденную у насъ въ городѣ богадѣльню. Нарочно сдѣлалъ сіе для успокоенія совѣсти на счетъ кражи и, замѣчательно, на время и даже долгое, дѣйствительно успокоился,—самъ передавалъ мнѣ это. Пустился онъ тогда въ большую служебную дѣятельность, самъ напросился на хлопотливое и трудное порученіе, занимавшее его года два и, будучи характера сильнаго, почти забывалъ происшедшее: когда-же вспоминалъ, то старался не думать о немъ вовсе. Пустился и въ благотворительность, много устроилъ и пожертвовалъ въ нашемъ городѣ, заявилъ себя и въ столицахъ, былъ избранъ въ Москвѣ и въ Петербургѣ членомъ тамошнихъ благотворительныхъ обществъ. Но все-же сталъ, наконецъ, задумываться съ мученіемъ, не въ подъемъ своимъ силамъ. Тутъ понравилась ему одна прекрасная и благоразумная дѣвица и онъ въ скорости женился на ней, мечтая, что женитьбой прогонитъ уединенную тоску свою, а вступивъ на новую дорогу и исполняя ревностно долгъ свой относительно жены и дѣтей, удалится отъ старыхъ воспоминаній вовсе. Но какъ разъ случилось противное сему ожиданію. Еще въ первый мѣсяцъ брака стала его смущать безпрерывная мысль: Вотъ жена любитъ меня, ну что если-бъ она узнала? Когда стала беременна первымъ ребенкомъ и повѣдала ему это, онъ вдругъ смутился: «Даю жизнь, а самъ отнялъ жизнь». Пошли дѣти: «Какъ я смѣю любить, учить и воспитать ихъ, какъ буду про добродѣтель имъ говорить: я кровь пролилъ». Дѣти растутъ прекрасныя, хочется ихъ ласкать: «А я не могу смотрѣть на ихъ невинные, ясные лики: недостоинъ того». Наконецъ, начала ему грозно и горько мерещиться кровь убитой жертвы, погубленная молодая жизнь ея, кровь вопіющая объ отмщеніи. Сталъ онъ видѣть ужасные сны. Но будучи твердъ сердцемъ, сносилъ муку долго: «Искупаю все сею тайною мукой моею». Но напрасная была и сія

надежда: чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе становилось страданіе. Въ обществѣ, за благотворительную дѣятельность, стали его уважать, хотя и боялись всѣ строгаго и мрачнаго характера его, но чѣмъ болѣе стали уважать его, тѣмъ становилось ему невыносимѣе. Признавался мнѣ, что думалъ было убить себя. Но вмѣсто того начала мерещиться ему иная мечта,—мечта, которую считалъ онъ въ началѣ невозможною и безумною, но которая такъ присосалась, наконецъ, къ его сердцу, что и оторвать нельзя было. Мечталъ онъ такъ: возстать, выйдти предъ народъ и объявить всѣмъ, что убилъ человѣка. Года три онъ проходилъ съ этою мечтой, мерещилась она ему все въ разныхъ видахъ. Наконецъ, увѣровалъ всѣмъ сердцемъ своимъ, что объявивъ свое преступленіе излѣчитъ душу свою несомнѣнно и успокоится разъ навсегда. Но увѣровавъ почувствовалъ въ сердцѣ ужасъ, ибо какъ исполнить? И вдругъ произошелъ этотъ случай на моемъ поединкѣ. Глядя на васъ, я теперь рѣшился. Я смотрю на него.

— И неужели, воскликнулъ я ему, всплеснувъ руками,- такой малый случай могъ рѣшимость такую въ васъ породить?

— Рѣшимость моя три года рождалась, отвѣчаетъ мнѣ,— а случай вашъ далъ ей только толчокъ. Глядя на васъ, упрекнулъ себя и вамъ позавидовалъ, проговорилъ онъ мнѣ это даже съ суровостью.

— Да вамъ и не повѣрятъ, замѣтилъ я ему,— четырнадцать лѣтъ прошло.

— Доказательства имѣю, великія. Представлю.

И заплакалъ я тогда, облобызалъ его.

— Одно рѣшите мнѣ, одно! сказалъ онъ мнѣ (точно отъ меня теперь все и зависѣло):—жена, дѣти! Жена умретъ, можетъ быть, съ горя, а дѣти хоть и не лишатся дворянства и имѣнія,—но дѣти варнака, и на вѣкъ. А память-то, память какую въ сердцахъ ихъ по себѣ оставлю!

Молчу я.

— А разстаться-то съ ними, оставить на вѣки? Вѣдь на вѣкъ, на вѣкъ!

Сижу я, молча про себя молитву шепчу. Всталъ я, наконецъ, страшно мнѣ стало.

— Что-же? смотритъ на меня.

— Идите, говорю, объявите людямъ. Все мнится, одна правда останется. Дѣти поймутъ, когда выростутъ, сколько въ великой рѣшимости вашей было великодушія.

Ушелъ онъ тогда отъ меня какъ-бы и вправь рѣшившись. Но все-же болѣе двухъ недѣль потомъ ко мнѣ ходилъ, каждый вечеръ

срядy, все приготовился, все не могъ рѣшиться. Измучилъ онъ мое сердце. То приходитъ твердь и говоритъ съ умиленіемъ:

— Знаю, что наступитъ рай для меня, тотчасъ-же и наступитъ, какъ объявлю. Четырнадцать лѣтъ быть во адѣ. Пострадать хочу. Приму страданіе и жить начну. Неправдой свѣтъ пройдешь, да назадъ не воротишься. Теперь не только ближняго моего, но и дѣтей моихъ любить не смѣю. Господи, да вѣдь поймутъ-же дѣти, можетъ быть, чего стоило мнѣ страданіе мое, и не осудятъ меня! Господь не въ силѣ, а въ правдѣ.

— Поймутъ всѣ подвигъ вашъ, говорю ему,—не сейчасъ, такъ потомъ поймутъ, ибо правдѣ послужили, высшей правдѣ, неземной...

И уйдетъ онъ отъ меня какъ-бы утѣшенный, а на завтра вдругъ опять приходитъ злобный, блѣдный, говоритъ насмѣшливо.

— Каждый разъ какъ вхожу къ вамъ, вы смотрите съ такимъ любопытствомъ: «Опять дескать не объявилъ?» Подождите, не презирайте очень. Не такъ вѣдь оно легко сдѣлать, какъ вамъ кажется. Я, можетъ быть, еще и не сдѣлаю вовсе. Не пойдете-же вы на меня доносить тогда, а?

А я, бывало, не только что смотрѣть съ любопытствомъ неразумнымъ, я и взглянуть-то на него боялся. Измученъ былъ я до болѣзни, и душа моя была полна слезъ. Ночной сонъ потерялъ.

— Я сейчасъ, продолжаетъ,—отъ жены. Понимаете-ли вы, что такое жена? Дѣтки, когда я уходилъ, прокричали мнѣ: «Прощайте, папа, приходите скорѣе съ нами *Дѣтское Чтеніе* читать». Нѣтъ, вы этого не понимаете! Чужая бѣда не даетъ ума.

Самъ засверкалъ глазами, губы запрыгали. Вдругъ стукнулъ о столъ кулакомъ, такъ что вещи на столѣ вспрыгнули,—такой мягкій человѣкъ, въ первый разъ съ нимъ случилось.

— Да нужно-ли? воскликнулъ,—да надо-ли? Вѣдь никто осуженъ не былъ, никого въ каторгу изъ-за меня не сослали, слуга отъ болѣзни померъ. А за кровь проліянную я мученіями былъ наказанъ. Да и не повѣрятъ мнѣ вовсе, никакимъ доказательствамъ моимъ не повѣрятъ. Надо-ли объявлять, надо-ли? За кровь пролитую я всю жизнь готовъ еще мучиться, только чтобы жену и дѣтей не поразить. Будетъ-ли справедливо ихъ погубить съ собою? Не ошибаемся-ли мы? Гдѣ тутъ правда? Да и познаютъ-ли правду эту люди, оцѣнятъ-ли, почтутъ-ли ее?

Господи! мыслю про себя, о почтеніи людей думаетъ въ такую минуту! И до того жалко мнѣ стало его тогда, что, кажись, самъ-бы раздѣлилъ его участь, лишь-бы облегчить его. Вижу, онъ какъ изступленный. Ужаснулся я, поняв уже не умомъ однимъ, а живою душой, чего стоитъ такая рѣшимость.

— Рѣшайте-же судьбу! воскликнулъ опять.

Идите и объявите, прошепталъ я ему. Голосу во мнѣ не хватило, но прошепталъ я твердо. Взялъ я тутъ со стола Евангеліе, русскій переводъ, и показалъ ему отъ Іоанна, глава XII, стихъ 24:

Истинно, истинно говорю вамъ, если пшеничное зерно падши въ землю не умретъ, то останется одно, а если умретъ, то принесетъ много плода . Я этотъ стихъ только что прочиталъ предъ его приходомъ.

Прочелъ онъ: Правда , говоритъ, но усмѣхнулся горько: Да, въ этихъ книгахъ, говоритъ, помолчавъ,—ужасъ что̀ такое встрѣтишь. Подъ носъ-то ихъ легко совать. И кто это ихъ писалъ, неужели люди?»

— Духъ Святый писалъ, говорю.

Болтать-то вамъ легко, усмѣхнулся онъ еще, но уже почти ненавистно. Взялъ я книгу опять, развернулъ въ другомъ мѣстѣ и показалъ ему къ Евреямъ, глава X, стихъ 31. Прочелъ онъ:

— «Страшно впасть въ руки Бога живаго».

Прочелъ онъ, да такъ и отбросилъ книгу. Задрожалъ весь даже.

— Страшный стихъ, говоритъ, — нечего сказать, подобрали. Всталъ со стула: — Ну, говоритъ, — прощайте, можетъ, больше и не приду... въ раю увидимся. Значитъ, четырнадцать лѣтъ, какъ уже впалъ я въ руки Бога живаго , —вотъ какъ эти четырнадцать лѣтъ, стало быть, называются. Завтра попрошу эти руки чтобы меня отпустили...

Хотѣлъ было я обнять и облобызать его, да не посмѣлъ, — искривленно такъ лицо у него было и смотрѣлъ тяжело. Вышелъ онъ. Господи , подумалъ я, куда пошелъ человѣкъ! Бросился я тутъ на колѣни предъ иконой и заплакалъ о немъ Пресвятой Богородицѣ, скорой заступницѣ и помощницѣ. Съ полчаса прошло какъ я въ слезахъ на молитвѣ стоялъ, а была уже поздняя ночь, часовъ около двѣнадцати. Вдругъ, смотрю, отворяется дверь и онъ входитъ снова. Я изумился.

— Гдѣ-же вы были? спрашиваю его.

— Я, говоритъ, —я, кажется, что-то забылъ... платокъ, кажется... Ну, хоть ничего не забылъ, дайте присѣсть-то...

Сѣлъ на стулъ. Я стою надъ нимъ. Сядьте, говоритъ, и вы . Я сѣлъ. Просидѣли минуты съ двѣ, смотритъ на меня пристально и вдругъ усмѣхнулся, запомнилъ я это, затѣмъ всталъ, крѣпко обнялъ меня и поцѣловалъ...

— Попомни, говоритъ,—какъ я къ тебѣ въ другой разъ приходилъ. Слышишь, попомни это!

Въ первый разъ мнѣ *ты* сказалъ. И ушелъ. Завтра , подумалъ я.

Такъ оно и сбылось. И не зналъ я въ сей вечеръ, что на завтра какъ разъ приходится день рожденія его. Самъ я въ послѣдніе дни никуда не выходилъ, а потому и узнать не могъ ни отъ кого. Въ этотъ-же день у него каждогодно бывало большое собраніе, съѣзжался весь городъ. Съѣхались и теперь. И вотъ, послѣ обѣденной трапезы, выходитъ онъ на средину, а въ рукахъ бумага—форменное донесеніе по начальству. А такъ какъ начальство его было тутъ-же, то тутъ-же и прочелъ бумагу вслухъ всѣмъ собравшимся, а въ ней полное описаніе всего преступленія во всей подробности: «Какъ звѣря себя звѣрію изъ среды людей, Богъ посѣтилъ меня»,—заключилъ бумагу,— пострадать хочу!» Тутъ-же вынесъ и выложилъ на столъ все чѣмъ мнилъ доказать свое преступленіе и что четырнадцать лѣтъ сохранялъ: золотыя вещи убитой, которыя похитилъ, думая отвлечь отъ себя подозрѣніе, медальонъ и крестъ ея, снятые съ нея,—въ медальонѣ портретъ ея жениха, записную ея книжку и, наконецъ, два письма: письмо жениха ея къ ней съ извѣщеніемъ о скоромъ прибытіи, и отвѣтъ ея на сіе письмо, который начала и не дописала, оставила на столѣ, чтобы завтра отослать на почту. Оба письма захватилъ онъ съ собою. «Для чего? Для чего потомъ сохранялъ четырнадцать лѣтъ вмѣсто того, чтобъ истребить, какъ улики? И вотъ что-же случилось: всѣ пришли въ удивленіе и въ ужасъ и никто не захотѣлъ повѣрить, хотя всѣ выслушали съ чрезвычайнымъ любопытствомъ, но какъ отъ больнаго, а нѣсколько дней спустя уже совсѣмъ рѣшено было во всѣхъ домахъ и приговорено, что несчастный человѣкъ помѣшался. Начальство и судъ не могли не дать хода дѣлу, но пріостановились и они: хотя представленныя вещи и письма и заставили размышлять, но рѣшено было и тутъ, что если сіи документы и оказались-бы вѣрными, то все-же окончательное обвиненіе не могло-бы быть произнесено на основаніи только сихъ документовъ. Да и вещи всѣ онъ могъ имѣть отъ нея самой, какъ знакомый ея, и по довѣренности. Слышалъ я, впрочемъ, что подлинность вещей была потомъ провѣрена чрезъ многихъ знакомыхъ и родныхъ убитой, и что сомнѣній въ томъ не было. Но дѣлу сему опять не суждено было завершиться. Дней черезъ пять всѣ узнали, что страдалецъ заболѣлъ и что опасаются за жизнь его. Какою болѣзнію онъ заболѣлъ.—не могу объяснить, говорили, что разстройствомъ сердцебіенія, но извѣстно стало, что совѣтъ докторовъ, по настоянію супруги его, свидѣтельствовалъ и душевное его состояніе, и что вынесли заключеніе, что помѣшательство уже есть. Я ничего не выдалъ, хотя и бросились разспрашивать меня, но когда пожелалъ его навѣстить, то долго мнѣ возбранялли, главное, супруга его: «Это вы, говоритъ

мнѣ, его разстроили, онъ и прежде былъ мраченъ, а въ послѣдній годъ всѣ замѣчали въ немъ необыкновенное волненіе и странные постуки, а тутъ какъ разъ вы его погубили; это вы его зачитали, не выходилъ онъ отъ васъ цѣлый мѣсяцъ . И что-же, не только супруга, но и всѣ въ городѣ накинулись на меня и меня обвинили: Это все вы , говорятъ. Я молчу, да и радъ въ душѣ, ибо узрѣлъ несомнѣнную милость Божію къ возставшему на себя и казнившему себя. А помѣшательству его я вѣрить не могъ. Допустили, наконецъ, и меня къ нему, самъ потребовалъ того настоятельно, чтобы проститься со мной. Вошелъ я, и какъ разъ увидѣлъ, что не только дни, но часы его сочтены. Былъ онъ слабъ, желтъ, руки трепещутъ, самъ задыхается, но смотритъ умильно и радостно.

— Совершилось!—проговорилъ мнѣ,—давно жажду видѣть тебя, что̀ не приходилъ?

Я ему не объявилъ, что меня не допускали къ нему.

— Богъ сжалился надо мной и зоветъ къ себѣ. Знаю, что умираю, но радость чувствую и миръ послѣ столькихъ лѣтъ впервые. Разомъ ощутилъ въ душѣ моей рай только лишь исполнилъ, что̀ надо было. Теперь уже смѣю любить дѣтей моихъ и лобызать ихъ. Мнѣ не вѣрятъ и никто не повѣрилъ, ни жена, ни судьи мои: не повѣрятъ никогда и дѣти. Милость Божію вижу въ семъ къ дѣтямъ моимъ. Умру и имя мое будетъ для нихъ незапятнано. А теперь предчувствую Бога, сердце какъ въ раю веселится... долгъ исполнилъ...

Говорить не можетъ, задыхается, горячо мнѣ руку жметъ, пламенно глядитъ на меня. Но недолго мы бесѣдовали, супруга его безпрерывно къ намъ заглядывала. Но успѣлъ таки шепнуть мнѣ:

— А помнишь-ли какъ я къ тебѣ тогда въ другой разъ пришелъ, въ полночь? Еще запомнитъ тебѣ велѣлъ? Знаешь-ли, для чего я входилъ? Я вѣдь убить тебя приходилъ!

Я такъ и вздрогнулъ.

— Вышелъ я тогда отъ тебя во мракъ, бродилъ по улицамъ и боролся съ собою. И вдругъ возненавидѣлъ тебя до того, что едва сердце вынесло. Теперь, думаю, онъ единый связалъ меня, и судія мой, не могу уже отказаться отъ завтрашней казни моей, ибо онъ все знаетъ . И не то чтобъ я боялся, что ты донесешь (не было и мысли о семъ), но думаю: Какъ я стану глядѣть на него если не донесу на себя? И хотя-бы ты былъ за тридевять земель, но живъ, все равно, невыносима эта мысль, что ты живъ и все знаешь, и меня судишь. Возненавидѣлъ я тебя, будто ты всему причиной и всему виноватъ. Воротился я къ тебѣ тогда, помню, что у тебя на столѣ лежитъ кинжалъ. Я сѣлъ и тебя сѣсть попросилъ, и цѣлую

минуту думалъ. Если-бъ я убилъ тебя, то все равно-бы погибъ за это убійство, хотя-бы и не объявилъ о прежнемъ преступленіи. Но о семъ я не думалъ вовсе, и думать не хотѣлъ въ ту минуту. Я только тебя ненавидѣлъ и отомстить тебѣ желалъ изо всѣхъ силъ за все. Но Господь мой поборолъ діавола въ моемъ сердцѣ. Зная, однако, что никогда ты не былъ ближе отъ смерти.

Черезъ недѣлю онъ померъ. Гробъ его до могилы провожалъ весь городъ. Протоіерей сказалъ прочувствованное слово. Оплакивали страшную болѣзнь, прекратившую дни его. Но весь городъ возсталъ на меня, когда похоронили его, и даже принимать меня перестали. Правда, нѣкоторые, въ началѣ немногіе, а потомъ все больше и больше стали вѣровать въ истину его показаній и очень начали посѣщать меня и разспрашивать съ большимъ любопытствомъ и радостью: ибо любитъ человѣкъ паденіе праведнаго и позоръ его. Но я замолчалъ и въ скорости изъ города совсѣмъ выбылъ, а черезъ пять мѣсяцевъ удостоился Господомъ Богомъ стать на путь твердый и благолѣпный, благословляя перстъ невидимый мнѣ столь явно сей путь указавшій. А многострадальнаго раба Божія Михаила памятую въ молитвахъ моихъ и до сего дня на каждый день.

III.

Изъ бесѣдъ и поученій старца Зосимы.

1) Нѣчто объ инокѣ русскомъ и о возможномъ значеніи его.

тцы и учители, что́ есть инокъ? Въ просвѣщенномъ мірѣ слово сіе произносится въ наши дни у иныхъ уже съ насмѣшкой, а у нѣкоторыхъ и какъ бранное. И чѣмъ дальше, тѣмъ больше. Правда, ахъ правда, много и въ монашествѣ тунеядцевъ, плотоугодниковъ, сластолюбцевъ и наглыхъ бродягъ. На сіе указываютъ образованные свѣтскіе люди: Вы, дескать, лѣнтяи и безполезные члены общества, живете чужимъ трудомъ, безстыдные нищіе. А между тѣмъ, сколь много въ монашествѣ смиренныхъ и кроткихъ, жаждущихъ уединенія и пламенной въ тишинѣ молитвы. На сихъ меньше указываютъ, и даже обходятъ молчаніемъ вовсе, и сколь подивились-бы, если скажу, что отъ сихъ кроткихъ и жаждущихъ уединенной молитвы выйдетъ, можетъ быть, еще разъ спасеніе земли

русской! Ибо во истину приготовлены въ тишинѣ на день и часъ, и мѣсяцъ, и годъ». Образъ Христовъ хранятъ пока въ уединеніи своемъ благолѣпно и неискаженно, въ чистотѣ правды Божіей, отъ древнѣйшихъ отцовъ, апостоловъ и мучениковъ, и когда надо будетъ, явятъ его поколебавшейся правдѣ міра. Сія мысль великая. Отъ востока звѣзда сія возсіяетъ.

Такъ мыслю объ иноѣ и неужели ложно, неужели надменно? Посмотрите у мірскихъ и во всемъ превозносящемся надъ народомъ Божіимъ мірѣ, не исказился-ли въ немъ ликъ Божій и правда Его? У нихъ наука, а въ наукѣ лишь то, что подвержено чувствамъ. Міръ-же духовный, высшая половина существа человѣческаго отвергнута вовсе, изгнана съ нѣкіимъ торжествомъ, даже съ ненавистью. Провозгласилъ міръ свободу, въ послѣднее время особенно, и что-же видимъ въ этой свободѣ ихней: одно лишь рабство и самоубійство! Ибо міръ говоритъ: «Имѣешь потребности, а потому насыщай ихъ, ибо имѣешь права такія-же какъ и у знатнѣйшихъ и богатѣйшихъ людей. Не бойся насыщать ихъ, но даже пріумножай»,—вотъ нынѣшнее ученіе міра. Въ этомъ и видятъ свободу. И что-же выходитъ изъ сего права на пріумноженіе потребностей? У богатыхъ *уединеніе* и духовное самоубійство, а у бѣдныхъ—зависть и убійство, ибо права-то дали, а средствъ насытить потребности еще не указали. Увѣряютъ, что міръ чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе единится, слагается въ братское общеніе, тѣмъ что сокращаетъ разстояніе, передаетъ по воздуху мысли. Увы, не вѣрьте такому единенію людей. Понимая свободу какъ пріумноженіе и скорое утоленіе потребностей, искажаютъ природу свою, ибо зарождаютъ въ себѣ много безсмысленныхъ и глупыхъ желаній, привычекъ и нелѣпѣйшихъ выдумокъ. Живутъ лишь для зависти другъ къ другу, для плотоугодія и чванства. Имѣть обѣды, выѣзды, экипажи, чины и рабовъ-прислужниковъ—считается уже такою необходимостью, для которой жертвуютъ даже жизнью, честью и человѣколюбіемъ, чтобъ утолить эту необходимость, и даже убиваютъ себя, если не могутъ утолить ее. У тѣхъ, которые не богаты, тоже самое видимъ, а у бѣдныхъ неутоленіе потребностей и зависть пока заглушаются пьянствомъ. Но вскорѣ вмѣсто вина упьются и кровью, къ тому ихъ ведутъ. Спрашиваю я васъ: свободенъ-ли такой человѣкъ? Я зналъ одного борца за «идею», который самъ разсказывалъ мнѣ, что когда лишили его въ тюрьмѣ табаку, то онъ до того былъ измученъ лишеніемъ симъ, что чуть не пошелъ и не предалъ свою «идею», чтобы только дали ему табаку. А вѣдь этакой говоритъ: «за человѣчество бороться иду». Ну, куда такой пойдетъ и на что онъ способенъ? На скорый поступокъ развѣ, а долго не вытерпитъ. И не дивно, что вмѣсто

свободы впали въ рабство, а вмѣсто служенія братолюбію и человѣческому единенію впали, напротивъ, въ *отъединеніе* и уединеніе, какъ говорилъ мнѣ въ юности моей таинственный гость и учитель мой. А потому въ мірѣ все болѣе и болѣе угасаетъ мысль о служеніи человѣчеству, о братствѣ и цѣлостности людей и во истину встрѣчается мысль сія даже уже съ насмѣшкой, ибо какъ отстать отъ привычекъ своихъ, куда пойдетъ сей невольникъ, если столь привыкъ утолять безчисленныя потребности свои, которыя самъ-же навыдумалъ? Въ уединеніи онъ и какое ему дѣло до цѣлаго. И достигли того, что вещей накопили больше, а радости стало меньше.

Другое дѣло путь иноческій. Надъ послушаніемъ, постомъ и молитвой даже смѣются, а между тѣмъ, лишь въ нихъ заключается путь къ настоящей, истинной уже свободѣ: отсѣкаю отъ себя потребности лишнія и ненужныя, самолюбивую и гордую волю мою смиряю и бичую послушаніемъ, и достигаю тѣмъ, съ помощію Божьей, свободы духа, а съ нею и веселья духовнаго! Кто-же изъ нихъ способенъ вознести великую мысль и пойдти ей служить, — уединенный-ли богачъ или сей *освобожденный* отъ тиранства вещей и привычекъ? Инока корятъ его уединеніемъ: «Удинился ты, чтобы себя спасти въ монастырскихъ стѣнахъ, а братское служеніе человѣчеству забылъ». Но посмотримъ еще, кто болѣе братолюбію поусердствуетъ? Ибо уединеніе не у насъ, а у нихъ, но не видятъ сего. А отъ насъ и издревле дѣятели народные выходили, отчего-же не можетъ ихъ быть и теперь? Тѣ-же смиренные и кроткіе постники и молчальники возстанутъ и пойдутъ на великое дѣло. Отъ народа спасеніе Руси. Русскій-же монастырь искони былъ съ народомъ. Если-же народъ въ уединеніи, то и мы въ уединеніи. Народъ вѣритъ по нашему, а не вѣрующій дѣятель у насъ въ Россіи ничего не сдѣлаетъ, даже будь онъ искрененъ сердцемъ и умомъ геніаленъ. Это помните. Народъ встрѣтитъ атеиста и побореть его, и станетъ единая православная Русь. Берегите-же народъ и оберегайте сердце его. Въ тишинѣ воспитайте его. Вотъ вашъ иноческій подвигъ, ибо сей народъ богоносецъ.

г) Нѣчто о господахъ и слугахъ и о томъ, возможно-ли господамъ и слугамъ стать взаимно по духу братьями.

Боже, кто говоритъ, и въ народѣ грѣхъ. А пламень растлѣнія умножается даже видимо, ежечасно, сверху идетъ. Наступаетъ и въ народѣ уединеніе: начинаются кулаки и міроѣды; уже купецъ все больше и больше желаетъ почестей, стремится показать себя образованнымъ, образованія не имѣя ни мало, а для сего глупо пре-

небрегаетъ древнимъ обычаемъ и стыдится даже вѣры отцовъ. Бѣдитъ ко князьямъ, а всего-то самъ мужикъ порченый. Народъ запился отъ пьянства и не можетъ уже отстать отъ него. А сколько жестокости къ семьѣ, къ женѣ, къ дѣтямъ даже: отъ пьянства все. Видалъ я на фабрикахъ девятилѣтнихъ даже дѣтей: хилыхъ, чахлыхъ, согбенныхъ и уже развратныхъ. Душная палата, стучащая машина, весь Божій день работы, развратныя слова и вино, вино, а то-ли надо душѣ такого малаго еще дитяти? Ему надо солнце, дѣтскія игры и всюду свѣтлый примѣръ и хоть каплю любви къ нему. Да не будетъ-же сего, иноки, да не будетъ истязанія дѣтей, возстаньте и проповѣдуйте сіе скорбе, скорбе. Но спасетъ Богъ Россію, ибо хоть и развратенъ простолюдинъ и не можетъ уже отказать себѣ во смрадномъ грѣхѣ, но все-же знаетъ, что проклятъ Богомъ его смрадный грѣхъ, и что поступаетъ онъ худо, грѣшно. Такъ что неустанно еще вѣруетъ народъ нашъ въ правду, Бога признаетъ, умилительно плачетъ. Не то у высшихъ. Тѣ во слѣдъ наукъ хотятъ устроиться справедливо однимъ умомъ своимъ, но уже безъ Христа, какъ прежде, и уже провозгласили, что нѣтъ преступленія, нѣтъ уже грѣха. Да оно и правильно по ихнему: ибо если нѣтъ у тебя Бога, то какое-же тогда преступленіе? Въ Европѣ возстаетъ народъ на богатыхъ уже силой, и народные вожаки повсемѣстно ведутъ его къ крови и учатъ, что правъ гнѣвъ его. Но проклятъ гнѣвъ ихъ, ибо жестокъ. А Россію спасетъ Господь, какъ спасалъ уже много разъ. Изъ народа спасеніе выйдетъ, изъ вѣры и смиренія его. Отцы и учители, берегите вѣру народа, и не мечта сіе: поражало меня всю жизнь въ великомъ народѣ нашемъ его достоинство благолѣпное и истинное, самъ видѣлъ, самъ свидѣтельствовать могу, видѣлъ и удивлялся, видѣлъ, не смотря даже на смрадъ грѣховъ и мерзости видъ народа нашего. Не раболѣпенъ онъ, и это послѣ рабства двухъ вѣковъ. Свободенъ видомъ и обращеніемъ, но безо всякой обиды. И не мстителенъ, и не завистливъ. Ты знатенъ, ты богатъ, ты уменъ и талантливъ, —и пусть, благослови тебя Богъ. Чту тебя, но знаю, что и я человѣкъ. Тѣмъ, что безъ зависти чту тебя, тѣмъ-то и достоинство мое являю предъ тобой человѣческое. Во истину, если не говорятъ сего (ибо не умѣютъ еще сказать сего), то такъ *поступаютъ*, самъ видѣлъ, самъ испытывалъ, и вѣрите-ли: чѣмъ глубже и выше человѣкъ нашъ русскій, тѣмъ и болѣе въ немъ сея благолѣпной правды замѣтно, ибо богатые изъ нихъ кулаки и міротды во множествѣ уже развращены, и много, много тутъ отъ нерадѣнія и несмотрѣнія нашего вышло! Но спасетъ Богъ людей своихъ, ибо велика Россія смиреніемъ своимъ. Мечтаю видѣть и какъ-бы уже вижу ясно наше грядущее: ибо будетъ такъ, что даже самый раз-

вращенный богачъ нашъ кончитъ тѣмъ, что устыдится богатства своего предъ бѣднымъ, а бѣдный, видя смиреніе сіе, поиметъ и уступитъ ему, съ радостью и лаской отвѣтитъ на благолѣпный стыдъ его. Вѣрьте, что кончится симъ: на то идетъ. Лишь въ человѣческомъ духовномъ достоинствѣ равенство, и сіе поймутъ лишь у насъ. Были-бы братья, будетъ и братство, а раньше братства никогда не раздѣлятся. Образъ Христовъ хранимъ, и возсіяетъ какъ драгоцѣнный алмазъ всему міру... Будь, будь!

Отцы и учители, произошло разъ со мною умилительное дѣло. Странствуя встрѣтилъ я однажды, въ губернскомъ городѣ К., бывшаго моего денщика Лоанасія, а съ тѣхъ поръ какъ я разсталися съ нимъ прошло уже тогда восемь лѣтъ. Нечаянно увидѣлъ меня на базарѣ, узналъ, подбѣжалъ ко мнѣ, и Боже, сколь обрадовался, такъ и кинулся ко мнѣ: Батюшка, баринъ, вы-ли это? Да неужто васъ вижу?» Повелъ меня къ себѣ. Былъ уже онъ въ отставкѣ, женился, двухъ дѣтей младенцевъ уже прижилъ. Проживалъ съ супругой своею мелкимъ торгомъ на рынкѣ съ лотка. Комнатка у него бѣдная, но чистенькая, радостная. Усадилъ меня, самоваръ поставилъ, за женой послалъ, точно я праздникъ какой ему сдѣлалъ. У него появившись. Подвелъ ко мнѣ дѣтокъ: благословите, батюшка . Мнѣ-ли благословлять, отвѣчаю ему, иноку я простой и смиренный, Бога о нихъ помолю, а о тебѣ, Лоанасіи Павловичъ, и всегда, на всякъ день, съ того самаго дня, Бога молю, ибо съ тебя, говорю, все и вышло . И объяснилъ ему я это, какъ умѣлъ. Такъ что-же человѣкъ: смотритъ на меня и все не можетъ представить, что я, прежній баринъ его, офицеръ, предъ нимъ теперь въ такомъ видѣ и въ такой одежѣ: заплакалъ даже. «Чего-же ты плачешь, говорю ему, незабвенный ты человѣкъ, лучше повеселись за меня душой, милый, ибо радостенъ и свѣтелъ путь мой . Многаго не говорилъ, а все охалъ и качалъ на меня головой умиленно. «Гдѣ-же ваше, спрашиваетъ, богатство?» Отвѣчаю ему: «Въ монастырь отдалъ, а живемъ мы въ общежитіи . Послѣ чаю сталъ я прощаться съ ними и вдругъ вынесъ онъ мнѣ полтину, жертву на монастырь, а другую полтину, смотрю, суетъ мнѣ въ руку, торопится: это ужь вамъ, говоритъ, страннному, путешествующему, пригодится вамъ, можетъ, батюшка . Принялъ я его полтину, поклонился ему и супругѣ его и ушелъ обрадованный, и думаю дорогой: вотъ мы теперь оба, и онъ у себя, и я идучи, охаемъ, должно быть, да усмѣхаемся радостно, въ веселіи сердца нашего, покивая головой и вспоминая какъ Богъ привелъ встрѣтиться . И больше я ужь съ тѣхъ поръ никогда не видалъ его. Былъ я ему господинъ, а онъ мнѣ слуга, а теперь какъ облобызались мы съ нимъ любовно и въ духовномъ умиленіи, межъ нами

великое человѣческое единеніе произошло. Думалъ я о семъ много, а теперь мыслю такъ: неужели такъ недоступно уму, что сіе великое и простодушное единеніе могло-бы въ свой срокъ и повсемѣстно произойдти межъ нашихъ русскихъ людей? Вѣрую, что произойдетъ, и сроки близки.

А про слугъ прибавлю слѣдующее: сердился я прежде, юношею, на слугъ много: кухарка горячо подала, деньщикъ платье не вычистилъ». Но озарила меня тогда вдругъ мысль моего милаго брата, которую слышалъ отъ него въ дѣтствѣ моемъ: стою-ли я того и весь-то, чтобы мнѣ другой служилъ, а чтобъ я, за нищету и темноту его, имъ помыкалъ? И подивился я тогда-же, сколь самыя простыя мысли, воочію ясныя, поздно появляются въ умѣ нашемъ. Безъ слугъ невозможно въ міру, но такъ сдѣлай, чтобы былъ у тебя твой слуга свободнѣе духомъ чѣмъ если-бы былъ не слугой. И почему я не могу быть слугою слугѣ моему и такъ, чтобы онъ даже видѣлъ это, и ужь безо всякой гордости съ моей стороны, а съ его, невѣрія? Почему не быть слугѣ моему какъ-бы мнѣ роднымъ, такъ что приму его, наконецъ, въ семью свою и возрадуюсь сему? Даже и теперь еще это такъ исполнимо, но послужитъ основаніемъ къ будущему уже великолѣпному единенію людей, когда не слугъ будетъ искать себѣ человѣкъ и не въ слугъ пожелаетъ обращать себѣ подобныхъ людей, какъ нынѣ, а, напротивъ, изо всѣхъ силъ пожелаетъ стать самъ всѣмъ слугой, по Евангелію. И неужели сіе мечта, чтобы подъ конецъ человѣкъ находилъ свои радости лишь въ подвигахъ просвѣщенія и милосердія, а не въ радостяхъ жестокихъ, какъ нынѣ, — въ объяденіи, блудѣ, чванствѣ, хвастовствѣ и завистливомъ превышеніи одного надъ другимъ? Твердо вѣрую, что нѣтъ и что время близко. Смѣются и спрашиваютъ: когда-же сіе время наступитъ и похоже-ли на то, что наступитъ? Я-же мыслю, что мы со Христомъ это великое дѣло рѣшимъ. И сколько-же было идей на землѣ, въ исторіи человѣческой, которыя даже за десять лѣтъ немыслимы были и которыя вдругъ появлялись, когда приходилъ для нихъ таинственный срокъ ихъ, и проносились по всей землѣ? Такъ и у насъ будетъ, и возсіяетъ міру народъ нашъ и скажутъ всѣ люди: камень, который отвергли зиждущіе, сталъ главою угла». А насмѣшниковъ вопросить-бы самихъ: если у насъ мечта, то когда-же вы-то воздвигнете зданіе свое и устроитесь справедливо лишь умомъ своимъ, безъ Христа? Если-же и утверждаютъ сами, что они-то, напротивъ, и идутъ къ единенію, то во истину вѣруютъ въ сіе лишь самые изъ нихъ простодушные, такъ что удивиться даже можно сему простодушію. Во истину у нихъ мечтательной фантазіи болѣе, чѣмъ у насъ. Мыслятъ устро-

иться справедливо, но, отвергнувъ Христа, вопіять тѣмъ, что зальютъ міръ кровью, ибо кровь зоветъ кровь, а извлекшій мечъ погибнетъ мечомъ. И если-бы не обѣтованіе Христово, то такъ и и истребили-бы другъ друга даже до послѣднихъ двухъ человѣкъ на землѣ. Да и сіи два послѣдніе не съумѣли-бы въ гордости своей удержать другъ друга, такъ что послѣдній истребилъ-бы предпослѣдняго, а потомъ и себя самого. И сбылось-бы, если-бы не обѣтованіе Христово, что ради кроткихъ и смиренныхъ сократится дѣло сіе. Сталъ я тогда, еще въ офицерскомъ мундирѣ, послѣ поединка моего, говорить про слугъ въ обществѣ, и всѣ-то, помню, на меня дивились: что-же намъ, говорятъ, посадить слугу на диванъ да ему чай подносить? А я тогда имъ въ отвѣтъ: почему-же и не такъ, хотя-бы только иногда . Всѣ тогда засмѣялись. Вопросъ ихъ былъ легкомысленный, а отвѣтъ мой неясный, но мысль, что была въ немъ и нѣкая правда.

ж) О молитвѣ, о любви и о соприкосновеніи мірамъ иныхъ.

Юноша, не забывай молитвы. Каждый разъ въ молитвѣ твоей, если искренна, мелькнетъ новое чувство, а въ немъ и новая мысль, которую ты прежде не зналъ, и которая вновь ободритъ тебя: и поймешь, что молитва есть воспитаніе. Запомни еще: на каждый день, и когда лишь можешь, твердя про себя: Господи, помилуй всѣхъ днесь предъ Тобою представшихъ . Ибо въ каждый часъ и каждое мгновеніе тысячи людей покидаютъ жизнь свою на сей землѣ и души ихъ становятся предъ Господомъ, — и сколь многіе изъ нихъ разстались съ землею отъединенно, никому невѣдомо, въ грусти и тоскѣ, что никто-то не пожалѣетъ о нихъ и даже не знаетъ о нихъ вовсе: жили-ль они или нѣтъ. И вотъ, можетъ быть, съ другаго конца земли вознесется ко Господу за упокой его и твоя молитва, хотя-бы ты и не зналъ его вовсе, а онъ тебя. Сколь умилительно душѣ его, ставшей въ страхѣ предъ Господомъ, почувствовать въ тотъ мигъ, что есть и за него молельщикъ, что осталось на землѣ человѣческое существо и его любящее. Да и Богъ милостивѣе воззритъ на обоихъ васъ: ибо если уже ты столь пожалѣлъ его, то кольми паче пожалѣетъ Онъ, безконечно болѣе милосердый и любовный чѣмъ ты. И проститъ его тебя ради.

Братья, не бойтесь грѣха людей, любите человѣка и во грѣхѣ его, ибо сіе ужь подобіе Божеской любви и есть верхъ любви на землѣ. Любите все созданіе Божіе, и цѣлое, и каждую песчинку. Каждый листикъ, каждый лучъ Божій любите! Любите животныхъ, любите растенія, любите всякую вещь. Будешь любить всякую вещь

и тайну Божію постигнешь въ вещахъ. Постигнешь однажды и уже неустанно начнешь ее познавать все далѣе и болѣе, на всякъ день. И полюбишь, наконецъ, весь міръ уже всецѣлою, всемірною любовью. Животныхъ любите: имъ Богъ далъ начало мысли и радость безмятежную. Не возмущайте-же ее, не мучьте ихъ, не отнимайте у нихъ радости, не противьтесь мысли Божіей. Человѣкъ, не возноси надъ животными: они безгрѣшны, а ты со своимъ величіемъ гноишь землю своимъ появленіемъ на ней и слѣдъ свой гнойный оставляешь послѣ себя,—увы, почти всякъ изъ насъ!—дѣтокъ любите особенно, ибо они тоже безгрѣшны, яко ангелы, и живутъ для умиленія нашего, для очищенія сердецъ нашихъ и какъ нѣкое указаніе намъ. Горе оскорбившему младенца. А меня отецъ Анонимъ училъ дѣтокъ любить: онъ, милый и молящій, въ странствіяхъ нашихъ, на подаянные грошики имъ пряничковъ и леденцу, бывало, купитъ и раздастъ; проходить не могъ мимо дѣтокъ безъ сотрясенія душевнаго: таковъ человѣкъ.

Предъ иною мыслью станешь въ недоумѣніи, особенно видя грѣхъ людей, и спросишь себя: взять-ли силой, али смиренною любовью? Всегда рѣшай: возьму смиренною любовью. Рѣшившись такъ разъ навсегда, и весь міръ покорить возможешь. Смиреніе любовное—страшная сила, изо всѣхъ сильнѣйшая, подобной которой и нѣтъ ничего. На всякъ день и часъ, на всякую минуту ходи около себя и смотри за собой, чтобъ образъ твой былъ благолѣпенъ. Вотъ ты прошелъ мимо малаго ребенка, прошелъ злобный со сквернымъ словомъ, съ гнѣвливою душой: ты и не примѣтилъ, можетъ, ребенка-то, а онъ видѣлъ тебя и образъ твой, непригляднный и нечестивый, можетъ, въ его беззащитномъ сердечкѣ остался. Ты и не зналъ его, а, можетъ быть, ты уже тѣмъ въ него сѣмя бросилъ дурное, и возрастетъ оно, пожалуй, а все потому, что ты не убережется предъ дитятей, потому что любви осмотрительной, дѣятельной не воспиталъ въ себѣ. Братья, любовь учительница, но нужно умѣть ее пріобрѣсти, ибо она трудно пріобрѣтается, дорого покупается, долгою работой и черезъ долгій срокъ, ибо не на мгновеніе лишь случайное надо любить, а на весь срокъ. А случайно-то и всякъ полюбить можетъ, и злодѣй полюбитъ. Юноша братъ мой у птичекъ прощенія просилъ: оно какъ-бы и безсмысленно, а вѣдь правда, ибо все какъ океанъ, все течетъ и соприкасается, въ одномъ мѣстѣ тронешь, въ другомъ концѣ міра отдается. Пусть безуміе у птичекъ прощенія проситъ, но вѣдь и птичкамъ было-бы легче, и ребенку, и всякому животному около тебя, если-бы ты самъ былъ благолѣпнѣе, чѣмъ ты есть теперь, хоть на одну каплю да было-бы. Все какъ океанъ, говорю вамъ. Тогда и птичкамъ стало-бы молиться.

всѣдѣлою любовію мучимыи, какъ-бы въ восторгѣ какомъ, и молить, чтобъ и онъ грѣхъ твой отпустили тебѣ. Восторгомъ-же симъ дорожи, какъ-бы ни казался онъ людямъ безсмысленнымъ.

Други мои, просите у Бога веселья. Будьте веселы какъ дѣти, какъ птички небесныя. И да не смущаетъ васъ грѣхъ людей въ вашемъ дѣланіи, не бойтесь, что затретъ онъ дѣло ваше и не дастъ ему совершиться, не говорите: силенъ грѣхъ, сильно нечестіе, сильна среда скверная, а мы одиноки и безсильны, затретъ насъ скверная среда и не дастъ совершиться благому дѣланію. Бѣгите, дѣти, сего унынія! Одно тутъ спасеніе себѣ: возьми себя и сдѣлай себя-же отвѣтчикомъ за весь грѣхъ людской. Другъ, да вѣдь это и вправду такъ, ибо чуть только сдѣлаешь себя за все и за всѣхъ отвѣтчикомъ искренно, то тотчасъ-же увидишь, что оно такъ и есть въ самомъ дѣлѣ и что ты-то и есть за всѣхъ и за вся виноватъ. А скидывая свою-же лѣнь и свое безсиліе на людей, кончишь тѣмъ, что гордости сатанинской пріобщишься и на Бога возропщешь. О гордости-же сатанинской мыслю такъ: трудно намъ на землѣ ее и постичь, а потому сколь легко впасть въ ошибку и пріобщиться ей, да еще полагая, что нѣчто великое и прекрасное дѣлаемъ. Да и многое изъ самыхъ сильныхъ чувствъ и движеній природы нашей мы пока на землѣ не можемъ постичь, не соблазняйся и симъ и не думай, что сіе въ чемъ либо можетъ тебѣ служить оправданіемъ, ибо спроситъ съ тебя Судія вѣчный то, что ты могъ постичь, а не то, чего не могъ, самъ убѣдишься въ томъ, ибо тогда все узришь правильно и спорить уже не станешь. На землѣ-же во истину мы какъ-бы блуждаемъ, и не было-бы драгоцѣннаго Христова образа предъ нами, то погибли-бы мы и заблудились совсѣмъ, какъ родъ человѣческій предъ потопомъ. Многое на землѣ отъ насъ скрыто, но взамѣнъ того дарована намъ тайное сокровенное ощущеніе живой связи нашей съ міромъ инымъ, съ міромъ горнимъ и вѣчнымъ, да и корни нашихъ мыслей и чувствъ не здѣсь, а въ мірахъ иныхъ. Вотъ почему и говорятъ философы, что сущности вещей нельзя постичь на землѣ. Богъ взялъ сѣмена изъ міровъ иныхъ и посѣялъ на сей землѣ и взростилъ садъ Свой, и взошло все, что могло взойдти, но взращенное живетъ и живо лишь чувствомъ соприкосновенія своего таинственнымъ мірамъ инымъ; если ослабѣваетъ или уничтожается въ тебѣ сіе чувство, то умираетъ и взращенное въ тебѣ. Тогда станешь къ жизни равнодушенъ и даже возненавидишь ее. Мыслю такъ.

3) Можно-ли быть судіею себѣ подобныхъ? О вѣрь до конца.

Помни особенно, что не можешь ничьимъ судіею быти. Ибо не можетъ быть на землѣ судья преступника, прежде чѣмъ самъ сей судья не познаетъ, что и онъ такой-же точно преступникъ, какъ и стоящій предъ нимъ, и что онъ-то за преступленіе стоящаго предъ нимъ, можетъ, прежде всѣхъ и виноватъ. Когда-же постигнетъ сіе, то возможетъ стать и судіею. Какъ ни безумно на видъ, но правда сіе. Ибо былъ-бы я самъ праведенъ, можетъ, и преступника, стоящаго предо мною, не было-бы. Если возможешь принять на себя преступленіе стоящаго предъ тобою и судимаго сердцемъ твоимъ преступника, то немедленно прими и пострадай за него самъ, его-же безъ укора отпусти. И даже если-бъ и самый законъ поставилъ тебя его судіею, то сколь лишь возможно будетъ тебѣ, сотвори и тогда въ духѣ семъ, ибо уйдетъ и осудитъ себя самъ еще горше суда твоего. Если-же отойдетъ съ цѣлованіемъ твоимъ безчувственный и смѣясь надъ тобою-же, то не соблазняйся и симъ: значитъ, срокъ его еще не пришелъ, но придетъ въ свое время; а не придетъ, все равно: не онъ такъ другой за него познаетъ и пострадаетъ, и осудитъ, и обвинитъ себя самъ и правда будетъ восполнена. Вѣрь сему, несомнѣнно вѣрь, ибо въ семъ самомъ и лежитъ все упованіе и вся вѣра святыхъ.

Дѣлай неустанно. Если вспомнишь въ ночи, отходя ко сну: «я не исполнилъ что надо было», то немедленно возстань и исполни. Если кругомъ тебя люди злобные и безчувственные и не захотятъ тебя слушать, то пади предъ ними и у нихъ прощенія проси, ибо во истину и ты въ томъ виноватъ, что не хотятъ тебя слушать. А если уже не можешь говорить съ озлобленными, то служи имъ молча и въ уничиженіи, никогда не теряя надежды. Если-же всѣ оставятъ тебя и уже изгонятъ тебя силой, то оставшись одинъ, падши на землю и цѣлуй ее, омочи ее слезами твоими, и дастъ плодъ отъ слезъ твоихъ земля, хотя-бы и не видалъ и не слыхалъ тебя никто въ уединеніи твоемъ. Вѣрь до конца, хотя-бы даже и случилось такъ, что всѣ-бы на землѣ совратились, а ты лишь единый вѣренъ остался: принеси и тогда жертву и восхвали Бога ты, единый оставшійся. А если васъ такихъ двое сойдутся, то вотъ ужъ и весь міръ, міръ живой любви, обнимите другъ друга въ умиленіи и восхвалите Господа: ибо хотя и въ васъ двоихъ, но воспоминалась правда Его.

Если самъ согрѣшишь и будешь скорбенъ даже до смерти о грѣхахъ твоихъ, или о грѣхѣ твоемъ внезапномъ, то возрадуйся за

другаго, возрадуйся за праведнаго, возрадуйся тому, что если ты согрѣшилъ, то онъ зато праведенъ и не согрѣшилъ.

Если-же злодѣйство людей возмутитъ тебя негодованіемъ и скорбью уже необоримою, даже до желанія отмщенія злодѣямъ, то болѣе всего страшись сего чувства; тотчасъ-же иди и ищи себѣ мукъ такъ какъ-бы самъ былъ виновенъ въ семъ злодѣйствѣ людей. Пріими сіи муки и вытерпи, и утолится сердце твое и поймешь, что и самъ виновенъ, ибо могъ свѣтить злодѣямъ даже какъ единый безгрѣшный и не свѣтилъ. Если-бы свѣтилъ, то свѣтомъ своимъ озарилъ-бы и другимъ путь, и тотъ, который совершилъ злодѣйство, можетъ быть, не свершилъ-бы его при свѣтѣ твоемъ. И даже если ты и свѣтилъ, но увидишь, что не спасаются люди даже и при свѣтѣ твоемъ, то пребудь твердъ и не усомнись въ силѣ свѣта небеснаго: вѣрь тому, что если теперь не спасешь, то потомъ спасутся. А не спасутся и потомъ, то сыны ихъ спасутся. ибо не умретъ свѣтъ твой, хотя-бы и ты уже умеръ. Праведникъ отходитъ, а свѣтъ его остается. Спасаются-же и всегда по смерти спасающаго. Не принимаетъ родъ людской пророковъ своихъ и избиваетъ ихъ, но любятъ люди мучениковъ своихъ и чтятъ тѣхъ. коихъ замучили. Ты-же для цѣлаго работаешь, для грядущаго дѣлаешь. Награды-же никогда не ищи, ибо и безъ того уже велика тебѣ награда на сей землѣ: духовная радость твоя, которую лишь праведный обрѣтаетъ. Не бойся ни знатныхъ, ни сильныхъ, но будь премудръ и всегда благолѣпенъ. Знай мѣру. знай сроки, научись сему. Въ уединеніи-же оставаясь, молись. Люби повергаться на землю и лобызать ее. Землю цѣлуй и неустанно, ненасытимо люби, всѣхъ люби, все люби, ищи восторга и изступленія сего. Омочи землю слезами радости твоея и люби сіи слезы твои. Изступленія-же сего не стыдись, дорожи имъ, ибо есть даръ Божій, великій. да и не многимъ дается, а избраннымъ.

и) О адѣ и адскомъ огнѣ, разсужденіе мистическое.

Отцы и учители, мыслю: «что̀ есть адъ?» Разсуждаю такъ: «Страданіе о томъ, что нельзя уже болѣе любить». Разъ, въ безконечномъ бытіи, неизмѣримомъ ни временемъ, ни пространствомъ, дана была нѣкоему духовному существу, появленіемъ его на землѣ. способность сказать себѣ: «я есмь и я люблю». Разъ, только разъ. дано было ему мгновеніе любви дѣятельной, *живой*, а для того дана была земная жизнь. а съ нею времена и сроки. и что̀-же: отвергло сіе счастливое существо даръ безцѣнный. не оцѣнило его. не возлюбило, взглянуло насмѣшливо и осталось безчувственнымъ.

Таковой, уже отшедший съ земли, видитъ и лоно Авраамово, и бесѣдуетъ съ Авраамомъ какъ въ притчѣ о богатомъ и Лазарѣ намъ указано, и рай созерцаетъ, и ко Господу восходитъ можетъ, но именно тѣмъ-то и мучается, что ко Господу взойдетъ онъ не любившій, соприкоснется съ любившими любовью ихъ пренебрегшій. Ибо зритъ ясно и говоритъ себѣ уже самъ: нынѣ уже знаніе имѣю и хоть возжаждалъ любить, но уже подвига не будетъ въ любви моей, не будетъ и жертвы, ибо кончена жизнь земная и не придетъ Авраамъ хоть каплею воды живой (то есть вновь дарамъ земной жизни, прежней и дѣятельной) прохладить пламень жажды любви духовной, которою пламенѣю теперь, на землѣ ее пренебрегши; нѣтъ уже жизни и времени болѣе не будетъ! Хотя-бы и жизнь свою радъ былъ отдать за другихъ, но уже нельзя, ибо прошла та жизнь, которую возможно было въ жертву любви принесть, и теперь бездна между тою жизнью и симъ бытіемъ . Говорятъ о пламени адскомъ матеріальномъ: не вѣдую тайну сію и стращусь, но мыслю, что если-бъ и былъ пламень матеріальный. то во истину обрадовались-бы ему, ибо. мечтаю такъ, въ мученіи матеріальномъ хоть на мигъ позабылась-бы ими страшнѣйшая сего мука духовная. Да и отнять у нихъ эту муку духовную невозможно, ибо мученіе сіе не внѣшнее, а внутри ихъ. А если-бъ и возможно было отнять, то, мыслю, стали-бы оттого еще горше несчастными. Ибо хоть и простили-бы ихъ праведные изъ рая, созерцая муки ихъ, и призвали-бы ихъ къ себѣ, любя безконечно. но тѣмъ самымъ имъ еще болѣе-бы приумножили мукъ, ибо возбудили-бы въ нихъ еще сильнѣе пламень жажды отвѣтной, дѣятельной и благодарной любви, которая уже невозможна. Въ робости сердца моего мыслю, однако-же, что самое сознаніе сей невозможности послужило-бы имъ, наконецъ, и къ облегченію, ибо приявъ любовь праведныхъ съ невозможностью воздать за нее, въ покорности сей и въ дѣйствіи смиренія сего, обрящутъ, наконецъ, какъ-бы нѣкій образъ той дѣятельной любви, которою пренебрегли на землѣ, и какъ-бы нѣкое дѣйствіе съ нею сходное... Сожалѣю, братья и други мои, что не умѣю сказать сего ясно. Но горе самимъ истребившимъ себя на землѣ, горе самоубійцамъ! Мыслю, что уже несчастнѣе сихъ и не можетъ быть никого. Грѣхъ, рекутъ намъ, о сихъ Бога молить, и церковь наружно ихъ какъ-бы и отвергаетъ, но мыслю въ тайнѣ души моей, что можно-бы и за сихъ помолиться. За любовь не осердится вѣдь Христосъ. О таковыхъ я внутренно во всю жизнь молился, исповѣдуюсь вамъ въ томъ, отцы и учители, да и нынѣ на всякъ день молюсь.

О, есть и во адѣ пребывшіе гордыми и свирѣпыми, не смотря

уже на знаніе безспорное и на созерцаніе правды неотразимой: есть страшные, пріобщившіеся сатанѣ и гордому духу его всецѣло. Для тѣхъ адъ уже добровольный и ненасытимый: тѣ уже доброхотные мученики. Ибо сами проклянли себя, проклявъ Бога и жизнь. Злобною гордостью своею питаются, какъ если-бы голодный въ пустынѣ кровь собственную свою сосать изъ своего-же тѣла началъ. Но ненасытимы во вѣки вѣковъ и прощеніе отвергаютъ. Бога, зовущаго ихъ, проклинаютъ. Бога живаго безъ ненависти созерцать не могутъ и требуютъ, чтобы не было Бога жизни, чтобъ уничтожилъ Себя Богъ и все созданіе Свое. И будутъ горѣть въ огнѣ гнѣва своего вѣчно, жаждать смерти и небытія. Но не получатъ смерти...

Здѣсь оканчивается рукопись Алексѣя Ѳедоровича Карамазова. Повторяю: она не полна и отрывочна. Біографическія свѣдѣнія, напримѣръ, обнимаютъ лишь первую молодость старца. Изъ поученій-же его и мнѣній сведено вмѣстѣ, какъ-бы въ единое цѣлое, сказанное, очевидно, въ разные сроки и вслѣдствіе побужденій различныхъ. Все-же то что̀ изречено было старцемъ собственно въ сіи послѣдніе часы жизни его, не опредѣлено въ точности, а дано лишь понятіе о духѣ и характерѣ и сей бесѣды, если сопоставить съ тѣмъ что̀ приведено въ рукописи Алексѣя Ѳедоровича изъ прежнихъ поученій. Кончина-же старца произошла во истину совсѣмъ неожиданно. Ибо хотя всѣ собравшіеся къ нему въ тотъ послѣдній вечеръ и понимали вполнѣ, что смерть его близка, но все-же нельзя было представить, что наступитъ она столь внезапно: напротивъ, друзья его, какъ уже и замѣтилъ я выше, видя его въ ту ночь столь, казалось-бы, бодрымъ и словоохотливымъ, убѣждены были даже, что въ здоровьѣ его произошло замѣтное улучшеніе, хотя-бы и на малое лишь время. Даже за пять минутъ до кончины, какъ съ удивленіемъ передавали потомъ, нельзя было еще ничего предвидѣть. Онъ вдругъ почувствовалъ какъ-бы сильнѣйшую боль въ груди, побѣдилъ и крѣпко прижалъ руки къ сердцу. Всѣ тогда встали съ мѣстъ своихъ и устремились къ нему; но онъ, хоть и страдающій, но все еще съ улыбкой взирая на нихъ, тихо опустился съ кресель на полъ и сталъ на колѣни, затѣмъ склонился лицомъ ницъ къ землѣ, распростеръ свои руки и, какъ-бы въ радостномъ восторгѣ, цѣлуя землю и молясь (какъ самъ училъ), тихо и радостно отдалъ душу Богу. Извѣстіе о кончинѣ его немедленно пронеслось въ скитъ и достигло монастыря. Ближайшіе къ новопреставленному и кому слѣдовало по чину стали убирать по древлему обряду тѣло его, а вся братія собралась въ соборную цер-

ковь. И еще до разсвѣта, какъ передавалось потомъ по слухамъ, вѣсть о новопреставленномъ достигла города. Къ утру чуть не весь городъ говорилъ о событіи, и множество гражданъ потекло въ монастырь. Но о семъ скажемъ въ слѣдующей книгѣ, а теперь лишь прибавимъ впередъ, что не прошелъ еще и день, какъ совершилось нѣчто до того для всѣхъ неожиданное, а по впечатлѣнію произведенному въ средѣ монастыря и въ городѣ, до того какъ-бы странное, тревожное и сбивчивое, что и до сихъ поръ, послѣ стольких лѣтъ, сохраняется въ городѣ нашемъ самое живое воспоминаніе о томъ столь для многихъ тревожномъ днѣ...

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

Оглавленіе.

БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ.

РОМАНЪ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЧАСТЯХЪ СЪ ЭПИЛОГОМЪ.

стр.

Отъ Автора 7

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Книга первая. Исторія одной семейки.

Глава I. Ѳедоръ Павловичъ Карамазовъ 9
„ II. Перваго сына спровадилъ 12
„ III. Второй бракъ и вторыя дѣти 15
„ IV. Третій сынъ Алеша 21
„ V. Старцы 29

Книга вторая. Неумѣстное собраніе.

Глава I. Пріѣхали въ монастырь 38
„ II. Старый шутъ 43
„ III. Вѣрующія бабы 51
„ IV. Маловѣрная дама 58
„ V. Бѹди, бѹди! 65
„ VI. Зачѣмъ живетъ такой человѣкъ! 74
„ VII. Семинаристъ-карьеристъ 83
„ VIII. Скандалъ 91

Книга третья. Сладострастники. стр.

Глава I. Въ лакейской 100
„ II. Лизавета Смердящая 105
„ III. Исповѣдь горячаго сердца. Въ стихахъ 109
„ IV. Исповѣдь горячаго сердца. Въ анекдотахъ 117
„ V. Исповѣдь горячаго сердца. „Вверхъ пятами“ . . . 124
„ VI. Смердяковъ 132
„ VII. Контроверза 137
„ VIII. За коньячкомъ. 142
„ IX. Сладострастники 149
„ X. Обѣ вмѣстѣ 154
„ XI. Еще одна погибшая репутація 165

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Книга четвертая. Надрывы.

Глава I. Отецъ Ѳерапонтъ 172
„ II. У отца 181
„ III. Связался со школьниками 186
„ IV. У Хохлаковыхъ 190
„ V. Надрывъ въ гостиной 196
„ VI. Надрывъ въ избѣ 207
„ VII. И на чистомъ воздухѣ 215

Книга пятая. Pro и contra.

Глава I. Сговоръ 225
„ II. Смердяковъ съ гитарой 235
„ III. Братья знакомятся 242
„ IV. Бунтъ 250
„ V. Великій инквизиторъ 261
„ VI. Пока еще очень неясная 281
„ VII. „Съ умнымъ человѣкомъ и поговорить любопытно“. 292

Книга шестая. Русскій инокъ.

Глава I. Старецъ Зосима и гости его 299
„ II. Изъ житія въ Бозѣ преставившагося іеросхимонаха старца Зосимы, составлено съ собственныхъ словъ его Алексѣемъ Ѳедоровичемъ Карамазовымъ. Свѣдѣнія біографическія.

СТР.

а) О юношѣ братѣ старца Зосимы 304
б) О Священномъ Писаніи въ жизни отца Зосимы. 307
в) Воспоминаніе о юности и молодости старца Зосимы еще въ міру. Поединокъ 313
г) Таинственный посѣтитель 319

Глава III. Изъ бесѣдъ и поученій старца Зосимы.

д) Нѣчто объ инокѣ русскомъ и о возможномъ значеніи его 331
е) Нѣчто о господахъ и слугахъ и о томъ, возможно-ли господамъ и слугамъ стать взаимно по духу братьями 333
ж) О молитвѣ, о любви и о соприкосновеніи мірамъ инымъ 337
з) Можно-ли быть судіею себѣ подобныхъ? О вѣрѣ до конца 340
и) О адѣ и адскомъ огнѣ, разсужденіе мистическое. 341

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Ѳ. М. ДОСТОЕВСКАГО,

СОСТОЯЩЕЕ ИЗЪ ЧЕТЫРНАДЦАТИ ТОМОВЪ.

Содержаніе ихъ слѣдующее:

ПЕРВЫЙ ТОМЪ: Біографическій очеркъ о Ѳ. М. Достоевскомъ, составленный *Д. С. Мережковскимъ*. Повѣсти и разсказы. Приложенія.

ВТОРОЙ ТОМЪ: Повѣсти и Разсказы.

ТРЕТІЙ ТОМЪ: Повѣсти и Разсказы.

ЧЕТВЕРТЫЙ ТОМЪ: «Записки изъ Мертваго Дома».

ПЯТЫЙ ТОМЪ: ром. «Униженные и Оскорбленные».

ШЕСТОЙ ТОМЪ: ром. «Преступленіе и Наказаніе».

СЕДЬМОЙ ТОМЪ: «Идіотъ».

ВОСЬМОЙ ТОМЪ: «Бѣсы».

ДЕВЯТЫЙ ТОМЪ: ром. «Подростокъ».

ДЕСЯТЫЙ ТОМЪ: «Дневникъ Писателя», помѣщавшійся въ журналѣ «Гражданинъ» за 1873 г.

ОДИНАДЦАТЫЙ ТОМЪ: «Дневникъ Писателя» за 1876 г.

ДВѢНАДЦАТЫЙ ТОМЪ: «Дневникъ Писателя» за 1877, 1880—81 гг.

ТРИНАДЦАТЫЙ ТОМЪ: ром. «Братья Карамазовы». Томъ I.

ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ ТОМЪ: ром. «Братья Карамазовы». Томъ II.

Цѣна за всѣ **четырнадцать** томовъ — **двадцать пять рублей**, съ пересылкою **30** рублей.

Въ настоящее время вышло въ свѣтъ два тома: Тринадцатый и четырнадцатый, заключающіе въ себѣ ром. «Братья Карамазовы».

По выходѣ всѣхъ томовъ цѣна будетъ увеличена. Все изданіе будетъ окончено въ теченіи года.

Подписка принимается у издательницы, А. Г. Достоевской, Спб., Фурштадтская, д. 11, кв. 5.

Лица, желающія подписаться на это изданіе, могутъ пользоваться разсрочкою и платить при подпискѣ **пять** руб., и по **два** рубля ежемѣсячно до выплаты всей суммы.

Гг. иногородные, выписывающіе непосредственно отъ издательницы, пользуются безплатною пересылкою.

ЦѢНА ЗА ЧЕТЫРНАДЦАТЬ ТОМОВЪ **25** РУБ.

СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ **30** РУБ.

37.8.3.1
13